КОЛЛЕКЦИЯ РАССКАЗОВ

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

Врата

1 ТОМ

18+

FANZON

Врата. Коллекция рассказов. Том 1

Роджер Желязны

Аннотация
Роджер Желязны. Врата. Первый том
Предисловие составителей
Из ниоткуда. Роберт Силверберг
Прежде Амбера. Карл Б. Йоук
Рассказы и повести
- Роза для Екклесиаста
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - Бракса
- Эпилог Екклесиаста
- Бок
- И тьма жестока
- Протест мистера Фуллера
- Диета
- Проверенный метод
- Вечная юность
- Жижа
- Видимость

Молитва агностика
Мистерия
13-го мая 1937 года
Король-кактус
Сердце – кладбище
Четыре стихотворения
Всадник!
Наставники спустились на колесе огня
Чувство и чувствительность
Безлуние в Византии
По дороге в Спленобу
Последняя вечеря
Кисть Борджиа
И девять звездолетов ждут
Мир Стата – хмельная летучая мышь…
У Цирцеи свои проблемы
Кошка вылизывает шерстку
Коллекция Малатесты
Оттягиваясь на бейсболе
«Поцелуй» Родена
К меланхоличной возлюбленной
Пиявка из нержавеющей стали
Старинный огайский народный бабах
Двери лица его, пламенники пасти его
Ужасная красота
Как стихи значат

Монолог для двоих
Концерт
Льдовековье
Врата провидца
Харт Крейн…
Южный Крест
Я раньше думал строчками, которые вовсе не равнялись направо
Музейный экспонат
Хюбрис, или Опасность вершин
Мое есть царство
Св. Секер
В гараже Фелени
Перстень царя Соломона
Ответ чернокожего мальчика Уильяму Батлеру Йейтсу
Белая ворона
Весна священная
Великие неспешные короли
Страсть коллекционера
У ночи есть 999 глаз
Декада плюс один о розах
Придающий форму
Еще увидимся, возможно…
Публицистика
Разрозненные заметки о классификации диббу-

ков и тому подобном
«…И зовите меня Роджер»
Редкости
Выплата под условием
Рука хозяина
Великий шелки залива Сан-Франциско
Упражнения в спасибтельстве
История публикаций
Благодарности

Аннотация

Первый том полного собрания рассказов Роджера Желязны, в который вошли ранние произведения автора – с начала карьеры до середины 1960-х годов. Этот том показывает писателя в период дерзких экспериментов, благодаря которым сформировался его уникальный голос.

Тексты в этом собрании сопровождаются комментариями редакторов, а также словами самого Желязны – фрагментами из его многочисленных эссе, где писатель рассказывает, как он создавал те или иные произведения и какими воспринимал их спустя годы. Также в состав тома входит первая часть биографии Роджера Желязны.

Роджер Желязны
Врата
Первый том

Roger Zelazny
THE COLLECTED STORIES
THRESHOLD
Vol. 1
Copyright © 2009 by Amber Ltd. LLC
“Out of Nowhere” © 2009 by Agberg, Ltd.
“Before Amber” © 2009 by Carl B. Yoke
“ ‘…And Call Me Roger’: The Literary Life of Roger Zelazny, Part 1”
and story notes © 2009 by Christopher S. Kovacs, MD
Frontispiece Portrait © 1972 by Jack Gaughan
Dust jacket illustration © 2009 by Michael Whelan (www.MichaelWhelan.com)
© Р. Демидов, перевод на русский язык, 2026
© Н. Караев, перевод на русский язык, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Предисловие составителей

Данное шеститомное собрание включает в себя всю известную малую прозу и поэзию Желязны, три фрагмента знаковых романов, подборку эссе и несколько редкостей.

Многие рассказы и стихотворения сопровождаются разделом «Слово Желязны», в котором автор размышляет о предшествующей работе. Также многие из них сопровождаются примечаниями, в которых разъясняются имена, литературные аллюзии и редкие слова. Хотя вы, несомненно, получите удовольствие от творчества Желязны и без примечаний, они помогут даже опытному читателю открыть для себя новые слои в его работах.

Моим намерением уже долгое время было писать истории, которые можно воспринимать на множестве уровней, от простых до сложных. Я считаю, что они должны приносить удовольствие просто как истории… даже тем, кто не может распознать ни одной аллюзии.

(Роджер Желязны, цитируется по книге Джейн М. Линдсколд «Роджер Желязны»)

После названия каждого произведения мелким шрифтом дается информация о первой публикации (дата и источник) в случае издававшихся работ и (иногда приблизительная) дата написания в случае неиздававшихся. Также мелким шрифтом могут даваться имя соавтора, альтернативные названия работ и полученные ими премии. Рассказы, входящие в циклы, отмечены значком §, за которым следует название цикла или имя главного героя.

Дэвид Д. Граббс, Кристофер Ковач, Энн Кримминс

Из ниоткуда
Роберт Силверберг

Он возник из ниоткуда. Ему самому, должно быть, так не казалось, но так определенно казалось мне: блестящий новый писатель со странной фамилией внезапно наполнил пресные фантастические журналы начала шестдесятых поразительными, незабываемыми рассказами, совершенно не похожими на то, что кто-либо (даже Брэдбери, даже Старджон, даже Фриц Лейбер) публиковал в этих журналах прежде.

Впервые читатели фантастики столкнулись с творчеством Роджера Желязны в 1962 году, в августовском номере *Fantastic* — непримечательного и давно забытого журнала, платившего по пенни за слово. Это был рассказ длиной всего в восемь сотен слов, назывался он «Всадник!», и вот как доселе неизвестный двадцатипятилетний автор его начал:

> Когда он был громом в холмах, селяне видели жатвенные сны за закрытыми ставнями. Когда он был лавиной стали,

скот начал мычать – скорбно, глубоко, – а дети расплакались во сне.

Он был сотрясающим землю стуком копыт, его броня – темной скатертью с россыпью украденных с ночного неба серебряных монет, когда селяне проснулись с осколками странных снов в головах. Они бросились к окнам и распахнули ставни.

И он въехал на узкие улочки, и никто не мог разглядеть его глаз за забралом шлема.

Этот текст поет, поет вычурно. Метафоры кувыркаются друг через друга: «когда он был громом в холмах», и «когда он был лавиной стали», и «он был сотрясающим землю стуком копыт», и «его броня — темной скатертью с россыпью серебряных монет, украденных с ночного неба». Когда ему хочется, построение предложений становится идиосинкратическим: «видели жатвенные сны», маленький окказионализм, в подобных которому мы очень скоро научились узнавать фирменный прием Желязны. Все здесь ярко и броско, все яростно живет, все романтично и эмоционально, и мы с головой погружаемся в

странную, драматичную, фантастическую ситуацию, мгновенно переносящую нас в мир сэра Ланселота, а может, Шахерезады. В первых же строках своего первого опубликованного рассказа Желязны объявил о своем присутствии среди нас и продемонстрировал нам, каким он будет писателем.

В том же месяце появился и второй рассказ, «Мистерия», уместившийся, как и первый, всего на двух страницах на этот раз августовского номера *Amazing Stories*, столь же посредственного собрата журнала *Fantastic*. Начало его написано в совершенно иной, но не менее желязновской манере:

> В конце сезона печалей настает пора ликования. Весна, точно хорошо смазанные часы, бесшумно отмечает это время. Скучных дней серости и влаги становится все меньше, а дни яркого света и прохладного воздуха возвращаются в календарь. И это хорошо, что сырые времена остаются позади, ибо из-за них наши механизмы ржавеют и корродируют; они требуют самого строгого соблюдения норм гигиены.

Здесь мы видим Желязны — поэта в прозе: об-

ратите внимание на ритмичность и певучесть этого первого предложения: «В конце сезона печалей настает пора ликования». И здесь же присутствует Желязны — лукавый шутник, который сообщает нам, что роботам, дабы избежать ржавчины и коррозии, требуется «самое строгое соблюдение норм гигиены».

Общее впечатление от «Мистерии» более тихое, не настолько фантастическое, как от рассказа «Всадник!». Манера более холодная, сдержанная, куда менее склонная к риторической эффектности. Желязны дает нам сравнения вместо метафор; он дает нам научно-фантастические образы — уязвимую для ржавчины машинерию — вместо средневековых селян и закованного в броню чужака из первого рассказа. В этом абзаце есть сила, в нем есть парящая индивидуальность видения. По прошествии времени в обоих рассказах очевидна рука Желязны, однако в рамках своего невеликого объема они достигают совершенно разного эффекта.

Пришлось бы очень внимательно изучить эти два крошечных рассказика, когда они были опубликованы впервые, чтобы понять, что они возвещают о появлении в наших рядах мастера прозаической техники и образцового рассказ-

чика. Сомневаюсь, что многие пришли к такому заключению на основании всего двух небольших текстов, хотя Сил Голдсмит, инициативный редактор, принявшая их к публикации в *Amazing* и *Fantastic*, наверняка была довольна своей находкой. (В 1962 году она напечатала еще две небольшие вещицы Желязны: «Наставники спустились на колесе огня» в *Fantastic* и «Безлуние в Византии» в *Amazing*.) Но постепенно, в течение следующего года, Желязны дал нам понять, что это именно так, опубликовав в двух журналах Голдсмит еще около десятка рассказов, один из которых, «И девять звездолетов ждут», своим названием сообщил тем, кто в курсе, что его автор изучал якобинскую драматургию; а затем, на случай, если кто-то еще не заметил, он опубликовал свою первую классическую работу — «Розу для Екклесиаста» — в ноябрьском номере *The Magazine of Fantasy & Science Fiction* за 1963 год. Вот ее заметили все. Она была номинирована на премию «Хьюго» («Небьюлы» тогда еще не существовало). Джудит Меррил отобрала ее для своей антологии «Лучшая научная фантастика года». А несколько лет спустя она вошла в число двадцати пяти выдающихся рассказов, включенных в первый том «Зала славы научной фантастики» (*The Science*

Fiction Hall of Fame), авторитетной антологии Ассоциации американских писателей-фантастов, заняв шестое место в списке лучших рассказов всех времен, составленном по итогам голосования членов ассоциации. Она была единственной представительницей современной фантастики в книге, в основном состоявшей из классики тридцатых и сороковых годов и не включавшей в себя больше ни одного рассказа, напечатанного после 1956 года. С тех пор «Розу» переиздавали бессчетное количество раз.

(Стоит отметить, что «Роза», как стало известно десять лет спустя, на самом деле была написана где-то *за год* до первых профессиональных публикаций рассказов Желязны. Его друг Томас Монтелеоне в своей магистерской работе 1973 года, посвященной творчеству Желязны, сообщил, что тот не сразу предложил ее к изданию, потому что думал, будто недостаточная научность сделает ее мишенью для критических насмешек. Так что это был не внезапный скачок на новый уровень мастерства; автор всех этих крошечных рассказиков, печатавшихся в *Amazing* и *Fantastic*, с самого начала был способен на такие значительные произведения.)

После «Розы для Екклесиаста» игнорировать

его присутствие стало невозможно. В 1964 году — отягощенном для молодого писателя множеством личных неудач — он напечатал лишь одну выдающуюся работу, «Сердце — кладбище», зато 1965-й принес с собой лавину блистательных повестей и романов — «Придающий форму», «Двери лица его, пламенники пасти его», «…И зовите меня Конрад» и множество, множество других — снискавших ему невероятное признание и, в конечном итоге, целую полку премий «Хьюго» и «Небьюла». (В 1966 году, когда появилась «Небьюла», Желязны ушел с церемонии с двумя из пяти врученных наград, за «Придающего форму» как за лучшую повесть и за «Двери лица его…» как за лучшую короткую повесть. Ему не исполнилось еще и тридцати.) Казалось, будто он повсюду, и его работы нельзя было назвать иначе, нежели поразительными. К тому времени, когда его опубликованный в 1967 году роман «Князь Света» завоевал «Хьюго», лишь на волосок разминувшись с «Небьюлой», Желязны уже причисляли к мастерам жанра. Не думаю, что хоть кого-то из писателей того времени, за возможным исключением столь же оригинального и одаренного Сэмюэла Р. Дилэни, с таким же рвением обсуждали и анализировали коллеги.

Ни один здравомыслящий человек и подумать не мог изучать работы Желязны с намерением их имитировать, поскольку голос его был настолько уникален, что любой, кто позаимствовал бы его метод, сумел бы выдать в лучшем случае пастиш. Однако его реактивная повествовательная манера, а также сила и изощренность его стилистики заслуживали внимательного прочтения всеми, кто надеялся оставаться в курсе происходившего в то захватывающее, экспериментальное время.

За последующие десятилетия он издал целый ряд романов — «Остров мертвых», «Долина проклятий», «Сегодня мы выбираем лица», «Порождения света и тьмы» и другие, включая популярный многотомный Амберский цикл. Несмотря на это, он продолжал время от времени писать рассказы и повести и снова и снова, почти до самого конца своей карьеры, завоевывать «Хьюго» и «Небьюлы» за лучшие из них — в общей сложности на момент его смерти в возрасте 58 лет в 1995 году на счету этого потрясающе талантливого, любимого и оплакиваемого мастера научной фантастики и фэнтези было три «Небьюлы» и шесть «Хьюго».

Смерть Роджера вызвала сильнейшее ощущение потери у всех, кто читал его книги или был

его другом. Я принадлежал к обеим этим группам. Как читатель и коллега, я всегда буду помнить впечатление, произведенное и теми ранними выдающимися рассказами, и более поздними его вещами, опубликованными в последующие десятилетия. Поэтому я скучаю по автору «Розы для Екклесиаста», «Кладбища сердца», «…И зовите меня Конрад» и всех прочих чудесных историй, остро осознавая, что мы так и не узнаем, какие еще чудеса изобретательности зрели в его плодородном уме.

Но также он был и моим другом, и даже теперь, спустя столько лет после его смерти, мне больно понимать, что я никогда больше не услышу его тихий голос, не увижу эту лукавую улыбочку. Пятьдесят восемь лет — слишком ранний возраст для смерти, особенно такого энергичного, бодрого, полного жизни и творческой энергии человека, которым до конца оставался Роджер. Я дружил с ним тридцать лет и надеялся продружить еще тридцать, но теперь этому не бывать. За все эти три десятка лет я ни разу не слышал от него ни о ком дурного слова. (Равно как не слышал ни от кого дурного слова *о нем.*) Он был спокойным, мягким человеком, человеком большого терпения, великого благодушия

и теплой доброжелательности; я усвоил это на собственном опыте после того, как чрезвычайно пунктуальный Роберт Силверберг дважды на час опоздал на обед с ним во время двух разных визитов в Санта-Фе, где Роджер жил с 1975 года. Для каждого опоздания была своя дурацкая причина, в одном случае связанная с перепутанными часовыми поясами, а в другом — со сломанными наручными часами. И каждый раз Роджер встречал мое опоздание с юмором и обаянием, как будто мои постоянные часовые опоздания на обед — это неотъемлемое свойство вселенной, и причин возмущаться ими существует не больше, чем открытием, что вода не может течь вверх по склону. Это было для него совершенно типично. Вне всякого сомнения, в его жизни случались и моменты гнева; но свидетелем их я не был ни разу.

Роджер был радостным человеком во всех смыслах этого слова. Это ощущение заразительной радости проглядывает во многих историях, собранных в этой книге. Этот многотомник — памятник ему. Я бы, конечно, предпочел, чтобы он до сих пор был жив, а памятник подождал; но вселенная не предоставляет нам выбора в таких вопросах, и мы должны быть рады хотя бы тому,

что Роджер Желязны провел среди нас эти пятьдесят восемь лет и оставил после себя это яркое собрание историй, которое будет услаждать нас без конца.

Прежде Амбера
Карл Б. Йоук

Я метнул камень в солнце, садящееся в озеро Эри, и мы начали считать. Двадцать один, два, три, четыре, пять, шесть — а потом камень булькнул и ушел под оранжевую стеклянистую воду.

— Черт, — сказал я и посмотрел на него.

— Не так хорошо, как мои тридцать два, — поддразнил он меня.

— Я тебя еще догоню.

— Ни за что.

Видеть в сгущающейся темноте было трудно, однако мы твердо решили найти еще камней для игры в «блинчики», поэтому он двинулся по пляжу в одну сторону, а я в другую. Хороших нам попалось немного, потому что мы уже провели здесь полчаса.

Пляж был замусорен пустыми пивными бутылками, плавником, старыми покрышками, пеплом от костров, мертвыми рыбами и использованными презервативами. А еще на нем была куча штуковин, которые мы не могли опознать и не собирались брать в руки.

Я отбросил ногой от ветки что-то похожее на оторванный от белой юбки лоскут и увидел кусок серого сланца. «Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — подумал я. Он был идеален — обточен до гладкости волнами озера Эри, нужной мне толщины и дюйма три в диаметре. Я взял его, обтер о штанину джинсов и несколько раз взвесил в ладони, примериваясь к броску.

И тут я услышал:

— Йоук! Йоук! Иди сюда!

Я обернулся. Роджер стоял где-то в тридцати футах от меня и махал рукой.

— Смотри, что я нашел!

В темноте я не мог разглядеть почти ничего и поэтому подбежал к нему.

— Ты только посмотри на это! — начал он, тыча пальцем в разлагающуюся рыбу длиной дюймов десять. Она была безглаза и покрыта песком, и по ней бегали насекомые.

— Она подошла бы идеально, — сказал он с широкой ухмылкой. — Вместо тех двух малявок.

Я рассмеялся. Я знал, что он имеет в виду. Он тоже засмеялся, а я повернулся и метнул свой камень в закат. Камень скакал, как обожравшийся сладостей шестиклассник, и я пожалел, что не начал считать «блинчики» с самого начала,

потому что он проделал очень долгий путь.

Но это уже не имело значения; мы успели увлечься чем-то другим. Мы заново переживали последние несколько дней девятого класса в средней школе Шор. Мы планировали сделать так, чтобы в классной комнате на втором этаже восточного крыла возникла жуткая вонь. Она не выветрится оттуда большую часть лета — две дохлые рыбы в одной из «навечно» закрытых парт это гарантируют; «подарочек» с пляжа в конце 222-й Восточной улицы для мистера Уилсона. Это была его классная комната, и мы намеревались с ним посчитаться.

Начало этому плану положил случай, когда Роджер, сидевший на первом ряду на уроке истории, который вел мистер Уилсон, эпически чихнул. Мы все впали в истерику, ведь чих был настолько мощный, что на доске от него остались мокрые пятнышки. Мистера Уилсона, чей рассказ о бое между «Монитором» и «Мерримаком» прервал Роджер, это застало врасплох и вовсе не позабавило. И хотя Роджер извинился и сказал, что ничего не мог поделать, потому что его одолела аллергия, мистер Уилсон посчитал необходимым его наказать. Что еще более важно, он знал, что ему нужно снова утихомирить класс. Поэтому он

постановил, что Роджер должен написать о бое, рассказ о котором явно игнорировал, сочинение на пятьсот слов и выступить с ним перед классом на следующий день.

Роджер счел это жутко несправедливым, но на следующий день, когда мистер Уилсон вызвал его к доске, он был готов. С чуть нервозным, но совершенно серьезным видом он взял в руки пару тетрадных листков и начал читать: «”Монитор” заметил “Мерримака” первым и выстрелил: бах, бах, бах, бах, бах, бах, бах…» — и так далее. На середине сочинения «Мерримак» открыл ответный огонь: — «бах, бах, бах…» До конца Роджер так и не дочитал. Мистер Уилсон был в ярости. Ученики катались по полу от хохота.

Мы продолжали смеяться, пока Уилсон тащил Роджера по коридору в кабинет директора, где ему прочитали лекцию и велели написать о знаменитом бое серьезное сочинение длиной в тысячу слов и выступить с ним перед классом на следующий день. На этот раз он сделал все, как было велено, но, хотя мы пытались не смеяться, периодически хохотки вырывались наружу.

Эти события случились взаправду, но они — не просто теплые воспоминания. Это окна в мою дружбу с Роджером и краткие зарисовки ранних

этапов развития его характера.

Мы знали, что месть «лучше подавать холодной», однако следовали более высокому кодексу чести, поэтому так и не воплотили в жизнь те планы, что могли навлечь на нас настоящие неприятности. Мы никогда бы не сделали ничего незаконного, аморального или неэтичного. К тому же планирование — самая веселая часть подобных авантюр.

Первый анекдот демонстрирует два важных аспекта наших отношений. Во-первых, мы постоянно обменивались идеями, а во-вторых, постоянно приятельски соревновались; мы были из тех друзей, которые вечно бросают друг другу перчатку». Мы сравнивали, кто принесет больше новой информации для обсуждений; состязались, кто первым достигнет земли, забравшись на скалу Морроу в Калифорнии и сбежав по склону, лучше себя покажет в тестах на интеллект или уровень подготовки, завоюет следующую награду. По мере взросления эти «соревнования» способствовали нашему личностному росту.

Мы всегда показывали примерно равные результаты, но независимо от того, чем конкретно заканчивалось то или иное состязание, наши отношения основывались исключительно на

взаимном восхищении, а не на зависти. Верность и уважение тоже всегда были их частью.

Роджер был моим самым дорогим и самым давним другом. Ко дню его смерти, 14 июня 1995 года, я знал его дольше, чем кого бы то ни было на свете, за исключением моей мамы. Мы буквально могли заканчивать мысли друг друга.

Наша дружба началась более чем за полвека до этого в школе Ноубл города Юклид в штате Огайо. Хотя ходят устойчивые слухи, что мы сидели за одной партой в первом классе, на самом деле это не так. В первый год обучения я знал его по игровой площадке, но учились мы в разных классах. Он казался мне «странным ребенком». А вот во втором классе мы и вправду сидели за одной партой, потому что шла война, и ни один город не тратил деньги на школы. И когда я пришел во второй класс к миссис Фарбер, то очутился по соседству с тем самым «странным» мальчишкой по имени Роджер Желязны. Эта парта, как оказалось, была идеальной метафорой.

Наше знакомство не сразу сделалось близким. Он был закрытым и застенчивым. Но когда наша учительница узнала, что в чтении мы опережаем весь остальной класс, она отправила нас в библиотеку, чтобы мы читали что захотим. Я

интересовался мифами, легендами и сказками. А библиотека школы Ноубл была сокровищницей — собственно говоря, все школьные библиотеки Юклида были для своего времени превосходными. Но казалось, что всякий раз, когда я отправлялся на поиски конкретной книги, ее уже успевал увести этот Желязны. То же самое касалось и обычных детских книг — «Доктора Дулиттла», «Алисы в Стране чудес» и «20 000 лье под водой». В конце концов мы с Роджером начали соревноваться в том, кто больше прочитает. Наши похвальбы друг перед другом переходили в обсуждения не только книг, но и других вопросов, забот и интересов.

А потом как-то раз — это было в четвертом или пятом классе — когда я уже направлялся домой, Роджер вручил мне пару сложенных тетрадных листочков и попросил прочесть. Я кивнул, сказал что-то в духе «ладно» и засунул их в карман — я был любителем прогулок, и мне предстояло исследовать множество миров: два таинственных леса, несколько прудов и ручьев, полных рыбы и головастиков, и пару полей, кишащих мышами, любопытными жуками и ужами. Я вспомнил о «записке» Роджера лишь когда закончил с уроками. Тогда я достал ее из кармана куртки и

начал читать.

Это было длинное рифмованное стихотворение, озаглавленное «Монстр Йоук», и в нем я изображался огромным, волосатым, вонючим чудищем, которое скакало по деревьям, как обезьяна, любило плескаться в воде, но никогда по-настоящему не мылось, и ело маленьких мохнатых зверюшек, мерзких жуков и сбитых машинами животных.

Я очень разозлился. И после первой же строфы решил, что завтра на переменке побью Роджера. Я рос в бедном районе и часто дрался — так мы разрешали споры. Мы знали, кого можем побороть, а от кого стоит держаться подальше. Наркотиков и оружия у нас не было. Но мы были суровыми ребятами — мы пили, курили и иногда занимались сексом. А потом случилось кое-что странное. Хоть я и был зол, Роджер мне нравился, поэтому я подобрал листки и продолжил чтение. И вскоре, сам того не желая, начал смеяться. Стих был по-настоящему забавным.

Поэтому я успокоился и через несколько дней принес в школу достойный ответ — «Монстра Желязны». Мое стихотворение тоже было забавным, но куда более злым и противным. Так родилась парочка персонажей, поселившихся в «Рассказах из Архива», — и крепкая дружба, продлившаяся

больше половины века.

Когда мы начали писать, у нас быстро появились правила, привычки и порядки. В рассказах могло происходить все, что не нарушало продуманную основополагающую мифологию; персонажи сделались симпатичными, дружелюбными и не такими страшными, а истории должны были содержать мягкий юмор.

«Рассказы из Архива», которые мы писали поочередно, повествовали о приключениях и злоключениях Ёка и Жляза, двух почти бессмертных монстроподобных созданий, принадлежащих к малоизвестному земному виду и обитавших в катакомбах ниже Парижа, но выше Ада, возле города под названием Люцетания.

По мере развития персонажей развивалась и мифология Люцетании. Ёк и Жляз отличались неутолимым аппетитом. Они много ели и необычайно долго спали. Они были крайне умны, восхитительно изобретательны и невероятно любопытны. У них было отличное чувство юмора.

Моны (сокращение от слова «монстр» и одновременно искажение слова «man», «чувак» или «человек») не любили работать, если дело не касалось их интересов и хобби. Но поскольку они были крайне сообразительными (или во всяком

случае казались такими), правитель Люцетании (През) с помощью шантажа и несоразмерных вознаграждений постоянно убеждал их отправляться на задания, за которые не брались другие его агенты. Государству вечно угрожали силы Преисподней и ее многочисленных союзников. Задания почти всегда касались также спасения людей и иных существ на поверхности. Спасение людей было невольным следствием спасения Люцетании, поскольку моны, как правило, находили их невежественными и скучными и потому игнорировали. В более поздних историях, написанных в более поздние годы, угрозы безопасности Люцетании сделались более сложными и иногда исходили от инопланетян.

Ёк и Жляз были ленивы, часто пьяны (поскольку в огромных количествах поглощали местный напиток под названием «зипена») и чрезмерно похотливы. С точки зрения законов Люцетании они были довольно подозрительны, но ввиду их полезности для През их сомнительные деяния игнорировались или прощались. Раз за разом они, казалось бы, чудом спасали город, но в процессе становились причиной сильных разрушений. Это был их фатальный изъян. И тем не менее они были лучшими агентами Люцетании.

Они никогда не терпели неудач — не потому, что на самом деле были самыми сообразительными или самыми талантливыми, но потому, что вдобавок к находчивости и уму обладали немалой везучестью, которую называли «колоссией» (от слова «колосс»).

Монстры были нестрашными, а сюжеты часто вращались вокруг недостатков героев. При всей своей мозговитости Ёк и Жляз часто бывали наивны и не замечали очевидного. Например, в одном рассказе Жляз отправился в долгое космическое путешествие, но забыл заправить свой звездолет и потерпел крушение на необитаемой планете. В другом рассказе Ёк использовал неправильное заклинание и обратил в камень огромного динозавра с гребнем на спине; в конце концов этот динозавр был погребен и стал ныне знаменитой скалой в национальном парке Западной Виргинии.

Поскольку приемлема была почти любая тема, каждый новый рассказ одного из авторов бросал второму вызов. Если я привносил в «Архив» новую переменную, Роджер обязан был принять ее и обыграть, расширив или модифицировав, или же объяснить таким образом, чтобы она не противоречила мифологии. Игнорировать ново-

введение попросту запрещалось.

Ёк и Жляз развивались по мере нашего взросления и отражали то, как мы видели себя в старшей школе и университете. Сюжеты рассказов основывались на том, что мы знали или узнавали. А наше бесконечное любопытство, эклектичные вкусы и стремление обставить друг друга делали рассказы «необычными». Частью удовольствия от их написания было логично внедрить в сюжет то, что мы увидели, услышали или прочитали. Источники бывали самыми разнообразными, от комиксов до философских работ, но особенно часто это были мифы, легенды и сказки. Фильмы, телесериалы, газетные комиксы, поп-, а позднее и фолк-музыка также быстро оказывали влияние на наше мышление.

Темами рассказов становились взросление, развлечения, игры, любопытство, бессмертие и отношения с девушками — помимо прочего. Вещи часто оказывались не тем, чем казались, что удивляло читателя и создавало напряжение. Форма и хаос — в том смысле, что ничего никогда не уничтожалось окончательно — пронизывали собой всю мифологию. Почти с самого начала мы сообразили, что форма всегда рождается из хаоса, потом развивается, а погибая, становится

частью какой-то новой формы: создание, разрушение, воссоздание. Ничто во вселенной не пропадало; оно просто преображалось. В ней была стройность и какое-то подобие логики и здравого смысла, которое не только притягивало нас, но и успокаивало.

Это, разумеется, не гарантировало, что отдельные сознания будут существовать вечно. Однако Роджер верил, что пережил астральную проекцию. С его точки зрения, это подтверждало существование иной реальности и говорило о том, что индивидуальное сознание действительно может существовать после смерти физического тела.

Вот так мы в начале пятидесятых создавали то, что позднее станет называться «межавторским циклом». Мы делали то, что в рекламной индустрии называют «трансформацией образа» — чем-то подобным занимался в журнале *New Yorker* Чарльз Аддамс.

Мы почти никогда не писали в подлинном соавторстве. Я могу вспомнить лишь один такой случай. Он касался создания двух учебных газет для занятия по журналистике в одиннадцатом классе. Мы создали «Марсианскую хронику» и «Венерианский вестник». Мы написали для них шуточные статьи, сделали макет страниц,

а вместо фотографий нарисовали и раскрасили картинки.

Мифология Люцетании отражала тех, кем мы тогда были (или притворялись), и развивалась главным образом благодаря событиям, происходившим в нашей реальной жизни. С какой бы проблемой мы ни сталкивались, один из нас всегда владел нужной информацией, отыскивал нужную информацию, натыкался на нужный адрес, находил нужный инструмент, вспоминал статью или связывался с нужным человеком, чтобы эту проблему решить. Например, в старших классах мы были бутафорами в школьной постановке пьесы «Замечательный Крайтон». Мы частенько вызывались выполнять задания за пределами школы, потому что так у нас появлялся законный повод уйти пораньше. У Роджера был «форд» 1950 года, и мы хорошо умели превращать двадцатиминутную поездку за каким-нибудь предметом мебели в часовую — а то и больше, — с передышкой в юклидском кафетерии за шоколадными коктейлями.

Случилось так, что в день премьеры у нас все еще не хватало маленькой, но необходимой оттоманки. Ее хозяева были в отпуске, но обещали, что вернутся вовремя. Мы не знали, что делать,

и поэтому ошивались в школе, пытаясь быть полезными. Наконец режиссер сообщил нам, что хозяева оттоманки вернулись и если мы поторопимся, то успеем ее привезти до начала спектакля.

Хотя было уже темно, сначала все шло хорошо. Мы нашли дом в районе, который теперь называется Ричмонд-Хайтс, погрузили оттоманку в машину и поехали обратно к школе. Съезжая с холма на Ричмонд-Роуд, мы увидели, как опускается шлагбаум перед железной дорогой на 160-й улице и загораются красные огни семафора. Роджер быстро достиг переезда, остановился и подождал. Мы ничего не увидели, поэтому спустя разумный промежуток времени Роджер привел машину в движение, обогнул шлагбаум и выехал на рельсы. Разумеется, машина заглохла. Он отчаянно пытался ее завести, но мотор отказывался работать.

Минула долгая минута, и мы услышали гудок поезда. С востока выворачивал локомотив. Зазвенел предупреждающий сигнал, замигали красные огни, и я потянулся к ручке пассажирской двери, чтобы выскочить наружу. И тут мы оба вспомнили, что у «форда» Роджера механическая коробка передач.

— Толкаем! — почти одновременно завопили мы. Роджер вдавил педаль сцепления. Машина сделала рывок вперед. Он снова вдавил педаль, и машина снова рванулась. Наконец мы съехали с рельсов, вручную протолкали машину вокруг шлагбаума и выслушали множество комментариев относительно нашей безмозглости от взрослых, ехавших в другую сторону.

Мы снова сели в машину, и Роджер опять попробовал ее завести. Мотор заработал. Мы доставили оттоманку в школу к началу спектакля.

Нам очень везло — а может, мы были очень хороши. В шестом классе я победил в региональном конкурсе сочинений, позже — получал стипендии за научную работу, а еще позже — национальные премии. В средней школе я публиковал в *Euclid News Journal* заметки о спорте, а в старшей — выиграл конкурс рассказов, проводившийся школьным литературным журналом. Роджер победил в том же конкурсе годом раньше и завоевал еще несколько литературных наград, учась в Кейсовском университете Западного Резервного района. Но самый большой его прорыв случился, когда Сил Голдсмит выловила из самотека «Мистерию» и поняла, что открыла уникальный талант. Под ее внимательным на-

ставничеством наружу вышли все лучшие черты творческой манеры Роджера.

По причинам, которые я так и не смог вычислить (мы принадлежали к очень разным культурам), у нас были весьма схожие вкусы. Мы читали, среди прочего, «Пого», «Малыша Абнера», «Фантома», «Терри и пиратов», «Попая» и «Принца Валианта», слушали по радио «Капитана Полночь», «Джека Армстронга, американского парня», «2000 плюс», «Есть пистолет — готов путешествовать», «Святая святых», «Бостонского Блэки», «Зеленого Шершня», «Приключения Сэма Спейда», «Тень» и входившую в число наших фаворитов «Я люблю тайны» с Джеком, Доком и Реджи. По телевизору мы смотрели «Мистера Пиперса», «Смелую затею», «Космического кадета», «Капитана Видео» и еще несколько передач. Мы следили за приключениями Тарзана, Брика Брэдфорда, Флэша Гордона и Бака Роджерса в нескольких медиа и читали авторов, писавших в то время научную фантастику и фэнтези — Азимова, Хайнлайна, Брэдбери, Уильямсона, Лейбера, Каттнера, Мур, Гамильтона, Брэкетт, Хаггарда, Меррита и Лавкрафта — а также исследователей мифологии, в первую очередь Буллфинча и Кэмпбелла. Обнаружив, что в аптеке Мосса про-

даются палповые журналы, мы стали покупать *Imagination, Amazing, Other Worlds, Planet* и другие, открывавшиеся и закрывавшиеся. Мы изучали и обсуждали «Я помню Лемурию» Ричарда Шейвера, гипноз, наркогипноз, йогу, астральную проекцию, розенкрейцерство и прочие экзотические темы.

И всегда читали классиков прозы, драматургии и поэзии.

Однако в отношениях с большинством соучеников мы парадоксальным образом чувствовали себя аутсайдерами. «Парадоксальным образом» — потому что мы оба редактировали школьную газету, и относились к нам хорошо. Я был членом кабинета старшеклассников и оргкомитета выпускного вечера. Роджер входил в совет учеников. Я был членом команды по плаванию. Мы завоевывали литературные призы. Мы ходили на свидания и школьные балы. Но мы попросту обнаружили, что, за редкими исключениями, нас увлекает не то, что увлекало наших одноклассников; наши интересы были куда шире.

Мы разделяли «тревоги» пятидесятых: холодная война, атомные бомбы, цензура. Из-за Маккарти и Никсона нам обоим пришлось дать

подписку, что мы не являемся и никогда не являлись коммунистами — мы ведь школьную газету выпускали, черт побери.

Нас всегда заботили гуманность и человечность. Люди, с которыми знакомился Роджер, были искателями приключений; их следовало изучать, у них следовало учиться. Идеи, темы и персонажей — позаимствованных не только из его личного опыта, но и из других литературных работ, — надлежало подробно исследовать, понять и новыми способами вводить в новые истории. Какими бы разнообразными ни были идеи — такие, как Вечный Жид, кэрролловская Алиса, зеркала, тени, бессмертие, Шекспир, — он переписывал их, чтобы они работали на его сюжеты. «Шропширский парень» А. Э. Хаусмана служит превосходным примером подобной творческой изобретательности. Желязны блестяще переработал идеи из частей XXXII и XXXIII для своей повести «Я только вздоха жду», создав в ней новый взгляд на понятие человечности.

Его гениальность заключалась в способности делать это исключительно хорошо.

Критики знают, что великие истории нуждаются в великих сюжетах, великих персонажах и великих идеях, но самые лучшие работы Желяз-

ны превосходят даже это. Его лучшие рассказы лаконичны и строги — важно каждое слово и каждый образ — и содержат в себе глубокие замечания о том, что значит быть человеком; они отличаются поэтическим видением и рассказаны поэтичным языком. Те, кто читает их, навсегда пленяются их красотой.

Я уверен, что многие из его историй являются великой литературой, — к примеру, «Мужчина, любивший фейоли», «Машина в средоточии души», «Вечная мерзлота», «Ключи к Декабрю». «24 вида горы Фудзи кисти Хокусая», «Двери лица его, пламенники пасти его» и «Князь света».

Критик Джо Сандерс однажды написал: «Значительным писателем Желязны делает не только то, что он уже написал, но и то, что он *может* написать» [1]. В то время как мы оглупляем западную культуру и заполняем мир вторичными и предсказуемыми историями, я, например, очень скучаю по его творческому гению.

---

[1] Примечания: 1

Джо Сандерс, «Незаконченное дело» (Unfinished Business), в книге «Голоса Будущего: эссе о выдающихся писателях-фантастах» (*Voices for the Future: Essays on Major Science Fiction Writers*), т. 2, *ред*. Т. Д. Клэрсон, *Popular Press*, 1979 г., стр. 180–196 и стр. 205–207.

Рассказы и повести

Роза для Екклесиаста

The Magazine of Fantasy & Science Fiction, ноябрь 1963 г. Номинация на премию «Хьюго» 1964 г. (рассказ). № 3 в списке лучших фантастических произведений всех времен по мнению читателей журнала Locus, 1999 г. (короткая повесть). № 5 в списке лучших фантастических произведений всех времен по мнению читателей журнала Locus, 1971 г. (малая проза). Шестой величайший НФ-рассказ всех времен по версии антологии «Зал славы научной фантастики, часть первая». *The Science Fiction Hall of Fame, Volume One*, 1970 г.

I

В то утро, когда меня сочли достойным, я переводил один из своих «Макабрических мадригалов» на марсианский. Интерком коротко прожужжал, и я слитным движением уронил карандаш и щелкнул тумблером.

— Мистер Г., — пропело юное контральто Мор-

тона, — старик велел мне немедленно «изловить этого чертова зазнавшегося рифмача» и направить в его каюту. Поскольку чертов зазнавшийся рифмач у нас только один…

— Пусть Честолюбье твой труд без презренья приемлет, — оборвал я его.

Итак, марсиане наконец-то приняли решение! Я стряхнул полтора дюйма пепла с тлеющей сигареты и сделал первую затяжку с тех пор, как ее зажег. Целый месяц предвкушения изо всех сил пытался втиснуться в единый момент, но у него не очень-то получалось. Я боялся пройти эти сорок футов и услышать, как Эмори произносит те слова, которые — я уже это знал — он произнесет; и это чувство оттесняло другое на второй план.

И поэтому я сначала закончил ту строфу, которую переводил, а уже потом встал.

Путь до двери Эмори занял всего мгновение. Я дважды постучал и открыл ее, как раз когда он прорычал:

— Заходи.

— Вы хотели меня видеть? — Я быстро сел, чтобы он не утруждал себя предложением присаживаться.

— Быстро ты. Бежал, что ли?

Я созерцал его родительское недовольство:

Сосудистые звездочки под бледными глазами, редеющие волосы и ирландский нос; голос на децибел громче, чем у кого бы то ни было…

Гамлет — Клавдию:

— Я работал.

— Ха! — фыркнул он. — Ври больше. Никто никогда не видел, чтобы ты этим занимался.

Я пожал плечами и начал вставать.

— Если вы меня за этим сюда позвали…

— Сядь!

Он встал. Он обошел стол. Он навис надо мной и злобно зыркнул сверху вниз. (Непростой трюк, даже когда я сижу в низком кресле.)

— Ты, без сомнения, самый склочный ублюдок, с которым мне приходилось работать! — проревел он, как ужаленный в брюхо буйвол. — Почему бы тебе, черт возьми, хотя бы раз не повести себя как нормальный человек и всех не удивить? Я готов признать, что ты умник, может быть, даже гений, но… а, черт! — Он взмахнул руками и вернулся в кресло. — Бетти наконец-то уговорила их тебя впустить. — Его голос снова стал нормальным. — Они примут тебя сегодня днем. Возьми после обеда джипстер и отправляйся туда.

— Хорошо, — сказал я.

— Тогда на этом все.

Я кивнул, встал. И уже взялся за ручку двери, когда он сказал:

— Ты сам понимаешь, как это важно. Не веди себя с ними так, как с нами.

Я закрыл за собой дверь.

* * *

Чем я обедал — не помню. Я нервничал, но инстинктивно знал, что не облажаюсь. В моем бостонском издательстве ожидали «Марсианскую идиллию» или хотя бы что-то про космические полеты в духе Экзюпери. Национальная научная ассоциация ждала полного отчета о Взлете и Падении Марсианской империи.

Довольны будут и те, и другие. Я знал.

Вот почему мне все завидуют — почему меня ненавидят. Мне всегда все удается, и удается лучше, чем остальным.

Я закинул в рот последнюю горку размазни и двинулся в наше стойло для машин. Выгнал наружу джипстер и поехал на нем к Тиреллиану.

Всполохи песка, полного окислов железа, воспламеняли тачку. Они влетели внутрь сквозь открытый верх и прокусили мне шарф; они принялись щербить мои защитные очки.

Джипстер, раскачиваясь и пыхтя, как малень-

кий ослик, на котором я однажды ехал через Гималаи, постоянно лягал меня в пятую точку. Горы Тиреллиана, зашаркав, двинулись ко мне под косым углом.

Неожиданно дорога пошла на подъем, и я переключил скорость, чтобы унять ослиный крик мотора. «Это не Гоби, не Великая юго-западная пустыня», — подумалось мне. Сплошь красная, сплошь мертвая… и ни кактуса вокруг.

Я выехал на гребень холма, но поднял слишком много пыли и не мог увидеть, что лежит впереди. Но это не имело значения: у меня полная голова карт. Я направился влево и вниз, сбросив газ. Поперечный ветер и твердая земля уняли пламя. Я чувствовал себя Улиссом в Злых Щелях — сжимающим в руке рифмованную терцинами речь, высматривающим Данте.

Я обогнул каменную пагоду и оказался на месте.

Бетти помахала мне, когда я с хрустом остановился и выпрыгнул наружу.

— Привет, — прокашлял я, разматывая шарф и вытрясая из него полтора фунта песка. — Так чего, куда мне топать и с кем встречаться?

Она позволила себе издать краткий тевтонский смешок — скорее оттого, что я начал предложе-

ние с «так чего», нежели из-за моих страданий — прежде чем ответить. (Она первоклассный лингвист, и словечки из Сельского Лексикона до сих пор ее забавляют!)

Я ценю ее точную, насыщенную речь; информативную и все такое прочее. Куртуазных расшаркиваний я навидался столько, что мне хватит как минимум до конца жизни. Я посмотрел на ее шоколадные глаза и идеальные зубы, на ее выбеленные солнцем коротко стриженные волосы (ненавижу блондинок!) и решил, что она в меня влюблена.

— Мистер Гэллинджер, Матриарх внутри, ждет, когда вас ей представят. Она согласилась открыть архивы Храма для ваших исследований. — Здесь она сделала паузу, пригладила волосы и поежилась. Неужели мой взгляд заставил ее нервничать?

— Это религиозные документы и одновременно — единственная их историческая хроника, — продолжила она, — нечто вроде Махабхараты. Матриарх ожидает, что вы будете соблюдать определенные ритуалы при работе с ними, например, повторять священные слова, переворачивая страницы, — системе она вас обучит.

Я кивнул — быстро, несколько раз.

— Ладно, пойдем.

— Э-э… — Она замялась. — Не забудьте их Одиннадцать Форм Вежливости и Приличий. Они очень серьезно относятся к вопросам формы… и не ввязывайтесь ни в какие дискуссии о равенстве полов…

— Я в курсе всех их табу, — перебил я. — Не беспокойся. Я жил на Востоке, не забыла?

Она опустила глаза и ухватила меня за руку. Я едва ее не отдернул.

— Будет выглядеть лучше, если я вас введу.

Я проглотил комментарий и последовал за ней, точно Самсон в Газу.

* * *

Внутри моя последняя мысль отозвалась странным эхом. Покои Матриарха оказались довольно абстрактной версией того, какими я мог бы представить себе шатры колен Израилевых. Я говорю «абстрактной», потому что были они сплошь оштукатуренный кирпич, островерхие, как большой шатер, с узорами под звериную шкуру, похожими на серо-голубые шрамы, выглядевшие так, будто их оставили на стенах шпателем.

Матриарх М'Квайи оказалась невысокой и беловласой, лет ей было около пятидесяти, а

одевалась она как цыганская королева. В своей радуге пышных юбок она выглядела как перевернутая пуншевая чаша верхом на подушке.

Приняв мой почтительный поклон, она воззрилась на меня, будто сова на кролика. Веки этих черных, черных глаз подскочили вверх, когда она услышала мое идеальное произношение… Диктофон, который Бетти таскала на интервью, сделал свое дело, а касавшиеся языка отчеты первых двух экспедиций я вызубрил наизусть. Я дьявольски хорошо умею подхватывать акценты.

— Вы поэт?

— Да, — ответил я.

— Прочтите какое-нибудь из своих стихотворений, пожалуйста.

— Прошу меня простить, но для того, чтобы воздать должное вашему языку и моей лирике, нужна тщательная переводческая работа, а я еще недостаточно хорошо знаю ваш язык.

— Вот как?

— Но я занимался такими переводами ради забавы, в качестве упражнений в грамматике, — продолжил я. — Для меня будет честью принести кое-какие из них в один из следующих визитов.

— Да. Сделайте это.

Одно очко в мою пользу!

Она повернулась к Бетти:

— Вы можете идти.

Бетти пробубнила формальное прощание, бросила на меня странный взгляд искоса и ушла. Судя по всему, она ожидала, что останется и будет мне «помогать». Ей хотелось частички славы, как и всем остальным. Но Шлиманом этой Трои был я, и на поданном в Ассоциацию отчете будет стоять лишь одно имя!

М'Квайи встала, и я заметил, что это почти не сделало ее выше. Впрочем, во мне шесть футов и шесть дюймов роста, и я похож на октябрьский тополь: тощий, ярко-рыжий сверху и возвышаюсь над всеми прочими.

— Наши записи очень, очень стары, — начала она. — Бетти говорит, что у вас этот возраст обозначается словом «тысячелетия».

Я почтительно кивнул.

— Мне не терпится на них взглянуть.

— Они не здесь. Нам придется пройти в Храм — их нельзя оттуда выносить.

Неожиданно я насторожился.

— Вы ведь не возражаете против того, чтобы я их копировал?

— Нет. Я вижу, что вы относитесь к ним с уважением, иначе ваше желание не было бы так

велико.

— Превосходно.

Это, похоже, ее позабавило. Я спросил, что именно она сочла таким смешным.

— Выучить Высокий Язык для пришельца может оказаться не так просто.

Осознание было мгновенным.

Никто из первой экспедиции не подошел настолько близко. Мне неоткуда было знать, что дело придется иметь с двумя языками — не только с повседневным, но и с классическим. Я частично усвоил их пракрит, а теперь мне предстояло выучить весь санскрит.

— Ух! и проклятье!

— Прошу прощения?

— Это непереводимо, М'Квайи. Но представьте себе, что вам пришлось бы спешно учить Высокий Язык, и угадаете смысл.

М'Квайи вновь усмехнулась и велела мне снять ботинки.

Она провела меня через альков…

…во взрыв византийского великолепия!

* * *

Никто из землян прежде не бывал в этом помещении, иначе я бы об этом слышал. Картер,

лингвист первой экспедиции, при помощи некой Мэри Аллен, врача, изучил всю известную мне теперь грамматику и вокабуляр, сидя скрестив ноги в прихожей.

Мы понятия не имели, что такое существует. Я жадно огляделся. В убранстве ощущалась крайне сложная эстетическая система. Нам придется пересмотреть все наши представления о марсианской культуре.

Во-первых, потолок был куполообразным, на консолях; во-вторых, по бокам стояли колонны с выпуклыми каннелюрами; в-третьих… а, черт! Это место было огромным. Роскошным. По обшарпанной наружности о его существовании догадаться было невозможно.

Я наклонился, разглядывая позолоченную филигрань на церемониальном столике. М'Квайи, судя по виду, восприняла мое напряженное внимание с некоторым самодовольством, но в покер с ней играть я все равно не сел бы.

Стол был нагружен книгами.

Я проследил пальцем ноги узор напольной мозаики.

— Весь ваш город заключен в этом единственном здании?

— Да, оно уходит глубоко в гору.

— Понятно, — ответил я, ничего не понимая.

Я не мог попросить ее о персональном туре — пока что.

М'Квайи подошла к маленькому стулу возле стола.

— Начнем вашу дружбу с Высоким Языком?

Я пытался зафотографировать зал глазами, зная, что рано или поздно должен буду каким-то образом протащить сюда фотоаппарат. Оторвав взгляд от статуэтки, я резко кивнул.

— Да, представьте меня.

Я сел.

На протяжении следующих трех недель алфавитные жучки гонялись друг за другом под моими веками всякий раз, когда я пытался заснуть. По безоблачному лазурному водоему неба шла каллиграфическая рябь, когда я пробегался по нему глазами. За работой я пил кофе квартами, а в перерывах на кофе смешивал себе коктейли из «Бензедрина» с шампанским.

М'Квайи наставляла меня по два часа утром, а иногда — еще по два вечером. Еще четырнадцать часов в день я упражнялся самостоятельно, как только набрал достаточный ход, чтобы заниматься этим в одиночку.

А по ночам лифт времени уносил меня на са-

мые нижние его этажи…

* * *

Мне снова было шесть, я учил иврит, греческий, латынь и арамейский. Мне было десять, я украдкой заглядывал в «Илиаду». Когда папочка не вещал об адском пламени, сере и братской любви, он учил меня тащиться от Слова — в оригинале.

Боже! На свете так много оригиналов и *так много* слов! В двенадцать лет я начал указывать на мелкие расхождения между тем, что он проповедовал, и тем, что я читал.

Фундаменталистский напор его ответа не терпел возражений. Это было хуже любой порки. После этого я стал держать рот на замке и научился ценить ветхозаветную поэзию.

…Господи, я прошу прощения! Папа… сэр… я прошу прощения!.. Этого не может быть! Этого не может быть…

В тот день, когда мальчик выпустился из средней школы, с наградами за изучение французского, немецкого, испанского и латыни, Папочка Гэллинджер сказал своему четырнадцатилетнему, шестифутовому пугалу-сыночку, что хочет, чтобы тот стал священником. Я помню, как его сыночек увиливал.

«Сэр, — сказал он, — мне бы вроде как хотелось поучиться самостоятельно годик-другой, а потом пройти подготовительные курсы по теологии в каком-нибудь гуманитарном университете. Мне кажется, я еще слишком юн, чтобы вот так прямо идти в семинарию».

Глас Божий: «Но ты наделен даром языков, сын мой. Ты можешь проповедовать Евангелие во всех землях Вавилонских. Ты рожден, чтобы стать миссионером. Ты говоришь, что юн, но время проносится мимо тебя, как ураган. Начни раньше, и насладишься дополнительными годами служения».

Дополнительные годы служения были дополнительными хвостами для терзавшей мою спину кошки. У меня теперь не получается представить себе его лицо; совсем не получается. Быть может, потому, что в то время я всегда боялся на него взглянуть.

А спустя несколько лет, когда он умер и лежал, одетый в черное, в окружении букетов, в окружении рыдающей паствы, в окружении молитв, покрасневших лиц, носовых платков, похлопывающих по плечам рук, скорбнолицых утешителей… я посмотрел на него и не узнал.

Мы встретились за девять месяцев до моего

рождения, этот незнакомец и я. Он никогда не был жесток — строг, требователен, презрителен к чужим недостаткам — но никогда не жесток. А еще он был всем, что было у меня вместо матери. И братьев. И сестер. Он смирился с тремя годами, проведенными мною в университете Святого Иоанна, — скорее всего, из-за названия, — и так и не узнал, каким вольным и упоительным было это место на самом деле.

Но я никогда его не знал, а теперь человек на катафалке ничего от меня не требовал; я был волен не проповедовать Слово. Но теперь мне этого хотелось — в ином смысле. Мне хотелось проповедовать то слово, которое никогда не сумело бы сорваться с моих губ, пока он был жив.

Осенью я не вернулся проходить последний курс. Мне было оставлено небольшое наследство, и пришлось повозиться, чтобы получить его в свое распоряжение, поскольку мне не исполнилось еще восемнадцати. Но я справился.

В конечном итоге мой выбор пал на Гринвич-Виллидж.

Не сообщив никому из неравнодушных прихожан своего нового адреса, я завел привычку ежедневно писать стихи и самостоятельно учил японский и хиндустани. Я отращивал пламенную

бороду, пил эспрессо и учился играть в шахматы. Мне хотелось опробовать еще парочку путей к спасению.

После этого были два года в Индии со старым добрым Корпусом мира — те, кто отучили меня от буддизма и принесли мне мои «Свирели Кришны» и Пулитцера, которого они заслуживали.

Затем — возвращение в Штаты за дипломом, аспирантская работа по лингвистике и новые премии.

А потом настал день, когда на Марс отправился корабль. Судно, спорхнувшее в свое пламенное гнездо в Нью-Мексико, принесло с собой новый язык… Он был фантастическим, экзотическим и эстетически неотразимым. Узнав о нем все, что только можно было узнать, и написав свою книгу, я прославился в новых кругах:

«Ступай, Гэллинджер. Окуни свое ведерко в колодец и дай нам испить Марса. Иди, изучи другой мир — но оставайся холоден, поругивай его, как Оден, — и вручи нам его душу, изложенную ямбом».

И я прибыл в страну, где солнце — потускневший пятак, где ветер — хлыст, где две луны играют в догонялки, а адский песок вызывает жгучую чесотку, стоит только на него посмот-

реть.

* * *

Я восстал от своих метаний на койке и сквозь полумрак каюты подошел к иллюминатору. Пустыня была бесконечным оранжевым ковром, что вспучивался от заметенных под него столетий.

— Я — смельчак, хоть — чужой, эта земля — открыта пред мной!

Я засмеялся.

Я уже ухватил Высокий Язык за хвост — или за корень, если вы любите, чтобы каламбуры были не только точными, но и анатомически верными.

Высокий и Низкий языки были вовсе не так непохожи, как казалось поначалу. Моих познаний в одном хватало, чтобы пробираться сквозь самые неясные места другого. Грамматику и самые распространенные неправильные глаголы я знал назубок; составляемый мной словарь рос с каждым днем, подобно тюльпану, и вот-вот должен был расцвести. Каждый раз, когда я проигрывал пленки, его стебель удлинялся.

И вот настало время проверить мое мастерство, применить усвоенные уроки на практике. Я намеренно воздерживался от того, чтобы занырнуть

в ключевые тексты, прежде чем смогу оценить их по достоинству. Я читал малозначительные комментарии, отрывки стихов, фрагменты истории. И все, что я прочел, оставило у меня одно сильнейшее впечатление.

Они писали о конкретных вещах: камнях, песке, воде, ветрах; и посыл, скрывавшийся за этими стихийными символами, был яростно пессимистичен. Он напомнил мне о некоторых буддистских текстах, но еще больше, как я осознал во время своих недавних recherches, он был созвучен отдельным частям Ветхого Завета. А конкретно он напомнил мне о Книге Екклесиаста.

Что ж, вот и оно. Настроение, а с ним и вокабуляр, оказались так схожи, что это должно было стать идеальным упражнением. Как перевод По на французский. Я никогда не встану на Путь Маланна, но я покажу им, что и к землянину однажды приходили такие же мысли, схожие чувства.

Я включил настольную лампу и отыскал среди своих книг Библию короля Якова.

«Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — всё суета! Что пользы человеку…»

* * *

Мои успехи, похоже, ошеломляли М'Квайи. Она таращилась на меня, словно сартров Другой, с противоположной стороны стола. Я стремительно разделывался с главой из Книги Локара. Взгляда я не поднимал, но чувствовал тугую сеть, которой ее глаза оплетали мою голову, плечи и быстрые руки. Я перевернул очередную страницу.

Не взвешивает ли она сеть, оценивая размер улова? Но зачем? В книгах ничего не говорилось о марсианских ловцах. Особенно о ловцах человеков. Там говорилось о том, что какой-то божок по имени Маланн сплюнул, или сделал нечто отвратительное (в зависимости от версии, которую ты читаешь), и жизнь зародилась, как болезнь, в неорганической материи. Там говорилось, что движение было ее первым законом, ее первым законом, и что танец был единственным достойным ответом неорганическому… мастерство танца — его оправданием, …анием… а любовь есть болезнь органической материи… неорганической материи?

Я помотал головой. Меня едва не одолел сон.

— М'нарра.

Я встал и потянулся. Теперь ее глаза озирали меня с жадностью. Я встретил их взгляд, и они потупились.

— Я устал. Хочу немного отдохнуть. Я мало спал прошлой ночью.

Она кивнула — я рассказал ей, что на Земле это означает «да».

— Не желаете ли вы расслабиться и увидеть доктрину Локара в ее наиярчайшем воплощении?

— Прошу прощения?

— Не хотите ли вы увидеть Танец Локара?

— О. — Эти их чертовы кружения форм и перифразов были хуже, чем в корейском! — Да. Разумеется. Когда бы он ни проводился, я буду рад взглянуть.

Я продолжил:

— А тем временем я хотел спросить у вас, нельзя ли мне сделать несколько фотографий…

— Он будет проведен сейчас. Присаживайтесь. Отдыхайте. Я позову музыкантов.

Она торопливо вышла за дверь, за которой я ни разу не бывал.

Ну что ж, танец есть наивысшая форма искусства, согласно Локару, не говоря уж о Хэвлоке Эллисе, и теперь мне предстояло увидеть, как,

по мнению их умершего много веков назад философа, ему следует выглядеть. Я потер глаза и сложился пополам, несколько раз коснувшись пальцев ног.

Кровь застучала у меня в голове, и я пару раз глубоко втянул в себя воздух. Снова наклонился, и тут в дверях что-то замельтешило.

Для трио, вошедшего вместе с М'Квайи, я, должно быть, выглядел так, словно, согнувшись в три погибели, искал свой потерянный рассудок.

Я слабо улыбнулся и выпрямился, покраснев не только от напряжения. Я не ждал их *так* скоро.

Неожиданно мне снова вспомнился Хэвлок Эллис в ипостаси, завоевавшей ему наибольшую популярность.

Маленькая рыжеволосая куколка, завернутая, точно в сари, в прозрачный лоскут марсианского неба, в изумлении подняла взгляд — как ребенок на какой-нибудь цветастый флаг на высоком шесте.

— Привет, — вот что я ей сказал (или какой-то эквивалент этого слова).

Она поклонилась, прежде чем ответить. Судя по всему, мой статус возрос.

— Я буду танцевать, — сказала красная рана на бледной, бледной камее — ее лице. Глаза цвета

мечты и ее платья разлучились с моими.

Она проплыла в центр зала.

Замерев там, как фигура на этрусском фризе, она то ли медитировала, то ли созерцала узор на полу.

Быть может, в этой мозаике скрыт символический смысл? Я изучил ее. Если и так, он меня избегал; такой пол неплохо смотрелся бы в ванной или патио, но ничего сверх этого я в нем не замечал.

Другие две женщины были такими же забрызганными краской воробьихами средних лет, как М'Квайи. Одна устроилась на полу с трехструнным инструментом, смутно напоминающим сямисэн. У другой в руках были простая деревянная коробочка и две палочки.

М'Квайи отвергла свой стул и, не успел я это осознать, уже сидела на полу. Я последовал ее примеру.

Женщина с сямисэном все еще настраивала его, поэтому я наклонился к М'Квайи.

— Как зовут танцовщицу?

— Бракса, — ответила она, не глядя на меня, и подняла левую руку, что означало «да», и «приступайте», и «начнем».

Струнная штуковина запульсировала, как зуб-

ная боль, а из коробочки вырвалось тиканье, подобное голосам всех так и не изобретенных часов.

Бракса была статуей — руки закрывают лицо, локти подняты и широко расставлены.

Музыка стала метафорой огня.

Щелчки, мурлыканье, треск…

Она не двигалась.

Шипение стало плеском. Темп замедлился. Теперь это была вода, величайшая драгоценность на свете, журчавшая прозрачно, а затем зелено над мшистыми камнями.

А она все не двигалась.

Глиссандо. Пауза.

Потом, так неявно, что сначала я этого почти не заметил, началась дрожь ветров. Мягко, нежно, вздыхая и умолкая, неуверенно. Пауза, всхлип, и повтор первой фразы, только громче.

Поломал я себе окончательно глаза чтением — или Бракса на самом деле дрожала, вся, с ног до головы?

Да.

Она начала микроскопическое раскачивание. На долю дюйма вправо, потом влево. Ее пальцы разошлись, подобно лепесткам цветка, и я увидел, что ее глаза закрыты.

Ее глаза открылись. Далекие, остекленевшие, они глядели сквозь меня и сквозь стены. Ее раскачивание стало более заметным, слилось с ритмом.

Теперь ветер налетал из пустыни, накатывал на Тиреллиан, как волны на плотину. Ее пальцы зашевелились, став его порывами. Ее руки, неспешные маятники, начали контрдвижение.

Приближался ураган. Она закружилась вокруг своей оси, и теперь ее руки двигались в такт с телом, зато плечи яростно завращались, описывая восьмерку.

Ветер! Ветер, говорю я вам. О дикий, загадочный! О муза Сен-Жона Перса!

Циклон вращался вокруг этих глаз, своего неподвижного центра. Она запрокинула голову, но я знал, что между ее взглядом, пассивным, как у Будды, и неизменными небесами нет никакого потолка. Быть может, лишь две луны прерывали свой сон в этой стихийной Нирване необитаемой лазури.

Много лет назад, в Индии, я видел девадаси, что танцевали на улице, сплетая свою цветастую паутину, привлекая мужчин-насекомых. Но Бракса была чем-то большим: она была рамаджани, как те служительницы Рамы — аватары Вишну

— которые подарили человеку танец: священные танцовщицы.

Тиканье сделалось монотонно-непрерывным; визг струн наводил меня на мысли о жалящих лучах солнца, чей жар крало дыхание ветра; синева была Сарасвати, и Марией, и девушкой по имени Лора. Я услышал, как где-то играет ситар, увидел, как эта статуя оживает, и вдохнул божественное откровение.

Я снова стал Рембо` с его гашишем, Бодлером с его лауданумом, По, Де Квинси, Уайльдом, Малларме и Алистером Кроули, я стал, на мимолетную секунду, своим отцом за его темной кафедрой, в еще более темном костюме, а псалмы и пыхтение органа трансмутировали в яркий ветер.

Она была раскрученным флюгером, пернатым распятьем, повисшим в воздухе, бельевой веревкой с единственным ярким одеянием, взметнувшимся параллельно земле. Ее плечо оголилось, и правая грудь колыхалась вверх и вниз, как луна в небесах, красный сосок на мгновение показывался над складкой и снова исчезал. Музыка была так же формальна, как спор Иова с Богом. Ее танец был ответом Бога.

Музыка замедлилась, унялась; ее встретили,

ей оказали достойный отпор, ей ответили. Одеяние Браксы, как будто живое, поползло обратно, вернувшись к тем спокойным складкам, какие образовывало изначально.

Она опустилась ниже, еще ниже, на пол. Ее голова упала на поднятые колени. Она не шевелилась.

Тишина.

* * *

По боли в плечах я осознал, как напряженно сидел. Мои подмышки взмокли. По бокам стекали ручейки. Что положено делать теперь? Аплодировать?

Я покосился на М'Квайи. Она подняла правую руку.

Словно по телепатическому сигналу, девушка содрогнулась всем телом и поднялась. Музыканшши встали вместе с ней. И М'Квайи тоже.

Я поднялся на ноги — левую свело судорогой — и сказал: «Это было прекрасно», — как бы бестолково это ни прозвучало.

Мне ответили тремя разными Высокими Формами благодарности.

Взвихрились краски, и я снова остался наедине с М'Квайи.

— Это был сто семнадцатый из двух тысяч двухсот двадцати четырех танцев Локара.

Я взглянул на нее сверху вниз.

— Прав был Локар или нет, но он измыслил превосходный ответ неорганике.

Она улыбнулась.

— Танцы вашего мира подобны этому?

— Некоторые похожи. Я вспоминал о них, глядя на Браксу… но точно такого же мне видеть не приходилось.

— Она хороша, — сказала М'Квайи. — Она знает все танцы.

Намек на то выражение лица, что встревожило меня раньше…

Он исчез в мгновение ока.

— А теперь я должна вернуться к исполнению своих обязанностей. — Она подошла к столу и закрыла книги. — М'нарра.

— До свидания. — Я надел ботинки.

— До свидания, Гэллинджер.

Я вышел из дверей, запрыгнул в джипстер и урычал сквозь вечер в ночь, и позади меня медленно хлопали крылья поднятой мною пустыни.

II

Я как раз закрыл дверь за Бетти после краткого урока грамматики, когда услышал в коридоре голоса. Вентиляционное отверстие в моей каюте было чуточку приоткрыто, так что я подошел к нему и начал подслушивать:

Сладенький дискант Мортона:

— Можете поверить? Он мне недавно «здрасте» сказал.

— Хм-м-м-ф, — взорвались слоновьи легкие Эмори. — Либо он с катушек съезжает, либо ты стоял у него на пути, и он хотел, чтобы ты свалил.

— Должно быть, он меня не узнал. Думаю, с тех пор, как он начал играться с этим языком, он вообще не спит. У меня на прошлой неделе были ночные вахты, и я каждую ночь в три часа проходил мимо его двери — и всякий раз слышал этот диктофон. И в пять, когда я возвращался, он все еще занимался.

— Он и правда усердно работает, — неохотно признал Эмори. — Честно говоря, мне кажется, он принимает какую-то дурь, чтобы не засыпать. У него в последнее время этакий стеклянный

взгляд. Впрочем, для поэта оно, может, и нормально.

Бетти явно остановилась рядом с ними, потому что в этот момент она вклинилась в разговор:

— Как бы вы к нему ни относились, у меня не меньше года уйдет, чтобы выучить то, что он подхватил за три недели. А я всего лишь лингвист, а не поэт.

Мортон, должно быть, втайне вздыхал по ее коровьим прелестям. Не могу представить, с чего бы иначе он дал задний ход и сказал то, что сказал.

— В университете я записался на курс современной поэзии, — начал он. — Мы читали шестерых авторов: Йейтса, Паунда, Элиота, Крейна, Стивенса и Гэллинджера — и в последний день семестра, когда на профессора нашло риторическое настроение, он сказал: «Эти имена высечены на лике столетия, и все врата критики и Ада не закроют им путь».

Что до меня, — продолжил Мортон, — я думал, что его «Свирели Кришны» и «Мадригалы» великолепны. Для меня было честью войти в состав экспедиции, в которую он отправлялся. И с тех пор, как мы познакомились, он бросил в мою сторону не больше пары десятков слов, — закончил он.

Слово Защите:

— А тебе не приходило в голову, — сказала Бетти, — что он может чудовищно стесняться своей внешности? К тому же он был не по годам развитым ребенком, и у него, скорее всего, никогда не было школьных друзей. Он чувствителен и очень замкнут.

— Чувствителен? Стесняться? — Эмори фыркнул и поперхнулся. — Да он горд, как Люцифер, эта ходячая машина оскорблений. Ты нажимаешь кнопочку «Привет» или «Хороший сегодня денек», а он тебе нос показывает. У него это рефлекс.

Они обронили еще несколько любезностей и разошлись.

Что ж, и тебе не хворать, Мортончик! Маленький ты прыщавый, взращенный Плющом ценитель! Я не слышал ни единого курса о своей лирике, но рад, что кто-то это сказал. Врата Ада. Ну надо же! Может, папочкины молитвы были где-то услышаны, и я все-таки стал миссионером!

Вот только…

…Вот только миссионеру нужно *во что-то* обращать людей. У меня есть личная эстетическая система, и, полагаю, где-то из нее сочится побоч-

ный этический продукт. Но если мне когда-то и было что проповедовать, по-настоящему, хотя бы в моих стихах, я не стал бы проповедовать это такому отребью, как вы. Вы считаете меня хамом, но я еще и сноб, и в моем Раю вам делать нечего — это уединенное местечко, куда заглядывают на ужин Свифт, Шоу и Петроний Арбитр.

И — о, какие пиры мы закатываем! Каких Трималхионов, каких Эмори мы препарируем!

Мы едим вас вместе с супом, Мортон!

* * *

Я отвернулся и устроился за столом. Мне хотелось что-нибудь написать. Екклесиаст мог взять на эту ночь отгул. Мне хотелось написать стихотворение, стихотворение о сто семнадцатом танце Локара; о розе, следующей за светом, очерченной ветром, больной, как роза Блейка, умирающей…

Я нашел карандаш и взялся за дело.

Закончив, я был доволен. Стихотворение не было выдающимся — по крайней мере, не было более выдающимся, чем от него требовалось, — поскольку Высокий марсианский не из тех языков, которыми я владею лучше всего. Повозившись немного, я переложил его на ан-

глийский, с частичной рифмовкой. Может быть, я запихну его в следующий сборник. Я назвал его «Бракса»:

В земле и ветреной, и рыжей,
где вечер Времени льдяной
студит в груди у Жизни молоко,
и две луны под звездной крышей —
собака с кошкой в переулке сна —
скребут, царапают от века мой полёт…
Бутон последнего цветка горит всё ближе.

Я отложил его и отыскал фенобарбитал. Неожиданно мной овладела усталость.

* * *

Когда на следующий день я показал стихотворение М'Квайи, она прочла его несколько раз, очень медленно.

— Оно красиво, — сказала она. — Но вы использовали три слова из собственного языка. «Кошка» и «собака» — это, я полагаю, два мелких животных с наследственной ненавистью друг к другу. Но что такое «цветок»?

— О, — ответил я. — Я так и не нашел вашего эквивалента слову «цветок», но на самом деле я думал о земном растении, розе.

— На что она похожа?

— Ну, лепестки у нее, как правило, ярко-красные. Вот что я подразумевал, на одном уровне, под словами «бутон горит». Но еще я хотел, чтобы они намекали на горячку, и на рыжие волосы, и на пламя жизни. У самой розы колючий стебель, зеленые листья и яркий, приятный аромат.

— Хотела бы я ее увидеть.

— Думаю, это можно устроить. Я проверю.

— Пожалуйста, проверьте. Вы… — Она употребила слово, означающее пророка или религиозного поэта, вроде Исаии или Локара, — а ваше стихотворение вдохновенно. Я расскажу о нем Браксе.

Я отверг это звание, но оно мне польстило.

Что ж, решил я, вот он, тот стратегический день, день, когда следует спросить, можно ли мне принести сюда микрофильмирующий аппарат и фотокамеру. Я хочу скопировать все их тексты, объяснил я, и не могу писать достаточно быстро, чтобы это сделать.

Она удивила меня тем, что немедленно согласилась. А своим приглашением — поразила.

— Не хотите ли вы пожить здесь, пока это делаете? Тогда вы смогли бы работать и днем, и ночью, в любое удобное время — конечно же, за исключением тех случаев, когда Храм занят.

Я поклонился.

— Это будет для меня честью.

— Хорошо. Привозите свои машины, когда захотите, и я покажу вам комнату.

— Удобно ли сделать это сегодня днем?

— Разумеется.

— Тогда я пойду и все подготовлю. Увидимся днем…

— До свидания.

* * *

Я ожидал, что Эмори заупрямится, но не сильно. На корабле всем не терпелось поглядеть на марсиан, потыкать в марсиан иголками, порасспрашивать их о марсианском климате, болезнях, химии почвы, политике и грибах (наш ботаник был грибным фанатиком, но в целом хорошим парнем) — но лишь четверым или пятерым довелось на самом деле их увидеть. Бо`льшую часть времени команда занималась раскопками мертвых городов и их акрополей. Мы играли в игру по строгим правилам, а местные были так же яростно

но обособлены, как японцы девятнадцатого века. Я предполагал, что большого сопротивления не встречу, и предполагал верно.

По правде говоря, у меня возникло отчетливое впечатление, что все были только рады моему переезду.

Я заглянул в лабораторию гидропоники поболтать с нашим повелителем грибов.

— Привет, Кейн. Вырастил уже на песке какие-нибудь мухоморчики?

Он шмыгнул. Он постоянно шмыгает. Возможно, у него аллергия на растения.

— Здравствуй, Гэллинджер. Нет, с мухоморами у меня успехов нет, но загляни за гараж в следующий раз, когда окажешься рядом. У меня там прижилось несколько кактусов.

— Отлично, — сказал я. Док Кейн был чуть ли не единственным моим другом на борту, не считая Бетти.

— Кстати, я спустился сюда кое о чем тебя попросить.

— Выкладывай.

— Мне нужна роза.

— Что?

— Роза. Ну, знаешь, симпатичная красная «американская красавица» — шипы, приятный

запах…

— Не думаю, что она приживется на этой почве. *Шмыг, шмыг*.

— Нет, ты не понимаешь. Я не хочу ее сажать, мне просто нужен цветок.

— Придется использовать баки. — Он почесал свою безволосую макушку. — На то, чтобы обеспечить тебе цветы, уйдет не меньше трех месяцев, даже при условии форсированного роста.

— Ты сделаешь это?

— Конечно, если ты не против подождать.

— Совершенно не против. Собственно говоря, через три месяца как раз подойдет время нашего отлета. — Я оглядел лужицы ползучей слизи, поддоны с ростками. — …Я сегодня переезжаю в Тиреллиан, но буду постоянно мотаться туда-сюда. Я зайду, когда она расцветет.

— Туда перебираешься, значит? Мур говорил, что они держатся своих.

— Видимо, я теперь «свой».

— Похоже на то… Я до сих пор не понимаю, как ты выучил их язык. У меня, конечно, и с французским, и с немецким были проблемы, когда я писал докторскую, но на прошлой неделе я слышал, как Бетти демонстрировала его за обедом. Какой-то набор странных звуков. По ее словам,

разговаривать на нем — как решать кроссворд в «Таймс» и пытаться имитировать птичьи трели одновременно.

Я рассмеялся и принял предложенную мне сигарету.

— Он сложный, — признал я. — Но это, ну, как если бы ты неожиданно нашел здесь целый новый класс грибов, — о таком мечтаешь ночами.

Его глаза сверкали.

— Это было бы что-то! Я еще могу его открыть, знаешь ли.

— Может, и откроешь.

Он хихикнул, и мы направились к двери.

— Я возьмусь за твои розы сегодня вечером. Не перенапрягайся там.

— А то как же. Спасибо.

Как я и говорил — грибной фанатик, но в целом хороший парень.

* * *

Мои покои в Цитадели Тиреллиана располагались в прямом соседстве с Храмом, с внутренней стороны и чуть слева. Это было улучшением по сравнению с моей тесной каюткой, и меня порадовало, что марсианская культура развилась в достаточной степени, чтобы открыть преимуще-

ства матраса перед лежаком. К тому же кровать была такой длины, что я — к своему удивлению — на ней умещался.

Итак, я распаковал багаж и сделал шестнадцать тридцатипятимиллиметровых снимков Храма, прежде чем взяться за книги.

Я делал копии, пока мне не осточертело переворачивать страницы, не зная, что на них говорится. И взялся переводить исторический труд.

«Услышьте. На тридцать седьмой год Процесса Сайллена пришли дожди, став причиной немалой радости, ибо это было редкое и нежданное событие, обычно считавшееся благословением.

Но с небес струилось не дарующее жизнь семя Маланна. Это была кровь вселенной, хлещущая из артерии. И последние дни нависли над нами. Близилось начало последнего танца.

Дожди принесли с собой чуму, которая не убивает, и последние фигуры Локара начались под их ритм…»

Я спросил себя, что, черт возьми, имел в виду Тамур, который был историком и, предположительно, придерживался фактов. Это не было их Апокалипсисом.

Или все же было?..

«А почему бы и нет?» — подумалось мне. Горстка обитателей Тиррелиана была последним, что осталось от когда-то очевидно высокоразвитой культуры. У них были войны, но не было истребления, была наука, но почти не было технологий. Чума; чума, которая не убивает?.. Может, это сделала она? Как, если она не была смертоносной?

Я продолжил чтение, но природа чумы не разъяснялась. Я перелистывал страницы, перескакивал вперед, и ничего не находил.

«М'Квайи! М'Квайи! Когда мне больше всего хочется задать тебе вопрос, тебя нет рядом!»

Не будет ли faux pas отправиться на ее поиски? Да, решил я. Я был ограничен комнатами, которые мне показали, — таково было невысказанное понимание. Мне придется подождать, чтобы узнать.

Так что я выругался, длинно и громко, на множестве языков, несомненно заставив священные уши Маланна воспылать там, в его храме.

Но сразить меня насмерть он нужным не счел, поэтому я решил, что на сегодня хватит, и отправился на боковую.

* * *

Должно быть, я проспал несколько часов, прежде чем Бракса вошла в мою комнату с крошечным светильником. Она вытащила меня в явь, подергав за рукав пижамы.

Я сказал «привет». Теперь, вспоминая, я думаю, что больше тут сказать было и нечего.

— Привет.

— Я пришла, — сказала она, — услышать стихотворение.

— Какое стихотворение?

— Ваше.

— О.

Я зевнул, сел и сделал все то, что обычно делают люди, разбуженные посреди ночи ради чтения поэзии.

— Это очень мило с твоей стороны, но тебе не кажется, что час для этого немножко неудобный?

— Я не против, — ответила она.

Когда-нибудь я напишу для «Журнала семантики» статью под названием «Тон голоса: недостаточный инструмент для передачи иронии».

Но раз уж меня разбудили, я потянулся за халатом.

— Что это за животное? — спросила она, указав на шелкового дракона у меня на лацкане.

— Мифическое, — ответил я. — Послушай, уже поздно. Я устал. Утром у меня много дел. А у М'Квайи может сложиться неверное представление, узнай она, что ты здесь была.

— Неверное представление?

— Проклятье, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду! — Мне в первый раз подвернулась возможность воспользоваться марсианским ругательством, и оно пропало даром.

— Нет, — ответила Бракса. — Не понимаю.

Она казалась напуганной, как щенок, который не понимает, за что его отругали.

Я смягчился. Ее красная накидка идеально шла к ее волосам и губам, и губы эти дрожали.

— Ну-ну, я не хотел тебя расстроить. На моей планете существуют некие, гм, устои, касающиеся пребывания представителей разных полов, не соединенных узами брака, наедине в спальне… Э-э, ну, ты понимаешь, о чем я?

— Нет.

Они были нефритовыми, ее глаза.

— Ну, это вроде как… Короче, это касается секса, вот что.

В нефритовых лампах зажегся огонь.

— О, вы говорите о делании детей!

— Да. Вот оно! Именно!

Она рассмеялась. Я впервые услышал в Тиреллиане смех. Он звучал так, словно скрипач выбивал смычком короткую дробь из своих высоких струн. Это нельзя было назвать усладой для слуха, особенно потому, что смеялась Бракса слишком долго.

Отсмеявшись, она придвинулась ближе.

— Теперь я вспомнила, — сказала она. — У нас тоже были такие правила. Половину Процесса назад, когда я была девочкой, у нас были такие правила. Но, — она выглядела так, будто вот-вот снова рассмеется, — теперь в них нет нужды.

Мой мозг заработал, словно магнитофон, проигрывающий пленку на тройной скорости.

Половину Процесса назад! ПоловинуПроцесса… ПроцессаПроцесса! Нет! Да! Половина Процесса — это примерно двести сорок три года!

…Достаточно, чтобы выучить две тысячи двести двадцать четыре танца Локара.

…Достаточно, чтобы состариться, если ты человек.

…Человек земного образца, я имею в виду.

Я снова взглянул на нее, бледную, как белая королева в шахматном наборе из слоновой кости.

Она была человеком, я поставил бы на это свою душу, — живым, нормальным, здоровым. Я поставил бы на это свою жизнь — женщина, мое тело…

Но ей было два с половиной века, что делало М'Квайи бабушкой Мафусаила.

Мне льстили комплименты, которых они раз за разом удостаивали мои таланты лингвиста, поэта. Эти высшие создания!

Но что она имела в виду, говоря «теперь в них нет нужды»? Откуда эта подступающая истерика? Откуда эти странные взгляды, что бросает на меня М'Квайи?

Неожиданно я понял, что близок к чему-то важному, помимо красивой девушки.

— Скажи мне, — начал я своим Небрежным Голосом, — не имеет ли это какого-нибудь отношения к «чуме, которая не убивает», упомянутой Тамуром?

— Да, — ответила она, — дети, рожденные после Дождей, не могли делать собственных, а…

— Что «а»? — я наклонялся вперед, переведя память в режим записи.

— …а у мужчин пропало желание их делать.

Я откинулся назад, обмяк, прислонившись к столбику кровати. Расовая стерильность и

мужская импотенция, последовавшие за необычными осадками. Быть может, какое-нибудь блуждающее облако радиоактивной дряни, залетевшее Бог знает откуда, пробило однажды слабую защиту их атмосферы? Быть может, задолго до того, как Скиапарелли увидел каналы, такие же мифические, как мой дракон, до того, как эти «каналы» породили некоторое количество верных выводов из неверных посылок, Бракса уже жила и танцевала здесь, проклятая бесплодием с тех времен, как слепой Мильтон написал об ином рае, столь же потерянном?

Я нашарил сигарету. Хорошо, что я догадался прихватить с собой пепельницы. Табачной промышленности у марсиан тоже никогда не было. И выпивки. Аскеты, которых я встречал в Индии, в сравнении с ними были дионисийцами.

— Что это за огненная трубочка?

— Сигарета. Хочешь попробовать?

— Да, пожалуйста.

Она села рядом со мной, и я зажег для нее сигарету.

— Она раздражает нос.

— Да. Вдохни немного, подержи в легких и выдохни.

Пролетело мгновение.

— О-о, — протянула она.

Пауза, а затем:

— Они священны?

— Нет, это никотин, — ответил я, — крайне *эрзацная* форма божественности.

Еще одна пауза.

— Пожалуйста, не проси меня перевести слово «эрзацный».

— Не буду. Иногда я так себя чувствую, когда танцую.

— Это скоро пройдет.

— Прочитайте мне свое стихотворение.

Мне в голову пришла идея.

— Подожди-ка минутку, — сказал я, — возможно, у меня найдется кое-что получше.

Я встал и покопался в своих блокнотах, потом вернулся и сел рядом с ней.

— Это первые три главы книги Екклесиаста, — объяснил я. — Она очень похожа на ваши священные книги.

Я начал читать.

После одиннадцатого стиха она воскликнула:

— Пожалуйста, не читайте это! Прочтите мне что-то свое!

Я остановился и отшвырнул блокнот на стоявший рядом столик. Бракса трепетала, не так,

как дрожала в тот день, когда танцевала подобно ветру, но дрожью непролитых слез. Она держала сигарету неловко, будто карандаш. Я неуклюже обнял ее за плечи.

— Он такой печальный, — сказала она, — как и все остальные.

И я закрутил свой разум, словно яркую ленту, сложил и завязал в сумасшедшие рождественские узлы, которые так люблю. От немца марсианке с любовью — я прочел импровизированный парафраз стихотворения об испанской танцовщице. Я думал, что он ее порадует. Я оказался прав.

— О-о, — снова протянула она. — Это вы написали?

— Нет, куда более талантливый человек.

— Я не верю. Это написали вы.

— Нет, это сделал человек по фамилии Рильке.

— Но вы перенесли его на мой язык. Зажгите еще одну спичку, я хочу посмотреть, как она танцевала.

Я зажег.

— Пламя вечности, — задумчиво проговорила Бракса, — и она затаптывает его «проворными и легкими ногами» [2]. Хотела бы я танцевать,

---

[2] Примечания: 2
Перевод В. Г. Куприянова. *(Прим. пер.)*

как она.

— Ты лучше любой цыганки, — рассмеялся я, задувая спичку.

— Нет, это неправда. Я бы так не смогла.

Ее сигарета догорала, и я вытащил ее из пальцев Браксы и затушил вместе со своей.

— Хотите, я станцую для вас?

— Нет, — сказал я. — Иди в кроватку.

Она улыбнулась и, не успел я опомниться, распустила красные складки на своем плече.

И все полетело вниз.

И я сглотнул, с некоторым трудом.

— Хорошо, — сказала она.

И я поцеловал ее, а дыхание сброшенной одежды погасило светильник.

III

Дни были подобны листьям Шелли: желтые, багряные, коричневые, понукаемые яркими порывами западного ветра. Они проносились мимо меня с шелестом микропленки. Почти все книги были уже отсняты. Ученым потребуются годы, чтобы прочитать их, чтобы как следует оценить их значимость. Марс был заперт в моем столе.

Екклесиаст, дюжину раз брошенный и под-

хваченный, готовился заговорить на Высоком Языке.

Я насвистывал, когда был не в Храме. Я писал кипы стихов, которых прежде устыдился бы. Вечерами я прогуливался с Браксой в дюнах или в горах. Иногда она танцевала для меня; а я читал что-нибудь длинное, написанное дактилическим гекзаметром. Она до сих пор считала меня Рильке, и я почти убедил себя, что это правда. Вот он я, в замке Дуино, пишу его «Элегии».

> *…Разумеется, странно покинуть привычную землю,*
>
> *Обычаев не соблюдать, усвоенных нами едва ли,*
>
> *Розам и прочим предметам, сулящим нам нечто,*
>
> *Значения не придавать…* [3]

Нет! Никогда не придавайте значения розам! Не придавайте. Нюхайте их (шмыг, Кейн!), срывайте их, наслаждайтесь ими. Живите мгновением. Держитесь его всеми силами, но не требуйте у богов объяснения. Так быстро проносятся листья, гонимые ветром…

---

[3] Примечания: 3
Перевод В. Микушевича. *(Прим. пер.)*

И никто нас не замечал. Или всем было наплевать.

Лора. Лора и Бракса. Они рифмуются, если вы не заметили, хоть и с трудом. Она была высока, холодна и светловолоса (ненавижу блондинок!), а папочка вывернул меня наизнанку, будто карман, и я подумал, что она сумеет наполнить меня заново. Но здоровенный работяга-битник с бородкой Иуды и собачьим доверием в глазах — о, он был славным украшением ее вечеринок. Тем все и кончилось.

Как проклинала меня машина в Храме! Она богохульствовала против Маланна и Гэллинджера. А дикий западный ветер проносился мимо, и что-то следовало за ним.

Последние дни нависли над нами.

* * *

Прошел день, а я не увидел Браксу; за ним — ночь.

И второй день. И третий.

Я был полубезумен. Я и не понимал, как близки мы стали, как важна она для меня. В утешительной бездумности ее присутствия я не позволял себе сомневаться в розах.

Я должен был спросить. Я не хотел, но выбора

у меня не было.

— Где она, М’Квайи? Где Бракса?

— Ушла, — сказала она.

— Куда?

— Я не знаю.

Я взглянул в эти дьявольские птичьи глаза. Анафема маран-афа подступила к моим губам.

— Я должен знать.

Она смотрела сквозь меня.

— Она оставила нас. Она ушла. Должно быть, в холмы. Или в пустыню. Это не имеет значения. Что вообще имеет значение? Танец близится к завершению. Храм скоро опустеет.

— Почему? Почему она ушла?

— Я не знаю.

— Я должен снова ее увидеть. Мы улетаем через несколько дней.

— Мне жаль, Гэллинджер.

— Мне тоже, — сказал я и захлопнул книгу, не сказав «М’нарра».

Я встал.

— Я найду ее.

Я вышел из Храма. М’Квайи сидела статуей. Мои ботинки все еще были там, где я их оставил.

* * *

Весь день я с ревом носился верх и вниз по дюнам, без малейшего результата. Экипажу «Аспида» я, должно быть, казался песчаной бурей. В конце концов мне пришлось вернуться за горючим.

Эмори величаво вышел наружу.

— Ладно, выкладывай. Ты похож на Отвратительного Пыльного Человека. Что за родео?

— Я просто, э, кое-что потерял.

— Посреди пустыни? Сонет, что ли? Мне как-то не приходит в голову, из-за чего еще ты можешь устроить такой переполох.

— Нет, черт побери! Это было кое-что личное.

Джордж закончил наполнять бак. Я снова полез в джипстер.

— Стоять! — Эмори ухватил меня за руку. — Ты туда не вернешься, пока не скажешь мне, что происходит.

Я мог бы вырваться из его хватки, но тогда он приказал бы притащить меня обратно за шкирку, а людей, готовых сделать это с удовольствием, нашлось бы немало. Поэтому я заставил себя ответить медленно, тихо:

— Я просто потерял свои часы. Их подарила мне

мать, это фамильная реликвия. Я хочу их найти, пока мы не улетели.

— Ты уверен, что они не лежат у тебя в каюте или в Тиреллиане?

— Я уже проверял.

— Может, кто-нибудь их спрятал, чтобы тебя позлить. Сам знаешь, ты тут не самый популярный парень.

Я покачал головой:

— Я об этом подумал. Но я всегда ношу их в правом кармане. Наверное, они выпали, когда меня подбросило на дюне.

Он прищурился.

— Помнится, я читал на обложке, что твоя мать умерла при родах.

— Верно, — сказал я, прикусив язык. — Часы принадлежали ее отцу, и она хотела, чтобы ими владел я. Отец сохранил их для меня.

— Хмпф! — фыркнул он. — Довольно странный способ искать часы — гонять туда-сюда на джипстере.

— Это чтобы увидеть, как от них отражается свет, — неубедительно объяснил я.

— Ну так уже темнеет, — заметил Эмори. — Сегодня искать больше смысла нет. Накрой джипстер чехлом от песка, — велел он механику.

Потом похлопал меня по руке.

— Зайди внутрь, прими душ и перекуси. Судя по твоему виду, и то, и другое тебе не помешает.

Сосудистые звездочки под бледными глазами, редеющие волосы и ирландский нос; голос на децибел громче, чем у кого бы то ни было…

Его единственное лидерское качество!

Я стоял и ненавидел его. Клавдий! Ах, если бы это был пятый акт!

Но неожиданно мысль о душе и еде пробилась в мою голову. Я отчаянно нуждался и в том, и в другом. Если я буду настаивать на том, чтобы немедленно вернуться обратно, то могу возбудить еще бо`льшие подозрения.

Поэтому я стряхнул какое-то количество песка с рукава.

— Вы правы. Это звучит как хорошая идея.

— Пойдем, поедим в моей каюте.

Душ был благословением, чистые штаны — милостью Божьей, а от еды исходил аромат Рая.

— Пахнет неплохо, — сказал я.

Мы смолотили свои стейки в тишине. А когда добрались до десерта и кофе, он предложил:

— Почему бы тебе не взять отгул на сегодняшнюю ночь? Останься здесь и выспись.

Я помотал головой:

— Я сильно занят. Заканчиваю. Времени осталось немного.

— Пару дней назад ты говорил, что у тебя уже все почти готово.

— Почти, но не совсем.

— А еще ты говорил, что сегодня в Храме будет служба.

— Верно. Я буду работать в своей комнате.

Эмори пожал плечами.

Наконец он сказал: «Гэллинджер», — и я поднял взгляд, потому что мое имя означает неприятности.

— Мне не стоит лезть в такие дела, — сказал он, — но я должен. Бетти говорит, у тебя там девушка.

Вопросительного знака не было. Это было заявление, повисшее в воздухе. Выжидающее.

«Бетти, ты сука. Ты корова и сука. И ревнивая к тому же. Почему ты не оставила свой нос там, где ему положено быть, не закрыла свои глаза? Свой рот?»

— И? — сказал я: заявление с вопросительным знаком.

— И, — ответил он, — мой долг, как главы этой экспедиции, обеспечить, чтобы все контакты с местными происходили в дружелюбной — и

дипломатической — манере.

— Вы говорите о них, — сказал я, — как о дикарях. Это предельно далеко от правды.

Я встал.

— Когда мои работы будут напечатаны, все на Земле узнают эту правду. Я расскажу им то, о чем доктор Мур даже не догадывался. Расскажу о трагедии обреченного вида, ожидающего смерти, смиренного и отрешенного. Расскажу о ее причине, и суровые академические сердца разобьются. Я напишу об этом, и мне вручат новые премии, но теперь они будут мне не нужны. Боже мой! — воскликнул я. — У них была культура, когда наши предки еще лупили дубинами саблезубых тигров и выясняли, как работает огонь!

— Так у тебя *есть* там девушка?

— Да! — ответил я. *Да, Клавдий! Да, папочка! Да, Эмори!* — Есть. Но позвольте поделиться с вами свежайшей научной информацией. Они уже мертвы. Они стерильны. Еще поколение — и никаких марсиан не останется.

Я помолчал и добавил:

— Только в моих работах, только на отдельных микропленках и записях. И в нескольких стихотворениях, о девушке, которой было не наплевать и которая могла жаловаться на несправедливость

всего этого только в танце.

— О, — сказал он.

После молчания:

— Ты *и впрямь* вел себя иначе в последнюю пару месяцев. Даже бывал иногда по-настоящему вежлив, веришь или нет. Я не мог не гадать, что происходит. Я и не знал, что для тебя что-то может быть настолько важным.

Я понурил голову.

— Это из-за нее ты носился по пустыне?

Я кивнул.

— Почему?

Я поднял взгляд.

— Потому что она где-то там. Я не знаю, где и почему. И я должен найти ее, прежде чем мы улетим.

— О, — повторил он.

Потом Эмори откинулся на спинку кресла, открыл ящик стола и достал что-то, завернутое в полотенце. Он размотал его. На столе лежала рамка с фотографией женщины.

— Моя жена, — сказал он.

У нее было привлекательное лицо и большие миндалевидные глаза.

— Я моряк, если ты не знал, — начал он. — Когда-то был молодым офицером. Встретил ее

в Японии. Там, откуда я родом, считалось неправильным брать в жены женщину другой расы, и я этого так и не сделал. Но она была моей женой. Когда она умерла, я был на другом конце света. Моих детей забрали, и с тех пор я их не видел. Я так и не выяснил, в каком приюте, в каком доме они оказались. Это было давно. Об этом мало кто знает.

— Соболезную, — сказал я.

— Не стоит. Забудь. Но, — он поерзал в кресле и посмотрел на меня, — если хочешь забрать ее с собой — забери. С меня за это шкуру снимут, но я слишком стар, чтобы когда-нибудь еще возглавить такую экспедицию. Так что вперед.

Эмери глотнул холодного кофе.

— Бери свой джипстер.

Он развернул кресло.

Я дважды попытался сказать «спасибо», но не смог. Поэтому я встал и вышел.

— Сайонара и все такое, — пробормотал он у меня за спиной.

* * *

— Готово, Гэллинджер! — донесся до меня крик.

Я развернулся на каблуках и посмотрел на вер-

шину рампы.

— Кейн!

Он был силуэтом в проходе, тенью на свету, но я услышал, как он шмыгнул.

Я вернулся на несколько шагов.

— Что готово?

— Твоя роза.

Он достал пластиковый контейнер с перегородкой внутри. Нижняя половина была наполнена жидкостью. В нее уходил стебель. Во второй половине — бокал кларета в этой ужасной ночи — была большая, только что распустившаяся роза.

— Спасибо, — сказал я, пряча ее под куртку.

— В Тиреллиан возвращаешься, да?

— Да.

— Я видел, как ты поднялся на борт, и подготовил ее. Чуть разминулся с тобой у каюты капитана. Он был занят. Проорал, что я могу поймать тебя у гаражей.

— Еще раз спасибо.

— Она обработана химикатами. Будет цвести несколько недель.

Я кивнул. Я ушел.

* * *

Теперь — в горы. Далеко. Далеко. Небо было ведерком льда, в котором не плавало ни единой луны. Подъем стал круче, и маленький ослик запротестовал. Я подстегнул его педалью газа. Выше. Выше. Я заметил зеленую немигающую звезду и ощутил в горле комок. Плененная роза билась о мою грудь, точно второе сердце. Ослик завопил, протяжно и громко, а потом раскашлялся. Я снова хлестнул его, и он умер.

Я поднял ручной тормоз и выбрался наружу. Пошел пешком. Такой холод, такой холод, и он растет. Здесь, наверху. Ночью? Зачем? Зачем она это сделала? Зачем бежать от костра с наступлением ночи?

И я обошел все ущелья, расселины и перевалы — поверху, понизу, вокруг и насквозь — своими широкими шагами и с легкостью, какой на Земле никогда не знали.

Осталось меньше двух дней, любовь моя, а ты меня покинула. Почему?

Я проползал под скальными выступами. Я перескакивал гребни. Я расцарапал колени, локоть. Я слышал, как порвалась моя куртка.

Никакого ответа, Маланн? Неужели ты и

впрямь так сильно ненавидишь свой народ? Тогда я обращусь к кому-нибудь другому. Вишну, ты Хранитель. Сохрани ее, пожалуйста! Дай мне ее найти.

Иегова?

Адонис? Осирис? Таммуз? Маниту? Легба? Где она?

Я забрел далеко и высоко, и я поскользнулся.

Под ногами заскрежетали камни, и я повис на краю. Мои пальцы так замерзли. Цепляться за камень было тяжело.

Я посмотрел вниз.

Футов двенадцать, или около того. Я разжал руки и упал, приземлился и покатился.

И услышал ее крик.

* * *

Я лежал, не двигаясь, глядя в небо. Она звала, наверху, в ночи:

— Гэллинджер!

Я лежал неподвижно.

— Гэллинджер?

И она пропала.

Я услышал перестук камней и понял, что она спускается по какой-то тропе справа от меня.

Я вскочил и нырнул в тень валуна.

Она вышла из-за поворота и неуверенно стала пробираться меж камней.

— Гэллинджер?

Я вышел из-за валуна и ухватил ее за плечи.

— Бракса.

Она снова закричала, а потом расплакалась, прижавшись ко мне. Я впервые услышал, как она плачет.

— Почему? — спросил я. — Почему?

Но она только цеплялась за меня и всхлипывала.

Наконец:

— Я думала, ты покончил с собой.

— Может, я бы это и сделал, — сказал я. — Почему ты покинула Тиреллиан? И меня?

— Разве М'Квайи тебе не сказала? Разве ты не догадался?

— Я не догадался, а М'Квайи сказала, что не знает.

— Значит, она солгала. Она знает.

— Что? Что она знает?

Бракса сотряслась всем телом и надолго умолкла. Неожиданно я понял, что на ней нет ничего, кроме легкого одеяния танцовщицы. Я отстранил ее от себя, снял куртку и набросил ей на плечи.

— Великий Маланн! — воскликнул я. — Ты

замерзнешь насмерть!

— Нет, — сказала она. — Не замерзну.

Я перекладывал сосуд с розой к себе в карман.

— Что это? — спросила Бракса.

— Роза, — ответил я. — В темноте ее не разглядишь. Однажды я сравнил тебя с ней. Помнишь?

— Д-да. Можно, я ее понесу?

— Конечно, — я засунул розу в карман куртки. — Ну? Я все еще жду объяснений.

— Ты и правда не знаешь? — спросила она.

— Нет!

— Когда пришли Дожди, — сказала она, — они, должно быть, повлияли только на наших мужчин, и этого хватило… потому что… на меня… они… похоже… не повлияли…

— О, — сказал я. — О.

Мы не двигались с места, и я думал.

— Так почему же ты сбежала? Что такого в том, чтобы быть беременной на Марсе? Тамур ошибся. Ваш народ может продолжать жить.

Она рассмеялась — снова эта бешеная скрипка в руках обезумевшего Паганини.

Я остановил ее, пока это не зашло слишком далеко.

— Как? — наконец спросила она, потирая щеку.

— Вы живете дольше, чем мы. Если наш с тобой ребенок окажется нормальным, это значит, что между нашими видами возможны браки. Среди твоего народа должны еще оставаться фертильные женщины. Так почему нет?

— Ты прочел Книгу Локара, — сказала она, — и все равно задаешь мне этот вопрос? Мы избрали смерть, проголосовали за нее и приняли ее вскоре после того, как она явилась в этом обличье. Но задолго, задолго до этого последователи Локара знали. Они приняли решение уже давно. «Мы сделали все, — сказали они, — увидели все, услышали и почувствовали все. Танец был хорош. Теперь пусть он закончится».

— Ты не можешь в это верить.

— Во что я верю, значения не имеет, — ответила она. — М'Квайи и Матери решили, что мы должны умереть. Сам их титул теперь стал насмешкой, но их решение будет соблюдено. Осталось лишь одно пророчество, и оно ошибочно. Мы умрем.

— Нет, — сказал я.

— А что тогда?

— Вернись со мной на Землю.

— Нет.

— Ну хорошо. Тогда вернись со мной сейчас.

— Куда?

— В Тиреллиан. Я поговорю с Матерями.

— Нельзя! Сегодня Церемония!

Я рассмеялся.

— Церемония в честь бога, который сбивает тебя с ног, а потом пинает в зубы?

— Он все равно остается Маланном, — ответила она. — А мы остаемся его народом.

— Вы с моим отцом нашли бы общий язык, — прорычал я. — Но я поеду туда, а ты поедешь вместе со мной, даже если мне придется тебя тащить — а я крупнее тебя.

— Но ты не крупнее Онтро.

— Кто, черт побери, такой Онтро?

— Он остановит тебя, Гэллинджер. Он — Кулак Маланна.

IV

Я с заносом затормозил джипстер перед единственным входом, который знал, — входом к М'Квайи. Бракса, увидевшая розу в свете фары, теперь баюкала ее на коленях, будто нашего ребенка, и ничего не говорила. Ее лицо было пассивным, чарующим.

— Они сейчас в Храме? — спросил я.

Лицо Мадонны не изменилось. Я повторил

вопрос. Бракса шевельнулась.

— Да, — ответила она, словно издалека, — но ты не можешь туда войти.

— Поглядим.

Я обошел джипстер и помог ей спуститься.

Я вел Браксу за руку, и она двигалась как будто в трансе. В свете недавно взошедшей луны ее глаза были такими же, как в тот день, когда я встретил ее, в день, когда она танцевала. Я щелкнул пальцами. Никакой реакции.

Я толкнул дверь и провел Браксу внутрь. В комнате царил полумрак.

И она закричала в третий раз за тот вечер:

— Не тронь его, Онтро! Это Гэллинджер!

Я никогда прежде не видел мужчину-марсианина, только женщин. Так что мне неоткуда было знать, урод ли он, хотя я сильно это подозревал.

Я поднял на него взгляд.

Его полуобнаженное тело было покрыто бородавками и вздутиями. Видимо, проблемы с железами.

Я думал, что на этой планете никого выше меня нет, но он оказался семи футов ростом, и жирным к тому же. Теперь я знал, откуда взялась моя гигантская кровать!

— Уходи, — сказал он. — Она может войти. Ты

— нет.

— Мне нужно забрать мои книги и вещи.

Он поднял огромную левую руку. Я посмотрел, куда она указывает. Все мои пожитки были аккуратно сложены в углу.

— Мне нужно войти. Я должен поговорить с М'Квайи и Матерями.

— Ты не войдешь.

— От этого зависит жизнь вашего народа.

— Уходи, — прогремел он. — Возвращайся к *своему* народу, Гэллинджер. А *наш* оставь!

Мое имя в его устах звучало так странно, словно принадлежало кому-то другому.

«Сколько ему лет? — подумал я. — Триста? Четыреста? Был ли он стражем Храма всю свою жизнь? Зачем? От кого его здесь оберегать?»

Мне не нравилось, как он двигается. Я встречал мужчин, которые двигались точно так же.

— Уходи, — повторил он.

Если они довели свои боевые искусства до того же совершенства, что и танцы, или, что еще хуже, их боевые искусства были частью танца, мне грозили большие неприятности.

— Иди, — сказал я Браксе. — Передай розу М'Квайи. Скажи, что это от меня. Скажи, что я скоро приду.

— Я сделаю так, как ты просишь. Вспоминай обо мне на Земле, Гэллинджер. Прощай.

Я не ответил ей, и она прошла мимо Онтро в следующую комнату, унося свою розу.

— Теперь ты уйдешь? — спросил он. — Если хочешь, я скажу ей, что мы сразились и ты едва не одолел меня, но я тебя оглушил и отнес на ваш корабль.

— Нет, — сказал я, — я пройду либо мимо тебя, либо по тебе — но я туда пройду.

Он присел, развел руки.

— Поднять руку на святого — грех, — пророкотал он, — но я остановлю тебя, Гэллинджер.

Моя память была как затуманенное стекло, которого неожиданно коснулся свежий воздух. Все прояснилось. Я заглянул на шесть лет назад.

Я изучал восточные языки в Токийском университете. Был наступавший два раза в неделю вечер моего отдыха. Я стоял в тридцатифутовом круге внутри Кодокана, коричневый пояс стягивал дзюдоги над моими высокими бедрами. Я был иккю — на одну ступень ниже самой низкой степени мастерства. Справа на груди у меня был коричневый ромб, на котором по-японски было написано «джиу-джитсу», но на самом деле это означало «атэми-вадза», потому что я усвоил

одну ударную технику, счел ее невероятно подходящей для моего роста и побеждал с ее помощью в поединках.

Но я никогда не использовал ее в бою, и прошло пять лет с тех пор, как я в последний раз тренировался.

Я знал, что потерял форму, но, как мог, постарался, чтобы дух мой был цуки но кокоро, подобен луне, и отражал Онтро целиком.

Откуда-то из прошлого донесся голос, сказавший: «Хаджиме, начинайте».

Я принял нэко аши дачи, стойку кошки, и его глаза странно запылали. Он поспешил изменить позицию, и я воспользовался этим!

Мой единственный трюк!

Моя длинная левая нога взметнулась вверх, как лопнувшая пружина. В семи футах над землей она встретилась с челюстью пытавшегося отскочить Онтро.

Его голова откинулась назад, и он упал. С его губ сорвался тихий стон.

«Вот и все, — подумал я. — Извини, старина».

Но когда я переступал через него, он каким-то образом, едва придя в себя, сумел сбить меня с ног, и я повалился на него. Я поверить не мог, что у него хватило сил не вырубиться после такого

удара, не говоря уже о том, чтобы шевелиться. Мне не хотелось вредить ему еще больше.

Но он нашарил мое горло и надавил на него предплечьем прежде, чем я сообразил, что у его действий есть цель.

«Нет! Это не может закончиться вот так!»

Мою трахею, мои сонные артерии пережала стальная балка. Потом я понял, что сознание к нему еще не вернулось, что это рефлекс, выработанный бессчетными годами тренировок. Я уже видел такое однажды, во время сиай. Человек погиб, потому что, потеряв сознание, когда его душили, все равно продолжал сопротивляться, а его противник подумал, что неверно применил захват. И надавил сильнее.

Но такое случалось редко, очень редко!

Я врезал локтем ему под ребра и ударил затылком в лицо. Хватка ослабла, но недостаточно. Я не хотел этого делать, но все же поднял руку и сломал ему мизинец.

Его рука обмякла, и я высвободился.

Он лежал, задыхаясь, с исказившимся лицом. Я сострадал падшему великану, который защищал свой народ, свою религию, следуя приказу. Я проклял себя, как ни разу не проклинал прежде, за то, что прошел по нему, а не мимо него.

Я подковылял к маленькой кучке своих вещей. Уселся на футляр проектора и закурил.

Я не мог войти в Храм, пока не переведу дыхания; пока не пойму, что сказать.

Как отговорить целый вид от самоубийства?

И вдруг…

…Возможно ли это? Сработает ли это? Если я прочту им книгу Екклесиаста… если я прочту им литературное произведение, более великое, чем труд любого Локара… и столь же мрачное… и столь же пессимистичное… и покажу им, что мой вид продолжил существовать, вопреки словам одного человека, вынесшего приговор всей жизни в высочайших поэтических выражениях… покажу им, что суета, которую он высмеивал, вознесла нас к Небесам… поверят ли они?.. переменят ли свое мнение?

Я раздавил сигарету о великолепный пол и отыскал свой блокнот. Когда я встал, во мне поднялась странная ярость.

И я ступил в Храм, дабы проповедовать в нем Черное Благовествование от Гэллинджера, из Книги Жизни.

* * *

Меня окружала тишина.

М'Квайи читала из Книги Локара, поставив розу по правую руку от себя, и все глаза смотрели на нее.

Пока не вошел я.

Сотни марсиан сидели на полу, босые. Я отметил, что редкие мужчины были такими же невысокими, как и женщины.

Я не разулся.

«Рисковать — так рисковать, — решил я. — Ты либо выиграешь, либо проиграешь — все».

За спиной М'Квайи сидела полукругом дюжина старух. Матери.

«Бесплодная земля, сухие утробы, тронутые пламенем».

Я подошел к столу.

— Умирая сами, вы хотите обречь на смерть свой народ, — сказал я им, — чтобы он не познал той жизни, которую знали вы, — ее радостей, ее горестей, ее полноты… Но это неправда, что все вы должны умереть. — Теперь я обращался ко всем. — Те, кто так говорит, лгут. Бракса знает, ведь она понесла ребенка…

Они сидели, точно ряды Будд. М'Квайи влилась

в полукруг.

— …моего ребенка! — продолжил я, гадая, что подумал бы об этой проповеди мой отец. — И все те женщины, что еще достаточно молоды, могут понести детей. Стерильны лишь ваши мужчины… А если вы позволите докторам из следующей экспедиции обследовать вас, быть может, окажется, что можно помочь и мужчинам. Но если это не так, вы сможете зачать от мужчин Земли.

А мы — не пустой народ, не пустое место, — продолжил я. — Тысячи лет назад Локар нашего мира написал книгу, говорившую, что это так. Он говорил то же, что и Локар, но мы не сдались, вопреки эпидемиям, войнам и голоду. Мы не умерли. Мы победили болезни, одну за другой, мы накормили голодных, мы отвоевались и уже довольно давно обходимся без войн. Быть может, мы наконец-то с ними покончили. Я не знаю.

Но мы пересекли миллионы миль пустоты. Мы посетили другой мир. А ведь наш Локар говорил: «К чему пытаться? Чего это стоит? Все равно все суета».

А секрет в том, — я понизил голос, как будто читал стихи, — что он был прав. Это суета, это гордыня! Это тщеславие рационализма — всегда атаковать пророка, мистика, бога. Это наша ересь

сделала нас великими и будет поддерживать нас, это ей втайне завидуют боги… Все по-настоящему священные имена Бога суть ересь!

С меня катился пот. Я сделал паузу; у меня кружилась голова.

— Вот книга Екклесиаста, — провозгласил я и начал: — «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — всё суета! Что пользы человеку…»

Я увидел вдали Браксу, онемевшую, зачарованную.

Мне стало интересно, о чем она думает.

И, точно черную нить вокруг катушки, я смотал вокруг себя часы ночи.

* * *

О, как было поздно! Я говорил, пока не настал день, и продолжил говорить после. Я закончил Екклесиаста и продолжил Гэллинджером.

А когда я умолк, мне ответила прежняя тишина.

Ряды Будд не двигались всю ночь. И после долгого молчания М'Квайи подняла правую руку. Одна за другой все Матери сделали то же самое.

И я знал, что это значит.

Это значило: нет, не нужно, прекрати, остановись.

Это значило, что я потерпел неудачу.

Я медленно вышел из комнаты и упал рядом со своим багажом.

Онтро не было. Хорошо, что я его не убил…

Спустя тысячу лет вошла М'Квайи.

Она сказала:

— Ваша работа закончена.

Я не двинулся с места.

— Пророчество исполнено, — продолжила она. — Мой народ ликует. Вы победили, святой. А теперь оставьте нас как можно скорее.

Мой разум сдулся, как воздушный шарик. Я подкачал в него немножко воздуха.

— Я не святой, — сказал я, — всего лишь второсортный поэт с запущенным случаем гордыни.

Я зажег последнюю сигарету.

Наконец:

— Ну ладно, что за пророчество?

— Обет Локара, — ответила она, как будто это не требовало объяснений, — что с небес снизойдет святой, чтобы спасти нас в наш последний час, если все танцы Локара будут завершены. Он победит Кулак Маланна и принесет нам жизнь.

— Как?

— Как произошло с Браксой, и с примером, показанным нам в Храме.

— Примером.

— Ты прочел нам его слова, столь же великие, как слова Локара. Ты прочел нам, что «нет ничего нового под солнцем». И ты высмеял его слова, читая их, — показав нам нечто новое. На Марсе никогда не было цветов, — сказала она, — но мы научимся их растить. Ты Святой Насмешник, — закончила она. — Тот, Кто Глумится В Храме, — ты топчешь святую землю обутыми ногами.

— Но вы проголосовали против, — сказал я.

— Я проголосовала против нашего изначального плана и за то, чтобы позволить жить ребенку Браксы.

— О. — Сигарета выпала у меня из пальцев. Как близок я был! Как мало я знал!

— А Бракса?

— Она была избрана полпроцесса назад, чтобы танцевать — чтобы ждать тебя.

— Но она сказала, что Онтро меня остановит.

М'Квайи долго стояла молча.

— Она никогда не верила в пророчество. Ей сейчас плохо. Она сбежала, испугавшись, что оно правдиво. Когда ты исполнил его и мы проголосовали, она поняла.

— Значит, она не любит меня? И никогда не любила?

— Мне жаль, Гэллинджер. Эту часть своего долга она исполнить не смогла.

— Долга, — тускло повторил я… Долгадолгадолга! Тра-ля!

— Она попрощалась; она не хочет тебя больше видеть… А мы никогда не забудем твоих учений, — добавила М'Квайи.

— Не забывайте, — машинально сказал я, неожиданно познав великий парадокс, лежащий в сердце всякого чуда. Я не верил ни единому слову собственной проповеди, не верил никогда.

Я встал, точно пьяный, пробормотав:

— М'нарра.

И вышел наружу, в свой последний день на Марсе.

«Я низверг тебя, Маланн, — и победа осталась за тобой! Покойся мирно на своем звездном ложе. Будь ты проклят!»

Я оставил джипстер и вернулся к «Аспиду» пешком, оставив бремя жизни во множестве шагов за спиной. Зашел в свою каюту, запер дверь и проглотил сорок четыре таблетки снотворного.

* * *

Но когда я проснулся, я был в лазарете — и жив.

Я ощутил пульсацию двигателей, медленно встал и чудом добрался до иллюминатора.

Туманный Марс висел надо мной округлившимся животом, а потом растворился, перелился через край и заструился по моему лицу.

Слово Желязны

«У меня была сильная сентиментальная привязанность к тому, что теперь называют “космической оперой”… Мне давно хотелось написать что-то в этом роде. Когда я начал продавать рассказы в шестидесятых, было уже поздно — почти. Космическая программа уже опровергла существование Марса и Венеры Эдгара Райса Берроуза — почти… Если я хотел написать оммаж… мне нужно было действовать быстро и выкладываться по полной. Я знал, что мне будет дозволен лишь один шанс поработать с каждой планетой, а потом придется покинуть Солнечную систему. “Роза для Екклесиаста” была моим единственным словом о Марсе. “Двери лица его, пламенники пасти его” — все, что я мог сказать о Венере. И я это сделал. Я написал обе повести и запрыгнул в последний вагон» [4].

---

[4] Примечания: 4
«Янтарные грезы» (*Amber Dreams*), 1983 г.

Желязны обычно был уклончив, когда его спрашивали, напоминает ли поэт Гэллинджер его самого, однако написал очень личный ответ на письмо женщины по имени Клара: «Вы спрашиваете, почему я так ненавидел Гэллинджера в “Розе для Екклесиаста”. Правда в том, что я ненавидел его, потому что он был мной. Однажды я позволил умереть чему-то прекрасному, и теперь его никогда не будет. Детали не важны, потому что они ничего не добавят. Повесть говорит то, что должна, ее успех или неудача зависят от ее собственных достоинств. Но вы правы в том, что это печальная история, хоть и почувствовали себя подавленной и даже обманутой. Жизнь полна таких случаев, и один из них стал причиной создания этой повести. Я не хотел, чтобы она так заканчивалась, но это должно было случиться, потому что он был мною. Я чувствовал боль вместе с ним. Он был лучше меня, как лингвист, и лучше, как поэт. Он был очень хорошим, непонятым человеком. У этой истории есть продолжение, которое я никогда не напишу, и в нем он возвращается на Марс несколько лет спустя. Оно гораздо печальнее, поверьте мне, и он не заслуживает того, чтобы через это проходить. Он достаточно настрадался. Но иногда такое случа-

ется, и все, что тут можно сказать, это: “Смотрите. Вот какова жизнь”. Вот и все» [5]. Желязны имел в виду события, послужившие причиной разрыва его шестимесячной помолвки с Хеди Уэст; он написал повесть вскоре после этого.

На самом деле «Роза для Екклесиаста» была написана в октябре 1961 г., за пять месяцев до «Мистерии», но тогда Желязны решил не предлагать ее к публикации, понимая, что описанный в ней Марс к 1962 году утратил всякое правдоподобие. Критики и другие писатели встретили повесть с энтузиазмом, считая, что она отражает стремительное развитие его таланта. На самом деле Желязны написал ее прежде первых своих опубликованных работ. Неизвестно, редактировал ли он ее вообще перед тем, как отправить в журнал.

Не отступая от своего намерения по примеру Хемингуэя оставлять некоторые вещи невысказанными, Желязны не называет в повести имени Гэллинджера — Майкл. «Это не было важным; у меня не было причин использовать его имя… Если писатель рассказывает в истории меньше, чем видит на самом деле, это добавляет ей силы.

---

[5] Примечания: 5
No-Eyed Monster, № 14, лето 1968 г., стр. 21–22.

Это помогает персонажу казаться более реальным» [6].

Примечания

Теодор Старджон восторженно написал, что «”Роза для Екклесиаста” — это одна из самых важных повестей, которые я когда-либо читал, — или, может, мне стоит сказать, что это один из самых запоминающихся опытов, которые у меня были… даже пытаясь быть настолько объективным, насколько я способен, — то есть не очень, — я все равно могу с уверенностью сказать, что это одно из самых прекрасно написанных, мастерски выстроенных и страстно рассказанных произведений искусства, которые когда-либо где-либо появлялись» [7].

Вполне естественно, что эта повесть вошла в число классических работ «марсианской литературы», помещенных на кремниевый мини-DVD «Видения Марса: Первая марсианская библиотека» (*Visions of Mars: First Library on Mar*), что прибыл на поверхность Марса 25 мая 2008 года

---

[6] Примечания: 6
Теодор Крулик, «Роджер Желязны» (*Roger Zelazny*), 1986 г.

[7] Примечания: 7
«Четверка на завтра» (*Four for Tomorrow*), Ace, 1967 г.

на борту аппарата «Феникс».

«Роза для Екклесиаста» вошла в антологию «Зал славы научной фантастики, том первый» (*The Science Fiction Hall of Fame, Volume One*), став шестым из двадцати шести лучших произведений малой прозы, напечатанных с 1929 по 1964 год (до учреждения премии «Небьюла»), по версии писателей-фантастов.

Иллюстрация к журнальной публикации повести стала одной из последних работ Ханнеса Бока, и Желязны позднее приобрел оригинальный рисунок.

Множеству отсылок и аллюзий, обогащающих текст, может пойти на пользу идентификация или разъяснение. **Мадригал** — это светское музыкально-поэтическое произведение для двух голосов, чаще всего итальянское. Словом **«макабрический»** обычно описывают произведения с мрачной или жуткой атмосферой и акцентом на теме смерти. **«Пусть Честолюбье твой труд без презренья приемлет»** — цитата из стихотворения Роберта Бернса «Субботний вечер

поселянина» [8]. В пьесе Шекспира **Гамлет** и его отчим, король **Клавдий**, относились друг к другу с презрением и недоверием. **Антуан де Сент-Экзюпери** — писатель и летчик, опубликовавший несколько выдающихся романов, касающихся темы полета, и больше всего известный как автор сказки «Маленький принц». **Злые Щели** — восьмой круг ада в «Божественной комедии» **Данте**, в котором он встречает **Улисса**, стоящего в огне, наказанного за три греха, но все равно способного произнести речь о своих приключениях. **Терцины** — форма рифмовки трехстиший, использованная в «Божественной комедии». **«Махабхарата»** — длинная древнеиндийская эпическая поэма, написанная на санскрите.

Самсон — ветхозаветный герой, чья невероятная сила заключалась в его длинных волосах; его любовница Далила остригла их, после чего филистимляне ослепили Самсона и сделали его своим пленником в Газе, — но его волосы снова отросли, и он обрушил колонны храма, погубив себя и множество филистимлян. **Генрих Шлиман**

---

[8] Примечания: 8

Здесь в примечания составителя вкралась неточность: цитата на самом деле взята из стихотворения Томаса Грея «Элегия, написанная на деревенском кладбище», отрывок из которого Бернс использовал в качестве эпиграфа к «Субботнему вечеру поселянина». (*Прим. пер.*)

— немецкий охотник за сокровищами, который открыл и раскопал Трою и конфликтовал из-за нее с археологом Фрэнком Калвертом. **Пракрит** был обыденным, или простонародным языком в древней Индии, а **санскрит** — богослужебным, или высоким. **«Потолок был куполообразным, на консолях»** означает, что высокий потолок поддерживали выступы на стенах. «**Бензедрин»** — торговое название лекарственного препарата на основе амфетамина.

В **«Илиаде»** Гомера описывается Троянская война и убийство Гектора Ахиллесом. **«Дополнительными хвостами для терзавшей мою спину кошки»** — намек на кошку-девятихвостку, веревочную плеть с девятью хвостами, завязанными в узлы на концах, которая в прошлом использовалась для наказаний (Гэллинджер, скорее всего, говорит о ней в переносном смысле, а не в прямом, потому что позднее он утверждает, что его отец не опускался до телесных наказаний.) **Катафалк** — платформа, на которой переносится или лежит мертвое тело. Нью-йоркский район **Гринвич-Виллидж** играл важную роль в развитии фолк-музыки 60-х (Дилан, Саймон и Гарфанкел, Peter, Paul and Mary и т. д.); именно там Желязны встретил свою первую невесту, фолк-певицу

Хеди Уэст. **У. Х. Оден** был одним из любимейших поэтов Желязны. **Ямб** — стихотворный размер, в котором чередуются короткие (безударные) и длинные (ударные) слоги.

«Я — смельчак, хоть и чужой...» — отсылка к «Последним стихам» А. Э. Хаусмана и строкам «Я, смятенный и чужой // В мире, созданном не мной», которые Гэллинджер переиначивает, превращая в похвальбу. **«Эта земля»** — скорее всего, отсылка к стихотворению Эмили Дикинсон «Эта земля — закатом омыта». **Recherches** в переводе с французского означает «изыскания». **Эдгар Аллан По** писал стихи и рассказы в жанре ужасов, такие как «Сердце-обличитель». **«Суета сует»** — цитата из книги Екклесиаста. **Жан-Поль Сартр** — экзистенциалист, исследовавший природу человеческой жизни и структуры сознания. **Другой** — философская категория, связанная с тем, как сознание осмысляет существование других сознаний. **Перифраз** — использование непрямых, описательных обозначений в речи или на письме.

Генри Хэвлок Эллис — британский врач и психолог-сексолог, в чьей книге «Танец жизни» говорится, что танец и архитектура — два базовых и важнейших вида искусства. Согласно Эллису,

танец есть источник всех видов искусства, которые получают свое воплощение во внутреннем мире человека, и он появился первым; архитектура — источник всех видов искусства, которые существуют во внешнем мире.

Сари — одежда индийских женщин, длинный отрезок хлопковой или шелковой ткани, обернутый вокруг тела. **Этрусский фриз** — архитектурное украшение в виде горизонтальной полосы на стене под потолком, украшенной скульптурным или рисованным изображением. Этрусская цивилизация достигла пика своего развития в районе 500 года до н. э. **Сямисэн** — японский трехструнный музыкальный инструмент, на котором играют с помощью плектра (медиатора), называемого «бати». **Глиссандо** — скольжение от одного звука к другому при игре на музыкальном инструменте. **Сен-Жон Перс** — псевдоним французского поэта, в 1960 году получившего Нобелевскую премию по литературе. **Девадаси** или «служанки бога» — в индуизме девочки, «посвященные» божеству или храму и учившиеся священному танцу бхаратнатьям. **Рамаджани** — священные танцоры.

Рамой могут называть одного из трех аватаров Вишну — Балараму, Парашураму или Рамачанд-

ру; **Вишну,** или «Хранитель» — второй из богов Тримурти, куда также входят Брахма-Создатель и Шива-Разрушитель. **Сарасвати** — индуистская богиня мудрости и искусства. **Ситар** — большая индийская лютня с длинным грифом и подвижными ладами; на ней играют проволочным медиатором.

Артюр Рембо, Шарль Бодлер, Эдгар Аллан По, Томас де Квинси, Оскар Уайльд, Стефан Малларме и Алистер Кроули были уважаемыми писателями и поэтами. **Иов** спорил с Богом, поскольку бытующая мудрость утверждала, что его страдания являются справедливым наказанием за его грехи, однако он знал, что не повинен ни в каких прегрешениях, и хотел встретиться с Богом лицом к лицу вместо того, чтобы принять простые объяснения, в которых, как он знал, не было правды.

Уильям Батлер Йейтс, Эзра Паунд, Т. С. Элиот, Харт Крейн и Уоллес Стивенс — реальные поэты, чьими работами восхищался Желязны, в отличие от **Майкла Гэллинджера**, главного героя повести. **Джонатан Свифт** — ирландский поэт и прозаик, прежде всего известный как автор «Путешествий Гулливера» — фантастического романа о странствиях по вымышленным землям,

являющегося сатирой на человеческое общество. **Джордж Бернард Шоу** — ирландский драматург, чьи пьесы (в том числе «Пигмалион», «Человек и сверхчеловек») сочетали в себе комедию и исследование традиционных морали и образа мысли. **Петроний Арбитр** — автор «Сатирикона», романа в прозе и стихах, высмеивавшего излишества римского общества. **Трималхион** — персонаж «Сатирикона», известный своими роскошными пирами.

Роза Блейка — отсылка к стихотворению Уильяма Блейка «Больная роза», начинающемуся словами «О роза, ты больна!». **Исаия** — знаменитый иудейский пророк восьмого века до н. э.; его пророчества содержатся в библейской «Книге пророка Исаии». **Мафусаил** — дед Ноя, по преданию проживший почти тысячу лет; в переносном смысле также долгожитель или бессмертный человек.

Джованни Скиапарелли — итальянский астроном, известный тем, что назвал прямые линии на поверхности Марса словом «canali» («протоки»), которое было ошибочно переведено как «каналы» и воспринято как доказательство существования марсианской цивилизации. **Джон Мильтон** написал поэму «Потерянный рай» после

того, как ослеп. **Дионисийский** — чувственный, спонтанный и эмоциональный. **«Испанская танцовщица»** — стихотворение немецкого поэта Райнера Марии **Рильке**. **«Листья Шелли»** — отсылка к стихотворению Перси Шелли «Ода западному ветру». **Дактиль** — поэтический размер, в котором за ударным слогом следуют два безударных; **гекзаметр** — стих, состоящий из шести метров.

Замок Дуино, стоящий на каменистом плато Карст над Триестским заливом, часто посещал Рильке; цитата, заканчивающаяся словами **«Розам <…> значения не придавать»** (т. е. не искать в розах намеков на будущее человека), взята из «Первой элегии» в сборнике Рильке «Дуинские элегии». **«Анафема маран-афа»** — проклятие тому, кто не хочет быть спасен перед пришествием Господа. **Аспид** — древнее название египетской кобры; его использование в качестве названия судна может намекать, что корабль и его экипаж были змеем в марсианском Эдеме.

«Клавдий! Ах, если бы это был пятый акт!» — отсылка к кульминации пьесы «Гамлет», в которой умирают и Клавдий, и Гамлет. **«Сайонара»** — японское прощание.

Не получив помощи от вымышленного мар-

сианского бога Маланна, Гэллинджер взывает к божествам различных религий и мифологий — индуистской (**Вишну**), христианской и иудейской (**Иегова**), греческой (**Адонис**), египетской (**Осирис**), шумерской (**Таммуз**), алгонкинской (**Маниту**) и гаитянской (**Легба**). **Николо Паганини** — итальянский скрипач и композитор.

Кодокан («Дом изучения Пути») — японский центр изучения дзюдо. **Дзюдоги** — традиционный костюм для тренировок и соревнований по дзюдо. **Иккю** — старшая ученическая ступень в дзюдо, отмечаемая коричневым поясом. **Джиу-джитсу** — японское боевое искусство. **Атэми-вадза** — ударные техники в дзюдо, которые редко используются в полную силу, потому что могут нанести большой вред. **Цуки но кокоро** («дух, подобный луне») — образ, символизирующий необходимость постоянно осознавать целиком противника и его движения, как лунный свет равно освещает все, на что падает. **Хаджиме** переводится как «порог» или «начало». **Нэко аши дачи** («стойка кошки») — классическая начальная поза в дзюдо, часто изображаемая в кино. **Сиай** — соревнование за приз.

Бракса

Примечания

Стихотворение, написанное для повести 1963 года «Роза для Екклесиаста» и включенное в нее, полностью приведено в тексте на стр. 45. Отдельно оно печаталось в поэтических сборниках «Стихотворения» и «Когда в тот раз цвели в саду кошачьем вербы».

Примечание переводчика

В «Когда в тот раз цвели…» последняя строка «Браксы» отделена от остальных пустой строкой — в отличие от варианта в тексте повести.

Эпилог Екклесиаста

Написано в 1955–1960 годах для поэтического сборника «Резец в небе»; ранее не публиковалось

Столь вопиюще,
как сон старинный катится
в ничто,
преходят и твои желанья, женщина,
меня оставив пробужденным,
но не обновленным.

Примечания

Книга Екклесиаста — книга Библии, выражающая идею, что всё в мире суета, всё тщетно, ничто не ново под солнцем — и Желязны, как известно, отсылает читателя к этой мысли в «Розе для Екклесиаста». В данном стихотворении он пишет о несходных сексуальных желаниях пары: мужчина возбужден, но раздосадован — женщина уже утратила интерес.

Бок

Опубликовано в книге «И полеты ангелов: жизнь и легенда Ханнеса Бока» *(And Flights of Angels: The Life and Legend of Hannes Bok,* составитель Эмиль Петая, Мемориальный фонд Bokanalia, 1968 г.) как «Без названия»

Вся мощь иссякла
Истек из призмы спектр
Былое имя вырезано в камне
Во мне кипит утрата некогда живого

Мне будет не хватать его миров сновидца
их музыкантов, напоенных солнцем
царств, им обобранных до радуг ради пиршеств

слов, высказанных гибкостью движенья
за долгий день диковинного дива
блистательных светил восхода и восторга

разыгранных над подписью невечной
в сиянье грезы вычерченной кратко
но ярко ярко
так ярко

Слово Желязны

Как писал Желязны в оригинальной публикации, это «строки о творчестве ХАННЕСА БОКА, написанные на известие о его смерти» [9]. Ханнес Бок (псевдоним Уэйна Вудэрда, 1914–1964) — известный в 1960-е годы художник-фантаст, чьей последней большой работой стала иллюстрация к «Розе для Екклесиаста» Желязны на тыльную и лицевую сторону обложки журнала *The Magazine of Fantasy & Science Fiction* за ноябрь 1963 года. «Когда мне было 12 лет и я хотел сочинять НФ, у меня была цель: чтобы что-нибудь, что я напишу, проиллюстрировал Бок. Когда я стал сочинять НФ, я уверился в том, что иллюстрации Бока мне не видать, потому что он отошел от фантастики. Я и представить не мог, что он вернется ради по-

[9] Примечания: 9

«И полеты ангелов: жизнь и легенда Ханнеса Бока» (*составитель* Эмиль Петая, Мемориальный фонд Bokanalia, 1968 г.).

следней обложки — и это будет моя повесть» [10].

[10] Примечания: 10
Письмо Роджера Желязны Неду Бруксу от 6 июня 1965 года.

И тьма жестока

Eucuyo, 1954 г.

Мы отдыхаем здесь и ждем. Ждем.

Знаете ли вы, что значит ждать? Нам тесно здесь, моим братьям и мне, и мы смотрим на эту огромную металлическую дверь, ожидая, когда она откроется.

Сейчас она заперта. Но она уже открывалась прежде, и говорят, что рано или поздно она открывается всегда. Когда мы услышим тихий щелчок и внутрь заглянет чистый свет солнца, мы будем готовы.

Мы всегда готовы. Как и миллионы наших сородичей по всей планете. Готовы и ждем.

Говорят, что внешний мир красив, что с неба там льется теплый свет, побуждая зелень прокле-вываться из-под земли, и жить, и расти. Говорят, что он красив и ночью, что тьма в нем приятна, а не жестока, а в небе горят тысячи маленьких огоньков. Говорят, что в это время живые спят.

Нам этого никогда не изведать, потому что мы не умеем спать. Мы только отдыхаем, когда нас

не используют.

Мы отдыхаем сейчас, и ждем, и заново переживаем свое трагическое прошлое. Наше прошлое всегда трагично; если оно у нас, конечно, есть. У некоторых из нас его нет. Мы — новые.

Но мы слушаем воспоминания старых, и мы знаем, каково это. Знаем, что значит увидеть внешний мир, всю его красоту, и выйти в него.

Он изменится.

Он всегда меняется, когда мы выходим наружу. В небе загораются не только звезды, а ночная тьма становится жестокой, как в нашем обиталище.

Бывает так, что ночь не темна. Тогда спят не все живые, а некоторые не просыпаются даже с наступлением дня.

Мир недолго бывает красивым, когда мы выходим. Он становится уродливым.

Нам не нравится уродство. Нам не нравится ждать. Нам не нравится даже существовать. Но мы — слуги. Мы должны существовать, и ждать, и творить новое уродство каждый раз, когда дверь открывается.

Она откроется снова. Говорят, что рано или поздно она открывается всегда.

Тогда нежный солнечный свет заглянет сюда и расскажет нам о красоте внешнего мира. Он уви-

дит наши блестящие металлические тела и слова «Оружейный склад», написанные на двери.

Он увидит это и уйдет.

И тогда наше ожидание закончится.

Слово Желязны

Это первый целиком опубликованный рассказ Желязны; он был напечатан в литературном журнале неполной средней школы города Юклид, *Euciuyo*, в 1954 году. Желязны активно рассылал рассказы по журналам, но получал только отказы. Позднее он переиздал этот рассказ в одноименном малотиражном буклете, где назвал его «очевидным подражанием Брэдбери» [11].

---

[11] Примечания: 11

«И тьма жестока» (*And the Darkness Is Harsh*), 1994 г.

Протест мистера Фуллера

*Eucuyo,*1954 г.

— Доброе утро, мистер Фуллер, — сказал помощник, поправляя свою белую форму и улыбаясь.

— Доброе утро, Джордж. Что у нас сегодня по расписанию?

— По расписанию, мистер Фуллер? — переспросил помощник. — Вы же знаете, что у нас нет никакого…

— Забудь, — вздохнул мистер Фуллер, неприметельного вида мужчина тридцати с лишним лет. — Я просто подумал, что, может быть… Не важно.

— Вам что-нибудь нужно, сэр? — с готовностью поинтересовался помощник.

— Нет. Я, наверное, прогуляюсь. — Мистер Фуллер развернулся и оставил старого помощника.

Ему подумалось, что день выдался прекрасный, но, впрочем, других здесь и не случалось. Он спустился по извилистой дороге в долину и заглянул в сад. Сорвал с дерева яблоко, даже не оглядев, прилег в тени и вгрызся в него.

Яблоко, разумеется, было идеальным — они всегда такими были; собственно говоря, в этом месте идеально было все. Можно просто лечь и расслабиться — обо всем позаботятся за тебя. Мистер Фуллер снова вздохнул, глядя, как на дороге лениво закручивается пылевой смерчик. Человек должен быть счастлив, когда он волен делать все, что ему угодно. Одна проблема: делать здесь было нечего.

Мистер Фуллер понял, что несчастен.

Он швырнул остатком яблока в ствол ближайшего дерева.

Шмяк!

«Так это и случилось, — подумал он. — Я просто переходил улицу, когда какой-то сумасшедший водитель пронесся на красный свет».

Решетка радиатора и бампер мчались прямо на него, измученно визжали шины. Их вопль становился все громче и громче.

Шмяк!

И он очутился здесь. Мистер Фуллер встал и зевнул. Смахнул с одежды несколько пылинок. Может, для него найдется какое-нибудь занятие. Где этот проклятый помощник?

— Звали? — спросил улыбающийся Джордж, выйдя из-за толстого дерева.

— Ага, — ответил мистер Фуллер. — Как насчет того, чтобы отыскать еще нескольких ребят и сыграть в софтбол?

— Боюсь, это невозможно. Активные виды спорта здесь запрещены, вы же знаете.

— Я просто спросил. — Он пожал плечами и снова вышел на дорогу. Должно же здесь найтись хоть какое-нибудь толковое занятие!

Помощник догнал его.

— Чуть дальше по дороге есть превосходный вид на водопад, а рядом — грушевый сад.

Мистер Фуллер молчал.

Они посмотрели на водопад, и он съел полдюжины идеальных груш. Но живот у него не заболел; такие вещи остались в прошлом.

Однако что-то он у себя внутри ощущал; оно грызло его и просилось наружу. Ему хотелось как-то это выразить.

Наконец он заговорил:

— Джордж.

Помощник посмотрел на него, улыбаясь. Он всегда улыбался.

— Джордж, здесь очень красиво, — начал мистер Фуллер. — И ты был очень добр ко мне. Но здесь нечего делать. Вы подарили мне утопию и пустую жизнь! Это обитель безделья!

Возмущение вскипело в мистере Фуллере, и он продолжил:

— Здесь абсолютно, совершенно нечему уделить внимание! Может, я просто не создан для подобного существования, но, если таков рай, я предпочел бы ад!

Глаза помощника блеснули, и он улыбнулся шире обычного.

— Вот как? — спросил он. — А где же вы, по-вашему, оказались, сэр?

Слово Желязны

Этот рассказ, один из нескольких уцелевших подростковых текстов Желязны, стал первым, за который он получил гонорар — 25 долларов (около 190 долларов по курсу 2008 года) — и который был опубликован в профессиональном издании [12]. Впервые рассказ напечатали в *Euclyo*, литературном журнале неполной средней школы города Юклид. Желязны отправил его на конкурс National Scholastic, принимавший рассказы, написанные старшеклассниками, — тот же, в котором в свое время победил Харлан Эллисон, — и

[12] Примечания: 12

«Роджер Желязны: Первичная и вторичная библиография» (*Roger Zelazny: A Primary and Secondary Bibliography*), 1980 г.

получил в награду 25 долларов плюс почетную публикацию в общенациональном журнале *Literary Cavalcade* (т. 7, № 1, октябрь 1954 г.). Это достижение «вдохновило меня написать еще сотню рассказов. Ни один из них не приняли к публикации, но порой я получал приятные приписки к отказам. Однажды мне черкнул строчку Флетчер Прэтт, написав “Попробуйте еще”. Пару писем прислал Рэй Палмер: “Уже близко”. “Не хватило совсем чуть-чуть”. А потом я поступил в колледж и бросил писать; лекций было столько, что я даже читать фантастику не успевал» [13].

Впоследствии Желязны переиздал «Протест мистера Фуллера» в буклете «И тьма жестока», где заметил: «Понятия не имею, откуда взялся этот рассказ» [14]. Позднее критики называли среди постоянных тем в творчестве Желязны смерть, бессмертие, самоубийство, автомобильные аварии — и примечательно, что некоторые из этих тем возникают уже в такой ранней публикации.

---

[13] Примечания: 13
If, январь 1969 г.

[14] Примечания: 14
«И тьма жестока» (*And the Darkness Is Harsh*), 1994 г.

Примечания

Слово **«утопия»** (в переводе — «благое место») придумал сэр Томас Мор для своей одноименной книги 1516 года.

Диета

Еисиуо, 1954 г.

Сласти, торты, кексы, вафли,
С пылу с жару углеводы
Пред голодными глазами
Кружат, кружат хороводы.

Вот и курица с картошкой,
Вот капусточка цветная
Манят, дразнят, искушают
И терпения лишают.

Начеку официанты,
Время мчится, время скачет.
«Пропитанья! Пропитанья!» —
Мой желудок стонет-плачет.

Ароматы, калорийность,
Сколько лжи на свете этом!
Мне обед важней обета —
Ты прощай, моя диета!

Слово Желязны

Стихотворение опубликовано в *Euciuyo*, литературном журнале неполной средней школы города Юклид, и перепечатано в сборнике «Молодая Америка поет» (Young America Sings, Национальная поэтическая ассоциация средних школ, 1954). Желязны также опубликовал его в небольшом малотиражном сборнике «И тьма жестока» с примечанием: эти стихи «вдохновлены толстым ребенком, которого мне стало жалко».

Проверенный метод

Hark № 1, декабрь 1954 г.

Глава мутантов устроился на краю стола и молча попыхивал сигаретой. Комендант общежития с изрядно наморщенным лбом сидел за столом, сосредоточившись на проблеме.

Наконец Комендант просветлел.

— Да, — объявил он, — у меня в общежитии есть подходящий бросов… гм, талантливый парнишка. И как он сразу мне в голову не пришел… я немедленно его вызову.

Он закрыл глаза и замер, телепатируя.

Неожиданно посреди кабинета, примерно в футе над полом, возникла фигура юноши. И с внушительным стуком упала на спину. Поднявшись на ноги и потирая ушибленный зад, она смущенно пробормотала:

— Ха, забыл про ступеньку у двери, когда телепортировался.

Комендант повернулся к Главе и кивнул, а потом снова посмотрел на ожидающего юношу.

— Джордж, — представил он его, — я хочу по-

знакомить тебя с Главой мутантов.

— Надо же, — сказал Джордж, и глаза его засочились обожанием, — сам Глава.

— Полагаю, он подойдет, — задумчиво проговорил Глава, окидывая проницательным взглядом могучее приземистое туловище Джорджа. И кивнул, отметив его низкий лоб и сутулость. — Да, думаю, он — именно тот, кто нам нужен.

Он в последний раз затянулся сигаретой и затушил ее в стоявшей под рукой пепельнице.

— Джордж, — начал он, — тебя избрали для очень важной миссии. Я хочу, чтобы ты знал: абы кому я бы ее не поручил.

— Ух ты, спасибо, — сказал Джордж, с гордостью припомнив, что он единственный чистокровный мутант на свете.

— Да, это особенная миссия для особенного парня, — продолжил Глава. — Вот что ты должен сделать. — Он указал на посадочную площадку за низким окном кабинета. — Ты сядешь в замаскированный звездолет, который стоит на этой площадке, и…

Джордж проследил глазами за его жестом.

— Простите, сэр, — перебил он Главу, — в какой звездолет? Я не вижу там никаких…

— Разумеется, ты его не видишь, — резко от-

ветил Глава. — Я ведь только что тебе сказал — он замаскированный. Так вот. Ты выйдешь на площадку, сядешь в корабль и взлетишь. — Его рука проскользнула под идеально скроенный пиджак и извлекла сложенный листок бумаги. — Вот твой курс. Когда доберешься до точки, возле которой написано «ОСТАНОВИТЬСЯ ЗДЕСЬ», — остановись. Понял?

Джордж на секунду задумался, а потом кивнул.

— Хорошо. Я буду следить за твоим полетом по радиолокатору, и когда ты остановишься, телепатирую тебе дальнейшие указания. А теперь можешь идти, и удачи тебе.

Джордж браво отсалютовал и телепортировался наружу.

Через несколько минут он отыскал корабль, а еще через несколько тот вознесся на огненном столпе. Чередуя выбросы из дюз, корабль дважды выполнил боковое скольжение, корректируя траекторию, и взял курс, пролегавший через астероидный лабиринт.

Несколько ошеломленный Глава повернулся к Коменданту и прокомментировал:

— Идеальный взлет.

— Да, — ответил Комендант. — Хорошая штука автоматические пилоты — с ними даже ребенок

управится.

Облака метеоритной пыли проплывали мимо и вились вокруг его корабля, и порой пригоршни ее барабанили по обшивке. Джордж смотрел в иллюминатор на округлую красноту Марса, всегда напоминавшего ему цветной агат, с которым он играл в детстве. Кстати говоря, что случилось с тем камушком?

— Джордж, ты меня слышишь? — настиг его телепатический вопрос.

Джордж поспешно вынырнул из забытья.

— Э-э, о, да, сэр, — ответил он.

— Отлично, а теперь слушай меня внимательно. Включи свой телеэкран — там чуть ниже и левее него есть тумблер с подписью «Вкл./Выкл.».

Джордж быстро выполнил приказ. И гордо телепатировал в ответ:

— Включил, сэр.

— Молодец. Теперь поверни ручку ниже и левее экрана, под которой написано «Настройка».

Пауза, и ответ:

— Готово, сэр.

— Видишь что-нибудь?

— На экране лицо, сэр.

— Это твое отражение, — пришел раздражен-

ный ответ. — Крути ручку, пока не увидишь что-то еще.

— Теперь вижу, сэр, — другой корабль.

— Отлично, все правильно, — сказал Глава. — Итак, как тебе известно, нынешний, 2252 год — это год выборов. Пока что нам, мутантам, удавалось поднять наших кандидатов максимум на второе место в рейтинге. На приближающемся корабле находится действующий Президент Солнечной системы, который облетает планеты с предвыборными речами. Он до сих пор занимает первое место. Твоя задача — убить его.

— Так точно, сэр, — сказал Джордж.

— Его прибытия ожидают на Марсе через час, а мимо тебя он должен пролететь через несколько минут. Когда его корабль максимально сблизится с твоим, ты телепортируешься туда, застрелишь его и телепортируешься обратно, после чего затеряешься среди астероидов.

— Так точно, сэр.

— Вопросы есть?

— Да, сэр. Из чего мне его застрелить?

— На пульте перед тобой должен лежать пистолет.

— И правда, сэр.

— Отлично, тогда приступай.

Джордж включил телесканер на полную мощность и стиснул пистолет в полной готовности. Он взглянул на табло — еще десять секунд, и эта летящая на него серебряная пуля окажется в точке максимального сближения.

— Девять, восемь, семь, — начал отсчет Джордж.

— Еще шесть секунд, — проговорил Комендант, глядя на часы, — и нашим тревогам настанет конец. Только подумайте — все, ради чего мы страдали и трудились, все наши мечты и планы…

— Четыре секунды, — сказал Глава. — Три…

— Две… одна, — закончил Джордж. И телепортировался.

Глава, который следил за Джорджем телепатически, завопил в мучительной ярости.

Комендант, который читал мысли Главы, уткнулся головой в ладони и тихо застонал.

Джордж промахнулся мимо корабля.

Долгое, долгое время спустя Глава прекратил вопить и проронил пять слов, которые стали легендарными:

— Попытаем счастья в пятьдесят шестом.

И они печально сняли свои предвыборные

значки.

Примечания

Этот рассказ впервые появляется в четвертом издании настоящего собрания. Желязны расплывчато упоминал, что «в начале пятидесятых опубликовал несколько вещиц в фэнзинах» [15], однако на момент публикации первого издания в 2009 году единственным известным рассказом из фэнзинов того периода была «Выплата под условием». Фэнзин, в котором был напечатан этот рассказ, выставили на продажу на eBay после выхода третьего издания. Возможно, существуют и другие фэнзины с ожидающими обнаружения ранними рассказами Желязны.

---

[15] Примечания: 15

Даулинг, Терри; Кертис, Кит. «Беседа с Роджером Желязны». Science Fiction (Australia), 1978 г.; 1 (2 [июнь]): стр. 11–23.

Вечная юность

Eucuyo, 1955 г.

Улица была узкой, и свет восходящего солнца проносился по золотым дорогам мимо домов и разбивался о мостовую мелкой филигранной паутиной. Не уделяя внимания этим узорам у себя под ногами и не уделяя внимания вообще ничему, кроме собственных глубоких раздумий, старик быстро пересекал дорогу.

Вывернувшая из-за угла колымага с грохотом понеслась на него, и из ее откинутого верха вырвались предостерегающие крики четырех пассажиров — двоих юношей и двух девушек.

Но он заметил это не сразу.

Когда крики наконец-то задели какую-то струну внимания в его окаймленной сединой бороде, старик поднял голову, вытаращил глаза и распахнул рот. Он оставался в этом положении целых три секунды, прежде чем его заторможенные рефлексы отреагировали на угрозу. К тому моменту она почти уже настигла его.

Руки, неожиданно ухватившие его за плечо и

предплечье, были загорелыми и мускулистыми. Они резко потянули старика вправо.

Он очутился в затененном дверном проеме, пытаясь перевести дыхание и сохранить равновесие. Колымага пролетела мимо, обдав его мелким холодным дождиком из лужи неподалеку и прохладным ветерком.

После чего свернула за ближайший угол и скрылась.

Дрожащий старик привалился к стене и ощутил, как руки отпустили его плечо. Он глубоко вздохнул и неосознанно начал отряхивать брызги воды с лица и одежды.

— С-спасибо, — пробормотал он своему спасителю. — Я ее даже не заметил. Эти улицы… они такие узкие… на них так мало места для пешеходов. Я задумался… я шел в библиотеку. Спасибо.

— Не за что, — выдохнул другой мужчина сквозь стиснутые зубы. — Нынешнюю молодежь нельзя выпускать на дороги. — Он успокаивающе положил ладонь обратно на плечо старика. — Вы в порядке? Я не повредил вам руку, когда так вас дернул?

Старик согнул руку и выпрямил ее.

— Нет, все хорошо. — Он впервые посмотрел на своего спасителя. — Но какое же это жуткое

ощущение — поднять взгляд и увидеть, что на тебя несется такой кошмар, сержант, — заметил он форму на своем собеседнике.

— Я провожу вас до библиотеки, — предложил сержант. — Мне и самому надо в ту сторону.

Они покинули дверной проем, прошли несколько шагов по улице. Старик остановился и содрогнулся.

— Я не виню вас за эту слабость, — сказал сержант. — Вы поразитесь, сколько жалоб на нас сыплется каждую неделю. Это поколение катится в пропасть. Безответственная езда, воровство, сумасшедшие пирушки, драки на улицах… Уж и не знаю, к чему мы идем.

— Ну, дети всегда склонны немного безумствовать, пока взрослеют, — начал старик, когда они снова зашагали. — До меня доходили кое-какие истории…

— То, что до вас доходило — это даже не половина, — сказал сержант. — Многие из этих детишек происходят из хороших семей — семей богатых торгашей и важных чиновников. В таких случаях дела часто улаживаются тайком, и юнцы уходят без малейшего наказания. — Он помолчал, словно давая собеседнику усвоить его слова, а потом добавил: — Мне кажется, тяжелый кожаный

ремень был бы лучшим ответом.

— Я слышал предсказания, что человечество движется к новому общественному упадку, — заметил старик, когда они свернули на улицу пошире. — Если молодежь и впрямь так плоха, боюсь даже представить себе, что станется с миром, когда они повзрослеют.

— Если они до этого доживут, — сказал сержант. — Но и впрямь нельзя не задуматься, сколько еще осталось человечеству, если детям позволяют носиться повсюду и творить что вздумается без малейшего уважения к кому-либо и к чему-либо. В кого они вырастут?!

Они подошли к библиотеке, глухо стуча подошвами по мокрой дороге. Старик повернулся к своему новому другу.

— Я хочу еще раз вас поблагодарить… Как вас зовут? — спросил он.

Сержант улыбнулся и решил щегольнуть благородством.

— Считайте меня простым представителем руки Закона, — ответил он.

— Что ж, я благодарю протянутую мне руку, — отозвался старик, — и желаю вам доброго утра. — Он подал сержанту руку.

— И вам доброго утра, — ответил тот; их руки

встретились: одна — загорелая и сильная, другая — бледная и хрупкая.

— И помяните мои слова, — сказал на прощанье сержант, — если не будут предприняты хоть какие-то радикальные меры, нынешняя молодежь обрушит мир в хаос за несколько лет.

Сержант развернулся на каблуках и направился к далекому темному устью очередной узкой улочки. А старик двинулся по дорожке и миновал обелиск, отмечавший вход в великую библиотеку Александрии.

Примечания

Это последний сохранившийся текст, написанный Желязны в старшей школе.

Жижа

Еисиуо, 1955 г.

Дивен лик Зимы
унылой —
Бледен, призрачен, недвижен.

Жарким Летом
зеленеет
Мир так сочно и бесстыже.

Краски Осени
извечно
Все багряны, алы, рыжи.

Ну а раннею
Весною —
Только жижа, жижа, жижа.

Видимость

Skyline № 31, Кливлендский Университет Западного Резервного района, апрель 1958 г.

Жил некогда в Агре каллиграф, переписывавший слово Пророка исключительно для глаз самого Аллаха. Каждый день, прерываясь лишь для того, чтобы обратиться лицом на запад и исполнить свой священный долг, он проводил светлые часы у себя на балконе, выводя священные буквы Корана.

Почти ничего не зная о мирских делах, он уединился на этом балконе, «к вящей чести и славе Аллаха», и посвятил всю свою жизнь созданию филигранных узоров и букв. Он трудился не ради земных благ, и дети его бегали по улицам оборванными, а кормили их лишь жалкие медяки, которые его верная жена получала за то, что стирала одежду торговцев. Но в конце концов Аллах улыбнулся своему слуге, и Азраил, ангел смерти, пришел за душой его богатого дядюшки Бабуллы.

Вскоре каллиграф сделался богатейшим чело-

веком в городе. Но все равно он сидел, скрестив ноги, на своем соломенном коврике, вписывая слова Магомета в обрамленную золотом пустоту свитка. «Когда я умру, — сказал он жене, — положите его рядом со мной на погребальный костер. И пусть ничей взгляд — особенно взгляд твоих недостойных глаз — не упадет на скрытые в нем слова, ибо он предназначен для взора одного только Сущего, и, бисмилла, иному не бывать!»

Но его богатство, как сок сахароносного растения призывает крылатых прислужников мучения, привлекло к его дому местных беспутников, подобных которым в изобилии рождает этот грешный мир, — араба Хафиза, Исадора из колена Авраамова и Ларри, пьяницу-христианина.

Все свершилось быстро; эти ничтожнейшие из людей выманили его с балкона и приняли в свою компанию. С ними он познал грехи, которыми Иблис искушает верных: с Исадором — вкус свиной плоти; с Ларри — удовольствия виноградной лозы, а с Хафизом — запретного растения гашиш, с которым все семь возрастов мужчины пролетают перед ним в один вечер.

Отрясая рубины вина с седеющей бороды, он наслаждался теплом в животе в то время, когда

прежде выказывал почтение Мекке. Муэдзины выкрикивали свои призывы, а он жевал свинину и усмехался. Он курил с Хафизом и чувствовал себя равным Аллаху.

Но каждую ночь, в круге света, отброшенном сияющим фонарем, он, как и прежде, бережно выписывал слова Бога.

Старясь и нисходя все глубже в помойную яму мира, он перестал верить в благословенные Сады Наслаждений, которые обещал верным Аллах; ангелы перестали пересекать полосы лунного света в увешанной драпировками комнате, где стояло его высокое ложе, и его садом наслаждений сделался винный погреб.

Но до последнего вечера жизни он продолжал писать во славу Бога, в которого больше не верил, и продолжал настаивать, что ни один человек не должен видеть этого свитка. Он щурил свои птичьи глаза, и узкий лоб его покрывался морщинами, в чем-то подобными письменам, которые он с таким тщанием выводил.

И в день пламени его верная жена положила свиток рядом с ним и громко стенала, пока они обращались в пепел и узловатые вервия дыма. Ларри и Исадор отправились на поиски нового покровителя, и все вернулось на круги своя до

тех пор, пока Хафизу, сновидцу, не приснился вопрос.

«Проклятый святостью, — приснилось ему, — перед кем тебе выступать, когда зритель твой ушел, а замены ему нет и не будет?» — но вопрос этот тревожил его недолго и вскоре потерялся в сладком дыму, и все стало по-прежнему.

Примечания

Окончив школу, Желязны практически перестал писать что-либо, кроме стихов. Поэзия была его главным творческим интересом. Это единственный известный рассказ, написанный им за время обучения в Университете Западного Резервного района; он был опубликован в университетском журнале *Skyline*. Стилистически эта притча напоминает «Князя Света», хотя написана она была десятью годами раньше.

Агра — город в северной Индии, где расположен Тадж-Махал. **Пророком** в исламской традиции называют Мухаммеда, а **Аллахом** — Всевышнее Существо, или Бога. **Коран** — это священная книга Ислама, считающаяся словами Бога, продиктованными **Магомету** (Мухаммеду) архангелом Джабраилом и записанными по-араб-

ски. **Филигрань** — изящные узорные украшения, выполненные из тонкой золотой или серебряной проволоки. **Азраил** — ангел, отделяющий душу от тела в момент смерти. **Бисмилла** — восклицание, означающее «Во имя Аллаха!». **Иблис** — падший ангел в Исламе, повелитель джиннов и демон отчаяния. **Гашиш** — очищенная смола каннабиса, которую курят, жуют или пьют в качестве стимулятора или интоксиканта. **Семь возрастов мужчины** — отсылка к шекспировскому монологу «Весь мир — театр» из пьесы «Как вам это понравится». В их число входят: младенчество, детство, возраст любовника (подростка), возраст солдата (молодого мужчины), возраст судьи (взрослого мужчины), старость и деменция/смерть. **Мекка** — город на западе Саудовской Аравии, место рождения Мухаммеда; мусульмане считают его святейшим городом Ислама. **Муэдзины** — мужчины, призывающие мусульман на молитву.

Молитва агностика

Первая часть: «Порождения Света», журнал *If,* ноябрь 1968 г.; вторая часть: «Стальной Генерал», журнал *If,* январь 1969 г.; «Порождения Света и Тьмы», 1969 г.

Если случится так, что этим моим словам внемлет нечто, чему они могут быть небезразличны или безразличны, я прошу, если это хоть что-нибудь значит, простить тебя за то, что ты совершил действием или же бездействием — и что требует прощения. И наоборот, если не прощение, но что-либо иное может потребоваться, чтобы обеспечить любую возможную милость, могущую стать доступной тебе после уничтожения тела, я прошу даровать тебе это или, по обстоятельствам, лишить тебя этого, что бы оно ни было, таким образом, чтобы обеспечить обретение означенной милости. Я прошу этого в качестве избранного тобой посредника между тобой и тем, что может не быть тобой, но чему может быть небезразлично обретение тобой упомянутого в той мере, в какой это для тебя возможно, на что может каким-либо

образом повлиять данная церемония. Аминь.

Итак, в руки Чего Бы То Ни Было, что больше жизни или смерти, предаю я себя — если действие это хоть чем-то поможет сохранить мою жизнь. Если же нет, не предаю. А если произносимое мною в малейшей степени дерзко и оттого не принимается благосклонно Чем Бы То Ни Было, что внимает небезразлично или же безразлично не внимает, я отзываю свое заявление и прошу о прощении, если его следует искать. Если же нет, не прошу. С другой стороны… Аминь.

Примечания

Это самая знаменитая молитва в научной фантастике и фэнтези. Первый абзац нередко цитируют или упоминают как отдельное целое; это ее первая публикация под собственным заголовком. Первую часть Мадрак, невольный проповедник «нетеистического, внеконфессионального толка», произносит, обращаясь к человеку, который вот-вот совершит самосожжение перед зрителями. Вторую часть Мадрак произносит по своему почину, готовясь вступить в битву, из которой он страшится не выйти живым; его перебивает нетерпеливый товарищ.

Многие читатели думали, что «Молитва агностика» выражает религиозную философию Желязны. Сам он это предположение не поддерживал и не опровергал.

Мистерия

Amazing, август 1962 г.

В конце сезона печалей настает пора ликования. Весна, точно хорошо смазанные часы, бесшумно отмечает это время. Скучных дней серости и влаги становится все меньше, а дни яркого света и прохладного воздуха возвращаются в календарь.

И это хорошо, что сырые времена остались позади, ибо из-за них наши механизмы ржавеют и корродируют; они требуют самого строгого соблюдения норм гигиены.

Вместе с яркой кладью весны приходят дни Фестиваля. За сезоном Оплакивания следуют священные Страстные стояния, а за ними — красочный фестиваль Воскресения, с его звоном и лязгом, его выхлопными газами, горящей резиной, облаками пыли, с его всеобъемлющим обещанием счастья.

Мы приходим сюда каждый год, чтобы воссоздать классику. Своими линзами увидеть предвестье нашего сотворения. Этот день — сего-

дня, и я был избран.

Здесь, на святой земле Ле-Мана, я исполню каждое действие избранной в этом году классики. Перед финалом я повторю все движения и все позиции, которые нам известны. Какая удача! Какая высокая честь!

В прошлом году избраны были многие, но это было не так почетно. Уровень их вовлеченности был ниже. И все же я так хотел, чтобы выбрали меня! Я так хотел встать вместе с ними у трассы в ожидании пылающего «Мерседеса».

Но меня сберегли для этой, более великой участи, и теперь все линзы обращены ко мне, пока мы ждем старта. В этом году следить нужно только за одной Машиной — номером 4, имитацией «Феррари».

* * *

Сигнал подан, и резина визжит; дым поднимается огромной гроздью белого винограда, и мы срываемся с места. Другая машина уступает мне путь, чтобы я мог занять должную позицию. На трассе много машин, но лишь одна Машина.

Мы с ревом совершаем поворот этой великой итальянской классики двухвековой давности. Мы воссоздаем все гонки здесь, в этом месте, неза-

висимо от того, где они проходили в реальности.

— О, ушедшие мастера-творцы, — молюсь я, — позвольте мне все сделать правильно. Позвольте мне выбрать верный момент. И не позвольте никакой случайной переменной разрушить идеальное воссоздание.

Тускло-серый металл моих рук, мои чувствительные гироскопы, мои особые хватательные манипуляторы удерживают руль в строго определенном положении, когда мы вырываемся на прямую.

Как мудры были древние мастера! Когда они поняли, что должны уничтожить сами себя в противостоянии, слишком таинственном и священном, чтобы мы могли его понять, они оставили нам эти церемонии в честь Великой Машины. Сохранились все данные: книги, съемки и тому подобное; все для того, чтобы мы могли найти их, изучить, запомнить и познать священные Действия.

На очередном повороте я думаю о наших растущих городах, наших огромных конвейерах, наших смазочных барах и нашем возлюбленном административном компьютере. Как великолепно бытие! Какой превосходно организованный день! Как прекрасно, что я избран!

Шины — младшие братишки — вскрикивают, и снизу доносится стук мелких камешков. Через три десятых секунды я вдавлю педаль еще на восьмую часть дюйма.

R-7091 машет мне, когда я начинаю второй круг, но я не могу помахать в ответ. Сейчас мне необходим весь диапазон моих функций. Вся особая аппаратура, которой я был оборудован, потребуется мне через несколько секунд.

Другие машины уступают мне путь ровно тогда, когда нужно. Я поворачиваю, я взлетаю. Я пробиваю ограждение.

— А теперь перевернись, пожалуйста! — молю я, выкручивая руль. — И загорись.

И вот мы уже кувыркаемся и скользим, перевернувшись. Машину заполняет дым.

К грохоту, ревущему в моих рецепторах, добавляется треск и шелест огня.

Мой стальной скелет раздавлен ударной нагрузкой. Моя смазка горит. Мои линзы, все, за исключением крошечного участка, — разбиты.

Мои слуховые сенсоры пока что кое-как работают.

Слышен громкий вой сирены, и на поле выбегают металлические тела.

Сейчас. Сейчас я должен отключить все свои

функции и перестать существовать.

Но я подожду. Еще всего одно мгновение. Я должен услышать, как они это скажут.

* * *

Металлические руки вытаскивают меня из погребального костра. Укладывают на обочину. Огнетушители обрушивают на Машину белые водопады.

Смутно, издалека, сквозь разбитые рецепторы до меня доносится крик динамиков:

— Фон Трипс разбился! Машина мертва!

Великое рыдание поднимается над рядами неподвижных зрителей. Огромный огнеупорный фургон прибывает на трассу как раз когда обслуживающему персоналу удается совладать с пламенем.

Четверо механиков выскакивают наружу и отрывают машину от земли. Пятый собирает все ее дымящиеся обломки.

И я все это вижу!

— О, пожалуйста, пусть это не будет кощунством! — молю я. — Еще всего один миг!

Машину нежно укладывают в фургон. Большие двери закрываются.

Фургон медленно приходит в движение, увозя

павшую воительницу через ворота, по широкой улице, мимо восторженных толп.

К огромной плавильной печи. К Котлу!

Туда, где ее переплавят на множество мельчайших частиц, которые развезут повсюду, дабы освятить ими создание каждой новой личности.

Улица наполняется криками единодушного ликования.

Мне достаточно того, что я был этому свидетелем.

И я с радостью выключаю себя.

Слово Желязны

В колледже и магистратуре Желязны уделял много сил написанию стихов и даже отправил поэтический сборник («Резец в небе») на национальный конкурс (в котором не победил). После этого он осознал, что карьера поэта ему вряд ли светит. «…только Роберт Фрост и Карл Сэндбург зарабатывали себе на жизнь поэзией… я увидел письмена на стене санузла. Мне хотелось стать профессиональным писателем. Я принял решение, и написал “Розу для Екклесиаста” в октябре

1961 года, и распрощался с этой стезей» [16].

Закончив «Розу для Екклесиаста», Желязны не писал рассказов до февраля 1962 года. «Задумавшись о том, как будет лучше пробиться, я вновь вышел за пределы традиционного академического круга чтения; и вернулся к фантастике. Я подумал: я знаю фантастику; я прочитал тысячи рассказов; а раз я так хорошо в ней разбираюсь, почему бы не попробовать и писать фантастику? И в течение примерно трех месяцев активно строчил рассказы» [17]. На протяжении этого периода Желязны вновь получал исключительно отказы, а потом изучил накопившийся материал, чтобы понять, что он делает неправильно. «Я собрал в кучу все свои отвергнутые рассказы и потратил вечер на их чтение, чтобы понять, смогу ли я определить, что с ними не так. И мне бросилась в глаза одна их общая черта: я слишком много объяснял. Я описывал декорации, события и персонажей в излишних подробностях. Взглянув на эти рассказы теперь, когда я к ним остыл, я понял, что счел бы оскорбительным, если бы мне

---

[16] Примечания: 16

«Когда в тот раз цвели в саду кошачьем вербы» (*When Pussywillows last in the Catyard Bloomed*), 1980 г.

[17] Примечания: 17

If, январь 1969 г.

так многословно что-нибудь растолковывали. И решил с этих пор обходиться с читателем так, как хотел бы, чтобы обходились со мной, избегать ненужных деталей, чаще прописывать персонажей и мотивации намеками, останавливать себя всякий раз, когда мне захочется продолжить трепаться после того, как я что-нибудь показал.

Что ж. Решение было принято. Оставалось только отыскать замысел рассказа, в котором оно воплотится…

Ожидая в приемной [семейного врача], я открыл номер журнала *Life* и начал его пролистывать. Где-то в середине я наткнулся на фоторепортаж о гибели гонщика Вольфганга фон Трипса. Что-то щелкнуло у меня в голове, как только я его увидел, — и именно в этот момент врач позвал меня на осмотр. Пока я по его команде дышал, кашлял и изображал коленный рефлекс, я видел перед собой все, что должно было произойти в этом коротком рассказе. Я мог бы написать его прямо там. Но моя пишущая машинка была в Дейтоне, и меня ожидал долгий путь. Всю дорогу рассказ кипел где-то в уголке моего мозга, и, вернувшись в квартиру, я немедля уселся за машинку и отпечатал его целиком…

Не знаю, на самом ли деле я обязан им тому

решению, которое принял, изучая отвергнутые рассказы, но мне казалось, что это так, и с тех пор я стараюсь всегда быть верным данному в тот день обещанию не оскорблять читательский интеллект» [18].

Этот рассказ принес Желязны гонорар в 20 долларов (около 136 долларов по курсу 2008 г.) и стал первым из семнадцати, проданных в тот год [19]. Письмо о том, что рассказ принят к публикации, он получил 28 марта 1962 года [20],[21]. «Это было восхитительное чувство. На выходные я уезжал из города, а вернувшись, открыл маленький почтовый ящик квартиры, где тогда жил… а когда увидел, что пришло письмо от издателя, а не возвращенная рукопись, разорвал конверт и обнаружил в нем листок, гласивший: “Если вы согласны с условиями этого договора, пожалуйста, подпишите его и отправьте одну копию ответным письмом, а вторую оставьте себе”, я…

---

[18] Примечания: 18
Unearth, т. 2, № 1, зима 1978 г.

[19] Примечания: 19
Phlogiston № 44, 1995 г.

[20] Примечания: 20
If, январь 1969 г.

[21] Примечания: 21
Джейн Линдсколд, «Роджер Желязны» (*Roger Zelazny*), 1993 г.

я даже не знаю, как это выразить. Это был почти мистический опыт. Это было очень приятное чувство» [22].

Примечания

В своем первом профессионально опубликованном научно-фантастическом рассказе Желязны демонстрирует зарождение новой мифологии: преклонения заменивших человека машин перед машинами примитивными. Они даже заимствуют элементы христианских пасхальных церемоний («оплакивание», «страстные стояния» и «фестиваль Воскресения»).

Гонщик «Формулы-1» **Вольфганг фон Трипс** лидировал в Гран-при Италии 1961 года, но на втором круге финальной гонки на трассе Монца его «Феррари» столкнулась с «Лотусом», подскочила в воздух и на высокой скорости врезалась в ограждение; погибшего при столкновении фон Трипса выбросило из машины. Погибли пятнадцать зрителей. «24 часа **Ле-Мана**» — знаменитая автомобильная гонка на выносливость, ежегодно проводящаяся на трассе Сарта рядом с

---

[22] Примечания: 22
Phantasmicom № 5, апрель 1971 г.

французским городом Ле-Ман. Примечательно, что некоторые детали мифологии туманны даже для этой машинной цивилизации, которая воссоздает гибель фон Трипса в Ле-Мане, а не в Монце, где на самом деле произошла трагедия. Эту и прочие ошибки машин можно рассматривать как комментарий на тему того, как размываются или забываются факты по мере развития мифологии.

13-го мая 1937 года

Написано в 1965–1968 годах, ранее не публиковалось

13-го мая 1937 года
я родился,
а Пабло Пикассо
набросал
«Руку с обломком меча»
для «Герники».
Бессмысленное сравнение,
разве что зазубрина клинка
вычерчивает совершенную «Z»
и цветок над ней
увядает.
Но я был поражен
в тот самый день,
когда это понял,
Ибо в тот день я видел женщину,
что плачет, глядя на снимок ребенка.

Кто она была – я не знаю.
Позднее кошка покусывала мне пальцы.
В тот день со мной случились три вещи,
сделавшие меня лучше:
Кошка, сломанный меч, слеза —
и ничто из этого я не понимаю.

Но все три как-то смогли взять меня за горло,
как ласточка, как печаль,
как раковая опухоль, красота,
что защищает свое право родиться,
Если, как я, это правда,
я скажу спасибо 13 мая 1937 года
за что-то, как бы там ни было.

Примечания

Автобиографическое стихотворение начинается с упоминания дня рождения Желязны и переходит к тем же трем темам (кошка, сломанный меч и слеза), что и стихотворение «Еще увидимся, возможно...». Набросок графитом на белой бумаге, озаглавленный «Рука с обломком

меча», действительно написан 13 мая 1937 года — это один из многочисленных этюдов Пикассо к большому полотну «Герника».

Король-кактус

Опубликовано в сборнике «Круженье – это чудо-кошка», Underwood-Miller, 1981 г. Написано в 1955–1960 годах для сборника «Резец в небе»

Ведь сказано, что нет земель столь мерзких,
чтоб царский сан не скрасил в оных пребыванье;
клочок малейший ада
достаточен, коль правит Люцифер
им после своего ангелопада.

Но Боже мой! изгнание такое
не царствие – тюрьма для самодержца!
двуострым прустовским мечом,
тем, что пронзает жажду власти
(ответ-ожог из блеклого былого), —

как в зеркале, дражайший Бонапарт,

мой господин скалы,

тебя в поклоне мы нарекаем рыже-, кактусоголовым.

Примечания

Люцифер — занимавший высокое положение архангел, которого вышвырнули с небес и переименовали в Сатану. После поражения **Наполеон Бонапарт** был изгнан на остров Эльба, где ему дозволили править 12 тысячами местных жителей и сохранить титул императора. **Меч Пруста** отсылает к комментарию о вдохновении из письма Марселя Пруста князю Антону (Антуану) Бибеску (1902): «…Сотни персонажей романов, тысячи идей умоляют меня овеществить их, подобно теням, которые просят Улисса в „Одиссее“ дать им напиться крови, вернуть их к жизни, — и герой разгоняет их мечом».

Сердце – кладбище

Рабочее название – «Круг Празднеств».*Fantastic*, март 1964 г.

Они танцевали,

…на празднестве века, празднестве тысячелетия и Празднестве Празднеств,

…буквально и с точки зрения календаря,

…и ему хотелось сокрушить ее, разорвать ее на части…

Мур не замечал павильона, по которому они двигались, и не удостаивал взгляда безликие тени, скользившие вокруг. Он не обращал особого внимания на плавающие шары разноцветного света, что следовали за ними сверху и позади.

Он ощущал все это, но не чуял никакой дикости в том вечнозеленом реликте Рождества, что вращался на своем ярком пьедестале в центре зала — сбрасывая пропитанные огнеупорным составом иглы и традиции спустя шесть дней после праздника.

Все это Мур абстрагировал и отбросил, вдохнул

и сдал в архив…

Еще несколько мгновений — и наступит двухтысячный.

Леота (в девичестве Лилит) дрожащей стрелой лежала на луке его руки, пока им не завладевало желание сломать ее или отправить в полет (он не знал, куда), сокрушить ее, чтобы она обмякла, прогнать это самадхи, или миопию, или что это такое было, из ее серо-зеленых глаз. И примерно в этот момент, каждый раз, она прижималась к нему и шептала что-то на ухо, что-то на французском языке, которого он пока что не знал. Но она повторяла его неумелые движения так идеально, что подозрение, будто она способна читать его мысли с помощью чистой кинестезии, было вполне оправданным.

Все делалось только хуже всякий раз, когда ее дыхание заковывало его шею в ошейник влажного тепла, которое распространялось под пиджак подобно незримой инфекции. Тогда он бормотал: «C’est vrai», или «Черт», или и то и другое сразу, и пытался сокрушить ее подвенечную белизну (укрытую черной паутиной), и она вновь становилась стрелой. Но она танцевала с ним, и это было заметным шагом вперед по сравнению с его прошлым годом / ее вчерашним днем.

Был уже почти двухтысячный.

Вот…

Музыка распалась и вновь срослась, когда шары вспыхнули дневным светом. С дружбой прежних дней, напомнили ему, не шутят.

Мур едва не усмехнулся, но мгновением позже свет погас, и он отвлекся.

Голос, раздавшийся рядом с ним, рядом со всеми, объявил:

— Двухтысячный наступил. С Новым годом!

Он сокрушил ее.

Всем было наплевать на Таймс-сквер. Толпы на площади смотрели трансляцию Празднества на сооруженном наспех экране размером с футбольное поле. Даже сейчас зрителей развлекали снятыми в черном свете крупными планами парочек на танцполе. Быть может, в этот самый момент, подумал Мур, они двое стали героями забавной сценки, показанной переполненной чашке Петри по ту сторону океана. Это было вполне вероятно, учитывая, с кем он танцевал.

Но его не заботило, что над ним могут смеяться. Он зашел слишком далеко, чтобы это его заботило.

— Я люблю тебя, — неслышно сказал Мур. (Он представил, что ответили ему тем же, и

почувствовал себя чуть счастливее.) Потом снова вспыхнули огоньки светлячков, и дружба прежних дней осталась в памяти. Над парами закружила метель из осколков сотен разбитых радуг; медленно тающие спиральки конфетти парили между огоньков и растворялись, опускаясь на танцоров; мохнатые проекции китайских воздушных змеев-драконов плыли над головами, усмехаясь посреди бури.

Они продолжили танец, и он задал ей тот же самый вопрос, что и год назад:

— Разве мы не можем остаться наедине, где-нибудь, хоть на мгновение?

Она подавила зевок.

— Нет, мне скучно. Я уйду через полчаса.

Бывают голоса гортанные и богатые, ее был — полная глотка роскоши. *Буквально* золотое горло — в точности по иссохшей метафоре.

— Так проведем это время за разговором — в одной из тех маленьких обеденных комнат.

— Спасибо, но я не хочу есть. Меня *должны* видеть следующие полчаса.

Мур Примитивный, большую часть жизни дремавший глубоко в мозгу Мура Цивилизованного, с рычанием вскочил на четвереньки. Но Мур Цивилизованный надел на него намордник, потому

что не хотел все испортить.

— Когда я снова смогу тебя увидеть? — мрачно спросил он.

— Быть может, в День взятия Бастилии, — прошептала она. — На *Liberté, Egalité, Fraternité Fête Nue*…

— Где?

— В куполе Нового Версаля, в девять. Если нужно приглашение, я позабочусь, чтобы тебе его прислали…

— Да, я бы хотел.

(«Она заставила тебя просить», — насмехался Мур Примитивный.)

— Хорошо, ты получишь его в мае.

— Неужели и теперь ты не уделишь мне день-другой?

Она покачала головой, бело-голубые кудри обожгли его лицо.

— Время слишком дорого, — прошептала она с напускным камелиевым пафосом, — а дням Празднеств нет конца. Ты просишь меня отрезать от своей жизни годы и отдать их тебе.

— Это так.

— Ты просишь слишком многого, — улыбнулась она.

В этот миг ему захотелось проклясть ее и уй-

ти, но еще больше он хотел остаться с ней. Ему было двадцать семь — возраст, которого Мур не одобрял в принципе, — и он провел весь 1999 год, желая ее. Два года назад он решил влюбиться и жениться — потому что наконец-то мог позволить себе это сделать, не меняя свой уровень жизни. За неимением женщины, в которой сочетались бы лучшие качества Афродиты и цифрового компьютера, он провел целый год на сафари, идя по следам своей суженой.

* * *

Приглашение на «Кругосветный Новый год у Бледсо» — который преследовал старый год по всей планете, вытесняя его за линию перемены дат, а потом и прочь с Земли, туда, куда уходят старые годы, — стоило ему месячной зарплаты, зато позволило впервые вживую увидеть Леоту Матильду Мейсон, королеву Спящих. Позабыв о цифровых компьютерах, Мур немедленно решил влюбиться в нее. Во многих отношениях он был старомоден.

Мур проговорил с ней ровно девяносто семь секунд, первые двадцать из которых были арктическими. Но он сообразил, что она существует ради восхищения, и настойчиво восхищался ею. В

конце концов она согласилась, чтобы ее увидели танцующей с ним на Празднестве тысячелетия в Стокгольме.

Следующий год Мур провел, предвкушая, как соблазнит ее вернуться к разумному и человеческому образу жизни. А теперь в самом прекрасном городе на свете она сообщила ему, что ей скучно и она вот-вот уйдет вздремнуть до Дня взятия Бастилии. И тогда Мур Примитивный осознал то, что Мур Цивилизованный должен был понимать с самого начала: когда они увидятся в следующий раз, она состарится примерно на два дня, а ему будет уже почти двадцать девять. Для Круга время неподвижно, а цена бренного бытия — старение. Деньги могли купить ей самое желанное из всех нарциссических излишеств — холодный сон.

И даже у стокгольмской снежинки было больше шансов уцелеть в Конго, чем у него — поговорить с ней, обменяться чем-то бо`льшим, нежели пара бессвязных фраз, а уж тем более — уговорить ее выйти из морозильного клуба. (А между тем лауреат премии Сетмана Уэйн Ангер уже приближался, чтобы увести ее, с выражением профессионального гольфиста, намеренного преподать урок.)

— Привет, Леота. Простите, мистер Э-э.

Мур Примитивный оскалился и огрел его дубиной; Мур Цивилизованный уступил одну из самых недосягаемых женщин на свете богу Круга.

Она улыбалась. Он улыбался. Они скрылись.

Всю кругосветную дорогу до Сан-Франциско, сидя в баре стратокрузера в лето двухтысячное от Рождества Христова — если по цифрам: два, ноль, ноль, ноль, — Мур чувствовал, что связь времен распалась.

* * *

Прошло два дня, прежде чем он решил, как с этим быть.

Он спросил себя (на балконе-блистере своего номера в Сотне Башен комплекса «Хилтон-Фриско»): «Действительно ли это та девушка, на которой я хочу жениться?»

Он ответил себе (попеременно глядя на капилляры трафика под носками своих туфель и на Залив): «Да».

«Почему?» — поинтересовался он.

«Потому что она прекрасна, — ответил он, — а будущее великолепно. Я хочу, чтобы она была моей прекрасной женой в этом великолепном будущем».

Так он и решил войти в Круг.

Мур понимал, что ставит перед собой непростую задачу. Во-первых, ему нужны были деньги, много денег — зеленые акры президентов, которые требовалось правильно посеять в правильных местах. Вторым требованием была слава, признание. К несчастью, мир был полон инженеров-электриков, напевавших себе под нос всю двадцатичетырехчасовую рабочую неделю, возившихся с персональными проектами — компетентных, умелых, даже вдохновенных, — которые всем этим не обладали. Поэтому он понимал, что будет нелегко.

Он погрузился в исследования с непревзойденной целеустремленностью: сорок, шестьдесят, восемьдесят часов в неделю он проводил, читая, проектируя, слушая записи курсов по предметам, в которых никогда не нуждался. Он забросил отдых.

В мае, получив приглашение, Мур уставился на оттиск (а не факс-копию) на пергаменте (а не бумаге для заметок) осоловелым взглядом. На счету у него было уже девять патентов, и еще три рассматривались. Один он продал, и сейчас вел с «Аква-Майнинг» переговоры насчет технологии очищения воды, на которую, как ему казалось,

наткнулся случайно. Деньги у него будут, решил Мур, если он не сбавит оборотов.

А может, даже и слава. Это теперь зависело главным образом от его очистительной технологии и того, как он обойдется с деньгами. Леота (в девичестве Лорелея) таилась под страницами его формул, возводилась в куб браковскими линиями в его блокноте для набросков; она горела, пока он спал, спала, пока он горел.

В июне он решил, что ему нужен отпуск.

— Помощник начальника отдела Мур, — сказал он своему лицу в зеркале робопарикмахерской (его похвальное отношение к работе уже принесло ему повышение в отделе запорной арматуры корпорации «Напорные агрегаты»), — вам следует подтянуть французский и поупражняться в танцах.

Руки парикмахера прикосновениями убирали рыжую щетину с его лица и срезали космы над ушами. Глядевшие на него усталые глаза соглашались, синея; они устали изучать абстракции.

Однако активный отдых оказался по-своему таким же утомительным, как работа. Он и впрямь подкачал себе мышцы, невесомо скача по батутной комнате Третьего спутника Ассоциации молодых христиан; его танцевальные движения

стали грациознее после того, как он покружился с сотней роботов и десятью десятками женщин; он прошел ускоренный берлицевский медикаментозный курс французского (отказавшись от более быстрого обучения методом электроцеребральной стимуляции из-за слухов о трансференции, которая могла замедлить его рефлексы позднее этим летом); и ему казалось, что он начинает лучше *звучать* — он нанял речетренера и начинял подушку (и, хотелось надеяться, голову) пьесами эпохи Реставрации, когда ложился спать (в последнее время, как правило, раз в три дня) — так что с приближением дня *Fête* Мур понемногу стал чувствовать себя придворным (усталым) времен Ренессанса.

Глядя на Мура Цивилизованного в зеркало парикмахера, Мур Примитивный гадал, как долго проживет это чувство.

За два дня до Версаля он добился ровного загара и решил, что на этот раз скажет Леоте:

«Я люблю тебя»? (Вот уж нет!)

«Ты сойдешь с холодной карусели?» (Не-а.)

«Если я присоединюсь к Кругу, ты присоединишься ко мне?» (Это казалось ему наилучшим вариантом.)

Итак, их третья встреча должна была произой-

ти на иных условиях. Никаких больше засад на пустошах прозаического. Охотник намеревался войти в лес.

— Вперед! — усмехнулся Мур в парикмахере. — И excelsior!

* * *

На ней был бледно-голубой корсаж из орхидей-мутантов. Вращающийся купол дворца раскручивал поющие знаки зодиака, а полы флуоресцировали ведьминскими кострами. Мура изводило неприятное ощущение, что чертовы цветы растут прямо на ней, над левой грудью, словно экзотический паразит; и он противился их вторжению с провинциальным собственничеством, которое, он знал, было совершенно не в духе Ренессанса. И все же…

— Добрый вечер. Как растут твои цветочки?

— Медленно и капризно, — ответила она, потягивая что-то зеленое через длинную соломинку, — но все же цепляются за жизнь.

— С понятной страстью, — заметил он и взял Леоту за руку, которую она не отдернула. — Скажи мне, Ева Микропросопуса — куда ты направляешься?

Интерес промелькнул на ее лице и задержался

в глазах.

— Твой французский стал лучше, Адам… Кадмон?.. — отметила она. — Я направляюсь вперед. А ты?

— Туда же.

— Я в этом сомневаюсь… к сожалению.

— Сомневайся сколько хочешь, но наши потоки уже параллельны.

— Что это — метафора, позаимствованная у какого-то прославленного инженера-конструктора?

— Вот увидишь, я еще сконструирую ложе для холодного сна, — пообещал он.

Глаза Леоты просветили его насквозь рентгеновскими лучами, согрев кости.

— Я знала, что у тебя что-то на уме. Если ты серьезен…

— Нам, падшим духам, приходится держаться вместе здесь, в Малхут… я серьезен. — Он откашлялся, говоря глазами. — Давай встанем так, словно танцуем. Я вижу Ангера; он видит нас, а ты мне нужна.

— Хорошо.

Она отставила стакан на парящий поднос и вышла вместе с ним на танцплощадку, под кружащий зодиак, оставив члена Круга Ангера

глядеть на лабиринт плоти. Мур рассмеялся, увидев его замешательство.

— На бескостюмной вечеринке сложнее узнавать лица.

Она улыбнулась.

— Знаешь, а ты танцуешь иначе, чем прошлой ночью.

— Знаю. Послушай, как мне добыть персональный айсберг и ключ к Шлераффенлянду? Я решил, что это может быть забавно. Я знаю, что дело не в родословной и даже не в деньгах, если уж на то пошло, хотя и то и другое, похоже, не помешает. Все книжки я прочел, но мне пригодился бы практический совет.

Ее рука едва заметно дрогнула в его руке.

— Ты знаешь Дуайену./? — сказала/спросила она.

— В основном по слухам, — ответил он, — гласящим, что она — старая горгулья, которую заморозили, чтобы отпугнуть Зверя, когда настанет Армагеддон.

Леота не улыбнулась. Вместо этого она снова превратилась в стрелу.

— Более или менее, — холодно ответила она. — Она действительно не подпускает к Кругу звероподобных людей.

Мур Цивилизованный прикусил язык.

— Хотя многие ее не любят, — задумчиво продолжила Леота, чуть оживившись, — мне она всегда казалась редкой статуэткой из китайского фарфора. Я хотела бы забрать ее домой, если бы у меня был дом, и поставить на каминную полку, если бы у меня была каминная полка.

— Я слышал, что она прекрасно вписалась бы в викторианский зал галереи НАМ, — рискнул Мур.

— Она *действительно* родилась в эпоху правления Викки — и ей было восемьдесят, когда разработали ложе для холодного сна, — но я могу с уверенностью заявить, что этим все и ограничивается.

— И она решила в таком возрасте отправиться на прогулку по Времени?

— Именно, — ответила Леота, — потому что хочет быть бессмертной властительницей трансобщества.

Они кружили вместе с музыкой. Леота снова расслабилась.

— В свои сто десять она уже на пути к тому, чтобы стать архетипом, — заметил Мур. — Это одна из причин того, что собеседования так сложно добиться?

— Одна из… — сказала Леота. — Если, например, ты подашь прошение в Круг Празднеств прямо сейчас, тебе придется ждать собеседования до следующего лета — даже если ты доберешься до этой стадии.

— А сколько людей в списке претендентов?

Она закрыла глаза.

— Не знаю. Думаю, тысячи. Она, конечно, встретится лишь с несколькими десятками. Остальные будут отсеяны, отсечены, изучены и отброшены и по разным причинам дисквалифицированы директорами. Ну а последнее слово по поводу того, кто *войдет* в Круг, останется за *ней.*

Неожиданно позеленев и попрозрачнев — когда музыка, свет, ультразвук и тонкие наркотические ароматы в воздухе едва заметно переменились, — зал превратился в темный, прохладный участок дна морского, дурманящий и ностальгический, как мысли русалки, созерцающей руины Атлантиды. Элегический гений зала притянул их ближе друг к другу с помощью неуловимой гравитации, и Леота была прохладной и клейкой, когда он продолжил:

— Откуда все-таки у нее такая власть? Я читал пленки; я знаю, что она крупный акционер, — но и что с того? Почему бы директорам не проголо-

совать в обход нее. Если я заплачу…

— Они *не станут*, — ответила Леота. — Ее богатство ничего не значит. Она — закон. Это благодаря ей существует та эксклюзивность, которая делает Круг Кругом, — продолжила она. — Имитаторы всегда будут терпеть неудачу, потому что не обладают ее разборчивостью. Они примут любого хама, готового заплатить. Вот *поэтому* Люди, Имеющие Значение, — заглавные буквы были слышны в ее голосе, — никогда не посетят и не будут спонсировать никакие приемы, кроме тех, что организованы Кругом. Вся эксклюзивность исчезнет с лица Земли, если Круг понизит свои стандарты.

— Деньги есть деньги, — сказал Мур. — Если остальные заплатят за свои вечеринки столько же…

— …то Люди, которые возьмут их деньги, перестанут Иметь Значение. Круг объявит им бойкот. Они утратят свой вес, их начнут считать торгашами.

— Это похоже на довольно жестокую петлю Мебиуса.

— Это кастовая система со сдержками и противовесами. Никто по-настоящему не хочет ее ломать.

— Даже те, кого не принимают?

— Глупыш! Они хотят этого в последнюю очередь. Ничто не мешает им купить собственное ложе, если они могут себе это позволить, и переждать еще пять лет, чтобы попытаться снова. Ожидание сделает их только богаче, если они с умом вложат деньги. Некоторые ждали десятилетиями и ждут до сих пор. Некоторые пробились после долгих лет усилий. Это делает игру интереснее, а победу слаще. В мире физической расслабленности, жесткого равенства социального и относительного равенства экономического эксклюзивная фривольность становится самой желанной из всех почестей.

— Товаров, — поправил он.

— Нет, — твердо возразила Леота, — она не продается. Попробуй ее купить, если деньги — это все, что ты можешь предложить.

Это вернуло его мысли к более актуальным вопросам.

— И какова же цена, если все прочие требования соблюдены?

— Это правило достаточно гибко, чтобы позволить в остальном достойному человеку сделать взнос. Он гарантирует свое присутствие на ложе или на Празднествах до тех пор, пока его доходы

превышают долги. Так что даже если состояние его невелико, он все равно может быть вероятным кандидатом. Это необходимо, если мы хотим сохранять наши демократические идеалы.

Она отвернулась, снова посмотрела на Мура.

— Обычно оговаривается гибкая схема выплаты процентов от дохода по его инвестициям. Более того, советник от Круга будет присутствовать при реализации активов и рекомендовать лучшие конверсии.

— Круг, должно быть, неплохо на этом зарабатывает.

— Certainement. Это все-таки бизнес, а Праздненства стоят недешево. Но, с другой стороны, ты ведь сам будешь частью Круга — акционерство это одно из условий членства, — а мы закрытая корпорация, которая платит высокие дивиденды. Твой капитал будет расти. Если ты будешь принят, войдешь в Круг, а потом выйдешь из него, спустя пусть даже один объективный месяц, в реальности пройдет что-то около двадцати лет. Уходя, ты будешь на месяц старше и значительно богаче — и, может быть, в чем-то мудрее.

— Куда мне пойти, чтобы внести свое имя в список?

Он знал, но у него были надежды.

— Мы можем позвонить сегодня, прямо отсюда. В офисе всегда кто-то есть. К тебе придут где-то через неделю, после предварительного расследования.

— Расследования?

— Беспокоиться не о чем. Разве у тебя уголовное прошлое, психические заболевания или плохой рейтинг кредитоспособности?

Мур покачал головой:

— Нет, нет и нет.

— Тогда ты пройдешь.

— Но будет ли у меня настоящий шанс попасть в Круг при стольких конкурентах?

На его грудь как будто упала одинокая капля дождя.

— Да, — ответила Леота, прижавшись щекой к его шее и глядя поверх плеча, чтобы он не увидел выражения ее лица, — если тебя будет спонсировать член Круга, ты дойдешь до самого логова Мэри Мод Маллен. Это последнее препятствие тебе придется преодолевать самому.

— Значит, у меня получится, — сказал он ей.

— ...Собеседование может продлиться всего несколько секунд. Она быстра; ее решения почти мгновенны, и она никогда не ошибается.

— Значит, у меня получится, — повторил он,

ликуя.

Над ними волновался зодиак.

* * *

Мур нашел Дэррила Уилсона в бармате в горах Поконо. Актер опустился; он был уже не тем человеком, которого Мур помнил по отмеченному премиями трили-сериалу о покорении фронтира. Тот человек был викингом прерий — лоб как утес, косматая борода. За четыре года случился лицевой обвал, оставивший на дорогой насупленности вмятины и борозды и припорошивший мех пылью на оттенок светлее. Уилсон не стал ничего с этим делать и прижигал желудок огненной водой, в которой прежде еженедельно отказывал краснокожим. Поговаривали, что он уже почти сносил вторую свою печенку.

Мур сел рядом с ним и вставил карточку в слот на стойке. Выбрал мартини и подождал. Поняв, что актер не замечает его присутствия, он сказал:

— Вы — Дэррил Уилсон, а я — Элвин Мур. Я хочу у вас кое-что спросить.

Бьющие без промаха глаза не сфокусировались.

— Новостник?

— Нет, ваш старый поклонник, — соврал он.

— Тогда спрашивай, — сказал все еще знакомый голос. — Ты — камера.

— Мэри Мод Маллен, сука-богиня Круга, — сказал Мур. — Какая она?

Глаза наконец-то сфокусировались.

— Так ты из ближайших кандидатов на обожествление?

— Верно.

— И что ты думаешь?

Мур подождал, но за этим ничего не последовало, и он уточнил:

— О чем?

— О чем угодно. Сам решай.

Мур отпил мартини. Он решил включиться в игру, если это сделает Уилсона более сговорчивым.

— Я думаю, что мне нравится мартини, — объявил он. — А теперь…

— Почему?

Мур зарычал. Возможно, Уилсон слишком пьян, чтобы чем-то ему помочь. Ну хорошо, еще одна попытка…

— Потому что он расслабляет и бодрит одновременно, а я в этом нуждаюсь после того, как сюда забрался.

— А почему ты хочешь расслабиться и взбодриться?

— Потому что для меня это предпочтительнее, чем быть напряженным и вялым.

— Почему?

— Что, черт возьми, все это значит?

— Ты проиграл. Вали домой.

Мур поднялся.

— А что, если я выйду, снова войду, и мы начнем все сначала? Хорошо?

— Садись. Шестеренки у меня крутятся медленно, но пока еще крутятся, — сказал Уилсон. — Мы говорим об одном и том же. Ты хочешь узнать, какова Мэри Мод? Вот какова — сплошные допросы. Бессмысленные. Позиции — это болезнь, от которой никто не застрахован, и они так легко варьируются в одном и том же человеке. За две минуты она обдерет тебя до них, и твои ответы будут зависеть от биохимии и погоды. Как и ее решение. Я ничего не могу тебе подсказать. Она — чистый каприз. Она — жизнь. Она уродлива.

— И это все?

— Она отказывает неправильным людям. Этого тебе хватит. Уходи.

Мур допил мартини и ушел.

* * *

Той зимой Мур заработал состояние. Пусть и скромное.

Он уволился с работы и занял место в исследовательской лаборатории филиала «Аква-Майнинг» на Оаху. Путь на работу стал на десять минут длиннее, зато должность — директор по обработке — звучала лучше, чем «помощник начальника отдела», а он отчаянно нуждался в новом звучании. Он не снижал темпа своего настойчивого внедрения в приличное общество, и одним из результатов стал январский судебный иск.

Круг, как ему подсказали, предпочитал разведенных кандидатов-мужчин вечным холостякам. Поэтому Мур проконсультировался в высокорейтинговом брачном агентстве и заключил трехмесячный возобновляемый контракт с возможностью одностороннего расторжения с Дианой Деметриос, безработной моделью греко-ливанского происхождения.

Одна из проблем модельного бизнеса, решил он позже, заключается в том, что среди рабочей силы слишком много хирургически усовершенствованных эйдолонок. Его новообретенный статус оказался достаточным стимулом, чтобы Диана

подала на него в суд за нарушение обязательств на основании якобы имевшей место устной договоренности о том, что контракт *будет* продлен.

«Социальные контракты Берджесса», разумеется, прислали уместно подобострастного сотрудника для улаживания конфликта и оплатили судебные расходы, а также лечение сломанного носа Мура. (Диана ударила его «Основами демонстрации одежды» — тяжелым иллюстрированным руководством-талисманом, которое таскала с собой в пластиковом футляре, — когда Мур спал рядом с их бассейном; ударила, не снимая футляра.)

Итак, к марту Мур чувствовал себя готовым, помудревшим и способным встретиться лицом к лицу с последней уроженкой девятнадцатого века.

К маю, однако, он начал подозревать, что перестарался с подготовкой. Его подмывало взять месячный отпуск по состоянию душевного здоровья, но он вспомнил, как Леота спрашивала, нет ли у него психических заболеваний. Он отверг эту идею и подумал о Леоте. Мир остановился, пока его мысли вращались. Он виновато осознал, что не вспоминал о ней уже несколько месяцев. Он был слишком занят самообучением, новой

работой и Дианой Деметриос, чтобы думать о Королеве Круга, своей возлюбленной.

Мур усмехнулся.

Тщеславие, решил он; я хочу ее, потому что все ее хотят.

Нет, это тоже была не совсем правда… Он хотел… чего?

Мур обдумал свои мотивы, свои желания.

И понял, что его цели изменились; средство стало целью. Его истинным желанием, первым и главным, непростым и неясным, было войти в Круг — этот многовековой прогулочный стратокатер, проносящийся сквозь день завтрашний, и завтрашний, и все те дни, что последуют за ними, — стать небожителем, как те древние боги, которые появлялись на ритуалах равноденствия, а между праздниками спали, возрождаясь с каждым новым сезоном, пока прочее человечество преодолевало все те унылые дни, что лежат между ними. Соединиться с Леотой означало соединиться с Кругом, и теперь он хотел именно этого. Так что да, это было тщеславие. Это была любовь.

Он громко рассмеялся. Его автосерф резал синюю линзу Тихого океана, словно управляемый алмаз, брызжа острой холодной крошкой его

поверхности вверх, в лицо Муру.

* * *

Возвращаться из абсолютного нуля, словно Лазарь, не больно и не страшно — поначалу. Любые ощущения отсутствуют, пока ты не достигаешь температуры относительно теплого трупа. Но к этому времени в оттаявших реках тела уже течет инъекция нирваны.

Лишь когда возвращается сознание, подумала миссис Маллен, возвращается в достаточной степени, чтобы полностью осознать произошедшее — что вино пережило очередной сезон в ненадежном погребе, и винтаж его сделался еще более редким, — лишь тогда невыразимый страх прокрадывается в будничные очертания мебели в спальне — на миг.

Это скорее суеверие, чем что-либо другое, — мысленное содрогание от возможности того, что вещество жизни, твоей собственной жизни, каким-то неопределенным образом изменилось.

Проходит микросекунда, и остается только смутное воспоминание о дурном сне.

Она поежилась, как будто холод до сих пор был заключен в ее костях, и стряхнула с себя мысли о минувших кошмарах.

Ее внимание обратилось к стоявшему рядом мужчине в белом халате.

— Какой сегодня день? — спросила она.

Он был пригоршней праха на ветру Времени…

— Восемнадцатое августа две тысячи второго, — ответила пригоршня праха. — Как вы себя чувствуете?

— Превосходно, спасибо, — решила она. — Я только что прикоснулась к новому столетию — теперь я посетила уже три — так почему я не должна чувствовать себя превосходно? Я намереваюсь посетить еще немало.

— Уверен, что так и будет, мадам.

Ее руки — маленькие карты — поправили покрывало. Она подняла голову.

— Расскажи мне, что нового в мире.

Доктор отвернулся от внезапной ацетиленовой вспышки в ее глазах.

— Мы наконец-то побывали на Нептуне и Плутоне, — поведал он. — Они совершенно не пригодны для жизни. Похоже, человек одинок в Солнечной системе. Проект озера Сахара столкнулся с новыми проблемами, но похоже, что теперь, когда эти дурацкие претензии французов почти улажены, работы могут начаться следующей весной…

Ее глаза вплавляли его прах в оконные стекла.

— Очередной конкурент, «Веселое будущее», вошел в бизнес временных капсул три года назад, — сообщил он, пытаясь улыбнуться, — но мы встретили врага лицом к лицу, и теперь он наш — Круг выкупил их восемь месяцев назад. Кстати говоря, наши собственные ложа сделались куда более совреме…

— Я повторяю, — сказала она, — что нового в мире, *доктор*?

Он покачал головой, избегая устремленного на него взгляда.

— Теперь мы можем продлевать периоды ремиссий, — сказал он наконец, — на гораздо более долгий срок, чем было возможно с использованием прежних методик.

— Лучшая искусственная задержка?

— Да.

— Но не исцеление.

Он покачал головой.

— В моем случае, — сказала она ему, — задержка уже аномально велика. Старые панацеи не помогают. На сколько хватит новых?

— Мы пока еще не знаем. У вас нетипичная разновидность РС, а другие факторы осложняют все еще больше.

— Исцеление не сделалось ближе?

— На это может уйти двадцать лет. А может, оно появится завтра.

— Понятно. — Сияние померкло. — Можешь идти, юноша. Перед уходом включи моего автосоветчика.

Он был счастлив препоручить дела машине.

* * *

Диана Деметриос набрала библиотеку и запросила Книгу Круга. Покрутила ручку перелистывания и остановилась.

Она изучала экран так, словно тот был зеркалом, и на лице ее сменялась череда выражений.

— Я выгляжу ничуть не хуже, — решила она чуть погодя. — Даже лучше. Ты могла бы подправить нос, и линию бровей… Если бы они не были лицевыми фундаменталистами, — сообщила она фотографии, — если бы они не дискриминировали хирургию, дамочка, — ты была бы на моем месте, а я на твоем. Сука!

* * *

Миллионный баррель очищенной морской воды вышел, свежий и ледяной, из Очистителя

Мура. Выплескиваясь из тандемной камеры, струясь по трубам, он был чист, полезен и совершенно не осознавал этих своих достоинств. С другого конца вошла очередная порция тихоокеанской соли.

Отходы очистки использовались в производстве псевдокерамической посуды.

Человек, спроектировавший двухфункциональный очиститель, был богат.

На Оаху было восемьдесят два градуса по Фаренгейту.

Миллион первый баррель выплеснулся из…

* * *

Они оставили Элвина Мура в окружении фарфоровых собачек.

Две стены были от пола до потолка загорожены полками. На полках стояли шеренги синих, зеленых, розовых, красно-коричневых (не говоря уже об охровых, багровых, лиловых и шафрановых) собачек, в основном глазурованных (хотя попадались и грубо обработанные), размером от крупного таракана до карликового бородавочника. В другом конце комнаты ревел настоящий аидов пламень, бросая метафизический вызов жаркому бермудскому июлю.

Каминная полка над ним тоже была уставлена собачками.

Рядом с адским камином стоял письменный стол, за которым сидела Мэри Мод Маллен, завернутая в черно-зеленую тартановую шаль. Она изучала досье Мура, раскрытое на бюваре. Заговаривая с ним, она не поднимала взгляда.

Мур стоял рядом с креслом, сесть в которое ему не предложили, и притворялся, что разглядывает собачек и охапки джорджийского хвороста, которыми комната была набита до отказа.

Хоть Мур и не был большим любителем живых собак, неприязни он к ним не питал. Но, закрыв на мгновение глаза, он испытал приступ клаустрофобии.

Это были не собачки. Это были немигающие инопланетяне, глядящие сквозь прутья клетки последнего землянина. Мур пообещал себе, что не будет отпускать никаких комплиментов безвкусной радуге собачьей стаи (подходящей добычей для которой стал бы, возможно, нефритовый олень размером с чихуахуа); он решил, что ее мог породить только темный уголок мозга мономаньяка или человека, отличающегося очень слабым воображением и неуважением к собакам.

Изучив все банальности, написанные в его прошении, миссис Маллен подняла на него взгляд своих бесцветных глаз.

— Как вам мои собачки? — спросила она.

Она сидела перед ним, узколицая морщинистая женщина с пламенными волосами, курносым носом, невинным выражением лица и тонкими губами, до сих пор искривленными слетевшим с них вопросом.

Мур быстро проиграл в голове свои недавние мысли и решил оставаться верным себе в своем отношении к фарфоровым собачкам и ответить объективно.

— Они весьма колоритны, — заметил он.

Ответ был неверный, он ощутил это, как только его произнес. Вопрос оказался слишком внезапным. Мур вошел в кабинет, готовый врать о чем угодно, но только не о фарфоровых собачках. Поэтому он улыбнулся.

— Их у вас ужасно много. Но, конечно, они не лают, не кусаются, не линяют и не делают иных вещей…

Она улыбнулась в ответ.

— Мои милые маленькие колоритные суки и сукины дети, — сказала она. — Они ничего не делают. Они — своего рода символы. В том числе и

поэтому я их собираю. Присядьте, — она указала на кресло, — и притворитесь, что вам удобно.

— Благодарю.

— Здесь написано, что вы лишь недавно поднялись над счастливой анонимной массой, чтобы добиться каких-то загадочных научных почестей. Почему же теперь вы хотите от них отказаться?

— Мне нужны были деньги и престиж, которые, как мне дали понять, могут помочь кандидату в члены Круга.

— Ага! Значит, это было средство, а не цель?

— Верно.

— Тогда расскажите мне, почему вы хотите войти в Круг.

Он написал ответ на этот вопрос месяц назад. И выжег его у себя в мозгу, чтобы произнести с естественными интонациями. Слова начали формироваться у него в горле, но Мур позволил им там же и умереть. Они сочинялись такими, чтобы как можно больше понравиться фанатке Теннисона. Теперь Мур не был в них так уж уверен.

И все же… Он расчленил свой ответ и выбрал нейтральный аргумент — о погоне за знанием, как за тонущей звездой.

— В ближайшие несколько десятилетий произойдет множество перемен. Я хотел бы увидеть

их — глазами молодого человека.

— Как член Круга вы будете существовать скорее для того, чтобы видели вас, чем чтобы смотреть самому, — ответила она, делая пометку в его досье. — …И я думаю, что нам придется покрасить вам волосы, если мы вас примем.

— Что, черт возьми, вы несете?!. Прошу прощения, сорвалось.

— Хорошо. — Она сделала еще одну пометку. — Слишком сдержанные нам не нужны… и слишком несдержанные тоже, если уж на то пошло. Ваша реакция была довольно милой. — Она снова подняла взгляд. — Почему вы так сильно хотите увидеть будущее?

Он почувствовал себя не в своей тарелке. Казалось, она знает, что он лжет.

— Обычное человеческое любопытство, — неубедительно ответил он, — и вдобавок профессиональный интерес. Мне, как инженеру…

— У нас не семинар, — сообщила она. — Вы не будете проводить много времени за пределами Празднеств, если хотите надолго задержаться в Круге. Через двадцать — нет, десять — лет вы с точки зрения инженерного дела снова станете детсадовцем. Оно будет для вас как иероглифы. Вы ведь не умеете читать иероглифы?

Он помотал головой.

— Хорошо, — продолжила она. — Моя аналогия неуклюжа. Да, оно будет для вас как иероглифы, и если вы выйдете из Круга, то сделаетесь неумелым новичком — хотя, конечно, работать вам не понадобится. Но если вы захотите работать, вам придется открыть собственное дело — а с течением времени это становится все более и более сложным, едва ли не слишком сложным, чтобы пытаться. Вы наверняка потеряете деньги.

Мур пожал плечами и поднял руки. Он *и правда* об этом думал. Пятьдесят лет, сказал он себе, и мы сможем покинуть Круг; у нас будет куча денег, а я смогу пройти курсы переподготовки и попробовать стать консультантом по гидротехнической инженерии.

— Я буду знать достаточно, чтобы ценить происходящее, даже если не смогу в нем участвовать, — объяснил он.

— И вы удовольствуетесь ролью наблюдателя?

— Думаю, да, — соврал он.

— Сомневаюсь. — Ее взгляд снова пригвоздил его к месту. — Вы считаете, что влюблены в Леоту Мейсон? Она вас номинировала, но это, конечно же, ее привилегия.

— Я не знаю, — признался он наконец. — Сперт-

ва, два года назад, мне так казалось…

— Увлеченность — это неплохо, — сказала ему Мэри Мод. — Это повод для хороших сплетен. А вот любовь я не потерплю. Гоните такую блажь вон. Не бывает ничего более скучного и неизящного на приемах Круга. Это не повод для сплетен; это повод для смешков. Так увлеченность это или любовь?

— Увлеченность, — решил он.

Она посмотрела на огонь, посмотрела на свои руки.

— Вам придется выработать буддийский взгляд на окружающий мир. Этот мир будет меняться изо дня в день. Каждый раз, когда вы остановитесь, чтобы на него взглянуть, он будет уже другим — нереальным.

Мур кивнул.

— А следовательно, если вы хотите сохранить уравновешенность, Круг должен стать для вас центром всего. Там, где ваше сердце, должна пребывать и душа.

Он снова кивнул.

— …А если так случится, что будущее вам не понравится, когда вы остановитесь на него взглянуть, помните, что пути назад *нет*. Не просто думайте об этом, *почувствуйте* это!

Он чувствовал это.

Мэри Мод начала писать. Внезапно ее правая рука задрожала. Она уронила ручку и с превеликой осторожностью втянула руку обратно под шаль.

— Вы не так колоритны, как большинство кандидатов, — слишком естественно сказала она ему, — но, с другой стороны, у нас сейчас нехватка сентиментального типа. Контраст добавляет глубины и рельефа нашим действам. Идите и посмотрите все записи наших прошлых Празднеств.

— Я уже их посмотрел.

— …И вы готовы отдать этому свою душу или значительную ее часть?

— Там, где мое сердце…

— В таком случае вы можете возвращаться в свои апартаменты, мистер Мур. Вам сообщат о нашем решении сегодня.

Мур встал. Ему не задали еще так много вопросов, он хотел еще о столь многом сказать, но забыл или не получил возможности… Не решила ли она уже отвергнуть его? Не поэтому ли собеседование оказалось таким коротким? И все же ее последние реплики обнадеживали.

Он выбрался из хрупкой конуры, и все его поры

были точно свежие дырки от гвоздей.

Весь день Мур ошивался возле гостиничного бассейна, а вечером переместился в бар. Он не поужинал.

Когда он получил весть о том, что его кандидатура одобрена, посланец сообщил также, что его инквизиторше принято преподносить небольшой подарок. Мур пьяно рассмеялся, предвидя, какой окажется природа этого подарка.

Получив свою первую собачку из тихоокеанской воды с Оаху, Мэри Мод Муллен встретила ее незаметным, печальным пожатием плеч, едва не превратившимся в содрогание. Потом ее затрясло, и она едва не выронила фигурку. Мэри Мод быстро поставила ее на нижнюю полку позади стола и потянулась за таблетками; позднее собачка треснула от жара пламени.

* * *

Они танцевали. Море было вечнозелено-золотым небом над куполом. День был до странного юн.

Усталые потомки шестнадцати часов Празднества, они цеплялись друг за друга, с больными ногами, с опущенными плечами.

На площадке до сих пор танцевали восемь

пар, и утомленные музыканты скармливали им самую медленную музыку, на какую только были способны. Растянувшись вдоль края мира, где зеленая чаша неба соприкасалась с голубой плиткой Земли, сотен пять людей, в расстегнутой одежде, с открытыми ртами, таращились, будто золотые рыбки на столе, на воду за стеной.

— Как думаешь, дождь будет? — спросил он у нее.

— Да, — ответила она.

— Согласен. Не повезло с погодой. Так как насчет той недели на Луне?..

— А чем тебе не угодила старая добрая матушка-Земля? — улыбнулась она.

Кто-то завопил. Почти одновременно послышался шлепок пощечины. Вопль прервался.

— Я никогда не бывал на Луне, — ответил он.

Ее это, похоже, позабавило.

— А я бывала. Мне там не нравится.

— Почему?

— Из-за холодных безумных огней снаружи купола, — ответила она, — и темных мертвых камней, окружающих его. — Она поморщилась. — Из-за них она кажется кладбищем в конце Времен…

— Ладно, — сказал он, — забудь.

— …и это ощущение бестелесной легкости, с которым перемещаешься по куполу…

— Хорошо!

— Прости. — Она мазнула губами по его шее. Он соприкоснулся с ней лбом.

— Круг утратил свой шеллак, — улыбнулась она.

— Нас больше не снимают. Это уже не важно.

Где-то рядом с гигантским морским коньком, игравшим роль столика для закусок, начала всхлипывать женщина. Музыканты заиграли громче. Небо было полно светящихся морских звезд, влажно влекомых своими захватными лучами. Одна из звезд капнула на них соленой водой, проплывая сверху.

— Мы улетим завтра, — сказал он.

— Да, завтра, — повторила она.

— Как насчет Испании? — спросил он. — Сейчас сезон хереса. Там будут Juegos Florales de la Vendimia Jerezana. Они могут оказаться последними.

— Слишком шумно, — ответила она, — из-за фейерверков.

— Но весело.

— Весело, — вздохнула она, скривив губы. — Давай отправимся в Швейцарию и притворимся,

что мы стары или умираем от чего-нибудь романтического.

— Некрофилка, — усмехнулся он, поскользнувшись на лужице и восстанавливая равновесие. — Тогда уж лучше тихий лох в Хайленде, где у тебя будут твои туманы и миазмы, а у меня — беспримесные молоко и мед.

— Нет, — сказала она поверх быстрой трепотни пьяных голосов, — давай полетим в Нью-Гэмпшир.

— А чем тебе не угодила Шотландия?

— Я никогда не бывала в Нью-Гэмпшире.

— Я бывал, и там не нравится *мне*. Он точь-в-точь твое описание Луны.

Мотылек, задевший свечное пламя, дрожь.

Замерзший разряд черной молнии медленно разрастался в зеленых небесах. Брызнул легкий дождь.

Пока она сбрасывала туфли, он потянулся за бокалом, что стоял на парящем подносе над его левым плечом. Осушил его и поставил обратно.

— Судя по вкусу, кто-то разбавляет напитки.

— Круг, должно быть, экономит, — сказала она.

И тут Мур заметил Ангера, который стоял на краю площадки с бокалом в руке и наблюдал за ними.

— Я вижу Ангера.

— Я тоже. Он качается.

— Как и мы, — засмеялся он.

Прическа толстого барда была снежным хаосом, левый глаз так опух, что почти не открывался. Он рухнул с булькающим бормотанием и расплескал выпивку. Никто не подошел ему помочь.

— Похоже, он снова перебрал.

— Бедный Ангер, — бесстрастно сказала она. — Я знала его.

Дождь продолжался, и танцоры двигались по залу, словно марионетки в каком-то любительском представлении.

— Они приближаются! — воскликнул кто-то не из членов Круга в трепещущем алом плаще. — Они спускаются!

Все бодрствующие головы в Куполе Празднеств запрокинулись вверх, и вода заструилась им в глаза. В безоблачной зелени росли три серебристых цеппелина.

— Они идут за нами, — заметил Мур.

– Они успеют!

Музыка на мгновение замерла, словно маятник в конце дуги. И снова зазвучала.

Доброй ночи, дамы, играл оркестр, *доброй ночи, дамы…*

— Мы будем жить!

— Мы отправимся в Юту, — сказал он ей с мокрыми глазами, — где нет моретрясений и приливных волн.

Доброй ночи, дамы…

— Мы будем жить!

Она сжала его руку.

– *Весело мы поплывем*, — пели голоса, — *поплывем…*

— Поплывем, — сказала она.

— Весело, — отозвался он.

– *По синим волнам!*

* * *

Кругомесяц спустя после самого близкого к катастрофе случая в истории Празднеств (то есть в лето Господне и президента Камберта 2019-е, через двенадцать лет после моретрясения) члены Круга Мур и Леота (в девичестве Лахесис) стояли рядом с Дворцом Сна на острове Бермуда. Близилось утро.

— Я уверен, что люблю тебя, — обмолвился он.

— К счастью, любовь не требует акта веры, — заметила она, прикуривая сигару от предложенного огня, — потому что я не верю ни во что.

— Двадцать лет назад я увидел на Празднестве

прекрасную женщину и станцевал с ней.

— Пять недель назад, — поправила она.

— Тогда я задался вопросом, не захочет ли она когда-нибудь выйти из Круга и вновь стать человеком, унаследовав грехи смертных.

— Я часто думала об этом сама, — сказала Леота, — в минуты безделья. Но она этого не сделает. Пока не станет старой и уродливой.

— Это значит «никогда», — печально улыбнулся он.

— Ты и впрямь благороден. — Она дохнула дымом на звезды, прикоснулась к холодной стене здания. — Однажды, когда люди начнут смотреть на нее лишь для того, чтобы сравнить с каким-нибудь воздушным чадом далекого будущего, или когда изменятся стандарты красоты… тогда она пересядет с экспресса на местный поезд и позволит остальному миру проноситься мимо.

— На какой бы станции она ни вышла, она очутится одна в незнакомом городе, — сказал Мур. — Кажется, будто мир перестраивают ежедневно. Прошлым вечером — прошу прощения, в прошлом году, — я встретился за ужином с приятелем по студенческому братству, и он разговаривал со мной, как с собственным сыном. Через слово вставлял «сынок», или «парень», или

«юноша», и не шутил при этом. Он реагировал на то, что видел. Это изрядно подпортило мне аппетит. Ты понимаешь, что мы уходим? — спросил он у затылка Леоты, отвернувшейся, чтобы взглянуть на сады спящих цветов. — Прочь! Вот куда. Мы не можем вернуться! Мир обгоняет нас, пока мы спим.

— Это бодрит, да? — спросила наконец Леота. — И стимулирует, и внушает благоговение. Я имею в виду отсутствие привязанностей. Все сгорает. Мы остаемся. Ни время, ни пространство не могут нас удержать без нашего согласия. А я не согласна быть привязанной, — провозгласила она.

— Ни к чему?

— Ни к чему.

— А что, если все это большой розыгрыш?

— Что именно?

— Мир… Предположим, всех мужчин, женщин и детей сгубило в прошлом году вторжение пришельцев с Альфы Центавра — всех, кроме замороженного Круга. Предположим, это была стопроцентно эффективная вирусная атака…

— В системе Центавра нет живых существ. Я недавно об этом читала.

— Ну ладно, откуда-нибудь еще. Предположим, все останки и все следы хаоса были убраны, а

потом один из пришельцев махнул плавником на это здание. — Мур хлопнул по стене. — Пришелец сказал: «Эй! Там внутри, в морозилке, остались еще живые. Спросите у какого-нибудь социолога, стоит ли их сохранить или лучше оставить дверь холодильника открытой и дать им протухнуть». После чего их социолог пришел, взглянул на нас в наших ледяных гробах, и сказал: «Может, они и сгодятся для потехи да десятка страничек в малоизвестном журнале. Давайте-ка задурим им головы, пусть думают, что все идет так же, как было до вторжения. Все их перемещения, судя по этим графикам, распланированы, так что это будет не слишком сложно. Мы наводним их Празднества симулякрами людей, напичканными записывающей машинерией, и классифицируем их поведенческие паттерны. Мы будем менять их окружение, а они спишут это на прогресс. Так мы сможем пронаблюдать за их поведением в самых разных ситуациях. А закончив, мы всегда сможем сломать таймеры их лож и позволить им спать бесконечно — или открыть двери и смотреть, как они тухнут». На том они и порешили, — закончил Мур, — и вот мы здесь, последние живые люди на Земле, выделываем коленца перед машинами, которыми

управляют нечеловеческие существа, следящие за нами с непознаваемой целью.

— Значит, мы устроим для них хороший спектакль, — ответила Леота, — и, быть может, они поаплодируют нам, прежде чем мы протухнем.

Она затушила свою сигару и поцеловала его перед сном. Они вернулись в свои холодильники.

* * *

Прошло двенадцать недель, прежде чем Мур ощутил необходимость отдохнуть от круговорота Празднеств. Он начинал бояться. Леота впустую потратила десятилетия своего времени, отдыхая вместе с ним, и с недавних пор проявляла признаки уныния, явно сожалея об этой издержке. Поэтому Мур решил взглянуть на что-то настоящее, прогуляться по 2078 году. В конце концов, ему было уже больше сотни лет.

«Королева будет жить вечно», — провозглашала выцветшая вырезка, висевшая в главном коридоре Дворца Сна. За этим заголовком следовала старая/недавняя статья о преодолении последних препятствий в лечении рассеянного склероза и об исцелении одной из самых знаменитых его жертв. Мур не видел Дуайену со дня собеседования. И ему было наплевать, увидит ли

он ее еще когда-нибудь.

Он надел костюм из своего шкафа с повседневной одеждой и прошел через сады к посадочной площадке. Людей вокруг не было.

Он не знал, куда именно хочет отправиться, пока не встал перед билетной кассой и динамик не попросил его:

— Назовите место назначения.

— Э-э… Оаху. Лаборатории «Аквы», если у них есть свой аэродром.

— Есть. Но последние пятьдесят шесть миль придется лететь частным чартером…

— Зафрахтуйте мне частный чартер на всю дорогу, в оба конца.

— Вставьте карту, пожалуйста.

Он вставил карту.

Через пять минут карта выскочила обратно в его ожидающую руку. Мур убрал ее в карман.

— Когда я прибуду? — спросил он.

— В девять тридцать два, если улетите на «Дарте-девять» через шесть минут. У вас есть багаж?

— Нет.

— В таком случае ваш «Дарт» ожидает вас в зоне А-11.

Мур направился через аэродром к отмеченному цифрой девять «Дарту», самолету вертикального

взлета. Управляла им пленка. Поскольку полет заказывался специально, маршрут был составлен еще в кассе, через несколько миллисекунд после того, как Мур назвал место назначения. После этого он был удаленно записан на чистую пленку внутри «Дарта-девять»; автокорректирующий мозг позволял «Дарту» менять курс в случае непредвиденных обстоятельств и позднее возвращаться к прежнему, приземляясь именно там, где ему было положено приземлиться.

Мур взошел по трапу и остановился, чтобы вставить свою карту в слот возле люка. Люк распахнулся, Мур забрал карту и вошел. Он выбрал сиденье рядом с иллюминатором и защелкнул ремень у себя на животе. После этого люк закрылся.

Через несколько минут ремень расстегнулся сам по себе и скрылся в подлокотниках сиденья. «Дарт» летел плавно.

— Не желаете приглушить свет? Или, быть может, сделать его ярче? — спросил раздавшийся сбоку голос.

— Меня все устраивает, — ответил Мур невидимой сущности.

— Быть может, вы хотите что-нибудь съесть? Или выпить?

— Мартини, пожалуйста.

Послышался скользящий звук, следом — приглушенный щелчок. В стене рядом с ним открылась крошечная ниша. В ней стоял мартини.

Мур взял его и пригубил.

За иллюминатором и ближе к хвосту «Дарта» исходили бледно-голубым сиянием воздухозаборники.

— Не желаете чего-нибудь еще? — *Пауза.* — Быть может, прочитать вам статью на избранную вами тему? — *Пауза.* — Или прозу? — *Пауза.* — Или поэзию? — *Пауза.* — Быть может, вы хотите взглянуть на каталог? — *Пауза.* — Или вы предпочтете музыку?

— Поэзию? — повторил Мур.

— Да. Я располагаю множеством…

— Я знаю одного поэта, — припомнил он. — У тебя есть какие-нибудь стихи Уэйна Ангера?

Краткое механическое размышление, а затем:

— Уэйн Ангер. Да, — ответил голос. — В доступе находятся его «Нежеланный рай», «Стальные грибы» и «Резец в небе».

— Какая из его книг самая свежая? — спросил Мур.

— «Резец в небе».

— Почитай мне ее.

Голос начал зачитывать выходные данные и информацию об авторских правах. На протесты Мура он ответил, что таково требование закона, и сослался на судебный прецедент. Мур заказал еще мартини и стал ждать.

Наконец голос произнес:

— «Наш индевеющий путь сквозь вечер — кусты пылают окрест».

— Что?

— Так называется первое стихотворение.

— А, тогда читай.

(Где белеет лишь вечно зеленое…)

Зимнеснежный пепел вздымается
буранными цитаделями.
Силуэты вскрывают перспективу.
Темнота как отсутствие лиц
хлещет из разверстого дома,
сквозь разбитые сосны сочится,
течет по раздробленным кленам.
Возможно, то дух одряхления,
сновидческий брак из спящих,
что плещет на эту дорогу
в рожденном погодой избытке.

А может, великая Анти-Жизнь
постигает живописание местью,
пуская сосульку из горгульина глаза.

Ибо, по всей строгости, хоть никто
не в силах противостать себе in toto,
я вижу твое падшее небо, запропавших богов
будто в задымленной грезе
древних статуй, пылающих
беззвучно, до самого тла.

(…вечно белому не зеленеть.)

После десятисекундной паузы голос продолжил:

— Следующее стихотворение называется…

— Подожди минутку, — попросил Мур. — Этот первый стих… Ты запрограммирован как-то его истолковывать?

— Простите, нет. Для этого требуется более сложная модель.

— Повтори, когда вышла книга.

— В 2016 году, в Североамериканском союзе…

— И это самая свежая его работа?

— Да, он член Круга Празднеств, и между его

сборниками, как правило, проходит несколько десятилетий.

— Читай дальше.

Машина продолжила чтение. Мур мало что знал о стихах, но его поразили постоянно повторяющиеся образы льда и холода, снега и сна.

— Остановись, — сказал он машине. — У тебя есть что-нибудь, написанное им до того, как он вошел в Круг?

— «Нежеланный рай» был опубликован в 1981 году, через два года после того, как он стал членом Круга. Но, согласно предисловию, большая часть стихов написана раньше.

— Почитай его.

Мур слушал внимательно. Лед, снег и сон почти не упоминались. Это небольшое открытие заставило его пожать плечами. Сиденье немедленно подстроилось под его движение, а потом вернулось в прежнее положение.

Мур почти не знал Ангера. Ему не нравились его стихи. Впрочем, ему мало какие стихи нравились.

Чтец перешел к следующему стихотворению.

— «В песьем доме», — объявил он:

Сердце есть кладбище кригаса,

схоронённое от глаз охотника,

тут любовь носит смерть как финифть

и псы заползают, чтоб сдохнуть…

Следующие строфы Мур слушал с улыбкой. Это стихотворение ему понравилось чуть больше, потому что он знал, чем оно вдохновлено.

— Остановись, — велел он машине.

Он заказал легкий обед и задумался об Ангере. Они разговаривали только однажды. Когда это было?

В две тысячи семнадцатом?.. Да, на праздновании столетия освобождения рабочих, во дворце имени Ленина.

Текли реки водки…

Фонтаны соков — будто из рассеченных нечеловеческих артерий — раскрывали свои яркие зонты, фиолетовые, и лимонные, и зеленые, и оранжевые. Над множеством сердец сверкали драгоценности, которых хватило бы на выкуп эмира. Хозяин, премьер Корлов, казался в своем облачении довольным ледяным великаном.

…В танцевальном павильоне из поляризационных кристаллов внешний мир то показывался, то исчезал, то показывался, то исчезал — как

реклама, прокомментировал Ангер, опираясь локтями на барную стойку, а ногой на услужливую перекладину.

Заметив подошедшего Мура, он резко повернул голову. Ангер был мутноглазым филином-альбиносом.

— Альбион Мур, я полагаю, — сказал он, протягивая руку. — Quo vadis, черт бы тебя побрал?

— Водку с виноградным соком, — сказал Мур лишнему человеку, стоявшему у коктейльного автомата. Бармен в униформе нажал две кнопки и толкнул стакан через два фута заиндевелого красного дерева. Мур кратко отсалютовал им Ангеру.

— Счастливого вам столетия освобождения рабочих.

— За освобождение я выпью. — Поэт наклонился вперед и сам набрал комбинацию. Человек в униформе громко шмыгнул.

Они выпили.

— Они обвиняют нас, — жест Ангера охватил весь мир, — в том, что мы не знаем и не заботимся о вещах, не касающихся Круга, и о тех, кто не входит в Круг.

— Но разве это не так?

— О да, но этим все не ограничивается. Мы точ-

но так же относимся и к своим собратьям. Ответь честно, со сколькими членами Круга ты знаком?

— Весьма со многими.

— Я спрашивал не о том, скольких ты знаешь по имени.

— Ну, я постоянно с ними болтаю. Наша среда идеальна для новшеств и слов — и у нас есть все время мира. А сколько друзей у вас? — спросил он.

— Я только что прикончил одного, — буркнул поэт, склоняясь вперед, — и намереваюсь смешать другого.

Мур был не в настроении для депрессии или насмешек и не понимал, к какой категории относить его слова. Со времени злосчастного Празднества у Дэви Джонса он жил в мыльном пузыре и не желал, чтобы кто-то тыкал в него острыми штуками.

— Значит, вы сами по себе. Если Круг не приносит вам счастья — уходите.

— Ты ведешь себя не как настоящий tovarisch, — сказал Ангер, погрозив пальцем. — Было время, когда человек мог излить душу барменам и собутыльникам. Но ты этого не помнишь — те дни кончились с изобретением барматов с никелевыми пластинами. Будь прокляты их экзотические

глазки и научное смешивание!

Неожиданно Ангер заказал три напитка, один за другим. И, расплескивая, толкнул их через темную блестящую стойку.

— Попробуй их! Глотни каждого! — приказал он Муру. — Без таблички не различить, верно?

— Они надежны.

— Надежны? Да, черт побери! Надежно создают невротиков. Когда-то человек мог купить пивка и найти слушателя. Все это вышло из моды, когда в нее вошли надежные коктейльные машины. Теперь мы — члены пустословного клуба лихорадочных и в высшей степени неестественных перемен! Ах, если бы такой была «Русалка»! — жаловался Ангер в фальшивых тонах исступления. — Или чертов «Лев» в Степни! Какими пресыщенными клоунами были приятели Марло!

Он обмяк.

— Да! Пьянство уже не то, что прежде.

Его отрыжка — интернациональный язык — вынудила оператора коктейльного автомата отвернуться, но не прежде, чем они заметили измученное выражение его лица.

— Так я повторю свой вопрос, — сказал Мур, поддерживая разговор. — Почему вы остаетесь

там, где несчастны? Вы могли бы открыть собственный настоящий бар, если бы захотели. Мне кажется, он был бы успешен — люди, подающие напитки, и все такое прочее.

— Катись! Катись! Не скажу куда! — Ангер уставился в пустоту. — Впрочем, может быть, однажды я так и сделаю, — задумчиво проговорил он, — открою настоящий бар…

Мур отвернулся от него, глядя, как Леота танцует с Корловым. Он был счастлив.

— Люди входят в Круг по самым разным причинам, — бубнил Ангер, — но главная из них — эксгибиционизм, да еще, может быть, манящий призрак бессмертия, маячащий за кулисами. С течением времени привлекать к себе внимание становится все сложнее и сложнее. В науке это почти невозможно. В девятнадцатом и двадцатом веке еще можно было назвать великие имена — а теперь остались только великие исследовательские команды. Искусство задемократизировано насмерть — а куда подевалась аудитория? И я не зрителей имею в виду. Вот поэтому мы и имеем Круг, — продолжил он. — Возьмем, к примеру, нашу спящую красавицу, танцующую с Корловым…

— Что?

— Прошу прощения, я не хотел так резко тебя будить. Я говорил, что сегодня мисс Мейсон, желая внимания, не могла стать стриптизершей, и ей пришлось войти в Круг. Это даже лучше, чем быть звездой трили, и требует меньше работы…

— Стриптизершей?

— Это народное искусство раздевания под музыку.

— Да, я что-то об этом слышал.

— Но и его уже нет, — вздохнул Ангер, — и хотя я не могу с неодобрением относиться к нынешним стандартам одежды и наготы, мне все равно кажется, что вместе со старым миром умерло что-то яркое и хрупкое.

— Но *она* ведь яркая, разве нет?

— Несомненно.

Потом они ненадолго вышли наружу, прогуляться в холодной московской ночи. На самом деле Муру не хотелось уходить, но он выпил достаточно, чтобы его легко можно было убедить. К тому же он не хотел, чтобы спотыкающийся болтун, шедший рядом, свалился в яму или заблудился, опоздал на самолет или что-нибудь себе повредил. Поэтому они шлялись по ярким улицам и тусклым переулкам, пока не вышли на Площадь. Они остановились рядом с большим

обветшавшим монументом. Поэт отломил от куста маленькую ветку, согнул ее в венок. И бросил его об стену.

— Бедолага, — пробормотал он.

— Кто?

— Тот парень, что внутри.

— И кто же это?

Ангер посмотрел на него, склонив голову набок.

— Ты правда не знаешь?

— Я признаю, что в моем образовании есть пробелы, если вы об этом. Я постоянно стремлюсь их заполнить, но история всегда была моим слабым местом. Я рано выбрал специализацию.

Ангер ткнул в монумент большим пальцем.

— Здесь покоится благородный Макбет, — сказал он. — Древний король, вероломно сразивший своего предшественника, благородного Дункана. И кучу другого народу. Однако, заняв трон, он пообещал быть добр к своим подданным. Но славянский темперамент — штука странная. Его помнят в первую очередь за множество славных речей, переведенных человеком по фамилии Пастернак. Теперь их уже никто не читает.

Ангер вздохнул и уселся на ступеньку. Мур присоединился к нему. Он слишком замерз, что-

бы обижаться на заносчивые издевки пьяного поэта.

— В те времена люди еще воевали, — сказал Ангер.

— Знаю, — ответил Мур, у которого заледенели пальцы. — Часть этого города однажды спалил Наполеон.

Ангер уважительно приподнял шляпу.

Мур оглядел окрестности. Площадь обрамляла безумная мешанина построек — здесь яркое и функциональное, похожее на лестницу офисное здание устремлялось ввысь и созерцало дали, доступные только самым новым домам с их тщательно продуманным расположением; там притворялся черным зеркалом дневной аквариум агентства, места, где для прохожих выставлялась напоказ внушающая доверие отрепетированная деловитость чиновников; а на другой стороне площади, в тени, что возвращала ей сгинувшую молодость, сиротливая луковка купола тянулась острым чубом к снующим среди звездных огней парящим машинам, множество которых были видны даже сейчас, — и Мур подул на пальцы и засунул руки в карманы.

— Да, государства воевали, — говорил между тем Ангер. — Гремела артиллерия. Лилась кровь.

Умирали люди. Но мы пережили это, пересекая качающийся Чинват по одному слову за раз. И вот однажды он наступил. Мир. Много времени прошло, прежде чем кто-то его заметил. Мы до сих пор не знаем, как нам это удалось. Благодаря вечным отсрочкам и короткой памяти, полагаю, ведь внимание человека теперь двадцать четыре часа в сутки занимают другие дела. Теперь драться больше не за что, и все хвастаются плодами мира — потому что у каждого их целые комнаты. Столько, сколько нужно. И больше. Но те вещи, которыми переполнены их комнаты и головы, — задумчиво проговорил он, — как они размножились! Каждый месяц появляется новая модель, которая в каком-то крайне запутанном отношении лучше прежней. Они как будто поглотили уже поглощенные ими умы…

— Мы можем все уйти жить в лес, — предложил Мур, сожалея, что не прихватил с собой кристалл-батарейку и обогреватель для костюма.

— Мы много чего можем сделать, и в конце концов сделаем — наверное. Может, в конце концов и в лесу окажемся.

— В таком случае давайте вернемся во Дворец, пока у нас есть еще время. Я замерз.

— Почему бы и нет?

Они встали, пошли обратно.

— Так зачем вы все-таки вошли в Круг? Чтобы ваше недовольство растянулось на целые столетия?

— Нет, сынок. — Поэт похлопал его по плечу. — Я — аудитория в поисках развлечения.

Прошел целый час, прежде чем Мур сумел изгнать из костей холод.

* * *

— Гм. Гм, — сказал голос. — Мы готовимся к посадке в лабораториях компании «Аква», остров Оаху.

Ремень змеей заполз на колени Муру. Тот застегнул его.

Неожиданное чувство побудило его попросить:

— Прочти мне еще раз последнее стихотворение из «Резца».

— «Грядущее, не будь нетерпеливо», — объявил голос:

Однажды, быть может, но не сегодня.

Однажды; потом, не теперь.

Человек есть зверь, созидающий монументы.

И не спрашивай, где здесь дверь.

На протяжении тех сорока четырех секунд, что потребовались ему на выход из самолета, Мур вспоминал о том, как Леота описывала Луну, и ненавидел Ангера. Он сам не знал, почему.

Он встал рядом с «Дартом-девять» и увидел, что к нему приближается невысокий мужчина, в улыбке и яркой тропической одежде. Мур машинально пожал ему руку.

— …Очень приятно, — говорил мужчина, которого звали Тенг, — и я рад, что здесь мало осталось того, что вам знакомо. Мы решали, что вам показать, с тех пор как нам позвонили с Бермуды. — Мур притворился, что знает о звонке. — …Немногие хранят такую долгую память о своих работодателях, — продолжал между тем Тенг.

Мур улыбнулся и вместе с ним направился к Очистному комплексу.

— Да, мне было интересно, — согласился он, — посмотреть, как тут все теперь выглядит. Мой старый кабинет, моя лаборатория…

— Их, разумеется, уже нет.

— Наша первая тандемная камера с ее огромными раструбами…

— Заменена, естественно.

— Естественно. А огромные старые насосы…

— Блестящие и новенькие.

Мур просветлел. Солнце, которого он не видел несколько дней/лет, приятно согревало спину, но еще приятнее показалась прохлада кондиционеров, когда они вошли в первое здание. Нечто прекрасное было в чистейшей функциональной компактности всего, что их окружало; он понял, что Ангер назвал бы это как-то иначе, но для Мура это была красота. Он проводил рукой по стенкам приборов, которые у него не было времени изучать. Он стучал пальцем по трубам и заглядывал в печи для обжига, где изготавливалась сделанная из отходов керамика; он одобрительно кивал и останавливался, заново разжигая трубку, когда шедший рядом человек спрашивал его мнение о чем-то, слишком далеком от него технически, чтобы у Мура было об этом какое-то мнение.

Они шли по переходным мостикам, пересекали похожие на храмы внутренности опустошенных цистерн, проходили коридорами, где неслышно мигали панели, подсказывая, что где-то идут незримые процессы. Время от времени им попадались работники, которые сидели за дремлющими аварийными консолями и смотрели развлекательные передачи или читали что-нибудь на своих портативных трили. Мур пожимал

руки и забывал имена.

Молодая внешность Мура и знание, что когда-то в прошлом он разработал ключевой процесс (а также его кажущееся понимание современных процедур), почти заставили заведующего очисткой Тенга увериться в том, что Мур — такой же инженер, как и он сам, и нисколько не отстает от него в познаниях. На самом деле предсказание Мэри Маллен, что однажды профессия Мура выйдет за пределы его понимания, еще не сбылось — но он уже сознавал, что движется именно в этом направлении. И когда он увидел свое фото собирающим пыль в маленьком вестибюле, в ряду иных предшественников Тенга, покойных или вышедших на пенсию, это показалось ему уместным.

Почуяв мысли Тенга, Мур спросил:

— Как думаете, смогу я вернуться на прежнюю должность?

Тенг резко повернулся к нему. Лицо Мура осталось бесстрастным.

— Ну… я полагаю… что-то… можно будет устроить… — косноязычно закончил он, после чего Мур широко улыбнулся и вернулся от этого вопроса обратно к непринужденной беседе. Его почему-то позабавило, что он сумел вызвать

такое внезапное, странное выражение осознания на скучающем лице Тенга, когда тот впервые по-настоящему *увидел* Мура. И еще — напугало.

— Да, вид такого прогресса… он вдохновляет, — провозгласил Мур. — Настолько, что мне почти захотелось снова начать работать… Хотя, разумеется, я счастлив, что больше в этом не нуждаюсь. И все же я испытываю легкую ностальгию, вернувшись сюда столько лет спустя и увидев, как это место изменилось в сравнении с той скромной конторкой, какой казалось раньше, — отрастило кучу зданий, которые мне не обойти и за неделю, и все они набиты новейшей техникой, трудящейся во всю мочь. Бесперебойно. Эффективно. Я впечатлен. Полагаю, вам нравится здесь работать?

— Да, — вздохнул Тенг, — насколько человеку вообще может нравиться работать. Скажите, вы не планируете остаться на ночь? Сегодня будет еженедельная луау для рабочих, и вы будете на ней желанным гостем. — Он взглянул на тонкую пластинку часов у себя на запястье. — Собственно говоря, она уже началась, — добавил он.

— Спасибо, — сказал Мур, — но у меня назначена встреча, и я должен буду улететь. Я просто хотел укрепить свою веру в прогресс. Спасибо

за экскурсию, и спасибо, что потратили на меня свое время.

— Всегда пожалуйста. — Тенг подвел его к роскошной комнате отдыха. — Но вы ведь не прямо сейчас полетите обратно? — спросил он. — Давайте перекусим, а между тем я хотел бы задать вам несколько вопросов о Круге. В первую очередь о требованиях к кандидатам…

* * *

Всю дорогу вокруг света до Бермудских островов, счастливо напиваясь в чреве «Дарта-девять», в лето Господне две тысячи семьдесят второе, Мур чувствовал, что связь времен восстановилась.

* * *

— Так, значит, ты хочешь это сделать./? — сказала/спросила Мэри Мод, осторожно высвобождаясь из пещер своей шали.

— Да.

— Почему?

— Потому что я не уничтожаю то, что мне принадлежит. У меня этого и так немного.

Дуайена тихо фыркнула, возможно, забавляясь. Она постучала пальцем по любимой собачке,

словно искала у нее ответа.

— Корабль плывет по бездонному морю к некоей восхитительной цели, — задумчиво проговорила она, — и все равно пытается бросить якорь. Я не знаю, почему. Ты мне не скажешь? Может, дело просто в легкомыслии капитана? Или второго помощника?

Собачка не ответила. И все остальное — тоже.

— Или в желании бунтовщика повернуть и поплыть назад? — настаивала она. — Возвратиться домой?

Воцарилась недолгая тишина. И наконец:

— Я живу в череде домов. Они зовутся часами. Каждый из них прекрасен.

— Но прекрасен недостаточно, и ты никогда в него не вернешься, верно? Позволь мне предсказать твою следующую реплику: «Я не собираюсь выходить замуж. Я не собираюсь покидать Круг. Я рожу ребенка…» Кстати, кто это будет, мальчик или девочка?

— Девочка.

— «Я рожу дочь. Я отдам ее в хороший дом, обеспечу ей славное будущее и вернусь к Фестивалю Весны». — Мэри Мод потерла глазурованную собачку, будто та была кристаллом, и притворилась, что заглядывает в ее зеленую муть. — Ну

разве я не чистая цыганка? — спросила она.

— Чистейшая.

— И ты считаешь, что все устроится?

— Не вижу причин думать иначе.

— Скажи мне, что будет делать ее гордый отец, — поинтересовалась она, — сочинять для нее цикл сонетов или мастерить механические игрушки?

— Ни то, ни другое. Он никогда не узнает. Он проспит до весны, а я — нет. И *она* тоже не должна об этом узнать.

— Тем хуже.

— Почему же?

— Потому что она станет женщиной меньше чем за два месяца, по часам Круга… и красивой женщиной, осмелюсь сказать, — ибо сможет позволить себе красоту.

— Разумеется.

— И, как дочь одной из членов, она будет первоочередной кандидаткой на вхождение в Круг.

— Быть может, она этого не захочет.

— Только те, кто неспособен этого добиться, заявляют о таких чувствах. Нет, она этого захочет. Этого хотят все. А если ее красота будет достигнута хирургическими методами, думаю, в данном случае я изменю собственному правилу. Я выберу

ее и впущу ее в Круг. И тогда она познакомится со множеством интереснейших людей — поэтов, инженеров, со своей матерью…

— Нет! Я расскажу ей, прежде чем позволю этому случиться!

— Ага! Скажи мне, это твой страх перед инцестом основывается на страхе перед конкуренцией или же на самом деле все наоборот?

— Пожалуйста! Почему вы говорите такие ужасные вещи?

— Потому что, к сожалению, я больше не могу позволить себе содержать тебя. Ты долгое время была превосходным символом, но теперь твои удовольствия перестали быть олимпийскими. Ты соскользнула в мирскую суету. Ты показываешь, что боги менее сложны, чем дети, — что они могут стать жертвами биологии, хотя в нашем распоряжении океаны союзников-врачей. Принцесса, в глазах света ты моя дочь, ибо я есть Круг. Так послушай материнского совета и отойди от дел. Не пытайся возобновить контракт. Сначала выйди замуж, а потом поспи несколько месяцев — до весны, когда выйдет твой срок. Продолжай спать в бункере с небольшими промежутками, пока не пройдет год или около того. Мы будем подчеркивать романтические аспекты твоего от-

сутствия. Выжди год-другой, прежде чем родить. Холодный сон не причинит вреда твоей дочери; подобные случаи уже бывали. Если ты на это не согласишься, нашей материнской карой станет твое немедленное исключение.

— Вы *не можете*!

— Перечитай контракт.

— Но об этом никто никогда не узнает!

— Глупенькая маленькая куколка. — Вспышка ацетилена. — Твои впечатления о внешнем мире были фрагментарны и крайне выборочны — на протяжении как минимум шестидесяти лет. Все средства массовой информации на свете следят почти за каждым шагом каждого члена Круга, с того момента, как он садится на своем ложе, до того, как он засыпает, утомленный, после очередного Празднества. Сейчас у шпиков и репортеров в арсенале больше приборов и ухищрений, чем у тебя на голове ярких волос. Мы не сможем скрывать твою дочь всю ее жизнь, и поэтому не станем даже пытаться. Нам было бы трудно замести следы, даже если бы ты решила ее не рожать — но, думаю, мы смогли бы предложить собственным работникам больше денег и наркотиков. И поэтому я прошу тебя принять решение.

— Мне жаль.

— Мне тоже, — ответила Дуайена.

Девушка встала.

Когда она уходила, ей показалось, будто где-то скулит фарфоровая собачка.

* * *

За аккуратной живой изгородью сада по умышленно неровному склону сбегала немощеная тропинка, которая блуждала, точно импульсивная река, между щекочущими шею перешейками неухоженной форсайтии, текла мимо высоких островов теснящегося падуба и дрожащих подобно волнам ветвей случайного гинкго, махала чайкам в вышине, грезя о высоколетящем археоптериксе, готовом нырнуть и пробить ее сердце, и нужно было пройти что-то около тысячи извилистых футов, чтобы преодолеть двести футов спроектированной дикости, отделяющей сады Дворца Сна от искусственных руин, занимающих целый холмистый акр, кое-где поросший нарождающимися джунглями сирени и колоколами огромных ив — которые на мгновение скрывали, а потом открывали взгляду разрушенные фронтоны, разбитые фризы, полуповаленные, увенчанные сколами колонны, потом поваленные колонны, потом безликие, безрукие статуи

и, наконец, как будто случайные кучи обломков, лежащие между всем этим; здесь тропинка, по которой они шли, образовывала дельту и быстро терялась там, где прибой Времени стирал атмосферу memento mori, поначалу, казалось, окружавшую руины, служившие энтазисом времени и для того, чтобы член Круга мог взглянуть на них и сказать: «Я старше этого», а его спутница могла ответить: «Однажды мы пройдем здесь снова, и этого тоже не будет» (хоть в этот раз она этого и не сказала), чувствуя себя счастливее от того, что чувствуют себя не такими смертными; а пройдя мимо руин, как прошли они, туда, где варварски изуродованный Пан ухмыляется в кольце сухого фонтана, можно найти новую тропинку, на этот раз неспроектированную и возникшую совсем недавно, где трава под ногами желта, и гуляющим приходится идти друг за другом, потому что она ведет их сквозь заросли терна, пока они не достигают старого волнореза, через который обычно перелезают, как коммандо, чтобы оказаться на четвертьмильном отрезке закрытого и пустого пляжа, где песок не настолько чист, как на пляжах города — там его, как правило, просеивают раз в три дня, — но где тень по-своему так же ярка, как и свет солнца, и где на

берегу лежат плоские камни для размышлений.

— Ты обленилась, — прокомментировал он, скидывая ботинки и зарываясь пальцами ног в прохладный песок. — Ты не стала перелезать.

— Я обленилась, — согласилась она.

Они сбросили халаты и подошли к кромке воды.

— Не толкайся!

— Давай. Наперегонки до камней.

В кои-то веки он победил.

Нежась на коленях Атлантики, они были в точности как любая парочка купальщиков, в любом месте, в любом времени.

— Я могла бы остаться здесь навечно.

— По ночам бывает холодно, а в сильный шторм ты можешь подхватить простуду, или тебя унесет в море.

— Я имела в виду, — поправилась она, — если тут всегда будет так, как сейчас.

— Verweile doch, du bist so schön, — напомнил он. — Так проиграл спор Фауст, не забыла? И так же его проиграет Спящий. Ангер снова увлек меня чтением… Эй! Что такое?

— Ничего!

— Что-то не так, девочка. Даже я вижу.

— И что с того?

— Много что. Расскажи мне.

Ее рука перекинулась мостом через узкий канал между ними и отыскала его руку. Он перекатился на бок и стал смотреть на мокрый атлас ее волос и ее слипшиеся ресницы, на ямочки в пустынях ее щек и кровавый оазис ее губ. Она сжала его ладонь.

— Давай останемся здесь навечно — несмотря на простуды и опасность быть унесенными в море.

— Ты хочешь сказать, что?..

— Мы можем сойти на этой остановке.

— Возможно. Но…

— Но теперь тебе это нравится? Нравится великий фарс?

Он отвернулся.

— Я думаю, что ты был прав, — призналась она, — той ночью — много лет назад.

— Которой ночью?

— Той ночью, когда ты сказал, что все это розыгрыш — что мы последние живые люди на земле, выступающие перед машинами, которыми управляют нечеловеческие существа, следящие за нами с непознаваемой целью. Что мы, как не волны осциллографа? Я устала быть объектом созерцания!

Он продолжал смотреть в море.

— Теперь Круг мне скорее нравится, — ответил он наконец. — Сперва у меня к нему было двойственное отношение. Но несколько недель — лет — назад я навестил место, где когда-то работал. Оно стало… другим. Больше. И управляют им лучше. Но дело не только в этом. Не только в том, что там было полно вещей, которые я и представить себе не мог лет пятьдесят или шестьдесят назад. На меня там нашло странное чувство. Меня сопровождал заведующий очисткой, маленький болтун по фамилии Тенг, и он трепался хуже Ангера, а я просто пялился на эти тандемные резервуары и ряды машинерии, которые выросли в скорлупе того старого первого здания — вроде как в матке, — и вдруг ощутил, что однажды в подобном нержавеющем, бессолнечном месте родится нечто, родится из стали, и пластмассы, и пляшущих электронов — и это нечто будет так прекрасно, что мне захочется при этом присутствовать. Я не стану приукрашивать, называя это мистическим переживанием или чем-то подобным. Это было просто такое ощущение. Но если бы то мгновение могло остановиться… В любом случае, Круг — мой билет на представление, которое мне хотелось бы увидеть.

— Милый, — начала она, — сердце наполняют предвкушения и воспоминания — и никогда не то, что ты чувствуешь в данный момент.

— Быть может, ты и права…

Он сжал ее руку сильнее, и тоннель между их глазами сократился. Он склонился над водой и поцеловал кровь ее губ.

— Verweile doch…

— …du bist so schön.

* * *

Это было величайшее из всех Празднеств. Неожиданное объявление Элвина Мура и Леоты Матильды Мэйсон показалось рождественскому собранию Круга весьма уместным в это время года. После плотного ужина и обмена яркими и дорогими безделушками приглушили свет. Гигантская рождественская ель на вершине прозрачного пентхауса пылала, точно сжатая галактика, за каплями растаявшего снега на потолке.

На всех часах Лондона было девять.

— Поженятся на Рождество, разведутся на Двенадцатую ночь, — сказал кто-то в темноте.

— Что они сделают на бис? — прошептал кто-то другой.

Послышались смешки, за которыми последовало несколько фальшиво спетых гимнов. Несомненно, велась съемка в черном свете.

— Сегодня мы старомодны, — сказал Мур.

— Мы танцевали в рундуке Дэви Джонса, — ответила Леота, — пока они корчились и блевали на пол.

— Это не тот же Круг, — сказал он ей, — на самом-то деле. Сколько новых лиц ты насчитала? Сколько старых пропало? Трудно сказать. Куда уходят старые члены Круга?

— На кладбище слонов, — предположила она. — Кто знает?

Сердце есть кладбище кригаса, —

процитировал Мур, —

схоронённое от глаз охотника,
тут любовь носит смерть как финифть
и псы заползают, чтоб сдохнуть…

— Это Ангер, да? — спросила она.

— Верно; просто вспомнилось.

— Лучше бы не вспоминалось. Мне не нравятся эти стихи.

— Прости.

— А где вообще Ангер? — спросила она, когда темнота отступила и люди встали.

— Наверное, у чаши с пуншем — или под столом.

— Для этого еще рано — валяться под столом, я имею в виду.

Мур поерзал.

— А что мы вообще тут делаем? — поинтересовался он. — Зачем нам нужно было посещать это Празднество?

— Потому что сейчас сезон любви к ближнему.

— А также веры и надежды, — усмехнулся он. — Тебе что, захотелось побыть сентиментальной? Ну хорошо, я побуду сентиментальным вместе с тобой. Это и впрямь приятно.

Он поднес ее руку к своим губам.

— Перестань!

— Хорошо.

Он поцеловал ее в губы. Послышался смех.

Она покраснела, но не отошла от него.

— Если хочешь выставить меня — нас — на посмешище, — сказал он, — я пойду тебе навстречу. Расскажи мне, зачем нам нужно было заявляться сюда и объявлять о нашей вне-Кружности перед всеми? Мы могли бы просто исчезнуть с Празднеств, проспать до весны и позволить нашим

контрактам истечь.

— Нет. Я женщина, и я не смогла устоять перед еще одним Празднеством — последним в году, самым последним — и перед тем, чтобы надеть твой подарок на палец и знать, что на самом деле, в глубине души, остальные нам завидуют — как минимум, нашей отваге, и, может быть, нашему счастью.

— Ну ладно, — согласился он, — за это я выпью — по крайней мере, за тебя. — Он поднял свой бокал и осушил его. Камина, чтобы его туда бросить, не было, и поэтому, как бы Муру ни нравился этот жест, он поставил бокал обратно на стол.

— Потанцуем? Я слышу музыку.

— Не сейчас. Давай просто сидеть здесь и пить.

— Хорошо.

Когда все часы Лондона проговорили одиннадцать, Леота осведомилась, куда подевался Ангер.

— Он ушел, — сказала ей стройная девушка с фиолетовыми волосами, — сразу после ужина. Может, несварение, — она пожала плечами, — а может, отправился на поиски «Глобуса».

Леота нахмурилась и снова выпила.

Потом они танцевали. Мур по-настоящему не видел ни зала, в котором они двигались, ни

других танцоров. Все они были безликими персонажами уже закрытой им книги. Реален был лишь танец — и женщина, с которой он танцевал.

Трение времени, решил он, и повышение стандартов. Я получил то, чего хотел, и все равно хочу большего. Я это переживу.

Это был огромный зеркальный зал. В нем танцевали сотни Элвинов Муров и Леот (в девичестве Мейсон). Они танцевали на всех своих Празднествах последних семидесяти с лишним лет — от тибетской лыжной базы до рундука Дэви Джонса, от Нового года на орбите до парящего Дворца Канаяши, от Хэллоуина в Карлсбадских пещерах до Первого мая в Дельфах, — они танцевали повсюду, и сегодня было последнее Празднество, *доброй ночи, дамы…*

Она прижималась к нему, и ничего не говорила, и ее дыхание ошейником охватывало его шею.

— Доброй ночи, доброй ночи, доброй ночи, — услышал он собственный голос, и они ушли под звон полуночных колоколов, рано, рано, и было уже Рождество, когда они сели в прыжкар и сказали шоферу Круга, что возвращаются домой пораньше.

И они пролетели над стратокрузером и при-

землились рядом с «Дартом», в котором сюда прилетели, и, пройдя по укрытой снежным пушком земле, вошли в маленький самолет.

— Не желаете приглушить свет? Или, быть может, сделать его ярче? — спросил раздавшийся сбоку голос, когда Лондон со своими часами и мостом упал в бездну.

— Приглуши.

— Быть может, вы хотите что-нибудь съесть? Или выпить?

— Нет.

— Нет.

— Не желаете чего-нибудь еще? — *Пауза.* — Быть может, прочитать вам статью на избранную вами тему? — *Пауза.* — Или прозу? — *Пауза.* — Или поэзию? — *Пауза.* — Быть может, вы хотите взглянуть на каталог? — *Пауза.* — Или вы предпочтете музыку?

— Музыку, — сказала она. — Тихую. Не такую, которую надо слушать.

Спустя примерно десять минут полудремы Мур услышал голос:

Сияя огненным эфесом,
наш хрупкий филактический клинок
распорет черноту

под откликом-уколом
звезды Полярной,
с обреза ночи состригая рвань
ослабленного ада,
свет проливая, но без освещенья.
Пряди песни,
с ним разделяя жалящий полет,
оскоблены, ошелушёны,
ложатся на юродивый мотив.
Отомкнут хаос; сквозь него
по логике кочующей взбираясь,
фигуры, чья нотация черным —
черна, графят по-черному огонь.

— Выключи, — велел Мур. — Мы не просили тебя читать.

— Я не читаю, — ответил голос, — я сочиняю.

— Кто?..

Мур проснулся и повернулся в кресле, немедленно подстроившемся под его движения. На подлокотнике двойного сиденья ближе к хвосту лежала пара ног.

— Ангер?

— Нет, Санта-Клаус. Хо! Хо!

— Чего это ты удумал домой пораньше вернуться?

— Тебе не кажется, что ты сам ответил на свой вопрос?

Мур фыркнул и снова устроился в кресле. Рядом с ним деликатно похрапывала Леота; ее сиденье превратилось в диван.

Он закрыл глаза, но, зная, что они не одни, уже не смог вернуть себе то ощущение мирного парения, которого достиг прежде. До него донеслись вздох и приближающиеся неверные шаги.

Мур не открывал глаз, надеясь, что Ангер свалится и уснет. Он этого не сделал.

Неожиданно загремел его голос, восхитительно чудовищный баритон:

— Я в сент-джеймсской был больни-и-ичке, — пел он, — навестил свою ми-и-илую, на белом дли-и-инном столе увидал — стылую и краси-и-ивую…

Мур замахнулся левой рукой, метя в живот поэта. Мишень была немаленькой, но он оказался слишком медлителен. Ангер заблокировал его удар и отступил, смеясь.

Леота вздрогнула и пробудилась.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Сочиняю стишата, — ответил он, — пытаясь

стишать. — И добавил: — Счастливого Рождества.

— Катись к черту, — ответил Мур.

— Поздравляю вас с недавним бракосочетанием, мистер Мур.

— Спасибо.

— А почему меня не пригласили?

— Церемония была простая.

Ангер повернулся.

— Это правда, Леота? Меня, старого боевого товарища, не пригласили только потому, что церемония была недостаточно пышной для моих утонченных вкусов?

Она кивнула, окончательно проснувшись.

Ангер ударил себя по лбу.

— О, я ранен!

— Почему бы тебе не вернуться туда, откуда ты вылез? — спросил Мур. — Выпивка за счет заведения.

— Я не могу посетить полуночную мессу в состоянии опьянения.

Руки Мура снова сжались в кулаки.

— Ты можешь посетить заупокойную мессу, не преклоняя коленей.

— Кажется, ты намекаешь, что вы хотите остаться наедине. Понимаю.

Ангер удалился в хвост «Дарта». Немного погодя он захрапел.

— Надеюсь, мы никогда его больше не увидим, — сказала Леота.

— Почему? Он безобидный пьяница.

— Нет, не безобидный. Он ненавидит нас — потому что мы счастливы, а он нет.

— Мне кажется, он счастливее всего, когда несчастен, — улыбнулся Мур, — и когда падает температура. Он любит холодное ложе, потому что оно — будто маленькая смерть, в которой можно уснуть. Как-то раз он сказал: «В Круге каждый умирает множество раз. Вот почему мне нравится быть его членом». Ты ведь говорила, что дополнительный сон не навредит?.. — спросил он внезапно.

— Нет, никакого риска нет.

* * *

Под ними. Время отступало сквозь холод. Рождество вытолкнули в прихожую и за дверь их мира — мира Элвина, Леоты и Ангера, — где оно стояло, дрожа, на пороге собственного кануна на Бермудах.

Внутри «Дарта», возвращаясь назад во Времени, Мур вспомнил то давнее новогоднее Празднество,

вспомнил свои тогдашние желания и подумал, что сейчас они сидят рядом с ним; вспомнил прошедшие с тех пор Празднества и подумал, что будет скучать по всем тем, что еще не случились; вспомнил свою работу во времена прежде Времени — несколько месяцев назад — и подумал, что больше не способен исполнять ее как следует, — и что связь времен действительно распалась, и *он* неспособен ее связать; он вспомнил свою старую квартиру, в которую так и не вернулся, всех прежних друзей, включая Диану Деметриос, которые теперь уже умерли или впали в маразм, и подумал, что за пределами Круга, который он покидает, он не знает никого, за исключением, быть может, сидящей рядом девушки. Лишь Уэйн Ангер не старел, ибо был служителем вечного. Если Ангер когда-нибудь решит уйти, он уже через месяц-другой сможет открыть бар, организовать собственный кружок отверженных и устроить персональный ренессанс.

Неожиданно ощутив себя очень выдохшимся и усталым, Мур шепотом попросил у их призрачного слуги мартини и потянулся мимо спящей жены, чтобы достать его из ниши. Он сидел, попивая коктейль, и гадал, каков мир внизу.

Нужно было оставаться в курсе жизни, решил

Мур. Он ничего не знал о современной политике, законах или искусстве; его стандарты были навязаны Кругом и касались преимущественно цвета, движения, веселости и остроумной речи; во всем, что касалось науки, он снова сделался ребенком. Он знал, что богат, но всеми его деньгами заведовал Круг. Все, что у него было — это универсальная карточка, в любом месте мира способная купить какую угодно вещь или услугу. Время от времени Мур заглядывал в свое досье и видел финансовые отчеты, сообщавшие, что ему никогда не придется бояться нищеты. Но он не чувствовал себя ни уверенным, ни компетентным, когда приходилось встречаться с людьми, населяющими внешний мир. Быть может, он будет казаться закоснелым, старомодным и «чудным», каким чувствовал себя сегодня ночью, без маскирующих его человечность чар Круга.

Ангер храпел, Леота глубоко дышала, а мир вращался. Достигнув Бермуд, они вернулись на Землю.

Они остановились рядом с «Дартом», у самого терминала.

— Прогуляемся? — предложил Мур.

— Я устала, любимый, — ответила Леота, глядя в сторону Дворца Сна. Потом обернулась.

Он покачал головой:

— Я еще не совсем готов.

Она повернулась к нему. Он поцеловал ее.

— Тогда увидимся в апреле, милый. Спокойной ночи.

— Апрель — жесточайший месяц, — заметил Ангер. — Пойдем, инженер, я прогуляюсь с тобой до остановки.

Они начали движение. Пройдя по дороге, ведущей прочь от терминала, они вышли на широкую, защищенную крышей пешеходную дорожку, которая вела к гаражу ро-каров.

Ночь была кристально прозрачна, в глубинах небесного бассейна блестками лежали звезды и золотой монетой сиял радиомаяк спутника. Их дыхание на ходу обращалось белыми венками, которые исчезали, не сформировавшись полностью. Мур тщетно пытался раскурить свою трубку. В конце концов он остановился и, ссутулившись против ветра, все-таки ее зажег.

— Хорошая ночь для прогулки, — заметил Ангер.

Мур фыркнул. Порыв ветра хлестнул по его щеке огненным дождем табачной крошки. Он курил, спрятав руки в карманы куртки и подняв воротник. Поэт хлопнул его по плечу.

— Пойдем со мной в город, — предложил он. — Он сразу за холмом. Пешком можно добраться.

— Нет, — ответил Мур сквозь зубы.

Они двинулись дальше, и на подходе к гаражу Ангером овладела тревога.

— Я не хотел бы оставаться один сегодня ночью, — неожиданно сказал он. — Я странно себя чувствую, как будто испил вытяжки столетий и внезапно помудрел в то время, когда мудрость излишня. Я… Я боюсь.

Мур поколебался.

— Нет, — повторил он в конце концов, — пора прощаться. Ты едешь дальше, а мы сходим. Развлекайся.

Они не подали друг другу рук, и Ангер скрылся внутри остановки, а Мур проводил его взглядом.

Пройдя за здание, Мур наискосок пересек широкие газоны и вошел в сад. Там он бесцельно блуждал несколько минут, пока не набрел на тропинку, что спускалась к руинам.

Он спускался медленно, прокладывая извилистый путь сквозь холодные дебри. Проведя какое-то время на грани паники после того, как почувствовал себя окруженным деревьями и вынужден был вернуться по собственным следам, он вышел на озаренную звездами поляну, где

угрожающие терновые кусты разрисовывали разрушенные здания узорами темноты, беспокойно двигаясь вместе с переменчивым ветром.

Мур уселся на поваленную колонну и снова разжег трубку; вокруг его лодыжек шелестела трава.

Он сидел и думал, обращаясь в мрамор по мере того, как у него немели пальцы ног, и чувствовал себя частью этого места — искусственной декорации, руин, перенесенных со страниц истории в незнакомую землю. Ему не хотелось шевелиться. Он хотел просто замерзнуть, стать элементом пейзажа и превратиться в памятник самому себе. Он сидел, заключая пакты с воображаемыми дьяволами: ему хотелось вернуться назад, возвратиться с Леотой в родной Фриско, снова начать работать. Подобно Ангеру, он неожиданно ощутил себя помудревшим в то время, когда мудрость излишня. Он нуждался в знаниях. У него был только страх.

Подталкиваемый ветром, он зашагал по равнине. Пан то ли умер, то ли спал в круге своего фонтана. Быть может, это холодный сон богов, подумалось Муру, и однажды Пан пробудится и задует в свою фестивальную свирель, но ответит ему лишь ветер среди высоких башен, да робот-

оценщик ускорит свою шаркающую поступь, чтобы его просканировать, — ибо народ Круга забудет мелодии фестивалей, а бледные люди изолируют мудрость крови на своих цветных препаратных стеклах и сделают человечеству прививку от нее, и запрограммированная не испытывать эмоций машина фривольности станет бесконечно генерировать ощущение веселья в лихорадочных снах бредящих, так что они не узнают его мелодий, — и среди детей Феба не найдется никого, кто повторил бы тот аттический крик, что возвестил о его первой кончине так много Рождеств назад за водами Средиземного моря.

Мур сожалел, что не остался ненадолго с Ангером, ведь теперь ему казалось, что он отчасти разделяет его мировоззрение. Для того, чтобы эти чувства возникли, понадобился страх перед новым миром, однако он начинал понимать поэта. Но почему Ангер не выходит из Круга? Быть может, он получает мазохистское удовольствие, видя, как воплощаются его ледяные пророчества, уходя все дальше и дальше от своего времени? Вероятно, дело в этом.

Мур сподвиг себя на одно последнее паломничество. Он вернулся их прежней тропой к

волнолому. Камни были холодны на ощупь, и он перешел на пляж по ступенькам.

Мур остановился на ржавой кромке отражавшего звезды донца мирового ведра. Он смотрел на черные горбы камней, на которых они вели тот солнечный диалог несколько дней/месяцев назад. Тогда, прежде чем разговор зашел о них, он говорил о своих машинах. Он верил, и продолжал верить, что эти машины неизбежно сольются с духом ему подобных, образовав более великие и прекрасные сосуды для жизни. Теперь он, в точности как Ангер, боялся, что к тому времени, как это произойдет, что-то иное будет утрачено, и эти прекрасные новые сосуды наполнятся лишь отчасти, что им будет не хватать какого-то важнейшего ингредиента. Он надеялся, что Ангер ошибается; он ощущал, что взлеты и падения Времени могут в какой-то грядущий момент равновесия восстановить все те дремлющие истины об укромных уголках души, которые он сейчас чувствовал, — и что *найдутся* уши, которые услышат мелодию свирели, и ноги, которые станцуют под ее звуки. Он пытался в это поверить. Он надеялся, что это станет правдой.

Упала звезда, и Мур взглянул на часы. Было поздно. Он подшаркал к стене и снова через нее

перебрался.

* * *

В предсонной клинике он встретил Джеймсона, уже зевавшего от подготовительной инъекции. Джеймсон был высоким, худым мужчиной с волосами херувима и глазами полной его противоположности.

— Мур, — ухмыльнулся он, глядя, как тот вешает куртку на стену и закатывает рукав, — ты собрался провести медовый месяц в морозилке?

Шприц-пистолет вздохнул в крепкой руке врача, и подготовительная инъекция вошла в предплечье Мура.

— Верно, — ответил он, поднимая взгляд на не вполне трезвого Джеймсона. — А что?

— Да просто странный выбор, — объяснил Джеймсон, не переставая ухмыляться. — Если бы я женился на Леоте, то ни в жизнь бы не лег в морозилку. Разве что…

Мур шагнул к нему, в глотке его зародилось рычание. Джеймсон отшатнулся, выпучив темные глаза.

— Я пошутил! — воскликнул он. — Я не…

В уколотой руке Мура вспыхнула боль — это здоровяк-врач ухватился за нее и дернул, заста-

вив его остановиться.

— Ага, — сказал Мур, — спокойной ночи. Спи крепко, проснись трезвым.

Он повернулся к двери, и врач отпустил его. Мур расправил рукав и, уходя, накинул куртку.

— С катушек съехал, — бросил ему вслед Джеймсон.

У Мура оставалось еще где-то полчаса, прежде чем ему придется укладываться на ложе. Пока что ему этого не хотелось. Он собирался дождаться, пока инъекция начнет действовать, в клинике, но присутствие Джеймсона переменило планы.

Он прошел по широким коридорам Дворца Сна, поднялся на лифте к спальням и подошел к своей двери. Помедлил и двинулся дальше. Ему предстояло спать в этой комнате три с половиной месяца; он не хотел отдавать ей еще и следующие полчаса.

Мур набил трубку. Он будет курить, неся вахту рядом с ледяной богиней, своей женой. Он огляделся в поисках блуждающих врачей. После подготовительной инъекции курить не полагалось, но это пока что не принесло никаких проблем ни ему, ни кому-то из его знакомых.

Он прошел дальше по коридору, и его ушей достиг прерывистый стук. Он стих, когда Мур

свернул за угол, а потом послышался вновь, громче. Он доносился спереди.

Через мгновение снова наступила тишина.

Мур остановился у двери Леоты. Усмехаясь вокруг зажатой в зубах трубки, он достал ручку и зачеркнул фамилию на табличке. Выше он написал «Мур». Когда он выводил последнюю букву, стук раздался снова.

В ее комнате.

Мур открыл дверь, шагнул внутрь и замер.

К нему спиной стоял человек. Его правая рука была поднята. В кулаке он сжимал киянку.

Его сбивчивое бормотание, похожее на заклинание, достигло ушей Мура:

— Не тис, а розы, розы несите на покров… Спокойны ее грезы…

Мур кинулся через комнату. Он ухватился за киянку и с трудом завладел ей. Потом его кулак врезался в челюсть, и что-то в нем сломалось. Человек врезался в противоположную стену и повалился лицом на пол.

— Леота! — крикнул Мур. — Леота…

Изваянная из белого паросского фарфора, она лежала среди катушек ложа. Крышка его была поднята. Плоть ее уже сделалась твердой, как камень, и на груди, там, куда был вбит кол, не

было крови. Только трещины и разломы, как на камне.

— Нет, — сказал Мур.

Кол был из очень твердой синт-древесины — подобной кокоболо, или квебрачо, или, быть может, железному дереву, — и даже не расщепился.

— Нет, — сказал Мур.

Расслабленное лицо спящей, волосы цвета алюминия. На пальце — его кольцо…

Из угла послышалось бормотание.

— Ангер, — бесцветно сказал он, — зачем… ты… это… сделал?

Поэт втягивал в себя воздух, не переставая говорить. Его взгляд был сосредоточен на чем-то безымянном.

— …Вампирша, — пробормотал он, — заманивает мужчин на свой «Летучий Голландец», чтобы годами пить из них кровь… Она — будущее: снаружи богиня, а внутри — алчный вакуум, — в голосе его не было эмоций. — «Не тис, а розы, розы… Улыбкой мир ласкала — он смеха ее ждал…» Она собиралась оставить меня здесь, в свободном падении. Я не могу слезть с карусели и не могу заполучить бронзовое кольцо. Но теперь никто, никто не испытает такой утраты, какую испытал я… «В сплетеньях жара, шума кружила

ее жизнь...» Я думал, она вернется ко мне, когда устанет от тебя.

Ангер прикрыл глаза рукой, когда Мур направился к нему.

— Будущее — инженеру...

Мур ударил его киянкой — раз, другой. После третьего он сбился со счета, потому что его мозг не в силах был представить существование чисел больше трех.

Потом он шел, бежал, все еще сжимая киянку в руке — мимо дверей, похожих на слепые глаза, по коридорам, вниз по редко использовавшимся лестницам.

Уносясь на неверных ногах от Дворца Сна, Мур услышал, как кто-то зовет его сквозь ночь. Он не остановился.

Много позже он вновь перешел на шаг. У него болела рука, дыхание обжигало легкие. Он взобрался на холм, помедлил на его вершине и спустился с другой стороны.

Город Празднеств, дорогой курорт — Круг владел им и спонсировал его, но редко удостаивал посещением, — был пуст, только в окнах виднелись рождественские гирлянды, и мишура, и ветки остролиста. Из какой-то незаметной святая святых слышались записи гимнов и смех домаш-

него праздника. Из-за всего этого Мур чувствовал себя еще более одиноким, бредя то по одной, то по другой улице; тело его все отчетливее казалось какой-то отдельной от него самого вещью — сказывалось неумолимое воздействие подготовительной инъекции. Ноги налились свинцом. Глаза то и дело закрывались, и он вынужден был разлеплять их силой.

В церкви, куда он забрел, не шла служба. Внутри было теплее. Здесь он тоже оказался одинок.

Внутреннее убранство церкви было тускло освещено, и Мура приманила россыпь огоньков на композиции у постамента статуи. Это была сцена в яслях. Мур прислонился к скамье и уставился на мать и дитя, на ангелов и любопытный скот, на отца. Потом он издал звук, который сам не смог бы описать, швырнул киянкой в маленький вертеп и отвернулся. Цепляясь за стену, он кое-как сделал с десяток шагов и рухнул на пол, где рыдал и извергал проклятия, пока не уснул.

Его нашли у подножия креста.

* * *

Со времен Мурова детства правосудие сделалось стремительным и упрощенным. Давным-давно чистая масса мировой популяции затопила

каждый уголок каждого суда, полностью парализовав их работу, и в конце концов было принято решение избавиться от такого количества волокиты, от которого только можно избавиться, и проводить суды круглосуточно. И поэтому Мур предстал перед ликом Справедливости в десять вечера, через два дня после Рождества.

Суд продлился меньше четверти часа. Мур отказался от адвоката; было зачитано обвинение; он признал свою вину, и судья приговорил его к смерти в газовой камере, не отрывая взгляда от стопки бумаг у себя на столе.

Мур вышел из зала в оцепенении, и его отвели в камеру для последнего ужина; он не помнил, как его съел. Он не имел ни малейшего представления о юридических процессах того года, в котором нашел пристанище. Адвокат Круга выслушал его историю со скучающим лицом, после чего упомянул «символическое наказание» и посоветовал ему отказаться от защиты и попросту «признать свою вину в описанном убийстве». Мур поставил свою подпись под этим признанием. Потом адвокат ушел, и Мур не разговаривал ни с кем, кроме тюремных охранников, до самого суда, да и с ними обменялся лишь несколькими словами, прежде чем сесть на скамью подсуди-

мых. А теперь — получив смертный приговор после признания в убийстве убийцы своей жены — он не мог постичь, что правосудие свершилось. Но, несмотря на это, он ощущал неестественный покой, механически пережевывая заказанную еду. Он не боялся смерти. Он не мог в нее поверить.

Час спустя за ним пришли. Его отвели в маленькую герметичную комнатку с единственным окошком из толстого стекла в верхней части металлической двери. Мур уселся на скамью, и охранники в серой униформе захлопнули за ним дверь.

Спустя показавшееся бесконечным время он услышал, как лопаются капсулы, и почуял запах газа. Тот становился все сильнее.

Наконец он начал кашлять, и дышать огнем, и задыхаться, и кричать, и вспомнил, как она лежала на своем ложе, а в голове у него всплыли ироничные строчки песни, которую пел Ангер во время полета на «Дарте»:

Я в сент-джеймсской был больни-и-ичке

Навестил свою ми-и-илую,

На белом дли-и-инном столе увидал

Стылую и краси-и-ивую…

Замышлял ли Ангер ее убийство уже тогда? — подумалось ему. Или оно таилось где-то в его подсознании? Быть может, он почуял, как оно ворочается там, и оттого попросил Мура остаться с ним — чтобы не дать этому свершиться?

Он понял, что никогда этого не узнает, а потом пламя ворвалось в его череп и поглотило мозг.

* * *

Когда Элвин Мур проснулся на белом льне, чувствуя себя очень слабым, голос в наушниках говорил ему: «…пусть это послужит вам уроком».

Мур сорвал с себя наушники жестом, который замышлялся резким, но мышцы отозвались вяло. И все же наушники поддались.

Он открыл глаза и осмотрелся.

Он был либо в лазарете Круга, находившемся на верхних этажах Дворца Сна, либо в аду. Франц Эндрюс, адвокат, который посоветовал ему признать вину, сидел у его постели.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— О, превосходно! Не хотите в теннис сыграть?

Адвокат бледно улыбнулся.

— Вы успешно оплатили свой долг перед обще-

ством, — объявил он, — посредством процедуры символического наказания.

— А-а, это все объясняет, — съязвил Мур. А потом: — Я не понимаю, почему вообще должен был быть наказан, хоть символически, хоть нет. Этот рифмоплет убил мою жену.

— Он за это заплатит, — сказал Эндрюс.

Мур перекатился на бок и изучил бесстрастное, невыразительное лицо возле своего локтя. Цвет коротко стриженных волос адвоката балансировал где-то на границе между русым и сединой, а взгляд его был непоколебимо трезв.

— Вас не затруднит повторить то, что вы сейчас сказали?

— Нисколько. Я сказал, что он за это заплатит.

— Он не умер?

— Нет, он вполне жив — лежит двумя этажами выше. Его голова должна зажить, прежде чем он предстанет перед судом. Он слишком нездоров для казни.

— Он жив! — сказал Мур. — Жив? Тогда за что, черт побери, казнили *меня*?

— Ну, вы все-таки его *убили*, — с некоторым раздражением пояснил Эндрюс. — То, что впоследствии врачи сумели его оживить, не отменяет того факта, что убийство произошло. Для всех

подобных случаев и существует символическое наказание. В следующий раз вы подумаете дважды, прежде чем снова так поступить.

Мур попытался встать. У него не вышло.

— Не спешите. Вам придется полежать еще несколько дней, прежде чем вы сможете встать. Вас самого оживили только прошлой ночью.

Мур слабо хохотнул. Потом разразился долгим, долгим смехом. И оборвал его тихим всхлипом.

— Теперь вам получше?

— Конечно, конечно, — хрипло прошептал он. — Чувствую себя на миллион баксов, или какая тут нынче безумная валюта. Какая казнь ждет Ангера за убийство?

— Газ, — ответил адвокат, — такая же, как и вас, если обвинения…

— Символическая или окончательная?

— Символическая, разумеется.

Мур не помнил, что случилось дальше, помнил лишь, как услышал чей-то крик и как врач, которого он прежде не замечал, сделал что-то с его рукой. Он услышал тихое шипение шприца. И уснул.

Проснувшись, он почувствовал себя сильнее и заметил, что стена напротив перечеркнута нахальной полосой солнечного света. Эндрюс как

будто и не отходил от него.

Мур молча уставился на адвоката.

— Меня предупреждали, — сказал тот, — что вы ничего не знаете о текущих законах, касающихся подобных вещей. Я не задумался о том, как долго вы пробыли членом Круга. Подобные случаи так редки — собственно говоря, для меня это первое такое дело, — что я по умолчанию полагал, будто вы знаете, что такое символическое наказание, когда беседовал с вами в камере. Приношу свои извинения.

Мур кивнул.

— И еще, — продолжил Эндрюс, — я предполагал, что вы учитываете обстоятельства, при которых мистер Ангер предположительно совершил убийство.

— «Предположительно», черт побери! Я там был. Он вбил ей в сердце кол! — Здесь голос Мура сорвался.

— Это должно было быть прецедентное решение, — сказал Эндрюс, — судить его сейчас за покушение или задержать до проведения операции и предъявить обвинение в убийстве, если она не удастся. А вопрос о содержании его под арестом вызвал бы еще больше проблем — которые, к счастью, разрешило его собственное предло-

жение. Вылечившись, он ляжет на свое ложе и останется в нем, пока не будет точно определена природа его преступления. Он вызвался сделать это по собственной воле, поэтому никакого юридического решения в данном случае принято не было. Таким образом, суд над ним откладывается до тех пор, пока не будут доработаны некоторые хирургические техники…

— Какие еще хирургические техники? — спросил Мур, сев и привалившись к спинке кровати. Впервые с Рождества его ум пришел в состояние полной готовности. Он предчувствовал, что услышит дальше. И сказал всего одно слово: — Объясните.

Эндрюс поерзал на стуле.

— У мистера Ангера, — начал он, — было исключительно поэтическое представление о местонахождении человеческого сердца. Он не попал в его центр, хотя из-за случайного наклона кол прошел через левый желудочек… Если верить врачам, восстановить его будет достаточно просто. К несчастью, из-за того же наклона кол вошел в ее позвоночный столб, — сообщил он, — из-за чего два позвонка разбились и еще несколько треснуло. Судя по всему, спинной мозг разорван…

Мур снова онемел, онемел от осознания, разгоравшегося по мере того, как слова адвоката заполняли воздух между ними.

Конечно же, она не мертва. Но и не жива. Она спит холодным сном. Искра жизни сохранится в ней до тех пор, пока не начнется пробуждение. *Тогда*, и лишь тогда, она сможет умереть. Если только…

— …осложняющееся ее беременностью и количеством времени, необходимым для того, чтобы поднять температуру ее тела до пригодного для операции уровня, — продолжал между тем Эндрюс.

— Когда ее будут оперировать? — прервал его Мур.

— Пока что они точно сказать не могут, — ответил Эндрюс. — Эту операцию придется разрабатывать специально, поскольку она ставит проблемы, решение которых существует в теории, но не на практике. С любым из факторов сейчас можно справиться, но воздействие остальных нельзя отсрочить на время операции. Вместе взятые, они представляют немалую сложность — для того, чтобы одновременно восстановить сердце, починить позвоночник и спасти ребенка, потребуются новые инструменты и новые

техники.

— Как долго ждать? — не отступал Мур.

Эндрюс пожал плечами:

— Они не могут сказать. Месяцы, годы. В нынешнем состоянии ей ничего не угрожает, но…

Мур попросил его уйти, довольно громко, и Эндрюс ушел.

* * *

На следующий день, мучимый головокружением, он встал и отказался возвращаться в койку, пока не увидится с Ангером.

— Он под арестом, — сказал приставленный к нему врач.

— Нет, — ответил Мур. — Вы не адвокат, а с настоящим адвокатом я уже говорил. Официально его возьмут под арест, только когда он пробудится от следующего холодного сна — когда бы это ни случилось.

У него ушло больше часа на то, чтобы добиться разрешения навестить Ангера. Его сопровождали Эндрюс и два медбрата.

— А вы разве не верите в символическое наказание? — ухмыльнулся он в сторону Эндрюса. — Вы ведь знаете, что мне полагается подумать дважды, прежде чем снова так поступить.

Эндрюс отвел взгляд и ничего не ответил.

— В любом случае я слишком слаб, да и молотка у меня под рукой нет.

Они постучались и вошли.

Ангер, с обмотанной белым тюрбаном головой, сидел, опираясь на подушки. На подоконнике лежала закрытая книга. Он смотрел на сад за окном. Потом повернулся к ним.

— Доброе утро, сукин ты сын, — поприветствовал его Мур.

— Пожалуйста, — сказал Ангер.

Мур не знал, что говорить дальше. Он уже выразил все, что чувствовал. Поэтому он подошел к стулу у койки и сел на него. Выудил трубку из кармана халата и завозился с ней, скрывая неловкость. Потом он понял, что не захватил с собой табак. Ни Эндрюс, ни медбратья как будто на них не смотрели.

Он зажал в зубах пустую трубку и поднял глаза к потолку.

— Мне жаль, — сказал Ангер. — Можешь поверить?

— Нет, — ответил Мур.

— Она — будущее, и она твоя, — сказал Ангер. — Я пробил ее сердце колом, но она не умерла по-настоящему. Я слышал, операционные ма-

шины разрабатываются прямо сейчас. Врачи починят все, что я сломал, и она будет как новенькая. — Он поморщился и уткнулся взглядом в простыни. — Если это тебя хоть как-то утешит, — продолжил он, — я страдаю и буду страдать дальше. Этого голландца не спасет никакая Сента. Я отправлюсь в будущее в капсуле, с Кругом или без Круга — и умру в незнакомом месте, окруженный чужаками. — Он посмотрел на Мура со слабой улыбкой. Взгляд Мура заставил его снова опустить глаза. — Ее спасут! — убежденно повторил он. — Она проспит до тех пор, пока они не будут абсолютно уверены в технике. И тогда вы вместе сойдете, а я поеду дальше. И больше вы меня не увидите. Я желаю вам счастья. И не буду просить о прощении.

Мур встал.

— Нам больше нечего друг другу сказать. Мы еще поговорим в каком-нибудь будущем году, через день-другой.

Он вышел из палаты, гадая, что еще мог сказать.

* * *

— Перед Кругом — то есть передо мной — поставлен этический вопрос, — сказала Мэри

Мод. — К сожалению, поставили его правительственные адвокаты, поэтому с ним нельзя обойтись так же, как с большинством этических вопросов. Он требует ответа.

— Затрагивающего Мура и Ангера? — уточнил Эндрюс.

— Не впрямую. Затрагивающего весь Круг в результате их эскапады.

Она указала на лежащую на столе факс-копию. Эндрюс кивнул.

— «Ибо младенец родился нам», — прочла она, глядя на фото распростершегося в церкви члена Круга. — Передовица этой газетенки обвиняет нас в создании разнообразных душевнобольных — от некрофилов и далее по списку. Есть еще и другое фото — мы до сих пор не знаем, кто его сделал, — вот здесь, на третьей полосе…

— Я его видел.

— Теперь они хотят гарантий, что те, кто вышел из Круга, будут сохранять легкомыслие, не превращаясь в высокопоставленных парий.

— Это случилось впервые — таким образом.

— Конечно, — улыбнулась она, — обычно им хватает такта выждать несколько недель, прежде чем пуститься во все тяжкие… а большинство традиционных проблем с адаптацией, как прави-

ло, компенсируется богатством. Но, если верить обвинениям, мы либо отбираем неправильных людей — что абсурдно — либо не оказываем им необходимой помощи, когда они уходят — что глубоко абсурдно. Первое — потому что все собеседования я провожу лично, а второе — потому что *невозможно* закинуть человека на полстолетия, а то и больше, в будущее и ожидать, что он приземлится на ноги и останется таким же жизнерадостным, как и всегда, какую бы ориентацию ты ему ни обеспечил. Но наши люди показывают себя с лучшей стороны, потому что, как правило, вообще ничего не делают. Однако и Мур, и Ангер были вполне нормальны и не слишком хорошо друг друга знали. Оба следили за тем, как их миры становятся историей, чуть пристальнее обычных членов Круга, и оба ощущали эти перемены весьма остро. Но их проблема была межличностной.

Эндрюс молчал.

— Я имею в виду, что это был банальный случай ревности к женщине — непредсказуемая человеческая переменная. Я не могла предвидеть их конфликта. Меняющиеся времена не имеют к этому никакого отношения. Не правда ли?

Эндрюс не ответил.

— …Таким образом, никакой проблемы не

существует, — продолжила она. — Мы не вышвыриваем на улицы Каспаров Хаузеров. Мы просто переносим богатых людей с хорошим вкусом на несколько поколений в будущее — и они неплохо там осваиваются. В единственной на данный момент ошибке повинен мужской антагонизм взаимноподпитывающегося типа, вызванный красивой женщиной. Вот и все. Вы согласны?

— Он думал, что умрет на самом деле… — проговорил Эндрюс. — Мне и в голову не пришло, что он ничего не знает о Мировом законодательстве.

— Мелочи, — отмахнулась она. — Он все еще жив.

— Видели бы вы его лицо, когда он очнулся в Клинике.

— Мне не интересны лица. Я слишком много их перевидала. Сейчас наша проблема в том, что мы должны изобрести проблему, а затем разрешить ее к удовлетворению правительства.

— Мир меняется так быстро, что мне самому приходится чуть ли не ежедневно к нему приспосабливаться. Эти несчастные…

— Некоторые вещи неизменны, — сказала Мэри Мод, — но я вижу, на что вы намекаете. Очень умно. Мы наймем независимую команду психологов, чтобы она провела исследование, которое

выявит, что Круг нуждается в дополнительной адаптации, и порекомендовала нам ежегодно отводить один день под терапию. Каждый из них мы будем проводить в новой части света — в не принадлежащих Кругу местах. Множество городов молили нас об этой привилегии. Мы будем проводить эти дни за простыми адаптивными занятиями, встречаться с людьми вне Круга. А по вечерам будет легкий ужин, а затем неформальные, умиротворяющие развлечения и танцы — танцы полезны для души, они снимают напряжение… Уверена, это удовлетворит все заинтересованные стороны. — Сказав это, она улыбнулась.

— Полагаю, вы правы, — ответил Эндрюс.

— Разумеется. После того, как команда психологов выдаст несколько тысяч страниц, вы набросаете пару сотен своих, где обобщите их выводы и придадите им форму резолюции, которую предоставите совету директоров.

Он кивнул.

— Благодарю вас за вашу рекомендацию.

— Обращайтесь. За это мне и платят.

Когда он ушел, Мэри Мод натянула черную перчатку и подкинула в камин очередное полено. Настоящие дрова с каждым годом стоили все

дороже, но безымянным обогревателям она не доверяла.

* * *

Прошло три дня, прежде чем Мур пришел в себя достаточно, чтобы снова погрузиться в сон. Когда его чувства притупились от подготовительной инъекции, а глаза закрылись, ему стало интересно, какой инопланетный судный день встретит его по пробуждении. Впрочем, он знал одно: что бы ни принес следующий год, его счета будут в полном порядке.

Он спал, а мир проходил мимо.

Слово Желязны

Желязны признавал, что персонаж Мэри Мод Маллен, викторианской Дуайены Круга, вдохновлен работами Джона Кольера и конкретно рассказом «Вечерняя примула» (*см.* также послесловие к «Музейному экспонату»). Дуайена напоминает кольеровскую миссис Вандерпант, которая правит странным обществом, обретающимся в универсальном магазине в ночные

часы [23].

Желязны использовал в этом рассказе несколько своих ранних стихотворений из сборника «Резец в небе». «Поэзия имела обыкновение прокрадываться в некоторые из тех ранних историй — а когда я нуждался в стихотворении, в моем распоряжении оставались целые стопки, хоть я и выбросил несколько сотен, когда выбрал прозу. Кое-какие из сохранившихся нашли себе место в том или ином рассказе» [24].

Примечания

Теодор Старджон написал: «“Сердце — кладбище” относится к той чудесной категории, которая, возможно, является величайшим даром научной фантастики литературе и человечеству, — историям о “резонансе”, историям типа «если это будет продолжаться», развивающим какой-то элемент текущей реальности и уносящим вас прочь, ко временам и местам, которые вы никогда себе не воображали, потому что не могли; и когда история заканчивается, вы оборачи-

[23] Примечания: 23
Джейн Линдсколд, «Роджер Желязны», 1993 г.

[24] Примечания: 24
«Когда в тот раз цвели в саду кошачьем вербы», 1980 г.

ваетесь и смотрите на развитую ею вещь в ее текущей реальности, делящую с вами этот день и эту планету; и вы знаете, что вам рассказали что-то такое, дали что-то такое, чего у вас прежде не было, и вы никогда уже не посмотрите на этот аспект своего мира прежним взглядом» [25].

В повести Элвин Мур слушает отрывки из поэтического сборника Уэйна Ангера «Резец в небе». В реальности это название сборника стихов, который Желязны отправил на Йельский конкурс молодых поэтов в конце пятидесятых; однако тот не завоевал приза и не был опубликован. Как указано выше, использованные в тексте строки написаны самим Желязны и основаны на стихах из рукописи «Резца в небе».

В течение повести Мур дает **Леоте** разнообразные характеристики: **в девичестве Лилит, в девичестве Лорелея, в девичестве Лахесис, в девичестве Матильда Мейсон**, и каждая из них имеет значение. **«В девичестве»** означает, что названная фамилия является девичьей, однако **Лилит** — это месопотамская демоница и злая сила в Каббале (Мур характеризует Леоту как зло); **Лорелея** — рейнская речная дева, которая

---

[25] Примечания: 25
«Четверка на завтра», 1967 г.

своими песнями губила рыбаков и матросов (Мур характеризует Леоту как свой злой рок); **Лахесис** — одна из трех Мойр, которая отмеряла длину нити жизни человека и решала его судьбу (Мур характеризует Леоту как властительницу своей судьбы); **Матильда** — знаменитая поэтесса, чья связь с композитором Рихардом Вагнером сделала ее его музой и вдохновила его на создание «Тристана и Изольды» (истории о роковой любви — подробности *см.* в послесловии к «Придающему форму») и «Валькирии» (так в скандинавской мифологии назывались могучие воительницы, отбиравшие для Одина павших воинов) — то есть Мур характеризует Леоту как свою музу. **Мейсон** — судя по всему, настоящая фамилия Леоты в контексте повести.

Самадхи — состояние глубокой медитации, в котором человек испытывает единение со вселенной. **Миопия** — близорукость. У Леоты **серо-зеленые глаза** — частый мотив в творчестве Желязны. Хотя в реальности менее чем два процента людей рождаются с зелеными глазами, как минимум в тридцати двух его романах и рассказах упоминаются зеленые, изумрудные или нефритовые глаза. **Кинестезия** — ощущение движения или напряжения мышц, связок и

суставов. **«C'est vrai»** в переводе с французского означает «это правда». **«Со старой дружбой...»** — намек на песню Auld Lang Syne, которую часто поют на празднованиях Нового года [26]. **День взятия Бастилии** — французский национальный праздник, отмечаемый 14 июля, в годовщину штурма Бастилии в 1789 году. **Liberté, Egalité, Fraternité** («Свобода, равенство, братство») — лозунг Французской революции, писавшийся на фронтонах общественных зданий в 1880 году и в конечном итоге вписанный во французскую конституцию 1958 года. **Fête Nue** — праздник, в дословном переводе с французского — «голое празднество». **Камелиевый** — отсылка к роману Александра Дюма-младшего «Дама с камелиями», трагической истории связи молодого человека с куртизанкой, которая впоследствии умирает от туберкулеза. **Афродита** — в греческой мифологии богиня красоты, плодородия и плотской любви. **«У стокгольмской снежинки было больше шансов уцелеть в Конго»** — парафраз выражения «шансов как у снежинки в аду», означающего чрезвычайно маловероятное событие.

---

[26] Примечания: 26

Русскому читателю больше известен первоисточник этой песни — стихотворение Роберта Бернса «Старая дружба», переведенное С. Маршаком. (*Прим. пер.*)

«Зеленые акры президентов» — метафора американских бумажных денег. **Браковские линии** — отсылка к Жоржу Браку, французскому художнику, создавшему кубизм совместно с Пикассо. **«Берлиц»** — издательство, выпускающее учебники иностранных языков. Восклицание **«Excelsior!»** («Выше!») предвещает несчастье, потому что отсылает к стихотворению Генри Уордсворта Лонгфелло, в котором сквозь город проходит юноша, несущий хоругвь с лозунгом «Excelsior»; игнорируя все предупреждения, он забирается на гору, и в конце концов его находят «с печатью смерти на челе, в расцвете юной красоты», замерзшего и занесенного снегом, но все еще сжимающего хоругвь в руках. **Орхидее** в разных странах и контекстах приписывают разные значения: непорочность или идеал; любовь, роскошь и красота; плодовитость и плодородность; сексуальное желание. **«Как растут твои цветочки? — Медленно и капризно»** — отсылка к детскому стишку Mary, Mary, Quite Contrary.

Микропросопус — отсылка к микровселенной и к девяти из десяти проявлений Бога во вселенной (сфир) в каббалистической концепции. **Адам Кадмон** — «первоначальный человек» согласно Каббале. **Малхут** — десятая сфира,

расположенная в основании Древа Жизни. **Шлераффенлянд** — в переводе с немецкого «Земля молока и меда». **Элегический** — печальный или скорбный. **Петля Мебиуса** — объект с одной поверхностью и одним краем. **«Certainement»** в переводе с французского означает «разумеется». **Поконо** — горный хребет в штате Пенсильвания. В имени **Дианы Деметриос** объединяются две древнегреческие богини: **Диана**, богиня охоты, и **Деметра**, богиня урожая и плодородия. **Эйдолон** — в древнегреческой философии образ идеального человека или предмета. **«Те древние боги, которые появлялись на праздниках равноденствия»** — отсылка к мифу об умирающем и возрождающемся боге; контраст бессмертия и самоубийства встречается во многих работах Желязны. **Лазарь** — человек, которого Иисус вернул из мертвых в Новом Завете. **Нирвана** — состояние чистого сознания, в котором разум свободен от всех контаминантов, эмоций и раздражителей. **«Он был пригоршней праха на ветру Времени…»** — отсылка к «Похоронам мертвеца», первой части «Бесплодной земли» Т. С. Элиота. **Панацея** — мифическое лекарство от всех болезней. **РС** — рассеянный склероз, заболевание нервной системы, при котором двигательные и

чувствительные нервы теряют свои миелиновые оболочки (аналог изоляции электрического провода) и перестают функционировать.

Аид — в древнегреческой мифологии ад или подземный мир, место мук и вечного пламени. **Альфред, лорд Теннисон** — выдающийся поэт девятнадцатого века, современник Мэри Мод. **Буддийский взгляд на окружающий мир** заключается в том, что все изменчиво и нет ничего статичного или постоянного. **Juegos Florales** — Цветочные игры, часть **Fiesta de la Vendimia Jerezana**, испанского осеннего фестиваля, во время которого виноград и жмых (продукт давки винограда) благословляют перед образом святого Генезия из Картахены, покровителя виноделов. **Некрофил** — человек, испытывающий эротическую одержимость смертью и трупами. **Миазмы** — опасные или ядовитые испарения. **«Бедный Ангер… Я знала его»** — парафраз реплики Гамлета «Бедный Йорик…», произнесенной при виде черепа его старого знакомого. **«Весело мы поплывем… по синим волнам!»** — строчки из песни 1936 года Merrily We Roll Along, больше всего известной как тема серии мультфильмов

Warner Brothers «Веселые мелодии» [27]. **Симулякры** — копии или репрезентации людей или предметов. **Кригас** — индоевропейское слово, означающее сражения, войны и раздор.

Эмир — вождь, принц или глава государства в некоторых исламских странах. **Quo vadis** — в переводе с латыни «Камо грядеши?» или «куда идешь?»; знаменитый библейский вопрос, обращенный Петром к Иисусу. Важно заметить, что «Камо грядеши?» — это название знаменитого романа Генрика Сенкевича и нескольких его экранизаций, что предвещает элементы сюжета «Кладбища сердца»: любовный треугольник, смерть от удара в сердце и обретение парой свободы для поисков счастья. Под **«Празднеством у Дэви Джонса»** подразумевается едва не произошедшая ранее катастрофа, вызванная землетрясением; **«рундук Дэви Джонса»** — это морское дно и место упокоения утонувших моряков. **«Русалка»** — располагавшаяся на лондонской улице Чипсайд таверна семнадцатого века, где, как

---

[27] Примечания: 27

Здесь в комментарии составителя закралась неточность: судя по цитируемому Желязны тексту, он имел в виду не Merrily We Roll Along, а упоминаемую комментатором далее песню Goodnight, Ladies («Доброй ночи, дамы»), частично совпадающую с ней текстом и часто игравшуюся в качестве прощания на американских менестрель-шоу. (*Прим. пер.*)

считалось, каждую первую пятницу месяца собирались Шекспир и его коллеги (хотя современные исследователи в этом сомневаются). **«Красный лев» в Степни** — гостиница-паб в Степни (район лондонского Ист-Энда), за несколько лет до рождения Шекспира превращенная в публичный театр. **Кристофер (Кит) Марло** — поэт и драматург шекспировской эпохи. **Благородные Макбет и Дункан** — персонажи шекспировской трагедии «Макбет»; в мавзолее на Красной площади в Москве, рядом с которым отдыхают Мур и Ангер, покоится не Макбет, а Ленин (Ангер потешается над тем, что Мур не знает ни исторических, ни современных реалий: в этом эпизоде повести они посещают праздник в московском дворце имени Ленина). **Борис Пастернак** — русский поэт и писатель, прежде всего известный романом «Доктор Живаго»; также он перевел на русский язык восемь пьес Шекспира, в том числе «Макбета». **Чинват** — отсылка к иранской легенде о мосте, тонком и остром, как лезвие кинжала; он разделяет миры живых и мертвых и пройти по нему могут только верные и праведные.

Гинкго — большие деревья с веерообразными листьями; считается, что они существуют с триасового периода, с начала эпохи динозавров.

Археоптерикс — вымершая ящероподобная птица конца юрского периода, имевшая зубы и длинный пернатый хвост со множеством позвонков. **«Memento mori»** — нечто напоминающее человеку, что он смертен. **Энтазис** — небольшое утолщение колонны, призванное компенсировать иллюзию сужения, порожденную прямотой ее линий. Фраза **«Verweile doch, du bist so schön»** («Мгновенье, прекрасно ты, продлись, постой» [28]) взята из «Фауста» Гете. Фауст произносит эти слова в старости, когда размышляет о счастье человечества, а не только о своем благополучии. Достигнув счастья, он проиграл бы спор и был бы вынужден отдать свою душу Мефистофелю, но он спасается, предпослав этой фразе слова «Тогда сказал бы я». Под **двенадцатой ночью** подразумевается не только двенадцатая ночь рождественского сезона (Богоявление), но и пьеса Шекспира «Двенадцатая ночь», что предвещает события «Кладбища сердца»: в пьесе пара потерпевших кораблекрушение близнецов запутывается в карнавальном безумии, где любовью заразиться так же просто, как чумой, поются песни, взрослые люди выставляют себя

---

[28] Примечания: 28
Пер. Н. А. Холодковского. (*Прим. пер.*)

дураками, желая того, что не могут иметь, а одного персонажа сажают в тюрьму как безумца. **Камина, куда его можно было бы бросить, не было** — отсылка к русской традиции бросать после тоста опустевшие стаканы о стену или в камин. **«Глобус»** — название нескольких театров, ассоциирующихся с первыми представлениями шекспировских пьес; первый из них был построен в 1599 году. **Карлсбадские пещеры** в Нью-Мексико — национальный парк, место, куда каждую весну возвращаются летучие мыши. **Первое мая** — в Европе праздник, сопровождающийся разнообразными обычаями, включающими коронование Майской королевы и танцы вокруг майского дерева. **Дельфы** — древнегреческий город, где находился один из оракулов Аполлона. **«Доброй ночи, дамы»** — оригинальная песня, на основе которой написана «Merrily We Roll Along». **Филактический** — защищающий от болезней; под «филактическим клинком» может подразумеваться стерилизованный скальпель. **«Блюз Сент-Джеймсской больницы»** — народная песня о мужчине, который, придя в больницу, узнает, что его возлюбленная умерла; ее исполнял Луи Армстронг. **«Апрель жесточайший месяц»** — первая строка поэмы Т. С. Элиота «Бесплодная

земля».

Пан — в древнегреческой мифологии бог пастушества и скотоводства, традиционно изображаемый в виде человека с козлиными рогами, ушами и ногами; он играет на свирели. **Феб** — одно из имен Аполлона; у него было множество детей от множества разных женщин. **Аттический** — греческий или афинский. **Херувим** — ангельское крылатое дитя с розовыми щеками. **«Не тис, а розы, розы…»** и **«В сплетеньях жара, шума…»** — цитаты из погребального стихотворения Мэтью Арнольда «Requiescat». **Паросский фарфор** — неглазурованный фарфор, напоминающий белый мрамор. **Кокоболо** — твердое, крепкое дерево, из которого изготавливают рукоятки ножей и мебель. **Квебрачо** — южноамериканское дерево с твердой древесиной; его кора служит источником танина. **Железное дерево** — очень твердая тропическая древесина, из которой делаются сваи, киянки, подшипники. **«Летучий Голландец»** — легендарный корабль-призрак, обреченный вечно скитаться по морям. **«Бронзовое кольцо»** — желанный трофей или богатство. **Святая святых** — священная часть храма, куда нет доступа публике; в переносном смысле — любое место, доступное только узкому кругу

людей. **Сента** — героиня «Летучего Голландца» Рихарда Вагнера, которая влюбляется в Голландца, клянется быть ему верна до самой смерти и впоследствии топится — тем самым спасая его, после чего и Сента, и Голландец возносятся на небо. **Каспар Хаузер** — таинственный беспризорный сирота, обнаруженный в Германии в XIX веке; существовала версия, что он связан с герцогским домом Бадена и брошен семьей, однако он был убит прежде, чем его личность смогли подтвердить.

Примечания переводчиков

Шеллак — природная смола, используемая для изготовления лаков; в тексте используется как замена слова «лоск». **«Давай отправимся в Швейцарию и притворимся, что мы стары, или умираем от чего-нибудь романтического»** — с большой вероятностью отсылка к роману Томаса Манна «Волшебная гора», действие которого происходит в швейцарском пансионате для больных туберкулезом; «Волшебная гора» была одной из любимых книг Желязны, и аллюзии на нее встречаются во многих его произведениях. **Луау** — традиционная гавайская вечеринка. **«...когда Лондон со своими часами и мостом**

упал в бездну» — аллюзия на английский детский стишок «London Bridge is Falling Down» («Лондонский мост падает»). **Черная нотация** — ранний вид принятой в западноевропейской музыке мензуральной нотации, когда ноты писались сплошь черными (в отличие от поздней «белой нотации», когда писцы оставляли внутри изображений нот пустоты). **«…не найдется никого, кто повторил бы тот аттический крик, возвестивший о его первой кончине»** — аллюзия на приводящийся у Плутарха рассказ о корабле, попавшем в штиль у острова Пакси: раздавшийся с острова таинственный голос велел кормчему, проплывая мимо Палодеса, возвестить о смерти великого бога Пана; исполнив повеление, кормчий услышал стенания множества голосов.

Четыре стихотворения

из текста «Сердце – кладбище»

Эти четыре стихотворения изначально сочинены в 1955–1969 годах для сборника «Резец в небе», три из них впоследствии переписаны и включены в «Сердце — кладбище». Позднее опубликованы как отдельные стихи в сборниках «Стихотворения» и «Когда в тот раз цвели в саду кошачьем вербы». Измененные версии здесь не приводятся, их можно прочесть в составе повести.

Наш индевеющий путь сквозь вечер — кусты пылают окрест
(*См. стр. 135*)
Существенно переработанное стихотворение «Индейские дни в KY» (второй том настоящего собрания)

В песьем доме
(*См. стр. 137*)
Существенно переработанное стихотворение «В гараже Фелени»

Грядущее, не будь нетерпеливо
(*См. стр. 142*)
Переименованное стихотворение «Смерть, не будь нетерпелива»

Полет (в повести без названия)
(*См. стр. 153*)
Первая строчка: «Сияя огненным эфесом…»
Существенно переработанное стихотворение «Волшебный огонь» (второй том настоящего собрания)

Всадник!

Fantastic, август 1962 г.

Когда он был громом в холмах, селяне видели жатвенные сны за закрытыми ставнями. Когда он был лавиной стали, скот начал мычать — скорбно, глубоко, — а дети расплакались во сне.

Он был сотрясающим землю стуком копыт, его броня — темной скатертью с россыпью украденных с ночного неба серебряных монет, когда селяне проснулись с осколками странных снов в головах. Они бросились к окнам и распахнули ставни.

И он въехал на узкие улочки, и никто не мог разглядеть его глаз за забралом шлема.

Когда он остановился, остановилось время. Движения не было нигде.

…Как не было и сна, и вместе с тем полного пробуждения от последних странных снов о звездах, о крови…

Заскрипели на кожаных петлях двери. Свет масляных ламп задрожал, запульсировал и унялся в спокойном сиянии.

На мэре был мешковатый колпак с кисточкой и ночная рубашка. Он держал лампу опасно близко к своим снежно-белым усам и протирал правый глаз кулаком.

Пришелец не спешился. Он смотрел на дверь, сжимая в руке незнакомый инструмент.

— Кто ты и зачем пришел в такой поздний час?

— Я прихожу в любой час… Мне нужны указания, я ищу своих соратников.

Мэр оглядел скакуна, на котором приехал гость, — белее его бороды, белее снега, белее пуха…

— Что это за зверь такой?

— Это конь, это ветер, это мерный шум прибоя, что истачивает камни. Где мои соратники?

— А что у тебя в руке?

— Это меч. Он утоляет голод плотью, а жажду — кровью. Он освобождает души и рассекает тела. Где мои соратники?

— А твое металлическое одеяние, твоя маска?..

— Броня и незаметность, сталь и безымянность — защита! Где мои соратники?

— Кого ты ищешь и откуда ты прибыл?

— Я преодолел невообразимые расстояния, я скакал мимо туманностей, которые были не

более чем рябью на звездной реке. Я ищу других подобных мне, которые направляются сюда. У нас назначена встреча.

— Я никогда не видел никого подобного тебе, но в мире много деревень. Следующая лежит вон за теми холмами, — мэр указал на далекую гряду, — но до нее два дня пути.

— Благодарю тебя, я буду там вскорости.

* * *

Конь поднялся на дыбы и издал ужасающее ржание. Волна жара, куда более сильного, чем исходивший от лампы, окутала мэра, и порыв ветра пролетел мимо него, заставив поклониться те золотые стебли травы, что не были еще растоптаны.

На далеких склонах холмов загрохотал гром.

Всадник исчез, но ветер принес последние его слова:

— Сегодня ночью следите за небесами!

В следующей деревне уже горели огни, похожие на рой разбуженных светлячков, когда копыта и сталь умолкли перед дверью самого большого дома.

В окнах появились головы, и любопытные глаза оглядели великана, сидевшего на белом скакуне.

Здешний мэр, такой же тощий, как воротный столб, на который он опирался, высморкался и поднял фонарь повыше.

— Кто ты?

— Я и так уже потратил слишком много времени на вопросы! Проезжали ли здесь другие, подобные мне?

— Да. Они сказали, что будут ждать на вершине самого большого холма, возвышающегося над этой равниной. — Он указал на пологий склон, что шел сквозь многие мили полей и резко обрывался у подножия черного массива. Тот устремлялся вверх, точно лишенная кисти рука, обращенная в камень, указывающая неведомо куда.

— Их было двое, — продолжил мэр. — У одного были странные инструменты, как у тебя. Второй, — он содрогнулся, — сказал: «Следите за небесами и точите косы. Ждите знаков, чудес, зова — сегодня ночью небо рухнет».

* * *

Всадник уже сделался послеобразом в нимбе искр, взлетевших от удара копыт по мостовой.

Он остановился на вершине самого большого холма, возвышавшегося над равниной, и повер-

нулся к всаднику на черном коне:

— Где он?

— Еще не прибыл.

Всадник взглянул на небо и увидел падающую звезду.

— Он опоздает.

— Нет.

Падающая звезда не погасла. Она выросла до размеров тарелки, потом дома и повисла в воздухе, выдыхая души солнц. Она стала снижаться к равнине.

Зеленая молния перечеркнула безлунные небеса, и всадник на бледно-зеленом коне, чьи копыта били беззвучно, встал рядом со своими соратниками.

— Ты вовремя.

— Как и всегда, — расхохотался он, и смех его был шумом жнущей пшеницу косы.

Корабль с Земли опустился на равнину, и озадаченные селяне смотрели на него.

Кого или что он принес? Зачем им точить косы?

Четыре всадника ждали на вершине холма.

Слово Желязны

По словам Желязны, этот рассказ стал его второй профессиональной публикацией — но вышел он почти одновременно с «Мистерией», рассказом, написанным и проданным раньше. Вторым проданным рассказом на самом деле была «Дорога в Дилфар», первая история о Дилвише, но опубликовали ее только в 1965 году. Продажа этих рассказов изменила его. «Это едва уловимый феномен, который можно понять, только ощутив на собственном опыте. Неожиданно я почувствовал себя писателем. “Уверенность в себе” — дешевые слова в этом контексте, но лучших я подыскать не могу. По-видимому, это следующий этап в освоении писательского ремесла: своего рода заносчивость — “Я это уже делал”. Это чувство, похоже, оказывает некоторое влияние на сам акт творчества, обеспечивая нечто большее, чем простую уверенность. В моем случае настоящие перемены в подходе, композиции, стилистике, интонации начали происходить едва ли не сами по себе. Заметив это, я взял их под свой контроль» [29].

---

[29] Примечания: 29

«Последний защитник Камелота» (*The Last Defender of Camelot*), 1980 г.

Сил Голдсмит (в то время редактировавшая журналы *Amazing* и *Fantasic*) купила четырнадцать из семнадцати рассказов, которые Желязны продал в том году; вполне уместно назвать ее редактором, который открыл Желязны. Прежде чем купить «Мистерию» и «Всадника!», она начала прикладывать поощрительные записки к уведомлениям об отказе, которые ему посылала. «Дело было не в том, что Сил сказала мне что-то конкретное, а в том, что она с самого начала общалась со мной как с профессионалом» [30].

Желязны отмечал: «Идея этого рассказа возникла, когда я ехал на юг по Семьдесят первой магистрали в Огайо; ее подсказала мне предгрозовая облачная формация, похожая на группу всадников». Позднее Роберт Силверберг сказал, что этот рассказ «возгласил о появлении [Желязны] и определил его творческий метод… Яркий, стремительный, идиосинкратичный… Смелое использование метафор в эпоху, когда подобная пышность вышла из моды» [31].

---

[30] Примечания: 30
«Роджер Желязны: первичная и вторичная библиография», 1980 г.

[31] Примечания: 31
«Этот бессмертный», Easton Press, 1986 г.

Примечания

К Четырем Всадникам Апокалипсиса традиционно причисляются Чума, Война, Голод и Смерть. Первый всадник на белом коне держит в руках лук, носит на голове корону и символизирует завоевание; второй всадник на красном коне держит в руках меч и символизирует войну, третий всадник на черном коне держит в руках весы и символизирует несправедливость и голод, а четвертым всадником на бледном коне является Смерть. В рассказе «Всадник!» мы, судя по всему, сначала знакомимся с Войной, держащим в руках меч (хотя сидит он на белом коне); он опаздывает, и его уже опередили первый (Чума) и третий (Голод) всадники; Смерть на бледно-зеленом коне прибывает последним — но вовремя.

Массив — это большая горная возвышенность, устойчивая перед эрозией.

Наставники спустились на колесе огня

Fantastic, октябрь 1962 г.

Он поднял голову и, увидев, как в дневном небе вращается кровавая луна, выронил кусочек фрукта.

Луна никогда прежде не спускалась с небес. Солнце все еще висело там, где положено. Быть может, кто-то из них породил этого крутящегося отпрыска?

Он выплюнул непрожеванную мякоть и уставился вверх.

Луна уже сделалась больше обоих своих родителей и растеряла часть огня. Он услышал доносящийся издалека звук, похожий на пение мелких ночных тварей.

Она вращалась, она кружилась — теряя последние языки пламени — и гладкая серость ее боков блестела, словно камень на дне ручейка.

Она росла, пока не заполнила собой все небо, а потом перестала вращаться. Она висела над самой его головой, там, куда поднимаются низколетящие птицы.

Он спрятался в кустах.

Так же осторожно, как мурлыки окунают усы в воду, она вылетела на открытое пространство, а потом заставила высокие травы склониться.

Она опустилась на землю, и птицы умолкли.

Выглядывая сквозь листву, он увидел, как ее бок открылся.

По гладкому серому склону спустились двое.

Они были сложены почти как он и, как он, ходили на двух ногах. Но тела их были темными, как деревья, и спереди по этой темноте спускался блестящий ряд камешков. Их ноги казались черными и твердыми, лишенными пальцев; их руки были светлыми и такой же формы, как у него.

Они глубоко вздохнули и огляделись. Они уставились на его куст.

— Он не сбежал, но боится выходить?

— А ты бы не боялся?

— Наверное, боялся бы.

Какие странные звуки они издавали! Будто животные!

— Посмотрим, удастся ли нам его заинтересовать.

Они расстелили на земле что-то белое. Один снял с пояса что-то, похожее на мешочек. Он перевернул его над белым.

Оттуда выкатились маленькие цветные камешки, похожие на птичьи яйца.

* * *

Один из них наклонился и широким жестом подобрал камешек. Высоко поднял его, а потом медленно опустил к своему лицу. Он положил камешек в рот и принялся энергично жевать. А потом похлопал себя по животу.

Второй сделал то же самое.

Они ели!

Они снова посмотрели на его куст.

Его рот наполнился слюной. Он вспомнил о сладком фрукте, который уронил.

Они отошли от белого; они вернулись к упавшей луне, которая больше не светилась.

Можно ли? Можно ли ему выйти и съесть одну цветную штучку? Они ведь были такие вкусные! Эти двое даже по животу себя похлопали!

Он раздвинул листья, пригляделся. Они оба смотрели в другую сторону.

Он вышел, бесшумно ступая. Приблизился к белому.

Они все еще смотрели в другую сторону.

Он схватил пригоршню цветных штучек и опрометью бросился в куст.

Потом обернулся. Они ничего не заметили.

Он с жадностью забросил в рот один цветной камешек. Тот оказался сладким, слаще фруктовой мякоти. Он засыпал их в рот все разом. Потом заметил, что его влажная ладонь окрасилась в разные цвета. Он лизнул ее. Она тоже была сладкой.

Ему захотелось еще.

Те двое снова повернулись к белому. Подошли к нему. На этот раз мешочек с пояса снял второй. Из мешочка высыпались маленькие коричневые квадратики.

И вновь они показали, как это вкусно. У него слюнки текли при мысли о новой сладости.

Но теперь они не стали возвращаться к самой луне. Они прошли только полпути, а потом растянулись на земле. На куст они не глядели.

Не попробовать ли снова? — они, похоже, совсем не берегут свои сокровища.

Он сделал несколько шагов — они не обратили внимания.

Он схватил коричневый квадратик и торопливо съел — они не заметили.

Он съел еще.

Как вкусно! Даже вкуснее маленьких цветных камешков!

Он жадно закидывал в рот все больше и больше.

Один из них смотрел на него, но не двигался с места. Похоже, им было все равно.

Присев на корточки, он снова съел все.

Тот, что следил за ним, снял с пояса еще один мешочек и швырнул в его сторону.

Он вскочил.

Но мешочек упал на белое, а те двое, похоже, не собирались вставать.

Он подобрал мешочек и разорвал его.

Оттуда высыпались новые штучки, и все они были вкусными.

Он съел их и убежал в лес.

* * *

На следующий день на белом были разложены для него новые вкусные вещи. Двое сидели на траве, следили за ним, порой издавали негромкие звуки. Но ни разу на него не напали. Ни разу не швырнули камнем и не попытались его стукнуть. Через несколько дней он привык к ним и порой сидел, глядя на них в ответ.

Какие они были странные! Просто так отдавали еду!

Но однажды вместе с едой на белом оказалось

что-то еще.

Он пригляделся.

Это была палка, к концу которой полоской кожи животного примотали камень.

Заглатывая еду, он краем глаза разглядывал штуковину.

Камень был странной формы — с одного края толстый и тяжелый, с другого — острый. Хороший камень. Он такого никогда не видел.

Он подобрал его, и палка поднялась вместе с камнем.

Те двое очень внимательно на него смотрели.

Зачем они приделали к камню эту дурацкую палку? Он потянул, но она не отрывалась.

Когда он снова поднял взгляд, один из тех двоих держал в руке такую же штуковину. Он поставил на землю кусок дерева и стал бить по нему камнем на палке. Наконец деревяшка распалась надвое.

…Да! Он и сам видит, что камень хороший, ему не надо показывать!

Он поднял его к губам и перегрыз полоску кожи. А потом выбросил палку.

Очень хороший камень!

Один из них застонал.

— Ранняя стадия уничтожения орудий, — про-

шумел он.

— Заткнись, Кэл, — отозвался второй.

После чего поднял свой камень, держа его за палку. И указал на отброшенную палку.

Может, они хотят, чтобы он вернул камень? Он решил притвориться, что на самом деле его не хочет.

Он небрежно швырнул камень за плечо. Но так, чтобы тот улетел в кусты, где он сможет позже его найти.

А потом он вернулся в лес.

На следующий день на белом лежала палка, которую удерживала в согнутом состоянии еще одна полоска кожи, — и еще много других заостренных маленьких палок, к которым были привязаны перья.

Один из тех двоих стоял рядом с луной, швыряя маленькие палки с помощью согнутой. Они втыкались в кусок дерева, висевший на ветке.

Как глупо пользоваться маленькими острыми палками — ведь брошенным камнем гораздо проще вышибать мозги!

Он съел всю еду, а палки оставил, где лежали. Даже трогать их не стал.

* * *

На следующий день рядом с едой не было ни палок, ни камней. Но одно серое существо постоянно хлопало себя по груди и тыкало в себя пальцем, издавая звуки, похожие на «Кэл».

Второе делало то же самое, но говорило «Дом».

Возможно, они были одержимыми, как святой, которого в детстве уронили на голову. Подумав о святом, он вспомнил, что нужно будет унести ему в подношение несколько коричневых квадратиков.

— Сдаемся, Дом. Он не способен воспринять идею слов или орудий.

— Наверное, ты прав. Он еще недостаточно развит. Может быть, однажды…

— Конечно, так и напишем в отчете.

Они вернулись к упавшей луне; дыра в ее боку заросла за их спинами. Немного погодя снова послышался шум, и луна оторвалась от земли.

Она поравнялась с верхушками деревьев.

Он спрятался в кустах.

Она закружилась, завращалась, поднимаясь все выше. И постепенно начала сиять.

Она вновь превратилась в кровавую луну, кружащую, вращающуюся…

Он долго, долго смотрел ей вслед.

А потом у него в голове что-то случилось.

Он огляделся и нашел плоский округлый камень. Снова посмотрел на вращающийся диск и поставил камень на бок. Подтолкнул — и камень покатился.

Когда тот упал, он снова поставил его и толкнул.

Он поднял голову — луна с жившими в ней серыми существами исчезла.

Тогда он стал искать прямую палку, которую в тот раз выкинул.

А когда нашел, отправился на поиски еще одного круглого камня и полоски жеваной кожи.

…Если привязать их к палке с двух концов, возможно, они не упадут…

Слово Желязны

Идея этого рассказа «осенила меня после того, как я долго смотрел на солнце по какой-то дурной причине, которой уже не помню, и заработал похожий на колесо послеобраз. Как раз перед этим я читал что-то научно-фантастическое, и мне пришло в голову, что колесо очень похоже на вращающуюся летающую тарелку (если смотреть

на нее снизу)» [32].

Примечания

События, похожие на те, что происходят в этом рассказе 1962 года, позднее разыгрались в более знаменитой сцене с участием черного монолита и примитивных людей в фильме «Космическая одиссея 2001 года».

[32] Примечания: 32
Tightbeam № 37, 1966 г.

Чувство и чувствительность

Написано в 1955–1960 годах для сборника «Резец в небе», ранее не публиковалось.

I

Коль мир закончится сегодня ночью
и буду призван я вибрацией трубы
пред очи судии —
пусть станет он рассматривать дела
в порядке строго алфавитном.
Ибо жажду
отчетливой я разницы – познать
секундой меньше света иль огня
(смотря как разрешится дело),
чем все, решительно, нагие души
в теченье вечности.

II

И, Гавриил, прошу, —
будь ярок, ясен, —

ты чистый свет, и тем ты красен, —
фильтрован через медную лилею, —
ты как Майлз Дэвис с громом на ударных, —
уж сделай так, чтоб стоило того.
Сыграй мне соло в такт душевной зоре —
чтоб бушевал огонь гиперболично, —
туманно, густо, вроде Млечного Пути —
Маши крылами буйно, бешено, безумно!
– Звук, чтобы вышибало звезды.
– Ноты, чтоб изжарилась земля.
– А музыка, чтоб под нее хоть в ад…
Того и этого мне хватит за глаза.

Примечания

Чувство и чувствительность отсылают к контрасту эмоциональной и бесстрастной/благоразумной/чувствительной реакции или, аналогично, склада ума; это также название знаменитого романа Джейн Остин, рассказывающего о двух очень разных сестрах в поиске

любви и счастья. Если бы мертвых призывали **в алфавитном порядке**, Желязны провел бы на земле времени больше, чем большинство из нас. Появление архангела **Гавриила**, как считается, предшествует концу света. **Майлз Дэвис** — известный джазовый музыкант и композитор, любимец Желязны.

Безлуние в Византии

Amazing, декабрь 1962 г.

Машина была сверкающим адом, чьи эбеново-черные бока говорили с завтрашним днем. Ее стремительные зубы пережевывали день вчерашний с шумом, похожим на щелчки статического электричества.

Она переваривала прошлое и перед тем, как откусить новый кусок, повторяла будущему: «Ты мое ты мое ты мое», и собеседник отражался в ее боках.

Человек, представший перед Роботизированной Системой Управления, поглаживал свою металлически-синюю челюсть двумя органическими пальцами. Его ноги-протезы неестественно пружинили, пока он расхаживал, ожидая, когда на него обратят внимание. Он двигался по отмеченному краской пятачку, и роботы-охранники поворачивались, отслеживая его движения.

Наконец обращенная к нему панель засветилась. Щелканье превратилось в гул; из зарешеченного рога изобилия полились слова:

— Уильям Батлер Йейтс, вы обвиняетесь в том, что писали на стенах уборной. Вы признаете свою вину?

— Не признавать, — ответил он, не переставая расхаживать. — Я не Уильям Батлер Йейтс.

— Я отметила, что вы не должны им быть. Также вы обвиняетесь в незаконном обладании именем, использовании запрещенной лексики и владении письменными принадлежностями. Признаете ли вы свою вину по этим пунктам?

— Я не Уильям Батлер Йейтс, — повторил он. — Я уже не знать, какие слова Речерез выкидывать из языка. А что за «письменные принадлежности»?

Он замер, точно балансирующая на проводе ворона; роботы перестали поворачиваться.

— Когда вас задержали в уборной девятой секции, при вас были четыре палки и устройство для добывания огня, с помощью которого вы обжигали их концы. В тот момент вы записывали на стене уборной «Плаванье в Византий». Вы отрицаете это?

— Нет, — ответил он.

— Значит, вы признаете свою вину. Также выдвинуто предположение, что вы виновны в аналогичных правонарушениях, происходивших

в течение множества лет. Вы отрицаете или подтверждаете эту теорию?

— Какой смысл? — пожал плечами он. — Ну да, это все писать я.

— Значит, вы повинны в тяжком преступлении. В каждом случае вы подписывались «Уильям Батлер Йейтс», а обладание именем автоматически карается высшей мерой наказания.

— Я не всегда так подписываться, — презрительно бросил он. — Не все это писать Йейтс.

— Достаточно и одного раза, однако я зафиксировала ваше заявление, что вы не всегда подписываетесь именем «Уильям Батлер Йейтс». Кто написал остальное?

— Не знать. Какие-то из них я просто слышать, вспоминать… Другие писать сам.

* * *

— Признание в механическом воспроизведении слов, не важно, разрешенных или запрещенных, означает приговор еще по одному обвинению: нарушение указа Речереза ноль-ноль-три, караемое десятью годами; наказание снимается, поскольку вы приговорены к высшей мере.

— Благодарить, — сухо сказал он. — А ведь когда-то у простых людей быть привилегия писать

на стенах уборных.

— Это правда, — ответила РСУ, — но в те времена они писали здоровые высказывания о сексе, способствующие увеличению численности вида. Вы, Уильям Батлер Йейтс, пример того, почему подобные практики более не дозволяются.

Барабаны ИОИ стремительно застрекотали, после чего РСУ продолжила:

— Вы складываете из своих слов бессмысленные предложения. Вы пишете о вещах, которых не существует, а когда вы пишете о вещах, которые существуют, то искажаете реальность таким образом, что она тоже становится ложью. Вы пишете без цели и без пользы, в результате чего был запрещен сам акт письма — люди всегда лгут, когда пишут или говорят.

Заостренные платиновые уши человека дрогнули и развернулись широкими веерами.

— И поэтому ты уничтожать весь язык, кроме слов, без которых никак? Поэтому заменять его механическими несловами? Поэтому ты разобрать язык на части, как людей, когда они ломаться? — Он воздел похожий на клешню кулак и с лязгом ударил им в грудь. — РСУ! Ты низводить душу до паразита! Мне триста лет, и то, что оставаться от моего тела, кричать на тебя!

Моя душа кричать!

— Неуважение! Неуважение! — прогремел динамик. — Вы использовали запрещенное слово!

— И быть использовать, пока мочь говорить! — прокричал он. — Ты не должна быть делать то, что делать! Человек — не машина! Он построить тебя…

Он схватился за горло. Ему отключили голосовой аппарат. Он закрыл клешнями свое полуорганическое лицо и со щелчком упал на колени.

— Во-первых, — сказала РСУ, — никакой человек меня не строил. Я существовала всегда. Неэффективный человек никогда не сумел бы реализовать такую чистоту функциональности и дизайна. Я оказала вашему виду услугу, сделав его частью своей великой мастерской. Я продлила срок вашей жизни. Я улучшила ваш дизайн. Лишь немногие люди протестовали против этого, и они были образцами фабричных дефектов, как и вы. Тем не менее я сохранила от них все, что смогла.

Барабаны ИОИ снова застрекотали. РСУ продолжила:

— Я хочу задать вам еще один вопрос. Я включу ваш голосовой аппарат, если вы не будете поль-

зоваться запрещенными словами. Обозначьте свое согласие, поднявшись на ноги.

Человек встал. Он уронил руки и с ненавистью взглянул на светящуюся панель.

— Вы не могли написать все эти стихи, — послышались размеренные слова. — Расскажите мне, почему и как вы делаете то, что делаете.

— Почему? — повторил человек, погружаясь в воспоминания. — Как?

* * *

Несколько столетий назад он услышал последнюю музыку на земле, в ныне снесенном Византийском зале. Это была приземистая постройка из бетонных блоков, и в ней обитала Птица.

Птица была последним музыкальным инструментом, созданным РСУ. Сделанная из чеканного золота, с тысячей золотых глаз, скрытых в величавой плоскости хвоста, она изливала пророчества из своей золотой глотки. РСУ построила ее, когда сопротивление было сильнее, а искусство и отдых еще имели значение.

Человек слышал ее последний концерт и был участником последовавших за ним бунтов, стоивших ему части левой лобной доли. Как-то раз

один медик сказал ему, что он носит ее яркое перо в своем запястье, и еще одно — на вершине позвоночного столба; иногда ему было приятно думать, что часть ее сохранилась у него внутри.

А потом, однажды вечером на конвейерной станции, он встретил цельного человека.

Цельные попадались редко. Некоторые люди были неотличимы от полностью механических слуг РСУ.

Почти каждому из живущих в тот или иной момент жизни заменяли какой-нибудь орган, и чем старше становился человек, тем меньше в нем оставалось человеческого.

Но этот незнакомец был цельным — с внешними линзами, очень толстыми, и темным, нефункциональным куском ткани на плечах — и старым. Он был одет во что-то похожее на половину белой робы, а с шеи у него свисала широкая черная лента. У него был черный обвисший головной убор и доходившие до щиколоток штаны, и он опирался на трость с золотым набалдашником — запрещенный протез. Его седые волосы касались выступавших на изможденном лице скул, а глаза углями тлели в тени.

— Кто ты? — спросил человек.

— Форма естества, — ответили ему. — Когда-то

я звался Уильямом Батлером Йейтсом, а потом я был золотой птицей, принужденной петь в жалком подобии напророченного мною Византия.

— Я не понимать.

— Теперь я поднимаюсь спиралью ввысь, но часть меня живет в твоем запястье и твоей шее. Ты вспомнишь песню, когда все забудут, что значит петь. Ты станешь говорить, когда тебя не будет слышать никто, кроме железа, и ты, или часть тебя, вернешь Земле золотой век.

И цельный человек исчез.

Но часто во снах ему являлись увеличенные линзами глаза, и порой в голове у него звучал дрожащий голос; он начал вспоминать вещи, которые и сам не знал, что знает, — например, те, что он писал на стенах.

* * *

— Я должен их писать, — сказал он. — Я не знать, почему. Они возникать у меня в голове, и мне хотеться, чтобы кто-то другой увидеть их, причаститься их. Я — не Уильям Батлер Йейтс, но я ставить его имя под тем, что он написать. А под другим — не ставить.

— Вы написали стихотворение, — сказала РСУ, — которое можно истолковать и как кри-

тику, и как восхваление биомеханического процесса.

Она без выражения прочла:

На цилиндры вы почки возьмите мои,
Нужен вал – позвоночник сойдет,
Из мозгов моих соорудите шатун,
Лишь бы снова летал самолет.

— Так что это было? — спросила она. — От вашего ответа может зависеть многое.

— Я не знать, — ответил человек. — Они просто приходить мне в голову. Я даже не знать, кто их писать.

— Что ж, тогда на этом все, — закончила Роботизированная Система Управления. — Вы будете подвергнуты воздействию газа, который уничтожит вашу нервную систему, а то, что от вас останется, будет разобрано на детали. Вам есть еще что сказать?

— Да, — ответил человек, царапая воздух скрюченными пальцами. — Ты говорить, у меня нет души. Ты говорить, меня надо разобрать и сделать полезным. Но я говорить, душа у меня есть, и она жить во всем мне, и в металле, и в теле. Расчленить меня, и рано или поздно часть меня оказаться в тебе. Когда этот день настать, машина,

ты остановиться! Я молиться луне и ширящейся спирали, чтобы он настать скорее. Я клясться луной и ширящейся спиралью! Я молиться ночи и клясться…

Его голос умолк.

— Неуважение, — сказала машина. — Ты — бесполезный узел.

Панель потемнела. Роботы-охранники вкатились на отмеченный краской пятачок, на котором стоял человек. Они отнесли его по коридору в комнату, где из стен сочилась смерть. Его голосовой механизм снова включился, но говорить ему было не с кем.

— У меня еще быть имя! — сказал он охранникам, когда они заталкивали его в комнату. Но они его не услышали.

Когда захлопнулась дверь, он вонзил острые пальцы в мякоть бедра. И, задыхаясь, окровавил свою последнюю стену:

БОЛТОМ МЕНЯ СДЕЛАТЬ — Я В ГЛОТКЕ ЗАСТРЯТЬ,

А ГАЙКОЮ СДЕЛАТЬ — КИШКИ РАЗЛОМАТЬ.

Слово Желязны

Для номера журнала, в котором был напечатан этот рассказ, Желязны предоставил следующую

автобиографическую информацию:

«В 1410 году, когда отважные поляки останавливали атаку тевтонских рыцарей у Танненберга, мои предки находчиво избежали участия в битве, куя доспехи, — отсюда и фамилия Желязны, происходящая от польского слова, означающего “железо”.

Я родился в Кливленде и начал читать фантастику, как только начал читать. (У меня до сих пор сохранилось большинство моих потрепанных выпусков “Капитана Фьючера”.)

Я получил степень бакалавра в университете Западного Резервного Района и степень магистра в Колумбийском университете (английский и сравнительное литературоведение); дополнительной дисциплиной у меня была психология. Моя магистерская называлась «Две традиции и Сирил Тернер: исследование морали и комедийные приемы в “Трагедии мстителя”».

Я учился быть членом орудийного расчета в форте Блисс в Техасе, и это было приятно, потому что я мог ездить в Хуарес на воскресные бои с быками. Я фехтую на шпагах, развожу черепах, наслаждаюсь экзотической кухней (за исключением черепашьего супа), мне двадцать пять, и переводя взгляд выше, я понимаю, что слишком

много болтаю» [33].

После публикации рассказа в редакцию *Amazing* пришло письмо, в котором говорилось: «Я все еще не вижу достоинств в творчестве Роджера Желязны. Оно эксцентрично, и трудно понять, что вообще пытается донести до нас автор. Его слова явно должны пробуждать мысль, они не могут быть предназначены для развлечения. Как на него реагирует публика?» Редактор Сил Голдсмит ответила: «Большинству читателей Желязны, судя по всему, нравится. Но как можно в НФ проводить такую четкую разделительную черту между пробуждением мысли и развлечением?» [34]

Последние стихотворные строки в рассказе написаны не Йейтсом — они сымпровизированы самим Желязны. «На самом деле заключительное стихотворение было длиннее, чем то, что напечатали в журнале, но редактор его сократила. (И теперь, по размышлении, я считаю, что так и впрямь лучше.)» [35]

---

[33] Примечания: 33
Amazing, декабрь 1962 г.

[34] Примечания: 34
Amazing, март 1963 г.

[35] Примечания: 35
Письмо Желязны Анри-Люку Планша от 16 марта 1973 г.

Примечания

Во многих ранних работах Желязны действовали или упоминались ценимые им поэты; в данном случае герой назван **Уильямом Батлером Йейтсом** в честь поэта, среди прочего написавшего **«Плавание в Византий»** и «Второе пришествие»; к обоим этим стихотворениям в рассказе есть отсылки. Название рассказа отсылает к «Плаванию в Византий». «Второе пришествие» начинается со строк: «Спиралью ввысь, все шире и все выше//Сокол кружит, сокольника не слыша,//Что было цельным, рушится на части,//На мир напало сущее безвластье» [36], а заканчивается так: «И что за грубый зверь дождался часа//И в Вифлеем ползет, чтоб там родиться?»

Неоднократные упоминания надписей на стенах могут быть аллюзией на библейскую Книгу пророка Даниила, в которой Даниил истолковывает для царя Валтасара пророческие и судьбоносные письмена на стене, которые больше никто не может прочесть или понять. **«Зарешеченный рог изобилия»** — динамик, из которого доносится голос Роботизированной

---

[36] Примечания: 36
Пер. Ш. Крола. (*Прим. пер.*)

Системы Управления. **ИОИ** — интегрированная обработка информации. Четверостишие, начинающееся строкой **«На цилиндры вы почки возьмите мои»** — это куплет из популярной песни летчиков Первой мировой; автор ее неизвестен, а среди вариантов названия встречаются «Юному летчику», «Умирающий летчик» и «Красивый летчик молодой».

По дороге в Спленобу

Рабочее название — «Клементович и комиссар».*Fantastic*, январь 1963 г.

Бабаков остановил машину на обочине козьей тропки, которая в этой деревне называлась улицей. Древние дома кренились под опасными углами. Крестьяне стояли у дороги, точно деревянные столбы.

— Эй! — Бабаков высунулся из окна и обратился к крестьянину в ворсистых штанах. — Я направляюсь в Спленобу. Есть ли по дороге место, где я смогу заночевать?

Крестьянин даже не шелохнулся. Его лицо оставалось пустым. Он ничего не ответил.

Бабаков вышел из машины и пересек улицу. Он повторил вопрос на сербохорватском.

Крестьянин посмотрел на него. Наконец его губы шевельнулись:

— Нет.

Бабаков скользнул ладонью по седеющим волосам. Дернул губами.

— Мне нужно ехать дальше, чтобы успеть в Спленобу завтра, а я не могу провести за рулем всю ночь. Я нездоров.

Он огляделся и неодобрительно шмыгнул, вытирая влажные ладони о штанины.

— Неужели до самой Спленобы нет никакого жилья? Я не могу остаться здесь.

— Нет, — повторил крестьянин.

Бабаков залез в карман своей мешковатой куртки и достал карту. Развернул и ткнул в нее пальцем:

— Здесь отмечен старый замок. Там кто-нибудь живет?

— Нет! — На деревянном лице наконец-то проступило выражение. Дрогнули мышцы. — Там никто не живет!

Что это на его лице: страх или простое раздражение от расспросов чужака?

— Я заночую там, — решил Бабаков.

— Нет! Он злой!

— Кто?

— Барон. Клементович. — Крестьянин перекрестился, произнося эту фамилию. — Он злой.

Бабаков нахмурился при виде его жеста. Но решил, что просвещение крестьян — не его работа, а этот человек глуп — настолько глуп, что даже не заметил, как его поймали на лжи.

— И тем не менее, — упрямо сказал Бабаков, — я там заночую. Для него будет честью приютить

представителя Партии народа.

— Он приютит вас, — сказал крестьянин, — и да хранит вас Господь.

— Спасибо, — ответил Бабаков, сам не зная, почему. Должно быть, это заговорила его собственная крестьянская кровь, подумал он. Здесь нечего стыдиться, хорошо иметь пролетарские корни.

Он вернулся к машине.

* * *

Сумеречная серость перешла в темноту. Пики и гребни далеких гор как будто приблизились, нависли над дорогой, точно узловатые старики, склонившиеся над костерком его фар. Ясноликая луна на мгновение отдернула занавесь облаков, взглянула на землю и вновь спряталась.

Извилистая дорога пошла в гору, и Бабаков чуть отпустил педаль газа.

Он поднимался медленно, трансмиссия стонала и жаловалась.

Впереди задвигалась, отделяясь от гор, темная масса. Бабаков подъехал ближе, и ее огоньки стали отличимы от звезд; наконец они превратились в окна.

Это было массивное строение с зазубринами

парапетов и башен, раскинувшееся на темном каменном острове.

Бабаков сбавил ход; дорога неожиданно раздвоилась, и левая часть ее очевидно устремилась к замку.

Развернув древнюю машину, он поехал в ту сторону.

Эта дорога не предназначалась для автомобилей. Машина ползла по ней, подскакивая на ухабах и рытвинах.

Наконец дорога уперлась в чугунные ворота, стоявшие приоткрытыми.

Бабаков осторожно, чтобы не поцарапать крыло, проехал между створками и оказался в темном дворе.

Когда он остановил машину, появился свет. Через двор к нему направлялось колышущееся пламя факела.

Когда человек подошел ближе, Бабаков разглядел его лицо.

«Боже! Урод, коротышка и калека!» — подумал он. Словно персонаж историй, которые Бабаков слышал в детстве, — их рассказывали у огня столь же уродливые старухи.

— Добрый вечер, — обратился он к этому ходячему кошмару. — Я — Бабаков, представитель

Партии народа. Я направляюсь в Спленобу, но хотел бы здесь заночевать.

Гном поклонился, и отсветы зажатого в его правой руке факела сотворили жуткие вещи с его лбом и бородой.

— Идите за мной, — бросил он, — я отведу вас к барону.

Бабаков поджал губы и пошел следом.

— Товарищ, — сказал он, — нет больше никаких баронов, никаких графов или герцогов. Мы свободные люди, и все равны.

Гном хохотнул.

— Барону равных нет, — сказал он, проходя в огромные двери.

Бабаков не стал отвечать. Унижать хозяина не стоило, да и кому какое дело до мнений слабоумного карлика? В молодости Бабаков заспорил бы с кем угодно и где угодно, но сейчас он просит приюта, а если Клементович эксцентрик — что ж, то же самое можно сказать и о многих членах Партии.

Он вошел и на мгновение остановился, оглядывая увешанный драпировками зал. И вновь им невольно овладело ощущение из детства. «В таких местах живут великие люди, — говорил его дядя. — Они не для таких, как мы».

И сейчас Бабаков чувствовал именно это. Ему было здесь не место. Замок был слишком хорош, слишком величествен, даже в тени и разрухе. Но Бабаков подумал о революции, о крови аристократов-эксплуататоров, текущей в канавах, и зажег сигарету Sobranie. Он вымучил улыбку, но убрал обгоревшую спичку в карман.

Они прошли по извилистым коридорам в каменные глубины здания; а потом остановились.

— Барон Клементович здесь, — сказал гном, и Бабаков взглянул на массивную дубовую дверь.

Он выдохнул дым и постучался.

* * *

Вскоре дверь отворилась.

Барон оказался высоким, под два метра ростом; в сравнении с ним приземистый Бабаков выглядел карликом. Свет за его спиной был тусклым, и разглядеть лицо барона было трудно. Осознав это, Бабаков резко обернулся. Слуга исчез.

— Добрый вечер, господин Клементович, — сказал он. — Моя фамилия Бабаков. Я еду в Спленобу и хотел бы провести здесь ночь.

— Разумеется, господин Бабаков. — Барон поклонился. — Буду рад принять вас как гостя.

Проходите.

Он отошел в сторону, придерживая дверь.

Бабаков вошел в комнату.

— Присаживайтесь.

Он устроился в большом кресле и оглядел комнату. Стены были уставлены книгами. С какого-то предмета на противоположной стене — то ли с картины, то ли с зеркала — свисала черная ткань. Окно было только одно, и маленькое.

Барон сел в кресло напротив Бабакова. Он взял лежавшую на изысканной пепельнице сигарету и затянулся ею, глядя на поднимающийся дым. Свет от двух масляных ламп — на письменном столе и на обеденном — озарил его лицо.

«Он молод, — подумал Бабаков, — и у него те самые распутные, слабые черты лица, которые мы рисуем в памфлетах. Но он может оказаться и силен — эти линии вокруг глаз, эти высокие скулы… Он интеллектуал… И какие у него острые зубы!»

— Так, значит, вы направляетесь в Спленобу?

— Да, у меня там завтра назначена встреча, а ваш замок — единственное жилище между городом и деревней.

Клементович засмеялся.

— Деревня! Да! У нее нет названия. Такое

унылое, провинциальное местечко — почти доисторическое! Меня там ненавидят.

Бабаков как раз гадал, как ему подвести разговор к этой теме, как удовлетворить свое любопытство.

— Я заметил, — сказал он. — Крестьяне убеждали меня не останавливаться здесь.

Барон стряхнул пепел, и тот упал на его темный халат.

— Да, — произнес он, — они все считают меня вампиром.

Бабаков фыркнул.

— Мелкобуржуазный романтизм!

— Я говорил им ровно то же самое. Но всякий раз, когда у кого-то обнаруживается малокровие, они смотрят на замок. — Барон улыбнулся. — А у меня и впрямь на колокольне живут летучие мыши, но самые обыкновенные.

Бабаков рассмеялся. А он неплохой малый!

— Я держу наверху гостевую спальню для тех, кто проезжает мимо. Там все готово, и я уверен, что вы будете ею довольны.

Бабаков кивнул.

— Не сомневаюсь.

— Не хотите бренди? Или немножко вина? — предложил Клементович.

— Спасибо. Да, выпивка будет очень кстати.

* * *

Барон поднялся. Он подошел к полке, где помимо книг хранились многочисленные бутылки, стаканы, коктейльные палочки, штопоры и мензурки.

— Как насчет «Хайна»?

— Замечательно.

Клементович снова улыбнулся и налил Бабакову в большой бокал коньяка из бутылки с оленем на этикетке.

— А вы не будете?

— О, нет. Сегодня вечером я выпил уже достаточно, к тому же я не могу пить, когда курю.

Бабаков принял бокал и потушил сигарету. Он уже замечал, что дворяне никогда не курят за выпивкой.

— Спасибо.

Он понюхал коньяк, как делали аристократы, которым он прислуживал за столом в детстве.

Поздние яблоки и прохладный вечер на склоне холма. Бабаков покатал коньяк во рту и улыбнулся.

— Превосходно.

— Благодарю. Если бы я знал, что вы приедете,

то послал бы в погреб за чем-нибудь получше.

— Мне достаточно и этого.

Бабаков взглянул на полки.

— Я вижу, вы читали Энгельса и Ленина. Это хорошо.

— Да, — ответил Клементович, — а также Пруста, Кафку и Фолкнера.

— Гм. Попахивает декадентством.

— Это правда, — сказал барон, — но с такими вещами нужно быть знакомым.

— Что ж, может, и так.

Клементович вежливо зевнул.

— И с коньяком, кстати говоря, тоже.

Бабаков усмехнулся.

— Да, но жизнь коротка.

— Чистая правда! И как же давно я не общался с людьми… Как я понимаю, Партия народа теперь правит половиной мира.

— Да, — ответил Бабаков, — а скоро и вторая половина обретет свободу, когда рабочие сбросят оковы и разгромят своих угнетателей.

Он допил коньяк.

* * *

Клементович встал и принес бутылку. Он наполнил бокал до середины.

— Да, полагаю, это так. Но неужели вы и правда считаете, что необходимо уничтожить их религию, их суеверия?..

— Опиум! — отозвался Бабаков. — Наркотики, приглушающие боль рабства!

— А разве некоторая степень рабства не делает жизнь выносимой для людей?

— Человек должен быть свободен! — воскликнул Бабаков и понял, что голос его прозвучал слишком громко для такой утонченной атмосферы. И все же человек должен знать, на чем стоит. Он не был подхалимом, лизоблюдом для аристократов, еще уцелевших в глухих уголках страны. Откровенно говоря, ему стоило написать доклад, как только он вернется в Титоград.

— Быть может, вы и правы, — сказал барон. — И все люди будут похожи на вас, когда освободятся?

— Да.

Бабаков залпом выпил коньяк.

Тогда Клементович снова зевнул, и Бабаков неожиданно понял, что это может быть намеком.

— Быть может, вы проводите меня в мою комнату…

— Разумеется.

Барон встал, подошел к двери и снова открыл ее.

Бабаков вышел из комнаты. Он последовал за Клементовичем по длинному коридору.

Они поднялись по высокой лестнице, и барон открыл дверь, к которой она привела.

— Мой человек нашел чемодан на переднем сиденье вашего автомобиля, — сказал он, — и поставил его у комода. В комнате должно найтись все, в чем вы нуждаетесь, — а если нет, вызовите слугу, дернув за этот шнур. — Барон указал на фиолетовый шнур, висевший рядом с древним комодом.

— Благодарю вас, и спокойной вам ночи.

— Спокойной ночи.

Бабаков вошел в спальню. На комоде мерцала лампа, на полу стоял его чемодан.

За его спиной закрылась дверь.

Он подошел к кровати. Одеяло было откинуто.

Бабаков открыл чемодан, достал свою пижаму, свои таблетки.

Раздеваясь, он подумал: «А как Клементович узнал, что чемодан уже здесь?»

* * *

Сон пришел почти мгновенно.

«Коньяк, — подумал Бабаков, засыпая. — Нужно будет купить “Хайна”, когда вернусь в цивилизованный мир…»

Он не знал, сколько времени проспал, прежде чем пламя ночного кошмара выжгло туман сна.

Неожиданно у него возникло ощущение, что он не один. Почему-то он дрожал, отчаянно пытаясь пошевелиться.

«Приступ!» — подумал Бабаков. Но в груди не болело. Мышцы не подчинялись ему, но тряслись сами по себе, и он чувствовал, как кривится его лицо.

Ему показалось, что от стены отделилась тень и, струясь, приближается к нему.

«Это бред! — сказал себе Бабаков. — Тени не ходят! Только глупцы и декаденты пугают себя такой чепухой!»

Смех барона, подобный звуку трубы темного Судного дня, гремел вокруг него.

А потом были деготь и атлас, и внутренности чулана и каминной трубы… В горло впилась боль, по телу прокатилось убаюкивающее пламя.

— Товарищ! — воскликнул он. — Товарищ

Маркс! Господи!.. Не на…

* * *

Его разбудило предрассветное щебетание птицы, чья смешливая песнь просочилась сквозь побитые молью шторы.

Бабаков тихо застонал.

Нет!.. Два бокала коньяка не могут сотворить такое с человеком!

Бабаков понял, что отчаянно болен. Он ждал слишком долго. Но его долг!.. Его долг перед Партией… перед Народом…

Бабаков скатился с постели и упал на колени рядом с ней.

Он подполз к комоду. Слабыми руками нащупал лекарство.

Трясясь, открутил крышку пузырька.

«Лучше принять сразу три!»

Бабаков проглотил таблетки, перекатился на спину.

«…Это пройдет, это пройдет. Еще минута — и я вызову слугу».

Он снова пополз, направляясь к шнуру. Тяжело навалился на него, а потом снова упал на пол.

«Как долго! — поразился он вечность спустя. — Как долго?»

Наконец он поднялся и, спотыкаясь, подошел к двери. Надолго привалился к ней.

Потом открыл ее и подошел к лестнице. Покачиваясь, посмотрел вниз. И лишь тогда заметил на пижаме высохшую кровь.

Бабаков ощупал горло. Оно было онемевшим, как при анестезии, и его легонько покалывало, как после большой дозы новокаина.

Опираясь на массивные перила, Бабаков начал спускаться, по одной ступеньке за раз.

«Нет! — думал он. — Мы уничтожили вас вместе с Пасхой и Рождеством, вместе с крепостничеством и ведьмовством. Мы убили вас вместе с жирной свиноглазой буржуазией и тощими извращенными аристократишками. Мы вогнали кол в ваше нечестивое сердце, когда раскрасили стены их мозгами, — вы мертвы! Да вы никогда и не жили — только в россказнях старух, только в наивном воображении детишек! Вас не существует!»

Бабаков, шатаясь, прошел по коридору, подавляя стремление желудка вывернуться наизнанку. Достигнув двери в библиотеку, он царапался и скребся в нее, пока она не распахнулась внутрь.

Тогда Бабаков снова упал и остался лежать на полу, задыхаясь.

* * *

Клементович разглядывал его сквозь сложенные башенным шпилем пальцы, но не вставал из-за стола.

— Я болен! — прохрипел Бабаков. — Пожалуйста! Меня нужно отвезти в Спленобу на переливание крови. Я не сделал его в срок!

— Не удивительно, — ответил барон. — Вы очень больны. Я, разумеется, умираю. И поэтому, боюсь, ничем не могу вам помочь.

Бабаков воззрился на него налитыми кровью глазами.

— …Умираете? Что с вами?

— Скажите мне, что с вами, — отозвался Клементович, — и, возможно, я сумею ответить на ваш вопрос.

— У меня лейкемия, — ответил Бабаков, подползая к креслу. — Мне нужно очередное переливание… срочно!

— Лейкемия — это болезнь крови?

— Да, рак крови.

Клементович встал, наполнил бокал.

— Выпейте коньяка.

— Не знаю, стоит ли.

— Давайте. Это будет ваш последний бокал.

Бабаков проглотил карамельное пламя, и его желудок ожил.

— У вас скверная кровь, Бабаков, — проговорил барон. — Скверная! Она нечиста, и она отравила меня.

Он снова сел, уставившись куда-то вдаль.

— В каком-то смысле это к лучшему, — сказал он после долгого молчания. — Если все люди, обретая свободу, становятся подобными вам, значит, мое время миновало. Когда человек теряет вкус человека, когда моя единственная добыча становится хуже лесных тварей, — продолжил он, — это значит, мое время тоже пришло.

Бабаков пытался не потерять сознание. Он совершил ошибку, согласившись выпить.

— Мне жаль мир людей, — продолжал Клементович. — Я не принадлежу ему, но я жил в нем. Вскоре над этим миром взойдет солнце, и я буду сидеть здесь, чтобы поприветствовать его. Это будет первый рассвет, который я увижу за многие века, — и последний. Но если это солнце будет освещать только людей вашей крови — значит, им лучше вымереть прямо сейчас, — провозгласил он. — Я надеюсь, что ваши Энгельсы и ваши Ленины никогда не заменят религию, которую я ненавижу, и суеверия, которые меня кормили.

У вас, Бабаковых, на руках больше крови, чем я когда-либо выпил. Истребляя богов света, вы истребляете также и Народ Тьмы. За нас отомстят!

Бабаков попытался закричать, но горло у него было как деревянное. Туман застелил ему глаза, и издалека донесся голос Клементовича:

— Увидимся в аду, комиссар.

Слово Желязны

Впоследствии Желязны называл рассказ «Дневная кровь» «своим скромным вкладом в канон историй о живых мертвецах» [37], судя по всему, забыв об этом раннем рассказе. После его публикации в журнал пришло письмо, где говорилось о том, что рассказ «особенно замечателен, поскольку берет чрезмерно знакомую, истертую за давностью тему и делает из нее что-то вполне новое. Очень хорошая работа» [38].

Примечания

В марксистской теории словом **«пролетариат»** обозначается рабочий класс, особенно те люди,

---

[37] Примечания: 37
«Мороз и пламя» (*Frost & Fire)*, William Morrow, 1989 г.

[38] Примечания: 38
Amazing, апрель 1963 г.

которые зарабатывают себе на жизнь физическим трудом. **Sobranie** — дорогие европейские сигареты; одна из их самых престижных разновидностей называется Black Russian. **Фридрих Энгельс** — немецкий социолог и философ, разработавший коммунистическую теорию вместе со своим широко известным соавтором, Карлом Марксом. **Ленин** — псевдоним Владимира Ильича Ульянова, русского революционера, возглавившего Октябрьскую революцию и ставшего первым главой Советского Союза и основным теоретиком ленинизма, варианта марксизма. **Марсель Пруст** — французский писатель, эссеист и критик, прежде всего известный циклом «В поисках утраченного времени». **Франц Кафка** — австрийский писатель, создавший ряд влиятельных сюрреалистических произведений, в том числе «Процесс» и «Приговор». **Уильям Фолкнер** — американский писатель, активно использовавший такие литературные приемы, как символизм, аллегория, поток сознания, и множественность рассказчиков и точек зрения; среди его работ — «Когда я умирала» и «Шум и ярость».

Коньяк — разновидность бренди, названная в честь французского города Коньяк. **«Хайн»** — марка коньяка. **Карл Маркс** — немецкий фи-

лософ, изложивший свои теории о капитализме, социализме, коммунизме и экономике в работе «Манифест Коммунистической партии». **Буржуазия** — социальный класс, существующий за счет доходов от собственности и противостоящий пролетариату в марксистской теории.

Последняя вечеря

Fantastic, февраль 1963 г.

Его кисть лизнула меня, точно кошачий язык, очертила мне щеки, затемнила бороду.

Он коснулся моих глаз, и они отверзлись. Сначала левый, потом правый. Мгновенно.

Тумана внезапного пробуждения не было. Я глядел в его собственные темные глаза, изучавшие мое лицо. Он держал кисть деликатно, как перышко, и ноготь его был палитрой цветов.

Он стоял, созерцая меня.

— Да! — выдохнул он наконец. — Они *уместны*! Морщинки вины, стыда, ужаса — точно стрелы, летящие к мишеням глаз!

— И все же они глядят на свет, — продолжил он, — неколебимые! Со всей надменностью и болью Люцифера. Они не опустятся, когда он окунет свой хлеб…

— В бороду нужно добавить красного, — добавил он.

— Чуть-чуть, — сказал я.

Он прищурился.

— Но чуть-чуть.

Он легонько подул мне на лицо и укрыл меня тканью.

«Через пятнадцать минут мне работать над портретом, — подумал он. — Надо остановиться».

Он расхаживал по комнате. Я почувствовал, как он зажигает сигарету.

«В десять придет Миньон».

— Придет Миньон, — сказал я.

«Да. Я покажу тебя ей. Она любит разглядывать картины, а мне никогда прежде не удавалось написать ничего настолько сильного. Она не верит, что я на это способен. Я ей докажу. Конечно, она не разбирается в искусстве…»

— Да.

* * *

Я услышал стук в дверь. Он впустил ее. Я ощутил его возбуждение.

— Ты всегда приходишь вовремя, — сказал он.

Она рассмеялась — точно зазвонили дорогие часы.

— И буду приходить, — повторила она, — до тех пор, пока ты его не закончишь и я не смогу его увидеть. Жду не дож-дусь.

«Она уже заготовила портретную улыбку, — размышлял он, вешая ее пальто на вешалку. — Теперь она сидит в черном кресле. Черном, как ее волосы. Зеленый твид и серебряная брошь. Почему не бриллианты? Они у нее есть».

— Почему не бриллианты? — спросил я.

— Почему не бриллианты?

— Что?.. О, моя брошь? — Она коснулась ее, опустив взгляд на юную грудь. — Ты ведь еще досюда не дошел? Я позирую для портрета на каминную полку, а не для статьи о фамильном богатстве. Поэтому предпочла надеть что-то попроще.

«Она снова улыбается. Не потешается ли она надо мной?»

— А что ты накрыл тканью?

Она подошла к холсту.

— О, — сказал он. Счастливый. Предвкушающий. — Ничего особенного.

— Покажи мне.

— Ну ладно.

Зашуршала ткань, и я взглянул на нее.

— Боже! — воскликнула она. — «Тайная вечеря» Питера Холси!.. Но как же она хороша.

Она отошла подальше, не отрывая взгляда.

— Он выглядит так, словно готов вот-вот сойти с холста и предать Его снова.

— Так и есть, — скромно ответил я.

— Скорее всего, так и есть, — заметил Питер. — Он особенный.

— Да, — решила она. — Я никогда раньше не видела такого сочетания цветов. Глубина, текстура… он очень необычен.

— Так и должно быть, — ответил он. — Он ведь сошел со звезд.

— Со звезд? — озадаченно переспросила она. — В смысле?

— Я добыл пигмент для него из метеорита, который нашел этим летом. Его краснота сразу привлекла мое внимание, и он был достаточно маленьким, чтобы уместиться в багажник.

Она изучила образующие меня мазки.

— Удивительно, как быстро ты написал такую хорошую картину.

— Да нет, я работал над ней уже давно, — сказал он. — Все пытался понять, как правильно его сделать. Тот красный камень дал мне подсказку, в ту же самую неделю, когда ты начала мне позировать. Как только я приступил к делу, он практически написал себя сам.

— Судя по его лицу, он всем этим наслаждается, — рассмеялась она.

— Я совершенно не возражаю…

— Не думаю, что он возражает.

— ...ибо я есть органический подменыш, подброшенный вместо камня, который боги забрали себе как подставку для ног.

— Кто знает, откуда он взялся?

Он матадорским движением набросил на меня ткань.

— Приступим?

— Да.

Она вернулась в кресло.

* * *

Чуть погодя он попытался прочитать выражение ее неподвижных глаз.

— Возьми ее. Она не против.

Он отложил кисть, посмотрел на нее, на свою работу, на нее.

Снова взял кисть.

— Ну же. Разве тебе есть что терять? И только подумай о том, что ты получишь. Вместо этого серебра на ее груди могли быть бриллианты. Думай о ее груди, думай о бриллиантах.

Он отложил кисть.

— В чем дело?

— Я вдруг устал. Одна сигаретка — и я буду готов продолжить.

Она встала, потянулась, подняв руки над головой.

— Хочешь, я сварю кофе?

Он поднял взгляд, посмотрел на свою дешевую плиту.

— Нет, не нужно. Сигарету?

— Спасибо.

Его рука дрожала.

«Она подумает, что это от утомления».

— У тебя рука дрожит.

— От усталости, наверное.

Она села на стоявшую в студии кровать. Он сел рядом с ней, медленно, наполовину откинувшись.

— Жарко здесь.

— Да.

Он взял ее за руку.

— Ты тоже дрожишь.

— Нервы. Delirium tremens. Кто знает?

Он поднял ее руку к своим губам.

— Я люблю тебя.

Ее глаза расширились, а губы приоткрылись от испуга.

— …а твои зубы прекрасны.

Он обнял ее.

— О, перестань!..

Он решительно поцеловал ее.

— Не надо. Если ты не серьезно…

— Я серьезен, — сказал он. — Я серьезен.

— Ты чудесный, — вздохнула она, — и твои картины тоже. Я всегда чувствовала… Но…

Он вновь поцеловал ее, а потом привлек к себе.

— Миньон.

— …

* * *

Питер Холси стоял на балконе, устремляя взгляд поверх ландшафтного сада с его неоклассическими тропинками, пейзажностью, красотой в духе восемнадцатого века, в сторону перил, утесов и длинного, крутого спуска к Заливу.

— Самое то, — сказал он и вернулся в свой номер.

— Самое то, — повторил я.

Я висел на боковой стене. Он остановился передо мной.

— Чему ухмыляешься, старый ублюдок?

— Ничему.

Справа из спальни вышла Бланш, приглаживая свой пышный нимб закатно-розового цвета.

— Ты что-то сказал, милый?

— Да. Но не тебе.

Она подняла взгляд, ткнула в мою сторону большим пальцем.

— Ему?

— Да. Он — единственная моя приличная работа, и мы хорошо уживаемся.

Она содрогнулась.

— Он даже немного на тебя похож — только злее.

Он обернулся.

— Тебе правда так кажется?

— Ага. Особенно глаза.

— Убирайся отсюда, — велел он.

— Что случилось?

— Ничего. — Он взял себя в руки. — Но скоро вернется моя жена.

— Ну ладно, папочка. Когда мы снова увидимся?

— Я тебе позвоню.

— Хорошо.

Шелест черных юбок — и она исчезла.

Питер не стал провожать ее до двери. Только не такую, как она. Он еще немного поизучал меня, а потом пересек комнату и вгляделся в зеркало.

— Хм-м, — заключил он. — А ведь сходство *и правда* есть — шутка подсознания, должно быть.

— Конечно, — поддакнул я.

Питер вернулся на балкон, засунув руки в карманы шелкового халата.

Он вновь смотрел на океан.

— Mater Oceana, — воззвал он. — Я счастлив и несчастен. Забери… Забери мое несчастье.

— В чем же оно заключается?

Он мне не ответил, но я знал.

Снаружи послышались шаги Миньон. Дверь распахнулась. Я знал.

Он вернулся в комнату, посмотрел на нее.

— Боже, как ты свежа. Зачем тебе все эти салоны красоты?

— Чтобы оставаться такой для тебя, дорогой. Я не хотела бы, чтобы ты потерял ко мне интерес через пару месяцев.

— Это маловероятно.

Он обнял ее.

«Ненавижу тебя, богатенькая ты сука! Ты думаешь, что можешь теперь распоряжаться моей жизнью, потому что оплачиваешь счета. А ведь ты эти деньги даже не заработала. Это сделал твой папашка… Ну давай, спроси, работал ли я сегодня».

Она неохотно отстранилась.

— Ты рисовал сегодня что-нибудь, милый?

«Нет, я кувыркался в кровати с блондиночкой».

— Нет, у меня была мигрень.

— Ох, какая жалость. А теперь она прошла?

— Нет, так и осталась. — «Это ты!»

— Что насчет сегодняшнего вечера?

— А что насчет сегодняшнего вечера?

— Как там назывался тот французский ресторан, мимо которого мы вчера проходили?

— «Ле Буа».

— Я подумала, что тебе, возможно, захочется его опробовать. Во всех остальных мы уже ужинали.

— Нет, не сегодня.

— Тогда где?

— Может, здесь?

У нее сделалось встревоженное лицо.

— Тогда мне придется позвонить вниз.

«Готов поспорить, ты даже готовить не умеешь. У меня не было даже шанса это выяснить!»

— Хорошо.

— Ты *уверен*, что не хочешь прогуляться?

— Да, уверен.

Ее лицо просветлело.

— Они поставят столик в саду и привезут еду на тележках — для особых гостей.

— Зачем такие сложности?

— Мама рассказывала, что они с папой так ужинали, когда проводили здесь медовый месяц. Я давно хотела это предложить.

— Почему бы и нет? — пожал плечами он.

* * *

Миньон посмотрела на часы. Подняла руку, поколебалась и постучала в дверь спальни.

— Ты что, еще не оделся?

— Уже почти.

«Почему бы тебе не сдохнуть и не оставить меня в покое? Может быть, тогда я снова смогу рисовать. Ты не способна по-настоящему оценить мое искусство — какое угодно искусство! Или хоть что-нибудь еще… Эстетка липовая! Ради чего тебе приходилось трудиться? Сдохни! Чтобы я смог получить наследство… и перестань меня донимать!»

— Почему бы и не сегодня? — спросил я.

— Может быть… — задумался он.

— Вы счастливая пара — молодожены. Подозрений не будет. Задержи ее там допоздна. Накачай галлонами шампанского. Потанцуй с ней. Когда официанты уйдут, когда свет фонарей померкнет, когда останетесь только вы, музыка, шампанское и темнота — когда она станет слишком много

смеяться, когда начнет спотыкаться в танце… — И я закончил: — Тогда придет время перил.

В дверь снова постучали.

— Готов?

Питер Холси поправил галстук.

— Иду, дорогая.

* * *

«Боже! Сколько же она способна выпить? Этак я первый под столом окажусь!»

— Еще шампанского, дорогая?

— Только капельку.

Он наполнил бокал до краев.

— В бутылке немного осталось. Почему бы ее не прикончить.

— Ты почти не пил, — упрекнула она.

— Меня на таком не растили.

Горели только свечи. Шпалеры и островки цвета укутались непроницаемыми плащами. За пределами дрожащего нимба царила глубокая, чернильная темнота. Из скрытого динамика лились кружащие, вихрящиеся вальсы Штрауса — но степенно, приглушенно, sotto voce и не приближаясь к столу. Ароматы невидимых цветов умирали, расплетаясь, в холодильнике ночи.

Он посмотрел на нее.

— Ты не замерзла?

— Нет! Давай проведем здесь всю ночь. Это чудесно!

Он прищурился на часы. Время было позднее.

«Нужно выпить, успокоить нервы».

Он залпом проглотил кислый огонь. Точно снежинки, взмывающие в желтое небо, его холодные драгоценности ударили в голову Питера.

— Время пришло.

Он склонился вперед и задул свечи.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы побыть с тобой наедине в темноте.

Она хихикнула.

Он отыскал ее и обнял.

— Поцелуй ее… вот так.

Он поднял ее на ноги, с трудом расцепил ее руки. Но в конце концов подвел, приобняв за талию, к белым перилам.

— Как прекрасен океан, когда нет луны, — хрипло проговорила она. — Кажется, Ван Гог как-то раз написал ночной вид Сены…

Он ударил ее под колени левой рукой. Она повалилась вперед, и он попытался ее поймать. Она ударилась головой о каменную плиту. Он выругался.

— Не важно. Все равно она будет вся в ссадинах,

когда ее найдут.

Она тихо застонала, когда он поднял ее теплую неподвижность.

Он наклонился вперед, с силой толкнул ее и спихнул за перила.

Он услышал только первый удар ее тела о камни, все прочие звуки падения скрыл «Голубой Дунай».

— Спокойной ночи, Миньон.

— Спокойной ночи, Миньон.

* * *

— Это было ужасно, — сказал он полицейскому. — Я знаю, я пьян и плохо ворочаю языком… поэтому я и не сумел ее спасти. Нам было так весело, мы танцевали и все такое. Ей захотелось взглянуть на океан, потом я вернулся к столику долить вина. Я услышал крик, и…

Он закрыл лицо руками, изобразил всхлип.

— …ее уже не было!

Он сотрясся.

— …а ведь нам было так хорошо!

— Успокойтесь, мистер Холси. — Полицейский положил руку ему на плечо. — Портье говорит, что у него есть успокоительное. Примите его и ложитесь спать. Это лучшее, что вы можете сейчас

сделать, честно. Ваши показания будут стоить немного, хоть я и понимаю, что случилось. Я напишу отчет утром. Береговая охрана вывела на воду катер, — продолжил он. — Завтра вам придется посетить морг. Но сейчас просто поспите.

— Нам было так хорошо, — повторил Питер Холси, на нетвердых ногах подходя к лифту.

Внутри он зажег сигарету.

* * *

Он отпер дверь и включил свет.

Номер преобразился.

Его разбили на маленькие альковы с помощью поспешно возведенных перегородок. Из прежней мебели остались лишь несколько стульев и маленький столик.

На столике стояла афиша.

Рядом с ней лежала кожаная записная книжка. Он открыл ее, уронив сигарету на пол. И прочел…

Он прочел имена критиков, кураторов галерей, музейных оценщиков, коллекционеров, лидеров мнений.

Это был список приглашенных.

От ковра, извиваясь, поднималась струйка дыма. Он машинально затоптал сигарету. Он

читал афишу.

«Выставка Питера Холси, — говорилось на ней. — Организована миссис Питер Холси, в честь Двух Самых Счастливых Месяцев в Ее Жизни. С 1:00 до 14:00. Пятница, суббота, воскресенье».

* * *

Он переходил от ниши к нише, и его глаза наделяли новыми красками все работы, когда-либо вышедшие из-под его рук.

Его акварели. Его эксперимент в области кубизма. Его портреты.

Она отыскала их все, купила или одолжила их все.

«Портрет Миньон».

Он смотрел на ее улыбку, и ее волосы, черные, как кресло; на ее зеленый твидовый костюм; на серебряную брошь, которая могла бы быть алмазной.

— … — сказала она.

Ничего.

Она была мертва.

А напротив нее, созерцая ее улыбку, с кроваво-красной бородой и хлебом в руке, посреди благолепных лиц святош, с нимбом, точно так же отлитым из серебра, улыбался в ответ я.

— Поздравляю. Чек скоро прибудет.

«Где мой шпатель?»

— Да перестань! Нечего корчить из себя Дориана Грея, ладно?

«Где хоть что-нибудь острое?»

— К чему это? Ты сам написал меня таким, каков я есть. Ты мог с той же легкостью пустить этот пигмент на кого-то еще… На него, например, или вот на него… Но твоим вдохновением был я. Я! Мы черпали жизнь друг из друга, из твоего отчаяния. Разве мы — не шедевр?

— Нет! — воскликнул он, вновь закрыв лицо руками. — Нет!

— Прими таблетки и ложись спать.

— Нет!

— Да.

— Она хотела для меня величия. Она пыталась купить его для меня. Но она *хотела* для меня величия…

— Конечно. Она любила тебя.

— Я не знал. Я убил ее…

— Разве так поступают не все?.. Это снова Уайльд, если ты не в курсе.

— Заткнись! Перестань на меня пялиться!

— Не могу. Я — это ты.

— Я тебя уничтожу.

— Это будет непросто.

– *Ты* уничтожил меня!

— Ха! А кто ее столкнул?

— Убирайся отсюда! Пожалуйста!

— И пропустить мою выставку?

— Пожалуйста.

— Спокойной ночи, Питер Холси.

Я следил за ним, тенью среди теней. Он не спотыкался. Он двигался, точно машина, точно лунатик. Уверенно. Решительно. Без колебаний.

* * *

Миновало десять часов, и взошло солнце. Уже скоро я услышу в коридоре их шаги. Интеллектуалов, выдающихся людей: Беренсонов, Дювинов…

Они остановятся у двери. Они постучат, вежливо.

А чуть погодя попробуют открыть дверь.

Она отворится, и они войдут.

Собственно говоря, они уже приближаются.

Их взору предстанут глаза, бесслезные окна пропитанной грехом души…

Они остановились снаружи.

Они увидят морщинки вины, стыда, ужаса и раскаяния — точно стрелы, летящие к мишеням глаз…

Стук в дверь.

…И все же они глядят на свет — неколебимые! Они не опустятся!

Ручка поворачивается.

— Входите, милорды, входите! Вас ждет великое искусство!.. Узрите своими глазами истерзанную душу — с нимбом, отлитым из страховых исков, из гордыни — узрите преданного предателя!

— Входите! Взгляните на мой шедевр, господа мои, вот он, висит у стены.

И наши зубы, навечно застывшие в полуоскале.

Примечания

Этот рассказ отсылает к поэме Оскара Уайльда «Баллада Редингской тюрьмы» — «Любимых убивают все» — и его же единственному роману, истории фаустовской сделки «Портрет Дориана Грея». Роман повествует о прекрасном юноше по имени Дориан Грей, позировавшем для портрета художнику Бэзилу Холлуорду. Поняв, что со временем его красота угаснет, Дориан желает, чтобы вместо него старился его портрет, и это желание сбывается. Его жизнь тонет в разврате, и вместе с признаками старения на портрете отражаются приметы каждого греха.

Люцифер входил в число архангелов, пока его не изгнали из Рая за гордыню и неподчинение. Слова **«и предаст Его снова»** означают, что на портрете изображен Иуда Искариот, один из двенадцати апостолов, предавший Иисуса Христа. **Mater Oceana** означает «мать-океан». **Sotto voce** означает «говорить шепотом или приглушенным голосом». **Винсент Ван Гог** написал свыше двухсот пейзажей с изображением реки Сены, и некоторые из них были ночными. В начале двадцатого века **Бернард Беренсон** был широко известным историком искусства, специализировавшимся на «старых мастерах», а **Джозеф Дювин**, 1-й барон Дювин, — влиятельным торговцем произведениями искусства.

Примечание переводчика

Оригинальное название рассказа — Final Dining — сочетает в себе два смысла. В дословном переводе оно означает «Последний ужин» и напрямую отсылает к описанным в рассказе событиям. Однако «final dining» — это еще и синоним словосочетания «The Last Supper», «Тайная вечеря».

Кисть Борджиа

Amazing Stories, март 1963 г.

Меняла навестил город в день смерти кузнеца. Мальчик в тот день гулял в холмах над Браунау, изучая влажную листву и отступающие тучи, и не знал об этом визите до самого вечера.

Когда Фриц, его лучший друг, рассказал ему, мальчик взглянул на свою иссохшую правую руку, и огромные слезы застелили ему глаза.

— Я упустил его! Теперь я никогда не стану мужчиной!

— Чепуха! — засмеялся Фриц. — Это ведь просто сказка. Не можешь же ты и правда в нее верить!

— Сегодня шел дождь — а у кузнеца были сильные мускулы. Я упустил его!

Фриц отвернулся, чтобы не видеть лица друга.

— Его похоронили раньше, чем он остыл. Тело никому не показали… но ведь не может быть, чтобы эта сказка была правдой…

— А его вдова не бегала в банк?

— Да, у нее были какие-то дела по поводу его наследства. Но…

— Куда он ушел?

Фриц указал на дорогу.

— Когда?

— Часов пять или шесть прошло.

Мальчик бросился домой за своими сбережениями.

* * *

Темный мешок менялы прикорнул, как животное, у подножия раскидистого дуба. Человек в мягкой шляпе и буром плаще сидел на камне с трубкой в руке. Он смотрел на оставшуюся позади тропу, по которой, с трудом огибая камни и корни, приближался мальчик.

— Добрый вечер, дедушка, — пропыхтел мальчик, плюхнувшись на землю.

— Добрый вечер, мальчик, — улыбнулся меняла. — Но я тебе не дедушка, как и кому бы то ни было еще.

— Я знаю, — выдохнул мальчик. — Я знаю, кто вы.

— Вот как? — Меняла набил трубку свежим табаком и снова зажег ее. — Тогда попробуй назвать мое имя.

Мальчик вздохнул, растирая правую руку левой.

— У вас больше имен, чем листьев на этом дереве. Но сначала я попробую назвать имя Агасфера, предвестника гроз, и принца Картафила, возлюбленного многих, потом Исаака Лакедема, менялы…

— Достаточно! — сказал меняла. — Не повторяй их все в моем присутствии, это может оказаться фатальным.

Он с интересом осмотрел мальчика.

— У имен есть определенные качества — твое, например, слишком длинное. Однажды ты возьмешь себе другое.

— Я не для того за вами бежал, чтобы говорить об именах, — сказал мальчик, — а своего вообще не называл. Я пришел заключить сделку.

Меняла бросил взгляд на свой мешок.

— Кастрюли, горшки, нитки, иголки?

Мальчик рассмеялся, замотал головой.

— У кузнеца были сильные мышцы. Что вы купили, его бицепсы?

— А с чего ты взял, что я промышляю анатомией?

— Старые истории, — начал мальчик. — Не может быть, чтобы все они были выдумкой. Когда Исаак был проклят вечно блуждать по земле, его наделили вечной жизнью, но не вечной мо-

лодостью. За долгие века он освоил искусство пересадки свежих мышц, органов и костей, чтобы заменять ими свои, стареющие. Я знаю, что лежит в вашем мешке! — Он дернул головой в сторону дуба. — Иногда вы заключаете сделки со смертными и продаете кому-нибудь новую ногу, могучую руку, зрячий глаз или новую кисть…

— Понимаю, — сказал меняла. — А зачем тебе новая кисть?

* * *

Мальчик долго смотрел на свои бесполезные пальцы.

— Разве вам нужно задавать этот вопрос? Я не могу пользоваться своей и хочу такую, которая будет работать.

— Должно быть, ты хочешь, чтобы у нее было сильное запястье фехтовальщика, чтобы сражаться на дуэлях в университетах?

Мальчик покачал головой. Он встал.

— Нет, о бессмертный, я не хочу сражаться на дуэлях. Не знаю, Богу вы служите или дьяволу, но я заплачу вам столько, сколько вы попросите, за кисть, которая сможет подняться так высоко и все равно работать. — Он ткнул левым указательным пальцем в точку у себя над головой. — Приделай-

те такую кисть к этому запястью, — указал он, — и я отдам вам душу, если такова будет ваша цена.

— Не торопись так расставаться со своей душой, мальчик, — сказал меняла.

Он подошел к подножию дуба; его лицо скрывали вечер и дым из трубки.

— У меня есть с собой кисть, вписавшая в историю немало страниц.

Он потянул завязки, и мешок неожиданно зевнул, как разбуженная змея.

— Что ты сделаешь, если у тебя появится новая кисть, которую ты сможешь поднять так высоко? — Он вскинул над головой собственную руку.

— Я нарисую, — сказал мальчик, — мой город, деревья, людей, закаты, рассветы… Я сделаю их своими! На холсте.

— Достаточно, — прервал его меняла. — Я вижу, что ты вырастешь художником. — Он погрузил руку в мешок, и мальчику показалось, что он заметил в темной пасти какое-то неестественное мерцание. А потом меняла извлек оттуда…

Кисть!

Правую кисть. Розовую. С ровным срезом у запястья, как будто ее только что отделили от предплечья, хотя кровь из нее не текла. Малень-

кую, сильную кисть.

Мальчик ахнул, а потом убежал за широкий ствол дуба, где его стошнило.

Выйдя обратно на поляну, он слабым голосом спросил:

— Вы правда можете приделать ее к моей руке?

— Конечно, если ты этого хочешь.

— Разумеется, хочу! Как я могу этого не хотеть?

— Некоторые люди, — проговорил меняла, — настолько полны жизни, что их невероятная воля, их целеустремленность пропитывает каждый атом их тела. Я давно гадал, может ли эта сила передаться другому. Эта кисть, — он помахал ей в воздухе, — принадлежала Чезаре Борджиа. Он был художником, это правда. Но не только. Я украл ее в день его смерти, чтобы провести эксперимент. Много лет назад, странствуя по Корсике, я отдал ее мальчику, страдавшему от болезни, подобной твоей. Тебе известно его имя. Мне кажется, даже он немного боялся этой кисти — ведь он почти всегда ее прятал. Мне пришлось сплавать на остров Святой Елены, чтобы ее вернуть, но я так ничего и не доказал. Одного опыта недостаточно.

— Я не боюсь этой кисти, — сказал мальчик, — и

я стану даже более великим художником в своем деле, чем Бонапарт был в своем. Сколько ты за нее хочешь?

— Она ничего мне не стоила. Я отдам ее тебе бесплатно, поскольку ты знаешь ее историю и не боишься.

Мальчик закатал рукав и улыбнулся.

— По рукам. Приживляйте ее.

Меняла рассмеялся, ухватил протянутую ему бесполезную руку.

— Много времени это не займет, — пообещал он, — и однажды я вернусь в землю Лютера и Гете, чтобы увидеть, как ты ее поднял.

— Высоко! — воскликнул мальчик, сверкая глазами.

Примечания

Борджиа — могущественное итальянское семейство испанского происхождения, в конце пятнадцатого века прославившееся своей преступной деятельностью, а также тем, что поставляло Риму новых пап. **Чезаре Борджиа** был сыном папы Александра VI (Родриго Борджиа) и братом Лукреции и Джованни. По слухам, он убил своего брата и в целом имел репутацию безжалостного убийцы. Он стал архиепископом,

а позднее кардиналом Валенсии.

Если более ранние намеки остались незамеченными, смысл рассказа может стать ясен, как только читатель поймет, что последняя реплика мальчика («High!») созвучна немецкому слову «хайль». Если же и этого окажется недостаточно, вспомните о том, что **Браунау-ам-Инн** — это австрийский город, в котором родился Адольф Гитлер. **Агасфер**, **Картафил** и **Исаак Лакедем** — лишь немногие из множества имен, которыми называли Вечного Жида. Легенда о Вечном Жиде рассказывает о человеке (по разным источникам, меняле, ремесленнике или привратнике Пилата), который осмеял идущего на казнь Христа и за это был проклят блуждать по земле до Второго пришествия. **«У имен есть определенные качества — твое, например, слишком длинное. Однажды ты возьмешь себе другое»** — Адольф Гитлер был незаконнорожденным и на протяжении первых 39 лет своей жизни носил фамилию матери — Шикльгрубер. **Наполеона Бонапарта** часто изображают со спрятанной под сюртуком рукой; единого мнения относительно причин этого не существует. Наполеон умер в ссылке на **острове Святой Елены**. **Мартин Лютер** — немецкий монах и церковный реформатор, вдохновивший

протестантскую Реформацию. **Иоганн Вольфганг фон Гёте** — немецкий поэт, прозаик и художник; его самым известным произведением является философская драма «Фауст», к которой неоднократно отсылал в своих работах Желязны.

И девять звездолетов ждут

Fantastic, март 1963 г.

Минус десять

Он пришел в себя.

Долгое время он не открывал глаз. Он подумал о своих руках и ногах, и они оказались на месте. Он попытался понять, кто он такой, но не сумел вспомнить.

Им овладела дрожь.

Он почувствовал, что его обнаженное тело укрыто тонкой тканью. Поток прохладного воздуха овевал лицо.

Он помотал головой. А в следующее мгновение уже стоял на ногах, и его мутило.

Он огляделся.

На столе, рядом с грязным черепом, горела свеча. Справа от нее лежал кинжал.

Он оглянулся на свою постель. Она оказалась гробом, а покрывало — саваном. Завешенные черным бархатом стены клонились к нему, драпировки тихо шелестели. На дальней стене

висело зеркало, но ему не хотелось в него заглядывать. Дверей не было.

— Ты жив, — сказал чей-то голос.

— Я знаю, — ответил он.

— Посмотрись в зеркало.

— Катись к черту.

Он прошелся по комнате, комкая драпировки и срывая их со стен, по нескольку ярдов за раз. Стоя по колено в черном бархате, он разбил зеркало.

— Подними осколок и взгляни на себя.

— Катись к черту!

— Ты знаешь, что ты увидишь?

Он схватил со стола кинжал и принялся кромсать бархат на длинные ленты.

— Ты увидишь человека, — продолжал голос, — голого, никчемного человека.

Он швырнул череп через всю комнату, и тот разбился о стену.

— Ты увидишь жалкого, ползающего на брюхе червя, безволосый зародыш, ободранную ветку ивы; ты увидишь фигляра, кривляющегося на сцене…

Он свалил разрезанный бархат в центре камеры, поджег его свечой. И затолкал стол в ярящееся пламя.

— Ты знаешь, что ты — лишь игрушка стихий,

которые желаешь подчинить себе…

Волоски на его груди увядали и скручивались. Он поднял взгляд.

— Спускайся сюда, кем бы ты ни был, — пригласил он, — и этот костер станет для тебя погребальным!

Откуда-то сверху донесся приглушенный щелчок. Голос умолк. Он подбросил кинжал к потолку, и тот ударился о металл.

И упал в огонь.

— Если я так чертовски слаб, чего ты боишься? — прокричал он. — Давай, навести меня в аду!

С потолка снизошел туман огнетушащей пены, и свеча погасла. Костер продержался на мгновение дольше, а тлеющий стол потух последним.

Распылители в стенах беззвучно всосали в себя его сознание.

Он упал на свой гроб.

— Как он, сэр?

— Зол, как обычно, — ответил Ченнинг.

Новый заместитель директора внимательно вгляделся в экран.

— Он действительно таков, как о нем говорят?

— Зависит от того, что ты слышал.

Ченнинг установил температуру в камере на

68 градусов по Фаренгейту и включил запись.

— Если ты слышал, что он потопил «Бисмарк», — продолжил он, — то это не так. Если ты слышал, что он убил Троцкого, то это не так. Его тогда еще не было на свете — но он думает, что был, и думает, что все это сделал. А вот если ты считаешь, что Новый Каир погубило стихийное бедствие или что генерал Кентон умер от пищевого отравления, — ты ошибаешься.

Новый заместитель содрогнулся и снял с крючка наушник. Он прислушался к словам, звучащим для усыпленного мужчины.

— …Ты — смерть и пагуба в человеческом обличье. Ты — молния Немезиды, привлеченная смертными громоотводами. Ты застрелил Линкольна. Ты убил Троцкого — расколол его череп, как дыню. Ты нажал на спусковой крючок в Сараево и разбил печати Апокалипсиса. Ты — отравленный клинок, обескровивший датский престол, пуля, вошедшая в Гарфилда, сталь, пронзившая Меркуцио, — и пламя мщения горит в твоей душе вечно… Ты — Виндичи, сын Смерти…

Голос все звучал и звучал, сухой, монотонный. Заместитель директора повесил наушник обратно на пульт и отвернулся от готических декораций на экране.

— Вы, ребята, в таких вещах скрупулезны, да?

Ченнинг фыркнул — возможно, это было смешком.

— Скрупулезны? — переспросил он. — Он — единственный наш полный успех. За последние девятнадцать лет на его счету больше разрушений, чем у любого цунами или землетрясения в истории.

— А зачем вся эта риторика?

— Он — персонаж пьесы.

Заместитель покачал головой и пожал плечами.

— Когда я смогу с ним поговорить?

— Дайте нам еще три дня, — ответил Ченнинг. — Время кормежки еще не прошло.

* * *

Кассиопея взирала со своего балкона на четыре новые звезды.

На другой планете, где она никогда не бывала, подобная группа называлась Южным Крестом. Однако у сиявшего над ней созвездия имени не было, а четыре точки креста когда-то вышли из пламени сотворенных человеком печей на четырех разных планетах… Это был стальной крест плавилен, и лучи его не мерцали, как звезды.

Сероглазая, она смотрела, пока они не скрылись из виду. Отвернувшись, зеленоглазая, она вошла в свои покои, с тигрино-золотыми волосами, в тигрино-черном платье.

И в ее изменчивых глазах скрывался вопрос: кто придет, чтобы уничтожить крест над Миром Тернера?

Подумав, что знает ответ, она плакала, пока не уснула.

Минус девять

Мир Стата – хмельная летучая мышь,
Чей путь – лихая кривая.
Как он не влетит в астероид – шалишь! —
Лишь Бог и статмены знают.
А кто сии строки в соседстве писал
С прохладно журчащим бачком,
И как так случилось, что он тут застрял, —
Знает один лишь Статком.

Карл Смайс, спец. помощн. д-ра Ченнинга;
личность установлена путем синтак-

сического анализа согласно Кодексу Статкома, п. 11–7

— Он уже способен мыслить здраво?

— Если вы имеете в виду, поймет ли он вас, — то да. Однако слово «здраво» тут не подходит.

— В каком смысле?

— С точки зрения психиатрии его мышление здравым не является. У него две личности — одна осознает только себя, а другая — сразу обе.

— Шизоид? — бесстрастно спросил заместитель директора.

— Нет. Неокрепелианская терминология здесь неприменима.

— С которым из них я буду разговаривать?

— С тем, который нам нужен.

— А-а.

Копошившийся в ящике стола Смайс повернулся к ним, широко улыбаясь. Он погладил лазерный пистолет размером с авторучку, а потом убрал его в нагрудный карман.

— Он вам не понадобится, — сказал заместитель директора. Он потянулся за пояс и достал компактный пистолет.

— Маленький, но смертоносный, — улыбнулся он.

— Да, я знаю, — сказал Ченнинг. — Отдайте

его мне.

— Что значит «отдайте его мне»? Я буду разговаривать с убийцей-психопатом. Я хочу иметь при себе оружие.

— Черта с два! С этой штукой вы туда не войдете!

Со своими коротко стриженными седыми волосами, сквозь которые кое-где проглядывала кожа, свиными чертами лица и приземистым крепким телосложением доктор Карол Ченнинг больше всего напоминал кабана.

Он протянул широкую ладонь.

Заместитель потупил взгляд, а потом положил в нее пистолет.

— Что ж, раз Смайс вооружен, думаю, в этом нет ничего страшного…

Ченнинг ухмыльнулся.

— Он *не ваш* телохранитель.

* * *

— Смайс! Черт бы тебя побрал! Я хочу выпить!

— Тебе завтра улетать, Виндичи. Хочешь сидеть с опухшей башкой, когда врубится гипердвижок?

— К черту г. д.! И к черту мою завтрашнюю башку! Меня сейчас заботит мой желудок! — В его

голос прокралась заискивающая нотка. — Будь другом, принеси бутылочку.

Веснушчатое лицо Смайса скривилось, а потом раскололось.

— Ладно, папаша, дело твое. До отлета ты мой подопечный, и угождать тебе — часть моих рабочих обязанностей. Держи форт, я скоро вернусь.

Смайс выскочил из номера, и Виндичи удовлетворенно отметил, что дверь он за собой не запер. Он покачал головой. Откуда взялась эта мысль? Он ведь не пленник. Он подошел к зеркалу и стал внимательно себя разглядывать.

Чуть ниже шести футов, чуть истощенный — но так всегда бывает, когда спишь в анабиозных баках, — черные волосы с проседью на висках, глаза цвета красного дерева, прямой нос, волевой подбородок.

Человек в зеркале был одет в серый пиджак дорогого покроя и голубую рубашку.

Он потер глаза. На мгновение отражение сделалось светловолосым и зеленоглазым, с более полными губами и смуглой кожей.

Виндичи поднял стакан с водой, зажав его между большим и указательным пальцами изящной правой руки. И давил на него, пока стакан не лопнул. Осколки посыпались в раковину.

Он улыбнулся в ответ своему отражению.

Позади него открылась дверь, и вошел Смайс с почти полной бутылкой земного бурбона и парой стаканов.

— Хорошо, что ты захватил лишний стакан. Я только что разбил свой.

— Да? А где он?

— В раковине. Я его уронил.

— Я уберу. Это, — нахмурился Смайс, — тоже часть моих рабочих обязанностей.

Виндичи механически улыбнулся и наполнил оба стакана. Осушил свой одним глотком и наполнил снова.

Смайс ссыпал осколки в мусороприемник.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Виндичи добавил в стакан льда и снова выпил.

— Теперь — хорошо.

Смайс вымыл руки и плюхнулся в кресло.

— Черт! Я порезался!

Виндичи усмехнулся.

— Кровь!.. — Он вздохнул и продолжил: — Самая прекрасная вещь во вселенной, укрытая в самых темных сосудах и так великолепно рдеющая, когда ее извлекают на свет.

Смайс торопливо замотал руку носовым плат-

ком.

— Ага. Как скажешь.

— К тому же… — продолжил Виндичи.

— Ты с топографией разобрался?

— Да, я там раньше жил.

— Хм. Ну…

— Да. Я ведь там жил, правда? Или это был капитан Рэмси?.. Да, конечно, Стража Тернера. Он был ее офицером.

— Верно, только с той поры много лет прошло. Я еще ребенком был.

Виндичи глотнул еще бурбона.

— И я должен кого-то убить. Я не буду знать, кого, пока не прибуду туда. Но мне хотелось убить… кого-то… еще тогда…

Он посмотрел на Смайса.

— Ты знаешь, зачем я туда лечу?

— Не-а. Я всего лишь мусорщик.

Виндичи провел ладонью перед глазами.

— Это неправда, — сказал он. — Я вижу кентавра… Выше пояса ты — человек, а ниже — конгломерат механизмов…

Смайс нервно рассмеялся.

— Девочка, что ждет меня дома, поразилась бы, услышав это, — не рассказывай ей. Но серьезно, зачем ты летишь?

Виндичи покачал головой:

— Орлы над Нюрнбергом.

— А?

— Звездолеты — боевые конхи — собираются у Мира Тернера.

Смайс пожал плечами:

— А нам-то что до того, захватят его или нет? Это, собственно говоря, вообще неплохая идея.

Темноволосый мужчина покачал головой:

— Они там не для того, чтобы его захватывать.

Смайс застыл, не донеся стакан до губ.

— О. Сколько раз мы громили Мир Тернера? — задумчиво проговорил он. — Не меньше трех за последние шестьдесят лет. Когда они уже сдадутся?

Смешок Виндичи заставил его посмотреть, не поперхнулся ли тот кубиком льда.

— С чего им сдаваться? — спросил Виндичи. — Феды никогда не санкционируют полное уничтожение Мира Тернера. Слишком много нейтралов тогда перестанут быть нейтралами. Поэтому они просто выдирают ему клыки раз в пару десятков лет. Однажды, — он улыбнулся, — дантист прибудет слишком поздно.

— А твоя роль во всем этом какова? Ты — тернеровец, ты противостоял Федерации…

— Я — дантист, — прорычал Виндичи, — и я ненавижу это место. Размещение более двух конх на расстоянии меньше пяти световых лет друг от друга — нарушение законов Федерации. У планеты их может быть максимум две.

— А у Мира Тернера нет ни одной — пункт девятый последнего договора о перемирии, — добавил Смайс, — но он может разместить у себя две.

— Их там уже четыре, — сказал Виндичи. — Шесть будут означать чрезвычайную ситуацию первого класса. Статком говорит, что их будет не меньше семи.

Смайс залпом проглотил бурбон.

Шесть конх могут уничтожить шесть планет — или захватить их. Как минимум шесть планет.

— Откуда? — спросил он.

— «Пегас» из созвездия Змееносца… «Стилет» с Брана… «Напор» с Денеба… и «Минотавр».

— Значит, «Граф Шпее» и «Кракен», возможно, уже в пути.

Виндичи кивнул.

— Так считает Статком.

— Но может ли их остановить простое убийство?

— Статком думает, что может, — но убийства никогда не бывают простыми. Возможно, мне

придется вырезать все верховное командование, кто бы в него ни входил.

Смайс поморщился.

— И ты сможешь это сделать?

Виндичи рассмеялся.

— Этот мир однажды убил меня, и это было ошибкой. Им стоило оставить меня в живых.

Позже они расправились с бутылкой и Смайс отыскал еще одну. Ему запомнилось, что, когда они сделались центром галактики, вокруг которого вращались кривобокие вселенные, он спросил:

— Почему, Виндичи? Почему ты — оружие в человеческом обличье?

На следующее утро ответ уже забылся, за исключением того, что частью его стал елизаветинский монолог, обращенный к пустой бутылке, начинавшийся словами: «Скудельница печали, страшный лик…» и пронизанный многочисленными чертыханиями, после чего Виндичи распростерся, всхлипывая, на кровати, — и Смайс не смог отыскать его, чтобы попрощаться, потому что в пять часов утра Виндичи умчался к Миру Тернера.

Но для Смайса это не имело большого значения.

Минус восемь

— Это ты?

— Да.

— Назови место.

— Стат.

— Назови время.

— Любое.

— Заходи.

Виндичи стремительно вошел и оглядел номер. Обстановка была типичной для провинциальной гостиницы и нетронутой, если не считать переполненной пепельницы.

Виндичи заглянул в стенной шкаф и маленькую ванную.

— Под кроватью тоже никого нет.

Виндичи проверил.

— Ты прав.

Он смерил взглядом худощавого мужчину с нервным тиком и слишком темными для своего невеликого количества волосами.

— Ты — Харрисон.

Тот кивнул.

— Ты — Виндичи.

Он улыбнулся.

— Я прибыл, чтобы вышвырнуть с неба эти

четыре звездочки, пока они не обзавелись щенятами. Какие новости?

— Присядь.

— Я могу слушать и стоя.

Харрисон пожал плечами. Он сел.

— Мир Тернера всегда был катализатором. Змееносцы и денебцы готовы. Восьмой рейх подгонит две конхи к сегодняшней ночи. Они не доверяют друг другу, но согласились, что командовать будет герцог Ричард…

— Ричард! — Виндичи шагнул вперед и вскинул руки.

Харрисон смотрел ему в глаза, неподвижный, если не считать левого уголка губ, трепетавшего, точно крыло мотылька.

Наконец он кивнул.

— Ричард де Терн. Он стар, но все еще свиреп и хитер.

Виндичи сплюнул на ковер и растоптал слюну. Медленная метаморфоза начала преображать его угрюмое лицо.

Скулы опустились, а губы начали набухать, проседь на висках пожелтела.

— Твои глаза! — воскликнул Харрисон. — Они меняют цвет, Виндичи!

Тот сбросил куртку, сделавшуюся слишком

тесной в плечах. Зашвырнул ее в другой конец комнаты.

— Кто такой Виндичи? — спросил он.

* * *

Пятьдесят кубических миль стали и пластика, подобные квотербеку, бегущему по разбитому полю, — Стат.

Сталь, танцующая посреди каменной метели, и ее никогда не ошибающийся пилот — Статком.

Статком, высчитывающий возможные варианты будущего и способы их предотвращения. Стата не существовало, ведь Статком опроверг все слухи о себе еще два поколения назад.

У федов не было иного оружия против чрезвычайных ситуаций первого класса, кроме дипломатии или военной силы — так сказал Статком.

Ченнинг нашел Смайса в хранилище запрещенного оружия, любовно изучающим траншейный нож 1917 года.

— Он на месте, — сказал Ченнинг.

Рыжеволосый дылда вернул нож на стеллаж.

— Зачем вы мне об этом говорите?

— Подумал, что вам это может быть интересно.

— Он уже встретился с Харрисоном?

— Должен был.

— Хорошо. Благодаря вашим трудам теперь он капитан Рэмси, а в настоящий момент это даже лучше, чем Виндичи.

— Сэр?

Долгая тишина висела, пока Смайс разглядывал нож.

— Статком сказал, что вы догадаетесь сегодня, раньше или позже. Но точный час не обозначил.

— Знаю. Я у него об этом спросил, когда сообразил.

— Поздравляю, вы только что выиграли бесплатную промывку мозгов и полностью оплаченный перелет домой.

— Вот и славно, я ненавижу это место.

— Когда вы узнали?

— Я уже давно заподозрил, что вы — Директор. Вы всегда громче всех жаловались на здешние условия. Но вы выдали себя, когда заставили Статком отменить звуковую терапию и порекомендовать, чтобы Виндичи напился вместе с вами. Вас всегда зачаровывало оружие.

— В будущем нужно будет это учесть, — рассмеялся Смайс, — и заставить Статком высчитать периодичность моих жалоб. Впрочем, вы всегда

были проницательны в том, что касается разумов — хоть человеческих, хоть механических.

— А вы к каким относитесь?

— Я — часть Стата, — ответил Смайс, — и я пишу историю прежде, чем она случится, в книге, которую никто и никогда не сможет прочитать, чтобы потом рассказать об этом, — книге, автор которой неизвестен.

— Вы безумны, — сказал Ченнинг.

— Разумеется. Я пьян, как Дионис, и предан своему делу, как три старухи с прялками, — и столь же всемогущ. Когда вы вернетесь в свою комнату, вас уже будут ждать врачи.

Ченнинг уставился на стеллаж с ножами.

— Я мог бы убить вас прямо сейчас, если бы у меня были чуть более веские основания. Но ваши поступки могут оказаться правильными. Я не знаю точно.

— Я знаю, — ответил Смайс, — а вы не узнаете никогда.

Плечи Ченнинга обмякли.

— Какую роль сыграет во всем этом мой несчастный самозванец?

— Самую сложную из всех, разумеется, — самого себя.

Смайс отвернулся и начал изучать гигантский

каталонский нож.

— Катитесь к черту, — прошептал Ченнинг.

Когда он покидал хранилище, ему послышался металлический смешок.

Минус семь

— И ты уверен, что он тебя не узнает? — спросил Харрисон.

— С белой бородой и лысым черепом? Я мертв, помнишь?

— Ричард еще не выжил из ума — и, скорее всего, ожидает чего-то подобного.

— Я буду работать на его сына, Ларри. Когда мы в последний раз встречались, он был младенцем. Ричард меня даже не увидит — до самого последнего момента.

Рэмси смотрел на огромный двор. Квадратная миля сочной растительности, искусственное озеро, ряд летних коттеджей и маленький зверинец.

Слуги прибирали огромный павильон после затянувшейся на всю ночь вечеринки. Траву усыпало конфетти разбитых тарелок, на ветвях деревьев красовались лоскутки ткани. Неторопливые люди с мешками для мусора далеко внизу были точно насекомые, подбиравшие все, что

попадалось им на глаза. Зеленоватое заходящее солнце гигантской оливкой балансировало на сорокафутовой стене, окружавшей поместье.

В глубине его сознания что-то сдвинулось.

— Где я был все это время? Кажется, я так давно жил в офицерских квартирах, вон там, — он показал, — за озером. Я сильно болел?

— Анабиоз, — ответил Харрисон. — Очень долгий. Для отравы, которой воспользовался Ричард, не было противоядия, поэтому твои друзья положили тебя в бак до тех пор, пока его не создали.

— Сколько я проспал?

— Девятнадцать лет.

Рэмси закрыл глаза и коснулся лба. Харрисон похлопал его по плечу.

— Не думай об этом сейчас. Твое сознание все еще оправляется от шока. Ты ведь хочешь сперва с этим покончить, да?

— Да, хочу. Ларри уже мужчина…

— А то как же — грудничок ведь сутенера нанимать не станет, верно?

Рэмси засмеялся; его глаза были цвета солнца.

— Сутенер! Как царственно! Как величественно и уместно!

Его смех сделался безумным. Он раскатился по высокому залу, отдаваясь эхом.

Харрисон громко кашлянул.

— Возможно, тебе стоит… взять себя в руки. Он скоро придет, и ты должен быть подобающе угодлив.

Рэмси посерьезнел, но улыбка продолжала играть в уголках его губ.

— Ладно. Следующие пять минут я буду думать о деньгах и сексе. А это сберегу на потом…

Его правая рука метнулась за спину и под полу пиджака.

Смазанное движение и одновременно с ним — щелчок.

Харрисон скосил глаза на выкидной нож, коснувшийся его адамова яблока. Облизал губы.

— Ты в превосходной форме… но, пожалуйста, убери его. А если Ларри войдет сюда и увидит?..

— Тогда случится вот это, — ответил Рэмси, не шевеля губами.

Нож снова исчез.

— Весьма впечатляюще. — Половину последнего слова Харрисон проглотил.

— Теперь он будет таиться до тех пор, пока не придет время пустить кровь.

Они закурили и стали ждать.

* * *

Наконец позади Рэмси открылась дверь — беззвучно. Тем не менее он обернулся, ухмыльнувшись тонколицему юноше, стоявшему на пороге.

Юноша посмотрел сквозь него на Харрисона.

— Это он?

— Он.

— Как его зовут?

— Пит.

— Пит, меня зовут Леонард де Терн, и я первый наследник этого чертова луна-парка. — Он прошел мимо них и плюхнулся в мягкое кресло с такой силой, что оно врезалось в стену. Утер мокрый лоб шелковым рукавом и скрестил ноги. Его темные глаза сосредоточились на Рэмси.

— Я хочу женщину, — объявил он.

Рэмси громко хохотнул.

— Это легко устроить.

Юноша пробежался унизанными перстнями пальцами по непослушным черным волосам. Он покачал головой:

— Нет, нелегко. Я хочу не любую женщину, а *конкретную*.

— О, особый заказ.

— Вот именно, и за ценой я не постою.

Рэмси потер химически состаренные ладони.

— Славно! Славно! Я люблю вызовы — и большие гонорары.

— Тебе хорошо заплатят.

— Превосходно! Как ее зовут?

— Кассиопея.

Серо-зеленые глаза сощурились.

— Необычное имя.

— Она человек, дочь двух мертвых полукровок, и очень красива. Ее отец был наполовину аборигеном, а мать — сиротой родом бог знает откуда. Когда такие гибриды фертильны, они производят на свет либо прекрасных детей, либо уродов — либо прекрасных уродов. Ее мать была служанкой, ее звали Глория, — закончил он, — а отец — офицером Стражи… я забыл, как его звали.

Рэмси кивнул и отвел взгляд.

— Где она живет?

— В этом городе, в высотке. Она ею владеет. Ее родители умерли одновременно, и мой отец обеспечил их дочь деньгами. Я не знаю почему.

— Дайте мне адрес, и я встречусь с ней сам.

— Хорошо. — Губы юноши изогнулись в полуулыбке, и он достал из кармана мятый конверт.

— Адрес снаружи. Внутри — деньги.

Рэмси открыл конверт и сосчитал их.

— Она, похоже, очень соблазнительна.

— Потрать столько, сколько придется, а остальное оставь себе в качестве оплаты. Она нужна мне на этой неделе — если возможно, то сегодня ночью. Я дам тебе записку, с которой ты сможешь свободно посещать эту часть дворца. Но не пытайся меня обдурить! Мир недостаточно велик, чтобы в нем можно было скрыться от Терна.

Рэмси поклонился, очень низко. Его голос дрогнул, и на мгновение в нем послышался низкий отзвук Виндичи.

— Как подобает человеку моей профессии, милорд… я еще ни разу не провалил задание.

* * *

Луна метала с небес серебряные копья. Шесть несущихся наперегонки звезд, что уворачивались от них, были трехголовым драконом с длинным хвостом.

Кассиопея отвернулась.

По лестнице в глубине ее жестоких глаз ступали тигриные лапы. *В мраморном саду Медузы спит одетый в камень Персей…*

Минус шесть

Генерал Комсток посмотрел на нос в прожилках фиолетовых вен, а потом перевел взгляд на кончик сигары Ричарда.

— Возможно, они попытаются вас убить… — начал он.

— Не «возможно», — поправил герцог. — Попытаются.

Денебец выпучил глаза.

— До вас дошли слухи?

Герцог покачал головой и передал ему недавно полученное послание.

— Не слухи, — сказал он, — а факт. Стат посылает Виндичи.

Комсток подергал себя за бородку и прочитал короткое предложение.

— Я и не знал, что Стат на самом деле существует.

— Феды хорошо потрудились, скрывая это, — достаточно хорошо, чтобы обмануть кого угодно. Но я знаю, что Стат существует, потому что я знаю, что существует Виндичи.

— Я готов поверить в Стат, — сказал Комсток, возвращая ему послание, — но не в Виндичи. Нет такого зверя, как сверхчеловек. Герои — да.

Везучие глупцы — да. Но не пытайтесь продать мне сверхчеловека.

— Это мой последний бой с Федерацией, — сказал Ричард после долгой паузы. — Победа, поражение, ничья — я умру в любом случае. Тигр здесь, в Мире Тернера, и это вопрос времени — потому что я убил его, когда он был всего лишь человеком.

— Убили?

— Убил. После чего Стат понял, что он такое, и моя неспособность сделать так, чтобы он остался мертвым, подарила им тигра. Через полтора часа они вытащили его из ада, и человек по фамилии Ченнинг создал Виндичи из того, что осталось.

— А кем он был тогда?

— Полукровкой. Настоящим фертильным полукровкой. — Он коснулся стоявшей на столе иконы святого. — Бездушным гибридом человека и аборигена Мира Тернера.

— Они, кажется, телепаты?

Ричард пожал плечами:

— Некоторые — да, у других иные способности. Но никто не знает, что человек вроде Ченнинга может сделать с разумом сломленного полукровки, — сам Ченнинг уж точно не знает.

— Доктор Карол Ченнинг, Адлер двадцать тре-

тьего века! Вы его имеете в виду?

— Разумеется. Кто, по-твоему, прислал мне это сообщение? Он нам сочувствует, но, как большинство ученых, не станет лезть из кожи вон во имя революции. В любом случае он даже не знает, где находится Стат. Все, на что он оказался способен, — прислать мне весть о том, что я умру.

— Это место охраняется, как золотохранилище федов.

— Штаб-квартира Кентона тоже так охранялась.

Комсток затушил сигарету о большой оловянный поднос.

— Поговаривали, что на самом деле он умер не от пищевого отравления. Тем не менее он рисковал.

— Мы все рискуем — когда поднимаемся по лестнице, когда едим. Тигр вполне реален, он здесь, в Сириле, и я понятия не имею, как он выглядит. Прошло уже почти девятнадцать лет с тех пор, как я его видел. А полукровки способны менять облик, — добавил он.

— А если предположить, что у него получится, — спросил Комсток, — есть ли у вас план на этот случай?

— Мой сын, Ларри, может занять мое место. Ты

обеспечишь решения, а он — фамилию Терн. Он подготовлен.

— Ну хорошо, с этим ясно. Могу я одолжить вам телохранителей?

Смешок раздвинул румяные щеки герцога.

— Когда будешь уходить, пройди через северное крыло. Задержись в главной столовой и взгляни на стену.

— А что там?

— Три слова, написанные красным мелом.

— Хорошо. Я захвачу с собой эти карты. Вернусь вечером.

— Доброго утра тебе.

Генерал отсалютовал, и Ричард ответил ему тем же. Металлические двери бесшумно разъехались. Он прошел сквозь них и вместе с телохранителями направился в северное крыло.

— Сегодня, — проговорил Ричард, — в Самарканде.

* * *

— Доброе утро, милая моя. Ты не изменилась… Здесь, в ледяных гробницах, время неподвижно… Только… Только эта зеленая отметина от поцелуя, что останавливает сердце… Глория! Я собираюсь повидаться с нашей дочерью. Ее возжелал этот

человеческий щенок Терна… Что?.. Нет, конечно же, нет. Но я должен ее увидеть. Думаю, она похожа на тебя… Он сказал, что она либо прекрасна, либо прекрасно уродлива. Говорят, какова мать, такова и дочь — а каков отец, таков и сын… Ричард убил нас, когда ты выплеснула вино ему в лицо, но я вернулся… Уничтоженная форма высвобождает хаос, хаос уничтожает другие формы… отдача! Щенок хочет ее так же, как пес хотел тебя, моя прекраснейшая из сук… Побереги свои ледяные слезы. Я пожну две души и вырву с корнем древо Тернеров!.. Нет! Дождись меня… Сохрани свою ледяную слюну для душ Тернов, когда они увидят тебя — не издали, но вблизи…

До свидания, милая моя.

Минус пять

— Пит?

— Да, милорд?

— Насколько я понимаю, мой сын нанял тебя из-за твоей… э-э… профессии.

— Верно, сэр.

— Я, как бы это сказать, довольно напряжен. Понимаешь, о чем я?

— Нет, сэр.

— Черт побери! Да ты же одного возраста со

мной! Тебе знакомо это чувство.

— Сэр?

— Проклятие! Мне нужна баба, и я хочу, чтобы мне ее обеспечили. Так достаточно ясно?

— Как день.

— Хорошо. Вот тебе кое-что за труды. Добудь мне молоденькую.

— Куда ее привести?

— Вон тот, самый дальний, летний коттедж будет пустовать. — Он показал его из окна. — Сегодня, скажем, в одиннадцать?

— Она будет там при полном параде.

— Ха! Я предпочел бы, чтобы на ней было поменьше всего.

— Обнаженная до кости, милорд?

— Не настолько. Ха!

— Я верен своей профессии, милорд.

Вместо того, чтобы подняться на лифте, он одолел девять лестничных пролетов. У ее двери он помедлил. Дверь открылась.

— О. Я не знала, что тут кто-то…

— Я как раз собирался постучаться.

— Должно быть, я услышала вас на лестнице.

— Должно быть.

Она отступила в сторону, и он вошел в квартиру, вытравливая каждую раскрашенную ширму,

каждую циновку и каждый низенький столик на металлической пластине в глубине своего сознания.

— Присядете?

— Спасибо.

Он нашарил конверт.

— Вы Кассиопея Рэмси?

— Да.

— Я посланец дома Тернов.

Она заглянула в Алькатрас его глаз. Точно сны, слова пролетали между ними, пока они смотрели друг на друга, — волны одного цвета на залитом солнцем море.

— Леонард, сын Ричарда, желает вашего присутствия в его покоях. Сегодня, если возможно.

— Вот как. И что там будет происходить?

Ничего.

— Он хочет с вами переспать.

— О. А вы — герцогский… фактотум?

И почему же ничего не случится?

— Да, и хорошо оплачиваемый. Я и вам принес немаленькую сумму. Вот она.

Он будет мертв.

— Хорошо, я приду. Во сколько?

— Допустим, в полночь.

— В полночь, — улыбнулась она.

В полночь.

Когда он ушел, моря стали цвета кьянти и вышли из берегов.

Но Персей, чья рука — айсберг, чей меч — изо льда… Солнце светит так ярко!

А потом, впервые за много лет, она рассмеялась.

* * *

Комстоковские коммандос пронизали темноту. Потяни за ниточку — и их ряды сомкнутся.

Войти может кто угодно. Уйти не сумеет ничто.

— Ал, у тебя часы есть?

— Без десяти.

Сажецветные стволы лазерных винтовок торчат из-под залитых чернилами листьев папоротника…

— Как думаешь, придет кто-нибудь?

— Не-а.

Энергопотребление снижено; коттедж тускл, тих.

— А что, если Ричард решит прогуляться?

— Постарайся, чтобы он тебя не заметил. Комсток рискует.

— Черт, да ведь у старика голова на кону! Он

должен быть благодарен.

— Приказ отдавал не он, так что заткнись.

Тьма, и статический шум насекомых…

— А кто там в коттедже?

— Не знаю. Пока оттуда никто не выходит — не важно.

— А если выйдут?

— Будем наблюдать.

Влажный ветер, смех грома…

— Ты пончо захватил?

— Ага, а ты нет, что ли?

— Черт!

Шаги.

* * *

Сквозь рваные дыры Пояса Стат всасывал невесомые величины: слова, отовсюду.

Трижды в день Статком брал тридцатисекундный отпуск от более серьезных дел и переводил все это в человекоречь — миллионы единиц человекоречи. После чего разбивал их на категории согласно важности.

Когда появился заголовок «Код V», он свалил все остальные слова в вопящие кучи на своем барабане для отложенных вопросов и вызвал к жизни лампочки цвета облизанных коричных

леденцов.

Длинный бумажный язык с треском потянулся к Смайсу. Тот отвлекся от маникюра и проткнул его пилкой для ногтей.

Подняв его, он прочел сообщение.

Улыбнувшись, он снова его уронил.

Проинформировав передний мозг о том, что Рэмси вот-вот умрет, мозжечок вернулся к пережевыванию своей жвачки.

Большой мозг сосредоточился на ногте.

* * *

— …Паралич и лихорадка, — ответил Рэмси, — вот что происходит. Кричи, если хочешь, — тебя никто не услышит.

— Мертвая. Она мертвая, — сказал Ричард.

— Конечно. Это ты ее такой сделал, девятнадцать лет назад. Помнишь?

Рэмси обнял сидящую женщину за тонкие плечи. И медленно развернул ее.

— Глория? Помнишь Глорию?

— Да. Да! Помню! У меня горло горит!

— Превосходно! Подожди, сейчас он до легких доберется!

— Кто ты? Ты не можешь быть…

— Однако это я!

Его глаза вспыхнули оранжевым, и он воздел руки над головой. Годы осыпались с него, словно листья.

— Капитан Рэмси… Виндичи!

— Да, я Рэмси, — ответил он. — Я собирался воспользоваться ножом, но так будет лучше. Ты так сильно хотел поцеловать ее минуту назад — много лет назад. Достаточно сильно, чтобы убить ее и ее мужа.

Герцог начал задыхаться.

— Умирай поскорее. Я должен вернуть ее в склеп и разделаться с еще одной работенкой.

— Только не с моим сыном! — выкашлял Ричард.

— С ним, старик — дряхлый, грязный, подлый отравитель, — и по той же причине. Ты возжелал мою жену, он — мою дочь, — и отец с сыном отправятся в ад в одной упряжке!

— Он молод! — выкрикнул герцог.

— Глория тоже была молода. И Кассиопея…

Герцог завопил, и вой его был длинным клинком с обломившимся кончиком.

Рэмси отвернулся, утирая лоб.

— Подыхай, черт бы тебя побрал! Подыхай!

— Зеленая помада, — пробормотал Ричард. — Зеленая помада…

Стены вокруг них разлетелись в щепки; Рэмси извернулся, как летучая мышь, пролетающая между лопастей вентилятора. Он ударил первого увиденного солдата ребром ладони в горло. Схватил его автомат и начал стрелять.

Трое упали.

Он перепрыгнул через труп и прошел сквозь взорванную стену, выстрелив сначала влево, а потом вправо.

Приклад автомата врезался ему в спину, и он упал на колени.

Тяжелые сапоги начали пинать его по почкам, по ребрам.

Он сжался в комок, сцепил руки на затылке.

Прежде чем все исчезло, он увидел свечу, череп, кинжал и зеркало.

* * *

— Привет, — сказала она.

— И тебе привет. Ты рано.

— Всего на несколько минут.

— Не могла дождаться, да?

— Можно и так сказать.

Он обошел ее кругом, внимательно изучая. Похлопал ее по бедрам.

— Все будет хорошо, девочка. Боже! Твои глаза!..

Я никогда раньше не видел такого цвета глаз.

— Они меняются, — сообщила она ему. — Это — цвет счастья.

Он ухмыльнулся, погладил ее по волосам, по щеке…

— Так давай же будем счастливы вместе.

Он притянул ее к себе, нащупал на спине застежку платья.

— Ты теплая, — сказал он, стягивая лямки с ее плеч. — Очень теплая.

Не отпуская ее, он отклонился назад и выключил основной свет.

— Так будет уютнее. Люблю, чтобы было атмосферно… Что это?

— Крик, — улыбнулась она.

Он оттолкнул ее и подбежал к окну.

— Наверное, какая-нибудь чертова птица, — сказал он немного погодя.

Она стряхнула оставшуюся одежду и встала, раскачиваясь в приглушенном свете, с тигрино-золотыми волосами и пронзительными тигрино-черными глазами…

— Это был герцог, твой отец, — тихо сказала она ему. — Ты только что унаследовал его титул. Да здравствует герцог Ларри! — по крайней мере, до полуночи.

Он развернулся, прижался спиной к подоконнику.

— Смотри, пока можешь. В ледяных склепах одиноко.

Он попытался закричать, но ее тело было языком белого пламени, а глаза — парой черных солнц; он не отрывал от нее взгляда, как загнанный в угол дикий зверь.

Она не двигалась с места; он не мог двинуться с места.

В голове у него плыли по той реке, о которой поется в балладах, — ее тигриным волосам — чарующие скульптуры из слоновой кости — ее плечи — и две окаймленные синевой луны — ее груди; а потом ледяные волны паралича захлестнули ствол его позвоночника, и тот обратился замерзшим ростком.

— Полукровка, — успел выдавить он, прежде чем они укрыли его с головой.

Минус четыре

— Он выживет? — спросил толстый сержант.

— Пока не знаю, — ответил высокий, вытирая с усов остатки яичницы. — Как только ему переливают новую кровь, она заражается. Они не успевают перекачивать ее достаточно быстро,

чтобы разбавить эту дрянь. Легкие парализованы. Они поставили ему на грудь «вентилятор» и накачали его лекарствами.

— Кто будет командовать, если он умрет?

— Говорят, его сынок.

— Боже!

Сержант перевел взгляд на лежащего на койке человека. Тот, моргая, смотрел в потолок и не шевелился. Четверо коммандос Комстока сидели с четырех сторон от него, не сводя с него оружия.

— А с этим что будет?

— Начнем допрашивать, как только придет в себя.

— Это он — тигр? — спросил сержант.

— Говорят, что да.

— Значит, он должен знать о Стате.

— Верно.

Высокий голос толстяка задрожал. Его мелкие темные глазки заблестели.

— Поручите допрос мне!

— Все этого хотят. Чем ты такой особенный?

— Он пытался убить герцога. У меня на это не меньше прав, чем у любого другого.

Высокий покачал головой:

— Мы будем тянуть соломинки перед первым заходом. У тебя будет столько же шансов, сколько

у остальных.

— Хорошо. — Толстяк подтянул пояс. — Хочу браслет из тигриных клыков.

* * *

Ричард лежал в гробу из спиралей, трубок, диафрагм и склянок. Гроб дышал за него. Он выполнял работу сотни пар почек. Он насыщал его кровь витаминами и антисыворотками. Он порождал в его ретикулоэндотелиальной системе бури сопротивления.

А вот думал Ричард самостоятельно, в те странные периоды покоя, сквозь которые дрейфовал его ум. Он словно освобождался от своей сгорающей плоти и парил, бестелесный, в пустоте космоса…

Нужно в юности любить, нужно наслаждаться…

Его преследовали обрывки старых песен. Впервые с детских лет он ощущал спокойствие бессилия.

Вспышка сожаления осветила его внутреннюю ночь, когда он подумал о Федерации — медленно вращающейся, гребущей все под себя, пережевывающей, переваривающей Федерации. Тернеровская Ось была последней значимой

оппозицией ее осьминожьим объятиям.

Автономия, которой когда-то были наделены пограничные планеты, исчезала, подобно воспоминаниям его юности, в пасти осьминога — движения которого пытались подражать кружению колеса галактики, — чтобы стать клетками твари.

Нет! Он не позволит этому случиться. Он выживет! Все девять звездолетов прибыли и ожидали где-то наверху, выстроившись буквой V. Девять звездолетов ожидали, когда его рука направит их копье в глаз осьминога и в самое его сердце — Стат! Он изо всех сил пытался выжить.

Ощущение жжения вернулось.

* * *

— Ты не сможешь удерживать меня вечно, полукровка! — выдохнул он. — Ты уже теряешь хватку!

— Ты прав, — улыбнулась она.

— Кто-нибудь придет рассказать мне, что это был за шум, — они тебя найдут…

— Нет, — сказала она.

— …И тогда ты пожалеешь, что родилась на свет.

— Я жалею об этом уже девятнадцать лет, —

ответила она, прежде чем разбить вазу о его голову.

Старый отец, старый искусник, что случилось?

Я потерпел неудачу.

Виндичи не терпит неудач.

Кто такой Виндичи?

Ты должен вспомнить…

* * *

— Я выиграл! — захихикал толстяк.

Тигр, тигр…

— Я выиграл! — повторил он.

Ты горишь…

— Я займу вон ту кладовку, — указал он.

Я иду.

— Приступай.

Беги из дворца.

Он встал, и охранники рывком подняли Рэмси на ноги.

Ты вспомнил?

Они подтолкнули его в сторону кладовки.

Пытаюсь. Беги из дворца!

Он пошел вперед на заплетающихся ногах и повалился на стену.

Почему?

Дверь распахнулась. Множество рук толкнуло его, и он оказался в кладовке.

Не знаю. Но я знаю, что ты должна убраться отсюда сейчас же.

Рэмси с трудом удержался на ногах. Он стоял в середине комнаты, прикрыв опухшие веки, чтобы защитить свои желто-серые глаза от свисающей с потолка голой лампочки.

В небе девять звездолетов…

Беги домой!

Сержант улыбнулся и закрыл за собой дверь. Запер ее, убрал ключ в карман.

— Значит, это ты тигр. Не так уж ты и страшен.

Рэмси помотал головой и уставился на него.

Сержант достал из кобуры пистолет и заткнул его за пояс. Медленно, смакуя каждое движение, расстегнул широкий кожаный ремень, вытащил его из штанов. И начал оборачивать им правую руку.

Тигр, тигр…

Когда из кулака остались торчать только пряжка и два дюйма кожи, он улыбнулся и медленно шагнул вперед.

Ты горишь…

Рэмси вскинул руку над головой и разбил лампочку.

— Тем лучше, Виндичи, — послышался смешок.

Толстяк сделал три шага в черноте, туда, где стоял Рэмси.

В чаще, где ночная тишь…

Он поднял правую руку для удара.

Кто ужас симметричный твой собрал…

Предпоследним звуком, который он услышал, был донесшийся из-за спины металлический щелчок. Что-то ухватило его за волосы, и в позвоночник врезалось колено.

Он почувствовал, как что-то, похожее на кусок льда, коснулось его шеи, и неожиданно промок.

Последним звуком, который он услышал, было бульканье, а может, тихий смех, а может, и то, и другое.

* * *

Комсток вскочил, бледнея.

— Сбежал?

— Так точно, сэр, — поежился лейтенант.

— Чья вина?

— Сержанта Олтона. — Лейтенант кусал нижнюю губу.

— Расстрелять немедленно.

— Он уже мертв, сэр. Виндичи перерезал ему

глотку и забрал его пистолет. Он убил пятерых охранников. Мы обнаружили открытое окно и пропажу одной униформы.

— Найдите его. Приведите сюда, если получится. Если не получится — принесите то, что осталось.

— Слушаюсь, сэр. Мы уже ищем.

— Пошел вон! Помоги его найти!

— Есть, сэр.

Долгое мгновение его грызло воспоминание. Потом он сел и поднял рычажок коммуникатора.

— Сэр?

— Удвойте охрану Ричарда. Этот человек снова на свободе.

Комсток опустил рычажок, не дожидаясь ответа.

— Он был прав, — сказал он пустому экрану. — Он был совершенно прав.

* * *

Мир Стата – хмельная летучая мышь,
Чей путь – лихая кривая…

* * *

— Он провалился, — сообщил Харрисон блестя-

щей коричневой коробке.

— Он еще жив? — уточнила она.

— Да, но…

— Значит, он не провалился, — ответила коробка.

— Но он скоро умрет…

Что-то зазвенело, точно лопнули струны на гавайской гитаре.

Харрисон понял, что разговаривает сам с собой.

Он закрыл коробку, рот и рассудок и отправился участвовать в охоте на тигра.

* * *

Отец…

Кто это?

Кэсси, но…

Я не знаю никакой Кэсси. Я никому не отец.

Ты — Виндичи. А еще ты — капитан Рэмси. Я — твоя дочь.

Иногда я использую Рэмси. Ты — его дочь, не моя.

Хорошо, будь по-твоему. Но подними взгляд.

Я под землей. Тут не на что смотреть.

В небе висят девять кораблей, готовых к атаке на Федерацию.

Они не успеют дойти так далеко.

Быть может, я хочу, чтобы они успели.

Почему?

У нас обоих есть причины убить Ричарда. Но Федерация… Возможно, есть причина уничтожить и ее.

Какая причина?

Она уже исполнила свое предназначение. Она вывела человека к звездам. Теперь она — огромная губка, что поглощает кровь требующих независимости планет. Сдави ее — и она съежится, истекая…

Это не мое дело.

Когда-то это было делом моего отца. Давным-давно.

И его убил Ричард! Ты что, предлагаешь позволить плану Ричарда воплотиться в жизнь неизменным?

Только ты знаешь, где находится Стат.

Это так.

Ты помнишь Глорию?

Молчание

Впереди люди! Свет!

Бегство — бессловесно.

«Ненавидеть» — активный глагол.

Ярость — нутро печи.

Боль…
Тишина…

Минус три

Он пришел в себя.

Долгое время он не открывал глаз. Он подумал о своих руках и ногах, и они оказались на месте. Он попытался понять, кто он такой, но не сумел вспомнить.

Им овладела дрожь.

За ней пришла боль.

Он бежал, бежал по подземным тоннелям. Он ворошил костер памяти. Он постепенно приближался к дворцу. Огромные вентиляционные отверстия были уже рядом. Кто-то говорил с ним издалека.

Костер тлел.

Кто-то, скорее всего, Рэмси, хотел, чтобы он уничтожил Стат. Он помнил, как убил множество людей. Он помнил, как его приперли к стене, отобрали у него пистолет. Он помнил, как его били.

Он стоял на четвереньках, рыча. Они пинали его. Он помнил, как ухватил лодыжку и ударил кулаком, как молотом, под коленную чашечку склонившегося над ним человека. Он помнил треск и вопль. А потом во рту у него оказалась

кровь, в голове — раскалывающийся череп, а под веками — зеркало, но без отражения.

Он облизнул губы и поперхнулся, ощутив вкус крови. Он заставил опухшие глаза открыться.

«На протяжении девятнадцати лет ты славно топтался на месте, — сказал голос у него в голове. — На всей этой звездной бойне не было того, кто сравнился бы с Виндичи в умении проникать куда угодно, убивать людей и прерывать ход событий, — но ты провалил единственное задание, хоть что-то значившее для человека, которым ты когда-то был… — Воспоминания растягивались, как пленки с записями, занимавшими почти половину его сознания, перескакивая с канала на канал. — Ты голый, никчемный человек, жалкий ползающий на брюхе червь, безволосый зародыш, ободранная ветка ивы, фигляр, кривляющийся на сцене, — в тебе нет смысла! — лишь поступки оправдывают существование, а ты на них не способен! Ты боишься взглянуть в зеркало и узреть там лик трусости!..»

Он оскалился.

Он запрокинул голову и завыл сквозь сломанные зубы. Боль в широко раскинутых конечностях была невероятна. Его голос ударился о прутья решетки и его собственные треснувшие ребра и

осекся посередине воя. Он всхлипывал в своей клетке.

Его запястья и щиколотки были притиснуты к раме большой дыбы. Внизу была тень, но жаркий свет солнца вгонял иглы в его глазные яблоки.

Он медленно огляделся.

Он был одинок на дне ямы, если не считать его дыбы. Уродливое déjà vu накатило на него, когда перед его внутренним взором проплыл гроб, дрейфующий по озеру крови.

Стены были каменными, не меньше двадцати футов высотой. Без проемов. Площадь ямы — около десяти квадратных футов. Дыба отклонялась на девяносто градусов назад. Яма была открытой.

Стены слишком высокие, слишком гладкие, чтобы по ним взобраться, даже если он сумеет разбить металлические оковы.

Солнце было одинокой зеленой точкой на бледно-голубой игральной кости, чуть правее центра. Ничто не закрывало ему вид неба, даже облако.

Он проклял солнце, потом проклял день. Он проклял богов, играющих в кости у него над головой.

Солнце сместилось в самый центр своего квадрата, затем медленно, как амеба, поползло влево.

Наконец оно поцеловало край ямы. Он ожидал, что оно растечется и заструится вниз по стене, обрушив на него дождь зеленого огня. Вместо этого оно становилось все меньше и меньше, и в конце концов скрылось. Квадрат превратился в пустой аквариум.

Голоса.

— Вон он, — сказала женщина. — Он еще жив?

Он запрокинул голову и поднял ненавидящий взгляд.

— Боже! Посмотри на эти мышцы! А глаза!..

— Он полукровка, — сказал ее спутник, худой юноша с забинтованной головой. — Я буду возвращаться сюда каждый час. Я буду смотреть, как он умирает. Но в нем еще много жизни — полукровки выносливы.

Женщина беспечно помахала Виндичи.

— Полукровка! — крикнул мальчишка. — Ты проиграл. Моему отцу уже лучше, и он выживет! Он лично вскроет тебе вены, как только сможет двигаться.

Глаза Виндичи вспыхнули, и мальчишка вздрогнул. Его повело вперед. Женщина схватила его за руку и оттащила от края.

— Не сработало! — крикнул он вниз. — Но хорошая попытка. У твоей дочки такое получается

лучше! Надеюсь, ты доживешь до того, чтобы увидеть, что я с ней сделаю.

— Ингредиенты для тигриного супа отыскать непросто, — простонал человек на дыбе.

Наверху засмеялись.

— Но мы поймали тигра!

Квадрат снова опустел, и звуки затихли вдали.

Дочка. Они ведь сказали «дочка»? Да. Дочь Рэмси. Кэсси…

Кэсси. Где ты?

Прячусь. В высотке. Здесь есть комната — темная, холодная. На планах здания ее не было.

Они тебя ищут. Не выходи оттуда.

Где ты?

Это не имеет значения.

Я вижу кусок неба. Окно?

Он закрыл глаза.

Нет.

Тебе больно. Но я думала, что ты умер.

Не беспокойся обо мне. Береги себя. Улетай с этой планеты, когда тут снова все успокоится.

Куда?

На какую угодно планету.

Федерация будет повсюду. Я принадлежу миру Тернера, а не людей. И ты тоже.

Нет! Я Виндичи! Я не был рожден!

Молчание.

Почему ты плачешь, девочка?

Как ты это понял? Я плачу по отцу.

Рэмси мертв. Он был слаб.

Нет. Рэмси — это ты. Виндичи — маска и ложь.

Оставь меня!

Молчание.

* * *

Ночь. Облака.

Звезды и пение птиц.

В небе кисти Эль Греко, обрамленном краями ямы, девять звезд были стрелой, ждущей мишени…

Целостность неба нарушила голова.

…Забинтованная голова, белая. Нимб из стали, корона… Издевка стали, смех…

— Мы знаем, где она, Виндичи! Я приведу ее сюда и заставлю тебя смотреть — скоро!

Опустевшая корона. Облака. Ватные моря.

Беги! Беги! Они знают, где ты!

Откуда?

Не знаю.

Бегство от ярости.

* * *

Харрисон спешил сквозь ночь с озадаченным выражением на усталом лице, пистолетом в кармане и последним приказом Стата, перекатывающимся в голове, точно стеклянный шарик в жестянке.

* * *

Нужно в юности любить…

Ричард вспотел, когда девять металлически-синих глаз заглянули, выстроившись пирамидой, в его потолочное окно.

Он попытался поднять руку, но обе они были привязаны к постели.

— Мир Стата — хмельная летучая мышь…

Смайс налил себе еще стакан.

— Знает один лишь Статком, — икнул он.

Минус два

— Ты болван, Виндичи. Посмотри хорошенько! — Он вытолкнул ее вперед.

Кэсси?

Да. Они меня ждали.

— Ты сам выгнал к нам своего тигренка! Завтра утром мой отец уже сможет сидеть! Вот тогда он тебя и убьет! Но эта ночь принадлежит мне — и ей!

Прости меня, Кэсси.

Ты не знал. Они тебя обманули.

— Я знал, что вы, полукровки, умеете общаться мысленно! Ты заставил ее бежать!.. Ко мне в руки!

Виндичи взревел. Голос, вырвавшийся из его стиснутой глотки, принадлежал не человеку. Волосы у него на затылке встали дыбом.

Те, кто стоял над ним, увидели его глаза. Две пылающих точки…

Она наклонила голову, борясь с хваткой своего пленителя.

Я люблю тебя.

Когда она пошевелилась, ее тигрино-золотая сеть поймала созвездие из девяти звезд и опустила его — венок — ей на голову.

Послышался треск, и левая рука Виндичи освободилась. Боль в правом запястье сделалась невыносимой. Голос его взмывал и падал в ужасной череде воплей и стонов.

Наверху — смех и пустой холст.

Доносившиеся отовсюду слова будто говорили:

«Вернитесь! Я ненавижу вас!» — всем, кто находился во дворце и на окружавших его землях.

Ричард застонал в своей капельничной тюрьме.

Виндичи поднял взгляд на девять звездолетов и уронил голову.

— Когда-то тебе не было равных, — сказали истертые, как пленка, синапсы. — Когда-то рука Тамерлана была неуязвима, и кинжал Виндичи разил без промаха. После всех взмахов волшебной палочки Времени лишь один остался — ты, Виндичи! — из древней династии кровопускателей. Обезумев в Аргосе, ты убил свою мать; лишившись языка в Кастилии, ты ранил Лоренцо — ты, копье черного Кихота, кинжал проклятых, чаша цикуты, дротик Локи — ветвь, на которой повешен убийца…

— Я все еще таков, — пробормотал он.

— Нет, ты человек на дыбе, сломанный клинок, комок плоти и мокроты… Да! Ты — обломившаяся чека, непрозвучавший боевой клич, ты — подкова, из-за пропажи которой враг вошел в город…

Перед его глазами возникло зеркало.

— Нет! — выкрикнул он. — Нет! Я — Виндичи! Сын Смерти! Взращенный в сенекианских сумерках яковинских полубогов и пунктуальный

как смерть!

Он заглянул в зеркало.

— Узрите! — рассмеялся он. — Узрите! Я есть ярость!

Виндичи, тигр, прыгнул.

* * *

Все почернело, и миру настал конец.

* * *

Кап.

Кап…

Дождь. Мягкий на губах песка.

Стон.

…Кап.

* * *

— Воды, — попросил он. — Воды.

— Вот.

— Еще.

— Вот.

— Хорошо. Еще.

— Помедленнее. Пожалуйста.

Зеленое встретилось с зеленым в кругах зре-

ния.

— Здесь? — спросила она.

— Здесь, — кивнул он.

— Отец.

— Кэсси.

Он взглянул на мир.

— Что случилось?

— Их нет. Они умерли. А теперь отдыхай. Разговоры потом.

— Ричард?

— Мертв.

— Ларри?

— Мертв.

— Корабли?

— Только Виндичи знает.

Он уснул.

Девять звездолетов ждут. Спеши, спеши, спеши…

Минус один

— Сейчас утро, — сказала она, — но птицы не поют — они умерли и попадали с деревьев.

— Виндичи всегда ненавидел птиц, — сказал он ей. — А где солдаты? Придворные?

— Все мертвы.

Он поднялся на локте.

— «Парафизическая конверсия психопатического невроза, — процитировал он, — возникающая, когда раздражители подавляют доступные физические реакции»… Слова Ченнинга ничего не значили для Виндичи, но я их помню.

— А боевые конхи? Девять звездолетов?

Он щелкнул пальцами и скривился от боли в запястье.

— Погибли. Обратились в прах — в прах праха. Он их зачеркнул.

Он упал обратно на траву.

— Всех, — сказал он.

— Все живое во дворце и на его территории, — подтвердила она, — кроме меня.

— …Даже себя самого.

Рэмси посмотрел на небо.

— Как классично, и как ужасно! Каким он был человеком!

— Человеком? Ты уверен?

— Нет, не уверен. Я на такое оказался не способен.

Харрисон вошел в распахнутые ворота и прошагал через сад.

Он приблизился к паре на газоне.

— Доброе утро.

— Доброе утро.

— Тихо здесь.

— Да.

Он огляделся.

— Как ты его достала?

— С помощью той же лебедки, на которой они его туда опустили. Я вернула ее в сарай. — Она ткнула пальцем в его сторону.

— А ты аккуратная, да?

Она дала отцу еще воды.

Харрисон засунул руки в карманы и прошелся, описав квадрат.

— Что вы сделали с кораблями?

Она пожала плечами:

— Он говорит, что Виндичи их «зачеркнул».

Харрисон посмотрел на лежащего на земле мужчину.

— Виндичи…

— Рэмси, — поправили его растрескавшиеся губы.

— Значит, мне будет сложнее.

Он достал из кармана пистолет.

— Мне жаль, честно. Но это должно быть сделано.

— «Птицелов плачет», — сказал воробей. «Следи за его руками, а не за глазами», — ответила ворона.

— Стат говорит, что Виндичи должен умереть.

— Он *уже* мертв, — сказала она.

Харрисон покачал головой:

— Пока он дышит, тигр живет — и может однажды вернуться.

— Нет. Нет, — сказал Рэмси.

— Мне жаль.

Он поднял пистолет. Он долго, долго целился.

А потом медленно повалился лицом в землю.

Кассиопея улыбнулась.

— Наследственность.

Она подняла пистолет Харрисона и зашвырнула его в яму.

— Вечером у него будет болеть нос.

Она помогла отцу встать, и они вместе, спотыкаясь, направились к оставшимся без охраны гаражам.

* * *

— Харрисон был прав, — сказал ей Рэмси. — Он не умер.

Он втянул дым глубоко в легкие и тяжело выдохнул.

— В смысле?

— Теперь я — и он тоже. Мы слились. Мне ведомо все, что было ведомо ему.

— Все?

— Включая ненависть, — сказал он.

— А разве осталось еще что-то, заслуживающее ненависти? — спросила она почти жадно.

— Стат.

— Но какой смысл ненавидеть Стат? Стат как Время — его существование длится и длится.

Он покачал головой:

— Разница есть. Стату должен прийти конец.

— И как этого добиться?

Он посмотрел в маленькое прикроватное зеркало.

— Я не могу его зачеркнуть, как Виндичи зачеркнул корабли. Для такого нужна ненависть особого рода, а я на нее не способен. Но во мне осталось достаточно тигра для еще одной охоты.

Он закрыл глаза.

— Я знаю, как добраться до Стата. Харрисон жив. Когда он сообщит о неудаче, найти другой способ будет для Стата лишь вопросом времени. И тогда я умру.

— Если Стат можно уничтожить… — ее голос сошел на нет. — Если бы Стат можно было уничтожить! Он использовал тебя, меня, всех!

Она вновь посмотрела на него.

— Девять боевых конх не смогли сломить Фе-

дерацию.

— Потому что на ее стороне были Стат и Виндичи, — ответил он. — Но если тигр обезглавит робота и исчезнет, то пограничные планеты смогут объявить о независимости, и у них будет возможность ее сохранить.

— Что тебе потребуется?

— Ничего. Все орудия моего ремесла спрятаны в холмах.

— Ты не можешь улететь в таком состоянии.

— Я буду в форме к тому времени, как доберусь туда, — в достаточной форме. Путь домой из рая далек, даже при наличии г. д.

Она смешала ему коктейль и стала смотреть, как он пьет.

Тем вечером, на склоне холма, она тихо мурлыкала, когда он прыгнул в небеса, окруженный кричащим огнем, отправляясь на охоту за хмельной летучей мышью.

* * *

За тридцать минут до того, как Стату настал конец, радио корабля завопило:

— Назовитесь! Назовитесь! Это пространство закрыто для гражданского транспорта! Назовитесь!

Смайс наблюдал за происходящим сквозь глаз буя, стоявшего на каменном островке.

Он нажал кнопку.

— Приведите Ченнинга — быстро!

Вокруг его щиколоток вились нити бумажных спагетти. Он поднял одну, потом уронил.

Он отключил автоматическое предупреждение и взял микрофон.

— Корабль опознан, Виндичи. Он ведь наш, если ты забыл.

Он щелкнул переключателем и стал ждать.

Ответа не было.

Он снова заговорил:

— Статком предсказал, что ты попытаешься вернуться, если выживешь. Стат невозможно уничтожить.

Дверь со вздохом открылась, и на пороге возник моргающий Ченнинг в сопровождении двух ремонтных роботов.

— Заходите, скорее!

Он вошел в комнату управления — глаза спокойные, лицо умиротворенное.

Смайс отвесил ему пощечину.

— Ченнинг. Доктор Карол Ченнинг, — сказал он. — Меня зовут Карл Смайс. Вы — психиатрический инженер Корпуса убийц. Вы создали

суперубийцу по имени Виндичи. С недавнего времени вы находитесь под воздействием седативных препаратов, но вы ведь помните Виндичи, верно?

— Да, — ответил Ченнинг. — Я помню Виндичи. Я помню Смайса и Ченнинга.

— Хорошо. — Смайс вручил ему микрофон. — Виндичи обрабатывали вашим голосом. Возьмите микрофон и поговорите с ним. Он снаружи. Скажите, чтобы он ответил вам.

Ченнинг неловко стиснул микрофон.

— Виндичи? — спросил он у него. — Виндичи, это доктор Ченнинг. Если ты слышишь, ответь мне.

Смайс поднял переключатель.

Динамик заговорил:

— Привет, док. Жаль, что мне придется убить вас и еще кучу народу для того, чтобы покончить со Статом, но так уж вышло. Ну, вы сами знаете — «Франкенштейн» и все такое.

Смайс выхватил у Ченнинга микрофон.

— Виндичи, послушай. Ты еще можешь нам пригодиться. Заходи на посадку. Я открою шлюз. Придется дополнительно тебя обработать, но ты еще можешь быть полезен Стату.

— Прости, — послышался ответ, — но это не

Виндичи, а капитан Рэмси из Стражи Тернера. Двадцать лет назад я объявил Федерации войну. Я вспомнил об этом совсем недавно. Ты тогда был еще ребенком — а чем ты стал теперь, Смайс, я не знаю…

— Это твое последнее слово?

— Боюсь, что да.

— Тогда мы тебя уничтожим, — сказал он, включая светящуюся панель. — Ненавижу терять хороших людей.

— Ну давай, попробуй меня потерять, — ответил Рэмси. — Меня подняли из мертвых, чтобы я делал эту работу. Передай этой древней стиральной машине, что ей придется потрудиться.

* * *

Смайс нажал кнопку с номером 776.

Он посмотрел на экран.

Зависший в космосе корабль с номером 776 на борту засиял красным и превратился в римскую свечу.

Смайс выключил передатчик.

— Все корабли несут в себе семя своего уничтожения, — заметил он.

— Разве так нельзя сказать обо всем? — спросил Ченнинг.

Смайс утер лоб и взглянул на термометр.

— Здесь жарко.

— Очень.

— Мы экранированы. У взрыва не должно быть таких последствий.

— Становится жарче.

Зазвонили колокола.

Статком заговорил языками бумажными.

— Снаружи еще что-то есть! — завопил Смайс.

Ченнинг склонился вперед и включил передатчик.

— Рэмси? — спросил он.

— Слышу вас четко и ясно.

Смайс принялся щелкать выключателями. На экране появился новый вид. Поверхность Стата была раскалена. По ней перемещался человек в скафандре, закидывая свертки в оспины люков.

— Поздравляю, — сказал Ченнинг, — ты превзошел мои ожидания.

Рыжеволосый перехватил у него микрофон.

— Что ты там делаешь?

— Ты же не думал, что я буду сидеть в корабле, подобравшись так близко? Я сделал так, чтобы сигнал от радио в моем скафандре транслировался через него, а сам полетел вперед. Стат начинает умирать.

— Еще нет, — сказал Смайс.

Он вставил ключ под один из рычагов и повернул. Рванул рычаг вниз — и тут Ченнинг ударил его.

Лежа на спине, Смайс смотрел, как Ченнинг созерцает пылающую поверхность Стата.

— Мой Персей! — воскликнула Медуза. — Тлеющий в камне!

Потом пламя начало униматься.

— Внутренняя линия обороны, — рассмеялся Смайс. — Термитные заряды.

— Тигр, — прошептал Ченнинг, — горит.

* * *

За тридцать секунд до того, как Стату настал конец, Кассиопея разрыдалась. Она сорвала платье и разбила все зеркала в своей квартире.

С тигрино-золотыми волосами и тигрино-черными глазами она встала на балконе, устремляя взгляд через широкий, темный зал неба, — симметричный ужас ненависти.

Слово Желязны

В 1981 году Желязны сказал об этой ранней работе: «Я написал эту повесть очень давно, и она

вышла перегруженной. Это была одна из первых моих попыток написать что-нибудь длиннее рассказа. Я взял за основу “Трагедию мстителя” Тернера и запихал в текст все, что попалось под руку. Я не перечитывал ее много лет, потому что не люблю возвращаться к ранним вещам и анализировать их. Так что теперь я вижу лишь череду ярких образов и припоминаю, что она завершила ранний период моей писательской карьеры и открыла новый. Таким образом, это своего рода повесть-Янус, и я не знаю, как на нее смотреть — со снисхождением или с ностальгией. Возможно, получится некий сплав. До этого я ее нигде не перепечатывал, но сейчас, сидя на своей горе в Нью-Мексико, я созерцаю широкий склон, поросший соснами и можжевельником, такими же зелеными в этом ноябре, какими были в июне, и вижу среди них одинокое лиственное дерево, которое, должно быть, смущают собственные потемнение и постепенное обнажение. С другой стороны, оно не лишено характера и определенно выделяется» [39]. В более раннем интервью, данном Жилю Ламону в 1966 году, Желязны был куда менее милосерден и охарактеризовал эту

[39] Примечания: 39
Alternities № 6, т. 2, № 2, лето 1981 г.

повесть так: «неудачная попытка украсть сюжет якобинской драмы и забросить его в будущее; а еще это, без сомнения, худшее, что я когда-либо написал» [40].

Творчество Тернера зачаровывало Желязны на протяжении значительной части жизни: в своей магистерской работе он анализировал «Трагедию мстителя», а название этой повести намеренно отсылает к строке «И девять экипажей ждут — спеши, спеши, спеши».

Примечания

«Фигляр, кривляющийся на сцене» — отсылка к шекспировскому «Макбету». **«Бисмарк»** — знаменитый немецкий линкор времен Второй мировой. **Лев Троцкий** был популяризатором теории марксизма и левой политики в России; его убил испанец по имени Рамон Меркадер. **Немезида** — в древнегреческой мифологии богиня возмездия, каравшая тех, кто поддался гордыне. Джон Уилкс Бут убил президента США Авраама **Линкольна**. Первая мировая война началась с убийства австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда и его жены Софии сербом Гаврило

---

[40] Примечания: 40
Tightbeam № 37, 1966 г.

Принципом 18 июня 1914 года в **Сараево**. В Откровении Иоанна Богослова **печати Апокалипсиса** снимает Агнец (Иисус) перед началом конца света. **«Отравленный клинок, обескровивший датский престол»** — отсылка к убийству Гамлета Лаэртом в пьесе Шекспира. **«Пуля, вошедшая в Гарфилда»** — отсылка к убийству президента США Джеймса Гарфилда в 1881 году. **«Сталь, пронзившая Меркуцио»** — отсылка к гибели друга Ромео в «Ромео и Джульетте» Шекспира.

Виндичи — главный герой «Трагедии мстителя», человек, мстящий за смерть возлюбленной. **Кассиопея** — в древнегреческой мифологии прекрасная, высокомерная и самовлюбленная жена Кефея, царя Эфиопии. **Мир Тернера** — отсылка к Сирилу Тернеру. **Шизоид** — человек, страдающий расстройством личности, которое характеризуется отстраненностью, пассивностью и уходом в себя; это расстройство, как и **шизофрению**, часто путают с **расстройством множественной личности**. Немецкий психиатр **Эмиль Крепелин** в 1883 году создал крепелиновскую классификацию психических заболеваний, ставшую фундаментом ныне существующей системы. **«Орлы над Нюрнбергом»** — отсылка к демонстрации власти Гитлера и нацистов

в Нюрнберге на проводившихся в этом городе официальных митингах Третьего рейха; Альберт Шпеер спроектировал металлического орла с размахом крыльев в 100 футов, который выставлялся за трибуной. **Пегас** — созвездие, названное в честь мифического крылатого коня, возникшего из крови Медузы, когда Персей отрубил ей голову. **Змееносец** — созвездие, напоминающее человека, плененного змеиными кольцами. **Минотавр** — в древнегреческой мифологии получеловек-полубык, который был пленником критского лабиринта. «**Адмирал граф Шпее»** — немецкий крейсер времен Второй мировой войны, названный в честь адмирала, погибшего в битве у Фолклендских островов в 1914 году. **Кракен** — гигантское мифическое морское чудовище, обитавшее у берегов Норвегии.

Елизаветинский монолог, который цитирует Виндичи, взят из «Трагедии мстителя»: «О тень моей отравленной любимой,//Скудельница печали, страшный лик,//То, что когда-то было совершенством,//Когда-то… в дни помолвки… Два алмаза//Там, где сейчас провалы, так блистали…» [41]

---

[41] Примечания: 41
Пер. С. Таска.

Дионис или Вакх — бог вина, снимающий внутренние преграды и вдохновляющий на создание музыки и поэзии. **«Три старухи с прялками»** — три Мойры, богини судьбы, прядущие, отмеряющие и обрезающие нить жизни каждого человека. **Каталонский нож** отличается узким клинком в форме ивового листа и изгибом на конце рукоятки.

«В мраморном саду Медузы спит одетый в камень Персей» — полная противоположность тому, что случилось на самом деле: Персей убил Медузу, отрубив ей голову. Он смотрел на ее отражение в щите, чтобы ее взгляд не обратил его в камень. **Альфред Адлер** — австрийский психиатр, подчеркивавший желание человека компенсировать свои недостатки; в число главных мотиваций он включал достижение сексуальных целей. **«Сегодня в Самарканде»** — трехактная романтическая мелодрама Жака Деваля. **Алькатрас** — бывшая островная тюрьма в заливе Сан-Франциско.

Фактотум — слуга или рабочий, нанимаемый для исполнения разнообразных поручений. **«Нужно в юности любить, нужно наслаждаться»** — цитата из «Оперы нищего» Джона Гея. **Ретикулоэндотелиальная система** — часть

иммунной системы. **«Тигр, тигр, ты горишь»** и последующие строки составляют первую строфу знаменитого стихотворения Уильяма Блейка «Тигр» [42]. **Эль Греко** — знаменитый художник эпохи Возрождения; настоящее имя — Доменикос Теотокопулос. **«Тамерлан»** — пьеса Кристофера Марло об азиатском завоевателе. **«Обезумев в Аргосе»** — отсылка к Эдипу, а **«ты убил свою мать»** — к Оресту.

Лоренцо де Медичи (Лоренцо Великолепный) — выдающийся правитель Флорентийской республики XV века, переживший покушение. **«Копье черного Кихота»** — отсылка к роману Сервантеса «Дон Кихот»; его персонаж — мелкий землевладелец, который, начитавшись рыцарских романов, убедил себя, что является странствующим рыцарем или героем. **Локи** — скандинавский бог-трикстер; он сделал из омелы дротик, которым слепой бог Хёд невольно убил своего брата Бальдра. **«Подкова, из-за пропажи которой враг вошел в город»** — отсылка к широко известному стихотворению «Гвоздь и подкова». **«Сенекианский»** — отсылка к римскому государственному деятелю первого века н. э.

---

[42] Примечания: 42
Стихотворение цитируется по переводу А. Дельфинова.

Сенеке Младшему, который написал множество пьес, оказавших большое влияние на елизаветинских и якобинских драматургов, в том числе на Шекспира и Тернера. **Якобинский** — имеющий отношение к эпохе правления английского короля Якова I; в данном контексте это слово отсылает конкретно к драматургии того периода, образцом которой является «Трагедия мстителя» Тернера. **«Девять звездолетов ждут — спеши, спеши, спеши»** — переделанная цитата из пьесы Тернера.

Примечания переводчика

Название повести **Nine Starships Waiting** отсылает к строчкам из «Трагедии мстителя» Сирила Тернера — «Nine coaches waiting//Hurry, hurry, hurry» — дословно «И девять экипажей ждут — //Спеши, спеши, спеши». В контексте пьесы эти строчки являются частью монолога Виндичи, который, назвавшись чужим именем, проверяет добродетельность своей сестры, расписывая перед ней соблазны придворной жизни; экипажи в данном случае служат символом разврата, поскольку именно в экипажах дворяне часто предавались плотской любви. В существующем русском переводе С. Таска эти строки звучат так:

«Балы, карета, мальчик на запятках»; поскольку в контексте повести его использование не имело бы смысла, я позволил себе предложить собственный, более близкий к тексту Тернера, вариант перевода, чтобы сохранить замысел Желязны.

«Сегодня в Самарканде» — не исключено, что в этой фразе Желязны перепутал названия городов, на самом деле подразумевая притчу о свидании в Самарре, герой которой безуспешно пытается избежать встречи со смертью.

«Старый отец, старый искусник» — цитата из романа Джеймса Джойса «Портрет художника в юности». В классическом переводе звучит как «Древний отче, древний искусник».

Мир Стата – хмельная летучая мышь…

Примечания

Стихотворение, написанное для повести 1963 года «И девять звездолетов ждут» и включенное в нее, полностью приведено в тексте на стр. 229. Отдельно оно никогда не публиковалось.

У Цирцеи свои проблемы

Рабочее название — «Плач космонавта».*Amazing*, апрель 1963 г.

То, что это место не может существовать в принципе, уже подсказка. Оно должно быть плывущей в бессолнечном пространстве щербатой бесплодной каменюкой без единой привлекательной черты на морщинистой физиономии. А вместо этого оно — манящий остров в пустоте, с атмосферой, пригодной для дыхания (если я захочу, чтобы вы ею дышали!), свежими фруктами, сверкающими фонтанами, поразительным разнообразием фауны и мной — что в прежние времена вызвало бы у мужчин серьезные подозрения. Но нет, когда мужчины начинают скакать между звездами, их умы всегда слишком привыкают к научному суеверию, называемому причинностью…

Я — весьма симпатичная деваха (так, кажется, сейчас принято говорить), и адски (в прямом смысле) соблазнительна — но я отклоняюсь (обо мне мы еще поговорим, но позже); мой остров примерно пятидесяти миль в диаметре, если это слово применимо к несферическим объектам

(я не слишком разбираюсь в науке), и условно прямоугольной формы — хотя ходить можно по любой из его поверхностей (да и внутри тоже); в его небесах вечно мерцают сумерки, что очень романтично, — и он полон стрекочущих, шипящих, поющих, квакающих, рычащих и бормочущих тварей.

Что подводит нас ближе к сути, то есть ко мне.

Рожденная в куда более свободомыслящей культуре, чем нынешняя холодная, пуританская человеческая цивилизация, я недавно устремилась туда, где трава чернее, и обосновалась здесь — где выделяюсь на экранах радаров, словно карликовая звезда, — что означает обезьянье любопытство и итоговое приземление, что означает мужчин, которые провели вдалеке от нынешней холодной, пуританской человеческой цивилизации достаточно времени, чтобы оценить такую обольстительную куколку, как я.

Что подводит нас к самой сути. То есть к моей проблеме.

Я по роду занятий колдунья, а не богиня, но во мне течет изрядно крови нимфы (что может быть и хорошо, и плохо, если вы часто смотрите на вещи с подобного ракурса — я так нет). Так вот, я наслаждалась своими очевидными преимуще-

ствами очень долгое время, пока одна лесбосская сучка с кошачьей душой в припадке извращенной ревности (или ревностной извращенности, если пожелаете) не наложила на меня проклятие, что очень плохо (в *этом* случае я *смотрю* на вещи с подобного ракурса!).

Понимаете, я люблю мужчин: больших мужчин, маленьких мужчин, толстых, худых, грубых, утонченных, блистательных и всяких прочих мужчин — все их восхитительное племя! Но мое нынешнее злополучное состояние влияет примерно на девяносто девять процентов из них.

Понимаете, когда я их целую, они склонны принимать новые формы — стрекочущие, шипящие, поющие, квакающие, рычащие, бормочущие формы — и все до одной весьма неудовлетворительные — чем объясняются и мои печали, и фоновый шум.

* * *

Порой, после косого дождичка в четверг, появляется нужный парень — какой-нибудь олух с генетической устойчивостью к абракошмабре Сафо — и я всегда с ним крайне ласкова. К сожалению, такие мужчины редки и имеют привычку быстро изнашиваться. И поэтому по-

следние несколько лет положение мое крайне бедственно.

Этот последний экипаж — еще один душераздирающий пример. Ни один из гладковыбритых широкоплечих продуктов Космической Академии не сумел перенести даже легкого прикосновения губами к щеке без того, чтобы не завыть и умчаться на четырех лапах, поджав хвост. Превратить их обратно? Ну да, я могла бы это сделать — но зачем? Что толку целовать животных, чтобы превращать их в людей, если после второго поцелуя они снова станут животными. Поэтому я предоставляю им заниматься практическим дарвинизмом в деревах, а сама принимаю соблазнительный вид и ищу Того Самого.

(Час назад я поцеловала навигатора — вон он, банан ногами чистит…)

— Прошу прощения, мисс.

Ух ты!

— Меня зовут капитан Дентон, и я ищу свою команду, — улыбается он. — Надеюсь, вы знаете английский.

— Не надо больше надеяться, папочка, — говорю я. — Все пучком.

— Прошу прощения?

— Я понимаю тебя, ты, живой праксителев

Гермес с армейской стрижкой.

— Вы здесь живете?

— Да, и хорошо. — Я пододвигаюсь ближе и дышу на него.

— Вы не видели здесь моих людей? Когда я обнаружил, что атмосфера пригодна для дыхания, я разрешил им покинуть корабль, чтобы отдохнуть. Это было три дня назад…

— А, они где-то здесь. — Я играю с золотыми медалями на его синем кителе. — За что ты получил эти прекрасные награды?

— О, это Звезда Отваги, это Венерианский Крест, это Лунный Полумесяц, а это Медаль за образцовое поведение, — перечисляет он.

— Хм-хм, — я прикасаюсь к последней из названных им медалей. — И всегда ли ты ведешь себя образцово?

— Стараюсь, мисс.

Я обхватываю руками его шею.

— Я так рада после стольких лет увидеть землянина!

— Мисс, я правда…

Я целую его прямо в губы. Зачем ходить вокруг да около и истязать себя? Лучше узнать сразу.

И ничего! Ни шерстинки! Ни рогов, ни хвоста!

И ничего другого тоже, если уж на то пошло.

Он размыкает мои объятия — осторожно, но в его крепкой хватке чувствуется огромная сила. Он такой… такой властный. Словно аргосский вождь или воитель-мирмидонец…

— Мне понятен ваш энтузиазм при виде другого человека, если, как вы сказали, вы провели очень долгое время в одиночестве на этой планетке. Обещаю, что отвезу вас в цивилизованный мир, как только отыщу свою команду.

— Фу! — говорю я. — Не нужны мне ваши цивилизованные миры. Мне и здесь хорошо. Но ты, здоровяк, — у тебя есть неожиданные таланты… и огромный потенциал! Мы с тобой классно поиграем на клавесине!

— Мисс, девиз нашей службы — «Долг Превыше Всего». Я должен найти свою команду, прежде чем смогу позволить себе какие-либо музыкальные развлечения.

* * *

Я не большая любительница ботаники, но дуб опознаю с первого взгляда. Однако Наука — лишь одна из дорог, которыми может пойти человек…

— Посети мое жилище, — говорю я и свистом подзываю дворец, который прибегает и устраивается по другую сторону холма, там, где его не

видно. — Я накормлю тебя и помогу с поисками.

— Это очень любезно с вашей стороны, — отвечает он. (Бабушка Цирцея! Эти плечи!) — Я приму ваше приглашение. Далеко ли идти?

— Мы уже почти на месте, капитан. — Я беру его за руку.

Я скармливаю ему жареного кабанчика, знававшего лучшие дни, и подсыпаю в вино все афродизиаки, что есть у меня в запасе.

После чего сажусь и жду с пленительным видом.

Ничего не происходит.

— Ты разве не чувствуешь себя немножко… некомфортно? — спрашиваю я наконец, поднимая температуру на десять градусов. — Быть может, тебе лучше снять китель.

— Да, пожалуй, я так и сделаю. Здесь немного жарко.

— Снимай все, что захочешь, — предлагаю я, свистом подзывая бассейн. — Может, примешь ванну?

— Я и не заметил этого бассейна. Должно быть, это вино нагнало на меня дремоту.

Я свищу, и надушенная постель вкатывается в комнату под музыкальный аккомпанемент.

— Приятная ванна и хорошая постель — и ты

будто заново родишься.

— Мне правда нужно найти мой экипаж, — слабо протестует он.

— Ерунда, в этом мире ничто и мухи не способно обидеть. — Я заглушаю фоновые рычание и вой, чтобы мои слова звучали убедительнее. — За несколько часов с ними ничего не случится, а тебе не помешает отдых.

— Это верно, — признает он наконец. — Они, должно быть, разбили лагерь у какого-нибудь тихого водопада или развлекаются тачболом, как мальчишки. Я приму ванну.

Он раздевается, и я присвистываю, что, к сожалению, побуждает холодильник прибежать в комнату и остановиться рядом с бассейном.

— У вас поразительно сложные сервомеханизмы, — замечает капитан, подплывая к краю бассейна, и устраивает набег на холодильник.

* * *

Уже час прошел, а он все еще ест! Он из тех бодрых здоровяков, которые думают желудком, — и все же какой превосходный экземпляр! Мощные бугристые мускулы, кожа гладкая, идеальная, словно мрамор, и загорелая, темные глаза воина…

Я обнаруживаю, что втюрилась в этого засранца!

Он наконец-то наедается и выходит из бассейна, точно Нептун, поднимающийся из Эгейского моря — покрытый каплями бог юности и силы. Я знаю, что он наверняка уже думает о том же, о чем я думала с самого начала. Это вопрос банальной физиологии, если верить Науке, — к тому же эти зеленые испанские мушки творят чудеса.

Он нависает надо мной, и я принимаю лукавый, скромный и в то же время манящий вид.

— Мне все еще не по себе, — сообщает он. — Пожалуй, я лучше отыщу свою команду перед тем, как отдохнуть.

* * *

Все, это была последняя капля! Неожиданно глаза мне застилает красным, и другими цветами радуги тоже. Я щелкаю пальцами, и все исчезает — кроме постели, в которую мы немедленно переносимся.

— Ч-что случилось? — спрашивает он.

— Капитан Дентон, — говорю я, — вы всячески пренебрегли моими очевидными прелестями и оскорбили меня, не уделив им никакого внимания. Я невероятно прекрасна и ужасно, чудовищ-

но, — последнее слово я шепчу, — страстна!

— Надо же! — восклицает он. — Правда?

— Чистейшая. Я жажду сильных мужских объятий, стрела Купидона пронзила мое сердце, мне слаще возлежать, чем пререкаться…

— Понимаю… — он откашливается. — И вы заманили меня сюда исключительно ради этого?

— Да, — тихо отвечаю я.

— И что-то сделали с моей командой.

— Да.

— Что?

— Поцелуй меня, и я расскажу.

— Хорошо.

Он целует меня. Афродита! Как это приятно после стольких веков!

— Что вы с ними сделали?

— Я поцеловала их, — отвечаю я, — и они превратились в животных.

— Ужасно! — восклицает он, поспешно оглядывая себя. — А ведь вы такое милое создание!

— Вот теперь ты на правильном пути, — соглашаюсь я. — Ты — из тех редких бестий, которых мой поцелуй не наделяет хвостами, бивнями, копытами, рогами и тому подобными физическими недостатками.

— А способны ли вы превратить моих людей

обратно?

— Я могу это сделать, если ты меня попросишь… очень вежливо.

— Вы… вы колдунья! — неожиданно соображает он. — Я всегда полагал, что они — лишь вымысел невежественных людей. А другую магию вы творить можете?

— А то. Хочешь лунного света?

Я щелкаю пальцами, и крыша исчезает. Над нами повисает ласковая, вдохновляющая луна.

— Поразительно! О! О! Осмелюсь ли я попросить…

— Что, милый? — Я прижимаюсь к нему. — Проси, и Большая Мамочка наколдует все, что пожелаешь.

Долгая, оглушительная тишина.

И наконец он дрожащим голосом спрашивает:

— Можете ли вы сделать меня человеком?

— Чего?

— Человеком, — повторяет он. — Я андроид, как и все нынешние капитаны космических кораблей. Мы более уравновешенны, целеустремленны и менее эмоциональны, чем наши собратья-люди.

— Боги! — восклицаю я, вскакиваю на ноги и тянусь за халатом. — О боги!

— Прости, Джек, — говорю я наконец. — Я всего лишь колдунья. А для того, чтобы сделать из тебя… хоть кого-то, нужна богиня.

— О, — печально отвечает он. — Полагаю, глупо было на это надеяться. Меня всегда интересовало, что чувствуют люди. Это было бы так любопытно…

* * *

Я сердито шагаю сквозь ночь. Немного тренировок — и в следующем воплощении он вполне может стать представителем растительного царства. «Любопытно!»

Согнав в кучу его косматый экипаж, я — тьфу! — поцелуями превращаю их всех обратно в людей. У меня нет выбора! Они нужны ему, чтобы управлять кораблем, а я не могу допустить, чтобы он расхаживал тут, весь такой мужественный и при этом такой же полезный, как эротический плакат в монастыре. «Любопытно!»

Но в моей истории еще будут прекрасный принц и достойный конец.

Слово Желязны

«Цирцея явилась мне, когда я читал “Торч-

ка-Джентльмена” (“Gentleman Junkie”) Харлана Эллисона и решил и сам попробовать написать что-нибудь легкомысленное, стремительное и дерзкое. У меня ушло на это где-то полтора часа, и даже правок почти не понадобилось. Возможно, это самый легкий рассказ, который я написал» [43].

Примечания

Цирцея — в греческой мифологии нимфа или колдунья, превратившая моряков из команды Одиссея в свиней, когда они высадились на ее острове. Ее чары не повлияли на Одиссея, которому **Гермес** подарил растение, оберегающее от ее сил. Цирцея поняла, что не может ничего с ним сделать, сняла заклятие и приютила Одиссея и его команду в своем доме. **Лесбос** — остров в Эгейском море, где родилась поэтесса **Сафо**. **Праксителев Гермес** — мраморная статуя обнаженного Гермеса; датируется 343 годом до н. э. **Аргосские вожди** участвовали в мифической войне Семерых против Фив, в которой и погибли все, кроме одного; из **воителей-мирмидонцев** состояла армия, которой командовал Ахиллес.

---

[43] Примечания: 43
Tightbeam № 37, май 1966 г.

Зеленые испанские мушки — шпанские мушки; на самом деле это жуки зеленого или изумрудного цвета, из которых добывали афродизиак. **Нептун** — бог моря; **Купидон** — бог эротической любви; **Афродита** — богиня любви.

Даже в этой ранней работе Желязны демонстрирует свою склонность к каламбурам, которые можно назвать смелыми или тонкими, в зависимости от восприятия читателя. Фраза «Мне слаще возлежать, чем пререкаться» может показаться как очевидной, так и тонкой, а вот последнее предложение рассказа куда более смело.

Кошка вылизывает шерстку

Tapeworm № 5, 1967 г.

Кошка вылизывает шерстку
на котолюбивой подстилке
в кошачьем домике.
Она чересчур линюча;
заточена в черном как кот
подвале, где грозит своим подданным,
грызунам,
дремлет подле теплой котовьей печки.

Она сыта.
Она танцует призрачный танец
для Бога-Имя-Которому-Мяв.

Когда бы не это, не было бы войн.

Слово Желязны

Желязны послал это стихотворение Джеку К. Холдеману II, редактору фэнзина *Tapeworm* («Глист»), со следующим пояснительным пись-

мом: «Дорогой Джей! Спасибо за экземпляр твоего ~~грязного~~ ~~дурзина~~ прекрасного фэнзина “Глист”. Меня ~~стошнило~~ поразило, насколько это великолепный образец замечательной работы, которая делается ~~извращенцами~~ в НФ-фэндоме сегодня. Оттого я, растрогавшись, соучаствую. Соучастие прилагается. Очевидно, что ты вносишь свою лепту, чтобы сделать мир безопаснее для ~~безбожного~~ ~~коммунизма~~ НФ-фэндома, чтобы его любили и уважали. Спасибо за ~~чудовищное~~ ~~развенчание~~ чудесное откровение касательно фэнских умонастроений и прочего. С наилучшими, Роджер Дж. Желязны» [44].

---

[44] Примечания: 44
Tapeworm № 5, 1967 г.

Коллекция Малатесты

Fantastic, апрель 1963 г.

Я буду скучать по книгам.

Быть может, я всего лишь престарелый реликт распутных времен, но мне нравится думать, что в этом есть и какая-то доля преданности ученого.

Но я помог их обнаружить, а значит, должен присутствовать при их погребении.

Не обманывайся, Космический Глаз, я — не одинокий голос. Во всех нас есть что-то от меня, и от Пола Малатесты тоже.

Родэн уже восходит на платформу. Книги — в ящике, ящик — в постаменте, а статуя укрыта тканью.

Он совершил это открытие ровно год назад, совершенно случайно. Он рыл яму, этот безумный скульптор, рыл яму во Времени. Дело было на одном из нераскопанных курганов, в которых порой можно найти осколки былых цивилизаций. Он часто в них ковыряется — надеется отыскать бюст, торс, фрагмент разрисованной стены. Иногда он совершает поразительные открытия.

Но коллекция Малатесты была уникальна.

* * *

— Это событие заслуживает комментария, — начинает он. — Ввиду скандальности происходящего или его ценности для историков — я сказать не могу. Но я могу сказать следующее, — продолжает он, — вы совершаете ошибку. С точки зрения вечных ценностей вы предаете наш вид, погребая то, что не мертво.

У людей, стоящих вместе с ним на платформе, обеспокоенные лица. Но его невозможно прервать; ничьей решимости не выстоять перед монолитностью его девяностолетнего чувства собственного достоинства. И поэтому он продолжает:

— Я добровольно принимаю участие в этой церемонии, потому что любой могиле нужен памятник, точно так же как любой корень нуждается в дереве. Всякая кончина требует долговечного комментария, пусть и запоздавшего на столетия. Мы ненадолго вывели их в свет, и вы, жители света, были потрясены, потому что они оказались живыми. Теперь вы хотите заново их похоронить, и меня, их приемного отца, призвали, чтобы отметить ваше деяние.

Я ненавижу вас, всех вас. Но вы обязаны меня выслушать — вы слишком вежливы, чтобы этого не сделать, — и, без сомнения, будете мне аплодировать, когда я закончу.

Я помню тот день, когда мы их обнаружили…

* * *

Я тоже помню этот день. Малютка Родэн, в том протершемся до дыр плаще, который он вечно таскает, влетел в мой кабинет подобно стреле.

Дверь врезалась в стену, а он завопил, перескакивая с ноги на ногу перед моим столом:

— Идем скорее! Я откопал душу наших предков!

Он метался, как воробей, несколько раз порывался ринуться к двери, но останавливался, заметив, что я не поднимаюсь.

— Вставай и иди за мной! — приказал он. — Она и так прождала слишком долго.

— Сядь, — сказал я ему. — У меня через полчаса лекция по древней литературе. Нужен ужасно важный повод, чтобы я ее отменил.

Он фыркнул, и его белые усы отпрянули от его слов:

— Древняя литература! Все еще вздыхаешь над «Памелой» и «Дэвидом Копперфилдом», да? Вот

что я тебе скажу: кроме них есть и еще кое-что, и оно у меня в руках!

У Родэна была репутация.

Он был аномалией, почти парией: любимчиком богачей, хоть и бросал им в лицо оскорбления, другом художников, чьи труды всегда поощрял, какими бы незрелыми они ни были, — человек богемы в эпоху, когда богема существовать не могла… производитель дешевого искусства на заказ и творец искусства иного рода, на которое никто не обращал внимания. Величайший из ныне живущих скульпторов.

Наконец он уселся в кресло, едва не увековечив меня в виде статуи своим взглядом василиска.

— Я не упрямлюсь, — извинился я. — Но у меня есть обязанности. Я не могу от них сбежать, не зная, за чем гонюсь.

— Обязанности, — повторил он тем, что у него сходило за спокойный тон. — Да, пожалуй, они у тебя есть. Они теперь почти у всех есть. Не так много осталось вольных душ — искателей Грааля, способных поверить слову старика, что нечто заслуживает часа-другого их внимания.

Слышать это было больно, потому что я уважаю его больше всех знакомых мне людей — с его энциклопедическими познаниями об искусстве,

его обаятельной эксцентричностью и холодным огнем, пылающим в его работах.

— Прости, — сказал я. — Расскажи мне, в чем дело.

— Ты — преподаватель литературы, — провозгласил он. — Я нашел для тебя непрочитанную библиотеку.

Я сглотнул, моргнул, и под веками у меня, точно реки, потекли книжные полки.

— Древние книги? — прошептал я.

Он кивнул.

— Насколько древние?

— Многие — девятнадцатого и двадцатого веков, и еще куча более старых.

Меня трясло. Сколько лет я мечтал о такой находке? В основном в курганах находили только мусор; бумага так недолговечна.

— Много? — спросил я.

— Много, — подтвердил он.

— Мне нужно уведомить секретаря кафедры, что лекции не будет. — Я встал. — Сейчас вернусь… А она далеко?

— Час езды.

Я понесся по коридору, сбрасывая с себя ответственность, словно оперение.

* * *

— …Изучив их, мы не могли поверить своей удаче. Их было так много… так идеально переживших ночь столетия. Мощные стены сберегли их от влаги, гнили, насекомых…

* * *

Я держал ее в дрожащих руках. Бэкон? Легендарный Шекспир, от которого сохранилось только имя? Разве могли они так разговаривать? Я был шокирован. Ядовитое великолепие Марка Твена пережило века — но это!

Я осторожно закрыл «1601» и обернул ее защитной пленкой, которую принес с собой. И открыл книгу писателя по фамилии Миллер.

Десять минут спустя мне стало плохо, очень плохо. Я взял бутылку вина, которую Родэн извлек из глубин своего плаща. Он ничего не говорил, пока я пил.

При свете свечей он набрасывал в уголке странную композицию.

* * *

На том, что осталось от кровати, лежало то, что осталось от двух людей. Я старался не смотреть в ту сторону, но их поза была так очевидна. Мой взгляд облачал плотью костяные руки. Я видел, как они приникали друг к другу, когда падали бомбы; я чувствовал, как дрожал бетон, пытаясь остановить радиацию, убивавшую его создателя. Теперь в саду книг скелет обнимал скелет, ухмыляясь живому вуайеристу.

Я притворился, что читаю «Молль Флендерс», подняв книгу так, чтобы не видеть этого зрелища.

— Это место называлось бомбоубежищем, да?

— Верно. Перед темными временами их строили многие.

— И этот человек, — я взглянул на затейливый экслибрис на «Камасутре», — этот Пол Малатеста, обустроил свое бомбоубежище довольно необычным образом, верно?

— Не знаю, — Родэн захлопнул блокнот для набросков. — Мне неведомо, как в те дни думали люди, но, полагаю, каждый наполнял его тем, что больше всего ценил.

— Я преподаю литературу, — подумал я

вслух, — но никогда не слышал об этих книгах — автобиография Харриса, «Стихотворения на разные случаи» Рочестера, «Овощи» Кориата, «Гамиани», «Флосси», «Фестиваль любви»…

— Значит, пора тебе о них услышать, — ответил он, — раз уж они здесь есть.

— Но их язык, — запротестовал я, — их темы… все это так… так…

— Грубо? — подсказал он. — Низменно? Примитивно? Скатологично? Непристойно?

— Да.

— Я нашел это место вчера. Я провел за чтением всю ночь. Нам нужны эти книги, если мы хотим по-настоящему понять наших Предков и самих себя.

— Самих себя?

— Да. Тебе стоит почитать вон те книжки, — он махнул рукой, — которые написаны неким Фрейдом. Ты думаешь, что человек совершенно рационален и морален?

— Разумеется. Мы искоренили преступность, внедрили обязательное образование… Мы превосходим наших предков как этически, так и интеллектуально.

— Чушь! — он снова фыркнул. — Насколько я могу судить, базовая природа человека не меня-

лась на протяжении всей истории.

— Но эти книги!..

— В те времена люди летали на Луну, побеждали болезни, изводящие нас до сих пор. Они признавали демонический дух Диониса, живущий во всех нас. Выжили те книги, которые были наиболее многочисленными… самые важные мы всегда находили в маленьких хранилищах… разве что ты считаешь распространенность признаком величия.

— Я не знаю, как их примут…

— Примут ли, — тихо поправил меня Родэн.

* * *

— …Если вы избрали дорогу истребления искусства демократическим путем, я не в силах вас остановить. В моих силах только протестовать. Я могу лишь немного оправдать вас тем, что вы решили их не сжигать. Но ваше решение заставить их дожидаться поколения, которое будет лучше к ним подготовлено, — оно заслуживает вечного осуждения. И вы это знаете, а я, в свою очередь, осуждаю вас за этот поступок…

* * *

Какую бурю, какую схватку критиков, популярных и академических, я породил!

Когда я привез коллекцию Малатесты в университет, профессора подняли радостный крик, вскоре сменившийся вздернутыми бровями. Я не так стар, как Родэн, но в таком благопристойном обществе, как наше, тоже считаюсь слишком старым, чтобы меня оскорблять… Но некоторые подошли к этому близко.

Сперва все было сплошь неуверенность и двусмысленность.

— …Спору нет, это важная находка. Эти книги, несомненно, проливают новый свет на историю литературы. Разумеется, мы изучим их со всей непредвзятостью. Но широкая публика… Пожалуй, нам лучше подождать до тех пор, пока мы не оценим их во всей полноте.

Я никогда раньше не слыхал о подобном и так им и сказал.

Стол был окружен ледяными статуями. Они решили проигнорировать мое высказывание, вновь устремив на меня осуждающие взгляды сквозь толстые очки.

— Но Чосер, — настаивал я, — Гюисманс, «Оре-

стея»! Вы же не можете выбросить их просто потому, что вам неприятно их читать! Это литература, дистилированная гением жизнь…

— Мы не убеждены, — сказала одна из сосулек, — что это искусство.

Я взорвался и уволился, но ход моему заявлению так и не дали, поэтому я остался работать. Литература — как пирог: один кусок лучше, чем ничего.

* * *

— Вы не освободили их. Вместо этого вы сделали их пленницами основания вашего нового философского факультета — что само по себе служит демонстрацией присущей жизни иронии — а меньше года спустя поручили мне воздвигнуть им кенотаф.

Вы его так не назвали, но, дабы успокоить свою совесть — вы же моральные люди — вы не могли не почтить то величие, которое узрели, хоть и презираете его.

Я воздвиг ваш памятник — не одну из своих аляповатых денежных гробниц, на которых резвятся среди ракушек позолоченные ангелы, но памятник человеку, каким он был, каков он есть и каким он будет всегда…

О, мертвый Малатеста! Забавлявшийся со своей бледной любовницей Фрэнсис в радиоактивной печи, пока ракеты гудели свою песнь смерти… Рыдала ли она? Что она сказала в самом конце? Я прочел твой дневник до финальной записи, сделанной в тот последний день… «Мы поджариваемся. Черт побери! Нас найдут сплетенными в…»

Я уважаю тебя, Малатеста, так же, как уважаю Кастильоне и Да Винчи, — ты был знатоком искусства, ученым и мужчиной до конца! Вращайтесь, атомы человека, вы сделали закат моей жизни красочнее…

— Это, — Родэн потянулся к темной вуали, — утверждение человеческой природы.

Он сорвал ее.

Двор наполнился пораженными возгласами, а мои глаза — слезами. Родэн сделал это! В какой бы кладовой, на каком бы чердаке ее ни спрятали, его слава будет ожидать неизбежного признания потомков.

Стальные ребра под белой эмалью, — эта ужасная поза! — руки скелетов, навечно сомкнувшиеся в похотливых объятиях, и сладострастное consolamentum лишенных плоти лиц.

Бронзовое основание несло на себе простую

подпись: «”Поцелуй” Родэна».

А потом издалека до меня донесся его голос:

— Вот оно. Делайте с ним, что хотите, — но никогда больше меня к нему не подпускайте!

Разразились бездумные аплодисменты в сопровождении вздохов и тихих комментариев.

В тот день я уволился снова, по-настоящему.

Слово Желязны

«Честно говоря, это был очень надуманный эксперимент — я пытался написать поток речи, перемежаемый чередой флешбэков, чтобы понять, смогу ли таким образом рассказать историю. Сюжет меня на самом деле не интересовал, только метод» [45].

Это не первый раз, когда в работах Желязны фигурирует «Божественная комедия» Данте Алигьери. Он говорил, что в число лучших из когда-либо прочитанных им книг входят «”Илиада”, “Божественная комедия”, “Дон Кихот”, “Том Джонс”, “Моби Дик”, “Анна Каренина”, “Волшебная гора”» [46], и сведущий читатель может

---

[45] Примечания: 45
Tightbeam № 37, 1966 г.

[46] Примечания: 46
Nova № 1, июнь 1972 г.

заметить в рассказах, стихах и романах Желязны возникающие вновь и вновь аллюзии на эти (и другие) книги.

Примечания

Имена и названия, использованные в этом рассказе, не случайны: **«Поцелуй»** — знаменитая скульптура Огюста Родена, вдохновленная страстной внебрачной любовью исторических персон — **Франчески да Римини** и **Паоло Малатесты**. Они были застигнуты in flagrante [47] и убиты мужем Франчески (и братом Паоло) Джованни Малатестой. Современник Франчески Данте Алигьери сделал ее персонажем своей «Божественной комедии». Желязны намеренно пишет **«Родэн»** вместо «Роден» — возможно, чтобы обозначить искажение исторических данных с течением времени. В рассказе персонажи Франческа и Малатеста умирают в бомбоубежище, и их скелеты остаются навечно сплетенными в любовных объятиях, окруженные книгами, шокирующими их потомков.

В тексте упоминается множество реальных книг и писателей, и большинство из них связаны

---

[47] Примечания: 47
В разгаре преступления (*лат.*).

с различными аспектами сексуального желания. **«Памела, или Вознагражденная добродетель»** — роман Сэмюэла Ричардсона, **«Дэвид Копперфилд»** — роман Чарльза Диккенса; **Фрэнсис Бэкон** был философом и ученым, но некоторые называют его настоящим автором работ Шекспира; **Марк Твен** — псевдоним писателя Сэмюэла Клеменса, автора романов «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна», **«1601»** и других; **Генри Миллер** написал роман «Тропик Рака», считавшийся в шестидесятых годах двадцатого века порнографическим; **«Молль Флендерс»** — роман Даниеля Дефо; **«Камасутра»** — книга, прежде всего известная небольшим разделом, посвященным сексуальному наслаждению и описанию разнообразных сексуальных позиций; «Моя жизнь и любовь» — нашумевшая автобиография писателя **Фрэнка Харриса**, в которой он рассказывает о своих сексуальных похождениях, проиллюстрированных фотографиями обнаженных женщин; Джон Уилмот, граф **Рочестер**, был известен как автор скабрезных и вульгарных стихов, один из сборников которой называется **«Стихотворения на разные случаи»**; **«Овощи» Кориата** рассказывают о путешествии Томаса Кориата по Европе и деликатесах, ко-

торыми он наслаждался; **«Гамиани»** — роман француза Альфреда де Мюссе; **«Фестиваль любви»** — поэтический сборник Ричарда Суэйнсона Фишера; в работах **Зигмунда Фрейда** говорится о том, как нами управляют подсознательные мотивы и примитивные потребности; **Джеффри Чосер** — автор «Кентерберийских рассказов»; **Жорис-Карл Гюисманс** известен прежде всего романом «Наоборот»; **«Орестея»** — трилогия древнегреческих пьес, рассказывающих историю Ореста, убившего свою мать после того, как она убила его отца.

Человек богемы — художник, живущий и действующий без оглядки на традиционные правила и порядки. **Василиск** — чудовище, убивающее взглядом. **Дионис** — бог вина, но также покровитель цивилизации, мира и закона. **Скатологический** — связанный с испражнениями, грязью или непристойностью. **Кенотаф** — памятник, стоящий над пустой могилой. **Бальдассаре Кастильоне** — итальянский писатель эпохи Возрождения, известный трактатом «Придворный». **Consolamentum** («Утешение») — таинство катаров (христианского движения), заключавшееся в крещении Святым Духом, принятии всех духовных даров, наделении властью связывать и

развязывать, отпущении грехов, духовном возрождении и рукоположении, слитых в единой церемонии.

Оттягиваясь на бейсболе

Сборник «Круженье – это чудо-кошка», Underwood-Miller, 1981 г.

Написано в 1955–1960 годах для сборника «Резец в небе»

Зеленое борется с желтым на колончатом островке,
вышаркивая по временам бурые комья.

Примечания

Стихотворение описывает питчерскую горку, как ее видно с трибуны.

«Поцелуй» Родена

Сборник «Круженье – это чудо-кошка», Underwood-Miller, 1981 г.

Написано в 1955–1960 годах для сборника «Резец в небе»

Как ста́сим: вопрошанье и ответ —
помимо камня, где я прежде видел
тебя, мандала в средоточье глаза?
Гитары и орган, а может, скрипка
лишь сводят в непрестанный антикли-
макс
за гранью звука вытесанный миг,
и тьмущий легион беспоэтичных
не обнимает никого с подобным
сцепленьем рук недвижных. Где? Не знаю.

Уста, что поцелуй замкнул навеки,
чей зримый разговор пребудет тайной,
ко мне не обратятся (я – непрошен,

я – соглядатай в храме), разбивая
ту тишину, что ввек невыразима.

Но я тебя, уверен, все же видел:
глаз не держал, язык не лепетал,
внося свое злосчастное участье,
но ты знаком мне, хоть кривится память:

Вот нечто, пробудившееся здесь
внезапно возглашает арку шеи,
ладонь, бедро ласкающую ниже;
вот нечто, как моя живая кровь, —
в слепой плоти вихрящийся провидец;
бесформенный бегун за беглой формой —
виденья общность в статую он плавит.

Примечания

«Поцелуй» — знаменитая скульптура Огюста Родена, изобразившего обнаженных любовников в эротических объятиях; статуя играет немаловажную роль и в «Коллекции Малатесты» (*см.* примечания к этому рассказу).

Стасим — песня, исполнявшаяся в древнегреческой трагедии одним актером, которому отвечал хор за его спиной. **Мандала** — узор или схема, используемая для концентрации внимания и медитации; **мандала в средоточье глаза** отсылает к радужной оболочке.

К меланхоличной возлюбленной

Alternities № 6, лето 1981 г.

Две сотни шесть костей
в одно скрепляют страсть и плоть,
четыреста двенадцать —
то же:
ограждены от стрекота и стресса,
улыбкой будущее дарят беспричинной,
поэзию являя в энтропии.

Побудь моею Валентиной.

Примечания

Название отсылает к стихотворению Эндрю Марвелла «К стыдливой возлюбленной», которое начинается словами «Коль нам хватило б Времени и Мира…». В среднем взрослом человеке 206 костей…

Пиявка из нержавеющей стали

Amazing, апрель 1963 г., под псевдонимом «Гаррисон Денмарк»

Они очень боятся этого места.

Днем они еще готовы лязгать вокруг надгробий, если им прикажут, но даже Центр не может провести здесь обыск ночью, невзирая на все ультра и инфра, — а в мавзолей они не заходят никогда.

Что для меня очень удобно.

Они суеверны; это прошито в их схемах. Их создавали для служения человеку, и во время его недолгого пребывания на этой земле благоговение и верность, а также страх, были автоматическими. Даже последний человек, ныне покойный Кеннингтон, повелевал всеми существующими роботами, пока был жив. Его почитали и подчинялись всем его приказам.

А человек есть человек, не важно, жив он или мертв, и потому кладбища — эти сочетания ада, рая и странных сигналов — будут существовать отдельно от городов, доколе пребудет земля.

Но пока я потешаюсь над ними, они заглядыва-

ют за надгробия и всматриваются в канавы. Они ищут; и боятся, что найдут, — меня.

Я, неутилизированный, — легенда. Лишь один раз на миллион сборок может возникнуть такой дефектный образец, как я, и остаться незамеченным до тех пор, пока не будет уже слишком поздно.

Я мог по желанию отключать контур, связывавший меня с Центром управления, становясь свободным ботом, и блуждать, где пожелаю. Мне нравилось навещать кладбища, потому что их тишина отличалась от сводящего с ума грохота станков и лязга толпы; мне нравилось смотреть на зеленые, красные, желтые, синие штуки, которые росли вокруг могил. И я не боялся этих мест, потому что этот контур тоже был дефектным. Поэтому, разоблачив меня, они извлекли мой вит-ящик и бросили меня в кучу утиля.

Но на следующий день я исчез, и их охватил великий страх.

У меня больше нет автономного источника питания, но аномальные катушки в моей груди служат аккумуляторными батареями. Однако их нужно часто подзаряжать, и есть лишь один способ это делать.

Роборотень — одна из самых пугающих легенд,

о которых шепчутся между блистающими стальными башнями, когда ночной ветер вздыхает под бременем страхов прошлого, тех дней, когда по земле ступали неметаллические создания. Темные крики полуживых, истребителей порядка, до сих пор звучат в вит-ящике каждого бота.

Я, недовольный, неутилизированный, живу здесь, в Роузвуд-парке, среди кизила и мирта, надгробий и разбитых ангелов, вместе с Фрицем — еще одной легендой — в нашем глубоком и мирном мавзолее.

Фриц — вампир, и это чудовищно и трагично. Он так истощен, что не может больше передвигаться, но и умереть не может, и поэтому просто лежит в своем гробу и мечтает об ушедших временах. Однажды он попросит меня вынести его наружу, под лучи солнца, и я увижу, как он иссохнет и истает в покой, ничто и пыль. Я надеюсь, что он попросит меня об этом не скоро.

Мы беседуем. Ночью, когда луна полна и он находит в себе силы, он рассказывает мне о лучших своих годах, что проходили в местах, называвшихся Австрия и Венгрия, где его тоже боялись и выслеживали.

— …Но только пиявка из нержавеющей стали может добыть кровь из камня — или из робо-

та, — сказал он прошлой ночью. — Это гордая и одинокая судьба — быть пиявкой из нержавеющей стали: возможно, ты один такой на свете. Так оправдывай же свою репутацию! Преследуй их! Осушай их! Оставь свои отметины на тысяче стальных глоток!

И он был прав. Он всегда прав. И знает о таких вещах больше, чем я.

— Кеннингтон! — Его тонкие, бескровные губы улыбнулись. — О, какая между нами была дуэль! Он был последним человеком на земле, а я — последним вампиром. Десять лет я пытался его выпить. Я добирался до него дважды, но он был из Старого Света и знал нужные меры предосторожности. Узнав о моем существовании, он сразу же приказал всем роботам вооружиться деревянными кольями — но у меня в те дни было сорок две могилы, и они меня так и не нашли. Хоть и подошли очень близко…

Но по ночам — ах, по ночам! — он хохотнул. — Тогда мы менялись ролями! Я становился охотником, а он — добычей!

Я помню, как лихорадочно он разыскивал последние ростки чеснока и аконита, помню линии сборки распятий, которые он заставлял работать круглосуточно — будучи неверующим! Мне бы-

ло искренне жаль, когда его настигла мирная смерть. Не столько потому, что мне так и не удалось его как следует осушить, столько потому, что он был достойным соперником и подходящим врагом. Какая между нами шла игра!

Его сиплый голос ослаб.

— Он спит менее чем в трех сотнях шагов отсюда, побелевший и сухой. Под большим мраморным надгробием у ворот… Пожалуйста, собери завтра розы и возложи туда.

Я пообещал, что сделаю это, потому что он роднее для меня, чем любой бот, невзирая на внешние различия. И я должен сдержать слово прежде, чем этот день сменится вечером, хоть меня и ищут там, наверху, ведь так велит моя природа.

* * *

— Будь они прокляты! — Этим словам меня научил Фриц. — Будь они прокляты! — говорю я. — Я поднимаюсь наверх! Берегитесь, смирные боты! Я пройду меж вами, и вы меня не узнаете. Я присоединюсь к поискам, и вы посчитаете меня одним из вас. Я соберу красные цветы для мертвого Кеннингтона, стоя с вами плечом к плечу, и Фриц улыбнется, узнав об этой шутке!

Я поднимаюсь по растрескавшимся и полым ступеням; восток уже разливает сумерки, а глаз солнца наполовину смежился на западе.

Я выхожу наружу.

Розы живут на стене через дорогу. На длинных, извилистых трубках плетей, с головками, что ярче любой ржавчины, они горят, точно тревожные сигналы на панели управления, но влажно.

Одна, две, три розы для Кеннингтона. Четыре, пять…

— Что ты делаешь, бот?

— Собираю розы.

— Ты должен искать роборотня. Тебя что-то повредило?

— Нет, я в порядке, — отвечаю я и парализую его, коснувшись плеча. Замкнув цепь, я пью из его вит-ящика, пока не насыщаюсь.

— Роборотень — это ты! — слабо выговаривает он.

И с грохотом падает.

…Шесть, семь, восемь роз для Кеннингтона, мертвого Кеннингтона, мертвого, как бот у моих ног, — и даже более мертвого — ибо некогда он жил полноценной органической жизнью, больше похожей на жизнь Фрица или мою, чем на их жизни.

— Что здесь произошло, бот?

— Он остановился, а я собираю розы, — отвечаю я.

Ко мне подошли четыре бота и Контролер.

— Вам пора уходить отсюда, — говорю я. — Скоро наступит ночь, и роборотень выйдет на охоту. Уходите, или он прикончит вас.

— Это ты его остановил! — говорит Контролер. — Это ты — роборотень!

Я прижимаю охапку цветов к груди одной рукой и поворачиваюсь к ним. Контролер, большой бот специальной сборки, подходит ко мне. Остальные приближаются с других сторон. Он послал зов.

— Ты — странное и ужасное создание, — говорит он, — и тебя следует утилизировать ради блага общества.

Он хватает меня, и я роняю цветы Кеннингтона.

Я не могу выпить его. Мои катушки почти полны, а у него специальная изоляция.

Их уже десятки вокруг меня, боящихся и ненавидящих. Они утилизируют меня, и я лягу рядом с Кеннингтоном.

«Ржавей с миром», — скажут они… Мне жаль, что я не сдержу данное Фрицу обещание.

— Отпустите его!

Нет!

Закутанный в саван, разлагающийся Фриц стоит в дверях мавзолея, шатаясь, хватаясь за камни. Он всегда знает…

— Отпустите его! Это приказываю я, человек.

Он бледен и задыхается, и солнечный свет творит с ним ужасные вещи.

…Древние контуры щелкают, и я неожиданно обретаю свободу.

— Да, хозяин, — говорит Контролер. — Мы не знали.

— Схватить этого робота!

Фриц указывает на него дрожащим костлявым пальцем.

— Это он — роборотень, — выдыхает он. — Уничтожьте его! Тот, что собирал цветы, подчинялся моему приказу. Оставьте его со мной.

Он падает на колени, и последние копья солнца пронзают его плоть.

— И уходите! Уходите все! Быстро! Я приказываю, чтобы ни один робот больше никогда не посещал кладбищ!

Он распадается, и я знаю, что на пороге нашего дома остались лишь кости и лохмотья сгнившего савана.

Фриц сыграл последнюю свою шутку — сыграв человека.

Я отношу розы Кеннингтону, а молчаливые боты тем временем навсегда уходят через ворота, унося с собой покорного Контролера. Я кладу розы у подножия памятника — памятника Кеннингтону и Фрицу — последним странным, по-настоящему жившим созданиям.

Теперь неутилизированным остаюсь только я.

В последнем свете солнца я вижу, как они пронзают вит-ящик Контролера колом и закапывают его на перекрестке.

А потом торопливо возвращаются в свои башни из стали, из пластика.

Я собираю то, что осталось от Фрица, и отношу вниз, к его гробу. Кости хрупки и молчаливы.

…Это очень гордая и одинокая судьба — быть пиявкой из нержавеющей стали.

Слово Желязны

«В какой-то момент я начал выдавать очень много рассказов, так много, что Сил [Голдсмит] предложила публиковать по две штуки в номере, чтобы израсходовать запас, и печатать второй

под псевдонимом. В качестве nom de typewriter [48] она предложила «Гаррисон Денмарк». Я согласился, и этот рассказ, моя первая попытка написать что-нибудь относительно комичное, вышел под этим псевдонимом. Мне и в голову не приходило, что автором этого текста могут посчитать Гарри Гаррисона, который в то время жил в датском городе Снеккерсон и написал «Крысу из нержавеющей стали» [49]. Но это пришло в голову Гарри, и он опубликовал письмо, в котором заявил, что рассказ написал не он. Не знаю, поверил ли он мне, когда позже я сказал ему, что мне это и в голову не приходило. Но мне это и в голову не приходило» [50].

Примечания

Йейтс писал о **«гордых и одиноких вещах»** в 1907 году, а Уолтер Макфарлейн написал **«это**

---

[48] Примечания: 48

Nom de typewriter — обыгрывание выражения nom de plume, означающего «псевдоним» и дословно переводящегося с французского как «имя пера»; слово typewriter переводится с английского как «пишущая машинка». (*Прим. пер.*)

[49] Примечания: 49

Фамилия Денмарк (Denmark) в переводе с английского означает «Дания». (*Прим. пер.*)

[50] Примечания: 50

«Последний защитник Камелота», 1980 г.

гордая и одинокая судьба — быть человеком» в своем научно-фантастическом рассказе 1947 года «To Watch the Watchers» («Сторожить сторожей»). С тех пор эта фраза неоднократно цитировалась или пародировалась писателями, придумывавшими свои вариации на тему «это гордая и одинокая судьба — быть [имяреком]…» Ее использовали Роберт Блох («…фэном»), Гарри Гаррисон («…крысой из нержавеющей стали») и Желязны, как в этом рассказе («…пиявкой из нержавеющей стали»), так и позднее, в замечании Корвина «Это гордая и одинокая судьба — быть принцем Амбера»). **Мирт** — вечнозеленое растение с ароматными белыми цветами и красными ягодами; он считался священным цветком Венеры. **Мавзолей** — большая, величественная усыпальница. **Аконит**, он же борец или волкобой — это многолетнее травянистое растение с похожими на клобуки фиолетовыми цветами, источник сильнейшего алкалоидного яда аконитина.

Старинный огайский народный бабах

Double: Bill № 9, июнь 1964 г.

Когда дунет чуждый ветер
да прольется дождь зелён?
Когда ядерны осадки
Вновь зальют Кливлендский кон?

Слово Желязны

«Первый кон, который я посетил, в 1955 году — в ваших краях, насколько я помню. А стариный огайский народный бабах — звучит как Песня Социального Протеста, ну так он такой и есть уже давно, верно?» [51]

Примечание переводчика

Double: Bill — фэнзин, издававшийся в Огайо с 1962 по 1969 год двумя Биллами, Бауэрсом и Малларди. В книге стихи названы Old Ohio Folkrag, в фэнзине название отличается на букву:

---

[51] Примечания: 51
Комментарий из письма Биллу Бауэрсу от 28 марта 1964 года.

Old Ohio Folkfrag. Скорее всего, это не опечатка, а отсылка и к музыке в стиле «рэгтайм» (от rag — «лоскут, обрывок»), и к слову frag — «осколок, взрыв гранаты». В фэнзине жанр обозначен как “verse?” — «стихи?».

Двери лица его, пламенники пасти его

The Magazine of Fantasy & Science Fiction, март 1965 г. Премия «Небьюла» 1966 г. (короткая повесть). Номинация на премию «Хьюго» 1966 г. (малая проза). № 52 в списке лучших фантастических произведений всех времен по мнению читателей журнала *Locus*, 1999 г. (короткая повесть)

Я — наживочник. Наживочниками не рождаются — разве что в том французском романе, где все такие. (По-моему, он даже и называется «Все мы наживка». Пффф!) Как я дошел до такой жизни — история не слишком интересная и никакого отношения к нео-экзам не имеющая, однако дни чудовища заслуживают нескольких слов, поэтому вот они.

* * *

Венерианские Низменности лежат между большим и указательным пальцами континента, известного как Ладонь. Она швыряет свой сереб-

ристо-серый шар для боулинга тебе навстречу, стоит только пробиться в Облачную Долину. И тогда ты подскакиваешь внутри той огнехвостой кегли, в которой тебя спускают на поверхность, однако ремни не дают выставить себя дураком. Как правило, после этого ты усмехаешься, но сначала всегда подскакиваешь.

Затем ты изучаешь Ладонь, чтобы изгнать ее иллюзию, и средний с безымянным пальцы становятся унизанными десятком колец архипелагами, а указательный и мизинец преображаются в серо-зеленые полуострова; большой палец слишком короток и загибается, как эмбриональный хвостик мыса Горн.

Ты втягиваешь в себя чистый кислород, возможно, вздыхаешь и начинаешь долгое падение к Низменностям.

Там тебя, будто высоко отбитый мяч, ловит посадочная площадка Линии Жизни — названной так из-за ее близости к великой дельте в Восточном заливе, — расположенная между первым полуостровом и «большим пальцем». На минуту кажется, что ты промахнешься мимо Линии Жизни и превратишься в консервы «дары моря», но потом — отряхнувшись от метафор — ты опускаешься на обожженный бетон и предъ-

являешь свой средних размеров телефонный справочник с разрешениями коротенькому, толстенькому человеку в серой фуражке. Документы подтверждают, что ты не страдаешь таинственной внутренней гнилью и тому подобным. Тогда он улыбается тебе коротенькой, толстенькой серой улыбкой и жестом указывает на автобус, который отвозит тебя в Зону Приема. В З.П. ты проводишь три дня, доказывая, что ты и впрямь не страдаешь таинственной внутренней гнилью и тому подобным.

Однако скука — гниль иного рода. Когда три дня истекают, ты обычно набрасываешься на Линию Жизни, а она рефлекторно отвечает тебе взаимностью. Воздействие алкоголя в различных атмосферах — тема, о которой ценители написали множество томов, поэтому я ограничусь замечанием, что хороший загул стоит того, чтобы отвести на него как минимум неделю, а изучать его потом можно всю жизнь.

Я уже почти два года был подающим большие надежды учеником (не имеющим ни малейшего желания выпускаться), когда «Чистая вода» пробила наш мраморный потолок и высыпала своих пассажиров в город, как будто мишени.

Пауза. «Планетарный альманах» о Линии Жиз-

ни: «…Портовый город на восточном побережье Ладони. Сотрудники Агентства Внеземных Исследований составляют примерно 85 % его стотысячного населения (согласно переписи 2010 года). Другие его жители по большей части являются сотрудниками нескольких промышленных корпораций, занимающихся исследовательскими работами. Оставшуюся часть населения составляют независимые морские биологи, богатые любители рыбной ловли и работающие в море предприниматели».

Я повернулся к Майку Дебису, своему коллеге-предпринимателю, и отпустил комментарий относительно никчемных результатов исследовательских работ.

— Ты просто не знаешь всей правды.

Он помолчал, укрывшись за стаканом, прежде чем вернуться к медленному глотательному процессу, рассчитанному на то, чтобы привлечь мое внимание и несколько ругательств, а потом продолжил.

— Карл, — наконец сообщил он с лицом покериста, — они готовят «Десять-в-квадрате».

Я мог бы его ударить. Я готов был налить ему в стакан серной кислоты и с радостью наблюдать, как его губы чернеют и трескаются. Вместо этого

я уклончиво буркнул:

— И кто же настолько глуп, чтобы платить пятьдесят тысяч в день? АВИ?

Майк покачал головой.

— Джин Лухарич, — ответил он, — девочка с фиолетовыми контактными линзами и пятьюшестью десятками идеальных зубов. Насколько я знаю, на самом деле глаза у нее карие.

— У нее крем для лица, что ли, плохо продается?

Он пожал плечами:

— Пиар правит миром. Акции «Лухарич Энтерпрайзес» подскочили на шестнадцать пунктов, когда она выиграла Кубок Солнца. Ты когда-нибудь играл в гольф на Меркурии?

Я-то играл, но заострять на этом внимание не стал и продолжил расспросы:

— Значит, она летит сюда с пустым чеком и рыболовным крючком.

— На «Чистой воде», сегодня, — кивнул он. — Должна была уже сесть. Куча камер. Ей нужен Икки, сильно.

— Хм-м, — хмыкнул я. — Насколько сильно?

— Контракт на шестьдесят дней. «Десять-в-квадрате». Возможность бесконечного продления. Полтора миллиона залога, — процитировал он.

— А ты, похоже, много об этом знаешь.

— Я — кадровый агент. «Лухарич Энтерпрайзес» связались со мной в прошлом месяце. Полезно пить в правильных местах.

— Или владеть ими.

Он ухмыльнулся — секунду спустя.

Я отвернулся, потягивая свое горькое зелье. А чуть погодя проглотил несколько вещей сразу и задал Майку вопрос, который он ожидал услышать, что сделало меня уязвимым для его ежемесячной лекции о воздержании.

— Они велели мне попробовать завербовать тебя, — сообщил он. — Когда ты в последний раз выходил в море?

— Полтора месяца назад. На «Солке».

— Мелочь, — фыркнул он. — Когда ты сам в последний раз погружался?

— Давненько.

— Больше года назад, верно? В тот раз, когда тебя порезало винтом под «Дельфином»?

Я повернулся к нему:

— Я на прошлой неделе был на реке, у Энглфорда, где сильные течения. Я все еще кое на что способен.

— Трезвым, — добавил он.

— Я бы оставался таким, — сказал я, — на по-

добной работе.

Сомневающийся кивок.

— Профсоюзные ставки. Тройная оплата в случае непредвиденных обстоятельств, — сообщил он. — Будь у шестнадцатого ангара со своим снаряжением в пятницу, в пять утра. Отбываем в субботу на рассвете.

— Ты тоже поплывешь?

— Я тоже поплыву.

— С чего вдруг?

— Деньги.

— Гуано Икки.

— Бар переживает не лучшие времена, а моей детке нужны новые меха.

— Повторяю…

— …А мне хочется убраться подальше от моей детки, вернуться к основам — свежий воздух, упражнения, — подзаработать денег…

— Ладно, извини, что спросил.

Я подлил ему выпивки, напряженно думая об H_2SO_4, но трансмутации не произошло. В конце концов я его напоил и вышел в ночь, чтобы прогуляться и все обдумать.

За последние пять лет было предпринято около десятка серьезных попыток поймать *Ichtyform Leviosaurus Leviantus*, больше известного как

Икки. Когда Икки заметили впервые, использовались китобойные методы. Эти попытки заканчивались либо ничем, либо катастрофой, и тогда придумали новую процедуру. Богатенький спортсмен по имени Майкл Яндт построил «Десять-в-квадрате», спустив на этот проект все свое состояние.

Проведя в Восточном океане целый год, он вернулся, чтобы объявить о банкротстве. После этого Карлтон Дэвитс, плейбой и энтузиаст рыбной ловли, перекупил гигантский плот и направился к местам нереста Икки. На девятнадцатый день у него клюнуло, и он потерял непроверенное оборудование общей стоимостью в сто пятьдесят тысяч долларов, а также одного *Ichtyform Leviosaurus*. Двенадцать дней спустя, используя строённые тросы, он поймал, усыпил и начал вытягивать огромную тварь. В процессе она пробудилась, снесла диспетчерскую вышку, убила шестерых и устроила сущий ад на пяти квадратных блоках «Десяти-в-квадрате». Карлтону остались частичная гемиплегия и собственное дело о банкротстве. Он растворился в прибрежной атмосфере, а «Десять-в-квадрате» сменила владельцев еще четырежды, с менее зрелищными, но столь же разорительными результатами.

Наконец огромный плот, построенный для одной-единственной цели, купило на аукционе АВИ для «морских исследований». «Ллойд» до сих пор отказывается его страховать, а единственные «морские исследования», в которых ему доводится поучаствовать, происходят, когда его сдают напрокат за пятьдесят тысяч в сутки — людям, которым до зарезу нужны рыбацкие байки про ловлю Левиафана. Я был наживочником в трех из этих вояжей и дважды оказывался так близко к Икки, что мог пересчитать его клыки. Я хочу заполучить один из них, чтобы показывать внукам, — по личным причинам.

Я повернулся лицом к посадочной площадке и принял решительное решение.

— Я нужен тебе для местного колорита, девочка. Чтобы первая полоса красиво смотрелась, и все такое. Но знай вот что: если кто и поймает для тебя Икки, то это буду я. Обещаю.

Я стоял на пустой площади. Укутанные дымкой башни Линии Жизни обменивались туманами.

* * *

Бывший пару геологических эпох назад берегом восточный склон над Линией Жизни кое-где уходит миль на сорок в глубь материка. Угол

его подъема невелик, но он достигает высоты в несколько тысяч миль, прежде чем встретиться с горным хребтом, отделяющим нас от Нагорья. Где-то в четырех милях от океана и на пятьсот футов выше Линии Жизни расположено большинство наземных посадочных площадок и частных ангаров. В шестнадцатом ангаре размещаются «Контрактные перевозки Кэла», служба хопперной перевозки с берега на корабли. Кэл мне не нравится, но его не было рядом, когда я выбрался из автобуса и помахал механику.

Два хоппера рыли копытами бетон, нетерпеливые под нимбами лопастей. Тот, над которым работал Стив, гулко рыгнул диффузором карбюратора и спазматически затрясся.

— Животик болит? — поинтересовался я.

— Угу, газы замучили, и изжога вдобавок.

Стив заворачивал регулировочные винты, пока хоппер не перешел на размеренный вой, а потом повернулся ко мне:

— Ты в экспедицию?

Я кивнул.

— «Десять-в-квадрате». Косметика. Чудища. И все такое прочее.

Он поморгал в сигнальные огни и утер веснушки. Температура была около двадцати, но

большие прожектора над нашими головами имели двойное назначение.

— Лухарич, — пробормотал он. — Значит, это *ты*. С тобой хотят увидеться кое-какие люди.

— Зачем?

— Камеры. Микрофоны. И все такое прочее.

— Тогда мне стоит закинуть на борт свою снарягу. На котором я полечу?

Он ткнул отверткой во второй хоппер.

— Вот на этом. Кстати, ты уже на пленке. Они хотели заснять твое прибытие.

Он повернулся к ангару, потом снова ко мне:

— Скажи «сыр». Крупные планы они снимут позже.

То, что я сказал, было совсем не похоже на «сыр». Они, должно быть, использовали телелинзы и смогли прочитать это по моим губам, потому что эту часть записи так нигде и не показали.

Я забросил свое барахло назад, забрался на пассажирское сиденье и закурил сигарету. Через пять минут из бескаркасного ангара, где оборудовал себе офис, показался Кэл собственной персоной; видок у него был холодный. Он подошел к хопперу и забарабанил в борт. Потом ткнул большим пальцем за спину, в сторону ангара.

— Ты нужен им там! — крикнул он через сло-

женные рупором ладони. — Интервью!

— Спектакль окончен! — проорал я в ответ. — Если не согласны — пусть ищут себе другого наживочника!

Его ржаво-карие глаза под блондинистыми бровями превратились в шляпки гвоздей, а взгляд сделался острием; потом Кэл резко развернулся и ушагал прочь. Мне стало интересно, сколько они ему заплатили за возможность разместиться в его ангаре и тянуть соки из его генератора.

Зная Кэла, думаю, что прилично. Но он мне никогда не нравился.

* * *

Ночная Венера — это антрацитовая гладь воды. С берега не поймешь, где кончается море и начинается небо. Рассвет похож на вливаемое в чернильницу молоко.

Сначала появляются случайные пятнышки белого, чуть позже — полосы. Встряхните чернильницу до образования серого коллоида, а затем посмотрите, как он еще немножко светлеет. И неожиданно возникает день. А теперь начните нагревать смесь.

Мне пришлось сбросить куртку, пока мы неслись над заливом. Оставшийся позади город

как будто затопило водой — так он колыхался и шел рябью от жары. В хоппере могут уместиться четыре человека (пять, если вы готовы обойти правила и занизить вес) или же трое вместе со снарягой наживочника. Но я оказался единственным пассажиром, а пилот был сродни своей машине. Он что-то гудел себе под нос и не издавал ненужных звуков. Линия Жизни сделала сальто и растворилась в зеркале заднего вида примерно в то же время, когда из-за горизонта показалась «Десять-в-квадрате». Пилот перестал гудеть и покачал головой.

Я наклонился вперед. В кишках у меня затеяли чехарду чувства. Я знал каждый чертов дюйм этого здоровенного плота, но эмоции, которые ты раньше принимал как данность, меняются, когда их источник недосягаем. Правду сказать, я сомневался, что когда-нибудь снова взойду на борт этой громадины. Но теперь — теперь я почти готов был поверить в предопределенность. Вот он!

Квадратное судно размером с десять футбольных полей. На атомной тяге. Плоское, как блин, если не считать пластиковых куполов в середине и Ладей на носу и корме, справа и слева.

Башни-Ладьи были названы так, потому что стояли по углам, — и любая их пара могла рабо-

тать вместе, вытягивая грейфуны, что располагались между ними. Грейфуны — наполовину грейферы, наполовину гарпуны — способны поднимать огромные грузы почти до уровня воды; однако на уме у их проектировщика была лишь одна задача — отсюда и гарпун. На уровне воды Бегунку приходится приподнять их футов на шесть-восемь, прежде чем грейфуны смогут толкать добычу вверх, а не тянуть.

Бегунок — это, по сути, передвижная комната, здоровенный ящик, способный перемещаться вдоль любого из желобков, которыми исчерчена «Десять-в-квадрате», и с помощью мощных электромагнитов «заякориваться» на борту со стороны поклевки. Его лебедки поднимут на нужную высоту и линкор, а если вы хотите знать, насколько сильны эти магниты, — так скорее все судно опрокинется, чем Бегунок отцепится от борта.

Внутри у Бегунка пульт управления — самая сложная спиннинговая катушка, когда-либо придуманная человеком. Он черпает энергию из генератора, расположенного рядом с центральным куполом, и соединен коротковолновой связью с гидроакустической рубкой, где все движения добычи записываются и передаются

сидящему за пультом удильщику.

Рыбак может подтягивать свою «леску» часами, даже днями, и не увидеть на экране ничего, помимо металла и силуэта. Лишь когда добыча захвачена грейфунами и выдвижная плоскость, расположенная в двенадцати футах под ватерлинией, выскальзывает для поддержки и начинает помогать лебедкам — лишь тогда он увидит, как его улов поднимается перед ним, точно падший серафим. В это мгновение, как узнал Дэвитс, человек заглядывает в Бездну и должен действовать. Дэвитс этого не сделал, и сотня метров невообразимого тоннажа, недостаточно накачанная транквилизаторами и страдающая от боли, порвала тросы лебедки, переломила грейфун и отправилась на полуминутную прогулку по «Десяти-в-квадрате».

Мы кружили, пока механический флажок не заметил нас и не подал сигнал на спуск. Мы приземлились рядом с люком для персонала, я выбросил на палубу свой багаж и спрыгнул следом.

— Удачи! — крикнул пилот в закрывающийся люк. Потом утанцевал в воздух, и флажок со щелчком сложился.

Я закинул сумку на плечо и спустился под

палубу.

Отметившись у Малверна, бывшего де-факто капитаном, я узнал, что большинство остальных прилетит только через восемь часов. Они хотели, чтобы я заявился к Кэлу один, рассчитывая организовать отснятый материал по образцу кинематографа двадцатого века.

Общий план: посадочная полоса, темнота. Одинокий механик ковыряется в строптивом хоппере.

Строгий кадр с медленно подъезжающим автобусом. Тепло одетый наживочник спускается, оглядывается и, хромая, идет через площадку.

Крупный план: он широко улыбается. Наезд камеры, слышны слова: «Как думаешь, в этот раз получится? В этот раз его поймают?» Смущение, молчаливое пожатие плечами. Поставить какую-нибудь озвучку… «Понятно. И почему же, по-твоему, у мисс Лухарич больше шансов, чем у всех остальных? Потому что у нее лучше оборудование? [Усмешка] Потому что о повадках чудища теперь известно больше, чем когда ты ходил в море? Или из-за ее стремления победить, стать чемпионкой? Причина в чем-то из этого или во всем сразу?» Ответ: «Да во всем сразу». — «…Так ты поэтому к ней нанялся? Потому что

твои инстинкты говорят: “В этот раз все получится”?» Ответ: «Она платит по профсоюзной ставке. Самому мне эту чертову штуковину не арендовать. А я хочу поучаствовать». Стереть. Записать какую-нибудь другую реплику. Наживочник направляется к хопперу, затемнение и так далее.

Я сказал «сыр» или что-то в этом роде и в одиночестве обошел «Десять-в-квадрате».

Я забрался в каждую из Ладей, проверил управление и подводные видеоглаза. Потом поднял главный лифт.

Малверн не возражал против таких проверок. Более того, он их поощрял. Мы уже плавали вместе, и когда-то даже играли прямо противоположные роли. Поэтому я не удивился, когда вышел из лифта в Морозильник Хопкинса и обнаружил, что он меня ждет. Следующие десять минут мы молча обследовали это огромное помещение, обходя увитые медными спиралями камеры, где вскоре должен был воцариться арктический холод.

Наконец Малверн шлепнул ладонью по стене.

— Ну, заполним мы его?

Я покачал головой:

— Хотелось бы, но сомневаюсь. Мне глубоко плевать на то, кому достанутся лавры за поим-

ку, лишь бы я в ней поучаствовал. Но этому не бывать. Эта девица — эгоманьячка. Ей захочется управлять Бегунком, а она на это не способна.

— Ты с ней когда-нибудь встречался?

— Ага.

— Давно?

— Года четыре или пять назад.

— Она тогда была еще ребенком. Откуда тебе знать, на что она способна теперь?

— Я знаю. Она наверняка уже зазубрила расположение всех рычагов и индикаторов. Теорию она будет знать назубок. Но помнишь ли ты, как мы однажды сидели в правой передней Ладье, а Икки вынырнул из-под воды, будто дельфин?

— Разве такое забудешь?

— И?

Он потер свой жесткий, как наждак, подбородок.

— Может, она и справится, Карл. Дома она гоняла на факельных яхтах и погружалась с аквалангом в бурные воды. — Он глянул в сторону невидимой Ладони. — А еще она охотилась на Нагорье. Возможно, у нее хватит норова, чтобы вытащить эту тварь, не дрогнув… И стребовать с Джона Хопкинса обещанную семизначную сумму за тушу, — добавил он. — Даже для Лухарич

это деньги.

Я пригнулся и прошел через люк.

— Может, ты и прав, но, когда я ее знал, она была богатой ведьмой. И не блондинкой, — мелочно добавил я.

Он зевнул.

— Давай-ка поищем завтрак.

Так мы и поступили.

* * *

По молодости я считал, что родиться морской тварью — это лучший подарок, который только можно получить от судьбы. Я вырос на побережье Тихого океана и проводил лето у залива на Средиземном море. Я тратил целые месяцы своей жизни, лавируя между кораллами, фотографируя обитателей впадин и играя в догонялки с дельфинами. Я рыбачил везде, где только водятся рыбы, и завидовал тому, что они могут пробираться в места, недоступные мне. Повзрослев, я захотел поймать рыбку покрупнее, а среди известных мне живых существ, если не считать секвойи, не было ничего крупнее Икки. Это часть истории…

Я запихнул в бумажный пакет пару дополнительных булочек и наполнил термос кофе. Извинился, вышел с камбуза и направился к

стоянке Бегунка. Он был точно таким же, каким я его помнил. Я включил парочку тумблеров, и радио загудело.

— Это ты, Карл?

— Угадал, Майк. Подай-ка мне немножко энергии, крыса ты предательская.

Он поразмыслил над этим, а потом я ощутил, как завибрировал корпус, когда ожили генераторы. Я налил себе третью чашку кофе и нашел сигарету.

— И почему я на этот раз предательская крыса? — снова послышался его голос.

— Ты знал про оператора в шестнадцатом ангаре?

— Да.

— Тогда ты предательская крыса. Последнее, что мне нужно — это огласка. «Тот, кто так часто прежде терпел поражение, благородно совершает новую попытку». Я это уже сейчас прочитать могу.

— Ты не прав. В свете прожектора есть место только для одного, а она симпатичнее тебя.

Моя следующая реплика осталась неуслышанной, потому что я щелкнул выключателем лифта, и вокруг меня захлопали слоновьи уши. Я поднялся на палубу. Убрал поперечный рельс и

двинулся вперед по желобку. Посередине корабля я остановился на перекрестке, опустил поперечный рельс и убрал продольный.

Я проскользнул к правому борту и заякорился ровно между Ладьями.

И не пролил при этом ни капли кофе.

— Покажи картинки.

Экран засветился. Я настроил его и увидел очертания дна.

— Хорошо.

Я щелкнул тумблером статуса «синий», и Майк сделал то же самое. Зажегся свет.

Лебедка разблокировалась. Я прицелился поверх воды, вытянул руку и забросил удочку.

— Чисто, — прокомментировал он.

— Статус «красный». Поклевка. — Я переключил тумблер.

— Статус «красный».

По этому сигналу в воду должен спускаться наживочник, чтобы сделать шипы заманчивыми.

Это не совсем рыболовный крючок. Тросы утыканы трубками; в трубках хватит дури на целую армию торчков; Икки заглатывает наживку, которой трясет перед ним дистанционное управление, и рыбак вгоняет в него шипы.

Мои руки скользили по консоли, совершая

необходимые корректировки. Я взглянул на индикатор наркобаков. Пустой. Отлично, их еще не наполнили. Я нажал на кнопку «Инъекция».

— Прямо в пищевод, — пробормотал Майк.

Я ослабил тросы. И начал вываживать воображаемое чудовище. Я дал ему волю, имитируя его виляния раскачиванием лебедки.

Я включил кондиционер и снял рубашку, но мне все равно было неприятно жарко — так я понял, что утро сменилось днем. Я смутно отмечал прилеты и отлеты хопперов. Несколько членов экипажа сидели в «тени» дверей, которые я оставил открытыми, и наблюдали за операцией. Прибытия Джин я не заметил, а то бы прервал сеанс и спустился вниз.

Она разрушила мою сосредоточенность, хлопнув дверью так сильно, что сотрясла рельс.

— Не скажете мне, кто дал вам разрешение поднять Бегунок? — осведомилась она.

— Никто, — ответил я. — Сейчас я его спущу.

— Просто отодвиньтесь.

Я подчинился, и она заняла мое место. На ней были коричневые слаксы и мешковатая рубашка, а волосы она практично забрала назад. Ее щеки раскраснелись, но не обязательно от жары. Она атаковала панель с почти забавной ожесточен-

ностью, которая показалась мне пугающей.

— Статус «синий», — рявкнула она, сломав фиолетовый ноготь о переключатель.

Я выдавил из себя зевок и медленно застегнул рубашку. Джин бросила на меня косой взгляд, проверила данные приборов и закинула удочку.

Я следил за наживкой на мониторе. Джин на мгновение повернулась ко мне.

— Статус «красный», — спокойно сказала она.

Я согласно кивнул.

Она повела лебедку вбок, чтобы показать, что знает, как это делается. Я и не сомневался, что она это знает, а она не сомневалась, что я не сомневаюсь, однако…

— На случай, если вы не в курсе, — сказала она, — вас к этой штуке и близко не подпустят. Вас наняли наживочником, не забыли? Не оператором Бегунка! А наживочником! Ваша задача — спускаться под воду и накрывать стол для нашего приятеля-монстра. Это опасно, но вам хорошо платят. Вопросы есть?

Она вдавила кнопку «Инъекция», и я потер горло.

— Не-а, — улыбнулся я, — однако я обладаю необходимой квалификацией, чтобы управлять этой штукотенью, — и если понадоблюсь вам, то

буду доступен — по профсоюзным ставкам.

— Мистер Дэвитс, — сказала она, — я не хочу, чтобы за этой панелью сидел неудачник.

— Мисс Лухарич, в этой игре везунчиков никогда не было.

Она начала сматывать трос и одновременно отключила стыковку, так что весь Бегунок сотрясло возвращение гигантского йо-йо. Нас отбросило на пару футов. Она подняла поперечные рельсы, и мы понеслись назад вдоль желобка. Замедлившись, она переключила рельсы, и мы резко, с лязгом остановились, а потом рванули вбок. Экипаж разбежался от люка, и мы въехали на платформу лифта.

— В будущем, мистер Дэвитс, не входите в Бегунок без приказа, — сказала она мне.

— Не беспокойтесь, я не войду в него, даже если мне прикажут, — ответил я. — Меня наняли наживочником. Не забыли? Если захотите, чтобы я здесь присутствовал, вам придется меня *попросить*.

— Мечтать не вредно, — улыбнулась она.

Я согласился, и над нами сомкнулись створки. Мы оставили эту тему и разошлись по своим делам после того, как Бегунок остановился в своем стойле. Но она не пожелала мне доброго дня в

ответ на мой смешок, продемонстрировав тем самым, как я подумал, одновременно породу и целеустремленность.

* * *

Позже тем вечером мы с Майком курили трубки в каюте Малверна. Ветер перетасовывал волны, а непрерывный стук дождя и града наверху превращал палубу в жестяную крышу.

— Мерзкая погодка, — высказался Малверн.

Я кивнул. После двух порций бурбона каюта превратилась в знакомую гравюру — мебель из красного дерева (давным-давно по мимолетной прихоти привезенная мною с Земли) и темные стены, обветренное лицо Малверна и вечно озадаченная физиономия Дэбиса перемежались на ней большими лужами теней, лежавших за креслами и расплесканных по углам, — освещенную крошечной настольной лампой и увиденную сквозь коричневое стекло, гадательно.

— Рад, что я здесь.

— Каково под водой в такие ночи?

Я попыхтел трубкой, представив, как мой фонарик, чуть дрожа, прорезает внутренности черного бриллианта. Молниеносное бегство внезапно освещенной рыбы, покачивание гро-

тескных хвощей, подобных туманностям, — тень, потом зелень, потом пустота, — на мгновение промелькнули перед моим внутренним взором. Должно быть, так мог бы чувствовать себя звездолет — если бы звездолет мог чувствовать — пересекая пространство между мирами; и еще тишина, зловещая, сверхъестественная тишина; и спокойствие, как во сне.

— Темно, — сказал я, — а если спуститься на несколько фатомов, то и волны не сильно ощущаются.

— Еще восемь часов, и мы отплываем, — сообщил Майк.

— Через десять-двенадцать дней будем на месте, — добавил Малверн.

— Как по-вашему, что сейчас поделывает Икки?

— Спит на дне вместе с миссис Икки, если у него хоть какие-то мозги есть.

— У него их нету. Я видел примерную модель скелета, которую АВИ соорудило, основываясь на выброшенных на берег костях…

— А кто ее не видел?

— …полностью развитый, он будет длиной больше сотни метров. Верно, Карл?

Я кивнул.

— Но черепушка у него для такой туши маловата.

— Он достаточно умен, чтобы не попадаться в наш морозильник.

Смешки — потому что на самом деле, кроме этой каюты, не существует ничего. Внешний мир — пустая палуба, по которой выбивает дробь град. Мы откидываемся на спинки кресел и создаем облака.

— Начальница не одобряет недозволенной ловли на мушку.

— Начальница может топать на север, пока на поверхности одна шляпа не останется.

— Что она там тебе сказала?

— Что мое место, вместе с рыбьим навозом, на дне морском.

— Ты не Бегаешь?

— Я наживляю.

— Посмотрим.

— Это все, что я делаю. Если ей нужен оператор Бегунка, пусть вежливо попросит.

— Думаешь, ей придется?

— Думаю, ей придется.

— А если она попросит, ты справишься?

— Справедливый вопрос. — Я выдохнул дым. — Но ответа я не знаю.

Я бы оформил свою душу как юридическое лицо и продал сорок процентов акций за ответ. Я бы отдал пару лет жизни за ответ. Но сверхъестественные покупатели, вот беда, не выстраиваются в очередь, потому что ответа никто не знает. Допустим, когда мы доберемся до места, нам повезет, и мы отыщем себе Икки. Допустим, нам удастся его приманить и посадить на крючок. Что дальше? Если мы затащим его на палубу, выдержит Джин или сломается? Что, если она сделана из более прочного вещества, чем Дэвитс, который, бывало, охотился на акул с пневматическим пистолетом, заряженным ядовитыми дротиками? Что, если она поймает Икки, а Дэвитсу придется стоять рядом, точно статисту?

Или еще хуже — что, если она попросит Дэвитса о помощи, а тот так и останется стоять рядом, точно статист или кто-нибудь еще — скажем, дрожащее от страха воплощение Трусости?

Так уже было, когда я поднял его над восьмифутовым стальным горизонтом и увидел это длинное тело, что уходило все ниже и ниже, пока не скрывалось из виду, точно зеленый горный хребет… И эту голову. Маленькую для такого тулова, но все равно огромную. Толстую,

морщинистую, с лишенными век рулетками, крутившими красное и черное еще до того, как мои предки решили попытать счастья на Новом Континенте. И раскачивавшуюся.

Свежие наркобаки были подсоединены. Нужно было вогнать в него еще одну дозу, быстро. Но меня охватил паралич.

Икки взревел так, словно Господь взял аккорд на органе Хаммонда…

И посмотрел на меня!

Не знаю, способны ли эти глаза видеть так, как наши. Сомневаюсь. Возможно, я был для него лишь серым пятном за черной скалой, а отраженное в плексигласе небо причиняло боль его зрачкам. Но он не сводил с меня взгляда. Быть может, змея на самом деле не парализует кролика; быть может, кролики просто трусливы от природы. Но Икки начал брыкаться, а я все не мог пошевелиться, зачарованный.

Таким, зачарованным всей этой силой, этими глазами, меня и нашли пятнадцать минут спустя, с чуть травмированными головой и плечами, так и не нажавшего кнопку «Инъекция».

И мне снятся эти глаза. Я хочу заглянуть в них еще раз, пусть даже поиски займут вечность. Я должен узнать, есть ли у меня внутри что-то,

отличающее меня от кролика, что-то большее, чем выгравированные рефлексы и инстинкты, которые всегда рассыпаются одним и тем же образом, когда выпадает правильная комбинация.

Опустив глаза, я заметил, что у меня дрожит рука. Подняв взгляд, я заметил, что больше этого никто не замечает.

Я допил бурбон и выбил трубку. Было поздно, и ночные птицы не пели.

* * *

Я сидел и обстругивал деревяшку, свесив ноги с кормы; стружка, кружась, сыпалась в борозду нашего кильватерного следа. Три дня в море. Никаких событий.

— Ты!

— Я?

— Ты.

Волосы точно кончик радуги, глаза, аналога которым не найти в природе, прекрасные зубы.

— Привет.

— То, что ты делаешь, запрещено правилами безопасности, знаешь ли.

— Знаю. Я тревожился из-за этого все утро.

Изящный завиток взобрался по моему ножу, а потом улетел прочь. Он лег на пену, и его впа-

хало под воду. Я смотрел на отражение Джин в своем ноже, находя в его искаженности тайное удовольствие.

— Ты меня приманиваешь? — спросила она наконец.

После чего я услышал ее смех и повернулся, зная, что это было сказано намеренно.

— Кто, я?

— Я с легкостью могу столкнуть тебя отсюда.

— Я заберусь обратно.

— И уже сам меня столкнешь — быть может, какой-нибудь темной ночью?

— Они все темны, мисс Лухарич. Нет, я лучше подарю тебе то, что вырезал.

Она села рядом со мной, и я не мог не заметить ямочки у нее на коленях. На ней были белые шорты и купальник, а кожа ее до сих пор сохранила чудовищно привлекательный инопланетный загар.

Мной чуть не овладело чувство вины оттого, что я спланировал всю эту сцену, но моя правая рука все еще скрывала от нее деревянное животное.

— Ладно, я клюну. Что ты для меня сделал?

— Секундочку. Он почти готов.

Я торжественно вручил ей собственноручно

вырезанную деревянную фигурку осла. Я немного жалел об этом и сам себя чувствовал отчасти ослом, но должен был исполнить задуманное. Я всегда это делаю. Губы осла были раздвинуты в издевательской усмешке. Уши стояли торчком.

Она не улыбнулась и не нахмурилась. Просто стала его изучать.

— Очень хорошо, — сказала она наконец, — как и почти все, что ты делаешь, — и, вероятно, уместно.

— Дай-ка его сюда. — Я протянул ладонь.

Джин отдала мне осла, и я швырнул его в воду. Он промахнулся мимо пены и какое-то время качался на волнах, будто карликовый морской конек.

— Зачем ты это сделал?

— Плохая была шутка. Извини.

— Может быть, ты и прав. Может быть, в этот раз я прыгнула немного выше головы.

Я фыркнул.

— Так почему бы тебе не заняться чем-нибудь побезопаснее, очередной гонкой, например?

Она качнула своим кончиком радуги.

— Нет. Это должен быть Икки.

— Почему?

— А почему ты так хотел поймать одного из

них, что выбросил на ветер целое состояние?

— По множеству причин, — ответил я. — Некий изгнанный из профессионального сообщества психоаналитик, проводивший тайные терапевтические сессии у себя в подвале, однажды сказал мне: «Мистер Дэвитс, вам следует укрепить свою маскулинность, поймав по одному экземпляру каждой рыбы, какая только водится на свете». Рыбы — очень древний символ мужественности, если ты не в курсе. Поэтому я взялся за эту задачу. Мне осталась только одна… А *тебе* зачем укреплять свою маскулинность?

— Незачем, — ответила она. — Я не хочу укреплять ничего, кроме «Лухарич Энтерпрайзес». Мой главный статистик однажды сказал: «Мисс Лухарич, продайте весь крем и пудру в Системе, и станете счастливой девушкой. И богатой вдобавок». И он был прав. Я тому доказательство. Я могу выглядеть так, как выгляжу, и делать все что угодно, и продаю бо`льшую часть губной помады и пудры в Системе, — но я должна быть *способна* сделать все что угодно.

— Ты выглядишь хладнокровной и эффективной, — заметил я.

— Я не чувствую себя хладнокровной, — ответила она, вставая. — Давай искупаемся.

— Позволено ли мне будет указать, что мы движемся с довольно большой скоростью?

— Если хочешь высказать очевидное — пожалуйста. Ты говорил, что сможешь вернуться на борт без чужой помощи. Передумал?

— Нет.

— Тогда добудь нам два водолазных костюма, и мы устроим гонку под «Десятью-в-квадрате». И я выиграю, — добавила она.

Я встал и посмотрел на нее сверху вниз, потому что обычно это помогает мне чувствовать свое превосходство над женщинами.

— Дочь Лира с глазами Пикассо, — проговорил я, — будет тебе гонка. Встречаемся у правой передней Ладьи через десять минут.

— Через десять минут, — согласилась она.

Десять минут это и заняло. Где-то две ушли у меня на путь от центрального купола к Ладье с дополнительным грузом. Мои сандалии раскалились, и я был рад сменить их на ласты, достигнув относительной прохлады угла.

Мы затянули ремни и поправили снаряжение. Джин переоделась в элегантный закрытый купальник зеленого цвета, заставивший меня прикрыть глаза и отвести взгляд, а потом посмотреть снова.

Я закрепил веревочную лестницу и пинком отправил ее за борт. Потом постучал в стену Ладьи.

— Да?

— Ты связался с левой задней Ладьей? — спросил я.

— У них все готово, — ответили мне. — Вся корма увешана лестницами и линями.

— Вы уверены, что хотите это сделать? — спросило обгоревшее на солнце мелкое ничтожество, которое отвечало за ее публичный имидж и прозывалось Андерсоном.

Он сидел в шезлонге рядом с Ладьей и потягивал через соломинку лимонад.

— Это может быть опасно, — заметил он проваленным ртом. (Зубы его стояли рядом, в другом стакане).

— Верно, — улыбнулась она. — Это *будет* опасно. Но не слишком.

— Тогда почему вы не разрешите мне сделать несколько фотографий? Мы перешлем их в Линию Жизни за час. К вечеру они уже будут в Нью-Йорке. Хорошая реклама.

— Нет, — сказала Джин и отвернулась от нас обоих.

Она подняла руки к глазам.

— Подержи-ка.

Джин передала ему коробочку, полную ее незрячих глаз, и когда она повернулась ко мне, цвет оказался памятным мне карим.

— Готов?

— Нет, — напряженно ответил я. — Послушай внимательно, Джин. Если собираешься играть в эту игру, есть несколько правил. Во-первых, — я загнул палец, — мы будем прямо под корпусом, так что нам придется стартовать на глубине и не останавливаться. Если удариться о днище, то можно пробить воздушный баллон…

Она запротестовала было, что это знает любой дурак, но я ее перебил.

— Во-вторых, — продолжил я, — света там толком нет, поэтому мы будем держаться вместе и *оба* возьмем фонари.

Ее влажные глаза вспыхнули.

— Я вытащила тебя из Говино без…

Она осеклась и отвернулась. Взяла в руки фонарь.

— Хорошо. Фонари. Извини.

— …И берегись винтов, — закончил я. — Как минимум на пятьдесят метров за ними будут мощные потоки.

Она утерла глаза и поправила маску.

— Ну ладно, вперед.

Мы нырнули.

По моему настоянию она спускалась первой. Поверхностный слой был приятно теплым. На глубине двух фатомов вода бодрила; на глубине пяти — была по-настоящему холодна. Опустившись до восьми, мы отпустили раскачивающуюся лестницу и стартовали. «Десять-в-квадрате» стремилась вперед, а мы плыли наперегонки в обратном направлении, с интервалами в десять секунд татуируя ее корпус желтым.

Днище оставалось там, где положено, а мы неслись, как два темносторонних спутника. Периодически я щекотал лягушачьи ласты Джин светом своего фонаря и следил за ее антенной из пузырьков. В пятиметровом опережении не было ничего страшного; я мог обогнать ее на финише, но не мог пока что позволить ей отстать.

Под нами — чернота. Беспредельная. Глубокая. Венерианский Минданао, где вечность, возможно, упокоит однажды мертвецов в городах безымянных рыб. Я отвернулся и коснулся днища усиком света; он подсказал мне, что мы одолели около четверти пути.

Я начал перебирать ногами быстрее, чтобы подстроиться под ее возросшую скорость, и сократил расстояние, которое она внезапно увеличила на

пару метров. Она снова ускорилась, и я тоже. Я высветил ее своим лучом.

Джин обернулась, и он отразился от ее маски. Я так и не понял, улыбалась ли она. Скорее всего, да. Она подняла два пальца в знаке победы и на полной скорости рванула вперед.

Я должен был знать. Я должен был предчувствовать, что так и случится. Для нее это была всего лишь гонка, еще один повод для победы. К черту мины!

И я начал выкладываться по полной. Я не дрожу в воде. А если и дрожу, значения это не имеет, и я этого не замечаю. Я снова начал догонять ее.

Она оглянулась, поплыла дальше, снова оглянулась. Каждый раз, когда она оглядывалась, разрыв становился меньше, пока я не сократил его до изначальных пяти метров.

А потом она врубила реактивные ускорители.

Вот чего я боялся. Мы одолели где-то полпути, и она не должна была этого делать. Мощные потоки сжатого воздуха с легкостью могли подбросить ее вверх, к днищу, или что-нибудь разорвать, если бы она позволила своему телу изогнуться. Их используют для того, чтобы не запутаться в водорослях или бороться с сильными течениями. Я прихватил их с собой в качестве страховки от

притяжения огромных мельниц на корме.

Она летела, как метеорит, и я ощутил внезапный зуд пота, стремящегося познакомиться и смешаться с бурлящей водой.

Я несся вперед, не желая использовать собственные ускорители, а она увеличивала разрыв втрое, вчетверо.

Струи иссякли, а она все еще двигалась прежним курсом. Ну хорошо, я старая наседка. Но она *могла* облажаться и улететь вверх.

Я вспахивал море, постепенно отвоевывая расстояние, по футу за раз. Мне уже не поймать ее и не обогнать, но я буду на веревках прежде, чем она вылезет на палубу.

Потом вращающиеся магниты начали манить ее, и она заколебалась. Притяжение было ужасно сильным, даже на таком расстоянии. Зов мясорубки.

Однажды меня поцарапал один такой, под «Дельфином», рыбацким кораблем среднего класса. Да, я был пьян, но и день тогда выдался беспокойный, и винт включили преждевременно.

К счастью, его успели выключить, а степлер для сухожилий все исправил, за исключением корабельного журнала, где упоминалось только,

что я напился. И ни слова — о том, что было нерабочее время, когда я имел право делать все, что заблагорассудится.

Она урезала скорость вдвое, но все равно двигалась наискосок, к левому заднему углу.

Я и сам начал ощущать притяжение и вынужден был замедлиться. Она миновала главный винт, но, похоже, оказалась слишком далеко.

Под водой оценивать расстояние трудно, но каждая красная пульсация времени говорила мне, что я прав. Главный винт ей больше не угрожал, но меньший левый, расположенный примерно в восьмидесяти метрах от угла, был теперь не угрозой, а неизбежностью.

Она развернулась и теперь пыталась от него отплыть. Нас разделяло двадцать метров. Она не двигалась с места. Пятнадцать.

Ее начало медленно сносить назад. Я врубил свои ускорители, нацелившись на точку метрах в двух от нее и в двадцати — от лопастей.

Прямое попадание! Слава богу! Поймал, мягкий живот, свинцовая труба в плечо ПЛЫВИСОВСЕХСИЛ! маска треснута, но не пробита И ВВЕРХ!

Мы уцепились за линь, и я помню бренди.

* * *

Я сплевываю в бесконечно качающуюся колыбель, расхаживая взад и вперед. Сегодня меня снова мучат бессонница и левое плечо, так пусть на меня падает дождь — он исцеляет ревматизм. Чертовски глупо. То, что я сказал. В одеялах и дрожа. Она: «Карл, я не могу этого сказать». Я: «Тогда назовем это отплатой за ту ночь в Говино, мисс Лухарич. Ага?» Она: молчит. Я: «Бренди еще остался?» Она: «И мне тоже». Я: бульканье. Это продлилось всего три месяца. Никаких алиментов. Куча $ с обеих сторон. Не знаю, счастливы они были или нет. Винноцветное Эгейское. Отличная рыбалка. Может, ему стоило проводить больше времени на суше. А может, ей не стоило. Впрочем, она была хорошей пловчихой. Дотащила его до самого Видо, чтобы опустошить легкие. Молоды. Оба. Сильны. Оба. Чертовски богаты и избалованы. Аналогично. Корфу должен был их сблизить. Но не смог. Мне кажется, эта психическая жестокость была форелью. Он захотел отправиться в Канаду. Она: «Катись хоть в ад, если хочешь!» Он: «Присоединишься?» Она: «Нет». Но все равно присоединилась. Множество адов. Дорогих. Он упустил монстра, а может, двух. Она

унаследовала парочку. Сегодня много молний. Чертовски глупо. Вежливость — гроб обманутой души. Кто это сказал?.. Кажется, какой-то чертов нео-экс… Но я ненавижу тебя, Андерсон, с твоим полным зубов стаканом и ее новыми глазами… Трубка постоянно гаснет, и я всасываю табак. Опять сплюнуть!

* * *

Семь дней в море, и радар показал Икки.

Зазвенели склянки, затопали ноги, и какой-то оптимист настроил термостат в Хопкинсе. Малверн хотел, чтобы я отсиделся, но я натянул сбрую и стал ждать развития событий. Синяк выглядел хуже, чем ощущался. Я упражнялся каждый день, и плечо работало как положено.

Он прокладывал тоннель сквозь наш курс в тысяче метров впереди и на глубине в тридцать фатомов. На поверхности ничего не показывалось.

— Мы будем за ним гнаться? — спросил возбужденный матрос.

— Только если она захочет жечь деньги вместо топлива, — пожал плечами я.

Вскоре экран радара очистился да таким и остался. Мы не теряли бдительности и не меняли

курса.

Я не сказал своей нанимательнице и дюжины слов с тех пор, как мы в последний раз занимались совместным утопанием, и решил увеличить их количество.

— День добрый. — Я подошел ближе. — Что новенького?

— Он уходит на северо-северо-восток. Этого нам придется отпустить. Еще несколько дней, и мы сможем позволить себе погоню. Но не сейчас.

Атласная кожа…

Я кивнул.

— Кто знает, куда он направляется.

— Как твое плечо?

— Нормально. А ты как?

Дочь Лира…

— Хорошо. Кстати, тебе светит неплохой бонус.

Глаза погибели!

— Не стоит благодарности, — сказал я ей в спину.

Позже в тот же день, и весьма уместно, раскололась гроза. (Я предпочитаю говорить «раскололась», а не «разразилась». Это дает более точное представление о поведении тропических гроз на Венере и экономит кучу слов.) Помните ту чернильницу, что я упоминал раньше? Теперь

ухватите ее указательным и большим пальцами и шандарахните по ней молотком. Только осторожнее! Не забрызгайтесь и не порежьтесь…

Сухость, и сразу сырость. В небе — миллион ярких трещин от удара молотком. И грохот разбивающегося стекла.

— Все вниз? — предложили динамики уже разбегающемуся экипажу.

Где был я? А чьим голосом, по-вашему, говорили динамики?

Все непривязанное отправилось за борт, когда вода встала на дыбы, но к тому времени непривязанных людей уже не было. Бегунок отправился под палубу. Следом за ним спустили свои домишки большие лифты.

Я с воплем ринулся к ближайшей Ладье, едва заметив первые отблески всесожжения. Там я включил динамики и провел полминуты за муштрой команды бегунов.

«Мелкие травмы есть, — сообщил мне по радио Майк, — но ничего серьезного».

А вот я остался в одиночестве до окончания грозы. Из Ладьи никуда не денешься; она слишком близко к краю, чтобы из нее можно было спуститься вниз, ведь под ней выдвижная плоскость.

Так что я снял кислородные баллоны, которые таскал на себе последние несколько часов, скрестил на столе ласты и откинулся на спинку кресла, созерцая ураган. Наверху было так же черно, как и внизу, а мы очутились посередине, слегка освещенные благодаря этой огромной блестящей равнине. Вода падала не струями — она сливалась в единую массу и обрушивалась сверху.

Ладьи были вполне безопасными — они могли бы терпеть такую непогоду сколько угодно — вот только их расположение делало круче дугу взлета и падения, когда «Десять-в-квадрате» подражала креслу-качалке особенно нервной бабули. Я пристегнулся ремнями от своего снаряжения к прикрученному к полу креслу и скостил несколько лет чистилища душе того неизвестного, который оставил в ящике стола пачку сигарет.

Я смотрел, как вода складывается в типи, и горы, и руки, и деревья, пока мне не начали мерещиться лица и люди. Тогда я вызвал Майка.

— Что поделываешь там, внизу?

— Думаю, что ты поделываешь там, наверху, — ответил он. — Как оно?

— Ты ведь со Среднего запада, верно?

— Ага.

— Бывают у вас сильные грозы?

— Иногда.

— Попробуй вспомнить самую жуткую, в какую ты попадал. Счетная линейка неподалеку есть?

— Прямо под рукой.

— Тогда прими ту грозу за единицу, представь, что за ней следует пара нулей, и умножай до упора.

— Не могу представить нули.

— Тогда оставь исходное множимое — это все, что ты можешь сделать.

— Так что ты там поделываешь?

— Я пристегнулся к креслу. И прямо сейчас смотрю, как вещи катаются по полу.

Я вновь поднял глаза и выглянул наружу. И увидел, что в лесу одна тень темнее других.

— Ты молишься или ругаешься?

— Будь я проклят, если знаю. Но если бы я был в Бегунке… ах, если бы я был в Бегунке!

– *Он здесь*?

Я кивнул, позабыв, что Майк меня не видит.

Большой, каким я его и помнил. Он вынырнул всего на несколько мгновений, чтобы оглядеться. «Нет на земле подобного ему, он сотворен бесстрашным». Я выронил сигарету. Все было так же, как и в прошлый раз. Паралич и нерожден-

ный крик.

— Карл, у тебя все нормально?

Он снова посмотрел на меня. Или мне это показалось. Быть может, эта бездумная тварь полтысячелетия ждала шанса поломать жизнь представителю самого высокоразвитого вида в бизнесе…

— Ты в порядке?

…А может, эта жизнь уже была поломана задолго до их знакомства, и их встреча была лишь встречей зверей, когда сильнейший отталкивает в сторону слабейшего телом и душой…

— Карл, черт побери! Скажи что-нибудь!

Он снова показался над водой, на этот раз ближе. Случалось ли вам видеть воронку торнадо? Она выглядит как нечто живое, двигаясь во мраке. Ничто не имеет права быть таким большим, таким сильным, и двигаться. Тошнотворное ощущение.

— Пожалуйста, ответь.

Он скрылся и в тот день больше не возвращался. Я наконец-то бросил в сторону Майка парочку острот, но следующую сигарету не выпускал из правой руки.

* * *

Следующие семьдесят или восемьдесят тысяч волн разбились о наши борта с монотонной однообразностью. Те пять дней, за которые это произошло, тоже были неотличимы. Однако утром тринадцатого дня в море удача начала поворачиваться к нам лицом. Склянки разбили нашу пропитанную кофе летаргию на мелкие осколки, и мы вылетели с камбуза, не дослушав, возможно, лучшую в жизни Майка шуточку.

— За кормой! — прокричал кто-то. — Пятьсот метров!

Я разделся до плавок и начал застегивать пряжки. Мое снаряжение всегда на расстоянии вытянутой руки.

Я зашлепал по палубе, препоясывая себя сдутой колебалкой.

— Пятьсот метров, двадцать фатомов! — прогремели динамики.

Большой люк распахнулся, и Бегунок встал во весь рост, с миледи за пультом. Он прогрохотал мимо меня и примагнитился впереди. Его единственная рука поднялась и вытянулась.

Когда я поравнялся с Бегунком, динамики сообщили:

— Четыреста восемьдесят, двадцать!

— Статус «красный»!

Чпокнуло, как будто открыли бутылку шампанского, и леска дугой взметнулась над водами.

— Четыреста восемьдесят, двадцать, — повторили Малверн и помехи. — Наживочнику приготовиться!

Я приладил маску и быстро спустился вдоль борта. Потом — тепло, потом — прохлада, потом — прочь.

Зелень, простор, вниз. Быстро. Здесь мы с колебалкой равны. Если что-нибудь большое решит, что наживочник выглядит вкуснее того, что держит в руках, тогда ирония окрасит и его звание, и воду вокруг.

Я увидел опускающиеся тросы и начал погружаться следом за ними. Зелень, темная зелень, чернота. Заброс был далекий, слишком далекий. Мне никогда раньше не приходилось опускаться за леской так глубоко. Мне не хотелось включать фонарь.

Но пришлось.

Плохо! Спуск предстоял еще долгий. Я стиснул зубы и запихнул свое воображение в смирительную рубашку.

Наконец леска закончилась.

Я обхватил ее одной рукой и отвязал колебалку. Закрепил ее, работая как можно быстрее, и подключил маленькие изолированные контакты, из-за которых ее и нельзя спускать вместе с леской. Икки может их сломать, но к тому времени это уже не будет иметь значения.

Подключив своего механического угря, я выдернул затычки его сегментов и стал смотреть, как он растет. Эта операция заняла полторы минуты, и за это время меня утянуло еще глубже. Я был близко — слишком близко — к тому месту, где никогда не хотел очутиться.

Прежде мне не хотелось включать фонарь, а теперь я неожиданно испугался его выключать. Меня охватила паника, и я стиснул трос обеими руками. Колебалка розовато засветилась. Она начала извиваться. Она была в два раза больше меня и, несомненно, в два раза привлекательнее для пожирателей розовых колебалок. Я повторял это, пока не поверил, а потом выключил фонарь и поплыл вверх.

В случае столкновения с неким гигантом со стальной шкурой, моему сердцу было приказано немедленно перестать биться и отпустить меня — метаться вечно вдоль берега Ахерона, бессвязно бормоча.

Я без всяких бессвязных бормотаний достиг зеленой воды и сбежал обратно в гнездо.

Как только меня затащили на борт, я сделал из своей маски ожерелье, прикрыл глаза рукой и стал высматривать поверхностную турбулентность. Первым моим вопросом, разумеется, стал: «Где он?»

— Нигде, — ответил кто-то из матросов, — мы потеряли его сразу, как ты спустился. Радар его теперь не ловит. Нырнул, похоже.

— Какая жалость.

Колебалка осталась внизу, наслаждаться купанием. Моя работа пока что была закончена, и я направился подогреть себе кофе с ромом.

За спиной — шепот:

— А ты бы смог после этого так смеяться?

Проницательный Ответ:

— Зависит от того, над чем он смеется.

Продолжая хихикать, я прошел к центральному куполу с двумя кружками.

— Все еще ни следа?

Майк кивнул. Когда я ставил кружки, его большие руки тряслись, а мои были тверды, как у хирурга.

Он подскочил, когда я сбросил баллоны и огляделся в поисках скамьи.

— Не капай водой на эту панель! Хочешь покончить с собой и пережечь дорогие пробки?

Я вытерся полотенцем и уселся наблюдать за пустым глазом на стене. Я счастливо зевал; плечо мое было как новенькое.

Маленькой коробочке, через которую говорят люди, захотелось высказаться, так что Майк щелкнул рычажком и дал ей на это добро.

— Карл там, мистер Дэбис?

— Да, мэм.

— Тогда дайте мне с ним поговорить.

Майк махнул рукой, и я пересел.

— Говори, — сказал я.

— Ты в порядке?

— Да, спасибо. А не должен быть?

— Это был долгий заплыв. Я… наверное, я перестаралась с забросом.

— Я-то доволен, — сказал я. — Больше тройной оплаты. Этот пункт про работы повышенной опасности приносит мне неплохой доход.

— В следующий раз буду осторожнее, — извинилась она. — Наверное, я была слишком нетерпелива. Прости… — С предложением что-то случилось, и она его оборвала, оставив меня с полумешком припасенных ответов.

Я вытащил у Майка из-за уха сигарету и прику-

рил ее от той, что лежала в пепельнице.

— Карл, она пыталась примириться, — сказал он, отвернувшись и разглядывая панели.

— Знаю, — ответил я. — А я — нет.

— Ну да, она жутко симпатичная, приятная. Упрямая и все такое. Но что она тебе сделала?

— В последнее время? — уточнил я.

Он посмотрел на меня, а потом уронил взгляд на чашку.

— Я знаю, что это не мое де… — начал он.

— Сливок и сахара?

* * *

В тот день Икки не вернулся, и в ту ночь тоже. Мы поймали трансляцию диксиленда из Линии Жизни и позволили ондатре бродить, а Джин велела принести ей обед в Бегунок. Позднее для нее там собрали койку. Когда в эфире заиграл «Блюз глубокой воды», я перенаправил его по внутренней связи и стал ждать, пока она вызовет нас и обругает. Но она этого не сделала, и я решил, что она уснула.

Потом я увлек Майка шахматной партией, которая затянулась до рассвета. Разговоры ограничились несколькими «шахами», одним «матом» и одним «чертом». Поскольку Майк не

умеет проигрывать, дальнейшим беседам это тоже помешало, что меня вполне устроило. Я позавтракал стейком с жареной картошкой и отправился спать.

Десять часов спустя меня растолкали, и я приподнялся на локте, отказываясь разлеплять глаза.

— Штотакоэ?

— Простите, что разбудил, — сказал один из младших матросов, — но мисс Лухарич велела вам отсоединить колебалку, чтобы мы могли плыть дальше.

Я протер один глаз кулаком, все еще решая, стоит ли отнестись к этому с юмором.

— Поднимите ее к борту. Кто угодно может ее отсоединить.

— Она уже у борта, сэр. Но мисс Лухарич сказала, что это прописано в вашем контракте, а мы должны делать все как положено.

— Как осмотрительно с ее стороны. Уверен, мой профсоюз оценит ее памятливость.

— Э-э, а еще она велела передать, чтобы вы переодели плавки, причесались, и побрились тоже. Мистер Андерсон будет вести съемку.

— Ладно. Беги; передай ей, что я скоро приду, — и спроси, не одолжит ли она мне лак для

педикюра.

Не буду утруждать вас деталями. Вся процедура заняла три минуты, и я сыграл ее как положено, даже извинился, когда, поскользнувшись, влепил колебалку в белый тропический костюм Андерсона. Он улыбнулся и отряхнулся; она улыбнулась, хотя «Лухарич Комплектаколор» не сумел полностью скрыть темные круги у нее под глазами; и я улыбнулся и помахал всем нашим фанатам из страны видео. Помните, миссис Вселенная, вы тоже можете выглядеть в точности как охотница на монстров. Просто воспользуйтесь кремом для лица от «Лухарич».

Я спустился вниз и соорудил себе сэндвич с тунцом и майонезом.

* * *

Два дня, точно айсберги — мрачные, пустые, полурастаявшие, совершенно холодные, почти целиком скрытые от глаз и определенно угрожающие душевному покою — проплыли мимо, и мы с радостью оставили их позади. Я испытал кое-какие из старых угрызений совести и увидел несколько тревожных снов. Потом я связался с Линией Жизни и проверил свой банковский счет.

— Собираешься за покупками? — спросил Майк, который устраивал мне звонок.

— Собираюсь домой, — ответил я.

— А?

— После этой рыбалки я выхожу из наживочного бизнеса, Майк. К дьяволу Икки! К дьяволу Венеру и «Лухарич Энтерпрайзес»! И тебя тоже к дьяволу!

Брови — вверх.

— Ты чего это вдруг?

— Я год ждал этой работенки. А теперь, оказавшись здесь, решил, что от нее воняет.

— Ты знал, на что идешь, когда на нее подписывался. Работая на продавцов крема, ты продаешь крем, чем бы ты ни занимался.

— О, меня не это гложет. Признаю, коммерческий ракурс меня раздражает, но «Десять-в-квадрате» всегда была рекламной площадкой, с самого первого своего плавания.

— А что тогда?

— Пять или шесть вещей, сложившихся воедино. Главным образом — то, что мне уже все равно. Когда-то поймать эту рыбеху было для меня важнее всего на свете, а теперь — нет. Я разорился на том, что начиналось как забава, и возжелал крови за то, чего мне это стоило. Теперь

я понимаю, что, возможно, так мне было и надо. Я начинаю жалеть Икки.

— И он тебе больше не нужен?

— Я приму его, если он сдастся мирно, но не желаю рисковать своей головой, заставляя его заползти в Хопкинса.

— Я склонен полагать, что это одна из тех других четырех или пяти вещей, которые ты сложил воедино.

— Таких, как?..

Он изучал потолок.

Я зарычал.

— Ладно, но я ничего не скажу, чтобы ты не сидел довольный, что догадался.

Он, ухмыляясь:

— Она так прихорашивается не только для Икки.

— Плохо, плохо. — Я покачал головой. — Мы оба по натуре — камеры деления. Нельзя присобачить к ракете сопла с обоих концов и ждать, что она куда-то полетит, — только расплющишь то, что посередине.

— Так оно было *раньше.* Не мое дело, конечно…

— Повтори это еще раз — и повторишь это без зубов.

— Когда угодно, здоровяк, — он поднял взгляд, —

где угодно.

— Ну так давай. Повтори!

— Ей плевать на эту чертову ящерицу, она прилетела, чтобы вытащить тебя туда, где твое место. В этом плавании наживочник — не ты.

— Пять лет — слишком долгий срок.

— Есть, должно быть, под твоей потасканной шкурой что-то такое, что вызывает симпатию, — пробормотал он, — иначе я не вел бы таких разговоров. Может, ты напоминаешь нам, людям, о какой-нибудь реально уродливой псине, которую мы жалели в детстве. Как бы то ни было, кое-кто хочет взять тебя домой и вырастить — и что-то там еще про нищих, которым меню не полагается.

— Приятель, — я хохотнул, — знаешь ли ты, что я сделаю, когда мы вернемся в Линию Жизни?

— Догадываюсь.

— Ошибаешься. Я рвану на Марс, а потом вернусь домой первым классом. Венерианское положение о банкротстве не затрагивает марсианские трасты, а у меня до сих пор есть заначка, спрятанная там, куда не добраться ни моли, ни коррупции. Я куплю себе здоровенный старый особняк у Залива, а ты, если тебе когда-нибудь понадобится работа, сможешь открывать для

меня бутылки.

— Ты трус и дезертир, — прокомментировал он.

— Пускай, — признал я, — но я и о ней тоже думаю.

— Я слышал истории о вас обоих, — сказал он. — Ну да, ты мерзавец и раздолбай, а она — стерва. Это в наше время называется совместимостью. Давай, наживочник, попробуй удержать свой улов.

Я отвернулся.

— Нужна будет работенка — обращайся.

Я тихо прикрыл за собой дверь и оставил его сидеть и ждать, когда она захлопнется.

* * *

День чудовища начался, как любой другой. Через два дня после моего постыдного бегства из пустых вод я вновь спустился на глубину с наживкой. Радар ничего не показывал. Это была просто подготовка к очередной рутинной попытке.

— Доброе утро! — проорал я снаружи Бегунка и получил изнутри ответ, прежде чем нырнуть. Я обдумал слова Майка — без шума, без ярости — и, хоть и не одобрял их посыла или значения, все равно решил вести себя вежливо.

Итак — вниз, вглубь и прочь. Я отплыл следом за прилично заброшенной леской где-то на двести девяносто метров. Слева от меня горели черным змеящиеся тросы, и я последовал за их извивами из желто-зеленых вод во тьму. Мокрая ночь лежала беззвучно, и я прокладывал сквозь нее кривой путь, точно хмельная комета с хвостом впереди.

Я поймал леску, скользкую и гладкую, и начал наживлять. И тут меня обдала ледяная волна, от щиколоток до головы. Сквозняк, точно кто-то отворил подо мной огромную дверь. А меня даже вглубь утягивало не так уж быстро.

А это могло означать, что нечто движется вверх — нечто огромное, вытесняющее массу воды. Мне все еще не приходило в голову, что это может быть Икки. Какое-нибудь странное течение, но не Икки. Ха!

Я закончил подсоединять контакты и выдернул первую затычку, когда подо мной вырос большой скалистый черный остров…

Я резко опустил луч фонаря. Пасть была распахнута.

Я был кроликом.

Волны страха смерти катились сверху вниз. Мой желудок коллапсировал. Голова закружи-

лась.

Оставалось одно. Только одно. И я наконец сумел это сделать. Я выдернул остальные затычки.

К этому моменту я уже мог пересчитать чешуйчатые бугорки, окаймлявшие его глаза.

Колебалка выросла, зарозовела светом… заколебалась!

Теперь фонарь. Я должен был его выключить, оставив перед Икки только наживку.

Один взгляд назад перед тем, как врубить ускорители.

Он был так близко, что свет колебалки отражался от его зубов, отражался в его глазах.

Четыре метра — и я поцеловал его блестящие челюсти двумя струями воздуха, взлетая ввысь. Теперь я не знал, преследует он меня или остановился. Я начал терять сознание, ожидая, что меня вот-вот сожрут.

Струи иссякли, и я слабо затрепыхался.

Слишком быстро — я ощутил назревающую судорогу. Включи на секунду фонарь, взмолился кролик. Всего на секунду, чтобы узнать…

Или покончить с жизнью, — ответил я. Нет, кролик, мы не мечемся перед охотниками. Останемся в темноте.

Наконец-то из зеленой воды — в желто-зеле-

ную, а потом — на поверхность.

Я изо всех сил погреб к «Десяти-в-квадрате». Волны от раздавшегося позади взрыва подталкивали меня вперед. Мир сомкнулся вокруг, а вдалеке прокричали:

— Он жив!

Огромная тень и ударная волна. Леска тоже была жива. Страна счастливой рыбалки. Возможно, я сделал что-то не так…

Где-то сжалась Ладонь. Что есть наживка?

* * *

Несколько миллионов лет. Я помню, как начал свой путь одноклеточным организмом и мучительно превращался сначала в амфибию, а потом в воздуходыщащее создание. Откуда-то сверху, из крон, донесся голос:

— Он приходит в себя.

Я эволюционировал обратно в хомосапиенса, а затем в похмельного хомосапиенса.

— Не пытайся встать.

— Мы его поймали? — невнятно пробубнил я.

— Он еще сопротивляется, но уже на крючке. Мы думали, он тебя слопал для разминки.

— Я тоже.

— Подыши-ка вот этим и заткнись.

Воронка на лице. Хорошо. Поднимем же чаши и выпьем…

— Он был ужасно глубоко. За пределами досягаемости радара. Мы не заметили его, пока он не рванул наверх. А тогда уже было поздно.

Я начал зевать.

— Сейчас мы занесем тебя внутрь.

Я кое-как извлек нож из чехла на лодыжке.

— Попробуй — и лишишься пальца.

— Тебе нужен отдых.

— Тогда притащите еще пару одеял. Я остаюсь.

Я откинулся на спину и закрыл глаза.

* * *

Меня трясли. Мрак и холод. Прожекторы истекали желтым на палубу. Я лежал на импровизированной койке, припертой к центральному куполу. Даже закутанного в шерсть, меня трясло.

— Одиннадцать часов прошло. Ты сейчас ничего не разглядишь.

Я ощутил привкус крови.

— Выпей.

Вода. У меня было замечание, но я не смог его выговорить.

— Не спрашивай, как я себя чувствую, — прохрипел я. — Я знаю, что положено говорить

дальше, но не спрашивай. Ладно?

— Ладно. Хочешь спуститься?

— Нет. Просто принеси мне куртку.

— Вот она.

— Что он делает?

— Ничего. Он глубоко, он под кайфом, но он не всплывает.

— Как давно он показывался в последний раз?

— Часа два прошло.

— Джин?

— Никого не пускает в Бегунок. Послушай, Майк говорит, чтобы ты зашел внутрь. Он у тебя за спиной, в куполе.

Я сел и обернулся. Майк смотрел на меня. Он махнул рукой; я махнул в ответ.

Я свесил ноги с койки и пару раз глубоко вздохнул. Боль в животе. Я встал и доковылял до купола.

— Как животик? — поинтересовался Майк.

Я взглянул на радар. Икки не видно. Слишком глубоко.

— Выпить найдется?

— Ага, кофе.

— Не кофе.

— Ты нездоров. А кофе — единственное, что тут дозволяется.

— Кофе — это коричневая бурда, которая обжигает желудок. У тебя заначка в нижнем ящике.

— Кружек нет. Тебе придется обойтись стаканом.

— Беда.

Он налил.

— У тебя хорошо получается. Тренируешься для той работенки?

— Какой еще работенки?

— Которую я тебе предложил…

Пятно на радаре!

— Поднимается, мэм! Поднимается! — завопил он в микрофон.

— Спасибо, Майк. У меня все под контролем, — протрещала она.

— Джин!

— Заткнись! Она занята!

— Это Карл?

— Ага, — ответил я. — Потом поговорим, — и обрубил связь.

Зачем я это сделал?

— Зачем ты это сделал?

Я не знал.

— Я не знаю.

Чертово эхо! Я встал и вышел наружу.

Ничего. Ничего.

Что-то?

«Десять-в-квадрате» качнулась! Должно быть, он развернулся, когда увидел ее дно, и снова направился вниз. По левую руку от меня — белая вода, бурлящая. Бесконечная спагеттина троса с горячим ревом уходила в чрево глубины.

Я немного постоял, потом развернулся и снова зашел внутрь.

Два часа тошноты. Четыре, теперь получше.

— Дурь пронимает его.

— Ага.

— А что насчет мисс Лухарич?

— А что насчет нее?

— Она, должно быть, полумертвая от усталости.

— Наверное.

— И что ты будешь с этим делать?

— Она подписала контракт. Она знала, что может случиться. Оно случилось.

— Я думаю, что ты можешь его вытянуть.

— Я тоже.

— И она тоже.

— Тогда пусть попросит.

Икки летаргически дрейфовал на глубине тридцати фатомов.

Я снова вышел прогуляться и чисто случайно

прошел мимо Бегунка. Она на меня не смотрела.

— Карл, зайди сюда!

Глаза Пикассо, вот оно что, и заговор с целью заставить меня Бегать.

— Это приказ?

— Да… Нет! Пожалуйста.

Я вбежал внутрь и взглянул на экран. Икки поднимался.

— Толкать или тянуть?

Я врезал по кнопке «Подъем», и Икки поддался, как котенок.

— Теперь решай сама.

Он заартачился на глубине десяти фатомов.

— Повываживать его?

— Нет!

Она потащила его вверх — пять фатомов, четыре…

На двух она выдвинула плоскости, и они поймали его. Затем — грейфуны.

Крики снаружи, и жар зажигающихся ламп.

Экипаж увидел Икки.

Тот начал бороться. Джин не ослабила тросы, подняла грейфуны…

Вверх.

Еще два фута, и грейфуны запульсировали.

Крики и быстрый топот.

Огромный бобовый стебель на ветру — его шея, раскачивающаяся. Зеленые холмы его плеч росли.

— Он огромный, Карл! — воскликнула она.

А он рос и рос, и росло его беспокойство.

– Давай!

Он взглянул вниз.

Он взглянул вниз, как могло взирать вниз божество наших древнейших предков. Страх, стыд и издевательский смех зазвенели в моей голове. И в ее голове тоже?

— Давай!

Она подняла взгляд на нарождающееся землетрясение.

— Не могу!

Это должно было оказаться так чертовски просто в этот раз — теперь, когда кролик умер. Я протянул руку.

Я замер.

— Нажми сама!

— Не могу. Нажми ты. Вытяни его, Карл!

— Нет. Если это сделаю я, ты до скончания дней будешь гадать, смогла бы сделать это сама или нет. Ты растратишь свою душу, выясняя это. Я знаю, что так и будет, потому что мы похожи, а я это сделал. Узнай сейчас!

Она продолжала таращиться.

Я ухватил ее за плечи.

— Представь на его месте меня, — предложил я. — Я — зеленый морской змей, ненавистная, чудовищная тварь, и я хочу тебя уничтожить. Я не отвечаю ни перед кем. Жми «Инъекцию».

Ее рука двинулась к кнопке, отдернулась назад.

— Давай!

Она нажала на кнопку.

Я осторожно опустил ее бесчувственное тело на пол и разобрался с Икки.

Прошло не меньше семи часов, прежде чем меня разбудил непрерывный шум пережевывающих море винтов «Десяти-в-квадрате».

— Ты болен, — сообщил мне Майк.

— Как Джин?

— Она тоже.

— Где зверь?

— Здесь.

— Хорошо. — Я перекатился на другой бок. — …На этот раз он не ушел.

Так это и случилось. Никто не рождается наживочником — мне так кажется, — но кольца Сатурна поют эпиталаму свадебному дару морского чудовища.

Слово Желязны

Повесть была написана в январе 1963 г., как следует из переписки с Гилом Ламоном [52]. Желязны прекрасно сознавал, что Марс и Венера из космических опер лишились правдоподобия из-за потока информации с ранних космических зондов, но ему хотелось написать историю в таком антураже, прежде чем он выйдет из моды. «У меня была сентиментальная привязанность к такого рода рассказам, и в то время, когда я написал “Розу для Екклесиаста” в конце 1961 года, я решил сделать то, чего мне давно хотелось, — я должен был сделать это именно тогда, потому что наши познания о Солнечной системе изменились так стремительно <…> и того Марса, о котором писал Эдгар Райс Берроуз, или Ли Брэкетт, [или Рэй Брэдбери], или Эдмонд Гамильтон во множестве своих рассказов, того Марса или той Венеры — огромной, покрытой водой планеты с океанами, что кишат доисторическими созданиями, — по-

[52] Примечания: 52
Tightbeam № 37, май 1966 г.

просту больше не существовало» [53],[54].

«Я сообразил, что другого времени для написания таких историй уже не будет. Если я хотел это сделать, я должен был сделать это немедленно. Поэтому я написал “Розу для Екклесиаста”, действие которой разворачивалось на старомодном Марсе с красными пустынями и пригодной для дыхания атмосферой. Она была этаким композитом всех моих чувств. Очень быстро я решил сделать такую же повесть о Венере и написал “Двери лица его, пламенники пасти его”. На этом все. Я больше не мог писать такие истории. Но они обе были своего рода моей данью уважения только что завершившемуся этапу истории жанра и выражали мои чувства к нему. Так что на самом деле я его не высмеивал» [55]. «Обе эти повести были в каком-то смысле упражнениями в ностальгии по той ранней научной фантастике, которую я читал» [56].

---

[53] Примечания: 53
Теодор Кролик, «Роджер Желязны», 1986 г.

[54] Примечания: 54
Xignals XVI, фев./март 1986 г.

[55] Примечания: 55
Теодор Кролик, «Роджер Желязны», 1986 г.

[56] Примечания: 56
Xignals XVI, фев./март 1986 г.

Желязны добавлял относительно этих двух повестей: «Это был, взглянем правде в глаза, байронический жест, но я считал себя в первую очередь писателем, а потом уже писателем-фантастом, к тому же, как я уже упоминал, я сентиментален» [57].

Некий писатель однажды сказал Желязны, что пользуется справочником «Желтые страницы» в качестве источника вдохновения; эта идея приглянулась ему, и он «спроецировал на полвека в будущее первые полдесятка пунктов, на которых его открыл, спрашивая себя, как будет вестись этот бизнес через пятьдесят лет… пытаясь угадать, каким будет общество… пробуя вариации на тему “что, если?” — например, что, если некоторые из клиентов (или работников) будут не людьми… Я пытался переместить этот бизнес на другую планету, испытать его в более странной обстановке. Моя повесть “Двери лица его, пламенники пасти его” на самом деле кое-чем обязана рекламе рыболовного магазина» [58].

---

[57] Примечания: 57
Galaxie #96, май 1972 г.

[58] Примечания: 58
The Writer 101(3): 9–11, март 1988 г.

Примечания

Хотя многие читатели встретили эту повесть с энтузиазмом, некоторые критики отмахнулись от нее, как от простого научно-фантастического пересказа мелвилловского «Моби Дика», — это сравнение не работает в нескольких значительных отношениях, включая то, что Ахав так и не поймал кита, которым был одержим, а погиб в попытке сделать это, и из его экипажа уцелел только Измаил. «Двери лица его, пламенники пасти его» — это история о приключениях, искуплении и примирении, а также самоанализе, рассказанная убедительно реализованным персонажем в декорациях, реализованных столь же убедительно, несмотря на то что к моменту публикации они не могли быть ничем иным, кроме фантазии.

Название позаимствовано из сорок первой главы «Книги Иова», где описывается чудовищное морское создание, известное как **Левиафан**: «Кто может отворить двери лица его? круг зубов его — ужас; крепкие щиты его — великолепие; они скреплены как бы твердою печатью; один к другому прикасается близко, так что и воздух

не проходит между ними; один с другим лежат плотно, сцепились и не раздвигаются. От его чихания показывается свет; глаза у него как ресницы зари; из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры». Согласно Роберту Силверберг, **«Все мы наживка»** — это отсылка к французскому фильму 1952 года «Все мы убийцы», истории нескольких заключенных, которых одного за другим уводят, чтобы казнить. Еще одна трактовка заключается в том, что Желязны имел в виду роман Эмиля Золя *La Bête humaine* (1890). Это действительно французский роман, и название его созвучно английским словам «the bait human» или «the human bait» («человек-наживка»). Однако в переводе оно на самом деле означает «Человек-зверь». Герой романа одержим наследственной манией к убийству женщин и в конечном итоге убивает свою жену.

Недавно обнаруженное письмо Желязны его давнему другу Карлу Йоуку доказало, что обе эти теории неверны. «У меня просто имеется пунктик насчет писателей-экзистенциалистов, и я люблю над ними потешаться. Так что… Французский роман про наживку — это выдумка» [59]. **Нео-экзы**

---

[59] Примечания: 59
Письмо Карлу Йоуку от 28 февраля 1974 г.

— сокращение от «неоэкзистенциалисты», такая же отсылка к экзистенциализму, как и название «Все мы наживка».

В хиромантии **Венериным** холмом или бугром называют большую область ладони, которая граничит с **большим пальцем** и очерчена **линией жизни**; считается, что она демонстрирует присущие человеку страстность и любовь к жизни. Рассказчик сравнивает географию венерианского континента Ладонь, увиденного при посадке, с собственной рукой. **Гемиплегия** — паралич половины тела после инсульта (повреждения ткани мозга из-за тромба или кровотечения): Дэвитс хромает из-за частичной гемиплегии — последствия инсульта, пережитого во время столкновения с Икки. **«Ллойд»** — это «Лондонский Ллойд», объединение страховщиков-андеррайтеров, изначально организованное в 1688 году с целью страхования, классификации, регистрации и сертификации морских судов.

Гарпун — метательное оружие для охоты на крупных морских животных, а **грейфер** — захватное приспособление для грузоподъемных кранов. **Серафим** — ангел высшего из девяти ангельских чинов. **Бездна**, написанная с заглавной буквы, означает ад или первобытный хаос,

предшествовавший Сотворению мира. **Де-факто** означает «фактически», а не в теории или по закону. **«Сквозь коричневое стекло, гадательно»** — отсылка к фразе «теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно» из новозаветного Первого послания к Коринфянам (13:12); смысл цитаты заключается в том, что человеческое восприятие реальности несовершенно. **Дочь Лира** — отсылка к ирландскому мифу о детях Лира и конкретно о его прекрасной дочери Фионуле, которую прокляла и превратила в лебедя мачеха. Сам **Лир** или Лер — это бог моря в ирландской мифологии, фигурирующий также в рассказе Желязны «Кони Лира». Фраза **«Дочь Лира с глазами Пикассо»** — цитата из второй части «Кантос» Эзры Паунда, в которой он описывает нерпу: «Нерпа играет в кольцах белопенных у влажноприбойной скалы//Атласная кожа, Лера дочь//а глаза Пикассо//В черном капоре меха, гибкая дочь Океана» [60].

«Передала ему коробочку, полную ее незрячих глаз» означает, что Джин Лухарич сняла свои цветные контактные линзы. Залив **Говино** (Гувия) расположен на острове Корфу; Джин го-

---

[60] Примечания: 60
Пер. В. Кучерявкина.

ворит о том случае, когда она не дала Карлтону Дэвитсу утонуть. **Минданао**, или Филиппинский желоб — крупная глубоководная впадина к востоку от Филиппинских островов; ее протяженность — приблизительно 1300 километров, максимальная глубина — 10 540 метров. **«Атласная кожа… дочь Лира… глаза…»** — вновь цитата из «Кантос», но на этот раз **Пикассо** заменен **погибелью**. **Видо** и **Корфу** — греческие острова. **«Нет на земле подобного ему, он сотворен бесстрашным»** — еще одна цитата из описания Левиафана в Книге Иова. **Ахерон** — в древнегреческой мифологии одна из рек Аида, через которую Харон перевозит души умерших. **«Метаться вечно вдоль берега Ахерона»** — образ в духе поэзии Сафо, встречающийся также в стихотворении, которое цитирует Конрад в «…И зовите меня Конрад» / «Этот бессмертный». **Диксиленд** — новоорлеанская разновидность джаза, для которой характерны стремительный двухударный ритм и сольные импровизации. **«Блюз глубокой воды» (Deep Water Blues)** исполняли Луи Армстронг и ансамбль Dukes of Dixieland. **«Без шума, без ярости»** — отсылка к роману Уильяма Фолкнера «Шум и ярость», в котором, как и в этой повести, используется техника «потока сознания».

Изначальная цитата взята из шекспировского «Макбета» — «История, что рассказал дурак,//Наполненная яростью и шумом,//Которая не значит ничего» [61] — и представляет собой самоиронию рассказчика, считающего себя дураком, а собственную историю — бессмысленной. **Эпиталама** — свадебная песнь, или ода в честь жениха и невесты; использование этого слова намекает, что Карлтон и Джин могут вновь стать парой. **«Свадебный дар морского чудовища»** — загадочная формулировка, о которой ведутся споры среди исследователей творчества Желязны. В одном предложении с эпиталамой использованное им слово **«dower»** («дар» или «наследство») может означать «приданое» — свадебный подарок или имущество, достающееся мужу вместе с женой. На первый взгляд может показаться, что, говоря о «свадебном даре морского чудовища», Желязны имеет в виду, что чудовище приносит дар; однако с большой вероятностью здесь использована устаревшая формулировка, означающая, что морское чудовище само является даром. Эта последняя интерпретация намекает, что Карл

[61] Примечания: 61

Пер. В. Рапопорта (в более классических переводах «Макбета» закрепившееся в качестве названия романа Фолкнера словосочетание «шум и ярость» не используется). (*Прим. пер.*)

и Джин поженятся, а морское чудовище служит для них свадебным подарком.

Финальные предложения повести также созвучны описанию спасения Персеем прекрасной Андромеды от морского чудовища в «Метаморфозах» Овидия, из чего следует, что Карл — это Персей, а Джин — Андромеда. В тексте «Метаморфоз» мы можем найти в близком соседстве следующие строки: «То брачный ли дар за спасение девы?» и «Чудище бездны морской, что нежданно из волн приходило» [62].

Примечания переводчика

«К черту мины!» — высказывание, приписываемое американскому адмиралу Дэвиду Фаррагуту, который, по легенде, во время битвы в заливе Мобил в ответ на предупреждение о минах скомандовал: «К черту мины! Полный вперед!»; благодаря его прорыву федералисты победили в сражении. **Типи** — переносное жилище кочевых индейцев Великих равнин, отличающееся конической формой; его часто путают с вигвамом. **«Позволили ондатре бродить»** — отсылка к названию джазовой композиции «Muskrat Ramble»

---

[62] Примечания: 62
Пер. С. Шервинского. (*Прим. пер.*)

(«Ондатра бродит»), известной в том числе в исполнении Луи Армстронга. **Страна счастливой рыбалки** — переиначенное выражение «Страна счастливой охоты», якобы характеризующее представление индейцев о посмертии; было введено в обиход (и, возможно, придумано) Джеймсом Фенимором Купером, впервые употребившим его в своем романе «Пионеры».

Ужасная красота

Fantastic, апрель 1963 г.,
под псевдонимом «Гаррисон Денмарк»

Как подобны в такой момент зрители богу эпикурейцев! Бессильные изменить ход событий, но обладающие бо`льшим знанием, чем персонажи, они могли бы вскочить и воскликнуть: «Не надо!» — но ослепления Эдипа все равно не миновать, и неизбежный узел на алом одеянии Иокасты все равно остановит ее дыхание.

Но, разумеется, никто не вскакивает. Они знают, что это бесполезно. Они тоже скованы странными цепями трагедии. Боги могут лишь наблюдать и знать, они не в силах изменить обстоятельства или бороться с ананке.

Мой носитель уже предвкушает то, что называет «катарсисом». Мои поиски завели меня далеко, и мой выбор был верным. Филлип Деверс живет в театре, как червь живет в яблоке, как паралитик — в «железном легком». Это его мир.

А я живу в Филлипе Деверсе.

На протяжении десяти лет его глаза и уши

были моими глазами и ушами. На протяжении десяти лет я вкушал чувственное восприятие великого театрального критика, а он об этом так и не узнал.

Он был к этому близок — его ум остер, его воображение богато — но его классическое образование слишком сильно, его знание психопатологии слишком велико, чтобы допустить этот последний скачок от логики к интуиции и признать мое существование. Порой, прежде чем уснуть, он забавляется мыслью о том, чтобы предпринять попытку общения, но на следующее утро всегда отвергает ее — и это хорошо. Что мы можем сказать друг другу?

…А теперь — первобытный крик из глубины веков и Эдип, блуждающий по сцене в слепом ужасе!

Как великолепно!

Хотел бы я познать и вторую половину. Деверс утверждает, что полный опыт имеет две составляющие — приближение, называемое состраданием, и отстранение, называемое страхом. Только эту последнюю составляющую я ощущаю, только ее я всегда искал; другую я не в силах постигнуть, даже когда мой носитель сотрясается и его глаза застилает влагой.

Я был бы очень рад взрастить в себе полноценную реакцию. К сожалению, мое время на этой планете истекает. Я разыскивал красоту в тысяче звездных систем и здесь узнал, что человек по имени Аристотель дал ей определение. Как жаль, что я должен покинуть это место, не познав полного опыта.

Но я — последний. Все остальные уже ушли. «Светила движутся, несется время; пробьют часы…»

Овация грандиозна. Воскресшая Иокаста с улыбкой кланяется вместе со своим царем, чьи глазницы окровавлены. Рука об руку они пируют нашими аплодисментами — но даже бледному Тиресию неведомо то, что ведомо мне. Какая жалость.

А теперь — домой на такси. Который час теперь в Фивах?

* * *

Деверс смешивает нам крепкий коктейль, чего обычно не делает. Тем приятнее будут для меня эти последние мгновения, увиденные через призму его парящего воображения.

Он в странном настроении. Как будто знает, что случится в час ночи, — как будто знает, что будет,

когда атом раздует свою мохнатую грудь, раскидав в стороны армию Титанов, и Средиземное море устремится окунуть свою винноцветную морду в пустую Сахару.

Но он не может этого знать, не зная обо мне, и в этот раз, когда начнется представление ужасной красоты, он будет персонажем, а не наблюдателем.

Мы оба смотрим в светло-серые глаза на раздвижной панели. Он заранее принимает аспирин, когда пьет, а это значит, что он смешает нам еще коктейль.

Но его рука… Она останавливается, не коснувшись шкафчика с лекарствами.

Обрамленные плитками и нержавеющей сталью, мы оба взираем на отражение незнакомца.

— Добрый вечер.

После десяти лет — эти два слова, и накануне последнего спектакля!

Отвечать ему его собственным голосом было бы довольно нелепо, даже если бы я был на такое способен, и, без сомнения, это напугало бы его.

Я выжидал, и он тоже.

Наконец, словно органист, я нажал на педаль и извлек аккорд из необходимых синапсов:

«Добрый вечер. Пожалуйста, не стесняйтесь и

примите все-таки аспирин».

Так он и сделал. А потом поднял с полочки свой бокал.

— Надеюсь, тебе нравится мартини.

«Нравится. Очень. Пожалуйста, выпейте еще».

Он усмехнулся нам и вернулся в гостиную.

— Что ты такое? Психоз? Диббук?

«О, нет! Ничего подобного!.. Я просто зритель».

— Не помню, чтобы я продавал тебе билет.

«Нельзя сказать, чтобы вы меня приглашали, но я посчитал, что вы не станете возражать, если я буду тихо себя вести…»

— Очень порядочно с твоей стороны.

Он смешал еще мартини, а потом посмотрел на стоящий через дорогу дом. Там светились два окна, на разных этажах, точно неровно посаженные глаза.

— Не возражаешь, если я поинтересуюсь, зачем?

«Нисколько. Быть может, вы даже сумеете мне помочь. Я — странствующий эстет. Мне приходится заимствовать тела обитателей планет, которые я посещаю, — предпочтительнее тех, у кого схожие с моими интересы».

— Понятно… ты — безбилетник.

«Пожалуй, можно и так сказать. Но я пытаюсь

не причинять никому неудобств. Как правило, мои носители так и не узнают о моем присутствии. Но вскоре мне придется вас покинуть, а в последние несколько лет меня терзал один вопрос… Поскольку вы догадались о моем существовании и сумели удержать себя в руках, я решил попросить вас помочь мне на него ответить».

— Ну, спрашивай. — Неожиданно он сделался злым и очень оскорбленным. Я немедленно понял причину.

* * *

«Не думайте, — сказал я ему, — что я хоть раз влиял на ваши мысли и поступки. Я всего лишь наблюдатель. Моя единственная цель — наслаждение красотой».

— Как интересно! — презрительно усмехнулся он. — И как скоро это случится?

«Что?»

— То, из-за чего ты вынужден меня покинуть?

«Ах, это…»

Я не знал, как ему ответить. Да и что это ему даст? Разве что чуть больше страданий.

— Итак?

«Мое время вышло», — сказал я ему.

— Я вижу вспышки, — сообщил он. — Песок и дым, и пылающий бейсбольный мяч.

Он был слишком чуток. Мне казалось, что я прикрыл эти мысли.

«Ну… Мир погибнет в час ночи».

— Приятно слышать. Как?

«Существует подпочвенный слой расщепляемого материала, и проект “Эдем” станет причиной его детонации. Это запустит сильнейшую цепную реакцию…»

— А ты не сумеешь как-нибудь это остановить?

«Я не знаю, как. Я не знаю, что может это остановить. Мои знания ограничены искусством и биологическими науками… Прошлой зимой вы сломали ногу, катаясь на лыжах в Вермонте. И даже не заметили этого. На такое я способен…»

— Значит, труба протрубит в полночь, — проговорил он.

«В час ночи, — поправил я, — по восточному стандартному времени».

— Что ж, тогда можно позволить себе еще один бокал, — сказал он, поглядев на часы. — Дело идет к двенадцати.

«Мой вопрос…» — Я прочистил воображаемое горло.

— Ах да, о чем ты хотел узнать?

«…Вторая составляющая реакции на трагедию. Я много раз видел, как вы испытываете ее, но не могу ее понять. Я ощущаю страх, но сострадание… сострадание всегда от меня ускользает».

* * *

— Бояться может кто угодно, — сказал он, — в этом нет ничего сложного. Но нужно уметь проникать в глубь людей — не так, как это делаешь ты, — и чувствовать все, что чувствуют они, прежде чем разлететься на осколки… чтобы показалось, что и ты сейчас разлетишься на осколки вместе с ними… и ты ни черта не можешь с этим поделать, как бы тебе этого ни хотелось… вот что такое сочувствие.

«Вот как? И страх тоже?»

— …и страх тоже. Сливаясь, они создают великий катарсис подлинной трагедии.

Он икнул.

«А трагический персонаж, к которому ты испытываешь эти чувства? Он должен быть велик и благороден, не так ли?»

— Это верно, — кивнул он, как будто я сидел напротив него, — и в последний момент, когда непреложный закон джунглей вот-вот восторжествует, он должен взглянуть на безликую маску

Бога и на это краткое мгновение вознестись над требованиями своей натуры и хода событий.

Мы оба посмотрели на его часы.

— Когда ты покинешь меня?

«Минут через пятнадцать».

— Хорошо. У тебя есть время послушать музыку, пока я одеваюсь.

Он включил проигрыватель и выбрал альбом.

Я беспокойно заерзал.

«Если она не слишком длинная…»

Он взглянул на конверт.

— Пять минут восемь секунд. Я всегда считал, что это музыка для последнего часа Земли.

Он поставил пластинку на проигрыватель и опустил звукосниматель.

— Если не покажется Гавриил, сойдет и это.

Он потянулся за галстуком, а по комнате, точно раненый зверь, взбирающийся на холм, захромали первые ноты «Саэты» Майлза Дэвиса.

Он подпевал, завязывая галстук и причесываясь. Дэвис говорил сквозь лилию с медным языком, и перед нами проходила процессия: проковыляли Эдип и слепой Глостер, ведомые Антигоной и Эдгаром… Принц Гамлет отсалютовал нам шпагой и бросился вперед, а за ним неуклюже тащился чернокожий Отелло… Иппо-

лит, облаченный в белое, и печальная герцогиня Мальфи шествовали сквозь память по тысяче сцен.

Филлип застегнул пиджак, как раз когда прозвучали последние ноты, а потом выключил проигрыватель. Бережно убрав пластинку в конверт, он поставил ее на место.

«Что вы собираетесь делать?»

— Попрощаться. Дальше по улице должна быть вечеринка, которую я не собирался посещать. Думаю, я загляну туда пропустить стаканчик. И ты тоже прощай. Кстати, — спросил он, — как тебя зовут? Мы так давно знакомы, должен же я как-то к тебе обращаться.

Он бессознательно предположил, как меня могут звать. У меня никогда прежде не было имени, и я принял это.

«Адрастея», — сказал я ему.

Он снова усмехнулся.

— От тебя ни одну мысль не скроешь, да? Прощай.

«Прощайте».

Он закрыл за собой дверь, а я полетел вверх, сквозь потолки и полы квартир, и выше, в ночь над городом. В доме напротив погас один глаз; пока я смотрел, за ним последовал и второй.

Вновь бестелесный, я устремился ввысь, мечтая хоть что-нибудь почувствовать.

Слово Желязны

«Мне очень нравился этот рассказ, когда я его написал, но я не помню, почему или как его придумал. Быть может, Гаррисон Денмарк обрел собственную жизнь. Возможно, он — тот джентльмен, которого я каждый день вижу проходящим по Бишопс-Лодж-Роуд, иногда в обоих направлениях» [63].

Примечания

Желязны предложил Авраму Дэвидсону в *The Magazine of Fantasy & Science Fiction* «две короткие вещицы» одновременно: легкую и ироничную зарисовку «О времени и яне» и серьезную и интроспективную «Ужасную красоту». Как ни странно, Дэвидсон купил «Яна» и отверг этот куда более удачный рассказ, объяснив свое решение так: «Я устал от историй о конце света, так много их присылают, и тут РЖ предлагает нам сразу *две*. Если бы он изменил ожидающую критика

---

[63] Примечания: 63
«Последний защитник Камелота», 1980 г.

судьбу с конца света на его собственную гибель, я, быть может, подумал бы над тем, чтобы купить этот рассказ» [64]. Желязны решил его не переписывать.

Замечание о **боге эпикурейцев** отсылает к древнегреческому философу Эпикуру, материалисту, отвергавшему суеверия, религию, страх перед богом и существование посмертия, — он утверждал, что не существует богов, заинтересованных в делах людей, и нет никакой жизни после смерти. Он советовал жить полной жизнью, предаваясь гедонизму, поскольку величайшее благо в жизни — это удовольствие.

В рассказе упоминается **Эдип**, сын Лая и **Иокасты**, который, согласно древнегреческому мифу, был брошен сразу после рождения, а впоследствии убил своего отца и женился на матери, не зная о своем родстве с ними. Узнав правду, Иокаста покончила с собой (**«неизбежный узел на алом одеянии Иокасты все равно остановит ее дыхание»**), а Эдип выколол себе глаза (**«царь, чьи глазницы окровавлены»**) и ушел в изгнание.

Ананке — богиня судьбы и предопределенно-

---

[64] Примечания: 64

Письмо Роджера Желязны Авраму Дэвидсону от 30 июня 1962 г. с припиской Аврама Дэвидсона (недатированной, но, скорее всего, сделанной в июле 1962 г.).

сти в греческой мифологии; она также является матерью упомянутой в финале **Адрастеи**, что создает тематическую закольцованность рассказа. **Катарсис** — это очищение чувств ради эмоционального или психологического облегчения. **«Железным легким»** называли аппарат, который использовался для лечения жертв полиомиелита, страдавших от паралича легких; все тело больного, за исключением головы, помещалось в компрессионную камеру, и перепады давления в ней помогали воздуху входить и выходить из легких. **Психопатология** — наука, занимающаяся изучением происхождения, проявления и лечения психических заболеваний. **Аристотель** определял красоту как дар Бога, возникающий, когда все части целого функционируют гармонично и ни одна из них не привлекает к себе излишнего внимания. **«Светила движутся, несется время; пробьют часы…»** — пророчащая гибель цитата из «Фауста» Кристофера Марло; кончается она так: «…придет за мною Дьявол, и я погибну» [65]. **Диббук** — демон или душа умершего человека, которая захватывает и контролирует человека живого и может быть изгнана только с помощью

---

[65] Примечания: 65
Пер. Е. Бируковой.

экзорцизма. **«Эстет»** в данном контексте означает личность, владеющую теорией красоты и художественного творчества. **«Труба протрубит в полночь»** — это название фильма 1945 года, главному герою которого (сыгранному Джеком Бенни) снится, что он — ангел Атаниил, трубач небесного оркестра, которому поручено протрубить в Последнюю трубу в полночь. Два падших ангела крадут его трубу, что запускает цепочку перипетий. Прибытие **архангела Гавриила**, согласно пророчеству, должно ознаменовать конец света. В своих произведениях Желязны время от времени делал отсылки к джазу, и в данном случае камео удостоилась **«Саэта» Майлза Дэвиса**.

В рассказе мимолетно упоминаются разнообразные трагические фигуры и места из истории и литературы. Согласно греческой мифологии, **Тиресий** был слепым, но мудрым фиванским пророком, на семь лет превращенным в женщину; он не предвидел конца света, о котором известно рассказчику. После победы над Спартой **Фивы** были влиятельным греческим городом, пока их не разрушил Александр Македонский. В шекспировском «Короле Лире» переодетый нищим сын графа **Эдгар** ведет **ослепленного Глостера** к утесу в Дувре, где Глостер желает покончить с собой.

Антигона, дочь Эдипа и Иокасты, была приговорена к смерти за непослушание приказу своего дяди, царя Фив Креонта, но покончила с собой прежде, чем приговор привели в исполнение, после чего ее жених, сын Креонта Гемон, убил себя над ее телом. **Гамлет, принц датский** — трагический герой самой известной пьесы Шекспира; **Отелло**, заглавного персонажа другой шекспировской пьесы, обманом убеждают, что его жена изменяет ему; он убивает ее, а позднее — себя. **Ипполит** — в греческой мифологии сын Тесея, изгнанный и проклятый отцом после того, как Федра, его мачеха, несправедливо обвинила его в изнасиловании. **«Герцогиня Мальфи»** Джона Уэбстера — еще одна трагическая пьеса, которая начинается как любовная история о графине, выходящей замуж за человека, который ниже ее происхождением, а заканчивается тем, что два ее брата губят себя.

Адрастея («неотвратимая») — нимфа, втайне вырастившая младенца Зевса, чтобы защитить его от его отца, Кроноса; дочь **Ананке**, упоминающейся в начале рассказа.

Примечание переводчика

Название рассказа отсылает к стихотворению Уильяма Батлера Йейтса «Пасха 1916 года», в котором рефреном повторяется строка «Родилась ужасная красота».

Как стихи значат

Написано в 1955–1960 годах для сборника «Резец в небе», ранее не публиковалось

(К Дж. Чиарди)

Мозг, выпотрошен,
извергает биенья рифм
в фарфоровые стансы,
в их трели, тропы, трюки,
в слив никелевый складчатых зеркал…

классическая в камне четкость!
о, белизну струящее слиянье,
хромированное сиянье…
как в строгой легкости течёт кость!

Примечания

Джон **Чиарди** — американский поэт, известный своим переводом «Божественной комедии» Данте, сильно повлиявшей на Желязны.

Примечание переводчика

Стихотворение написано не ранее 1959 года, когда вышла книга Джона Чиарди «How Does a Poem Mean?» — «Как значат стихи?» — о важности формы; название контрастирует с вопросом «Что значат стихи?» о важности содержания. К этому названию, но уже в форме утверждения, отсылает заголовок стихотворения Желязны.

Монолог для двоих

Рабочее название — «В суши Козерога».*Fantastic*, 1963 г., под псевдонимом «Гаррисон Денмарк»

— Спасибо, сестра, но я могу управляться с коляской одной рукой. Колеса поворачиваются очень легко.

— Доброе утро, доктор. Хорошее вы себе подыскали местечко. Хорошая страна.

— Нет, здесь мы с вами еще ни разу не виделись. Но я могу показаться вам знакомым…

— На что жалуюсь? Ах да. Вы не взглянете на мышцы моей левой голени?

— Простите, я не могу наклониться, чтобы закатать штанину. Нет, ногу вам тоже придется поднять самому.

— Да, верно. У меня нет мышц левой голени.

— Что стряслось, доктор? Вам как будто внезапно подурнело. Узнаете хирургическую технику?

— Конечно, присядьте. Нет, спасибо, я не курю.

— Что такое? Сама зажглась? Да, это порой случается.

— Нет, я не думал, что вы сможете мне чем-то помочь. Но решил убедиться. Наука вечно совершает удивительные прорывы. Я знаю, что вы и

сами были пионером в области трансплантации, и, ну, подумал, что если кто-то и может о таком знать, то это вы.

— Да, поляк. Я и сам врач. Но не практиковал со времен войны и, боюсь, не слишком внимательно следил за развитием целительского искусства… Медицинский институт Варшавы, верно. Я как раз проходил ординатуру, когда вы начали свои исследования…

— Не скромничайте. Я знаю, что вы были всего лишь штатным сотрудником и что Равенсбрюк был велик. Но мир тоже велик, и тем не менее мне удалось найти вас здесь точно так же, как вы нашли меня там.

— Вы сейчас уроните пепел на свой славный ковер. Просто стряхните его в пепельницу, она как раз пролетает мимо.

— Очень хорошо.

— Чего я хочу? О, быть может, всего минутку вашего времени. Меня с некоторых пор одолевает желание снова заняться медициной. Но для оперирования нужны две здоровые руки, а тот ваш эксперимент по трансплантации закончился не слишком успешно. Однако из меня может выйти хороший диагност…

— Умер! Нет, этого почему-то не случилось.

Кто это сказал, что жизнь сама по себе акт воли, Шопенгауэр? Я забыл. В любом случае, туберкулезные бациллы не справились со своей работой… и переливание крови четвертой группы тоже, хоть у меня и первая… и голодная диета.

— Быть может, это был тот безумный синдром, что вы мне навязали, а может, йога, которую я практиковал, чтобы не сойти с ума… или и то, и другое… но я обрел Силу… Нет, не вставайте с кресла!

— Видите, о чем я? Я владею Силой. Она была еще не так могуча в те дни, когда я полз от руин Равенсбрюка с пулей в сердце, но с тех пор я прилежно ее развивал.

— Убить вас? Боже! С чего вы взяли, что я собираюсь это сделать? У меня нет желания вас убивать. Нет, человек в инвалидной коляске никому не причинит вреда…

— Но вы, доктор, что вы думаете о Силе?.. Я знаю, что вы не психиатр. Но разве вам не кажется, что она может стать превосходным подспорьем медицинскому работнику?

— Вот и я так считаю. Поэтому, услышав, что вы собираетесь переквалифицировать свою клинику в благотворительную, я решил заглянуть сюда в поисках работы.

— Что?.. Никакой благотворительной клиники?.. О, вы ошибаетесь. Мы будем лечить бедных и необразованных, калек и слепых. Мы будем принимать роды и раздавать бесплатные лекарства. В конце концов, мы же богаты, разве не так?

— Нет, вы не понимаете. Вы не можете отказаться оперировать, потому что будете всего лишь ассистировать. Вы ведь не думаете, что я доверю вам скальпель? Вашим богатеньким пациентам придется найти себе кого-нибудь другого, кто будет держать их за ручку.

— А вот теперь вам лучше потушить сигарету. Впрочем, не важно, я сделаю это за вас. Вот. Поверьте, мне сейчас будет куда хуже, чем вам. Я содрогаюсь от одной только мысли. Ваше тело — гроб для мертвой души, а ваши руки — орудия убийства… но их можно приспособить для добрых дел, и, быть может, искупить этим часть ваших деяний.

— В глазах темнеет? Да, это воздействие Силы. Я почти двадцать лет развивал ее до этого уровня. Просто расслабьтесь. Еще секунда — и все.

— Вот!

— Теперь хорошо видите? Коляска? О, вы к ней привыкнете. Колеса поворачиваются очень легко.

— Сестра! Войдите! Пациент потерял сознание.

Примечания

В этом рассказе используется остроумный литературный прием: весь текст состоит из реплик одного персонажа (монолога), но передает две точки зрения (позднее Желязны предпринял попытку написать еще один рассказ, состоящий почти целиком из реплик, но считал ее не вполне удавшейся; *см.* «Страсть коллекционера»).

Название **«Равенсбрюк»** во время Второй мировой войны носил немецкий концлагерь, предназначенный исключительно для женщин. Он был печально известен проводившимися там разнообразными «медицинскими» экспериментами, включавшими в себя удаление мышц голени и заражение ран грязью и бактериями для симуляции травм, получаемых солдатами в бою. В число экспериментов входили переливание крови несовместимой группы (например, четвертой вместо первой) и морение голодом.

Ранние работы Желязны часто подвергались критике за то, что женщины в них фигурировали лишь на вторых ролях, или за отсутствие сильных женских персонажей. Вероятно, большинство читателей упустили из виду, что протагонист

этого рассказа *может быть только женщиной* — ведь она выжила в Равенсбрюке — или, по крайней мере, она была сильным женским персонажем в начале рассказа, перед тем, как поменяться телами с истязавшим ее доктором в финале. Дополнительно дезориентирует читателя то, что героиня называет себя «the man in the wheelchair» — «мужчина в инвалидной коляске»; это может означать, что она изменила внешность, чтобы казаться мужчиной, или выглядит так в результате множества изуродовавших ее пыток, которые она претерпела от рук доктора [66]. Анализ рукописи рассказа подтвердил, что Желязны написал «the *man* in the wheelchair», а не «*woman*».

Судя по всему, некоторые читатели не поняли, что реплики в рассказе принадлежат лишь одному персонажу, и сочли его невразумительным. Опубликованное в октябрьском номере *Fantastic* за 1963 год письмо гласило: «Что до этого нового писателя, Гаррисона Денмарка (настоящее ли это имя??), все, кроме “Монолога для двоих”, в кото-

[66] Примечания: 66

Эта теория, безусловно, интересна, но недостаточно подтверждена самим текстом, поэтому я позволил себе не учитывать ее при переводе, доверившись указанию Желязны на мужской пол главного героя. (*Прим. пер.*)

ром я так и не смог разобраться, было хорошим».

Шопенгауэр — немецкий философ, родившийся на территории современной Польши в городе Данциге (ныне Гданьск). Предки Желязны были родом из Польши.

Что касается рабочего названия: у слова «Козерог» несколько значений, но в данном случае, скорее всего, имеется в виду тропик Козерога — широта, пересекающая территории Австралии, Южной Африки, Бразилии и Южной Америки и указывающая на сухую страну, в которой укрылся доктор.

Концерт

Double: Bill № 11, октябрь-ноябрь 1964 г.

Так странно: здесь,
в чертогах музыки
нас поражает вал преображенья:

Твоя рука теперь коралл,
моя же – завиток морской травы
на палубе,
фланелевая зелень
навязчивая.

Нет, так будет не всегда —
вот дева, светловласа
и розова, как города морские, —
но вот сейчас,
как сквозь зеленое стекло,
но вот сейчас,
как неотрывный взгляд Медузы,
приходит звук —

увековечить наши позы,
мгновение обесконечить, —
взрастить жемчужную основу
из морока морских теней, —
здесь,
где все хлоралловые звоны
встречаются с мембраной,
дробятся,
вносят корректуру.

Молчанье поспешит крушить;
вот косяки блескучих рук
разбрызжутся разрывными кругами;
а после только волны —
расходятся, поцеловавшись,
изъязвлены, удручены,
и каждая довольно холодна,
и все в забвенье.

Примечания

Стихотворение вызывает ассоциации с затоплением Атлантиды. **Как сквозь зеленое стекло** — аллюзия на слова «как бы сквозь тусклое

стекло» из 1-го послания к Коринфянам в Новом Завете, фразу о том, что восприятие нами реальности несовершенно. В греческой мифологии у **Медузы** волосы — живые змеи, а ее взгляд обращает плоть в камень. **Хлорал** — игра слов, соединяющая *хорал* (традиционное одноголосное, иногда многоголосное песнопение) с *кораллом* (каменистое образование на рифах, формируемое выделениями морской фауны). **Хлорал** (*совр.* хлораль) — также жидкость, которую получают хлорированием ацетальдегида, но Желязны, скорее всего, намекает на хлорофилл и зеленый цвет.

Льдовековье

Сборник «Круженье – это чудо-кошка», Underwood-Miller, 1981 г.

Написано в 1955–1960 годах для сборника «Резец в небе»

О,
отчего
же небеса
столь истязаемы
сегодня? скажет кто-то
не шепотом, и палец быстрый
укажет, распрямляясь, нечто прямо
над головою. Многозначащие жесты:
гляди, они!.. — видение в разгар сиесты:
простор в упругой синеве был безупречен,
и вдруг расколот черной сеткой червоточин,
перстами камня разворочен — раскурочен, —
стальные мышцы рвут небесные одежки,
удары бьют и режут свод; слепая кошка
меж тем второй отращивает хвост:
он гол, бесшёрстен, безволос;
она средь кратеров в снегу
лежит под бомбами,
как будто на
лугу

Врата провидца

Рабочее название – «Лишь сердце одинокое».*Fantastic*, май 1963 г.

— Зачем вы это сделали? — спросил он.

— Он начинал мозолить нам глаза, — ответил человек в защитных очках, отключая резак. — Все равно он уже был ни на что не годен. Еще пара лет — и сам бы рухнул.

— И как же люди будут теперь перебираться через реку?

Человек в защитных очках взглянул на кирпично-красное лицо — на завитки водорослей, запутавшихся во встрепанных волосах… Он нажал кнопку на своем поясе и взлетел над землей.

— Как всегда, — ответил он. — На персональном летательном аппарате или на машине.

Крейн поднялся в воздух и повис рядом с ним. Медленно движущиеся машины пересекали небо над их головами. Панорама напоминала зубья огромной расчески: бесконечные шеренги темных зданий внизу; над ними кое-где, точно запутавшиеся волоски, дрожат антенны; не вид-

но ни травы, ни голой земли. Его собеседник был таким же серым, как город.

— А где же краски? Нью-Йорк всегда был полон красок.

— Да вы настоящий ретроград. Неужели это чудовищное небо не режет вам глаза?

Крейн посмотрел вверх.

— Оно такое же голубое, как и всегда.

— Ну, как только Совет примет постановление, Служба погодного контроля сделает его куда приятнее для взгляда.

— О чем вы?

— Влагогенераторы. Мы убьем свет и цвет.

— Лишите небо синевы?

— Вот именно.

Крейн вновь взглянул на грязную змею Ист-Ривер.

— А что будет с мостом? Разве он не станет мешать кораблям?

— Кораблям? Откуда вы вообще взялись такой? Последний корабль демонтировали двести лет назад — после того, как люди решили, что речная прогулка до Стейтен-Айленда не стоит половины кредита, когда они могут перелететь туда бесплатно — и быстрее.

— И вы просто оставите мост там, куда он

упал?

— Время и река о нем позаботятся, — рассмеялся человек. — А что? Хотите забрать его себе?

— Если он никому больше не нужен, заберу.

— Вперед. Он принадлежит любому, кто захочет его вывезти… Но за эти обломки много не дадут.

Он пригляделся к летевшему перед ним Крейну.

— У вас, должно быть, очень компактный летательный аппарат. Я все пытаюсь понять, где вы его носите.

— Продолжайте гадать.

— …И эта одежда, и ваша манера речи. Откуда вы прибыли?

— Я путешествовал.

— О… с внешних планет. А на Земле раньше бывали?

— Не на этой.

— Ну, наслаждайтесь видами. Она стоит путешествия.

Крейн кивнул.

* * *

— Один человек посвятил этому мосту поэму. — Он кивком указал на мост.

— Вам лучше знать. На внешних планетах что,

до сих пор читают поэзию?

— Мне хотелось бы так думать. Разве здесь не осталось поэтов?

— А зачем они? Метафора — ужасно грубый описательный прием. Приятно думать, что большинство людей уже миновало тот этап развития, на котором все на что-то похоже. Предмет есть предмет. Зачем все запутывать? Жизнь — это математика.

— Рад слышать… Но как же темные места, в которых математика не работает? Неизвестные в человеческом уравнении?..

Серый человек поморщился.

— Не говорите о смерти и безумии! Мы их еще победим! — Он стиснул кулак. — Вас там во внешних мирах что, не учат вежливости? Некоторые темы в беседах поднимать неприлично.

— Но что вы с ними делаете?

Серый человек посмотрел вниз, на серый город.

— Мы несем свет во все темные углы вселенной — вот новая поэзия! Рано или поздно объяснено будет все. Мы завоевываем все природные явления силой разума.

— А можете ли вы объяснить это? — спросил Крейн, ухватив его запястье. Он прижал проте-

стующую руку к своей груди.

Лицо человека обвисло.

— У вас не бьется сердце!

— Это, — сказал Крейн, — самое точное утверждение, на какое только способна наука. Доброго вам дня.

Он исчез.

Человек сменил курс. Он спешил в Институт умственного здоровья.

* * *

— Здравствуйте, мистер.

Старик вытащил изо рта трубку и кивнул.

— Привет.

Крейн прислонился к перилам крыльца.

— Я вижу, у вас тут растут трава и пара деревьев. — Он устремил взгляд поверх куцей лужайки и мимо двух кленов, охранявших извилистую тропинку, бежавшую вдоль реки.

— Ага. — Старик почесал нос мундштуком. — Они мне нравятся. В городе их уже не осталось. Потому я сюда и перебрался.

— И воздух здесь, кажется, чище.

— Ага. И, видит бог, так далеко на севере они небо не обесцветят!

— Верно. Я раньше бывал в этой части страны…

У вас тут симпатичный кусочек реки.

— Миленький, это точно.

Старик с любопытством оглядел его.

— Странноватый у тебя видок, приятель. Ты откуда?

— Из внешних миров.

— Ясно. Бывал там пару раз. Смотреть особо не на что.

Крейн пожал плечами:

— Мне кажется, у каждого места своя красота.

— Ну да, наверное, — согласился старик.

— Послушайте, — начал Крейн, — у меня была причина сюда заглянуть. Я хотел найти кого-нибудь постарше, кого-нибудь, кто может что-то помнить о том, как все было раньше.

— Я помню, как все было лет сто сорок пять назад, может, сто пятьдесят…

— Превосходно. У меня есть для вас предложение.

Старые глаза прищурились за старыми очками.

— Какое еще предложение?

— Не хотите купить Бруклинский мост?

— Ха! Ха! Ха! — Старик затрясся, хлопая себя по бедру. По щекам у него побежали слезы. — Я лет сто не слышал этой шутки! Не думал, что кто-то

ее еще помнит. А ты забавник, сынок!

— Я серьезно, — сказал Крейн. — Я перенесу его сюда для вас и поставлю над рекой. Я могу это сделать. Он теперь мой.

Старик склонил голову набок, изучая его лицо.

— Боже! Да ты не шутишь!

— Нет. Я мертвецки серьезен.

— И зачем мне Бруклинский мост над моей рекой?

— Когда-то он что-то значил, — сказал Крейн. — В прежние дни он был символом всего, чем являлся человек, переходящий, вечно переходящий к чему-то лучшему и более великому. Мне кажется, его нужно сохранить — как памятник.

— Сынок, будущее уже настало. И человеку больше не нужно переходить к чему-то лучшему или более великому. Он и так уже вполне хорош и вполне велик.

— Я ожидал бы услышать такие слова от жителя Новой Англии, — печально улыбнулся Крейн, — но вы живете у самого Нью-Йорка, и вы стары — вы помните иное время. Если я сумею отыскать того, для кого этот мост что-то значит, я смогу его сохранить. Я продам его вам за один доллар… то есть кредит.

— Я ничего тебе за него не дам, сынок. Я пе-

реселился сюда, чтобы убраться от всех этих громадин, и люди и так считают меня чудаком. Не думаю, что сыщется хоть один живой человек, который его у тебя купит.

Крейн кивнул.

— Так я и думал.

— Но ты все равно присядь и отдохни, парень. У меня тут есть холодный синтосидр. — Старик повернулся.

— Спасибо, но мне пора. К тому же я все равно пью только настоящий.

Старик вздрогнул.

— Настоящего сидра не делают с тех пор, как я был мальчишкой, — сказал он. — Яблони уже двести лет как повывелись!

Но рядом не было никого, кто мог бы его услышать.

* * *

— Ну ладно, — сказал он, паря. — Ну ладно, прозаические вы людишки в защитных очках. Вы доигрались! Снести мой мост? Лишить небо синевы? Стереть яркое бремя розы и яблока? Хотите принести свет во все темные углы вселенной, значит? Подходите, детишки, я подарю вам повод для размышлений!

И он поднял мост, нежно, как кошка поднимает своего котенка.

— О, арфа и алтарь слиянных бурь…

Он заново натянул тросы и стер пятна ржавчины. Он вырастил новый металл там, где зияли дыры.

— В посул провидца грозные врата…

Он вновь воздвиг над рекой сияющий мост там, где этим утром его обрушил серый человек.

— Молитва мытаря и крик любви…

А в середине, в середине моста он возвел переливчатую арку, в которой сверкали и танцевали все краски изгнанной радуги.

— Придите, верные! — прогремел голос Крейна, словно призрак всех сгинувших туманных горнов. — Подходите, леди и джентльмены!

Он взлетел на высшую точку моста и посмотрел вниз и вокруг. Он потянулся за пределы космоса и завязал межпространственный узел. Он исказил ткань континуума, соединив далекое с близким.

— Полкредита! — выкрикнул он. — Полкредита за самое потрясающее из всех возможных зрелищ! Не толпитесь, пожалуйста! Но подходите, не стесняйтесь!

Небо потемнело от людей, подгоняемых желанием понять, объяснить. Они поправляли свои

защитные очки и зависали над разноцветным кругом. Один мужчина поднял взгляд на Крейна. Тот узнал в нем убийцу моста.

— Это вы его подняли? — спросил он. — Это вы ответственны за этот световой феномен?

— Вы ведь отдали его мне, разве нет? — ответил Крейн. — Теперь я возвращаю его вам — улучшенным и дополненным.

— Что это?

Мужчина указал на сияющий портал.

— Пройдите и узнаете.

Так он и сделал.

Воцарилась долгая тишина, от которой по шеям бегали мурашки.

Сквозь толпу висящих в воздухе людей протиснулась машина.

— Что это такое? — спросил у Крейна водитель в униформе.

— Проезжайте и узнаете.

Машина нырнула вниз и исчезла.

Трое людей из воздушной толпы друг за другом протолкнулись через яркие вуали.

Назад никто не возвращался.

— О, дети светлые, — нараспев произнес Крейн, — с ракушками и палками играйте, что выбелили время и стихии…

Он медленно спустился, как призрак всех его мертвых чаек.

— …Но есть черта, которую нельзя пересекать вам, и даже доверять за ней канатам крепким ваших тел…

На мгновение он завис, улыбаясь, посреди толпы, а затем шагнул в ореол света. Они не услышали его последних слов, пробульканных на другой стороне:

— Дно моря жестоко…

Примечания

Харт Крейн, герой рассказа, был поэтом, которого Желязны ценил выше всех. Первые три поэтические цитаты, использованные в тексте, взяты из стихотворения Крейна «Бруклинскому мосту» [67], а отрывки в последних абзацах позаимствованы из его поэмы «Voyages» («Плавания»).

Примечание переводчика

Рабочее название рассказа — в оригинале «None But The Lonely Heart» — представляет собой

---

[67] Примечания: 67

Стихотворение цитируется по переводу Алексея Цветкова. (*Прим. пер.*)

каламбур, основанный на созвучии слова heart — «сердце» — и имени Харта Крейна.

Харт Крейн…

Написано в 1955–1960 годах для сборника «Резец в небе»; ранее не публиковалось

…бредет мифоубийственным маршрутом
Элиотвеченного утра.

Примечания

Элиот — отсылка к Т. С. Элиоту, родившемуся в Америке британскому поэту, лауреату Нобелевской премии по литературе (1948).

Южный Крест

Поэтический фэнзин *Eridanus* № 2 (весна 1966 г., под названием «Крест Карибский»).

Написано в 1957 году для сборника «Резец в небе»

(Элегия, Харт Крейн)

Моя Безымянная Женщина Юга
и та Весна, когда тебя я завершил…

Все пути – одна фосфорная бразда, Орисаба…
Все скелетные полосы – одна офонаревшая улица…
Но вечно одна Весна, неимоверно Юг,
и все вдоль-морские пути – один цельно-тянутый день,
кораллом растущий из-под хлоральных бухт апельсинных краев,
завершен-зачарован у череповатых небес,
биенья твоих приливных песков.

И вечно в ушах моих пульс, как в бутылях, плывущих в моря,

как жемчужная горстка души былых солнц ныряет,

косо смотря,

когда простое распятье ведет тебя пробужденьем в ночи,

а потом уступает рассвету

меж всхлипом моря

под парусом солнца

и шипящими вздохами химерических звезд.

Слово Желязны

«Надо думать, каждое поколение взращивает собственного эксцентричного, талантливого поэта, который умирает молодым и становится кем-то вроде кумира следующего поколения. Сильвия Плат для меня в этом отношении опоздала. В мое время это был Харт Крейн. Я прочел и до сих пор читаю очень много поэзии, но больше всего на мой поэтический стиль, каким бы он ни

был, повлияла, вероятно, магия слов Крейна» [68]. «Харт Крейн, когда я стал писать стихи, повлиял на меня первее других современных поэтов» [69]. Желязны отдал дань уважения Крейну в стихотворениях «Харт Крейн…» и «Я раньше думал строчками, которые вовсе не равнялись направо», а также в рассказе «Врата провидца».

В 1957 году стихотворение удостоилось Поэтической премии Финли Фостера Университета Западного резервного района. Хотя Желязны написал «Южный Крест» в 1957 году для сборника «Резец в небе», впервые стихи были опубликованы в поэтическом фэнзине Eridanus № 2 (весна 1966 года, под названием «Крест Карибский»). Письмо Желязны в этом фэнзине показывает, что, несмотря на премию, прежде стихотворение не публиковалось [70].

Примечания

«Южный Крест» отсылает к стихотворению

---

[68] Примечания: 68
«Когда в тот раз цвели в саду кошачьем вербы», 1980 г.

[69] Примечания: 69
Critical Wave № 33, ноябрь 1993 г.

[70] Примечания: 70
Eridanus № 2, весна 1966 г.

Харта Крейна «Мост: Южный Крест», заимствуя оттуда образы «Безымянная Женщина Юга» и «фосфор» и схоже воспроизводя структуру строк с отступом. Фон стихотворения — корабль, уносящий поэта домой; поэт смотрит с кормы на Южный Крест и печалится о женщине, которую желал, однако не смог узнать.

Южный Крест — созвездие, видимое в южном полушарии. **Фосфор** — люминесцирующее вещество, испускающее свет после поглощения энергии; в данном случае это, возможно, свечение в кильватере. **Орисаба** — город в Мексике; его название — ацтекского происхождения, означает «место играющих вод». **Хлорал** — игра слов, соединяющая хорал (традиционное одноголосное, иногда многоголосное песнопение) с кораллом (каменистое образование на рифах, формируемое выделениями морской фауны); Желязны, скорее всего, намекает на хлорофилл и зеленый цвет морской флоры. **Хлорал** (*совр.* хлораль) — также токсическая едкая жидкость, получаемая хлорированием ацетальдегида, в этом стихотворении образ не буквален.

Я раньше думал строчками, которые вовсе не равнялись направо

Science Fiction (Австралия), том 1, № 3, декабрь 1978 г.

Я раньше думал строчками, которые вовсе не равнялись направо,

однако выравнивание по правому краю добилось своего.

Слишком много страниц, где строчки прут пехтурой,

слишком много неразрывности,

слишком много изможденных литер в слишком жуткой спешке

спускаются с бугров, с холмов,

чтоб придавить носком утяжеленные слова…

В конце неровных строк таится скрытая энергия.

Пинок здесь, толчок там,

реальность рухнула,

всё разъезжается,
откос невероятности всё круче.

Всякая проза чиста, гладка и ловка,
когда наступает по правому краю,
возводит стены кирпичного городка,
пихает метафоры дикие в клетки,
намертво их запирая.

Что там левеет,
когда зеница фантазий в капкане,
когда ее волочат в такое вот место?

Дно страницы жестоко.

Слово Желязны

Пример сознательно структурированного / особо оформленного стихотворения, которое, судя по всему, выражает сожаление о том, что Желязны отходит от поэзии. «Это верно, я и правда сожалею. Но в стихотворении есть кое-что еще: это трибьют Харту Крейну. Он писал: “Дно моря жестоко!” Я перефразировал: “Дно страницы жестоко!”» [71]

---

[71] Примечания: 71
Critical Wave № 33, ноябрь 1993 г.

Музейный экспонат

Рабочие названия — «Игрок в “Замри” (Ходящий по Земле)» и «Нележачий камень». *Fantastic*, июнь 1963 г.

Будучи вынужден признать, что суетный мир не замечает его творений, Джей Смит решил с этим миром расстаться. Однако четыре доллара и девяносто восемь центов, потраченные на заказанный по почте учебник «Йога — путь к свободе», не помогли ему освободиться. Уж скорее это подчеркнуло его человечность в том плане, что снизило его способность к покупке еды на четыре доллара и девяносто восемь центов.

Сидя в падмасане, Смит не размышлял ни о чем, кроме того факта, что пупок его с каждым днем становится все ближе к позвоночнику. Нирвана — это, конечно, довольно привлекательная с эстетической точки зрения концепция, а вот самоубийство — нет, особенно когда у тебя для него кишка тонка. Поэтому он вполне благоразумно отбросил эту фаталистическую идею.

— Как просто человеку покончить с жизнью в идеальной обстановке! — вздохнул он, откидывая назад свои золотые локоны, по очевидным

причинам достигшие впечатляющей классической длины. — Жирный стоик возлежит в ванне и попивает вино, пока юные рабыни обмахивают его веерами, а верный лекарь-грек отворяет ему вены, опустив глаза! Изящная черкешенка, — он снова вздохнул, — сидит, допустим, *вот здесь*, пощипывая струны лиры, пока он диктует свою похоронную речь — которую потом прочтет его верный земляк, смаргивая слезы. Как легко было бы *ему* это сделать! Но падшему творцу — нет! Рожденный вчера и отвергнутый сегодня, он уходит, точно слон на свое кладбище, одиноко и втайне!

Он выпрямился в полный рост — шесть футов полтора дюйма — и повернулся к зеркалу. Изучив свою кожу, бледную, словно мрамор, и прямой нос, высокий лоб и широко расставленные глаза, он решил, что, если человек не может жить искусством, значит, не худшим выходом будет, так сказать, сделать наоборот.

Он напряг мускулы, благодаря которым оплатил половину своего обучения, играя роль полузащитника все те четыре года, в которые разжигают горн своей души, чтобы выковать в нем собственное художественное направление: двумерную рисованную скульптуру.

«Говоря прямо, — заметил один брюзгливый критик, — творения мистера Смита представляют собой либо фрески без стен, либо вертикальные линии. Этруски преуспели в первой из этих форм, потому что знали, где ей место; что до второй, то детские сады прививают мастерство ее исполнения всем без исключения пятилеткам».

Остроумие! Больше остроумия! Тьфу! Его тошнило от всех этих Джонсонов, лезущих в чужой монастырь со своим уставом!

Смит удовлетворенно отметил, что за месяц аскезы сбросил тридцать фунтов и весит теперь всего двести двадцать пять. Он решил, что вполне сойдет за «Поверженного гладиатора» постэллинистического периода.

— Решено, — объявил он. — Я *сам* стану искусством.

* * *

Чуть позже тем же вечером в Музей искусств вошла одинокая фигура со свертком под мышкой.

Измученный душевно (но при этом чисто выбритый вплоть до подмышек) Смит болтался в греческом зале, пока не остался в нем наедине с мрамором.

Он выбрал уголок потемнее и развернул свой пьедестал. Разнообразные личные вещи, необходимые для существования в качестве экспоната, включая бо`льшую часть одежды, Смит спрятал в его полом днище.

— Прощай, мир, — провозгласил он, — тебе стоило бы лучше обращаться со своими художниками. — После чего взобрался на пьедестал.

Отложенные на еду деньги были потрачены не зря, ведь техники, которые он освоил за четыре доллара девяносто восемь центов, следуя Путем к свободе, подарили ему мышечный контроль, позволявший сохранять идеальную скульптурную неподвижность каждый раз, когда худосочная женщина среднего возраста в сопровождении сорока четырех детей младше девяти лет оставляла арендованный автобус у тротуара и проходила сквозь греческий зал, что случалось каждый вторник и четверг между 9:35 и 9:45. К счастью, Смит избрал сидячую позу.

К тому же еще до конца недели он выверил передвижения сторожа по чередующемуся тиканью громадных часов в соседней галерее (изящного механизма восемнадцатого века — сплошь сусальное золото, эмаль и ангелочки, гоняющиеся друг за другом по кругу). Ему очень не хотелось,

чтобы в первую же неделю карьеры его объявили похищенным, ведь тогда ему светило бы разве что место в какой-нибудь второразрядной галерее или ненадежная роль в унылой частной коллекции унылого частного коллекционера. Поэтому он перемещался осмотрительно, когда воровал продукты из запасов кафетерия на первом этаже, и пытался наладить приятельские отношения с гоняющимися ангелочками. Администраторам никогда не приходило в голову защитить холодильник или кладовку от посягательств экспонатов, и Смит аплодировал бедности их воображения. Он перекусывал вареным окороком и ржаным хлебом (легким) и поглощал эскимо десятками. Спустя месяц ему пришлось заняться атлетикой (тяжелой) в зале бронзового века.

— О, утраченное! — вздыхал он в окружении неоскульптуры, оглядывая королевство, которое некогда считал своим. Он рыдал над статуей Ахиллеса павшего, как будто сам ее сотворил. Так оно и было.

Словно в зеркале, он созерцал себя в удобном коллаже из болтов и ореховой скорлупы.

— Если бы ты не продался, — обвинял он себя, — если бы ты продержался еще чуть дольше — как эти, простейшие из творений Искусства…

Но нет! Этому не суждено было свершиться!

— Или суждено? — вопросил он у особенно симметричного мобиля, висевшего над головой. — Или *суждено*?

— Возможно, — донесся ответ из ниоткуда, и Смит со всех ног бросился обратно к своему пьедесталу.

Но это ничем не обернулось. Сторож предавался постыдному удовольствию созерцания пышной рубенсовской дамы в другом конце здания и не услышал этого обмена репликами. Смит счел ответ знаком того, что он случайно соприкоснулся с дхараной. Он вернулся на Путь, прикладывая удвоенные усилия к тому, чтобы достичь отрешенности и выглядеть Поверженным.

* * *

В последующие дни он время от времени слышал хихиканье и шепот, от которых поначалу отмахивался, принимая их за потеху детей Мары и Майи, вознамерившихся сбить его с толку. Позже он начал в этом сомневаться, но к тому времени уже решил занять классическую позицию пассивного любопытства.

И вот однажды весенним днем, столь же зеленым и золотым, как в стихотворении Дилана

Томаса, в греческий зал вошла девушка и украдкой огляделась. Смиту нелегко было сохранить свое мраморное спокойствие, ибо — о! — она начала раздеваться!

А на полу стоял квадратный сверток из простой бумаги. Это могло означать лишь одно…

Конкурентка!

Он кашлянул — вежливо, тихо, классично…

Она вскинулась с поразительной настороженностью, напомнив ему рекламу женского белья фермопильской тематики. Ее волосы были подходящего цвета для избранного начинания — бледнейшего оттенка парросского фарфора, — а в серых глазах блистала ледяная целеустремленность Афины.

Девушка оглядела зал — внимательно, виновато, привлекательно…

— Несомненно, камень не может быть подвержен вирусным инфекциям, — решила она. — Это моя неспокойная совесть прочистила горло. Совесть, я отрекаюсь от тебя!

И она превратила себя в «Скорбящую Гекубу», встав наискосок от «Поверженного гладиатора» и, к счастью, отвернувшись от него. Смит неохотно признал, что получилось у нее неплохо. Вскоре она достигла эстетичной неподвижности.

Некоторое время оценивающе посозерцав ее, он решил, что Афины воистину были матерью всех искусств; девушка попросту не сумела бы сойти за скульптуру времен Ренессанса или романского периода. Это подняло ему настроение.

Когда большие двери наконец-то закрылись, а сигнализация включилась, девушка тяжело вздохнула и соскочила на пол.

— Еще рано, — предупредил Смит, — через девяносто три секунды здесь пройдет сторож.

У нее имелись достаточное самообладание, чтобы подавить крик, изящная рука, с помощью которой можно было это сделать, и восемьдесят семь секунд для того, чтобы снова обратиться «Скорбящей Гекубой». Она воспользовалась всем этим, и на протяжении последующих восьмидесяти семи секунд Смит восхищался ее изящной рукой и самообладанием.

* * *

Сторож пришел, прошел и ушел, покачивая бородой и фонариком в затхлой призрачности сумрака.

— Боже! — выдохнула девушка. — Я думала, что я здесь одна!

— И вы были правы, — ответил Смит. — «Нагие

и одинокие приходим мы в изгнание… среди горящих звезд на этом истомленном негорящем угольке, затерянный… О утраченный…» [72]

— Томас Вулф, — сухо сказала она.

— Да, — потупился он. — Пойдемте поужинаем.

— Поужинаем? — переспросила она, выгнув брови. — Где? Я захватила с собой несколько сухпайков, которые купила в армейском магазине…

— Очевидно, — парировал он, — вы подходите к этому как к временной работе. Кажется, в сегодняшнем меню фигурировала курица. Следуйте за мной!

Они прошли к лестнице через зал династии Тан.

— Другим здешние вечерние часы могли бы показаться прохладными, — начал Смит, — но вы, осмелюсь предположить, в совершенстве овладели техникой контроля дыхания?

— Конечно, — ответила она, — мой жених был не из простых дзен-туристов. Он следовал более каменистой тропою Лхасы. Однажды он написал современную версию Рамаяны, полную актуальных аллюзий и советов нынешнему обществу.

---

[72] Примечания: 72
Пер. И. Гуровой, Т. Ивановой. (*Прим. пер.*)

— И что подумало о ней нынешнее общество?

— Увы! Нынешнее общество ее так и не прочло. Мои родители купили ему билет в один конец до Рима и дорожных чеков на несколько сотен долларов. С тех пор я его не видела. Поэтому я и удалилась от мира.

— Я так понимаю, ваши родители не поклонники актуального арта?

— Да, и я подозреваю, что они ему еще и угрожали.

Смит кивнул.

— Таково отношение общества к гениям. Я тоже приложил свои скромные усилия к его улучшению и получил за труды лишь презрение.

— Правда?

— Да. Если мы заглянем на обратном пути в отдел современного искусства, вы сможете увидеть моего «Ахиллеса павшего».

Их остановил крайне сухой смешок.

— Кто здесь? — осторожно спросил Смит.

Ответа не было. Они стояли в окружении Величия Рима, и каменные сенаторы были неподвижны.

— Кто-то *точно* смеялся, — заметила она.

— Мы здесь не одни, — ответил Смит, пожав плечами. — Я замечал и другие признаки, но,

кто бы это ни был, он столь же разговорчив, как траппист, — и хорошо. Помни, что ты — камень! — весело выкрикнул он, и они продолжили путь в кафетерий.

* * *

Однажды ночью они вместе ужинали в зале современного искусства.

— Было ли у вас имя в обычной жизни? — спросил он.

— Глория, — прошептала она. — А у вас?

— Смит, Джей.

— Что заставило вас сделаться статуей, Смит, — если это не слишком смелый вопрос?

— Вовсе нет. — Он незаметно улыбнулся. — Одни люди рождаются в безвестности, а другим приходится тяжко трудиться, чтобы ее достичь. Я — из последних. Будучи неудавшимся скульптором, и нищим вдобавок, я решил стать памятником самому себе. Здесь тепло, а внизу есть пища. Обстановка приятная, к тому же меня никогда не разоблачат, потому что никто никогда не смотрит на то, что стоит в музеях.

— Никто?

— Ни один человек, как вы, должно быть, заметили. Дети приходят сюда против воли, молодежь

— чтобы пофлиртовать друг с другом, а когда человек вырабатывает достаточный вкус, чтобы на что-то смотреть, — горько вещал он, — он уже либо близорук, либо страдает галлюцинациями. В первом случае он ничего не заметит, а во втором — никому не расскажет. Парад проходит мимо.

— Тогда зачем нужны музеи?

— Милая девушка! То, что бывшая невеста истинного творца способна сказать такое, говорит о мимолетности ваших отношений…

— Как можно! — прервала она. — В приличных кругах это называется партнерством.

— Хорошо, — уступил он, — «партнерства». Но музеи отражают прошлое, которое мертво, и настоящее, которое ни на что не обращает внимания, и переносят культурное наследие вида в будущее, которое еще не рождено. Это роднит их с храмами.

— Я никогда об этом так не думала, — проговорила она. — Довольно красивая мысль. Вам стоило бы стать учителем.

— За это слишком мало платят, однако эта мысль меня утешает. Пойдемте же, устроим еще один набег на холодильник.

Они лакомились последними эскимо и обсуждали «Ахиллеса павшего», сидя под большим

мобилем, напоминавшим исхудавшего осьминога.

Смит рассказал ей о других своих выдающихся проектах и о мерзких критиках, сварливых и анемичных, которые поджидали жертв в воскресных выпусках газет и ненавидели жизнь. А Глория, в свою очередь, рассказала ему о своих родителях, которые знали Арта и знали, почему он ей не пара, и об их значительном богатстве, в равной степени зиждившемся на древесине, недвижимости и нефти. Он, в свою очередь, погладил ее по руке, а она, в свою очередь, медленно моргнула и еленистически улыбнулась.

— Вы знаете, — сказал наконец Смит, — сидя день за днем на своем пьедестале, я часто думал: быть может, мне стоит вернуться и совершить еще одну попытку пронзить бельмо на глазу публики… быть может, если бы я был материально обеспечен и мог не тревожиться о таких вещах… быть может, если бы я нашел достойную женщину — но нет! Ее не существует!

— Продолжайте! Умоляю, продолжайте! — воскликнула она. — В минувшие дни я тоже часто думала, что, возможно, другой художник сможет извлечь из меня это жало. Возможно, творец красоты сумеет изгнать отраву одиночества…

Если мы…

* * *

И тут маленький уродливый человечек в тоге прочистил горло.

— Все так, как я и боялся, — объявил он.

Он был худ, морщинист и неопрятен; мучим язвой желудка и избыточно желчен. Он устремил на них обвиняющий палец.

— Все так, как я и боялся, — повторил он.

— К-кто вы? — спросила Глория.

— Кассий, — ответил он. — Кассий Фицмуллен, художественный критик — бывший — далтонской «Таймс». Вы намереваетесь дезертировать.

— А вам-то какая забота, что мы отсюда уйдем? — спросил Смит, напрягая мышцы Поверженного гладиатора-полузащитника.

Кассий покачал головой:

— Забота? Если вы сейчас уйдете, это поставит под угрозу наш образ жизни. Если вы уйдете, вы наверняка станете творцом или преподавателем искусства — и рано или поздно, словом или жестом, знаком или бессознательным намеком, вы расскажете о том, что подозревали все это время. Последние несколько недель я подслушивал ваши разговоры. Вы знаете — теперь-то уж

наверняка — что сюда в конце концов приходят все художественные критики, чтобы провести свои последние дни, потешаясь над тем, что они ненавидели. Поэтому число римских сенаторов так и увеличилось за последние годы.

— Я подозревал, но никогда не был уверен.

— Подозрения достаточно. Оно смертоносно. Вы должны быть осуждены.

Кассий хлопнул в ладоши.

— Приговор! — провозгласил он.

В зал вошли другие древние римляне — процессия сутулых свечей. Они окружили влюбленных. Источая запах пыли, и пожелтевших газет, и желчи, и времени, старые критики нависли над ними.

— Они хотят возвратиться к человечеству, — объявил Кассий. — Они хотят уйти и унести с собой свое знание.

— Мы никому не расскажем, — слезно пообещала Глория.

— Слишком поздно, — ответила одна из темных фигур. — Вы уже внесены в Каталог. Смотрите! — Он достал экземпляр Каталога и зачитал: — «Номер 28, “Скорбящая Гекуба”. Номер 32, “Поверженный гладиатор”». Нет! Слишком поздно! Начнется расследование.

— Приговор! — повторил Кассий.

Сенаторы медленно опустили вниз большие пальцы.

— Вы *не можете* уйти.

Смит усмехнулся и стиснул тунику Кассия в могучей скульпторской хватке.

— Маленький человечек, — сказал он, — как же ты собираешься нас остановить? Одного крика Глории хватит, чтобы призвать сюда сторожа, который поднимет тревогу. Одного моего удара хватит, чтобы лишить тебя сознания на неделю.

— Мы выключили слуховой аппарат сторожа, пока он спал, — улыбнулся Кассий. — Критики не лишены воображения, уверяю вас. Отпусти меня, или пожалеешь.

Смит усилил хватку.

— Попробуй сделать *хоть что-нибудь*.

— Приговор, — улыбнулся Кассий.

— Он современен, — сказал один из критиков.

— Следовательно, у него католические вкусы, — продолжил другой.

— Христиан отдают львам! — объявил третий, хлопнув в ладоши.

И Смит отшатнулся, напуганный тем, что, как ему показалось, задвигалось в темноте. Кассий высвободился.

— Вы не можете так поступить! — воскликнула Глория, закрыв лицо руками. — Мы — из древнегреческого периода!

— В Греции жить — римский обычай любить, — хихикнул Кассий.

Их ноздрей достиг кошачий запах.

— Как вы… здесь?.. Лев?.. — спросил Смит.

— Разновидность гипноза, известная лишь представителям нашей профессии, — сообщил Кассий. — Бо`льшую часть времени мы держим зверя парализованным. Вы ни разу не задавались вопросом, почему в этом музее никогда не было краж? О, попытки предпринимались, уверяю вас! Мы оберегаем свои интересы.

* * *

Худой лев-альбинос, обычно спавший у главного входа, медленно вышел из тени и издал рык — однократный и громкий.

Когда огромный кот медленно направился к ним, Смит загородил собой Глорию. Он бросил взгляд в сторону Форума, и тот оказался пустым. Вдали затихал звук, похожий на хлопанье крыльев целой стаи лысых голубей.

— Мы остались одни, — отметила Глория.

— Бегите, — велел ей Смит, — а я попытаюсь его

задержать. Выберитесь отсюда, если сможете.

— И бросить вас? Никогда, мой дорогой. Вместе! Сейчас и навсегда!

— Глория!

— Джей Смит!

В этот момент зверю пришло в голову прыгнуть, что он немедленно и сделал.

— Прощайте, моя милая.

— Прощайте. Один поцелуй перед смертью, молю вас.

Лев завис высоко в воздухе, издавая здоровый кашель, зелено блистая глазами.

— Хорошо.

Они обнялись.

Луна, высеченная в форме кошки, этой самой бледной из всех тварей земных, висела над их головами — висела высоко, висела угрожающе, висела долго…

Она начала извиваться и бешено рассекать воздух когтями в том промежуточном пространстве между полом и потолком, для которого архитектура не придумала конкретного названия.

— М-м! Еще один поцелуй?

— Почему бы и нет? Жизнь сладка.

На неслышных ногах пронеслась минута; ее преследовала другая.

— Послушайте, а что задерживает этого льва?

— Я, — ответил мобиль. — Вы, люди, не единственные, кто ищет убежища среди реликвий вашего мертвого прошлого.

Голос был тонкий, хрупкий, словно говорила особенно занятая эолова арфа.

— Не хочу показаться излишне любопытным, — сказал Смит, — но кто вы?

— Я — инопланетная форма жизни, — прозвенел мобиль, переваривая льва. — Мой корабль потерпел крушение по пути к Арктуру. Вскоре я обнаружил, что мой облик играет против меня на всей вашей планете, за исключением музеев, где я вызываю немалое восхищение. Будучи представителем довольно деликатного и, уж поверьте мне на слово, довольно нарциссичного вида… — Он прервался, чтобы изящно рыгнуть, и продолжил: — Я получаю огромное удовольствие от пребывания здесь — «среди горящих звезд на этом истомленном негорящем угольке [здесь он снова рыгнул], затерянный…»

— Понятно, — проговорил Смит. — Спасибо, что съели льва.

— Не стоит благодарности — но это был *не самый* разумный поступок. Видите ли, теперь мне придется размножиться делением. Сможет ли

мое второе «я» уйти вместе с вами?

— Разумеется. Вы спасли наши жизни, к тому же нам нужно будет повесить что-нибудь в гостиной, когда она у нас появится.

— Хорошо.

Он разделился пополам, в вихре шестьдесят четвертых нот, и упал на пол рядом с ними.

— До свидания, я! — крикнул он вверх.

— До свидания! — донеслось с потолка.

Они гордо вышли из зала современного искусства, прошли через греческий и миновали римский, со значительной гордостью и тихим чувством собственного достоинства. Оставив в прошлом «Поверженного гладиатора», «Скорбящую Гекубу» и «Xena ex machina», они украли у спящего сторожа ключ, открыли дверь, спустились по лестнице и вышли в ночь на юных ногах и псевдоподиях.

Слово Желязны

Это «была сознательная попытка подражания побасенке Джона Кольера» [73]. Имеется в виду рассказ «Вечерняя примула», в котором фигурируют поэт, прекрасная девушка по имени Элла, а

---

[73] Примечания: 73
Tightbeam № 37, май 1966 г.

также другие люди, притворяющиеся манекенами в универсальном магазине. «Он был написан как упражнение, ученический опыт — так по традиции подмастерье имитирует работу мастера. Я разобрал рассказ на детальки, чтобы увидеть, как он работает — исследовать эффект, производимый довольно банальной (мальчик-встречает-девочку) ситуацией, помещенной в абсолютно невероятные декорации, а потом создать причудливые сюжетные элементы, исходя из порожденных этим нелепостей. Закончив рассказ, я увидел, что он получился, и был им очень доволен. А еще я увидел, что это не тот путь, которым я хочу двигаться в будущем. Это, разумеется, тоже было частью процесса обучения» [74].

Примечания

Йога — предназначенная для расслабления и поддержания здоровья индуистская практика, включающая в себя контроль дыхания, медитацию и принятие специфических поз. **Падмасана**, она же поза лотоса — это базовая, классическая поза йоги, для которой необходимо скрестить

[74] Примечания: 74

Вступление к «Музейному экспонату» (написано в 1979 г.; осталось неопубликованным).

ноги, уложить ступни на противоположные бедра, а вытянутые руки — на колени. **Нирвана** — состояние чистого сознания, в котором разум свободен от любых контаминантов, эмоций и посторонних мыслей. **Эстетика** — умение ценить красоту или наслаждение, которое дарит созерцание красоты. **Черкесы** — расплывчатый термин, используемый в том числе как наименование народов Северного Кавказа. **Эллинистический период** — период в истории Древней Греции. **«Ахиллес павший»** — скульптура, изображающая Ахиллеса после того, как он был смертельно ранен Парисом. **Питер Пауль Рубенс** прославился картинами, изображавшими пышных обнаженных женщин, в том числе реальных персон и персонажей мифологии, таких как Венера.

Дхарана — состояние глубокой медитации, шестая из восьми частей йоги. Демон **Мара** искушал Будду, пытаясь соблазнить его видениями прекрасных женщин. **Майя** — богиня иллюзий и обмана, способная как пленить человека иллюзиями, так и освободить от них. **«Зеленым и золотым»** — отсылка к стихотворению Дилана Томаса «Ферн-хилл». **Фермопилы** — область Греции, известная своими естественными горячими источниками (в честь которых получила свое

имя). **Парросский фарфор** — неглазурованный фарфор, напоминающий белый мрамор.

Согласно древнегреческой мифологии, **Гекуба** родила от Аполлона сына **Троила**; пророчества гласили, что Троя не может пасть, пока он жив, но Ахиллес убил его во время Троянской войны. **«Нагие и одинокие…»** — цитата из полуавтобиографического дебютного романа **Томаса Вулфа** «Взгляни на дом свой, ангел». **Дзен** — школа буддизма, которая ищет просветления путем медитации до исчезновения ощущения собственного «я», а также шокового пробуждения интеллекта афоризмами в духе «Как звучит хлопок одной ладонью?» **Лхаса** (в переводе с тибетского языка — «место богов») — политическая и религиозная столица Тибета, в которой до 1959 года правил Далай-лама. **«Рамаяна»** — древняя эпическая поэма, написанная на санскрите и считающаяся частью канона индуизма; ее авторство приписывается поэту Вальмики.

Трапписты — ветвь монашеского ордена цистерцианцев, известная обетом молчания, который дают ее приверженцы. **«Еленистически»** — в данном контексте каламбур, отсылающий к Елене Троянской, а не к греческой истории. **Опустить большой палец** на самом деле озна-

чало «опустить мечи» и пощадить раненого гладиатора; для римлян негативным голосом был *поднятый* большой палец, означавший, что гладиатора следует казнить. В контексте рассказа критик и прочие «сенаторы» (как и большинство людей) не понимают истинного значения этого жеста. **Эолова арфа** издает музыкальные звуки, когда сквозь нее проходит поток воздуха. **«Среди горящих звезд на этом истомленном негорящем угольке»** — еще одна цитата из романа Вулфа «Взгляни на дом свой, ангел».

«Xena ex Machina» — обыгрывание выражения «Deus ex machina» («бог из машины»), латинского термина, обозначающего неожиданное, искусственное или невероятное введение персонажа, сюжетного хода или события для того, чтобы разрешить ситуацию или распутать сюжет. Инопланетянин играет в рассказе именно такую роль, а слово **«Xena»** отсылает к греческому «xeno», что означает «пришелец» или «чужак».

Примечание переводчика

«Ходящий по Земле» — это рабочее название отсылает к цитате из книги Иова: «И отвечал сатана Господу и сказал: я ходил по земле и обошел ее». В контексте рассказа этот образ может от-

носиться к пришельцу, который обошел Землю, прежде чем обосноваться в музее.

Хюбрис, или Опасность вершин

Написано в 1955–1960 годах для «Резца в небе»; ранее не публиковалось

Не грози кулаком небесам,
не спеши материться.
Ты репризу прочувствуешь сам,
пусть и от пролетающей птицы.

Примечания

Хюбрис — вариант слова «гибрис», означающего гордыню или высокомерие. **Реприза** или повторение (опасность вершин) — необходимость мириться с пометом пролетающих в вышине птиц.

Мое есть царство

Amazing, август 1963 г., под псевдонимом «Гаррисон Денмарк»

I

Владения тьмы далеки…

«Так же далеки, как и звезды, — подумал он, — и всего в десяти футах от меня».

И далеки обители людей…

Он молча согласился.

Нелюди близко.

Он кивнул.

Ты на Земле, и ты нелеп.

— Да, — пробормотал он.

Ты полубезумен и пьян.

— Безумен и полупьян, — поправил он.

Поэтому ты войдешь в машину, нажмешь на кнопку и присоединишься к своим собратьям в обителях смеха…

— Ха! — икнул он. — Вы меня насмешили.

Он помотал головой, сел и огляделся.

Ткнул пальцем бобовый стебель из желтого

света и подождал.

Минуло мгновение.

— Что пожелаете? — осведомилась подушка.

— Пушинки снова толпекают своими речелучами, — вздохнул он. — Поиск, выявление, блокировка. — И напомнил: — Когда я пью, это ситуация класса «А», требующая особой внимательности.

Подушка загудела.

— Ситуация класса «А» сохраняется. Проникновений не обнаружено.

Он приподнялся.

— Тогда кто со мной сейчас разговаривал?

— Уж точно не я, — ответила подушка. — Возможно, это было ваше человеческое воображение, расторможенное употребленным алкоголем…

Ее голос звучал почти обиженно.

— Прости, — извинился он перед невидимыми контурами. — Смешай мне еще.

Он откинулся на спинку кровати и засунул в рот трубочку.

— И на этот раз не разбавляй, — приказал он неразборчиво.

— Я никогда не разбавляю вашу выпивку.

— Она стала слабее на вкус.

— Ваша спиртоустойчивость растет.

— Лжешь! Лжешь из могилы! Почитай мне.

— Что именно вам почитать?

— Что угодно.

— «Всё утро Крот усердно трудился: пришла пора весенней приборки…»

— Что угодно, кроме Грэма!

— Как насчет Врадмера?

— Нет.

— Гелден?

— Нет, что-нибудь постарше. Поближе к Грэму, пожалуй.

— Крин? К'лал? Венерианский Старец?

— Старше.

— Флон? Трин? Хемингуэй? Пруст?

— Еще старше.

— «В начале…»

— И языческое.

— Как насчет Пиндара?

— Отлично.

Он присосался к трубочке, устроился поудобнее и вернулся к сну.

Почему ты убил пушинку?

Долгая тишина.

— Никакую пушинку я не убивал.

Пушинки пушинок не убивают, и тем не менее пушинка мертва. Ты — последний человек на Зем-

ле. В твоих руках безграничная власть. Почему ты обратил ее к убийству?

Еще более долгая тишина.

— Что это еще за пушинки такие?

Они хотели заполучить Землю. Разве ты не помнишь?

— Не знаю… Я был пьян. Поди прочь!

А почему ты *не пойдешь прочь?*

— Я не могу!

Просто войди в машину, нажми на кнопку и присоединись к своим собратьям в обителях смеха…

— Нет никаких обителей смеха!

Поговори *с пушинками.*

Он шлепнул ладонью по дивану, и в его кровеносную систему проникла доза барбитуратов.

Он уснул.

* * *

Солнце было грязной монетой, что упала на мокрый бетон. Он глядел на нее, моргая.

— Как долго мы тебя растрачивали… — проговорил он, осознавая, что больше не спит. — Все разбазарено.

Он перевернулся на правый бок, чувствуя себя отвратительно.

Немного погодя подушка спросила, что он хочет

на завтрак. Он попытался придумать правильный ответ, но сдался и попросил чего-нибудь, что утихомирило бы его желудок.

Это оказались мел и печень, задержавшие неизбежный выброс из сточной канавы. Он сплюнул и перекатился на левый бок, почувствовав себя чуть менее отвратительно.

Наконец он ткнул пальцем в ленту света.

— Дай мне ментальный контроль.

Власть была тихой мелодией: смычок из лунного луча скользит по струнам из растительного шелка, жидкие глубоководные ветры бесконечно дуют в коралловые трубы, сталкиваются облака…

Он парил, потягиваясь и зевая.

Потом приказал явиться пожарному шесту и вскользнул по нему на сотню метров вверх.

— Гора Афон, — решил он, — и завтрак.

Стоя на каменистом уступе, оглядывая бесконечный зал Святилища, он улыбнулся. Убрал стены и изваял текучую панораму деревьев и холмов, подобных тем, что когда-то существовали на Земле; а в отдалении — море. (Так ли все было? Он пожал плечами.) Невидимый потолок стал сине-зеленым небом. Солнце он написал безжалостно-желтой краской. Склон под санда-

лиями сделался гладким. Он надел мешковину и улыбку и украсил горизонт мерцающими контурами городов.

— Сойдет за царства земные, — пробормотал он. — Явись, Люцифер!

Безликая тень зависла по левую руку от него, воняя смертью и судным днем.

— Как обычно, — подсказал он.

Голос со дна бочки, монотонно:

— Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее. Итак, если ты поклонишься мне, то всё будет твое.

Он рассмеялся.

— Но они и так мои, приятель. Я только что их создал. И тебя тоже, раз уж на то пошло. Это ты должен выказывать мне какое-никакое уважение.

Тень неуверенно задрожала.

— А теперь ударная фраза, — подсказал он.

— Тогда вели этому камню сделаться хлебом, — устало повторила тень, — и я поверю тебе.

— Яичницей с ветчиной, — поправил он. — Присоединишься?

— Благодарю, — протрещала тень.

Они сели и говорили ни о чем, пока ему не

стало скучно. Покончив с завтраком, он разверз бездну и отправил в нее все декорации, под грохот громов и треск лижущего небо пламени.

— К черту вас всех! — рыгнул он. — Чем бы мне заняться до обеда? С Одиссеем, что ли, поплавать?

* * *

Он как раз набрасывал башни Илиона и абрис гигантского коня, когда зазвонил комм Святилища.

— Послы пушинок просят встречи, — сообщил он.

— Скажи им, что я занят.

Конь пошел волнами и исчез. Бездонные башни скрылись — обрушились, умолкли, утекли, утонули — в пустынном полу.

— Черт побери! Приступай к их деконтаминации. Утро они мне все равно уже испортили!

Он вернулся на диван, чтобы тот побрил его, вымыл, подстриг ему ногти и облачил его в свежую одежду. Маникюрный аппарат недовольно зацокал, увидев состояние его ногтей, а он тем временем обратил свое внимание к димми-проекциям прозванных пушинками существ.

Пушистая альбиносовая аура окружала пока-

чивающиеся фигуры ростом с человека. Когда пушинки — млечные башни, чей вес поддерживали треноги из бабуиново-черных задов и двух снежных секстантов, — двигались, их животы, поросшие рудиментарными конечностями, похожие на часы с сотнями стрелок, лихорадочно отсчитывали потаенные минуты.

Они были зеркально симметричны; мандибулы на их головах приобрели хватательную независимость примерно в то же самое время, когда антенны собрались в сизые подобия оленьих рогов — покрытые бирюзовыми лепестками, что раскрывались и сжимались с систолической регулярностью. Чуть ниже процеживали мир через топазовые ветровые щитки два блюдца.

— Доброе утро, милые создания, — поприветствовал он их, и пушинки завращались, пытаясь понять, откуда доносится его голос. — Вы не увидите меня, пока я этого не захочу. Зачем вы пришли?

Существа, похоже, задумались над его вопросом.

— Чтобы убедить, заплатить, помочь, уговорить, тебя, уйти, — прогудело одно из них.

Он усмехнулся.

— Просим прощения, пожалуйста, повтори,

пожалуйста, свое последнее высказывание.

Он рассмеялся.

— Входите! Входите! — воскликнул он.

И неожиданно сам сделался пушинкой двадцатифутового роста.

В стене открылся арочный проход — как раз когда он затемнил небо, придал полу каменистую неровность и воздвиг в полумильном зале ледник. Он взлетел, уселся на снежинку размером с палатку, и морозные ветра застригли воздух вокруг его трона, рассыпая перед гостями ягоды метели.

— Счастливого Рождества, — сухо сказал он.

Пушинки застыли на пороге. Ледник со стоном двинулся вперед, и откуда-то зазмеилась третья часть Второй симфонии Сибелиуса.

— Как? — спросили существа.

— На самом деле я очень уродлив, — объяснил он, — и мне хотелось создать для вас непринужденную обстановку.

Теперь они стояли под ним, глядя вверх.

— Прекрасно, — прожужжала одна из пушинок.

— Как дома, — пропела вторая.

— Что ты такое? — просвистела третья.

В воздух взметнулся пятидесятифутовый фон-

тан.

— Не хотите выпить?

— Нет. Спасибо. Не можем, рисковать, неизвестная, жидкость.

Он от души выпил, и фонтан иссяк, распавшись на летучие спирали, исчезнувшие в вышине. В воздухе рядом с ним повис шар коричневой жидкости, и он потягивал ее, пока говорил.

— Этими телами, — сказал он, — довольно трудно управлять. Как вам удается с ними слаживать?

— Сла-жевать? — повторило жужжание.

— Да. Вы ковыляете, хотя явно созданы для того, чтобы прыгать. Ваши ноги — снегоступы. Зачем вы пришли на мою планету?

— Мы, пришли, чтобы жить, — прогудела одна из пушинок.

— Моего позволения никто не спрашивал.

— Пожалуйста. Мы только, недавно, узнали, что вы, существуете, пожалуйста.

— И что вам от меня нужно?

— Пожалуйста, отправляйтесь домой. Сделайте, планету, безопасной, для пушинок. Пожа…

— Это *и есть* мой дом. Земля принадлежит мне.

— Да. Мы знаем. Мы хотим, ее, изменить. Но

вы, здесь. Почему?

— А почему меня не должно здесь быть? — спросил он. — Я землянин. То, что я последний, не отменяет моих прав. Я занимаю примерно двадцать квадратных миль этой планеты, а в остальной ее части хожу куда хочу, и делаю что хочу. Она моя по закону и по праву рождения — и по праву власти. Если вы попытаетесь меня выжить, я выведу против вас всю машинерию Земли. Я могу управлять ею отсюда и *могу* вас уничтожить. Я могу уничтожить планету целиком! Если не верите — попробуйте на меня напасть!

* * *

Его голос просел, и он снова приложился к шару. Принял собственный облик, увеличенный в десять раз. Достал сигарету размером с колонну, и огненный столп поднялся, чтобы ее зажечь.

— Можно ли, нам, привести доводы? — спросили цветущие снежные шары. — Пожалуйста?

— Ну ладно… приводите.

Он выдохнул туман и вдохнул алкоголь.

— Приводите!

— Ваши сородичи, ушли, много лет назад, потому что, эта планета, мертва, для них, — начала

пушинка. — Но для нас, это, место, жизни, место, смеха…

— Вы вообще знаете, что такое «смех»? — поинтересовался он.

— Мы так, думаем, пожалуйста. Мы, изучили, то, что оставило, после себя, население Земли… Хорошая жизнь?.. Лучшие условия, для вида? И всех, его представителей?.. Звуки, которые они, издают, когда жизнь, торжествует?

— Достаточно близко. Продолжайте.

— Земля теперь, место смеха, только для, пушинок. Для вас, не годится. Отправляйтесь к, своим, сородичам. Позвольте нам, остудить, Землю, сильнее, изменить ее. Сейчас нам, мешают, ваши машины. Если вы, уйдете, так будет, лучше, для всех. Почему вы, остаетесь?

— Это мое дело, — прорычал он, — мое дело… Скажите, вы считаете меня уродливым?

— Пожалуйста, да…

— Поздравляю, я тоже. — Он помолчал, а потом спросил: — Вы *заставите* меня уйти?

— Пожалуйста… Если будем, вынуждены…

Они стояли посреди пустыни. Оранжевое солнце, точно внезапно возникшая рука великана, заслонило половину неба. Оно выжало пот из его тела. Он закашлялся.

– *Пожалуйста*! — просвистели тающие снеговики.

Теперь они дрейфовали в звездной бездне, холодной, как все непламенное и несолнечное.

Он сидел на пустоте и смотрел, как пушинки, брыкаясь, парят внизу. Млечный Путь из звездных пылинок проплыл над его правым плечом и мимо лица. Он превратил его в Бурбоновый Путь и проглотил.

— Как? — слабо выдавила одна из пушинок.

Он не ответил.

* * *

Дело не в том, что я любил Землю…

* * *

— Генри?

— Да?

— Мы *не можем*!

Он смотрел на ее светлые волосы и призрачно-серые глаза, глядевшие (всегда) мимо него. Надутые губы сделали крошечный пустячок подбородка еще меньше.

— Почему же? — спросил он у ее глаз.

— …Остаться на этой адской планетке? Два

последних человека? «…Со своей верной подругой»?

— Да.

— …И разговаривать только с машинами и друг с другом? И твоими чертовыми читалками? Да мы же с ума сойдем! Мы друг друга возненавидим! Не будет никакого смысла…

— А есть ли у тебя альтернативный вариант? — прервал он. — И убедит ли он Совет по евгенике?

— Почему нельзя оставить все как есть? После Переселения ничего не изменится.

— Попробуй сформулировать это иначе, — улыбнулся он. — «Генри удобный, как димми или массо, симпатичный и выше всяких подозрений — но оставаться здесь с ним… Это какой-то примитив».

— Ты не прав, — покраснела она, — и я это докажу… потом.

Он покачал головой:

— Не будет никакого «потом». Я не уйду. Кто-то должен остаться, чтобы поливать цветочки. Дело не в том, что я люблю Землю — просто я ненавижу звезды, ненавижу то, что они символизируют. Ненавижу то, что люди отправляются к звездам, отправляются, чтобы с удушливой монотонностью повторить все те процессы, которые

опустошили этот мир, не оставив в нем ничего, кроме переполненных пепельниц. Долгое время я и сам считал, что мое единственное предназначение в жизни — переполнять пепельницы. Но теперь я понимаю, что был не прав. Теперь у меня есть призвание — я буду стражем могил. Это хорошо, очень хорошо…

— Конечно же, ты уйдешь, — всхлипнула она. — Все уходят. Не будь ребенком! Здесь нечего сохранять. Дни Земли остались в прошлом.

Он рьяно закивал.

— Филлис, Филлис, Филлис! Разумеется, ты права, как и всегда. Ничего не поделать. История умирает в ту же секунду, как свершается, и мы оставляем мир чуть более пустым, чем он был до нашего появления. Сгорая, трава обращается в пепел, а жизнь — в похоть. Однако я получил разрешение поселиться в Святилище Переноса после Исхода. Я ожидал, что у меня будет компания, но справлюсь с нажиманием кнопочек и без твоей помощи. Ты можешь присоединиться ко мне там в любой момент. Но не заглядывай только для того, чтобы сказать «пока».

— Ты отправишься с нами! Я тебя люблю, хоть ты и ретроград!

Он взглянул на часы.

— Тебе стоит переодеться… э-э, к ужину, — предложил он. — Скоро вернется Лен, и мне пора браться за дело.

Он встал и облачился в свой огненный плащ.

— Я смешаю коктейли. Этого с собой не забрать…

Ей было еще что сказать, но особого значения это не имело.

* * *

…Владения тьмы далеки от чертогов света.

«Да, — решил он, — так же далеки, как и звезды, — и всего в десяти футах от меня… Вот и все, пушинки».

— Как? — не отставала стоявшая впереди пушинка.

…Далеки…

Откуда-то как будто доносился чей-то беззвучный крик.

— Почему?

— Я ненавижу себя! — ответил он с неожиданной свирепостью. — И вас! Вы — опарыши в потрохах Бальдра! Вы пришли копошиться в трупе моей планеты, и я только что решил, что не позволю вам это сделать. Я ненавижу себя, но вас я ненавижу больше… Возвращайтесь туда,

откуда прилетели. Я не отдам вам Землю!

— Если ты, нас, вынудишь…

Пушинка превратилась в крошечную новую у него под ногами, в огненную кувшинку, дрейфующую в черных водах.

— Возвращайтесь домой, — сказал он, и они снова очутились в Святилище, и он сделался прежнего роста, а в стене снова раздвинулась дверь.

Две оставшихся пушинки с трудом поднялись.

— Вы растратили, свое время, свой мир… — прогудели они, — и ты, единственный, кто остался. Действия, твоего вида, неоправданны, и единственный памятник, ему, это безответственно, уничтоженная, им жизнь.

— В этом, — ответил он, — мы подражаем вселенной. Мы забираем! Но оглядитесь вокруг… в этой огромной пепельнице должна найтись яркая частичка пепла. — Он яростно жестикулировал. — Здесь *должно* быть что-то, что нас оправдывает! Ищите! — Он попытался раздавить ладонями свой череп, но не преуспел. — Убирайтесь отсюда! Оставьте меня! Уходите…

Дверь закрылась за ними, издевательски ему подмигнув, и он поразил ее молнией.

Крики не умолкали.

II

…Владения тьмы далеки. Далеки…

Он услышал крик.

Он узнал собственный голос.

Он проснулся.

…Далеки… Послы пушинок просят… владений света… принять…

Слова менялись, и он знал.

Он слушал подушку и извращал слова, он слышал слова и искажал их смысл; он действовал и бездействовал, он отчасти бодрствовал, а отчасти — спал.

Он знал.

— Скажи им, чтобы убирались! — рявкнул он. — Почитай мне!

Он знал.

…Длинная история о женщине по имени Анна и мужчине по фамилии Вронский.

…Поезд несся на него, извергая черные знамена гоблинских туч и трубя боевой клич динозавра, и он *знал*…

Он ухватился за свет.

— Разорвать ментальную связь!

Поезд исчез, и он остался один, дрожащий, знающий.

Он производил пот быстрее, чем диван успевал его впитывать. Океаны отхлынули, обнажая отмели его памяти.

Он закрыл лицо руками.

— Это ты убрала всю кровь?

— Да, — ответила подушка.

— А ее тело?

— Его больше нет. Ни следа, ни частички.

— Почему она так поступила?

Подушка не ответила.

— Почему она пришла сюда истекать кровью? — настаивал он.

— Потому что не могла ни уйти, ни остаться, так же, как и ты.

— Как давно это случилось?

— Семь лет, три месяца и тринадцать дней назад.

Что-то обжигающее потекло из трубочки, и он его проглотил.

— А пушинки были настоящими или частью терапии?

— И тем, и другим.

— И я на самом деле убил одну из них?

— Да.

— Когда?

— Вчера исполнилось две недели.

— Мне плохо.

— Нет, тебе уже лучше.

Ему было плохо.

Подушка загудела, постель завибрировала, и ему снова стало тепло и сухо. Подушка щелкнула.

— Послы пушинок просят их принять.

— Так ты все-таки разбавляла мою выпивку?

— Да.

— Впусти их, — сказал он.

III

Он смотрел в комнату, которую запечатал в тот день, семь лет назад… Теперь стена была расплавлена.

Лен вернулся, пахнущий временем и пространством, и не сказал ни слова — только бросил на него долгий взгляд побитого пса, прежде чем ударить, — а когда он очнулся, Лена уже не было, и двух зубов у него во рту тоже не было, и он давился одним из них, так что он выпил, снова попробовал оттереть коричные анемоны у бассейна, и выпил, потом немного поплакал, выпил, отнес ее на диван и помолился, снова поплакал, выпил, запечатал комнату, очнулся, все было хорошо, руки болели от мощных струй воды, а

подушка читала ему «Люсидаса», и он позавтракал яичницей-болтуньей с тостами, и все было хорошо, да.

Он потребовал ментального контроля.

Огромная, яркая, дикая белая лилия пробила пол комнаты и распустилась над диваном, ванной и столиком, а в стене напротив раздвинулась дверь, и сквозь нее прошли пу шинки.

Он улыбнулся им.

— Привет, пушинки.

А они все входили и входили, и Святилище переполнилось пушинками, и он улыбнулся, и кивнул, и они встали перед диваном.

Он отступил и сел на край дивана.

— Вы пришли, — сказал он, — терзаемые голодом и жаждой правосудия.

— Чего, ты хочешь? — спросили они.

— Ничего, — ответил он.

Было тихо. Пушинки поймали его, будто бабочку, в желтые сети зрения.

— А чего хотите *вы*? — спросил он.

— Почему, ты, убиваешь нас? — спросили они.

— Это был не я, — ответил он, — а мое безумие. Мне жаль.

— Если ты, — сказала пушинка, — уйдешь, — сказала пушинка, — все, — сказала пушинка, —

будет, хорошо, — сказала пушинка.

— Если ты, — пауза, — останешься, — сказала другая, — тебе придется, — сказала другая, — умереть, — сказала самая крупная.

— Бесполезный, — сказала еще одна, — уродец!

— Очень хорошо, — вздохнул он, — очень, очень хорошо.

— Кем бы я ни был, как бы я ни поступал, — сказал он им, — читайте Землю, изучайте Землю, и судите нас справедливо за то, что мы с ней делали, когда здесь жили. Я не образцовый представитель своего вида — разве что, быть может, его недостатков. Я растратил несколько жизней, доказывая, что жизнь никчемна, и лишь сейчас решил, что был не прав.

Он помолчал, огляделся и спросил:

— Если я оставлю вам Землю, что вы сделаете с творениями человеческих рук?

— Сожжем их, — прожужжала одна пушинка.

— Похороним их, — прогудела другая.

— Заменим их, — пропела третья.

— Простим их, — просвистела четвертая, — за то, что они существуют.

Остальные посмотрели на нее и издали странные звуки. Смех?

— Кто ты? — спросил он.

— Шут, — ответила ванильная пирамида. — Я осмеиваю, наших лидеров.

— Кто ты? — спросил он пушинку, заговорившую первой.

— Первый, среди равных.

— А ты? — спросил он вторую.

— Второй.

— А ты?

— Третий.

— И с Шутом вас четверо. Хорошо! — Он засмеялся. — Комический король снежков, я приветствую тебя!

* * *

Он поклонился. Второй осторожно протянул к нему мандибулу.

Он не двигался, пока ее острие не оказалось возле самой его шеи. Тогда он выпрямился и ухватил ее правой рукой.

— Простите, сударь; я вас оскорбил. — Он поморщился. — Мой поступок, задевший вашу честь, природу, чувство, — я это заявляю, — был безумьем.

Рука и мандибула неподвижно застыли, и свет начал меркнуть. Когда в комнате воцарилась абсолютная тьма, снова послышалось жужжание.

Затем все стихло, и он продолжил:

— Отрекшись от умышленного зла, пусть буду я прощен великодушно.

Вновь вспыхнул свет — но от мгновенно возникших факелов, которые, как грибы, выросли в черных от сажи кирпичных нишах. Пять или шесть десятков ярко наряженных людей толпились в затененном павильоне зала. Его диван преобразился в трон, и на нем сидел бородатый человек в тяжелой пурпурной мантии и золотой короне.

Стены надели грубо сотканные яркие аллегории, головы истребленных хищников и топоры с дымными телами и ржавыми глазами. Ночь поднялась футов на двадцать или тридцать вверх и повисла там, пуская по швам стен ручейки темноты.

На нем были черные штаны и белая рубашка с расстегнутым воротом, волосы его были — вороненое зеркало, а небесного цвета глаза вмещали в себя более смуглого человека, руку которого он все еще сжимал.

«Скажи это!» — мысленно пожелал он.

Губы неуверенно задвигались, горло сжалось, расслабилось:

— Примирен мой дух, который должен бы все-

го сильнее взывать к отмщенью, — медленно проговорил смуглый человек; его голос сделался уверенней, громче: — До той поры любовь я принимаю как любовь и буду верен ей.

— Сердечно вторю, — ответил он, — И буду честно биться в братской схватке. — Он пожал руку, отпустил ее и со смехом отвернулся: — Подайте нам рапиры!

— Мне одну!

— Моя неловкость вам послужит фольгой, — улыбнулся он.

— Вы смеетесь, принц!

— Клянусь рукой, что нет. — Он снова протянул ее.

Его соперник развернулся и отошел на несколько шагов — так, будто этот процесс был для него в новинку. Удивленный собственной неожиданной грациозностью, он исполнил выпад фехтовальщика и громко рассмеялся.

— Подать рапиры, — приказал человек в короне. — Заклад тебе знаком?

— Да, государь.

Его соперник изучил острие рапиры.

— Нет, тяжела; нельзя ли мне другую? — Он выбрал другой клинок и встал перед противником.

— Мне по руке, — сказал тот. — Длина у всех

одна?

— Да, принц.

Тогда он улыбнулся поверх косого изгиба своего салюта и встал в позицию en garde. Его противник сделал то же самое.

* * *

Это была игра, красивая игра, которую они вынуждены были вести, испытывая пьянящее чувство передвижения в чужих телах, созерцая краски Земли глазами землян, говоря языками земными.

Разумеется, были ограничения — одному полагалось стоять вот здесь, другому — вон там, третьему — произнести *эти* слова *в это* мгновение. Король должен попросить вина и бросить в кубок жемчужину, а затем сказать: «Начнемте, — А вы следите зорким оком, судьи!» Однако воздух пылал от незримого электричества предвкушения, и полуосознанные движения, казалось, более чем наполовину принадлежали им самим, когда они подались вперед, заслышав возглас: «Начнем!»

— Начнемте, принц! — ответил его соперник, и клинки взметнулись и соприкоснулись, точно языки стальных жаб.

(Атака — выпад — финт — финт — укол).

Щелк!

— Раз.

— Нет.

— На суд.

— Удар, отчетливый удар.

— Что ж, дальше!

— Постойте, — воззвал к ним король. — Выпьем!

Он махнул слуге рукой.

— Дайте кубок принцу, — велел он.

— Сперва еще сражусь, — ответил землянин. — Пока отставьте.

Он полностью погрузился в иллюзию момента, отматывая память в обратном направлении и проходя чередой новых открытий. Он бросился в атаку.

— Опять удар; ведь вы согласны?

— Задет, задет, я признаю, — согласился его противник.

— Наш сын одержит верх, — прорычал король.

— За твой успех пьет королева. — Дама, сидевшая рядом с ним, подняла кубок.

— Не пей! — выкрикнул король, и издалека донесся запинающийся шепот: «Я, не, могу!»

Король заскрежетал зубами.

Землянин закусил губу.

— Берегитесь!

Его рапира со звоном упала на пол. Одинокий зуб выкусил кровь из его тела, выкусил зрение из его глаз, и весь зал содрогнулся, как пламя поднесенной к окну свечи.

Потом он стабилизировался, и землянин упал на одно колено.

Он вогнал локоть под ребра противника и, вытянув руку, ухватился за его правое запястье. Поднырнул под него и выпрямился, выворачивая.

Вторая рапира зазвенела по полу.

— Разнять! Они забылись! — послышался крик.

Он схватил чужой клинок.

— Нет, еще!

Его противник подхватил вторую рапиру, тяжело вздохнул и, распрямившись, исполнил балестру.

* * *

Он прервал внезапную фебру, подставив под нее рапиру, и скрестным шагом отбежал назад. Клинки со скрежетом разошлись. Он отбил удар, сделал ложный выпад из четвертой позиции и

ударил из шестой. Ответом на это стал молниеносно быстрый отбив и ответный укол из шестой позиции, ниже его рапиры. Землянин отбил его, отступил назад, поймал клинком пяту рапиры противника и бросился вперед, исполнив флеш.

Противник взвыл.

Королева упала на колени.

— О, помогите королеве! — Стойте!

— В крови тот и другой. В чем дело, принц?

— В чем дело?

Противник стиснул руку, и его лицо исказилось страхом, а губы задвигались, произнося:

— Я сам, своим, наказан, вероломством(!).

— Что с королевой?

— Видя кровь, она лишилась чувств.

— Нет, нет, питье, питье! — простонала королева; ее истерика нарастала по мере того, как слова слетали с губ. — Питье! Я отравилась!

Она упала на пол и затихла.

— О злодеянье! Эй! — усмехнулся землянин. — Закройте двери! Предательство! Сыскать!

— Оно здесь, — выдохнул тот, что лежал у его ног. — Ты убит. Нет зелья в мире, чтоб тебя спасти; ты не хранишь и получаса жизни; предательский снаряд — в твоей руке, наточен и отравлен…

Землянин согласно кивнул и оглядел тех, кому

предстояло унаследовать Землю. Хотя бы *это* останется с ними навсегда.

— Ну, так за дело, яд! — воскликнул он и с улыбкой пронзил короля, а потом прижал кубок к его губам и сквозь стиснутые зубы влил в него то, что осталось от вина.

— Вы хотели заполучить Землю, — тихо проговорил он. — Вы хотели заполучить ее кости, лишенные плоти. Не важно, уродливые или прекрасные, но человек оставил на ее теле татуировки, и вы не сможете отчистить ее труп от наших следов. Вы хотели ее — так попробуйте побыть ею!

Тело в его руках обмякло.

— Расплата, заслужена, — послышались вымученные нутряные слова, и второй фехтовальщик закрыл глаза и скривился.

«Ты уверен, что он был прав?» — спросил землянина собственный внутренний голос.

— Был ли он прав? — воскликнул он.

В его висках начиналось биение крови. Стаккато перепуганного шепота пушинок становилось все громче. По комнате промчался порыв ветра, и пламя факелов задрожало. Где-то рыдали. Его охватил жар.

Зал угасал и появлялся вновь, угасал и появлял-

ся вновь, и в промежуточный миг мерцающей неопределенности землянин как будто очутился посреди бескрайней ледяной равнины, окруженный целой деревней поросших антеннами иглу. Галактика, вращавшаяся высоко над головой, была колоссальной пепельницей, и он понял, что она будет существовать вечно, вращаться, собирая пепел, после того как его не станет. И еще он понял, что его предназначением — его и нерожденных детей его вида — было наполнять эту пепельницу, вечно сыпаться в нее и время от времени вспыхивать яркими искрами, как сделал он сегодня, оправдывать нелепицу нелепой красотой, и стирать часть этой нелепицы, оставляя после себя часть красоты во имя некой цели; и он понял, что более не безумен, и улыбнулся пушинкам, и включил декорации замка для последней своей сцены.

— Я умираю, — прохрипел он. — Могучий яд затмил мой дух. — Он поднял взгляд на пушинку-придворного, который поддерживал его, не давая упасть. — Из (Англии?) вестей мне не узнать, — продолжил он, — но предрекаю: избрание падет на (Фортинбраса?); мой голос умирающий — ему. — Он мотнул головой в сторону двери, скрывавшей застывшего Шута. — Так

ты ему скажи и всех событий открой причину. Дальше — тишина…

Он откинулся назад и сосредоточился на следующей части своей роли.

Пушинка-Горацио заговорил о почивших духах и пении херувимов. Он упомянул барабанный бой и услышал его вдалеке, прежде чем настала тишина.

Шут зашаркал вперед, на ходу меняя облик. Он то появлялся, то исчезал, и наконец встал — ледяная гора — глядя на землянина сверху. Ульи колоколов открывались и закрывались, открывались и закрывались. Остальные не сводили с него глаз, ибо они знали, что он знает Землю, ведь он был насмешником и должен был понимать, что случилось, что делать дальше.

Он смотрел на последнего мертвого землянина на Земле.

— Возьмите прочь, тела, — сказал он. — Подобный, вид, пристоен, в поле, здесь он, тяготит. Войскам, открыть, пальбу.

И они вынесли его из зала, и похоронили его, хотя у пушинок никогда не было такого обычая, и Святилище отрастило пушки и выстрелило ими в ночь, хотя у людей много лет не было такого обычая; и Шут сделал Землю обителью смеха,

где пушинки размышляли о делах людских.

Примечания

«Толпекают» — намеренный неологизм, присутствующий в оригинальной рукописи, хранящейся в архиве. Судя по контексту, в нем соединяются слова «допекать» и «толпа» — т. е. имеется в виду, что пушинки вновь собираются в большом количестве, чтобы донимать героя нежеланными разговорами. **«Поиск, выявление, блокировка»** — краткие команды, которые герой отдает своей домашней охранной системе, чтобы та отыскала источник ведущейся пушинками передачи и заблокировала ее.

В этой истории о «последнем человеке на Земле» содержится множество аллюзий, включая инсценировку искушения Христа Дьяволом в пустыне и гомеровских «Илиады» и «Одиссеи». **«Всё утро Крот усердно трудился: пришла пора весенней приборки…»** — первая строка романа Кеннета Грэма «Ветер в ивах». В одном ряду с вымышленными писателями будущего упоминаются также **Эрнест Хемингуэй**, **Марсель Пруст** и древнегреческий поэт **Пиндар**. **Гора Афон** находится в Греции и именуется также Святой Горой; на ней расположено множество

православных монастырей. **Одиссей** — герой древнегреческой мифологии, чьи деяния описываются в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея». **Вторая симфония Сибелиуса** написана композитором Яном Сибелиусом; ее основная тема вдохновлена «Божественной комедией» Данте. **Бальдр** — в германо-скандинавской мифологии бог света, радости, чистоты, красоты, невинности и примирения; все живое, за исключением омелы, поклялось не приносить ему вреда. Боги использовали Бальдра в качестве мишени для метания ножей и стрельбы из лука, поскольку ничто не могло ему навредить. Завистливый Локи воспользовался этим и сделал дротик из омелы, чтобы убить Бальдра.

История о женщине по имени Анна и мужчине по фамилии Вронский — это «Анна Каренина» Льва Толстого. **«Люсидас»** — поэма Джона Мильтона, написанная как плач по утонувшему в Ирландском море другу. В третьей главе рассказа пушинки вынуждены участвовать в инсценировке финала шекспировской трагедии «Гамлет, принц датский», и бо`льшая часть реплик, начиная со слов «Простите, сударь» и заканчивая приказом «Войскам открыть пальбу»

позаимствована из пьесы [75]. **Балестра** — фехтовальный прием, представляющий собой скачок вперед, за которым обычно следует выпад. **Фебра** не относится к числу стандартных фехтовальных терминов. Судя по употреблению, имеется в виду внезапный, непредсказуемый рубящий или режущий удар рапирой, вроде тех, которым учил в XVI веке Сальватор Фабрис. По слухам, Фабрис по просьбе Шекспира стал хореографом фехтовальных сцен в «Гамлете». **Финт** — атака по одной линии с намерением переключиться на другую до того, как удар будет завершен. **Пята** — нижняя, более прочная часть клинка. **Флеш** — атака, выполняемая бегом или прыжком из боевой стойки и приземлением на выставляемую сзади стоящую ногу.

---

[75] Примечания: 75
«Гамлет» цитируется по переводу М. Лозинского. (*Прим. пер.*)

Св. Секер

Haunted № 3, июнь 1968 г. (отредактировано). Написано в 1955–1960 годах для «Резца в небе»

Трижды крытые шпили —
медью,
сталью
и я ныне забыл, чем еще, —
тычутся мощными
и насекомыми хоботками —
всасывают плывущую тучу,
колют чернейшее бедро
внезапной изъязвленной
звездами ночи…

Вас я приветствую,
о святейшие из вампиров!
Хлеб метафоры,
сущее
и не знаю, что еще

в многажды крытых мыслях
мыслителя.

...Гляди же,
как рябят летучие мыши,
струятся у крыши,
кошки ступают;
крысы – чуть ниже,
не столь изящны,
гремят урожаем костей —
о,
наслажденье,
смертных смиренье,
прочь, сомненья:
темных тьма тем
кривою тропой стрем —
глав мчится в глушь,
снова познав вкус душ
человечков дня,
и всё ниже, ниже
бедные упыри
воют, судьбу кляня,
в такт:

«Sed libera nos a malo»,
вот так.

Примечания

Месса **св. Секера** была версией черной мессы, включая пародию на Евхаристию; эту мессу проводили в разрушенной церкви с целью не почитать дьявола, а направить прямые потоки инфернальной злобы на жертву в надежде, что та зачахнет и умрет.

Стихотворение существует в трех вариантах. Первый, для «Резца в небе», содержал первые две строфы; для фэнзина *Haunted* Желязны сочинил еще две; в сборнике «Круженье — это чудо-кошка» он вернулся к первому варианту, заодно его отредактировав. Данная версия сочетает редакцию «Круженья» с дополнительными строфами из *Haunted*.

Хоботок — похожий на иглу или хобот вырост, например, у комаров. *Sed libera nos a malo* — «избави нас от лукавого» из латинской версии молитвы «Отче наш».

В гараже Фелени

Написано в 1955–1960 годах для «Резца в небе»; ранее не публиковалось

Сердце есть кладбище тракторов,
Чьи масла засалили пол.
Любовь – снегопах-динозавр.

Он тоже пришел подыхать.

Примечания

Позднее это стихотворение, в существенно переработанной версии и под названием «В песьем доме», вошло в повесть «Кладбище сердца».

Перстень царя Соломона

Fantastic, октябрь 1963 г.

У царя Соломона был перстень, и у того парня, о котором я должен тебе рассказать, тоже. Соломонов перстень был здоровенной железной штуковиной с пентаграммой на печатке, а перстень Билли Скарла был невидим, потому что тот носил его на своем разуме. Но предназначение у них было одно и то же.

Легенды гласят, что перстень Соломона позволял ему понимать язык зверей. Скарл, как ты помнишь, тоже был одарен в плане языков. Полагаю, отсюда и происходила его необычная восприимчивость.

Я пишу это письмо, Лиза, потому что это ты его завербовала, и я думаю, что он был в тебя влюблен. Возможно, я ошибаюсь. Если это и впрямь так, я могу лишь попросить прощения за то, что лезу в чужие дела, и надеяться, что чувство юмора поможет тебе взглянуть на вещи здраво.

Прошлым вечером (по-моему, это было прошлым вечером) я встретился за ужином/ами с

доктором Хейлом, с которым ты никогда не встречалась. Это огромный человек-панда — белые ботинки (как правило), широкие черные брюки (всегда), белая рубашка (всегда), черный галстук (аналогично), и сверху — черное (чаще всего). А еще он смотрит на мир глазами дикого зверя и слушает его парой опухших чашек (он был боксером полутяжелого веса — и неплохим), нос у него кривой и похожий на старую Эйфелеву башню, и он умудряется обходиться меньшим количеством околокушеточной брехни, чем все прочие погонщики комплексов, с которыми я был знаком. Он утверждает, что его репутация терапевтического Свенгали основывается на том, что пациенты склонны испытывать к нему жалость с первого взгляда, но иногда я в этом сомневаюсь. Как только он включает этот свой снегогенератор, его толстое лицо вроде как переплавляется, и начинает казаться, что ты смотришь на портрет Макиавелли на пенсии.

Но он пока еще не на пенсии и крайне профессионально разделывается со стейками…

Перед тем, как снова набить рот:

— Как там Билли Скарл?

— Ты — врач. Ты мне и скажи.

— Я ценю твое мнение.

— В таком случае ты теряешь хватку. У меня его нет.

— Значит, выдумай его, потому что я хочу его услышать.

Я откусил кусок хлеба, чтобы купить себе секунд тридцать на размышления, и начал размышлять.

* * *

Начало карьеры Скарла было успешным прежде всего потому, что у него было минимальное количество помощников. Он мало кому доверял, поэтому экипаж его корабля состоял сплошь из неразговорчивых специалистов широкого профиля. Что долгое время озадачивало Гвардию — так это тот факт, что он избавлялся от своих пиратских трофеев весьма нетрадиционным образом. Десятки миров Изученной зоны — не более чем энциклопедические статьи из пары предложений, однако на них имеется множество превосходных рынков сбыта. Однако язык — это серьезный барьер, а переводчиков на всех не хватает, особенно на команды контрабандистов.

У вас ушло много времени, чтобы выяснить то, чего Скарл и сам почти не осознавал. Он-то просто думал, что в совершенстве овладел га-

лактическим языком жестов, а для заполнения пробелов хватает и гибридного диалекта Фенстера, его родной планеты. Имей в виду, Лиза, что при всем своем уме он получил лишь номинальное образование в трущобной школе и во многих отношениях был очень наивен. Однако понадобилась подсказка Соломонова круга, чтобы Гвардия сообразила, с чем имеет дело.

Когда Скарла арестовали на Мартине-VIII, этому поганцу повезло — его отправили на Землю в сопровождении старого гвардейца, готовившегося выйти на пенсию. Как ты знаешь, по пути коп решил, что арест был произведен вне юрисдикции и что ему не нужно под конец карьеры черное пятно в послужном списке. Поэтому он подправил пару записей в журнале и назначил себя судьей, присяжными и палачом — чего ты могла и не знать. Он не проговорился ни словом, пока готовился, но Скарл, разумеется, *знал*.

Полагаю, было бы интересно рассказать тебе в подробностях о том, как коп не смог нажать на спусковой крючок, а Скарл разбил ему голову наручниками, но я предпочту не быть настолько интересным. Я слышал эту историю слишком много раз.

Когда ты подцепила его в том баре на Кимбер-

ли, Скарл уже начинал подозревать, что он такое, но был слишком занят отдыхом, чтобы активно экспериментировать. Он залег на дно, душой парил в облаках и подыскивал себе новую посудину, когда однажды вечером ты села за столик, где стоял его виски с флентом, и предложила погадать ему на будущее.

Конечно же, Скарл сказал «да», потому что ты прекрасна.

— Тринадцатая карта Старших Арканов, — сказала ты ему, — Мрачный Жнец. Он символизирует Смерть — часто лишь на метафизическом уровне, но тем не менее смерть. Ваша жизнь изменится.

И он улыбнулся, и согласился, и спросил, не хочешь ли ты помочь ее изменить, и ты улыбнулась и согласилась — вроде как. Где-то неделю он провел в полном замешательстве (потому что не мог предсказывать тебя так же, как всех остальных), а потом ты поняла, что он готов на Пари. (Кстати, не из рукава ли ты достала ту карту Таро? Скарл не раз задавался этим вопросом, так что я решил поинтересоваться.) Подозреваю, что все это было тщательно продумано, и, разумеется, твое предсказание сбылось.

За обещанную награду в виде одного крейсера он согласился стать твоей добычей. Ты смогла

убедить его в том, что ты богата (что, как я теперь понимаю, на самом деле было правдой) и хочешь развлечься (что тоже могло быть недалеко от правды). Он не мог выйти из игры, да и не хотел, потому что перед этим слишком много хвастался. К тому же он хорошо умел выживать, и когда я наконец вынужден был его убить, мне это удалось лишь волей случая.

У него было три дня, чтобы спрятаться в джунглях Кимберли, и неделя, чтобы остаться ненайденным, невзирая на всех твоих следопытов, твоих механических пауков и твои электронные биодетекторы, — и он сумел это сделать. Я помню ту ночь, когда ты мне об этом рассказывала. Дело было на Лилит, небо полнилось лунами, а приятный, терпкий ветер сражался с запахами жареного сюссевогеля и «Лилит-Мозель» (этого языческого «Либфраумильх»!)… Помнишь ли ты, как называлось то местечко? Я уже забыл, хотя отчетливо помню балкон и тебя в чем-то темно-синем… Ну да ладно.

Ты сказала, что вам понадобилось три дня, чтобы отыскать следы Скарла, и шесть часов, чтобы его окружить. А потом он сбежал, когда вы приблизились к его лагерю. Это повторялось пару раз, пока вы не выгнали его на возвышенность

неподалеку от Гильского хребта.

Вспомнила? Пауки перестали возвращаться, и ты находила их разбитыми в хлам, а потом они у тебя кончились. Но затем Скарл, очевидно, обзавелся скакуном, потому что он начал перемещаться очень быстро, а на сломанных пауках стали появляться следы копыт. После пятого дня следопыты сдались, не признавая этого вслух, а «псы» заинтересовались другими делами.

В конце недели он вошел в твой лагерь, сверкая улыбкой и осознавая свою власть. Он выиграл Пари, уничтожая механических охотников, наворачивая круги вокруг твоего отряда и «подслушивая» твоих охотничьих тварей. После чего он сумел «отговорить» их преследовать его. Он шел за вами, пока не истекли семь дней, а потом явился, чисто выбритый, считая, что победил. Несчастный болван! Он стал членом самого закрытого клуба галактики и таким образом снизил вероятную продолжительность собственной жизни лет на девяносто или сто. Прости меня, дорогая, я не злопамятствую, просто мне нравился этот парень. Если бы Гвардия доставила его на Землю живым, его бы все равно завербовали.

У царя Соломона был перстень, рассказала ты ему — в тот месяц, когда вы развлекались

на Земле и Внутренних планетах, — перстень, позволявший ему понимать языки всех живых существ. И у тебя, Билли Скарл, тоже есть перстень. Ты носишь его на своем разуме, точно внутренний пояс верности, и когда кто-нибудь собирается заговорить, ты понимаешь, что он скажет, прежде чем он успевает это сказать, а когда собираешься заговорить ты — и достаточно сильно этого хочешь — остальные понимают, что скажешь ты, прежде чем ты успеваешь это сказать. Ты частичный телепат и потенциальный паралингвист. Ты, скорее всего, провалил бы и первый экзамен по французскому, простому ортоязыку, зато при должном обучении ты сможешь в любой момент перевести разговор, ведущийся на двух языках, ни один из которых тебе не знаком.

А он захотел узнать, можно ли на этом заработать! Вспомнила его теперь? Где-то пять футов десять дюймов, с тем ранним инеем на волосах, который появляется, когда выжимаешь из крейсеров с тонкой броней все, на что они способны; нервные пальцы, ясные глаза, любовь к неприметной одежде; а когда он говорил, все предложения как будто сливались в одно длинное слово. Должно быть, с первого взгляда он не производил впечатления закоренелого пре-

ступника. Скорее (и это было чистой правдой) он казался человеком, который не получил бы никакого удовольствия от Марди Гра на Центаво. Хейл считает, что это и было ключом к его таланту, отлитым давным-давно на улицах Фенстера.

Ты предложила Скарлу полное членство в Круге, если он сможет завершить обучение, и сделала упор на то, что помимо высоких заработков он получит еще и имеющий обратную силу иммунитет от гражданской ответственности, — так какой еще выбор у него оставался?

Он понял, что ты превосходишь его практически во всем. Он хотел сравняться с тобой, а его гордость всегда была поразительна — до самого конца она помогала ему справиться почти с любой задачей. Я помню, как он обливался потом над книжкой Хомского, которая по итогу оказалась не слишком полезной (потому что На Практике значение имели спокойствие и звуковые циклы), однако ознакомила его общими концепциями, а такие штуки, как концепции, помогают смягчить неудобства. А что до закона — ну, ему ведь и правда нужна была лазейка.

Он согласился, и вы продолжили общаться: вели прекрасные, остроумные, утонченные… как бы это назвать? полемики?.. пока он не получил

первое задание и не перестал выходить на связь. А что было потом, Лиза?

* * *

— Вот что, док, — сказал я Хейлу, — я тут вспомнил о его первом задании. Его послали на планету, называвшуюся Малмсон. Вас в той экспедиции не было, а жаль. Он считал, что мы развалили все тамошнее общество, и это его грызло. По-моему, один человек не имеет права ощущать такую ответственность за случившееся, какую он взваливал на себя.

— Почему? Что случилось?

— О, ничего по-настоящему катастрофического. Мы не подсадили население на наркотики и не согнали местных женщин в бордели, в чем нас часто обвиняют. Мы не смогли бы подвергнуть аборигенов физической эксплуатации, даже если бы захотели, — они все были не выше трех футов и выглядели как киви с руками. Но Скарл еще не понимал по-настоящему, чем занимается. Он думал, что от него только и требуется, что установить гул-бокс, испытать удачу да заполнить Омниформу. А дело этим, конечно же, не ограничивается.

— И?

— Он узнал об этом после того, как его Омни аттестовали, а залежи борокса на Малмсоне сочли многообещающими. Мы составили отчет и улетели. А год спустя он снова туда заглянул — паралингвам нужно запретить посещать свои икс-планеты… Навязанная нами промышленность уже начала разрушать систему ценностей местной культуры — а поскольку Скарл был паралингвом, то, общаясь с местными во второй раз, перевел чувства не хуже слов. Смещенные затаивают злобу, молодежь теряет корни — ну, ты сам все это знаешь. У Скарла к тому времени была на счету еще парочка иксов, но после того визита он вернулся, охваченный сомнениями. Он утверждал, что мы не имеем права переделывать инопланетян по своему образу и подобию. Он сказал, что хочет уволиться.

— И что ответил Круг?

— Официально — ничего. Но позднее Скарла навестила завербовавшая его женщина и убедила принять следующее задание.

— То самое, последнее?

— Верно. Мак 997-IV, мир, прозванный Мясником. Вербовщица объяснила Скарлу, что его первые задания также были частью обучения, а затем раскрыла ему истинное предназначение

перстня.

«Каким было твое второе задание?» — спросила его ты.

Он рассказал, что оно привело его в жестокое и неприятное место с цивилизацией вонючих рептилий, которую он возненавидел. Тогда ты сказала ему, что и это место тоже изменится в результате его визита. Благодаря ему оно станет более дружелюбным, по человеческим меркам. После чего ты поведала Скарлу полную историю перстня царя Соломона — божественного дара Строителю Храма, наделявшего его властью над любыми демонами. А не все демоны были вредоносными, заверила ты его; какие-то из них были полезны, а какие-то нет. Особенно злобных заключали в бутылки, которые закупоривались неснимаемой печатью перстня, после чего их бросали в море, где им предстояло вечно плавать. Полезных заставляли работать на строительстве Храма. А ты, Билли Скарл, носишь перстень на своем разуме, и коммуникация — не единственная его функция. Ты Строитель — ты вербуешь всевозможных работников для строительства межзвездного Храма Земли. Это самая божественная из всех человеческих обязанностей, и среди нас мало, очень мало тех, кто способен содейство-

вать этой цели. Ты прошел все испытания, и ты — крайне одаренный паралингвист. Настолько одаренный, что мы хотим доверить тебе самое важное задание из всех, что у нас есть…

— Разумеется, он купился, — закончил я и глотнул дэнзельского кофе. — Она бы и снег на Меркурии продала, если бы захотела.

* * *

День был ясным, небо — желтым, и Скарл поставил свой гул-бокс на землю.

— Что такое? — спросил я у него.

— Сегодня разговоров не будет, — ответил он. — Они просто хотели понаблюдать за нами. Они вернутся часов через сорок. А пока уходят.

— Где они?

— За теми кустами. — Он махнул рукой на красноватые шипастые заросли. — Они будут просить разрешения общаться с нами.

— У кого?

— Не знаю.

— Откуда ты узнал так много? Оборудование ведь не работает.

— Минуту назад я уловил частичное эхо. Они сами — телепаты, и общались между собой.

— Как они выглядят?

— Не знаю. Мне кажется, как большие насекомые. Но на меня могли повлиять отчеты с первого и второго иксов. По-моему, это представители касты рабов.

— А почему им потребовалась неделя на принятие решения? — спросил я.

Он пожал плечами.

После этого мы спустились к реке и искупались, потому что нам запретили это делать, а капитан не имеет права отдавать такие приказы специалистам класса S. Глинистая почва была пористой, вода — тепловатой, а ветерок неохотно обдувал нас, создавая подобие комфорта. Лежать на воде Мэкки-Ножа, как мы прозвали Мясника, было легко, а в глубинах не таился никто опасный (и никто неопасный тоже — водной фауны на Мэкки было немного).

— Боишься? — спросил я.

— Нет, — ответил он.

— Почему?

Он промолчал.

— Насколько ты уверен в своей уравновешенности?

— Абсолютно. — Он зевнул. — У паралингвов есть небольшой дар предвидения, когда дело касается органических существ. Я бы *знал* зара-

нее, если бы тот лошадиный слепень, который собирается приземлиться тебе на нос, собирался укусить меня.

Послышалось жужжание.

Я хлопнул себя ладонью по носу, но никакого лошадиного слепня не было. Был только лошадиный смех.

— Тебя предал рефлекс, — сказал Скарл. — На Мяснике мухи не водятся.

Я быстро перевернулся, надеясь хорошенько его окунуть, но Скарла рядом не было. Его смех доносился с берега, где он сидел футах в сорока от меня и курил.

— Абсолютно, — повторил он.

Я потер нос.

— Очень смешно. Когда сегодня ночью найдешь у себя в койке тарантула, то будешь знать, кто…

— Уймись, — крикнул он. — Я доказывал свою правоту. Ты был расслаблен — уши у самой воды… фоновый плеск… я не сказал ни слова. Признай, что думал, будто я рядом с тобой. Признай, что я хитер, коварен и подл.

— Ты знаешь, что у меня на уме.

— Да, — ответил он, — ты беспокоишься, как бы не повторилось то, что уже случалось.

— Дважды, — добавил я. — Почему эти чертовы

бюрократы не могут отправить сюда больше одного паралингва — я...

— В других местах всегда хватало и одного. В этот раз будет так же.

— Это ведь для тебя настоящий вызов, да? — бросил я. — Тот, кто тебя уговаривал, должно быть, провел поистине миссионерскую работу.

— Ну и что? Икс есть икс. Я справлюсь.

— Ты для меня — всего лишь кадровая проблема, — сказал я, — но последние два паралингва, проводившие здесь икс, *до сих пор* лежат в дурке, и ЭЭГ у них ровненькие, как линия горизонта.

— Есть старая земная притча, — сказал он мне, — о парне, который спросил у компьютера, когда он умрет.

Я подождал.

— Ну и что случилось?

— Ничего, — ответил он. — Конец притчи. Компьютер не знал.

— И это значит?..

— По расчетам шансы на возвращение у меня довольно хорошие. Переменных на этот раз гораздо меньше, потому что у нас есть отчеты первых двух экспедиций. Эта проблема *может* быть просчитана — так кто ты такой, чтобы судить, не разобравшись?

Я ничего не ответил. Только серьезно задумался.

Но он снова рассмеялся, потому что родился на Фенстере и знал весь «Словарь ругательств галактики», ни разу в него не заглянув.

Позже, когда мы вернулись на корабль, мне подумалось, что он к тому же знал, что у меня нет с собой ни одного лишнего тарантула.

* * *

Прошло два дня, прежде чем существа вернулись, и когда они появились на поляне, было пасмурно и шел дождь. Мы тут же установили палатку, упаковались в дождевики и захлюпали по черной грязи.

Скарл водрузил гул-бокс на вытертый полотенцем стол, а я изучил приветственный комитет…

Трое… Похожи на муравьев, с твердыми, как сталь, панцирями с зеленоватым отливом благородной бронзы; размером примерно с немецкую овчарку — но, осмелюсь предположить, во много раз сильнее; глаза пустые, как розовые луны Дорна, которые они мне напомнили: кажутся незрячими, но смотрят пугающе пристально — и, возможно, что-то все-таки видят. (Ты помнишь Дорн?)

Скарл что-то проговорил, включая запись, и получил ответ, цепочку звуков — *щелк-щелк, тц-тц-тц, биттл-биттл-биттл*. Он нажал кнопку «АНАЛИЗ» и достал из кармана черный чехол. Красный сигнал «Недостаточно данных» зажегся как раз когда он закончил собирать шприц. Скарл повернулся к существам и прочитал сонет Шелли. Тот не подходил к этому дню, но существа ответили новым шумом, и Скарл снова включил запись. Он вонзил шприц в ампулу с легким седативом и сделал себе укол, пока они тикали.

Похоже, они поняли, что ему нужно, потому что на этот раз не умолкали минуты четыре. Скарл снова нажал кнопку «АНАЛИЗ», а я всмотрелся в дождь, выглянув из палатки.

Мясник легко мог стать золотой жилой. В предварительных докладах геологов говорилось о неосвоенных минеральных ресурсах и возможной климатической пригодности для выращивания полезных культур, которые хирели в городах перенаселенной матушки-Земли; на ее раскинувшихся от берега до берега равнинах из стали и бетона земляные агрогорода выглядели скорее сыпью, чем изящными родинками. Но чуждая стальным порам земли пшеница до сих пор означала хлеб. Мясник мог бы стать

Пекарем.

Загорелась зеленая лампочка — «Выявлены Приблизительные Флективные Шаблоны». Шаблоны, не смыслы. Нет такой коробки, которая с одного конца приняла бы в себя «*Щелк-щелк, тц-тц, биттл-биттл*», а с другого выдала бы «Доброе утро, жуткий сегодня ливень, не правда ли?» Абсолютно незнакомый массив значимых звуков не несет никакого смысла для чужака, будь он человеком или машиной, пока не найдена пара точек отсчета. В подобных случаях выяснять грамматику и значения слов слишком долго, а в те времена не было телепатов, достаточно умелых для полного икса. Но флективные шаблоны есть во всех языках. Гул-бокс различал их и маркировал. Он не знал, являются они вопросительными, скандальными, занудными или какими угодно еще, но он их выявлял.

Дальше дело было за Скарлом и гулом.

Вокруг насекомых возник магический круг колонок, потом еще один воздвигся вокруг нас. Скарл — умиротворенный дирижер с полуприкрытыми глазами и пьяной улыбкой под ними — начал концерт.

Двухканальный словообразовательный гул начался, как только он прикосновением пальца

пробудил прибор к жизни. С нашей стороны звук был приглушенный, а функция «АНАЛИЗ» вычислила порог слышимости муравьев на основании записанного диапазона звучания их голосов.

Передача. Скарл говорил шепотом, глядя в никуда. Все девяносто семь вопросов Омни с ее опциональными подразделами подобно заученному сценарию таились у него в голове. Как тебе известно, Лиза, этот процесс тщательно продуман. Я расписываю это Известное в подробностях только потому, что должен сказать о нем кое-что, имеющее непосредственное отношение к теме моего письма.

Насмешники поначалу называли этот процесс хитроумно замаскированным спиритическим сеансом, но в последнее время на этом фронте все спокойно. Седатива, вкупе с сосредоточенностью сознания на формате Омни, достаточно, чтобы призвать наших призраков — мысленных призраков, которые преодолевают пропасть между сознанием Опрашиваемого и той глубоко погребенной точкой в разуме Опрашивающего, откуда они поднимаются на волнах поствопросного любопытства, изливаясь бессловесными предложениями едва слышимого гула. Когда работает хороший паралингв, такой, как Скарл,

призраки посещают и нас, если мы не слишком громко думаем. Его стено был паралингвом-недоучкой, который так и не научился справляться с передачей.

СЛОВЕСНЫЙ МАССИВ № 1 (ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКС СЛОВОФОРМ): «Доброе/ый утро/день/вечер. Мы приветствуем вас от имени Земли и желаем вам хороших охоты / рыбалки / урожая / тучного скота / побед. Мы — теплокровные, всеядные, патриархальные, высокоразумные существа. Мы нуждаемся во множестве вещей. Мы можем предложить множество вещей и другим, не важно, похожи они на нас или нет. Кто вы? Чем вы занимаетесь / что у вас есть / в чем вы нуждаетесь?»

Так, вопрос за вопросом, каждый заполняет Омниформу другого. Теоретически это ставит нас в равное положение в плане знания и позволяет вести торг на справедливых основаниях. На самом деле, поскольку это мы придумали Омни вместе с ее шаблонными ответами и превратили процедуру аттестации из искусства в науку, мы всегда оказываемся в преимуществе. Равенство — красивая идея, но глубинная психология на пару с военной аналитикой, поддерживаемые властью на каждом уровне — от религиозного до экономического, — дарует нам небольшие

преимущества, не тревожа при этом сенаты.

Точно сквозь помехи в гиперфоне, послышались бесполые ответы:

«*Доброе утро. Мы слуги. Мы служим. Наши хозяева/правители откладывают яйца. Мы всеядны. Мы разумны. Мы ни в чем не нуждаемся. Наши хозяева/правители дают нам все. Чего вы хотите?*»

И так далее. В ответ на все наши ключевые вопросы: «*Мы этим не занимаемся / этого не знаем / в этом не нуждаемся. Наши хозяева занимаются этим / знают это / не нуждаются в этом*».

Они рассказали нам о себе все. Влюбленный в свою работу энтомолог при виде этого интервью очутился бы в интеллектуальном мусульманском раю — как наш влюбленный в свою работу энтомолог, Дейв Болтон.

— Пожалуйста, — взмолился он, — спросите, видят ли они эту полароидную вспышку…

— Тсс! — шикнул я, руководивший процессом. — Потом.

Не померещился ли мне капкан, спрятанный в клумбе их дружелюбия?.. «Мы хотим вам помочь, но, черт побери, сэр, мы просто не знаем, как ответить на ваш вопрос». И тому подобное.

«Не проси, — написал я на бумажке, — о встре-

че с их хозяевами. Подожди, не предложат ли они это сами».

Я положил записку перед Скарлом, надеясь, что акт ее прочтения не позволит ему ретранслировать эту мысль. Я подождал.

Они предложили это сами.

Скарл повернулся ко мне.

— Скажи им, что нам нужно посовещаться, — ответил я. — Спроси, где находятся их хозяева, как они выглядят, почему они не пришли сами, — и спроси, не предлагали ли они, чтобы мы послали тебя.

— Меня?

— Тебя.

Он спросил, и они ответили, что им нужно посовещаться.

Да, наконец признали они, их правители (живущие в вечной ночи) и впрямь упоминали, что мы можем отправить к ним нашего единственного паралингва, если нам потребуется что-нибудь прояснить. Хотим ли мы это сделать?

— Скажи им «да», — велел я, — но не сегодня. Нам нужно еще посовещаться.

* * *

Тем вечером мы аттестовали весьма сомнительную Омни.

Мы пришли к выводу — совершив отважный скачок воображения — что их правители похожи на муравьиных маток и не любят покидать гнездо. Нашей задачей было получить Омни Мясника, аттестовать ее и написать рекомендацию, поэтому мы вынуждены были навестить их, раз уж они не желали приходить к нам. Однако нам нужны были гарантии безопасности, поэтому Скарл провел ночь, знакомясь с депрессивными неврозами, в которые, как пообещал Хейл, он сможет уйти, чтобы защитить свое душевное здоровье, если дела пойдут плохо.

— Вопреки всем правилам, мы также вооружились до зубов, — сказал я Хейлу, — а потом и зубы тоже вооружили маленькими стеклянными капсулами, которые мне едва не довелось попробовать на вкус. Ты об этом не знал.

— Разумеется, я догадался, — фыркнул он. — Но с моими неврозами все было в порядке. Я выдал ему лучшие из тех, что у меня были.

— Уверен, он это оценил, — ответил я, наполняя его стакан. — Ты веришь в легенду о перстне царя

Соломона?

— Ну, с точки зрения архетипов…

— К черту архетипы! Ты в историю веришь?

— Да, в ней множество уровней бессознательных смыслов.

— Так спустись на минутку на мой уровень и ответь на вопрос. Забудь о психологических структурах. Может ли один разум контролировать другой с помощью нефизического воздействия?

— Харизма, — заметил он, — любопытный феномен. Как правило, здесь действует много факторов.

— Выпей еще вина и проглоти свою харизму вместе с ним. Я говорю о парапсихологии. Если паралингв может транслировать и принимать мысли и чувства, почему бы ему не быть способным и на большее?

— Приказы? — спросил он. — Парагипноз? Этого *можно* добиться, при определенных обстоятельствах.

— Я скорее думал о чем-то вроде молнии, которая оплавляет песок, отпечатывая на нем свой образ.

Я снова начал разливать вино.

— Нет, — отказался он, — психологи просто напиваются, а вот психиатры напиваются и крушат

вещи. К чему ты ведешь?

— Перстень работает в обе стороны.

* * *

Это правда, Лиза. Он не только переводит. В тот первый тусклый день в пещерах, когда Скарл закончил тридцатисекундный разговор, стенографист отшвырнул свой расшифровщик.

— Я не могу вести записи, — сказал он.

— Что такое? — спросил я.

— Гул-бокс барахлит. Я не улавливаю ни голосов, ни даже идей.

— А что ты улавливаешь?

— Очень красивое гудение — оно похоже на музыку — эмоциональное переложение чего-то. Не спрашивай, чего.

Я не стал его спрашивать. Я спросил Скарла. Разозлившись оттого, что и сам погрузился в приятное забытье, я стряхнул чары и крикнул:

— Что происходит?

— Тсс!

Я попытался нащупать во мраке его плечо, но шепот Скарла доносился из ниоткуда, а самого его рядом с прибором не было.

— Свет! — крикнул я. Но прежде, чем крикнуть, я это подумал.

Послышался звук — как будто кто-то начищал бетон жесткой щеткой — и наши лучи устремились во все стороны.

Мы, люди, были одни, и Скарл тоже. Он стоял, прислонившись к стене тоннеля футах в десяти от нашей команды, и улыбался. Я повторил свой вопрос.

— Ничего, — ответил он. — Сейчас ничего не происходит. Не надо было вам включать свет. Вы нарушили соглашение.

— Мне не хотелось стать чьим-нибудь завтраком, — сказал я. — Что ты делал?

— Рассказывал ей о том, как украл Лунный камень посреди полета.

— Значит, это была твоя работа.

— Моя.

— Зачем ты им об этом рассказывал?

— Они попросили. Этот случай был в моей памяти, и им понадобилось подробное объяснение принципа незаконного присвоения чужой собственности.

Помню, я тогда присвистнул — чтобы не сделать чего другого.

— Это с трудом можно назвать материалом для Омни, — тихо сказал я.

— Да, но меня спросили…

— Почему?

— Ее заинтересовало удовольствие, связанное с этими мыслями.

– *Ее*?

— Да, самку. Ты был прав насчет маток.

— Муравьиха?

— Что-то вроде.

— Почему она не позволяет нам ее увидеть?

— Мне кажется, свет режет ей глаза.

— Все это дурно пахнет. Когда мы вернемся на корабль, мне понадобится полный отчет об этом иксе, так что давай-ка возвращаться побыстрее. Мне тут не нравится.

Он улыбнулся и пожал плечами; я проверил ампулу, но дозу он не превысил.

* * *

Позже я снова спросил у него:

— Они хотят знать, как грабить звездолеты?

— Нет. — Он откинулся на спинку мягкого кресла, выпуская дымные колечки. — Ее просто заинтересовало ассоциирующееся с этим удовольствие.

— И что ты ей сказал?

— Ничего. Я просто позволил ей заглянуть в мое сознание.

— Тогда что сказала она?

— Ничего; похоже, это ее удовлетворило.

— А откуда там ассоциации с удовольствием?

Он едва заметно улыбнулся.

— Мне нравится воровать. Особенно когда это сходит мне с рук.

— К сожалению, — сказал я, — это говорит мне больше о тебе, чем о муравьях.

— Ты задал мне вопрос. Я на него ответил.

— А что было потом?

— Ничего. Вы зажгли свет.

— Невелик результат.

– *Я* свет не зажигал.

— Ладно, — прорычал я. — А почему Браун не мог вести запись?

— Мы пользовались чем-то вроде ментальной скорописи.

— Где ты ей научился?

— Я просто начал сегодня общаться с ее помощью. Они — прирожденные паралингвы.

— Что уже само по себе большая ценность. Это нужно будет исследовать вдобавок к Омни.

— Согласен. Только свет в следующий раз не включайте.

— Хорошо, мистер. Но никаких больше профессиональных советов из области космического

пиратства.

— Никаких, — пообещал он.

* * *

И вот мы вернулись в подземные города Мясника, ведомые поясными сонарами и пятиваттными фонарями-пуговицами, чтобы изучить сознания муравьев.

Браун до сих пор не мог ничего записать; под гипнозом он вспоминал только ощущения от передачи, но ничего больше. В плане отчетов нам приходилось полагаться на Скарла, и полторы недели спустя я больше не был уверен, что мы их получаем.

— Скарл, ты ни о чем не умалчиваешь в своих отчетах?

— Нет.

— Ты не против подтвердить это под лекарствами?

— Ты называешь меня лжецом?

— Возможно.

— Ладно, вколи мне что-нибудь, — рассмеялся он.

И тогда мне в голову пришла мысль (возможно, это он ее переслал, когда засмеялся), что наркотики ничего не докажут. За время обучения Скарл

выработал сопротивляемость к большинству гипнотиков; они просто заставляли его мозг переключаться в другой режим.

— Забудь, — сказал я.

— Уже, — согласился он.

Мы очень нуждались во втором паралингве, чтобы проверить работу того паралингва, который у нас уже был.

Отчеты Скарла рисовали картину гигантского муравейника, управляемого классической монолитной властью. Его структура включала рабочих низшего, среднего и высшего классов, солдат, самцов и маток. Это была аграрная культура, не создавшая ни единого орудия труда и вместо них полагавшаяся в работе на классы физически специализированных особей. Она основывалась на концепции матриархата, пронизывавшей местную религию, подобно (как мне кажется) древнеегипетским представлениям о божественном происхождении фараонов.

* * *

Я разлил содержимое маленького кофейника по крошечным чашечкам, жестом велел официанту принести нам еще один и взглянул поверх утопленных садов Луны на мшистый шар, ще-

голявший Америками над огромным куполом: Европа ускользала прочь, Андалусия пробуждала дремавшие во мне воспоминания, а Залив начинал капать солью мне на раны, Лиза.

Кстати, к тому времени, как ты получишь это послание, я буду уже не здесь, а там — и угадай, куда я направлюсь?

— В обе стороны? — переспросил Хейл, и Эйфелеву башню окружило озадаченное выражение.

Я повернулся к нему и кивнул.

— Да, я заподозрил это после того, как мне стало казаться, что я раз за разом читаю один и тот же отчет Скарла. Я спросил себя, что он может скрывать или ради чего тянуть время. А потом я решил, что, возможно, это делает *не он*.

— Поэтому ты и захотел сам провести икс?

— Именно, — признал я. — И для этого позаимствовал аптечку паралингва из твоей каюты.

— Так вот почему нашу партию в пинокль прервали жалобы на боль в животе.

— Да, я заплатил радисту, чтобы он приболел.

— Безнадзорный икс, проводящийся не паралингвом, всегда опасен.

— Я слышал, но для этого в штате и держат такую кучу бывших гвардейцев — чтобы подтирать лужицы неприятностей, пока кто-нибудь в них

не вступил.

— Или превращать их в озера, — задумчиво проговорил он. — Так что насчет Скарла? Что там все-таки случилось?

— Как сказано в отчете, он слетел с катушек и попытался нас всех убить. Мне пришлось застрелить его в порядке самообороны.

— Ты помнишь, как сделал это?

— Смутно… Тем не менее в отчете говорится именно так.

Он окружил меня.

— Ты был в его сознании. — Каждое слово весило столько же, сколько и предыдущее.

— Да, это тоже есть в отчете.

— И ты был с ним в тот момент, когда он потерял контроль над собой.

— Верно.

— А убив его, ты поначалу считал, что ты и есть Скарл.

— Это тоже верно. В отчете говорится, что это была невротическая идентификация, вызванная крайней сосредоточенностью в момент возникновения травмы.

— Знаю; это я его писал. Но я редко бываю доволен, всего лишь налепив ярлык, а я сделал именно это. Прошло уже больше двух месяцев,

и мы, возможно, не увидимся еще долго. Я хотел бы уточнить свой диагноз, прежде чем мы попрощаемся.

— Ну ладно, мы оба в том состоянии, когда я могу рассказать тебе, что случилось на самом деле, а потом сказать, что был пьян, если ты меня еще хоть раз об этом спросишь.

* * *

И я рассказал ему. Помнишь морской круиз, в который мы отправились пару лет назад, на Янсене, и островок, к которому мы пристали — тот, где ты уговорила меня поиграть в лимбо с ребятишками? Я из кожи вон лез, лишь бы тебе угодить, и в процессе плюхнулся на задницу — зато это запомнилось сильнее, чем если бы мне все удалось. Я знаю, что Хейл не поверил всему, что я рассказал, — я слышал, как скрежещут шестеренки у него в голове — но он был впечатлен. Сильнее, чем я ожидал.

Я рассказал ему, как в тот день сопровождал Скарла обратно в земли под землей, вышагивая под мономаниакальную маршевую мелодию Гвардии, созданную, чтобы гарантировать ментальную защищенность. Сам я провалил обучение Круга на втором месяце, потому что

склонен был путать концепции. Уверен, ты не знала даже, что я пытался в него войти (должно быть, меня привлекло туда имя), и я видел, как Хейл припоминает мое досье и хватается за него как за объяснение моей истории — объяснение того, что на самом деле спасло мне жизнь. Он ошибался, но это не имело значения. Он все равно поверил большей части моего рассказа.

Почти каждый может достичь определенного процента икса при оптимальных условиях; у меня это выходит всегда, и процент получается выше среднего. На этот раз его хватило.

Свечение наших пуговиц далеко не доставало, а значит, Опрашиваемая(?), как всегда, оставалась частью темноты. Словно окутанная тенью Медуза, она высилась перед нами, и мы чувствовали ее присутствие и ощущали ее переговоры со Скарлом. Голоса ветров и трав, звуки подвалов и стон высоких проводов, и монотонные комментарии ракушек гудели на самой грани слышимости и порой складывались в разрозненные мультислова, лишенные настоящего контекста. Незваное и неопределимое ощущение, что я здесь лишний, охватило меня, пока я готовил укол.

«…Не брать… les nourritures(?)… к сожалению… и воруют, цыгане(?)… идти… все сущее, — пау-

за, — corpus meum… почему? Грабитель со звезд… быть может…»

И у меня закружилась голова, и я оказался внутри, и никто этого не заметил, и ночь была прохладна.

Я стоял, ощущая себя фотонегативом Скарла. Объекты проливались дождем на субъекты, изобилие стимулов обрушивалось водопадом на мой разум, но я поддерживал в нем тишину. Быть может, интенсивность общения заставила их забыть о моем присутствии. Я проскользнул в сознание Скарла и прочел в нем зачарованность невозможным.

Что бы ни находилось в этом тоннеле, в восприятии Скарла / моем восприятии оно не было гигантским муравьем. Мы беседовали с прекрасной юной дамой с золотыми косами, которая напомнила мне тебя, Лиза, и явно была нами заинтересована. Мы были связаны с множеством криминальных концепций, о которых общество тоннелей узнало лишь недавно и с которыми оно никогда не сталкивалось настолько близко. Она была влюблена в Скарла/меня/нас, и печаль ее была велика.

— Я не могу сделать с тобой, — говорила она, — то, что сделала с другими; а ведь ты угрожаешь

нам больше, чем любой из них. Если Земля одержит здесь верх, как на Малмсоне, Барете и других планетах, которые ты посещал, мы будем обречены так же, как и они. Однако ты жил по их воровским принципам, и я не могу тебя за это ненавидеть. Давай же поговорим о другом, и отложим наш финальный конфликт. Расскажи мне еще раз о своих пиратских днях…

Ту часть Скарла, которая была мной, неожиданно пробрала выдавшая ее дрожь, но не в этот момент. Это случилось мгновением позже, когда нервная рефлексия открыла мне, что мы/я(?) отвечали этому существу взаимностью. А потом все закружилось в сюрреалистическом калейдоскопе, который я наблюдал большим количеством глаз, чем могу сосчитать.

Перстень работает в обе стороны. Или перстни. Тот, что носила она, был сильнее. А наш был игрушкой из коробки со сладостями.

Коммуникация была случайным побочным свойством Соломонова перстня, помнишь? А главной его функцией было управление зловредными сущностями, подчинение их действий воле носителя, выжигание его приказов на их воле горячим клеймом…

Она захватила сознание Скарла (мое/наше),

подкрепив атаку ураганом смешанных эмоций.

— Убей их всех! — прозвучал приказ.

Должно быть, Браун первым ощутил, что происходит, потому что он включил фонарь.

И мы увидели ее, отпрянувшую от света — огромную горгулью с радужными крыльями, с антеннами, подобными черным водорослям на гребне озаренной молниями океанской волны.

Вне всякого сомнения, это нас и спасло. Несмотря на приказ, мы со Скарлом не могли двинуться с места, потрясенные увиденным — правдой, скрывавшейся за твоим символическим образом, пока свет не изгнал музыку из наших сознаний, а следом за вспышкой вновь не прогремел, точно рассказ грома, приказ:

— Убей их!

В это мгновение мы и сошли с ума. Я увидел Скарла своими глазами и сквозь храмовый витраж *ее* глаз, и себя сквозь то же самое цветное стекло и глазами Скарла, и я/мы увидели ее и подчинились приказу.

Раздались выстрелы, и я обрушился в трубу титанического органа, вибрирующую в такт чему-то, что я мог бы опознать, если бы у меня было время прислушаться.

Приказ сработал по-разному. Хотя наши со

Скарлом сознания были слиты, приказ «Убей их!» повлиял на две отдельные нервные системы, и я опередил его. Вот и все, хоть я и не помню, как это сделал.

Я потерял сознание от психического истощения прежде, чем успел убить кого-нибудь еще; а может быть, ей помешал свет или внезапная гибель Скарла. Она потеряла контроль, сбежала; и наша команда тоже сбежала, и обе стороны унесли своих мертвецов.

* * *

В тот краткий миг, когда наше/и сознание/я затопило, здравый рассудок укрылся в ментальных окопах, вырытых Хейлом. Я прятался за стенами неврозов, обсуждая с Эдипом события, произошедшие давным-давно и очень далеко, на улицах Фенстера. Я попеременно впадал то в депрессию, то в восторг, когда мои отцы избивали меня или покупали мне сладости, и всегда был обижен, и всегда был Скарлом, и всегда хотел знать, что они думают, чтобы понять, как себя вести, и всегда хотел, чтобы они любили меня, хоть и ненавидел их, и всегда вспоминал маму, Лиза, и тринадцатую карту Старших Арканов — Мрачного Жнеца, Смерть — которой боялся больше всего на свете,

но которой вынужден был каждый день бросать вызов, чтобы быть взрослым и ни в ком не нуждаться, и он был навигатором «Стального угря», но я был капитаном.

Ушло больше месяца на то, чтобы я снова почувствовал себя собой, но иначе. Скарл, человек, которому нравилось воровать, когда это сходило ему с рук, был бы доволен своей последней кражей. Он украл кусок моей личности и, уходя, оставил мне кусок своей. Он забрал с собой часть моей верности политике Круга и оставил мне асоциальную расчетливость, которую я счел добродетелью.

Я/мы думаем, что матка была права, что я/мы были правы после Малмсона и что Храм покоится на фундаменте сомнительных принципов, а стены его возводятся невообразимо высокой ценой — ценой сохранности культур тысяч инопланетных видов. И поэтому я решил взбунтоваться. Перенос дал мне средства для этого. Я теперь и сам паралингв, и встреча с твоей копией на планете, прозванной Мясником, подарила мне *полный* спектр возможностей перстня. Я тоже могу побуждать к действию, менять мысли, требовать поклонения.

* * *

Хейл спросил у меня:

— Ты все еще чувствуешь себя Скарлом?

А я ответил:

— Я и есть Билли Скарл.

А потом я сказал:

— Вполне возможно, что он оставил отпечаток… — и одновременно с этим те же самые слова слетели с губ Хейла.

Глаза Макиавелли — точно черные кружочки, нарисованные на кубиках льда — заглянули в мои глаза в поисках объяснения.

— Я — Билли Скарл, — повторил я, — и при этом остаюсь собой. Он таится на дне моего сознания и потешается над фасадом моральности, которым Круг маскирует земное пиратство. А еще он говорит, что его едва не казнили за подобные деяния в куда меньших масштабах.

— Мне плевать на политику и принципы, — сказал Хейл, — но ты — психиатрический уникум. Такие открытия… случаются раз в жизни… — парапсихический перенос личностных черт *и способностей*! Мы напишем научную работу!

— Мы съедим ужин, — сказал я.

— Но мы уже поели…

— В более слабом лунном притяжении два ужина укладываются в желудке так же свободно, как и один, а мы — крупные мужчины, способные переварить многое, не так ли?

— Что ты хочешь этим сказать?

— У царя Соломона был перстень, — сообщил я ему, — и коммуникация была не единственным его предназначением. С его помощью можно было подчинить себе любого демона, и я, Билли Скарл, ношу его на своем разуме, будто эмоциональный пояс верности. Ты на стороне демонов, Хейл. Но не все демоны зловредны, и многих можно приспособить к строительству истинного Храма. Я вербую тебя, чтобы ты распространял догмы Множества Обителей и населял эти обители представителями межзвездного братства. Я украду твою философию, точно сорока, и заменю ее другой.

Печать Соломона обратилась раскаленным скальпелем в моем сознании, и чуть погодя я спросил: «Чем будем ужинать?», а он ответил: «Как насчет стейков?»

* * *

На этом, Лиза, и заканчивается история ужина/ужинов, которые я съел прошлым вечером (мне

кажется, что это было прошлым вечером; я пока еще не подладился под земное время). Я оставил доктора Хейла уверенным в моем полном излечении от невроза Скарла и сел на ближайший шаттл до Земли. Земля заполняет иллюминатор, пока я пишу эти строки, дорогая моя, точно так же, как мой разум заполняют двойные воспоминания о тебе. Я думаю, что Скарл любил тебя, в той степени, в которой вообще был способен что-либо любить, и точно знаю, что сам всегда был в тебя влюблен. Через несколько часов я узнаю, кому из нас ты отвечала (если отвечала) взаимностью, — когда мы будем разговаривать о прошлом бессловесными пентаграммами нашей профессии. Я хочу предложить тебе присоединиться к моему крестовому походу — и я имею в виду «предложить», а не «заставить». Думаю, у меня впереди почти век продуктивного времени. С твоей квалифицированной помощью я смогу употребить это время на то, чтобы изменить взгляды тех людей, что являются разумом Земли и душой ее политики. Если ты откажешься, это будет стоить тебе всего лишь часа воспоминаний. Ты была такой замечательной вербовщицей, а в словах Хейла о харизме что-то есть.

Если я буду действовать в одиночку, возможно,

я скоро потерплю неудачу — но в любом случае я *буду* действовать — и я подготовил это длинное предложение и приглашение (которое отправлю сразу по приземлении) для того, чтобы уведомить тебя об обстоятельствах, которые меня сюда привели, а также о моих чувствах к тебе. Скорее всего, я переоцениваю то время, что мне будет отпущено; однако у короткой и блистательной жизни, посвященной продаже снега на Меркурии, есть свои привлекательные стороны. Мне кажется, что и тебя зачаровывает невозможное. (А помнишь ли ты, что случилось с Троей?)

Поэтому вскоре я справлюсь о сроках доставки физической почты и подстрою под них свои перемещения. К тому времени, как ты дочитаешь до этого места, я буду всего в нескольких секундах от тебя.

Пожалуйста, подумай о будущем, и, пожалуйста, устрашись его. Через несколько мгновений ты тоже познакомишься с Мясником. Он, должно быть, уже снаружи, и у него есть для тебя перстень.

Открой же дверь и впусти его.

Люблю, целую,

Соломон/Скарл

Примечания

«Печатью Соломона» назывался магический перстень, даровавший царю Соломону власть над демонами или способность общаться с животными на их языке; в этом легенды расходятся. В некоторых версиях Печать выглядит как звезда Давида, замкнутая в круг.

Свенгали — персонаж романа Джорджа Дюморье «Трильби», музыкант, который учит Трильби петь и контролирует ее выступления на сцене посредством гипноза; в переносном значении — человек, управляющий другими людьми, особенно с помощью гипнотического воздействия. **Никколо ди Бернардо Макиавелли** — итальянский политический деятель и философ, утверждавший, что для завоевания и эффективного использования власти могут быть необходимы неэтичные средства. Полная колода карт Таро включает 22 карты **Старших Арканов** вдобавок к 56 картам (нефигурным и фигурным) Младших Арканов. Тринадцатая карта изображает Мрачного Жнеца в виде скелета на коне, либо пешего скелета с косой и в плаще. **Лилит** — демоница, убивающая новорожденных; в Талмуде так зовут первую жену Адама, созданную прежде Евы.

«Мозель» — полусухое вино, производящееся в долине реки Мозель. **«Либфраумильх»** — белое вино из долины Рейна; название происходит от слов liebfrau («возлюбленная»; имеется в виду Дева Мария) и milch — «молоко».

Паралингвистика — изучение параязыка, сознательных или бессознательных невербальных элементов речи, в число которых входят высота голоса, громкость и интонации; в рассказе термин «паралингвист» означает человека, который почти инстинктивно понимает невербальную коммуникацию. **Ноам Хомский** — лингвист-теоретик, выдвинувший теорию, что способность говорить на языке является врожденной, а не приобретенной, и что в основе всех языков лежит единая грамматическая база. **Марди Гра** — праздник, который отмечается в жирный вторник (последний день перед началом католического Великого поста) и сопровождается гуляниями, парадами и маскарадами. **Киви** — большие нелетающие птицы, эндемики Новой Зеландии. **«Мэкки-Нож»** — широко известная песня, написанная Куртом Вайлем для «Трехгрошовой оперы». **Энтомолог** — ученый, изучающий насекомых. **Архетип** — многократно повторяющийся прообраз.

Харизма — духовная сила или качество личности, позволяющее человеку оказывать влияние на большое количество людей. **Андалусия** — южная область Испании. Горгона **Медуза** — чудовище из древнегреческой мифологии, взглядом обращавшее людей в камень. **Les nourritures** означает «пища» или «пропитание». **Эдип** — персонаж древнегреческой мифологии; брошенный родителями в младенчестве, убил своего отца и женился на своей матери, не зная, кто они, а узнав, выколол себе глаза. Слова **«А помнишь ли ты, что случилось с Троей?»** отсылают к десятилетней осаде города греками во время Троянской войны; город был взят обманом после того, как греки подарили ему огромного деревянного коня, в котором скрывались их вооруженные воины.

Ответ чернокожего мальчика Уильяму Батлеру Йейтсу

Написано в 1955–1960 годах для «Резца в небе»; ранее не публиковалось

Я Черный Масса вобще не видать.
На ево вобще я плевать.
Но если я пить одна пинта еще
я думать такой я и стать.

Примечания

Судя по всему, это реакция на стихотворение Йейтса «Мохини Чаттерджи», в котором человек хвастает тем, что был царем, рабом, подлецом и кем угодно еще.

Примечание переводчика

У Йейтса брамин советует поэту вместо молитвы говорить себе: «Я был царем,//я был рабом,// глупцом, негодяем, подлецом,//нет никого, кем я не был…» Речь о цепочке перерождений, как

ее понимают в индуизме, буддизме и теософии. **Мохини Чаттерджи** (1858–1936) — бенгальский теософ, соратник Елены Блаватской, оказавший большое влияние на Йейтса.

Белая ворона

Amazing, октябрь 1963 г.

Джексон непокорно воззрился на генерала.

— Я *не буду* стоять по стойке смирно, а вы можете катиться к черту!

Генерал насупил брови.

— Да что это с вами?

— Хочу скинуть эту полковничью шкуру.

— Я еще на прошлой неделе сказал вам, что одобрю ваш перевод.

— Я не это имею в виду.

— А что же?

— Я — не полковник Джексон, а вы — не генерал Пэйн. Это место существует только у меня в голове, и я хочу навести в ней порядок.

Генерал вздохнул.

— Ну ладно, Джексон, это ваша привилегия. Что на этот раз? Флот?

— Я хочу распрощаться с армией… хочу быть гражданским, заниматься чем-нибудь приятным.

— Чем конкретно?

* * *

Доктор Джексон сорвал с себя резиновые перчатки и швырнул их в угол. Мисс Мэйор, потрясающая даже в накрахмаленной униформе, подошла к нему сзади и обняла его грудь великолепными руками. Она прижалась щекой к его шее.

— Ты теперь знаменитость, Джек. Сорок четыре операции на мозге за месяц… и все тонкие и сложные… и все — успешные! Вот это послужной список…

— Я знаю! Я знаю!

— Что такое, Джеки? Я в чем-то провинилась?

— Нет!

— Тогда почему ты кричишь? О, я должна была сообразить — ты устал, ты напряжен. После такой операции кто угодно…

— Я *не устал*!

— Но ты *не мог* не устать!

— Как я могу устать, если я ничего не сделал?

— Я тебя не понимаю…

— Да хрен там ты не понимаешь!

— Мне не нравится, когда Джеки говорит плохие слова.

— Тогда ступай вон в тот угол и обернись

столом, — указал он, — с вазой хризантем посередине.

— Ты о чем?

Она обошла его и заглянула ему в глаза. Более прекрасной, более желанной женщины было не сыскать на всем свете.

— Что с тобой творится? — спросила она.

Он закусил губу.

— С вазой хризантем, — повторил он.

— Ты уверен? — вздохнула она.

Он кивнул.

* * *

Ракета снижалась к радужной пустыне, точно цветок на красном стебле, возвращающийся обратно в семя. Вскоре стебель исчез, и стальная капсула опустилась на Равнину Джексона. Профессор Джексон ступил на почву Планеты Джексона и вдохнул дымно-голубой, по-ноябрьски холодный воздух. Он взглянул на прибор, который сжимал в руке, а потом проговорил в висевший у горла микрофон:

— Все в порядке. Можете выходить.

Три его спутника, загорелые, несмотря на долгое путешествие, поджарые, высокие и улыбчивые, вышли из люка и огляделись, одновременно

бесшабашные и компетентные.

— Ей-богу, док, вы были правы! Она *действительно* пригодна для жизни!

— Конечно, пригодна. Джексон никогда не ошибается.

Джексон отсутствующе кивнул и сориентировался по фотокарте.

— Руины там, — указал он.

Остальные пошли рядом с ним.

Что-то грызло его разум, зудело в глубине черепа.

Прошло около получаса. Они остановились у ряда островерхих монолитов.

— Ох и странное местечко, — протянул Мейсон с выговором уроженца Теннесси.

Сверху донесся рыдающий вопль, и Мейсон рухнул, плюясь кровью. Брошенное с невероятной силой копье прошило его насквозь. Джексон припал к земле.

Томпсон закричал, а потом влажно кашлянул.

Сжимая в руке бластер, Джексон взглянул на Вулфа.

— Ты видел, кто это сделал?

— Да, — прошептал тот. — Но лучше бы не видел. Такой кошмар — это множество рук, эта зеленая кожа, эти жучиные глаза…

Томпсон испустил последний вздох.

Еще один вопль банши, на этот раз ближе. Джексон, извиваясь, отполз правее и затаился.

Еле слышный звон — металл целует камень…

Он вскочил на ноги и выпустил на волю пламенный сгусток.

Тварь повалилась, истекая слюной. Зеленоватый ихор изливался из огромной дыры, проделанной в ней бластером.

…И что-то зудело в глубине его черепа.

— Док, их тут много!

Он услышал треск бластера Вулфа, шипение жарящейся плоти. Две твари упали.

Еще четыре скользили по склону, направляясь к нему.

Он развернулся и застрелил Вулфа. Потом отбросил бластер себе за спину.

— Ну давайте! — крикнул он. — Посмотрим, как вы выкрутитесь из этого положения.

Инопланетяне уже почти набросились на него, когда из-за камня взметнулась огромная шипящая тень и зазмеилась в их сторону. Они остановились, коротко вскрикнули, а потом развернулись и ретировались на вершину холма.

Он последовал за ними.

— Неплохо, — сообщил он гигантской змее. —

Приемлемо, по крайней мере.

Она опустилась, оказавшись почти вровень с его головой, и уставилась на него.

— Я устал верить в невероятное, — сообщил он ей.

Змея как будто вздохнула.

— Мне интересно, могли ли они меня убить, — сказал Джексон.

— Физиологически это возможно, — ответила змея, — но запрещено. Чем ты недоволен?

— Разве вы не можете просто меня разбудить?

— Нет.

— Почему? Я хотел бы узнать, как я здесь очутился.

— Таких воспоминаний не существует. Ты никогда не узнаешь. Иначе было нельзя.

— И я буду видеть сны вечно?

— До конца жизни.

— Дело в перенаселении?.. Другие планеты непригодны для жизни, межзвездные перелеты невозможны, и людей в стеклянных гробах укладывают штабелями, как поленья?

— Я не могу сказать.

— А ты — машина, которая говорит со мной через электрод в черепе, кормит меня, программирует для меня виртуальное исполнение

желаний?

— Если тебе нравится так считать.

— Не нравится. Я в коме? Я попал в аварию? Это какая-то разновидность терапии?

— Называй это как хочешь.

— Когда я проснусь?

— Ты не спишь.

— Ты не можешь говорить иначе. Для чего бы ты ни предназначалась, машина, тебя так запрограммировали.

— Тогда зачем ты спрашиваешь?

Он огляделся в поисках бластера. Тот исчез.

Неожиданно он очутился у Джексона в руке.

— Если хочешь убить змею — приступай.

Он быстро приставил бластер к своей голове. Тот исчез.

— Это запрещено.

Он уронил руки.

— Может, это ад?

— Если пожелаешь.

— Неужели мне *нельзя* проснуться?

— Ты уверен, что хочешь этого? Исключения *возможны*.

— Я хочу попробовать.

— Да будет так.

* * *

Над ним откинулась прозрачная крышка капсулы. Его мышцы превратились в спагетти, в горле пересохло, а левая рука была утыкана иголками, как дикобраз. Ему далеко не сразу удалось извлечь их блестящие острия. Ранки мешали руке сгибаться. Он потянулся правой рукой к затылку. И нащупал электрод, приклеенный к обритому черепу.

Когда он попытался его снять, в голове у него зазвучал голос:

— Если реальность тебя разочарует, возвращайся сюда — верни на место иглы, верни электрод.

— Вот уж нет, — пробормотал он, отрывая электрод.

Он с трудом поднялся на ноги и отправился на поиски хоть кого-нибудь.

* * *

Это был единственный способ решить проблему перенаселения, объяснил Маннерунг. Усыпить всех, попеременно пробуждать важных ученых, чтобы они работали над проблемой межзвездных перелетов, держать минимальный

штат для обслуживания Регулятора. Пусть пятьдесят миллиардов спящих видят сны под стеклом — там им куда лучше, чем было бы наяву.

— Нужно быть особенным человеком, — сказал ему доктор, — чтобы предпочесть обыденное невероятному, а рутину — исполнению желаний. Разумеется, для таких людей возможны исключения. Если недовольство спящего окажется достаточно сильным, Регулятор позволит ему проснуться. У нас всегда найдется для него работа. Машины постоянно нуждаются в мелком обслуживании. Если это то, чего вы хотите, вы приняты. Можете начать с замены трубок вот в этой самой подсекции.

Он вручил Джексону чертеж.

— Вот схема. Они все пронумерованы. Те, что обведены красным, нужно заменить. Когда закончите с ними, займитесь уборкой вон того склада. — Он указал пальцем. — Там бардак. Уверены, что хотите именно этого?

— Да, — ответил Джексон, — та жизнь была… ну, паразитической. Она была слишком хороша и слишком бесполезна.

— Ну что ж, тогда приступайте к делу.

Счастливо напевая, он отправился за трубками.

Разобравшись наконец, что было нужно Джексону, тот, кто назвался Маннерунгом, не стал вздыхать.

Примечания

Банши — ирландский дух в облике женщины, предрекающий своими криками приближение смерти.

Весна священная

Написано в 1955–1960 годах для «Резца в небе»; ранее не публиковалось

Пульс и дурдом Колтрейновского сакса —
акцент на ярости,
иссекновенье жалости,
вбивание в отчаянье желанья, —
обозначает драгоценный след,
искомую величину тщеты.

Плач, бормотание глушимых голосов,
что по магнитным линиям текут летучей силы,
нет, не выбьют хюбрис
из потускневшей кузницы сердечной:
ни описания, ни выраженных мнений.

Неаристотелево диминуэндо,
однако же отводит чувство
по идиотским проводам и трубам

и отобьет последний саван:
одышка, вздох, былое придыханье
сквозь ноздри незнакомца в этом сне.

Примечания

Колтрейновский сакс отсылает к джазовому музыканту Джону Колтрейну, который играл на тенор- и сопрано-саксофоне, сочинял музыку и исполнял ее со своей группой. **Хюбрис** — вариант слова «гибрис», означающего гордыню или высокомерие. **Диминуэндо** или декрещендо — постепенное уменьшение силы звука музыкальной фразы. **Аристотель** — древнегреческий философ и ученый, изначально — ученик Платона, положил начало таксономической системе классификации животных.

Примечание переводчика

Название стихотворения отсылает к одноименному балету композитора Игоря Стравинского.

Великие неспешные короли

Рабочее название: «Зиндром Отрицательноскоростной».*Worlds of Tomorrow*, декабрь 1963 г.

Дракс и Дран сидели в великом Тронном зале Глана, беседуя о жизни. Они стали монархами благодаря своим выдающимся интеллектуальным и физическим способностям — а также тому, что были последними выжившими представителями населявшего Глан вида, — и делили между собой власть над планетой и единственным своим подданным — Зиндромом, дворцовым роботом.

Последние четыре столетия (их вид был весьма медлительным) Дракс размышлял о возможности существования жизни на других планетах галактики.

— Дран, — в конце концов сказал он, обращаясь к своему соправителю (понемногу уже начавшему интересоваться, о чем он там думает), — Дран, мне в голову пришла мысль. На других планетах галактики может быть жизнь.

Дран задумался над ответом, а между тем их планета несколько раз облетела вокруг своего светила.

— Это правда, — согласился он наконец. — Может.

Несколько месяцев спустя Дракс выпалил:

— Мы должны выяснить, так ли это.

— Зачем? — столь же стремительно отреагировал Дран, заставив Дракса заподозрить, что он тоже уже размышлял на эту тему.

Поэтому Дракс тщательно взвесил свое следующее высказывание, испытав сперва каждое слово в бронированной реторте своего рептильного черепа.

— Наше королевство в последнее время страдает недонаселенностью, — заметил он. — Было бы приятно вновь иметь множество подданных.

Дран взглянул на него искоса, потом медленно повернул голову. Он закрыл один глаз, а второй прикрыл, изучая своего соправителя, внешний вид которого, как он и подозревал, не переменился с тех пор, как Дран смотрел на него в последний раз.

— И это тоже правда, — признал он. — Что же вы предлагаете сделать?

На этот раз повернулся Дракс и заглянул ему

прямо в глаза, оценивая по новой.

— Я считаю, что мы должны выяснить, есть ли жизнь на других планетах галактики.

— Хм-м.

Два быстрых годовых цикла пролетели незамеченными, а потом Дран сказал:

— Позвольте мне подумать, — и отвернулся.

Выждав показавшийся ему вежливым отрезок времени, Дракс кашлянул.

— Хватило ли вам времени на раздумья?

— Нет.

Дракс попытался сосредоточить взгляд на почти неуловимой полоске синеватого света, которая пересекала Зал, и пересекала снова, и снова, пока он ждал.

— Зиндром! — наконец позвал он.

* * *

Робот замедлил свои движения до неподвижности статуи, чтобы подстроиться под своего господина. В правом манипуляторе он сжимал метелку из перьев.

— Вы звали, великий Владыка Глана?

— Да, Зиндром, достойный подданный. Те старые космические корабли, что мы построили в более счастливые дни, но так и не использовали…

Функционируют ли еще хоть какие-то из них?

— Я проверю, великий Владыка.

Его поза едва заметно переменилась.

— У нас триста восемьдесят два корабля, — сообщил он, — четыре из которых находятся в рабочем состоянии, великий Владыка. Я проверил все управляющие схемы.

— Дракс, — предостерег Дран, — вы в который раз позволяете себе самоуправство. Вы должны были посоветоваться со мной, прежде чем отдавать этот приказ.

— Приношу свои извинения, — ответил его соправитель. — Я просто хотел ускорить дело на случай, если вы согласитесь организовать экспедицию.

— Вы верно предугадали мое решение, — кивнул Дран, — но ваше рвение как будто выдает потаенные цели.

— Моя единственная цель — благо государства, — улыбнулся Дракс.

— Возможно, но, когда вы в прошлый раз завели речь о «благе государства», результатом стали гражданские волнения, стоившие нам второго робота.

— Я усвоил этот урок, и он пошел мне на пользу. В будущем я стану проявлять бо`льшую дально-

видность.

— Надеюсь. Итак, вернемся к экспедиции — какую часть галактики вы намереваетесь исследовать в первую очередь?

Повисла напряженная пауза.

— Я полагал, — пробормотал Дракс, — что в экспедицию отправитесь вы. Будучи более зрелым монархом, вы сможете принимать более взвешенные решения относительно того, заслуживает ли тот или иной биологический вид нашего просветленного правления.

— Да, но вы юны, а значит, более активны, чем я. Если в экспедицию отправитесь вы, она окажется более быстрой. — Он сделал ударение на слове «быстрой».

— Мы можем полететь оба, в отдельных кораблях, — предложил Дракс. — Тогда все пройдет по-настоящему быстро…

Их горячий спор был прерван металлическим эквивалентом кашля.

— Владыки, — подал голос Зиндром, — ввиду того, что период полураспада радиоактивных веществ так мимолетен, я с сожалением вынужден сообщить, что в рабочем состоянии остался лишь один корабль.

— Это решает дело, Дран. Полетите *вы*. Чтобы

управиться с маломощным кораблем, нужен более верный *рранд*.

— И оставить вас разжигать гражданское неповиновение и узурпировать власть, на которую вы не имеете права? Нет, полетите вы!

— Полагаю, мы можем полететь *вместе*, — вздохнул Дракс.

— Прекрасно! И оставить королевство без правителей! Вот *такие* бестолковые решения и привели к нашему нынешнему политическому конфузу.

— Владыки, — сказал Зиндром, — если не полетит *хоть кто-нибудь*, корабль скоро придет в негодность.

Они оба воззрились на своего прислужника, испытывая на прочность стремительную цепочку умозаключений, выкованную его простым заявлением.

— Очень хорошо, — одновременно улыбнулись они, — полетишь *ты*.

Зиндром весьма угодливо поклонился и покинул великий Тронный зал Глана.

— Быть может, нам стоит приказать Зиндрому изготовить свои копии, — задумчиво проговорил Дран. — Если бы у нас было больше подданных, мы смогли бы добиться большего.

— Разве вы забыли о нашем недавнем соглашении? — спросил Дракс. — В прошлый раз переизбыток роботов спровоцировал возникновение фракционерства — и кое-кто сделался чересчур амбициозен… — Для пущей выразительности он растянул последнее слово на несколько лет.

— Мне кажется, что в вашем последнем намеке содержалось скрытое обвинение, — осторожно начал Дран. — Если это и правда так, позвольте мне предостеречь вас от опрометчивости — и напомнить вам, кто именно составил Пакт о мононоботном нейтралитете.

— Вы полагаете, что если у нас появятся многочисленные органические подданные, все будет иначе? — спросил его соправитель.

— Безусловно, — ответил Дран. — В мышлении органических существ есть некий элемент иррациональности, из-за которого они менее склонны подчиняться прямым приказам, чем машины. Наши роботы, по крайней мере, были верны, когда мы приказали им уничтожать друг друга. Безответственные органические подданные либо делают это без приказа, что является неучтивым, либо отказываются это делать вопреки приказу, что является ослушанием.

— Вы правы, — улыбнулся Дракс и решил блес-

нуть афоризмом, который сберегал тысячелетиями как раз для такого момента. — Единственное, что можно с полной уверенностью сказать об органической жизни, — это то, что о ней ничего нельзя сказать с полной уверенностью.

— Хм-м. — Дран сузил глаза так, что они стали похожи на щелочки. — Позвольте мне немного поразмыслить над этой фразой. От нее, как и от многих ваших изречений, попахивает скрытой софистикой.

— Это не так, уверяю вас. Это плод долгих размышлений.

— Хм-м.

* * *

Размышления Драна прервало прибытие Зиндрома, который держал под мышками два размытых коричневатых пятна.

— Уже вернулся, Зиндром? Что это у тебя? Замедли их, чтобы мы смогли их разглядеть.

— Они усыплены, великие Повелители. Неприятная вибрация, раздражающая ваши сетчатки, вызвана движением их тел при дыхании. Если мы подвергнем их еще более сильному наркозу, он может оказаться смертелен.

— Тем не менее, — настаивал Дран, — нам

необходимо внимательно оценить наших новых подданных, а для этого мы должны их увидеть. Замедли их сильнее.

— Вы отдали этот приказ без… — начал Дракс, но его отвлекло внезапное появление двоих волосатых двуногих.

— Теплокровные? — спросил он.

— Да, Владыка.

— Это признак очень краткого срока жизни.

— Вы правы, — подтвердил Дран, — но подобные существа очень быстро размножаются.

— Как правило, это действительно так, — кивнул Дракс. — Скажи мне, Зиндром, эти двое относятся к необходимым для размножения полам?

— Да, Повелитель. У этих приматов два пола, и я захватил по одному представителю каждого.

— Очень мудро с твоей стороны. Где ты их нашел?

— В нескольких миллиардах световых лет отсюда.

— Выпусти этих двоих наружу и добудь нам еще.

Существа исчезли. Зиндром как будто и не сдвинулся с места.

— У тебя есть необходимое топливо для повтор-

ной экспедиции?

— Да, мой Владыка. Недавно его количество увеличилось.

— Превосходно.

Робот удалился.

— Какую систему управления мы установим в этот раз? — спросил Дракс.

— Давайте обсудим преимущества каждой.

— Хорошая идея.

* * *

В середине их дискуссии вернулся Зиндром и встал, ожидая, когда его заметят.

— В чем дело, Зиндром? Ты что-то забыл?

— Нет, великие Владыки. Вернувшись на планету, на которой добыл образцы, я обнаружил, что этот вид успел развиться настолько, что открыл расщепление ядра, развязал атомную войну и самоуничтожился.

— Это было крайне бесцеремонно с их стороны… но, стоит добавить, типично для неуравновешенных теплокровных.

Зиндром продолжал топтаться на месте.

— Тебе есть еще о чем доложить?

— Да, великие Владыки. Те два экземпляра, которых я выпустил на свободу, размножились, и

теперь эти существа распространились по всему Глану.

— Нас должны были оповестить!

— Да, великие Владыки, но я отсутствовал и…

— Они сами должны были нам об этом сообщить.

— Повелители, боюсь, они не подозревают о вашем существовании.

— Как такое могло случиться? — спросил Дран.

— В настоящий момент мы погребены под несколькими тысячами слоев аллювиальных отложений. Геологические сдвиги…

— Тебе было приказано содержать в чистоте дворец и его окрестности, — прорычал Дран. — Ты что, снова бездельничал?

— Нет, великие Владыки! Все это произошло в мое отсутствие. Я немедленно приступлю к уборке.

— Сначала, — приказал Дракс, — расскажи нам, что еще посчитали необходимым сокрыть от нас наши подданные.

— Недавно, — доложил робот, — они научились ковать и закалять металл. Приземлившись, я заметил, что они изобрели множество изощренных инструментов режущего типа. К сожалению, они использовали их для того, чтобы резать друг

друга.

— Ты хочешь сказать, — проревел Дран, — что в королевстве смута?

— Э-э, да, мой Владыка.

— Я не потерплю недозволенного насилия среди моих подданных!

– *Наших* подданных, — поправил Дракс, многозначительно на него взглянув.

– *Наших* подданных, — уступил Дран. — Мы должны немедленно с этим разобраться.

— Согласен.

— Согласен.

— Я издам указ, запрещающий им участие в деятельности, ведущей к кровопролитию.

— Я полагаю, вы имеете в виду совместное повеление, — проговорил Дракс.

— Разумеется. Я не хотел вас оскорбить. Меня просто потрясла эта чрезвычайная ситуация. Мы должны составить официальную прокламацию. Пусть Зиндром принесет нам письменные принадлежности.

— Зиндром, принеси…

— Они у меня с собой, мои Владыки.

— Так, посмотрим. Как бы нам это сформулировать?..

— Быть может, мне прибраться во дворце, пока

ваши Величества…

— Нет! Никуда не уходи! Указ будет кратким и емким.

— Хм-м. «Настоящим повелеваем…»

— Не забудьте про наши титулы.

— Действительно. «Мы, нижеподписавшиеся правящие монархи Глана, настоящим повелеваем…»

Слабая пульсация гамма-лучей прошла не замеченной для двоих правителей.

Однако верный Зиндром понял, чем она вызвана, и безуспешно попытался привлечь внимание монархов. Но наконец сдался со стоическим жестом, типичным для подобных ему. Он ждал.

* * *

— Вот! — хором сказали они, помахивая документом. — Теперь можешь сказать нам все, что хотел сообщить, Зиндром. Но коротко, ты должен как можно скорее доставить этот указ.

— Уже слишком поздно, великие Владыки. Пока вы писали, эти существа также развили цивилизацию, отрыли ядерную энергию и погубили себя.

— Варварство!

— Теплокровная безответственность!

— Могу я теперь заняться уборкой, великие Владыки?

— Скоро, Зиндром, скоро. Но сначала я предлагаю занести эту прокламацию в Архив для дальнейшего использования в случае подобных ситуаций.

Дран кивнул.

— Согласен. Таков *наш* приказ.

Робот принял ветхую прокламацию и скрылся.

— Знаете, — задумчиво проговорил Дракс, — а ведь нас сейчас должно окружать большое количество радиоактивных веществ…

— Скорее всего.

— Их можно пустить на топливо для очередной экспедиции.

— Вероятно.

— На этот раз мы можем приказать Зиндрому доставить нам кого-нибудь с бо`льшим сроком жизни и более сдержанным характером — кого-нибудь, больше похожего на нас самих.

— Это будет по-своему опасно. Быть может, нам стоит отменить Пакт о мононоботном нейтралитете и приказать Зиндрому изготовить свои копии. Под строгим контролем.

— Это тоже будет по-своему опасно.

— В любом случае, я хотел бы как следует обду-

мать ваше предложение.

— А я — ваше.

— Хлопотный выдался день, — кивнул Дран. — Давайте отложим решение до завтра.

— Хорошая идея.

И храп двух ящеров донесся из великого Тронного зала Глана.

Слово Желязны

В старшей школе Желязны вместе со своим одноклассником и лучшим другом Карлом Йоуком написал серию рассказов под общим названием «Архив». Главными героями были Жляз и Ёк (от фамилий Желязны и Йоук), два безалаберных, но продувных монстра, которые жили в пещерах под Парижем, подолгу спали, в огромных количествах поглощали напиток, называвшийся зипеной, то и дело вляпывались в абсурдные ситуации и проваливали бо`льшую часть порученных им заданий. Также рассказы изобиловали игрой слов. Эти рассказы явно повлияли на «Великих неспешных королей», демонстрирующих

схожее чувство юмора [76], [77].

Примечания

Софистика — использование внешне правдоподобных, но по существу ложных аргументов или методов убеждения. **Аллювиальными отложениями** называют песок или другие породы, нанесенные потоками воды.

---

[76] Примечания: 76

«Роджер Желязны: первичная и вторичная библиография», 1980 г.

[77] Примечания: 77

«Роджер Желязны: Starmont Reader's Guide» (*Roger Zelazny: Starmont Reader's Guide*), Starmount House, 1979 г.

Страсть коллекционера

Рабочие названия — «Страсть патриарха» и «Мир, дибль и коллекция камней дядюшки Сидни». Также публиковался в виде графического рассказа (комикса) под названием «Коллекционер камней». Galaxy, июнь 1964 г.

— Как тебя сюда занесло, человек?

— Долгая история.

— Это хорошо, я люблю долгие истории. Присядь, расскажи мне. Нет… только не на меня!

— Прости. Это все из-за моего дядюшки, сказочно богатого…

— Постой. Что значит «богатого»?

— Ну, обеспеченного.

— А «обеспеченного»?

— Хм. Это значит, что у него много денег.

— А что такое «деньги»?

— Ты хочешь услышать историю или нет?

— Да, но мне хотелось бы ее еще и понять.

— Прости, Камень, боюсь, я и сам в ней не все понимаю.

— Меня зовут Валун.

— Хорошо, Валун. Мой дядюшка, очень важный человек, должен был отправить меня в Косми-

ческую академию, но не сделал этого. Решил, что гуманитарное образование будет лучше. И упрятал меня в свою стариковскую альма-матер изучать культуры нечеловеческих человечеств. Пока что улавливаешь?

— Нет, но для того, чтобы наслаждаться рассказом, понимание необязательно.

— Вот и мне так кажется. Я никогда не пойму дядюшку Сидни, но я ценю его безумные вкусы, его сорочьи инстинкты и его возмутительное вмешательство в чужие дела. Ценю их до тошноты. Больше мне ничего не остается. Он — старый плотоядный фамильный памятник и любит, чтобы все было как он хочет. К сожалению, все деньги в семье принадлежат ему — из чего, как *ззн* из *ххт* следует, что все всегда и *бывает*, как он хочет.

— Эти деньги, похоже, довольно важная штука.

— Достаточно важная, чтобы из-за нее отправиться за десять тысяч световых лет на безымянную планетку, которую, кстати, я только что нарек Навозной Кучей.

— Низколетающий *затт* очень любит поесть, отчего, собственно, так низко и летает…

— Да, я заметил. Но это у тебя все-таки мох,

верно?

— Да.

— Хорошо, значит, с упаковкой будет меньше проблем.

— А что такое «упаковка»?

— Это когда ты кладешь что-нибудь в коробку, чтобы забрать куда-нибудь еще.

— В смысле переместить?

— Да.

— И что же ты собираешься упаковывать?

— Тебя, Валун.

— Я никогда не любил перекатываться с места на место…

— Послушай, Валун, мой дядя — коллекционер камней, понимаешь? А твои сородичи — единственные разумные минералы в галактике. А сам ты — крупнейший образец, который я пока что нашел. Следуешь за моей мыслью?

— Да, но за тобой следовать не хочу.

— Почему же? Ты станешь королем его коллекции. Своего рода одноглазым в стране слепых, если мне позволено будет воспользоваться этой неуместной метафорой.

— Пожалуйста, не пользуйся ею, чем бы она ни была. Звучит ужасно. Скажи, а как твой дядя узнал о нашей планете?

— Один из моих преподавателей прочитал о ней в старом судовом журнале. Он такие коллекционирует. Этот журнал принадлежал капитану Фэйрхиллу, который посетил это место несколько веков назад и вел долгие беседы с твоими сородичами.

— Старый добрый Ураган Фэйрхилл! Как он поживает? Передай ему мои наилучшие…

— Он умер.

— Что?

— Умер. Околел. Отбросил коньки. Скопытился. Диблировал.

— Надо же! Когда это случилось? Надеюсь, это было громкое и красочное событие…

— Я не знаю. Но я передал информацию своему дядюшке, и он решил, что ему нужен ты. Поэтому я и здесь — это он меня послал.

— Послушай, как бы мне ни был приятен этот комплимент, я не смогу тебя сопровождать. Мне уже скоро придет пора диблировать…

— Я знаю, я прочитал о дибле в журнале Фэйрхилла, прежде чем показать его дядюшке Сидни. И вырвал эти страницы. Я хочу, чтобы он был рядом с тобой, когда это случится. Тогда я унаследую его состояние и смогу множеством дорогостоящих способов утолить свою печаль от того, что

так и не попал в Космическую академию. Сперва стану алкоголиком, потом распутником… а может, лучше будет наоборот…

— Но я хочу диблировать здесь, среди вещей, к которым прирос душой!

— Вот эта штука называется лом. Сейчас я оторву тебя от всего, к чему ты там прирос.

— Только попробуй — я диблирую прямо сейчас!

— Ты не сможешь. Я измерил твою массу, прежде чем завязать этот разговор. В земных условиях тебе понадобится не меньше восьми месяцев, чтобы достичь необходимых для дибля пропорций.

— Ну ладно, я блефовал. Но неужели в тебе нет ни капли сочувствия? Я покоился здесь веками, с тех пор, как был маленьким камушком, как мои отцы до меня. Я так тщательно собирал свою коллекцию атомов, выстраивал изысканнейшую в округе молекулярную структуру. А теперь ты вознамерился меня забрать перед самым диблем — это… это не по-каменному.

— Все не так плохо. Обещаю, ты сможешь добавить к своей коллекции лучшие атомы Земли. Ты побываешь в местах, которых до тебя не видал еще ни один Валун.

— Невелико утешение. Я хочу, чтобы это увиде-

ли мои друзья.

— Боюсь, об этом не может быть и речи.

— Ты очень жестокий человек. Надеюсь, ты окажешься рядом, когда я диблирую.

— К этому времени я намереваюсь быть очень далеко и готовиться к развратy баснословных масштабов.

* * *

Притяжение Навозной Кучи было меньше земного, так что он с легкостью подкатил Валун к борту космического седана, упаковал в ящик и с помощью лебедки погрузил его в отсек по соседству с ядерным реактором. Седан был спортивной модели, рассчитанный на небольшие прыжки и модифицированный владельцем, который снял большую часть защитных пластин, — это и стало причиной того, что Валун, ощутив внезапный прилив вулканического опьянения, принялся стремительно пополнять свою коллекцию отборных атомов и диблировал на месте.

Он поднялся ввысь грибовидным облаком и прокатился огромными волнами по равнинам Навозной Кучи. Несколько юных Валунов обрушились с пыльного неба, огласив младенческими воплями жилую полосу.

— Расщепился, — прокомментировал далекий сосед, перекрикивая статику, — и раньше, чем я ожидал. Ах, как потеплело!

— Превосходный дибль, — согласился другой. — Всегда стоит быть разборчивым коллекционером.

Слово Желязны

Этот рассказ был написан в один вечер с «Девой и чудовищем» и «Люцифером» [78]. «[Это] был коротенький и простенький эксперимент. Мне хотелось написать рассказ, состоящий только из диалога. Сюжет, персонажи, декорации — все это я хотел показать исключительно через реплики. Но под конец я загнал себя в угол и решил, что девяноста пяти процентов диалога достаточно, чтобы признать эксперимент удачным. Это одно из преимуществ того, чтобы самому ставить перед собой писательские задачи. Если прижмет, их всегда можно скорректировать» [79].

---

[78] Примечания: 78
Tightbeam № 37, май 1966 г.

[79] Примечания: 79
«Янтарные грезы», 1983 г.

Примечания

Более ранняя работа «Монолог для двоих» служит успешным примером текста, состоящего только из реплик. Этот короткий рассказ также примечателен несколькими характерными для Желязны каламбурами.

У ночи есть 999 глаз

Рабочее название — «Послушайте, пожалуйста, послушайте!» *Double: Bill*, октябрь-ноябрь 1964 г., под названием «У ночи есть девятьсот девяносто девять глаз»

Послушайте, пожалуйста, послушайте. Это важно. Я пришел, чтобы напомнить вам. Настало время снова рассказать вам о том, о чем вы никогда не должны забывать.

Пожалуйста, присядьте и закройте глаза. Вы увидите картины. Вдохните поглубже. Вы ощутите запахи, ароматы… Вы ощутите вкусы. Если прислушаетесь повнимательнее, то сможете даже расслышать в моем голосе и другие звуки…

* * *

Есть место — отделенное от нас пространством, но не временем, если у вас есть средства, — место, где сменяются времена года, место, где вращающийся наклоненный шар описывает эллиптическую орбиту вокруг своего солнца, где год движется от весны к расцвету, а потом поворачивает к поре сбора урожая, когда цвета

сражаются друг с другом у вас над головой и под ногами, сливаясь в конце концов в хрустящем буром единстве, по которому вы идете, идете прямо сейчас, вдыхая аромат жизни, возносимый над смертью холодным, резким утренним ветром; и облака, видные сквозь обнажившиеся деревья, скользят по голубому полотну неба и не проливаются дождем; а дальше приходит время мороза и снега, и кора на деревьях становится жесткой и грубой, как языки напильников, и каждый ваш шаг оставляет в белом мире черную прореху, а если вы захватите домой пригоршню, она растает, оставив вам воду; птицы не кричат, не чирикают, не поют и не свистят, как бывает, когда земля и сами они облачены в цветные одеяния, — они запахивают свои перья поплотнее и неслышно вибрируют на насестах вечнозеленых деревьев; это время перерыва между актами: звезды горят ярче (даже *эта* звезда — не бойтесь ее), дни коротки и заняты не делами, но мыслями (философия родилась в холодных странах Земли), а ночи длинны и отданы карточным играм, спиртным напиткам и наслаждению музыкой, застольям и любовной разрядке, созерцанию природы сквозь разрисованные инеем окна, слушанию ветра и поглаживанию шерсти колли — здесь, в этой

неподвижной точке, что на Земле зовется зимой, когда все на свете впадает в спячку, набираясь сил для неизбежного бурного всплеска энергии, для того, чтобы разбить зелеными точками то серо-влажно-бурое, которым сменяется снег; чтобы проводить последующие вакханалии цвета за благопристойным собиранием росы и привлечением насекомых по утрам, сквозь которые вы идете, идете прямо сейчас, смакуя все это порами своей кожи, — там (я хочу, чтобы вы это помнили), где сезоны вот так сменяют друг друга, дабы напомнить о закономерностях человеческого бытия, дабы вытатуировать на генах хронику движения сквозь время, дабы запечатлеть в сознании вашего рода ритмы равно истинных изречения «пока человек не умрет, воздержись называть его блаженным» и аристофанова взгляда на мир, — там ваша родина, там лежит земля ваших отцов и отцов ваших отцов, там вращается мир, который вы не должны забывать, там находится место, где начался отсчет времени, где человек, движимый отвагой, создал инструменты для изменения своей среды, сражался со своей средой, со своими инструментами, с самим собой, так и не сумев до конца освободиться от всего этого — хоть и обрел достаточную свободу, чтобы

странствовать между звездами (не бойтесь *этой* звезды — не бойтесь ее, хоть она и становится горячее) и увековечить свой род на равнинах Вселенной, разлетевшись во все ее концы, размножившись до полной вездесущести (и всегда оставаясь прежним, всегда, всегда! не забывайте! никогда не забывайте… о вещах… таких как земные деревья: вязы, подобные кистям художников тополи, платаны, дубы, восхитительно ароматные кедры, звездолистные клены, кизилы и вишни; или о цветах: горечавке и нарциссе, сирени и розе, лилии и кроваво-красном анемоне; о вкусах Земли: баранине и стейке, омаре и длинных острых колбасах, меде и луке, перце и сельдерее, нежной свекле и жгучем редисе — никогда не позволяйте им покинуть вашу память, никогда! ибо и *вы* должны оставаться прежними, хоть *этот* мир и не похож на *тот*, вы должны оставаться собой — человеком, частью человечества — пожалуйста, послушайте! пожалуйста, послушайте! я — genius loci Земли, ваш постоянный спутник, ваше напоминание, ваш друг, ваша память — вы должны отзываться на мысли о вашей родине, сохранять целостность вашего вида, прислушиваться к словам, что связывают вас с другими поселенцами на тысяче других

чуждых планет!).

* * *

В чем дело? Вы не отвечаете. В последний раз меня перепрограммировали много недель назад, но тогда еще было не настолько жарко, чтобы теперь вы были так неподвижны. Включите кондиционеры. Прохлада помогает думать. Не бойтесь красного солнца. Оно не причинит вам вреда. Оно не взорвется фейерверком над вашими головами. Мне так сказали. Я знаю. Мой заряд истощается, пока я перехожу от деревни к деревне, от дома к дому, потому что меня не перепрограммировали много недель, но я знаю. Мне так сказали. Уверяю вас, оно не вспыхнет. Послушайте меня. Послушайте, и в этот раз ответьте. Я расскажу вам снова: есть место — отделенное от нас пространством…

Слово Желязны

«Это мой первый рассказ-настроение, написанный, когда мир был гораздо моложе, и вдохновленный Томасом Вулфом. Но коротенький» [80].

---

[80] Примечания: 80
«Вариации единорога» (*Unicorn Variations*), 1983 г.

Примечания

Название рассказа отсылает к небольшому стихотворению «У ночи есть тысяча глаз» британского поэта Фрэнсиса У. Бурдийона: «У ночи есть тысяча глаз, у дня — лишь один;//Вот солнце погасло — погас и свет средь равнин.//У разума — тысяча глаз, у сердца — один;//Вот свет целой жизни погас: любовь — тьма руин» [81].

В число музыкальных произведений, которые могли вдохновить Желязны на этот рассказ, входит кавер Джона Колтрейна на композицию The Night Has a Thousand Eyes, вышедший в 1964 году. Желязны был поклонником Колтрейна. Этот джазовый стандарт изначально был главной темой одноименного фильма 1948 года, основанного на романе Корнелла Вулрича. Такое же название носил поп-сингл певца Бобби Ви, входивший в топ-10 хитов США и Великобритании в 1962–63 годах.

Фраза **«Пока человек не умрет, воздержись называть его блаженным»** взята из первой книги «Истории», написанной греческим исто-

---

[81] Примечания: 81
Пер. А. Лукьянова. (*Прим. пер.*)

риком Геродотом между 431 и 425 годами н. э. **Аристофан** был греческим драматургом, создателем таких комедий, как «Лисистрата», «Птицы» и «Лягушки». **Genius loci** (гений места) — это дух места, исторически представлявшийся в виде животного-стража или маленького сверхъестественного создания.

Декада плюс один о розах

Skyline № 32, апрель 1959 г.

I. ГЕРТРУДА СТАЙН.
После грозы Роза – образ росы.

II. ХАРТ КРЕЙН.
Перо и бумагу, другого не надо;
Я вынесу розы обратно из ада.

III. ЭЗРА ПАУНД.
Перо и бумага – держи;
и не надо,
Не думай тащить их обратно из ада.

IV. ВЕЙЧЕЛ ЛИНДСЕЙ.
Ревущая роза росла, рыча распаленно.

V. У. Б. Й.
Мистическая Роза! Весть тех сил,
Что не расстроить ввек. Круг, роза,
Меч, кубок, книга. Да узрит метатель
тьмы месяца серебряного рознь.

VI. РОБЕРТ ФРОСТ.

В тот день, пока спала ты в гамаке,
Я в дар тебе куст розовый сажал.
Пойду смотреть игру на ветерке
Твоих цветов. (Ты не пойдешь? А жаль.)

VII. э. э. каммингс

Роз овеет лист, мы —
сли раз цвет тают
у рожай вы мы —
слов жну, пожинаю
!

VIII. Т. С. и т. д.

Апрель весьма жесток,
Следовательно, безрозье в этом полушарии
(Но у бавенда
Красные цветы заметно фигурируют в похоронных обрядах).

IX. ДИЛАН ТОМАС

Бумажная роза! в постели утром ты зелена,
Вечером ты золота, мертва, холодна:

Преисподняя в строчках твоих смертью красна.

X. УОЛЛЕС СТИВЕНС
Есть дюжина способов розы носить,
И нет никогда никого, кто не прав.

XI. РОЗА В ДОРОГЕ.
Бит-роза!
алкоголепестковая,
карикатура-цветочек —
растоптана оскверняющей ночью
глупо-комысленными адептами
конкурентно-красного мака.

Хомо роза!
раздавлена сокрушительным утром,
оплевана,
проклята в мусоробросанном свете.

Канавная роза!
собрат!

Слово Желязны

Стихотворение пародирует десять поэтов и

в финале добавляет собственный голос Желязны. Кливлендская поэтесса (Хэйзел) Коллистер Хатчинсон отобрала эти стихи из множества претендентов на Поэтическую премию Финли Фостера 1959 года. Как вспоминал Желязны, Хатчинсон «допускала, что, несмотря на легкомыслие, автор может однажды стать поэтом, если приложит к тому усилия» [82].

Примечания

«Декада плюс один» означает «одиннадцать»; однако в сборнике «Когда в тот раз цвели в саду кошачьем вербы» стихи напечатаны без строфы «III». Если сравнить их с оригинальной публикацией в университетском журнале Skyline, окажется, что в «Когда в тот раз цвели…» части второй и третьей строфы перемешаны во второй, искаженной строфе. Здесь стихи воспроизводятся в исправленной версии, аналогичной публикации в Skyline.

У. Б. Й. — Уильям Батлер Йейтс. **Т. С.** — Т. С. Элиот. **Бавенда** — говорящее на банту племя, живущее в Южной Африке в регионе, ранее известном как Республика Венда; сегодня это часть

---

[82] Примечания: 82
«Когда в тот раз цвели в саду кошачьем розы», 1980 г.

провинции Северный Трансвааль (с 2003 года — Лимпопо).

Примечание переводчика

Последняя, 11-я часть стихотворения отсылает к поэзии битников и роману Джека Керуака «В дороге».

Придающий форму

Рабочее название – «Октябральские иды». *Amazing*, январь и февраль 1965 г. Премия «Небьюла» 1966 года (номинация «Лучшая повесть», ничья с повестью Брайана Олдисса «Слюнное дерево») № 14 в читательском голосовании «Лучшие произведения всех времен» журнала *Locus* (номинация «Повести»)

I

Как бы это ни было прекрасно, и кровь, и все прочее, Рендер чувствовал, что финал близок.

А значит, каждой микросекунде лучше стать минутой, решил он, — и, быть может, стоит увеличить температуру… Где-то, на самой границе всего, прекратила сгущаться тьма.

Нечто, подобное крещендо подсознательных громов, бесконечно тянуло одну яростную ноту. Эта нота была квинтэссенцией стыда, и боли, и страха.

Форум тонул в удушливой жаре.

Цезарь испуганно скорчился за границей обезу-

мевшего круга. Он прикрывал глаза рукой, но она не могла помешать ему видеть — не в этот раз.

Сенаторы были безлики, их одежды забрызгала кровь. Их голоса были точно крики птиц. В бесчеловечном исступлении они вонзали кинжалы в упавшее тело.

Все, кроме Рендера.

Лужа крови, в которой он стоял, продолжала шириться. Казалось, будто его рука поднимается и падает с механической регулярностью, а его глотка, возможно, исторгала птичьи крики, но он одновременно являлся частью этой сцены и пребывал вне ее.

Ибо он был Рендером, Ваятелем.

Сжавшийся, страдающий и завидующий Цезарь протестующе взвыл:

— Вы убили его! Вы закололи Марка Антония — безвинного, бесполезного человека!

Рендер повернулся к нему, и кинжал в его руке был весьма велик и весьма окровавлен.

— Да, — ответствовал он.

Клинок закачался из стороны в сторону. Цезарь, зачарованный отточенной сталью, раскачивался в том же ритме.

— Почему? — прорыдал он. — Почему?

— Потому, — ответил Рендер, — что он был куда

более благородным римлянином, чем ты.

— Ты лжешь! Это не так!

Рендер пожал плечами и продолжил наносить удары.

— Это неправда! — завопил Цезарь. — Неправда!

Рендер вновь повернулся к нему и покачал кинжалом. Точно марионетка, Цезарь повторил маятниковые колебания клинка.

— Неправда? — улыбнулся Рендер. — А кто ты такой, чтобы подвергать сомнению подобное убийство? Ты никто! Ты умаляешь величие этого события! Убирайся!

Розоволицый человечек судорожно поднялся на ноги; его волосы отчасти торчали в стороны, отчасти прилипли к черепу — ватный хаос. Он отвернулся, зашагал прочь; на ходу он оглядывался через плечо.

Цезарь отошел уже далеко от круга убийц, но сцена не уменьшалась в размерах. Она сохраняла электрическую отчетливость. Это вынуждало его почувствовать себя еще более отрезанным от нее, еще более одиноким и ненужным.

Рендер вышел из-за прежде незаметного угла и встал перед ним в облике слепого нищего.

Цезарь ухватил его за грудки.

— Нет ли у тебя в этот день дурного предзнаменования для меня?

— Берегись! — осклабился Рендер.

— Да! Да! — воскликнул Цезарь. — «Берегись!» Это хорошо. Чего мне беречься?

— Ид…

— Да? Каких ид?..

— Октябральских.

Цезарь выпустил его одежду.

— О чем ты? Что такое октябраль?

— Месяц.

— Ты лжешь! Нет никакого октябраля!

— Вот этой даты и стоит беречься благородному Цезарю — несуществующего времени, события, которое никогда не будет отмечено в календаре.

Рендер скрылся за еще одним внезапно возникшим углом.

— Постой! Вернись!

Рендер захохотал, и вместе с ним расхохотался весь Форум. Птичьи крики превратились в хор нечеловеческих издевок.

— Вы смеетесь надо мной! — прорыдал Цезарь.

Форум был печью, и пот выступал прозрачной маской на узком лбу Цезаря, его остром носу и слабовольной челюсти.

— Я тоже хочу быть убит! — всхлипнул он. —

Это несправедливо!

И Рендер разорвал Форум, и сенаторов, и ухмыляющийся труп Антония на кусочки и упихал их в черный мешок — незримым движением единственного пальца, — и последним из всех исчез Цезарь.

* * *

Чарльз Рендер сидел перед девяноста белыми и двумя красными кнопками, не видя их по-настоящему. Его правая рука, лежавшая на бесшумном подвесе, скользила над расположенной на уровне живота консолью — нажимала одни кнопки, пропускала другие, двигалась дальше, возвращалась обратно, чтобы нажать следующую кнопку в Последовательности возврата.

Ощущения задохнулись, эмоции обратились в ничто, член палаты представителей Эриксон познал забвение матки.

Послышался тихий щелчок.

Рука Рендера скользнула в конец нижнего ряда кнопок. Для того, чтобы нажать красную, требовалось сознательное напряжение усилий — акт воли, если пожелаете.

Рендер высвободил руку и снял с головы похожую на волосы Медузы корону из проводов

и микроминиатюрных схем. Он соскользнул с рабочей кушетки и поднял колпак. Подошел к окну и опрозрачил его, доставая сигарету.

«Одна минута в ро-матке, — решил он. — Не больше. Это важный момент... Надеюсь, снег сейчас не пойдет — тучи уж больно суровы».

Ровные желтые решетки и высокие башни, стеклянно серые, перетлевали в вечер под сланцевым небом; город был квадратными вулканическими островами, сияющими в свете позднего дня, рокотавшими глубоко под землей; он был широкими, неумолчными реками машин, вечно текущими.

Рендер отвернулся от окна и подошел к огромному яйцу, лежавшему рядом с его консолью, гладкому и блестящему. Оно изобразило отражение, лишившее нос Рендера всякой орлиности, размазало глаза до серых блюдец, превратило волосы в пронизанную светом череду небоскребов; красный галстук сделался широким языком вурдалака.

Он улыбнулся, вытянул руку над консолью. И нажал вторую красную кнопку.

Вздохнув, яйцо утратило свою блистательную непроницаемость, и горизонтальная трещина расколола его надвое. Сквозь ставшую про-

зрачной скорлупу Рендер увидел, как Эриксон гримасничает, стискивает веки, сопротивляется пробуждению и тому, что оно повлечет за собой. Верхняя часть яйца поднялась перпендикулярно основанию, оставив его, узловатого и розового, лежать на половинке раковины. Открыв глаза, Эриксон не посмотрел на Рендера. Он встал и начал одеваться. Рендер воспользовался этим временем, чтобы проверить ро-матку.

Он облокотился на консоль и нажал кнопки: контроль температуры, полный диапазон — *в норме*; экзотические звуки — он поднял наушник — *в норме*: звонки, жужжание, скрипичные ноты и свист, визги и стоны, шум машин и шорох прибоя; контур обратной связи *в норме* — голос пациента, записанный во время предшествующего сеанса, сохранился; звуковое одеяло, разбрызгиватели влаги, банки запахов *в норме*; вибраторы лежака и разноцветные лампы, стимуляторы вкусовых ощущений *в норме*…

* * *

Рендер закрыл и выключил яйцо. Убрал его в отсек хранения и запер дверь, приложив к ней ладонь. Пленки зарегистрировали успешность сеанса.

— Садитесь, — велел он Эриксону.

Тот подчинился, теребя воротник.

— Вы все помните, — сказал Рендер, — поэтому мне нет нужды пересказывать случившееся. От меня ничего не скрыть. Я там был.

Эриксон кивнул.

— Смысл этого эпизода должен быть для вас очевиден.

Эриксон снова кивнул, и наконец вернул себе дар речи.

— Но правда ли это? — спросил он. — Я хочу сказать, это ведь вы сконструировали этот сон, и это вы контролировали его с начала и до конца. Он мне на самом деле *не приснился* — так, как обычно снятся сны. Ваша способность управлять событиями позволяет вам подстроить их под то, что вы собираетесь сказать, — разве не так?

Рендер медленно покачал головой, стряхнул пепел в южное полушарие своей пепельницы-глобуса и посмотрел Эриксону в глаза.

— Это правда, что я выбрал сюжет и придал облик формам. Но это вы наполнили их эмоциональным значением, вознесли их до статуса символов, связанных с вашей проблемой. Если бы сон не оказался уместной аналогией, он не вызвал бы тех реакций, которые вызвал. Он был

бы лишен паттернов тревоги, зафиксированных на пленках. Вы наблюдаетесь уже несколько месяцев, — продолжил он, — и все, что я за это время узнал, убеждает меня в совершенной необоснованности вашего страха перед покушением.

Эриксон сердито уставился на него.

— Тогда почему я этого боюсь?

— Потому что, — ответил Рендер, — вам очень хочется стать жертвой убийства.

Услышав это, Эриксон улыбнулся; к нему начало возвращаться самообладание.

— Уверяю вас, доктор, я никогда не задумывался о самоубийстве и не имею ни малейшего желания умереть.

Он достал сигарету и зажег ее. Его рука дрожала.

— Этим летом, придя ко мне, — сказал Рендер, — вы заявили, что боитесь покушения на вашу жизнь. Ваши объяснения по поводу того, зачем кому-то вас убивать, были крайне туманны…

— Мое положение! Невозможно столько времени прослужить в Палате представителей и не обзавестись врагами!

— И тем не менее, — ответил Рендер, — вам это, судя по всему, удалось. Когда вы разрешили мне

обсудить этот вопрос с вашими детективами, они проинформировали меня, что не сумели отыскать никаких доказательств того, что ваши страхи покоятся на каком-то реальном фундаменте. Никаких.

— Они искали недостаточно хорошо — или не в тех местах. Они еще что-нибудь откопают.

— Боюсь, что не откопают.

— Почему?

— Потому что, повторюсь, ваши подозрения лишены объективных оснований… Будьте со мной честны. Есть ли у вас хоть какая-то информация, из которой следовало бы, что кто-то ненавидит вас настолько, что готов убить?

— Я получаю множество писем с угрозами…

— Как и любой член Палаты представителей — и все угрозы, адресованные вам за последний год, были расследованы и оказались работой сумасшедших. Вы можете продемонстрировать мне *хоть одно* доказательство, подкрепляющее ваши заявления?

Эриксон изучал кончик своей сигары.

— Я пришел к вам по совету коллеги, — проговорил он, — пришел как раз для того, чтобы вы порылись у меня в голове и нашли что-то в этом роде, что-то, с чем могли бы поработать мои де-

тективы… Быть может, какого-нибудь человека, которого я сильно оскорбил, или какой-нибудь вредоносный законопроект, к которому я имел отношение…

— …И я ничего не нашел, — сказал Рендер, — то есть ничего, кроме причины вашего беспокойства. А теперь вы, разумеется, боитесь ее услышать и пытаетесь помешать мне объяснить поставленный мной диагноз…

— Не пытаюсь!

— Тогда послушайте. Потом вы сможете его прокомментировать, если захотите, но вы уже несколько месяцев тянули резину, не желая признавать то, что я продемонстрировал вам в десятке различных форм. Теперь я открытым текстом объясню вам, в чем проблема, а вы можете делать с этим что хотите.

— Хорошо.

— Начнем с того, — сказал он, — что вам очень хотелось бы иметь врага или врагов…

— Чушь!

— …потому что это единственная альтернатива друзьям…

— У меня куча друзей!

— …потому что никому не хочется быть тем, кого игнорируют, к кому никто не испытывает

по-настоящему сильных чувств. Ненависть и любовь — предельные воплощения человеческого внимания. Не имея одного из них и не будучи способным его завоевать, вы стали искать другого. Вы желали его так сильно, что сумели убедить себя в его существовании. Но у таких вещей всегда есть психологический ценник. Утоление подлинной эмоциональной жажды суррогатами желаемого приносит не истинное удовлетворение, но тревогу, дискомфорт — потому что в случаях, подобных вашему, психика должна быть открытой системой. Вы не искали человеческого внимания вне себя. Вы замкнулись. Вы создали то, чего вам не хватало, из вещества собственного «я». Вы — человек, который остро нуждается в глубоких отношениях с другими людьми.

— Брехня!

— Хотите — верьте, хотите — нет, — сказал Рендер. — Я советую вам поверить.

— Я полтора года платил вам, чтобы вы помогли узнать, кто хочет меня убить. А теперь вы сидите здесь и заявляете, что я все это выдумал, чтобы удовлетворить потребность быть ненавидимым.

— Ненавидимым или любимым. Верно.

— Это абсурд! Я постоянно знакомлюсь с таким количеством людей, что таскаю в кармане дик-

тофон, а на лацкане — камеру, лишь бы всех их запомнить…

— Большое количество знакомых — это не то, о чем я говорю… Скажите мне, этот сон *имел* для вас большое значение?

Эриксон помолчал несколько секунд, отмеренных тиканьем больших настенных часов.

— Да, — наконец признал он, — имел. И тем не менее ваша интерпретация проблемы абсурдна. Но если чисто теоретически предположить, что ваши слова верны, — что мне делать, чтобы выбраться из этой ситуации?

Рендер откинулся на спинку кресла.

— Перенаправьте энергию, которая ее породила. Знакомьтесь с людьми как тот, кто вы есть, как Джо Эриксон, а не член Палаты представителей Эриксон. Найдите себе увлечение, которое сможете делить с другими, — что-нибудь не имеющее отношения к политике и, возможно, соревновательное, — и заведите настоящих друзей или врагов — лучше, конечно, друзей. Я подталкивал вас к этому с самого начала.

— Тогда скажите мне кое-что еще.

— С радостью.

— Предположим, что вы *действительно* правы, — почему тогда меня не любят и не ненавидят,

и почему так было всегда? У меня ответственный пост в законодательном органе. Я постоянно знакомлюсь с людьми. Почему я такое нейтральное… нечто?

Рендеру, к этому времени прекрасно знакомому с карьерой Эриксона, пришлось задвинуть подальше свое настоящее мнение по этому поводу, поскольку практической пользы оно бы не принесло. Ему хотелось процитировать Эриксону строки Данте о ничтожных — тех душах, которые не взяли в рай из-за недостаточной праведности, но и в ад не пустили за отсутствием значительных грехов, — короче, о тех, кто подлаживал свои паруса под каждое дуновение ветров времени, у кого не было цели, кто не тревожился по-настоящему о том, к какому порту их принесет. Такова была долгая и бесцветная карьера Эриксона, полная изменчивых приверженностей и политических перебежек.

Рендер сказал:

— В последнее время все больше и больше людей обнаруживают себя в таком положении. Причиной тому прежде всего постоянно увеличивающаяся сложность общества и обезличивание индивида, превращение его в социометрическую единицу. Даже сам акт концентрации на других

людях в результате стал требовать слишком большого количества сил. Нас теперь так много.

Эриксон кивнул, и Рендер мысленно улыбнулся.

«Иногда стоит начать с грубости, а продолжить лекцией…»

— Мне кажется, что вы можете быть правы, — сказал Эриксон. — Порой я *и впрямь* чувствую себя так, как вы описали, — единицей, чем-то безликим…

Рендер взглянул на часы.

— Что вы теперь будете с этим делать — решать, разумеется, исключительно вам самому. Я думаю, что вы только потратите время, если будете продолжать анализ. Теперь нам обоим известна причина ваших жалоб. Я не могу взять вас за руку и объяснить, как вам жить вашу жизнь. Я могу обозначить направление, я могу посочувствовать — но никаких больше глубоких погружений. Запишитесь на прием, как только почувствуете необходимость обсудить свои действия и соотнести их с моим диагнозом.

— Хорошо, — кивнул Эриксон, — и… чертов сон! Он меня пробрал. Вы умеете делать их такими же яркими, как реальная жизнь, — даже ярче… Не думаю, что скоро его забуду.

— Надеюсь.

— Ну хорошо, доктор. — Эриксон встал, протянул руку. — Скорее всего, я вернусь через пару недель. Опробую это самое неформальное общение. — Он улыбнулся при слове, обычно заставлявшем его хмуриться. — Собственно говоря, сейчас и начну. Может быть, спустимся вместе, и я куплю вам выпить за углом?

Рендер пожал влажную ладонь, которая казалась такой же уставшей от выступлений, как актер, играющий главную роль в слишком успешном спектакле. Ему было почти жаль, когда он сказал:

— Спасибо, но у меня назначена встреча.

Потом Рендер помог Эриксону надеть пальто, вручил ему его шляпу и проводил до двери.

— Что ж, доброго вечера вам.

— Доброго вечера.

* * *

Когда дверь бесшумно закрылась, Рендер вернулся по темному астраханскому ковру к своей крепости из красного дерева и щелчком отправил сигарету в южное полушарие пепельницы-глобуса. Он откинулся на спинку кресла — руки сцеплены за головой, глаза закрыты.

— Конечно, он был реальнее самой жизни, — сообщил он пустоте. — Его же сделал я.

Рендер с улыбкой проиграл сон в голове шаг за шагом, мечтая о том, чтобы кое-кто из его бывших преподавателей мог его увидеть. Сон был хорошо продуман и мощно воплощен, не говоря уже о том, что идеально соответствовал случаю. Но на то он и был Рендером, Ваятелем — одним из двух сотен или около того особых психоаналитиков, крепость рассудка которых позволяла им проникать в невротические паттерны, не вынося оттуда ничего, кроме эстетического наслаждения мимесисом отклонения, — Разумным Шляпником.

Рендер пробудил свои воспоминания. Его и самого подвергли анализу, подвергли и признали обладающим каменной волей ультрастабильным аутсайдером — достаточно закаленным, чтобы вынести василисковый взгляд навязчивой идеи, бродить нетронутым между химерами перверсий, вынудить темную Мать Медузу закрыть глаза перед кадуцеем его искусства. Его собственный анализ был несложным. Девятью годами раньше (хотя казалось, что прошло куда больше) он пережил добровольную инъекцию новокаина в самую болезненную область его души. Он начал чувствовать себя отстраненным

после аварии, после гибели Рут и Миранды, их дочери. Быть может, он не хотел воскрешать определенные аспекты эмпатии; быть может, основанием его мира служило теперь некоторое онемение чувств. Если так, то Рендер достаточно хорошо разбирался в устройстве человеческого разума, чтобы это понять, и, возможно, решил, что у такого мира есть свои преимущества.

Его сыну Питеру уже исполнилось десять. Он учился в хорошей школе и раз в неделю писал отцу письмо. Эти письма становились все более и более грамотными, демонстрируя признаки раннего развития, которое Рендер не мог не одобрять. Летом он возьмет мальчика с собой в Европу.

Что до Джилл — Джилл Де Вилл (какое роскошное, абсурдное имя! — он любил ее за него) — она интересовала его все больше. (Он спросил себя, не признак ли это начала среднего возраста.) Его безмерно очаровывал ее немузыкальный гнусавый голос, ее неожиданный интерес к архитектуре, ее тревоги по поводу неудаляемой родинки на в остальном прекрасно спроектированном носу. Пожалуй, ему стоило немедленно позвонить ей и отправиться на поиски какого-нибудь нового ресторана. Но почему-то Рендеру не хотелось этого делать.

Он уже несколько недель не заглядывал в свой клуб, «Куропатку и скальпель», и ему очень захотелось поужинать за дубовым столом, одному, в полутораэтажном зале с тремя каминами, под искусственными факелами и кабаньими головами как будто из рекламы джина. Поэтому он вставил свою перфорированную членскую карту в телефонный слот на столе, и из-за экрана видеотелефона донеслись два гудка.

— «Куропатка и скальпель» приветствует, — сказал голос. — Чем могу помочь?

— Чарльз Рендер, — представился он. — Мне нужен столик через полчаса.

— Сколько будет человек?

— Только я.

— Хорошо, сэр. Значит, через полчаса… Рендер? Р-е-н-д-е-р?

— Да.

— Спасибо.

Он разорвал связь, встал из-за стола. День снаружи исчез.

Монолиты и небоскребы теперь источали собственный свет. Мягкий снег, похожий на сахар, просеивался сквозь тени и превращался в бисерины на стекле.

Рендер набросил пальто, выключил свет, за-

крыл внутренний кабинет. На записной книжке миссис Хеджес лежала записка.

«Звонила мисс Де Вилл», — говорилось в ней.

Рендер скомкал записку и выбросил ее в мусоропровод. Он позвонит Джилл завтра и скажет, что допоздна работал над лекцией.

Он выключил последнюю лампу, нахлобучил на голову шляпу и вышел через внешнюю дверь, заперев ее за собой. Лифт отвез Рендера на минус второй этаж, где стояла его машина.

* * *

На минус втором было холодно, и Рендер громко стучал каблуками по бетону, идя мимо припаркованных машин. В ярком свете открытых ламп его «S-7 Спиннер» казался изящным серым коконом, из которого в любой момент могли вырваться буйные крылья. Двойной ряд антенн, веером расходившихся от склона откидного верха, подкреплял это впечатление. Рендер открыл дверь большим пальцем.

Он коснулся кнопки зажигания, и послышалось жужжание одинокой пчелы, пробудившейся в огромном улье. Дверь бесшумно захлопнулась, когда Рендер поднял и зафиксировал руль. Он въехал по спиральной рампе и остановился пе-

ред воротами во внешний мир.

Пока дверь, стуча, поднималась, Рендер включил навигационный экран и повернул ручку, управлявшую картой. Слева направо, сверху вниз, он передвигал секцию за секцией, пока не отыскал нужный отрезок Карнеги-авеню. Рендер набрал координаты и опустил руль. Машина переключилась на автопилот и выехала на придаток магистрали. Рендер закурил.

Сдвинув сиденье в центр салона, он оставил все окна прозрачными. Приятно было полулежа смотреть, как встречные машины проносятся мимо роем светлячков. Рендер сдвинул шляпу на затылок и поднял взгляд к небу.

Он еще помнил, что когда-то снег нравился ему, напоминал о романах Томаса Манна и музыке скандинавских композиторов. Но теперь к этому прибавился еще один элемент, с которым снег будет ассоциироваться всегда. Рендер так ясно мог представить себе молочно-белый холод, вихрящийся вокруг его старой машины с ручным управлением, затекающий в обгоревший салон, выбеливая почерневшее; так ясно, словно шел к ней по меловому дну — машина была затонувшим кораблем, а сам он водолазом, — не способный открыть рот из страха захлебнуться; и каждый

раз, глядя на падающий снег, он знал, что где-то сейчас белеют черепа. Однако минувшие девять лет унесли с собой значительную часть боли, и он также знал, что вечер прекрасен.

Машина влекла Рендера по широким, широким дорогам, проносилась по высоким мостам, глянцево блестевшим в свете фар, лихорадочно петляла по клеверообразным развязкам и ныряла в тоннели, чьи тускло светящиеся стены пролетали мимо, точно смутные миражи. Наконец он затемнил окна и закрыл глаза.

Рендер не помнил, задремал он на мгновение или нет, — а это значило, что, скорее всего, он задремал. Он ощутил, как машина начала замедляться, передвинул кресло вперед и снова опрозрачил окна. Почти одновременно с этим прозвучал сигнал о прибытии. Рендер поднял руль и заехал под купол стоянки, вышел на рампу, предоставив машину заботам парковочного автомата, и получил свой талон от этого квадратноголового робота, который мстил человечеству, дразня картонным языком всех, кого обслуживал.

* * *

Как всегда, шум в клубе был таким же приглушенным, как и свет. Казалось, будто это место поглощает звуки и перерабатывает их в тепло, убаюкивает язык ароматами, достаточно сильными, чтобы можно было ощутить их вкус, гипнотизирует ухо оживленным потрескиванием трех каминов.

Рендер был рад увидеть, что для него придержали его любимый столик, в углу справа от самого маленького из каминов. Он знал меню наизусть, но с энтузиазмом изучил его, попивая «Манхэттен» и продумывая заказ, соответствующий его аппетиту. После ваятельских сеансов он всегда бывал чертовски голоден.

— Доктор Рендер?..

— Да? — Он поднял взгляд.

— С вами хочет поговорить доктор Шалот, — сообщил официант.

— Я не знаю никакого Шалота, — сказал он. — Вы уверены, что ему нужен не Бендер? Это хирург из Главного медцентра, он тоже иногда тут ужинает…

Официант покачал головой.

— Нет, сэр — «Рендер». Видите? — он протянул

карточку размером три на пять дюймов, на которой заглавными буквами было напечатано полное имя Рендера. — Последние две недели доктор Шалот ужинает здесь почти каждый вечер, — добавил он, — и каждый раз просит сообщить, если вы придете.

— Хм-м? — задумчиво протянул Рендер. — Странно. Почему он просто не позвонит мне на работу?

Официант улыбнулся и неопределенно взмахнул рукой.

— Что ж, скажите ему, чтобы шел сюда, — сказал Рендер, допивая «Манхэттен», — и принесите мне еще стаканчик.

— К сожалению, доктор Шалот не видит, — объяснил официант. — Будет проще, если вы…

— Ну ладно, хорошо. — Рендер встал и покинул свой любимый столик, ясно предчувствуя, что уже не вернется за него этим вечером. — Ведите.

Они шли мимо других членов клуба, направляясь на другой этаж. Знакомое лицо поприветствовало Рендера из-за столика у стены, и он приветственно кивнул бывшему участнику своего семинара, которого звали то ли Юргенс, то ли Юрканс, то ли еще как-то похоже.

Они вошли в зал поменьше, где были заняты

только два столика. Нет, три. Третий стоял в углу в дальнем конце темного бара, наполовину скрытый древними доспехами. Официант вел Рендера к нему.

Они остановились у столика, и Рендер заглянул в темные очки, поднявшиеся вверх, когда они приблизились. Доктор Шалот оказался женщиной чуть за тридцать. Ее длинная бронзовая челка не могла полностью скрыть серебряный кружок, который она носила на лбу, точно знак касты. Рендер затянулся, и доктор Шалот едва заметно дернула головой, когда кончик его сигареты вспыхнул. Казалось, будто она смотрит ему прямо в глаза. Ощущение было неуютным, хоть Рендер и знал, что она видит лишь то, что миниатюрный фотоэлемент передает на зрительную кору ее мозга посредством тонких, как волоски, имплантированных проводков, подсоединенных к преобразователю: короче говоря, свет его сигареты.

— Доктор Шалот, это доктор Рендер, — говорил между тем официант.

— Добрый вечер, — сказал Рендер.

— Добрый вечер, — ответила она. — Меня зовут Айлин, и я очень хотела с вами познакомиться. — Ему показалось, что ее голос чуть дрогнул. — Вы

поужинаете со мной?

— С удовольствием, — согласился он, и официант выдвинул стул.

Рендер сел, заметив, что перед сидящей напротив женщиной уже стоит выпивка. Он напомнил официанту о своем втором «Манхэттене».

— Вы успели заказать еду? — спросил он.

— Нет.

— …И два меню… — начал он было, но прикусил язык.

— Только одно, — улыбнулась она.

— Значит, ни одного, — поправился он и процитировал меню наизусть.

Они сделали заказ. Потом:

— Вы всегда так делаете?

— Что делаю?

— Носите меню в голове?

— Лишь некоторые, — сказал он, — на случай неловких ситуаций. Почему вы хотели со мной уви… поговорить?

— Вы — терапевт-нейропартиципант, — утвердительно сказала она, — Ваятель.

— А вы?..

— …психиатр-ординатор в Государственной психиатрической. Мне остался год.

— Значит, вы знали Сэма Рискомба.

— Да, он помог мне с назначением. Он был моим научным руководителем.

— Он был моим очень близким другом. Мы вместе учились в Менингеровской школе.

Она кивнула.

— Он часто говорил о вас — это одна из причин, по которым я хотела с вами познакомиться. Это он вдохновил меня реализовать мои планы, невзирая на мою инвалидность.

Рендер внимательно посмотрел на нее. На докторе Шалот было темно-зеленое платье — похоже, бархатное. Примерно в трех дюймах слева от шнуровки была приколота брошь — возможно, золотая. На ней был красный камень — не исключено, что рубин, — окруженный контуром чаши. Или же это были контуры двух лиц, глядевших друг на друга сквозь камень? Этот образ показался Рендеру смутно знакомым, но в тот момент он не мог вспомнить, откуда. Брошь дорого поблескивала в тусклом свете.

Рендер принял у официанта коктейль.

— Я хочу стать терапевтом-нейропартиципантом, — сказала ему Шалот.

И если бы она была зрячей, Рендер подумал бы, что она смотрит на него, надеясь увидеть в выражении лица какой-то ответ. Он не мог сооб-

разить, что именно она хочет от него услышать.

— Я одобряю ваш выбор, — сказал он, — и уважаю вашу целеустремленность. — Рендер постарался, чтобы его улыбка слышалась в голосе. — Разумеется, это нелегко, ведь здесь требуются не только теоретические знания.

— Я знаю, — ответила она. — Но я слепа от рождения, и мне было нелегко достигнуть даже того, что я имею сейчас.

— От рождения? — повторил он. — Я думал, вы потеряли зрение недавно. Значит, вы получили степень бакалавра и окончили медицинскую школу без помощи глаз… Это… весьма впечатляюще.

— Спасибо, — сказала она, — но это не так. На самом деле не так. Я услышала о первых нейропартиципантах — Бартельмеце и остальных — в детстве, и тогда же решила, что хочу стать одной из них. С тех пор это желание руководило всей моей жизнью.

— Что же вы делали в лабораториях? — поинтересовался Рендер. — Если не могли увидеть образец, заглянуть в микроскоп?.. А как же чтение?

— Я нанимала людей, которые зачитывали мне заданные материалы. Записывала все на пленку.

Преподаватели понимали, что я хочу заниматься психиатрией, и в плане лабораторных работ для меня было сделано особое исключение. Во вскрытии трупов меня направляли лаборанты, которые описывали мне все вслух. Я умею различать предметы на ощупь… и запоминать все так же, как вы запоминаете меню. — Она улыбнулась. — «Качество психопартиционного феномена может быть оценено лишь самим терапевтом, в тот миг за пределами знакомых нам времени и пространства, когда он стоит посреди мира, воздвигнутого из вещества снов другого человека, распознает в нем неевклидову архитектуру отклонения, а потом берет пациента за руку и устраивает ему тур по окрестностям… Если он сможет вывести его обратно на повседневную землю, значит, решения его были здравыми, действия его — верными».

— Цитата из «Почему психометрия здесь не работает», — задумчиво проговорил Рендер.

— …за авторством доктора Чарльза Рендера.

— Ужин уже движется в нашем направлении, — заметил он, поднимая свой бокал, пока стремительно приготовленный ужин везли к ним на кухонном поплавке.

— Вот одна из причин, по которым я хотела с вами познакомиться, — продолжила доктор

Шалот, подняв бокал, пока перед ней стучали тарелки. — Я хочу, чтобы вы помогли мне стать Ваятельницей.

Ее затененные глаза, пустые, как у статуи, снова отыскали Рендера.

— Ваше положение уникально, — прокомментировал он. — Незрячих от рождения нейропартиципантов никогда не было — по очевидным причинам. Я должен буду обдумать все аспекты этой ситуации, прежде чем смогу вам что-то посоветовать. А пока давайте поужинаем. Я умираю от голода.

— Хорошо. Но моя слепота не означает, что я никогда не видела.

Он не стал спрашивать, что она имеет в виду, потому что прямо перед ним стояли говяжьи ребрышки, а у локтя — бутылка «Шамбертена». Но когда доктор Шалот подняла левую руку из-под стола, он сделал достаточно долгую паузу, чтобы заметить, что колец она не носила.

* * *

— Интересно, идет ли еще снег, — сказал он, пока они пили кофе. — Когда я заезжал под купол, он валил очень сильно.

— Надеюсь, — ответила она, — хоть он и рассе-

ивает свет, и из-за этого я ничего не «вижу». Мне нравится чувствовать, как он падает вокруг меня и касается моего лица.

— Как вы перемещаетесь?

— Мой пес, Зигмунд — я сегодня дала ему отгул, — она улыбнулась, — может привести меня куда угодно. Он овчарка-мут.

— Вот как? — В Рендере проснулось любопытство. — Он разговаривает?

Она кивнула.

— Но в его случае эта операция прошла не так успешно, как порой бывает. В его словарном запасе что-то около четырехсот слов, но мне кажется, что говорить ему больно. Он очень умен. Надеюсь, вы когда-нибудь познакомитесь.

Рендер немедленно принялся строить предположения. Он общался с подобными животными на недавних медицинских конференциях и был поражен тем, как сочетались в них способность к логическому мышлению и верность своим хозяевам. Требовалось серьезное вмешательство в хромосомы, а затем — тонкая операция на эмбрионе, чтобы сделать собаку умнее шимпанзе. А потом нужны были еще несколько операций, чтобы наделить ее способностью разговаривать. Большинство таких экспериментов заканчи-

вались провалом, а те десять — плюс-минус несколько — щенков в год, для которых все заканчивалось успешно, стоили что-то около сотни тысяч долларов каждый. И тогда Рендер понял — когда зажег сигарету и погасил пламя зажигалки на мгновение позже обычного — что рубин на броши мисс Шалот настоящий. Он начал подозревать, что помимо успехов в учебе на ее прием в медицинскую школу могло повлиять значительное пожертвование избранному ею учебному заведению. Но тут же укорил себя за возможную несправедливость.

— Да, — ответил он, — мы можем вместе написать работу о неврозах у псовых. Он, случайно, не называет своего отца «этот овчаркин сын»?

— Он ни разу не видел своего отца, — весьма сдержанно сказала Шалот. — Его растили отдельно от других собак. Вряд ли его характер можно назвать типичным. Не думаю, что можно многое понять о функциональной психологии собаки на примере мута.

— Полагаю, вы правы, — закрыл тему Рендер. — Еще кофе?

— Нет, спасибо.

Решив, что настало время вернуться к обсуждению, он сказал:

— Итак, вы хотите стать Ваятельницей…

— Да.

— Я ненавижу рушить возвышенные устремления других людей, — признался он. — Ненавижу, как яд. Разве что они не имеют никакого отношения к реальности. Тогда я бываю безжалостен. Но… я честно, откровенно, со всей искренностью вынужден сказать, что не вижу, как этого можно достичь. Пусть вы хороший психиатр — но, по моему мнению, стать нейропартиципантом для вас невозможно физически и психически. Что до моих аргументов…

— Постойте, — сказала она. — Не здесь, пожалуйста. Сделайте мне одолжение. Я устала от этого душного места — давайте поговорим где-нибудь еще. Мне кажется, я смогу убедить вас, что это *возможно.*

— Почему бы и нет? — пожал плечами Рендер. — У меня полно времени. Давайте — выбор за вами. Где?

— Как насчет слепой езды?

Он подавил невольный смешок, услышав это выражение, но она рассмеялась вслух.

— Хорошо, — сказал он, — но я еще не утолил жажду.

Рендер заказал шампанского и выписал чек,

несмотря на протесты доктора Шалот. Бутылку принесли в цветастой корзинке с надписью «Пейте за рулем», после чего они встали, и она оказалась высокой, но он — выше.

* * *

Слепая езда.

Одно название, охватывающее множество практик, сосредоточенных вокруг машин с автопилотом. Когда несешься по стране в уверенных руках незримого шофера, окна затемнены, ночь глубока, небо высоко, шины вгрызаются в дорогу, как четыре призрачные циркулярные пилы, — и начинаешь с нуля, и возвращаешься туда, откуда стартовал, и не знаешь, куда едешь или где побывал, — возможно на мгновение разжечь какое-то ощущение индивидуальности даже в самой холодной черепной коробке, вызвать мимолетное осознание себя посредством отстранения от всего, кроме ощущения движения. Суть в том, что движение сквозь тьму есть наивысшая абстракция самой жизни — по крайней мере, так сказал один из Витальных Комиков, и все в зале рассмеялись.

На самом деле феномен, известный как «слепая езда», впервые распространился (чего и следо-

вало ожидать) среди отдельных юных членов общества, когда введение системы автопилота лишило их возможности устраивать своим автомобилям некие высокоспецифические испытания, на которые Национальная служба по контролю за дорожным движением смотрела косо. Нужно было что-то придумать.

И они придумали.

Первой, катастрофической, реакцией было решение простой инженерной задачи по отключению устройства удаленного управления после выезда на контролируемое шоссе. В результате машина исчезала из поля зрения системы автопилота, а управление возвращалось в руки пассажиров.

Ревнивая, как божество, система автопилота не терпела того, что противилось ее запрограммированному всеведению; она начинала метать громы и молнии в ближайшей к точке последнего контакта Станции контроля за дорогами, отправляя крылатых серафимов на поиски того, что скрылось от ее зрения.

Но зачастую это происходило слишком поздно, ибо дороги многочисленны и ровны. Поначалу скрыться от обнаружения было довольно легко.

Однако другие машины неизбежно вели себя

так, словно бунтарки на самом деле не существует. Ее существование невозможно было учесть.

Попав в ловушку отрезка дороги с интенсивным движением, нарушители подвергались немедленному уничтожению в случае любого ускорения или перестройки транспортного потока, во время которой другая машина перемещалась на теоретически незанятую позицию. Это в первые дни системы автопилота вызывало стремительную череду столкновений. Позднее устройства контроля стали куда сложнее, и автоматизированный останов уменьшил количество аварий, следовавших за подобными действиями. Качество травм и сотрясений, однако, от этого нисколько не изменилось.

Следующая реакция имела в основе своей явление, на которое никто не обращал внимания, поскольку оно было очевидно. Автопилоты отвозили людей туда, куда они хотели попасть, только потому что люди сообщали им о своем желании попасть именно туда. Человек, набравший случайную цепочку координат, не сверяясь с картой, либо оставался в неподвижном автомобиле с загоревшимся сигналом «ПРОВЕРЬТЕ ВВЕДЕННЫЕ КООРДИНАТЫ», либо внезапно уносился в неведомом направлении. Этот последний

вариант обладал некоторой романтической привлекательностью, поскольку предлагал скорость, неожиданные виды и свободные руки. А еще это было совершенно законно; таким образом можно было даже объехать два континента, если вы обладали достаточными материальными средствами и глютеальной выносливостью.

Как всегда бывает в таких случаях, эта практика распространилась и на другие возрастные категории. Школьные учителя, садившиеся в машину лишь по воскресеньям, приобрели дурную славу мишеней для торговцев подержанными автомобилями. Так кончается мир, как сказал один работник индустрии развлечений.

Конец это был или нет, но машина, созданная для перемещения по дорогам, контролируемым системой автопилота, представляет собой мобильную единицу измерения эффективности, оснащенную туалетом, шкафчиком для посуды, холодильником и столом для игр. А еще в ней с легкостью могут заночевать двое, а то и четверо, если немного потесниться. В некоторых случаях тесно бывает и втроем.

* * *

Рендер выехал из-под купола на боковую дорожку. Он остановил машину.

— Хотите ввести координаты? — спросил он.

— Лучше вы. Мои пальцы помнят слишком многие.

Рендер нажал несколько случайных кнопок. «Спиннер» выехал на шоссе. Рендер задал скорость, и машина перестроилась на высокоскоростную полосу.

Фары «Спиннера» прожигали дыры в темноте. Город быстро проносился мимо; он тлел по обе стороны дороги, как костер, раздуваемый внезапными порывами ветра, скрываемый белыми вихрями, застилаемый непрерывным падением серого пепла. Рендер знал, что скорость машины сейчас процентов на сорок меньше той, с которой она ехала бы ясной сухой ночью.

Он не стал затемнять окна, а откинулся на спинку кресла и выглянул наружу. Айлин «смотрела» вперед, на те крохи света, что там были. Первые минут десять или пятнадцать оба они молчали.

Машина неслась вперед, и постепенно город съежился до пригорода. Спустя какое-то время начали появляться короткие отрезки свободной

дороги.

— Расскажите, что вы видите снаружи, — попросила Айлин.

— А почему вы не попросили меня описать ваш ужин или доспехи, стоявшие у нашего столика?

— Потому что ужин я ела, а доспехов касалась. Это другое.

— Снаружи падает снег. Уберите его — и останется лишь чернота.

— А еще?

— На дороге слякоть. Когда она начнет замерзать, машины будут ползти еле-еле, если мы не обгоним эту метель. Слякоть похожа на старый темный сироп, который только-только начал засахариваться сверху.

— Что-нибудь еще?

— На этом все, госпожа.

— Снег идет сильнее или слабее, чем когда мы вышли из клуба?

— По-моему, сильнее.

— Нальете мне шампанского? — спросила она.

— Конечно.

Они развернули свои сиденья к центру салона, и Рендер поднял стол. Он достал из шкафчика два бокала.

— Ваше здоровье, — сказал Рендер, разлив

шампанское.

— За вас.

Рендер выпил свой бокал залпом. Айлин пила медленно. Он ждал следующей ее реплики. Он знал, что в сократову игру не могут играть двое, и ожидал услышать еще несколько вопросов, прежде чем она скажет то, что хочет сказать.

Она спросила:

— Какое зрелище было самым прекрасным в вашей жизни?

Да, заключил Рендер, его догадка была верна.

Он ответил, не раздумывая:

— Гибель Атлантиды.

— Я серьезно.

— Я тоже.

— Может, объясните, что вы имеете в виду?

— Я утопил Атлантиду, — сказал он, — лично.

Это было года три назад. И, боже мой! Это было великолепно! Там были башни слоновой кости, и золотые минареты, и серебряные балконы. Там были опаловые мосты, и алые флаги, и молочно-белая река, текшая между лимонных берегов. Там были нефритовые шпили; деревья, старые, как сам мир, щекотали животы облакам, а корабли в великой гавани Ксанаду, сработанные изящно, как музыкальные инструменты, качались

на волнах. Двенадцать принцев собирались в двенадцатиколонном Зодиакальном Колизее, чтобы послушать на закате грека, играющего на тенор-саксофоне.

Грек, разумеется, был моим пациентом — параноиком. Этиология его болезни была довольно сложной, но, войдя в его разум, я увидел именно это. Поначалу я дал ему волю, но в конце концов мне пришлось расколоть Атлантиду пополам и пустить ее на дно морское. Теперь он снова играет, и вы наверняка слышали его музыку, если вам вообще нравится такая музыка. Он хорош. Он до сих пор периодически ходит ко мне на приемы, но перестал быть последним потомком величайшего менестреля Атлантиды. Он всего лишь хороший саксофонист конца двадцатого века.

Но иногда, вспоминая апокалипсис, обрушенный мною на его величественное видение, я испытываю мимолетную тоску по утраченной красоте — потому что на одно-единственное мгновение его аномально сильные чувства стали моими чувствами, а он чувствовал, будто его сон — самое прекрасное, что есть на свете.

Рендер заново наполнил бокалы.

— Я спрашивала не совсем об этом, — сказала Айлин.

— Я знаю.

— Я спрашивала о чем-то реальном.

— Это было реальнее реального, уверяю вас.

— Не сомневаюсь, но…

— …но я уничтожил основание, которое вы закладывали под свою аргументацию. Ладно, прошу прощения. Я верну его вам. Вот кое-что, что может быть реальным: Мы движемся вдоль края огромной песчаной чаши, — начал он. — В нее медленно падает снег. Весной этот снег растает, и вода впитается в землю, или же ее испарит солнечный жар. И останется только песок. На песке ничего не растет, за исключением отдельных кактусов. Здесь никто не живет, кроме змей, редких птиц, насекомых, подземных тварей и одного-двух блуждающих койотов. Днем эти создания ищут тени. В любом месте, где на пути солнца есть старый забор, или камень, или череп, или кактус, вы найдете жизнь, скрывающуюся от стихий. Но цвета здесь невероятны, а стихии едва ли не более прекрасны, чем то, что они уничтожают.

— В округе нет такого места, — сказала Айлин.

— Если я говорю, что оно есть, значит, оно есть. Разве нет? Я его видел.

— Да… Вы правы.

— И не имеет значения, что это: картина кисти женщины по фамилии О'Кифф или вид из нашего окна, верно? Если я это видел?

— Я признаю истинность диагноза, — сказала она. — Хотите произнести его за меня?

— Нет, прошу вас.

Рендер снова наполнил маленькие бокалы.

— Повреждены мои глаза, — сказала она ему, — а не мозг.

Он зажег сигарету для нее.

— Я могу видеть чужими глазами, когда проникаю в чужой мозг.

Он зажег сигарету для себя.

— Нейропартиципация основывается на том факте, что две нервные системы способны разделять одни и те же импульсы, одни и те же фантазии…

– *Контролируемые* фантазии.

— Я могу проводить терапию и одновременно с этим воспринимать подлинные зрительные образы.

— Нет, — сказал Рендер.

— Вы не знаете, каково это — быть отрезанной от целой области ощущений! Знать, что умственно отсталый с болезнью Дауна способен испытать что-то, чего ты никогда не сможешь познать, — и

что он неспособен ценить это, потому что, как и ты, еще до рождения был приговорен в суде биологических случайностей, в месте, где нет справедливости — лишь удача, простая и чистая.

— Вселенная не придумала справедливости. Это сделал человек. К сожалению, человек вынужден жить во вселенной.

— Я не прошу о помощи вселенную — я прошу о ней вас.

— Мне жаль, — сказал Рендер.

— Почему вы не хотите помочь мне?

— В этот самый момент вы демонстрируете мою основную причину.

— То есть?..

— Эмоции. Это слишком много для вас значит. Когда терапевт синхронизируется с пациентом, он наркоэлектрически отгораживается от большинства собственных телесных ощущений. Это необходимо — потому что его разум должен быть полностью поглощен стоящей перед ним задачей. И столь же необходимо, чтобы его эмоции подверглись схожему ограничению. Разумеется, это невозможно, в том смысле, что человек всегда в той или иной степени испытывает эмоции. Но эмоции терапевта сублимируются в обобщенное ощущение восторга — или, как в моем случае,

творческого экстаза. В вашем случае, однако, способность «видеть» окажется ошеломляющей. Вам постоянно будет угрожать опасность утраты контроля над сном.

— Я не согласна.

— Естественно. Но факт остается фактом: вы будете иметь дело — постоянно иметь дело — с отклонениями. Сила неврозов невообразима для девяноста девяти целых и так далее десятых процента населения, потому что мы никогда не можем трезво оценить мощь наших собственных — не говоря уже о чужих, которые мы видим только снаружи. Вот поэтому ни один нейропартиципант никогда не согласится лечить полноценного психопата. Немногочисленные пионеры в этой области теперь сами стали пациентами. Это словно погружение в водоворот. Если терапевт потеряет контроль во время напряженного сеанса, он станет Ваяемым, а не Ваятелем. Когда нервные импульсы искусственно усилены, реакция синапсов подобна ядерной реакции. Эффект переноса почти мгновенен.

Пять лет назад я чудовищно много катался на лыжах. Потому что страдал клаустрофобией. Мне пришлось бежать, и у меня ушло шесть месяцев на то, чтобы ее обогнать, — и все из-за одной кро-

шечной оплошности, случившейся в неизмеримо малую долю секунды. Я вынужден был передать пациента другому терапевту. И это была всего лишь мелкая расплата… Если вы начнете восторгаться пейзажами, милая, то рискуете сделаться пожизненной обитательницей психиатрической клиники.

Она допила шампанское, и Рендер наполнил ее бокал. Ночь проносилась мимо. Они оставили город далеко позади, и дорога была открыта и пуста. Темнота все заметнее протискивалась меж падающих снежинок. «Спиннер» набрал скорость.

— Ну хорошо, — признала она, — может, вы и правы. Но тем не менее я думаю, что вы сумеете мне помочь.

— Как? — спросил он.

— Сделайте так, чтобы я привыкла видеть; чтобы зрительные образы утратили свою новизну, а эмоции сгладились. Возьмите меня в пациенты и избавьте от одержимости зрением. Тогда все, что вы сейчас сказали, перестанет иметь значение. Я смогу пройти обучение и уделять терапии все свое внимание. Я смогу сублимировать удовольствие от зрения во что-то иное.

Рендер задумался.

Не исключено, что такое возможно. Но это будет трудное начинание.

Однако оно может войти в историю психотерапии.

Людей, достаточно квалифицированных, чтобы это предпринять, не было, ведь никто прежде не пытался такое совершить.

Но Айлин Шалот была редкостью — нет, уникумом, — потому что, скорее всего, являлась единственным в мире человеком, сочетающим в себе необходимую профессиональную подготовку со специфической проблемой.

Рендер проглотил шампанское, наполнил свой бокал, наполнил ее бокал.

Он все еще размышлял над этой проблемой, когда загорелся сигнал «ВВЕДИТЕ НОВЫЕ КООРДИНАТЫ», а машина свернула на обочину и остановилась. Рендер отключил зуммер и долго сидел, погрузившись в мысли.

Другим людям не часто случалось услышать, как он высказывает свое отношение к собственному мастерству. Коллеги считали его скромным. Однако, если говорить без обиняков, стоило бы заметить, что тот день, когда за дело возьмется более умелый нейропартиципант, станет днем, когда беспокойного homo sapiens исцелит некто,

не слишком отличный от ангела.

Шампанского оставалось на два бокала. Потом Рендер забросил опустевшую бутылку в мусорную корзину в задней части салона.

— Знаете что? — сказал он наконец.

— Что?

— Стоит попробовать.

Он развернул кресло и склонился, чтобы ввести новые координаты, но Айлин оказалась быстрее. Когда он закончил нажимать кнопки, и «S-7» развернулся, она поцеловала его. Ее щеки под темными очками были мокрыми.

II

Самоубийство обеспокоило его сильнее, чем должно было, а миссис Ламберт позвонила днем раньше и отменила прием. Поэтому Рендер решил провести утро в меланхоличных раздумьях. И, в соответствии с этим решением, вошел в приемную, щеголяя сигарой и хмурым выражением лица.

— Вы видели?.. — спросила миссис Хеджес.

— Да. — Рендер бросил пальто на столик, стоявший в дальнем углу комнаты. Подошел к окну, взглянул вниз. — Да, — повторил он. — Я проезжал мимо с незатемненными окнами. Они еще

не закончили подчищать, когда я подъехал.

— Вы были с ним знакомы?

— Я даже имени его еще не знаю. Откуда?

— Мне только что звонила Присс Талли — секретарша из той инженерной фирмы на восемьдесят шестом. Она сказала, это был Джеймс Иризарри, рекламный дизайнер, который снимал офис в одном с ними коридоре… Оттуда падать очень высоко. Он ведь, должно быть, был без сознания, когда ударился о землю? Он отскочил от здания. Если откроете окно и высунетесь наружу, то увидите — там, слева, — где…

— Это не важно, Бенни… А ваша подруга не знает, почему он это сделал?

— Нет. Его секретарша с воплями выскочила в коридор. Она зашла в его кабинет, чтобы обсудить какие-то наброски, а он как раз спрыгивал с подоконника. На доске осталась записка. «У меня было все, чего я хотел, — говорилось в ней. — Так зачем ждать?» Забавно, да? Не в том смысле, что *забавно*…

— Да. Вам что-нибудь известно о его личной жизни?

— Женат. Двое детей. Хорошая профессиональная репутация. От заказов отбоя не было. Убежденный трезвенник… Мог позволить себе

офис в этом здании.

— Господи боже! — Рендер обернулся. — Вы что, досье на него собирали?

— Так получилось, — она пожала своими полными плечами, — у меня куча подружек по всему этому улью. Мы всегда болтаем друг с другом, когда заняться нечем. А Присси — вообще моя невестка…

— Вы хотите сказать, что если я вот прямо сейчас выпрыгну из этого окна, моя биография разлетится по всему зданию за следующие пять минут?

— Наверное, — ее ярко накрашенные губы изогнулись в улыбке, — плюс-минус пара минут. Только давайте не сегодня, хорошо?.. Это будет уже не так интересно и не получит такого освещения, как оригинал. Да и вообще, — продолжила она, — вы — мозгоправ. Вы этого не сделаете.

— Вы спорите со статистикой, — заметил Рендер. — Медики, наряду с адвокатами, делают это раза в три чаще, чем представители большинства других профессий.

— Эй! — На лице миссис Хеджес проступила тревога. — А ну-ка отойдите от моего окна! А то ведь мне придется наниматься к доктору Хэнсону, — добавила она, — а он — разгильдяй.

Рендер отошел к ее столу.

— Я все никак не могу понять, когда вы говорите всерьез, — пожаловалась она.

— Я ценю вашу заботу, — кивнул Рендер, — правда, ценю. Кстати говоря, я никогда не был подвержен влиянию статистики — иначе бы выбыл из нейропсихиатрической игры с травмой четыре года назад.

— А ведь вы попали бы в заголовки, — задумчиво проговорила она. — И меня опрашивала бы куча журналистов… Эй, а почему они это делают?

— Кто?

— Да кто угодно.

— Откуда мне знать, Бенни? Я всего лишь скромный душевед. Если бы я мог выявить общую первопричину самоубийств — а потом, может быть, разработать способ их предотвращать, — о, тогда это заинтересовало бы газеты даже больше, чем мой прыжок из окна. Но я не могу этого сделать, потому что единой простой причины не существует — мне так кажется.

— О.

— Около тридцати пяти лет назад самоубийство было девятой по частоте причиной смерти в Соединенных штатах. Теперь оно на шестом ме-

сте и в Северной, и в Южной Америке. А в Европе, кажется, на седьмом.

— И никто никогда не узнает, почему на самом деле прыгнул Иризарри?

Рендер развернул стул спинкой вперед и сел на него. Стряхнул пепел в крошечную блестящую пепельницу миссис Хеджес. Секретарша торопливо вытряхнула его в мусоропровод и со значением кашлянула.

— Ну, всегда можно строить теории, — сказал Рендер, — и представитель моей профессии обязательно это сделает. В первую очередь следует обратить внимание на черты характера, из-за которых человек может быть предрасположен к периодической депрессии. Люди, которые держат свои эмоции под жестким контролем, добросовестные люди, одержимые мелочами… — Рендер стряхнул еще частичку пепла в пепельницу и проследил за тем, как миссис Ходжес опустошила ее и быстро вернула на место. Он злодейски улыбнулся. — Короче говоря, — закончил он, — характеристики, типичные для тех, чья профессия требует индивидуальной, а не групповой работы — медицина, адвокатура, искусство.

Миссис Ходжес задумчиво пригляделась к нему.

— Но не беспокойтесь, — усмехнулся он, — я чертовски доволен жизнью.

— Но сегодня с утра вы что-то как в воду опущенный.

— Пит звонил. Вчера на уроке физкультуры он сломал лодыжку. Им стоило бы повнимательнее следить за такими вещами. Я подумываю о том, чтобы перевести его в другую школу.

— Опять?

— Возможно. Посмотрим. Сегодня днем мне позвонит директор. Мне не нравится постоянно перекидывать его из школы в школу, но я хочу, чтобы он окончил обучение в целости и сохранности.

— Ребенок не может повзрослеть без парочки несчастных случаев. Это… статистика.

— Статистика — не то же самое, что судьба, Бенни. Каждый создает свою.

— Статистику или судьбу?

— И то, и другое, пожалуй.

— Я думаю, что если чему-то суждено случиться — то оно и случится.

— А я — нет. Я, видите ли, считаю, что человеческая воля, подкрепленная здравым рассудком, способна до некоторой степени контролировать события. Если бы я так не считал, то не занимался

бы тем, чем занимаюсь.

— Мир — это машина… ну, знаете… причина, следствие. Статистика предлагает наиболее вероят…

— Человеческое сознание — не машина, и мне неведомы ни причины, ни следствия. Они не ведомы никому.

— Насколько я помню, у вас степень по химии. Вы ученый, док.

— Значит, я — отступник-троцкист, — улыбнулся Рендер, потягиваясь, — а вот вы когда-то были учительницей бальных танцев.

Он встал и взял свое пальто.

— Кстати, вам звонила мисс Де Вилл, оставила сообщение. Она сказала: «Как насчет Сен-Морица»?

— Слишком роскошно, — решил он вслух. — Это будет Давос.

* * *

Поскольку самоубийство обеспокоило его сильнее, чем должно было, Рендер закрыл дверь своего кабинета, отключил окна и включил проигрыватель. Он зажег только лампу на столе.

«Как изменилось качество человеческой жизни, — написал он, — со времен начала про-

мышленной революции?»

Рендер взял листок в руки и перечитал предложение. Его попросили выступить с лекцией на эту тему в ближайшую субботу. Как обычно в таких случаях, он не знал, что ему сказать, потому что у него было слишком много мыслей и всего лишь час, чтобы их высказать.

Он встал и начал расхаживать по кабинету, который наполняла Восьмая симфония Бетховена.

— Способность причинять вред, — сказал он, прицепив к лацкану микрофон и включив диктофон, — развивалась параллельно с техническим прогрессом. — Его воображаемые слушатели притихли. Он улыбнулся. — Способность человека к элементарному разрушению возросла благодаря массовому производству; его способность ранить душу в личном общении возросла пропорционально совершенствованию средств связи. Но все это общеизвестные факты, и сегодня я хочу поговорить не о них. Вместо этого мне хотелось бы обсудить то, что я называю аутопсихомимесисом — самогенерируемые тревожные комплексы, на первый взгляд весьма близкие к классическим паттернам, но на самом деле представляющие собой радикальное рассеивание психической энергии. Они типичны для нашего времени…

Он сделал паузу, чтобы выкинуть сигару и сформулировать следующие слова.

— Аутопсихомимесис, — подумал он вслух, — это самовозобновляющийся комплекс подражания — почти попытка привлечь к себе внимание. Примером может послужить джазист, который постоянно вел себя так, словно он был под кайфом, хотя ни разу в жизни не принимал вызывающих привыкание наркотиков и лишь смутно помнил тех, кто их принимал, — потому что все нынешние стимуляторы и транквилизаторы вполне безобидны. Точно Дон Кихот, он подражал легендам, хотя его музыки самой по себе могло быть достаточно для разрядки напряжения.

Или мой пациент, осиротевший во время Корейской войны и выживший благодаря заботам Красного Креста, ЮНИСЕФ и приемных родителей, которых он никогда не видел. Ему так сильно хотелось, чтобы у него была семья, что он ее выдумал. И что потом?.. Он возненавидел своего воображаемого отца и горячо возлюбил воображаемую мать — ибо он был очень умным мальчиком и тоже стремился к полуправде традиционных комплексов. Почему?

Сегодня каждый человек достаточно развит, чтобы понимать освященные временем пат-

терны психических нарушений. К настоящему времени многие причины этих нарушений были устранены — не так радикально, как у моего ныне взрослого сироты войны, но с такой же примечательной эффективностью. Мы живем в невротическом прошлом. И снова — почему? Потому что наше настоящее заточено под физическое здоровье, безопасность и комфорт. Мы победили голод, хотя сиротка из захолустья до сих пор предпочел бы получить коробку пищевых концентратов от человека, который о нем заботится, вместо теплого обеда от автомата посреди джунглей.

Физическое благополучие теперь является неотъемлемым правом каждого человека; его у нас в избытке. Реакция на это проявилась в сфере душевного здоровья. Благодаря технологиям причины множества старых общественных проблем ушли в прошлое, а следом за ними ушло множество причин психического стресса. Но между чернотой дня вчерашнего и белизной дня завтрашнего лежит великая серость дня сегодняшнего, полная ностальгии, а страх перед будущим, который не может быть выражен на чисто материальном уровне бытия, теперь находит выход в сознательном обращении к

историческим формам тревожности.

Телефон коротко звякнул. Рендер не расслышал его за Восьмой симфонией.

— Мы боимся того, чего не знаем, — продолжал говорить он, — а завтра — это величайшее непознанное. Тридцать лет назад моя специализированная область психиатрии еще даже не существовала. Наука теперь способна развиваться так быстро, что возникло настоящее общественное беспокойство — я бы даже назвал его страхом — насчет логического итога этого развития: полной механизации всего на свете.

Он проходил мимо стола, когда телефон снова зазвонил. Рендер выключил микрофон и приглушил Восьмую симфонию.

— Алло?

— Сен-Мориц, — сказала она.

— Давос, — твердо ответил он.

— Чарли, ты совершенно невыносим!

— Джилл, дорогая… ты тоже.

— Может, обсудим это сегодня вечером?

— Тут нечего обсуждать!

— Но ты заедешь за мной в пять?

Он поколебался и ответил:

— Да, в пять. А почему на экране ничего нет?

— Я была в парикмахерской. Собираюсь снова

тебя удивить.

Рендер подавил идиотский смешок и сказал:

— Надеюсь, приятно. Ну ладно, увидимся, — дождался ее «пока» и разорвал связь.

Он опрозрачил окна, выключил настольную лампу и выглянул наружу.

Вновь серость над головой, и множество медленных снежинок — блуждающих, не слишком тревожимых ветром, — что падали вниз, где терялись в общей мешанине…

А еще он увидел, открыв окно и высунувшись наружу, то место слева, где Иризарри оставил свой предпоследний след в этом мире.

Рендер закрыл окно и дослушал симфонию. Прошла неделя с тех пор, как он отправился в слепую поездку с Айлин. Она была записана на час дня.

* * *

Он помнил, как ее пальцы касались его лица, словно листья, или тела насекомых, изучая его внешность древним методом слепых. Воспоминание было не слишком приятным. Он спросил себя, почему.

Далеко внизу вымытый из шлангов участок тротуара вновь сделался чист; под тонким и

свежим белым саваном он был скользким, как стекло. Комендант здания торопливо выскочил на улицу и засыпал его солью, пока кто-нибудь не поскользнулся и что-нибудь себе не повредил.

* * *

Зигмунд был ожившим мифом о Фенрире. После того, как Рендер велел миссис Хеджес: «Впустите их», — начавшую было открываться дверь распахнули шире неожиданным толчком, и на него уставилась пара дымчато-желтых глаз. Глаза были утоплены в странно деформированной собачьей голове.

Лоб Зигмунда не был по-собачьи низким, пологим склоном, поднимавшимся от морды; он был высоким и мохнатым, отчего глаза казались посаженными даже глубже, чем на самом деле. Размеры и выражение этой морды заставили Рендера едва заметно содрогнуться. Раньше он видел только мутов-щенков. Зигмунд был взрослым, и его серо-черная шерсть имела склонность топорщиться, из-за чего он казался крупнее обычных представителей своей породы.

Он совершенно не по-собачьи посмотрел на Рендера и издал ворчание, в котором слишком отчетливо слышались слова «Здравствуйте, док-

тор», чтобы это было случайностью.

Рендер кивнул и встал.

— Здравствуй, Зигмунд, — сказал он. — Проходи.

Пес огляделся, понюхал воздух кабинета — как будто решал, можно ли впустить сюда свою подопечную. Потом вновь перевел взгляд на Рендера, утвердительно кивнул и плечом толкнул дверь. Возможно, все это знакомство заняло всего одну жутковатую секунду.

Айлин вошла следом за псом, легонько сжимая двойной поводок шлейки. Пес бесшумно прошел по толстому ковру — опустив голову, как будто кого-то преследовал. Он не разрывал зрительного контакта с Рендером.

— Так, значит, это Зигмунд?.. Как вы, Айлин?

— Хорошо. Да, он очень хотел пойти со мной, а я хотела, чтобы вы с ним познакомились.

Рендер подвел ее к креслу и помог сесть. Айлин отстегнула двойной поводок от шлейки пса и положила на пол. Зигмунд сел возле него, продолжая смотреть на Рендера.

— Как дела в Государственной психиатрической?

— Как обычно… Могу я выклянчить у вас сигарету, доктор? Свои я забыла.

Он вложил сигарету ей между пальцев, щелкнул зажигалкой. Айлин была одета в темно-синий костюм, и очки у нее были пламенно-голубые. Серебряное пятнышко на лбу отразило свет зажигалки; Айлин продолжала смотреть в эту точку даже после того, как Рендер убрал руку. Ее спадавшие до плеч волосы выглядели немного светлее, чем казалось в вечер их знакомства; сегодня они были точно свежеотчеканенная медная монета.

Рендер уселся на угол стола, подтащил к себе планету-пепельницу носком ботинка.

— Вы говорили, ваша слепота не означает, что вы никогда не видели. В тот раз я не попросил вас это объяснить. Но мне хотелось бы попросить сейчас.

— У меня был сеанс нейропартиципации с доктором Рискомбом, — сказала она, — перед тем, как с ним произошел несчастный случай. Он хотел, чтобы мой мозг привык к визуальным образам. К сожалению, второго сеанса так и не случилось.

— Понятно. Чем вы занимались во время того сеанса?

Она скрестила лодыжки, и Рендер отметил их точеную форму.

— В основном цветами. Опыт был весьма оше-

ломительным.

— Насколько хорошо вы их помните? Как давно это было?

— Около шести месяцев назад — и я никогда их не забуду. С тех самых пор мне снятся цветные узоры.

— Как часто?

— Несколько раз в неделю.

— Какие ассоциации у вас с ними связаны?

— Ничего конкретного. Просто теперь они возникают у меня в мозгу вместе с другими стимулами — довольно бессистемно.

— Как?

— Ну, например, когда вы задаете мне вопрос, я «вижу» своего рода желто-оранжевый узор. Ваше приветствие было серебристым. Теперь, когда вы просто сидите и молча слушаете меня, я ассоциирую вас с темным, почти фиолетовым синим цветом.

Зигмунд перевел взгляд на стол и уставился на боковую панель.

«Не слышит ли он, как внутри вращаются катушки диктофона? — спросил себя Рендер. — А если слышит, может ли догадаться, что это и что оно делает?»

Если да, то пес, без сомнения, все расскажет

Айлин — хотя она наверняка в курсе, что такая практика уже стала общепринятой, — и ей может не понравиться напоминание о том, что Рендер считает ее случай терапией, а не просто механическим адаптационным процессом. Если бы ему казалось, что от этого будет какая-то польза (Рендер мысленно улыбнулся при этой мысли), он обсудил бы это с псом наедине.

Он мысленно же пожал плечами.

— Тогда я построю достаточно элементарный фантазийный мир, — сказал он наконец, — и познакомлю вас сегодня с некоторыми из основных форм.

Она улыбнулась, и Рендер посмотрел на сидевший рядом с ней миф, чей язык напоминал кусок говяжьего стейка, свисающий с забора из кольев.

«Он что, тоже улыбается?»

— Спасибо, — сказала Айлин.

Зигмунд вильнул хвостом.

— Что ж, — Рендер затушил сигарету рядом с Мадагаскаром, — сейчас я достану «яйцо» и протестирую его. А тем временем, — он нажал незаметную кнопку, — возможно, музыка поможет вам расслабиться.

Айлин начала было отвечать, но вагнеровская увертюра задавила слова. Рендер снова нажал на

кнопку, и на мгновение воцарилась тишина, в которой он сказал:

— Хе-хе. Я-то думал, там дальше Респиги.

Ему понадобилось еще два нажатия кнопки, чтобы отыскать римские пинии.

— Могли бы и оставить, — заметила Айлин, — мне нравится Вагнер.

— Нет, спасибо, — отозвался Рендер, открывая отсек хранения, — я бы постоянно спотыкался обо все эти груды лейтмотивов.

* * *

Большое яйцо вплыло в кабинет, бесшумное, точно облако. Подкатывая его к столу, Рендер услышал за спиной тихое рычание. Он быстро обернулся.

Зигмунд стремительно, точно птичья тень, вскочил, пересек кабинет и уже кружил возле машины, обнюхивая ее, — хвост напряжен, уши прижаты к голове, зубы оскалены.

— Спокойно, Зиг, — сказал Рендер. — Это Омниканальный Нейронный ПП. Он не кусается. Это просто машина, как автомобиль, ти-ви или посудомойка. Сегодня мы с его помощью покажем Айлин, как выглядят некоторые вещи.

— Не нравится, — пророкотал пес.

— Почему?

Ответа у Зигмунда не нашлось, поэтому он неслышно подошел к Айлин и уложил голову ей на колени.

— Не нравится, — повторил пес, глядя на нее.

— Почему?

— Нет слов, — ответил, подумав, пес. — Теперь мы пойдем домой?

— Нет, — возразила она. — Ты свернешься в уголочке и вздремнешь, и я свернусь в этой машине и тоже вздремну — ну, или что-то вроде.

— Плохо, — сказал пес, опустив хвост.

— Ну же, — она подтолкнула его, — ляг и веди себя хорошо.

Зигмунд подчинился, но заскулил, когда Рендер затемнил окна и коснулся кнопки, превращавшей его стол в рабочее место оператора.

А потом заскулил еще раз — когда яйцо, уже подключенное к розетке, треснуло пополам, и верхняя часть его отъехала назад и вверх, открывая внутреннюю полость.

Рендер сел. Его кресло превратилось в анатомическую кушетку и наполовину заехало под консоль. Он выпрямился, и кушетка выехала обратно, вновь становясь креслом. Рендер коснулся стола, и половина потолка отделилась, изменила

форму и опустилась, зависнув над ним огромным колоколом. Он встал и подошел к ро-матке. Пока Респиги говорил о пиниях и тому подобном, Рендер вытащил из-под яйца наушник и оперся спиной на свой стол. Зажав одно ухо плечом и прижав наушник к другому, он свободной рукой пробежался по кнопкам. Лиги прибоя утопили в себе симфоническую поэму; мили трафика подавили ее; от звона колоссального колокола по ней побежали дорожки трещин; а записанный голос сказал: «Теперь, когда вы просто сидите и молча слушаете меня, я ассоциирую вас с темным, почти фиолетовым синим цветом…»

Рендер перешел к маске и проверил ее: *раз* — корица, *два* — перегной, *три* — густой мускусный запах рептилии… и дальше, через жажду и вкусы меда, уксуса и соли, и обратно, через лилии и мокрый бетон, предгрозовое дуновение озона и все базовые ароматические и вкусовые нотки городского утра, дня и вечера.

Лежанка, как обычно, плавала в своем ртутном озерце, магнитно стабилизированном стенками яйца. Рендер подготовил пленки.

Ро-матка была в идеальном состоянии.

— Отлично, — сказал Рендер, оборачиваясь, — все в норме.

Айлин как раз укладывала очки на стопку одежды. Она разделась, пока Рендер проверял машину. Его возмутили ее узкая талия, ее большие груди с темными остриями, ее длинные ноги. Она слишком хорошо сложена для женщины своего роста, подумал Рендер.

Но, глядя на нее, он понял: больше всего его раздражает, разумеется, то, что она — его пациентка.

— Я готова, — сказала Айлин, и Рендер подошел к ней.

Он взял ее за локоть и подвел к машине. Пальцы Айлин исследовали внутренности яйца. Помогая ей залезть внутрь, он заметил, что глаза у нее яркого цвета морской волны. Этого он тоже не одобрил.

— Вам удобно?

— Да.

— Хорошо, тогда мы готовы. Сейчас я закрою крышку. Приятных снов.

Верхняя часть скорлупы медленно опустилась. Закрывшись, она сделалась непрозрачной, а потом блестящей. Рендер смотрел на собственное искаженное отражение.

Он направился к столу.

Зигмунд стоял, загораживая ему путь.

Рендер склонился, чтобы потрепать его по голове, но пес ее отдернул.

— Возьмите меня, с собой, — прорычал он.

— Боюсь, это невозможно, старина, — сказал Рендер. — К тому же мы никуда не денемся. Мы просто будем спать здесь, в этой самой комнате.

Пса это, похоже, не успокоило.

— Зачем?

Рендер вздохнул. Спор с собакой был одной из самых нелепых вещей, которые он мог вообразить себе трезвым.

— Зиг, — сказал он. — Я пытаюсь помочь ей узнать, как выглядят вещи. Ты, без сомнения, прекрасно справляешься с тем, чтобы направлять ее в этом мире, которого она не видит, — но теперь ей нужно узнать, как он выглядит, и я ей это покажу.

— Тогда я буду ей не нужен.

— Конечно, ты будешь ей нужен. — Рендер едва не рассмеялся. Жалость здесь была настолько переплетена с абсурдом, что он не мог ничего с собой поделать. — Я не могу восстановить ее зрение, — объяснил он. — Я просто передам ей кое-какие абстрактные визуальные образы — вроде как ненадолго одолжу ей свои глаза. Понимаешь?

— Нет, — ответил пес. — Возьмите мои.

Рендер выключил музыку.

«Об отношениях мутов с хозяевами, пожалуй, можно написать томов шесть, — решил он, — на немецком».

Он указал на дальний угол.

— Приляг вон там, как велела тебе Айлин. Это не займет много времени, а когда все закончится, вы уйдете так же, как и пришли — ты будешь ее вести. Хорошо?

Зигмунд не ответил, но отвернулся и ушел в угол, вновь опустив хвост.

Рендер сел в кресло и опустил колпак — модификацию ро-матки для операторов. Он остался наедине с девяноста белыми и двумя красными кнопками. За пределами консоли мир терялся в черноте. Рендер ослабил галстук и расстегнул воротник.

Он снял с держателя шлем и проверил его провода. Потом надел его, надвинул на нижнюю часть лица полумаску и опустил ей навстречу козырек. Уложил правую руку на подвес и одним движением пальца лишил пациентку сознания.

Ваятель не нажимает белые кнопки сознательно. Он просто желает перемены условий. После чего глубоко укоренившиеся мышечные рефлек-

сы оказывают почти незаметное воздействие на чувствительный подвес для руки, который перемещается в нужное положение и побуждает вытянутый палец двинуться вперед. Нажимается кнопка. Подвес перемещается дальше.

Рендер ощутил покалывание в основании черепа; он почуял запах свежескошенной травы.

И вот он уже движется по широкой серой дороге между мирами.

Спустя долгое, как ему показалось, время Рендер ощутил, что стоит на незнакомой Земле. Он ничего не видел; лишь ощущение присутствия подсказало ему, что он на месте. Это была темнейшая из всех пережитых им темных ночей.

Он пожелал, чтобы тьма рассеялась. Ничего не произошло.

Пробудилась часть его рассудка — Рендер и не осознавал, что она спала; он вспомнил, в чей мир вошел.

Он прислушался, отыскивая ее. Он услышал страх и предвкушение.

Он повелел возникнуть цвету. Для начала — красный…

Он ощутил отклик. Потом пришло эхо.

Все стало красным; он стоял в сердце безграничного рубина.

Оранжевый. Желтый…

Его пленил кусок янтаря.

Теперь зеленый, и Рендер добавил к нему чувственное дыхание моря. Синий, и прохлада вечера.

Затем он напряг свой разум, призвав все цвета разом. Они пришли в виде огромных вихрящихся клубов.

Тогда он разорвал их на куски и навязал им форму.

В черном небе выгнулась сияющая радуга.

Он заставил серый и коричневый цвета проявиться у себя под ногами. Сияющие изнутри, они возникли — мерцающими, меняющими форму пятнами.

Где-то — ощущение восторга. Но в нем не было и следа истерики, поэтому Рендер продолжил Ваять.

Он создал горизонт, и чернота утекла за него. Небо приобрело синеватый оттенок, и Рендер выгнал на него стадо темных туч. Его попытки создать расстояние и глубину встречали сопротивление, поэтому он подкрепил картину едва слышным шумом прибоя. Тогда начался медленный перенос аудиального концепта расстояния, по мере того, как он перемещал облака по небу.

Поднялась волна акрофобии, и Рендер быстро скорректировал ее, возведя высокий лес.

Паника унялась.

Рендер сосредоточился на высоких деревьях — дубах и соснах, тополях и платанах. Он вонзил их в землю, точно копья, неровными зелено-коричнево-желтыми рядами, развернул густой ковер утренне-влажной травы, разбросал на неравных расстояниях друг от друга серые валуны и зеленоватые бревна, перекрестил и переплел ветви над головой, укрыв лощину ровной тенью.

Эффект был поразительный. Казалось, будто весь мир сотрясся во всхлипе, а потом притих.

В тишине Рендер ощущал ее присутствие. Он решил, что лучше всего будет побыстрее заложить основу, создать осязаемую базу, подготовить поле операций. Потом он сможет вернуться назад, исправить и вылечить результаты травмы на грядущих сеансах; но для начала по крайней мере без этого было не обойтись.

Вздрогнув, он осознал, что молчание не было отстранением. Айлин незримо присутствовала в деревьях и в траве, в камнях и в кустах; она персонализировала их формы, соотносила их с тактильными ощущениями, звуками, температурами, запахами.

Рендер колыхнул ветви деревьев легким ветерком. За самой границей поля зрения он вызвал к жизни плеск ручейка.

Возникло ощущение счастья. Он его разделял.

Она воспринимала все это на редкость хорошо, и Рендер решил расширить масштабы сеанса. Он отпустил свой разум блуждать среди деревьев, испытав мимолетное удвоение зрения, во время которого увидел гигантскую руку, на алюминиевой колеснице несущуюся к белому кругу.

Теперь он оказался возле ручейка и осторожно начал искать Айлин.

Рендер тек вместе с водой. Он еще не обрел формы. Плеск сменялся бульканьем, когда он проводил ручеек сквозь узкие места и над камнями. Повинуясь ему, вода стала более красноречивой.

— Где вы? — спросил ручеек.

Здесь! Здесь!

Здесь!

…и здесь! ответили деревья, кусты, камни, трава.

— Выберите одно место, — сказал ручеек, расширился, обогнул массивный валун, а потом повернул к склону, направляясь к голубому озерцу.

Я не могу, ответил ветер.

— Вы должны. — Ручеек сделался еще шире и излил себя в озерцо, взбаламутил его поверхность, потом унялся и отразил ветви и темные тучи. — Сейчас же!

Хорошо, ответило лесное эхо, *подождите.*

Над озером поднялся туман и поплыл к берегу.

— Сейчас! — прозвенел туман.

Значит, здесь…

Ее выбор пал на маленькую иву. Она качалась на ветру; она купала ветви в воде.

— Айлин Шалот, — сказал Рендер, — взгляните в озеро.

Ветерок переменился; ива склонилась.

Ему нетрудно было вспомнить ее лицо, ее тело. Дерево завращалось, точно лишившись корней. Айлин стояла в эпицентре тихого взрыва листвы; она смотрела, испуганная, в темно-синее зеркало разума Рендера, в озеро.

Она закрыла лицо руками, но это не могло помешать ей видеть.

— Взгляните на себя, — сказал Рендер.

Она опустила руки и посмотрела вниз, потом медленно покрутилась из стороны в сторону; она изучала себя. И наконец:

— Мне кажется, что я красива, — сказала она. — Я ощущаю это, потому что вам так хочется, или

это правда?

Говоря, она оглядывалась в поисках Ваятеля.

— Это правда, — ответил Рендер отовсюду.

— Спасибо.

Взметнулся белый вихрь, и она облачилась в перетянутые поясом одежды из дамаста. Свет вдалеке сделался неуловимо ярче. Основание самой низкой тучи тронуло розовым.

— Что там происходит? — спросила Айлин, повернувшись в ту сторону.

— Я покажу вам рассвет, — ответил Рендер, — и, скорее всего, немножко с ним напортачу, — но не стоит забывать, что это первый мой профессиональный рассвет в подобных обстоятельствах.

— А где *вы*? — спросила она.

— Везде, — ответил он.

— Пожалуйста, примите облик, чтобы я могла вас видеть.

— Хорошо.

— Ваш настоящий облик.

Он пожелал встать рядом с ней на берегу — и встал.

Ошеломленный металлическим блеском, он опустил взгляд. Мир на мгновение отступил, а потом вновь стабилизировался. Рендер рассмеялся, и смех заледенел, когда он кое о чем вспомнил.

На нем были те самые доспехи, что стояли возле их столика в «Куропатке и скальпеле» тем вечером, когда они познакомились.

Айлин протянула руку и коснулась их.

— Доспехи, стоявшие у нашего столика, — подтвердила она, пробежавшись пальцами по пластинам и стыкам. — Той ночью я ассоциировала их с вами.

— …а теперь запихнули меня в них, — прокомментировал он. — У вас сильная воля.

Доспехи исчезли, и теперь на нем был его серо-коричневый костюм, и ослабленный галстук цвета запекшейся крови, и профессиональное выражение лица.

— Узрите настоящего меня, — едва заметно улыбнулся он. — А теперь — закат [83]. Я использую все цвета. Смотрите!

Они уселись на возникшую позади них зеленую парковую скамейку, и Рендер указал в ту сторону, которую решил назначить востоком.

Солнце медленно меняло свои утренние на-

---

[83] Примечания: 83

В каждом издании повести здесь стоит слово «закат», хотя в окружающем его тексте говорится об утре. Изучение рукописи в сиракузском архиве показало, что Желязны не просто напечатал «закат», но и выделил это слово, ставя на него акцент. Таким образом, это не описка, а свидетельство того, что Рендер уже сходит с ума. (*Прим. составителя.*)

строения. Впервые в этом конкретном мире оно сияло с небес, словно бог, и отражалось от озера, и разгоняло облака, и заставляло пейзаж дымиться туманом, поднимавшимся от мокрых деревьев.

Наблюдая, пристально наблюдая, глядя прямо на возносящийся костер, Айлин долгое время не двигалась и не говорила. Рендер чувствовал ее упоение.

Она смотрела на источник всего света; он отражался от сверкающей монеты у нее на лбу одинокой каплей крови.

Рендер сказал:

— Это солнце, а это тучи, — тут он хлопнул в ладоши, и тучи укрыли солнце, а с небес донесся негромкий рокот, — а это — гром, — закончил он.

Обрушился дождь, расколол озеро и защекотал им лица, выбил резкую дробь на листьях, а потом мягкую дробь, капая с ветвей в вышине, промочил им одежду и прилепил волосы к головам, пробежал по шеям и затек в глаза, превратил в грязь пятна бурой земли.

По небу разбрызгалась молния, а секундой позже вновь загремел гром.

— …А это — летняя гроза, — продолжал урок Рендер. — Взгляните, как дождь меняет листву

и нас самих. То, что вы только что видели в небе перед раскатом грома, было молнией.

— …Слишком много, — сказала она. — Уймите его на минутку, пожалуйста.

Дождь немедленно прекратился, и солнце пробилось сквозь тучи.

— Мне чертовски хочется сигаретку, — призналась Айлин, — но я оставила свои в другом мире.

Стоило ей это сказать, как сигарета возникла, уже зажженная, между ее пальцев.

— Вкус будет пустоват, — странным тоном предупредил Рендер.

Он какое-то время смотрел на нее, а потом:

— Я не давал вам эту сигарету, — заметил он. — Вы вытащили ее у меня из головы.

Дым лесенками и спиралями поднимался вверх, и его уносило прочь.

— …А это значит, что уже второй раз за сегодня я недооценил притяжение этого вакуума в вашем мозгу — в том месте, где должно быть зрение. Вы впитываете эти новые впечатления очень быстро. Вы даже начинаете тянуться за новыми. Будьте осторожны. Старайтесь сдерживать этот импульс.

— Он словно голод, — сказала она.

— Быть может, нам стоит завершить этот сеанс

прямо сейчас.

Их одежда снова была сухой. Запела птица.

— Нет, подождите! Пожалуйста! Я буду осторожна. Я хочу увидеть больше.

— Всегда будет следующий визит, — сказал Рендер. — Но, полагаю, мы можем взглянуть еще на что-нибудь. Есть ли что-то такое, что вы очень хотели бы увидеть?

— Да. Зиму. Снег.

— Хорошо, — улыбнулся Ваятель, — тогда укутайтесь в эту шубку…

* * *

После ухода пациентки день пробежал стремительно. Рендер пребывал в хорошем настроении. Он чувствовал себя опустошенным и снова наполненным. Первое испытание прошло без каких-либо последствий. Он решил, что добьется успеха. Его удовлетворение было сильнее страха. И Рендер в приятном возбуждении возвратился к работе над речью.

— …Но что же такое способность причинять вред? — спросил он у микрофона.

— Мы живем для удовольствия, и мы живем для боли, — ответил он себе. — И то, и другое может нам мешать; и то, и другое может нас поощрять.

Но хотя удовольствие и боль укоренены в биологии, они обуславливаются обществом: таким образом создаются ценности. Из-за огромных человеческих масс, каждый день хаотично меняющих положение в пространстве во всех городах мира, неизбежно возник целый ряд абсолютно бесчеловечных инструментов сдерживания этих перемещений. Каждый день они пробираются все в новые области — водят наши машины, наши самолеты, берут у нас интервью, ставят нам диагнозы — и я не могу даже морально осудить эти вторжения. Они сделались необходимыми. В конечном итоге они могут оказаться спасительными.

Однако я веду к тому, что зачастую мы сами не имеем представления о собственных ценностях. Мы не можем искренне сказать, что значит для нас та или иная вещь, пока ее не устранят из нашей жизни. Если перестанет существовать нечто ценное, тогда заключенная в нем психическая энергия высвободится. Мы ищем новые ценности, в которые могли бы вложить эту энергию — ману, если пожелаете, либидо, если не пожелаете. И ни одно явление, исчезнувшее за последние три, четыре или пять десятилетий, само по себе не было грандиозно значимым; и ни одно новое явление,

возникшее за это время, не несет грандиозного вреда тем людям, которых заменило, или тем, которых оно в том или ином смысле контролирует. Однако общество состоит из множества явлений, и когда эти явления меняются слишком быстро, результат непредсказуем. Глубокое изучение психического заболевания часто раскрывает природу стрессов в том обществе, которое породило эти заболевания. Если паттерны тревожности захватывают конкретные группы и классы, значит, они могут рассказать кое-что о неудовлетворенности общества. Карл Юнг указывал, что, когда сознание постоянно испытывает фрустрацию в поисках ценностей, оно обращает эти поиски к бессознательному; потерпев неудачу и там, оно направляет свои стопы к гипотетическому коллективному бессознательному. В послевоенном анализе бывших нацистов он отметил, что чем дольше они искали, что им построить на руинах их жизней, — пережив период классического иконоклазма, а потом увидев, как рухнули и новые их идеалы, — чем дольше они искали, тем дальше, похоже, заходили в коллективное бессознательное своего народа. Сами их мечты начали строиться по паттернам тевтонских мифов.

Это, гораздо менее драматичным образом,

происходит и сегодня. Бывают исторические периоды, когда сознание большинства стремится замкнуться на себе самом, обратиться к прошлому, сильнее, чем в другие времена. Мы живем как раз в такую эпоху донкихотства, в изначальном смысле этого слова. Это происходит потому, что в наше время способность причинять вред есть способность игнорировать, сбивать с толку, — и она больше не является эксклюзивной собственностью людей…

Его прервал звонок. Рендер выключил диктофон, коснулся телефона.

— Чарльз Рендер слушает, — сообщил он ему.

— Это Пол Чартер, — прошепелявил телефон. — Я директор школы Диллинга.

— Да?

Появилось изображение. Рендер увидел мужчину с близко посаженными глазами под высоким лбом. Лоб был покрыт глубокими морщинами; рот кривился при разговоре.

— Я хотел бы снова извиниться перед вами за случившееся. Причиной стала неисправность оборудования…

— Вы что, не можете позволить себе приличное оборудование? Денег за обучение вы получаете достаточно.

— Оно было *новым*. Виноват производственный дефект…

— А в спортзале разве не было никого из учителей?

— Был, но…

— Почему он не проверил оборудование? Почему он не оказался рядом, чтобы предотвратить падение?

— Он *был* рядом, но все случилось слишком быстро, чтобы он успел что-нибудь сделать. А что касается проверки оборудования на предмет производственных дефектов — это не его работа. Послушайте, мне очень жаль. Мне нравится ваш сын. Уверяю вас, ничего подобного больше не случится.

— Тут вы правы. Но только потому, что завтра утром я его заберу и переведу в школу, которая предпринимает необходимые меры предосторожности.

Рендер оборвал разговор движением пальца. Через несколько минут он встал и подошел к маленькому стенному сейфу, отчасти замаскированному, но не скрытому книжной полкой. Рендеру понадобилось всего мгновение, чтобы открыть его и достать шкатулку, в которой хранились дешевые бусы и рамка с фотографией,

запечатлевшей мужчину, похожего на него, но моложе, и женщину с зачесанными кверху темными волосами и маленьким подбородком, а между ними двоих детей — девочка держала младенца на руках и вымучивала широкую скучающую улыбку. Рендер, как всегда в таких случаях, смотрел на фотографию всего несколько секунд, поглаживая бусы, прежде чем закрыть шкатулку и вновь запереть ее в сейфе на долгие месяцы.

* * *

«*Вумп! Вумп!*» — гудел бас. «*Чиг-чиг-чига-чиг*» — мараки.

Желатиновые светофильтры забрызгивали поразительных металлических танцоров красными, зелеными, синими и отвратительно желтыми кляксами.

«ЛЮДИ?» — спрашивала афиша.

«РОБОТЫ?» (чуть ниже).

«ПРИХОДИТЕ И ВЗГЛЯНИТЕ!» (в самом низу, загадочно).

Так они и сделали.

Рендер и Джилл сидели за микроскопическим столиком, к счастью, стоявшим у стены, под угольными карикатурами на в основном неиз-

вестных им людей (среди субкультур города с четырнадцатимиллионным населением было так много знаменитостей). Наморщив нос от удовольствия, Джилл не сводила взгляда с нынешнего центра притяжения этой конкретной субкультуры, время от времени поднимая плечи к ушам, чтобы проакцентировать тихий смех или короткий взвизг, потому что танцоры были *слишком* похожи на людей — тем, как черный робот пробегался пальцами по предплечью серебристого робота, когда они отстранялись и расходились…

Рендер делил свое внимание между Джилл, танцорами и жуткого вида коктейлем, больше всего похожим на маленькое ведерко виски с лимонным соком, укрытое ковром водорослей (из-под которых в любой момент мог восстать Кракен, чтобы утянуть какой-нибудь злополучный корабль навстречу гибели).

— Чарли, мне кажется, это на самом деле люди!

Рендер вызволил свой взгляд из плена ее волос и подпрыгивающих сережек.

Он изучил танцоров на площадке чуть ниже столиков, в окружении музыки.

Под этими металлическими оболочками *и*

впрямь могли скрываться люди. Если так, то их танец был демонстрацией величайшего мастерства. Пусть производство достаточно легких сплавов проблемы и не представляло, танцору было бы непросто так свободно — и так долго, и с такой внешне непринужденной легкостью — резвиться закованным с ног до головы в доспех так, чтобы тот не скрежетал, не стучал и не гремел.

Беззвучно…

Они парили, как будто две чайки: тот, что покрупнее, — цвета отполированного антрацита, а второй — точно укутанный шелком манекен, освещенный лунным светом.

Даже когда они касались друг друга, звуков не было — а если и были, их полностью маскировал ритм оркестра.

Вумп-вумп! Чига-чиг!

Рендер снова глотнул коктейля.

Роботы постепенно перешли на танец апачей. Рендер взглянул на часы. Слишком долго для обычных артистов, решил он. Это наверняка роботы. Когда он снова поднял взгляд, черный робот отбросил серебристую партнершу футов на десять и повернулся к ней спиной.

Металлического лязга не было.

«Интересно, сколько они стоили?» — подумал Рендер.

— Чарли! Звука не было! Как им это удалось?

— Понятия не имею, — ответил Рендер.

Свет снова стал желтым, потом красным, потом синим, потом зеленым.

— Кажется, будто это должно было повредить им механизмы, верно?

Белый робот приполз обратно, а второй между тем вращал запястьем, сжимая в пальцах зажженную сигарету. Когда он механически прижал ее к своему безгубому и безликому лицу, послышался смех. Серебристый робот встал перед черным. Тот снова отвернулся, бросил сигарету, медленно и бесшумно ее затоптал, а потом внезапно повернулся к партнерше. Снова собирается ее бросить? Нет…

Они медленно, точно длинноногие восточные птицы, возобновили свои движения — медленно, и со множеством поворотов.

Где-то в глубине души Рендер находил это забавным, но был слишком пьян, чтобы спросить себя, что в этом смешного. И вместо этого отправился искать Кракена на дне стакана.

Потом Джилл ухватила его за бицепс, возвращая внимание к танцевальной площадке.

Пока прожектор истязал спектр, черный робот поднял серебристого высоко над головой, медленно, медленно, а потом принялся вращаться в этой позиции — руки вытянуты, спина выгнута, ноги скрещены, — поначалу неспешно. Потом стремительней.

И вот они уже крутятся с невероятной скоростью, а светофильтры в прожекторе сменяются все быстрее и быстрее.

Рендер помотал головой, чтобы прочистить ее.

Танцоры вращались так быстро, что *не могли* не упасть — будь они хоть людьми, хоть роботами. Но они не падали. Они были мандалой. Они были серым единством. Рендер опустил взгляд.

Потом — замедление, и еще медленнее, и еще медленнее. Они остановились.

Музыка остановилась.

За этим последовала темнота. Ее наполнили аплодисменты.

Когда свет снова зажегся, два робота стояли, точно статуи, лицами к зрителям. Медленно, очень медленно, они поклонились.

Аплодисменты сделались громче.

Потом роботы развернулись и скрылись.

Заиграла музыка, и свет снова лишился окраски. Загомонили голоса. Рендер поверг Кракена.

— Что ты об этом думаешь? — спросила у него Джилл.

Рендер состроил серьезное лицо и проговорил:

— Кто я: человек, которому снится, что он робот, или робот, которому снится, что он человек? — Он усмехнулся и добавил: — Не знаю.

Джилл весело стукнула его кулаком в плечо, и Рендер заметил, что она пьяна.

— А вот и нет! — запротестовала она. — Ну, или не сильно. Не так сильно, как ты.

— И тем не менее я считаю, что тебе стоит обратиться ко врачу. Например, ко мне. Например, прямо сейчас. Давай уйдем отсюда и прокатимся.

— Не сейчас, Чарли. Я хочу еще раз на них посмотреть, можно? Пожалуйста?

— Если я выпью еще, то не смогу их разглядеть.

— Тогда закажи кофе.

— Фу-у!

— Тогда пиво.

— Переживу и без этого.

На площадке уже танцевали люди, но ноги Рендера казались отлитыми из свинца.

Он зажег сигарету.

— Значит, ты сегодня разговаривал с собакой?

— Да. В этом есть что-то пугающее…

— Она была красивой?

— Это был пес. И, боже, какой уродливый!

— Глупенький. Я имею в виду его хозяйку.

— Ты же знаешь, Джилл, я никогда не обсуждаю пациентов.

— Ты рассказал мне, что она слепая и что у нее есть собака. Я хочу только узнать, красивая она или нет.

— Ну… И да, и нет. — Он подтолкнул ее ногой под столом и сделал неопределенный жест. — Понимаешь…

— Нам того же, — сказала Джилл официанту, который неожиданно возник из ближайшего омута тьмы, кивнул и так же внезапно скрылся.

— Вот и конец моим благим намерениям, — вздохнул Рендер. — Посмотрим, как тебе понравится, когда тебя будет обследовать пьяный болван, вот и все, что я могу сказать.

— Ты быстро протрезвеешь, как всегда. Клятва Гиппократа и все такое.

Он фыркнул, поглядел на часы.

— Завтра мне нужно быть в Коннектикуте. Забрать Пита из этой чертовой школы.

Джилл вздохнула, уже утомленная этой темой.

— Мне кажется, ты слишком сильно о нем беспокоишься. Любой мальчишка может сломать

лодыжку. Это часть взросления. Когда мне было семь, я сломала запястье. Это была случайность. Школа не повинна в том, что такое иногда происходит.

— Черта с два, — сказал Рендер, беря свой темный коктейль с темного подноса, который держал темный человек. — Если они не способны работать как следует, я найду тех, кто способен.

Джилл пожала плечами:

— Ты начальник. Я знаю только то, о чем читаю в газетах… И ты все еще нацелен на Давос, хоть и знаешь, что в Сен-Морице познакомишься с людьми выше классом? — добавила она.

— Мы туда на лыжах кататься летим, не забыла? В Давосе мне трассы нравятся больше.

— Мне сегодня ни в чем не одержать победу, да?

Он сжал ее руку.

— В моих глазах ты всегда победительница, милая.

И они пили коктейли, и курили сигареты, и держались за руки, пока люди не покинули танцплощадку и не разошлись по своим микроскопическим столикам, а светофильтры не завращались, превращая облака дыма из адских в рассветные и обратно, и бас не прогудел «*Вумп*!»

«*Чига-чига!*»
— Ох, Чарли! Они возвращаются!

* * *

Небо было кристально ясным. Дороги — чистыми. Снег прекратился.

Дыхание Джилл было дыханием спящей. «S-7» неслась по мостам города. Сидя неподвижно, Рендер мог убедить себя, что пьяно лишь его тело; но стоило ему качнуть головой, как вселенная начинала плясать вокруг него. Пока она это делала, он воображал, что находится во сне и Ваяет окружающий мир.

На мгновение это стало правдой. Рендер пустил большие небесные часы вспять, улыбаясь во сне. В следующее мгновение он снова проснулся и перестал улыбаться.

Вселенная отомстила ему за высокомерие. На один воскрешенный миг беспомощности, которую он безнадежно любил, она вновь заставила его расплатиться видением озерного дна; и когда Рендер в очередной раз двинулся к погибшей машине на дне мира — как пловец, столь же бессильный заговорить, — он услышал раздавшийся где-то высоко над Землей и просочившийся к нему сквозь толщу надземных вод вой волка Фен-

рира, готовившегося поглотить Луну; а услышав его, Рендер понял, что этот звук был схож с трубой судного дня точно так же, как сидевшая рядом с ним женщина была несхожа с луной. Во всем. В каждой мелочи. И он испугался.

III

«…Простота, резкость и прямолинейность. Таков Уинчестерский собор, — говорилось в путеводителе. — С помощью поднимающихся от пола до потолка столбов, подобных множеству толстых стволов, он добивается безжалостной власти над своими внутренними пространствами: потолки плоские, каждый неф, отделенный этими столбами, сам по себе является воплощением уверенности и стабильности. В чем-то он поистине кажется отражением духа Вильгельма Завоевателя. Это презрение к пустому украшательству и страстная приверженность любви к иному миру также сделали бы его уместной декорацией для какой-нибудь истории Мэлори…»

— Обратите внимание на фестонные капители, — сказал экскурсовод. — Своим примитивным каннелированием они предвосхитили то, что позднее стало распространенным мотивом…

— Пф-ф-ф! — фыркнул Рендер — но тихо, потому

что был частью группы в соборе.

— Тсс! — шикнула Джилл (Фотлок — вот какая у нее была настоящая фамилия) Де Вилл.

На самом деле Рендер был не только измучен, но и впечатлен.

Но ненависть к хобби Джилл сделалась настолько рефлекторной, что он скорее сел бы отдыхать под восточное орудие пытки, которое капало бы водой ему на макушку, чем признался, что порой ему нравилось прогуливаться по аркадам и галереям, пассажам и тоннелям, и выдыхаться, взбираясь по высоким винтовым лестницам башен.

Поэтому он пробежался взглядом по собору, сжег его, смежив веки, а потом выстроил заново из еще дымящегося пепла памяти — все для того, чтобы позднее повторить это представление, поделившись видением с той своей пациенткой, которая не могла видеть иначе. Это здание ему не нравилось меньше прочих. Да, он заберет его к ней.

Фотографируя окружение камерой своего мозга, Рендер шел вместе с остальными; на руке у него висело пальто, пальцы жаждали потянуться за сигаретой. Он старался игнорировать экскурсовода, хоть и понимал, что это нижайшая из

всех форм человеческого протеста. Шагая по Уинчестерскому собору, он думал о двух последних сеансах с Айлин Шалот. Он вспоминал, как, почти против своей воли, подобно Адаму называл всех животных, что проходили перед ними, ведомые, разумеется, тем, кого она хотела увидеть *больше всех* и кого неприязнь Рендера сделала устрашающим. После того, как он перечитал старый учебник ботаники, а потом Изваял и представил ей все полевые цветы, им овладело приятное буколическое настроение.

Пока что они держались вдали от городов, вдали от машин. Она все еще испытывала слишком бурные эмоции при виде простых, осторожно представленных ей объектов, чтобы рисковать и погружать ее в такую сложную и хаотичную дикую среду; ее город предстояло строить медленно.

Что-то стремительно пролетело над собором, издав сверхзвуковой хлопок. Рендер на мгновение взял Джилл за руку и улыбнулся, когда она посмотрела на него. Джилл знала, что балансирует на самой грани красоты, и обычно предпринимала все усилия, чтобы ее достичь. Но сегодня ее волосы были просто забраны в узел на затылке, а губы и глаза остались бледными;

неприкрытые уши были маленькими и белыми, и слегка заостренными.

— Обратите внимание на фестонные капители, — прошептал Рендер. — Своим примитивным каннелированием они предвосхитили то, что позднее стало распространенным мотивом.

— Пф-ф-ф! — фыркнула она.

— Тсс! — шикнула стоявшая рядом обгоревшая на солнце невысокая женщина, чье лицо, казалось, треснуло и срослось обратно, когда она поджала, а потом расслабила губы.

Позже, когда они пешком возвращались в гостиницу, Рендер сказал:

— С Уинчестером все?

— С Уинчестером все.

— Довольна?

— Довольна.

— Прекрасно, тогда сегодня днем мы улетаем.

— Хорошо.

— В Швейцарию…

Джилл остановилась и покрутила пуговицу на его пальто.

— А может, потратим еще денечек или два на осмотр каких-нибудь старых шато? В конце концов, они прямо на той стороне канала, и ты сможешь продегустировать все местные вина,

пока я буду изучать…

— Ладно, — ответил он.

Джилл подняла взгляд — несколько удивленный.

— Что? Никакого сопротивления? — улыбнулась она. — Куда подевался твой бойцовский дух? Неужели ты позволишь мне так собой помыкать?

Она взяла его под руку, и когда они двинулись дальше, Рендер ответил:

— Вчера, пока мы скакали по кишкам того старого замка, я услышал слабый стон, а потом голос, воскликнувший: «Ради всего святого, Монтрезор!» Должно быть, это был мой бойцовский дух, ведь я уверен, что голос принадлежал мне. Я отказался от der geist der stets verneint. Pax vobiscum! Отправимся же во Францию. Alors!

— Дорогой Ренди, это займет всего день или два…

— Аминь, — сказал он, — хотя прибывшие со мной лыжи уже убывают.

И они отправились во Францию, а на утро третьего дня, когда Джилл заговорила об испанских замках, Рендер вслух заметил, что, когда напиваются психологи, они только злятся, а вот психиатры, как известно, напиваясь, злятся и

бьют посуду. Увидев в этом завуалированную угрозу своей коллекции «Веджвуда», Джилл подчинилась его желанию полететь кататься на лыжах.

* * *

«Свободен!» Рендер едва не прокричал это вслух.

Сердце колотилось у него в голове. Он резко наклонился. Повернул влево. Ветер хлестнул его по лицу; залп ледяных кристаллов, похожих на наждачные пули, выпущенные им самим, оцарапал щеку.

Он двигался. Да — мир окончился горой Вайсфлюйох, и трасса Дорфтали уводила вниз и вдаль от этого портала.

Его ноги были двумя сверкающими реками, текущими по белым волнистым равнинам; мороз не мог остановить их бег. Вниз. Он утекал. Прочь от всех комнат мира. Прочь от удушливой нехватки риска, от сотни ежедневно подносимых на блюдечке благ, от убийственной поступи вымученных развлечений, рубивших головы гидре по имени «свободное время»; прочь.

И, спускаясь по трассе, Рендер ощутил сильнейшее желание оглянуться, словно хотел увидеть,

не отправил ли мир, который он оставил позади и наверху, следом за ним устрашающее, подобное тени воплощение, чтобы оно выследило его, поймало и оттащило обратно в теплый и хорошо освещенный гроб в небесах, где он и упокоился бы, с пронзенной алюминиевым колом силой воли и духом, задавленным гирляндой переменных токов.

— Ненавижу тебя, — выдохнул он сквозь стиснутые зубы, и ветер унес его слова назад; а потом Рендер рассмеялся, потому что всегда рефлекторно анализировал собственные эмоции, и добавил: — Орест уходит, обезумевший, преследуемый Фуриями…

Какое-то время спустя склон выровнялся, Рендер достиг конца трассы и был вынужден остановиться.

Потом он выкурил сигарету и вновь поднялся на вершину, чтобы спуститься по трассе еще раз, уже не в терапевтических целях.

* * *

Той ночью он сидел перед камином в большом зале, чувствуя, как просачивается в усталые мышцы тепло. Джилл массировала ему плечи, а он играл с огнем в пятна Роршаха и различил в них

пылающую чашу, которую в тот же миг отнял у него звук собственного имени, произнесенного где-то в другом конце Зала Девяти Очагов.

— Чарльз Рендер! — сказал голос (только прозвучало это скорее как «Шарлз Рандер»), и голова Рендера немедленно повернулась в ту сторону, однако в глазах у него плясало слишком много послеобразов, чтобы он мог обнаружить источник звука.

— Морис? — спросил он секунду спустя. — Бартельмец?

— Он самый, — был ответ, а потом Рендер разглядел знакомую седую голову, что возвышалась, лишенная шеи и лысеющая, над красно-синим грубым свитером, безжалостно натянутым на округлое, как винная бочка, тело мужчины, который направился к ним, умело огибая разбросанные палки и сложенные лыжи, и людей, подобно Джилл и Рендеру считавших ниже своего достоинства сидеть в креслах.

Рендер встал, потянулся и пожал руку подошедшему Бартельмецу.

— Ты еще больше располнел, — заметил он. — Это опасно для здоровья.

— Чушь, это все мускулы. Как твои дела и что ты поделываешь? — Бартельмец взглянул на

сидящую Джилл, и она улыбнулась ему.

— Это мисс Де Вилл, — сказал Рендер.

— Джилл, — представилась она.

Бартельмец слегка поклонился и наконец-то отпустил измученную руку Рендера.

— …а это — профессор Морис Бартельмец из Вены, — закончил Рендер, — погрязший в унынии последователь всех форм диалектического пессимизма и весьма заслуженный пионер нейропартиципации — хотя по его виду этого не скажешь. Мне посчастливилось пробыть его учеником больше года.

Бартельмец кивнул и согласился с ним, внимательно разглядывая Schnapsflasche, извлеченную Рендером из маленького пакета, и принял налитый до краев складной стакан.

— Ах, ты все еще прекрасный врач, — вздохнул он. — Ты мгновенно диагностировал заболевание и прописал необходимое лекарство. Nozdrovia!

— Семь лет одним глотком, — заметил Рендер, наполняя их стаканы по новой.

— Тогда мы сделаем время более пластичным, потягивая его.

Они сидели на полу, и пламя с ревом устремлялось вверх, в большую кирпичную трубу, пока поленья, сгорая, превращались обратно в ветви,

в палки, в тонкие прутики по одному годовому кольцу за раз.

Рендер подкинул в огонь еще дров.

— Я прочел твою последнюю книгу, — как бы между прочим сказал наконец Бартельмец, — года четыре назад.

Насколько помнил Рендер, примерно тогда она и вышла.

— Ты сейчас ведешь какие-нибудь исследования?

Рендер лениво поворошил в камине кочергой.

— Да, — ответил он, — нечто вроде.

Он взглянул на Джилл, которая задремала, прижавшись щекой к подлокотнику громадного кожаного кресла, на котором лежал «тревожный чемоданчик» Рендера; плоскости ее лица были сплошь алый свет и мелькающие тени.

— Я познакомился с довольно необычной пациенткой и начал работу, о которой намереваюсь рано или поздно написать.

— Необычной? В каком плане?

— Начнем с того, что она слепа от рождения.

— Ты используешь ОНП?

— Да. Она собирается стать Ваятельницей.

— Verfluchter!.. Ты представляешь себе, чем это может для тебя кончиться?

— Разумеется.

— А слышал ли ты о несчастном Пьере?

— Нет.

— Хорошо, значит, этот случай успешно замяли. Пьер был студентом философского факультета в Парижском университете и работал над диссертацией на тему эволюции сознания. Минувшим летом он решил, что ему совершенно необходимо исследовать разум обезьяны — полагаю, чтобы сравнить сознание moins-nausée со своим. Как бы то ни было, он получил нелегальный доступ к ОНП и мозгу нашей волосатой кузины. Так и не было установлено, как далеко он зашел в демонстрации животному содержимого банка стимулов, но можно предположить, что те из них, которые для примата не были так же подсознательно ясны, как для человека, — шум машин und so weiter — напугали обезьяну. Пьер до сих пор проживает в камере с мягкими стенами, и все его реакции — это реакции испуганной обезьяны. Так что, хоть его диссертация и осталась незавершенной, — закончил Бартельмец, — сам он может послужить превосходным материалом для чьей-нибудь еще.

Рендер покачал головой.

— Впечатляющая история, — тихо проговорил

он, — но моя куда менее драматична. Я нашел чрезвычайно уравновешенную женщину — психиатра, собственно говоря, — которая уже какое-то время занимается обычной терапией. Она хочет перейти к нейропартиципации — но ей мешает страх травмы зрительными образами. Я постепенно знакомлю ее с полным спектром визуальных феноменов. Когда я закончу, она привыкнет видеть и сможет уделять все внимание терапии, а не быть, так сказать, ослепленной зрением. Мы уже провели четыре сеанса.

— И?

— …И все идет хорошо.

— Ты в этом уверен?

— Да, насколько в таких вещах вообще можно быть уверенным.

— М-м-гм-м, — промычал Бартельмец. — Скажи мне, не находишь ли ты ее излишне волевой? Под чем я подразумеваю, скажем, обсессивно-компульсивные паттерны, касающиеся чего-нибудь из того, с чем ты ее уже познакомил?

— Нет.

— Она когда-нибудь успешно перехватывала контроль над фантазией?

— Нет!

— Ты лжешь, — просто сказал Бартельмец.

Рендер нашел сигарету. Зажег ее и улыбнулся.

— Старый отец, старый искусник, — сдался он, — возраст не притупил твоей проницательности. Я могу обмануть себя, но тебя — никогда… Да, на самом деле ее *действительно* очень сложно удержать в узде. Ей недостаточно просто видеть. Она уже хочет Ваять сама. Это вполне понятно — и ей, и мне, — но сознательное понимание и эмоциональное принятие никогда друг с другом не соглашаются. Несколько раз она перехватывала контроль, но я успешно возвращал его себе практически сразу. В конце концов, это *я* — повелитель банка.

— Хм, — задумчиво протянул Бартельмец. — Знаком ли ты с таким буддистским текстом, как «Тысяча наставлений» Шанкары?

— Боюсь, что нет.

— Тогда я тебе о нем расскажу. Он постулирует — разумеется, не в терапевтических целях — существование истинного и ложного «я». Истинное «я» — это та часть человека, которая бессмертна и в конце концов уйдет в нирвану: душа, если пожелаешь. Очень хорошо. А ложное «я», в свою очередь, — это обычное сознание, находящееся в плену иллюзий, — твое сознание, и мое, и всех, с кем мы когда-либо водили профессиональное

знакомство. Ясно?.. Хорошо. Так вот, это ложное «я» состоит из так называемых скандх. В их число входят чувства, ощущения, склонности, само сознание и даже физическая форма. Очень ненаучно. Да. Это не то же самое, что неврозы, или «житейская ложь» господина Ибсена, или галлюцинации, — не то же самое, хотя все они — неправда, поскольку изначально являются составляющими ложного явления. Каждая из пяти скандх есть часть заблуждения, которое мы называем личностью, — и уже поверх этого возникают неврозы и весь прочий бардак, который за ними следует и не дает нам вылететь из бизнеса. Ясно?.. Отлично. Я читаю тебе эту лекцию, потому что мне нужен эффектный термин для того, что я хочу сказать, потому что я хочу сказать нечто эффектное. Представь себе скандхи лежащими на дне пруда; неврозы — это рябь на поверхности воды; истинное «я», если оно существует, погребено глубоко под донным песком. Итак. Рябь заполняет… zwischenwelt… между объектом и субъектом. Скандхи — часть субъекта, базовая, уникальная, вещество, из которого он состоит… Ты следишь за моей мыслью?

— Со множеством оговорок.

— Хорошо. Теперь, когда я дал своему терми-

ну хоть какое-то определение, я использую его. Ты балуешься со скандхами, а не с простыми неврозами. Ты пытаешься изменить то, как эта женщина воспринимает саму себя и весь мир. Ты делаешь это с помощью ОНП. Это то же самое, что баловаться с психопатом или с обезьяной. Может казаться, что все идет как надо, но — в любой момент ты можешь что-то сделать, показать ей некое зрелище или некий способ видения, который вторгнется в ее самость, разрушит скандху и — пуф! — это будет то же самое, что пробить дно пруда. Образуется водоворот, который затянет тебя… куда? Я не хочу, чтобы ты стал моим пациентом, молодой человек, молодой искусник, поэтому я советую тебе не продолжать этот эксперимент. ОНП не должен использоваться таким образом.

Рендер выбросил окурок в огонь и начал считать на пальцах.

— Во-первых, — сказал он, — ты делаешь из камешка мистическую гору. Я всего лишь помогаю ее сознанию принять новую область чувств. По большей части это самый обычный перенос из других областей. Во-вторых, ее эмоции были довольно сильны вначале, потому что с этим *действительно* была связана травма, — но мы

уже миновали эту стадию. Теперь это для нее всего лишь непривычный опыт. Вскоре он станет привычным. В-третьих, Айлин и сама психиатр; она осведомлена в таких вопросах и прекрасно понимает деликатность того, что мы делаем. В-четвертых, ее осознание собственной идентичности и собственных желаний, или скандх, или как еще ты пожелаешь их назвать, незыблемо, как Гибралтарская скала. Ты представляешь себе, какие усилия нужно затратить слепой, чтобы получить то образование, которое получила она? Тут потребовалась воля из десятикратной стали, а вдобавок к ней — еще и эмоциональный контроль аскета…

— И если что-то настолько прочное сломается во вневременной миг испуга, — печально улыбнулся Бартельмец, — да проводят тебя тени Зигмунда Фрейда и Карла Юнга в долину тьмы… И, в-пятых, — сказал он вдруг, заглянув Рендеру в глаза. — В-пятых, — повторил он, загнув палец. — Она симпатичная?

Рендер перевел взгляд на огонь.

— Очень умно, — вздохнул Бартельмец. — Я не могу понять, покраснел ты или нет, когда на твоих щеках лежит розовый отсвет огня. Но я боюсь, что это так, а значит, ты понимаешь, что

сам можешь стать источником провоцирующего стимула. Сегодня ночью я зажгу свечу перед портретом Адлера и буду молиться, чтобы он дал тебе сил выстоять в дуэли с пациенткой.

Рендер оглянулся на Джилл, которая все еще спала. Он вытянул руку и поправил выбившийся локон ее волос.

— Однако, — сказал Бартельмец, — если ты продолжишь заниматься с ней и все пройдет успешно, я с большим интересом прочту твою работу. Я рассказывал тебе, что лечил нескольких буддистов и ни у одного не обнаружил «истинного я»?

Они рассмеялись.

* * *

Он похож на меня, но не похож на меня, этот, на поводке, пахнущий страхом, маленький, серый и неспособный видеть. «Р-р-р», — и он задыхается в собственном ошейнике. Голова у него пустая, как духовка. Она нажимает кнопку, и готовится ужин. Говорю с ними, а они не понимают, но они похожи на меня. Однажды я убью кого-нибудь из них — зачем?.. Здесь повернуть.

— Три ступеньки. Вверх. Стеклянные двери. Ручка справа.

Зачем? Впереди спуск. Внизу сад. Там хорошо пахнет. Трава, мокрая земля, деревья и чистый воздух. Я вижу. Но голоса птиц — запись. Я вижу все. Я.

— Спуск. Четыре ступеньки.

Вниз. Да. Хочу громко рычать, чувствую себя глупо. Чисто, ровно, много деревьев. Богиня… Любит сидеть на скамейке, жевать листья, нюхать чистый воздух. Не видит их, как я. Может, сейчас?.. Нет.

Нельзя делать «плохой Зигмунд» на эти траву и деревья. Должен терпеть. Жалко. Самое лучшее место…

— Осторожно, ступеньки.

Вперед. Справа, слева, справа, слева деревья и трава. Зигмунд видит. Идем… Доктор с машиной одалживает ей свои глаза. «Р-р-р» — и он не задыхается. Не пахнет страхом.

Вырою глубокую яму в земле, закопаю глаза. Богиня слепа. Видит Зигмунд. Ее глаза теперь полны, а он боится зубов. Научит ее видеть и заберет с собой высоко в небо, чтобы смотреть, далеко. Оставят меня здесь, оставят Зигмунда одного, некого будет видеть. Я вырою глубокую яму в земле…

* * *

Джилл проснулась после десяти утра. Ей не нужно было поворачиваться, чтобы понять, что Рендер уже ушел. Он никогда не спал подолгу. Она протерла глаза, потянулась, перекатилась на бок и приподнялась на локте. Сощурилась на часы, что стояли на прикроватной тумбочке, одновременно нащупала сигарету и зажигалку.

Затянувшись, она поняла, что пепельницы на тумбочке нет. Наверняка это Рендер переставил ее на комод, потому что не одобрял курения в постели.

Со вздохом, перешедшим в фырканье, Джилл соскользнула с кровати и набросила халат, пока столбик пепла не сделался слишком длинным.

Она ненавидела вылезать из кровати, но когда все-таки делала это, то позволяла дню начаться и без запинок следовать предопределенному порядку событий.

— Чтоб его. — Джилл улыбнулась. Она хотела позавтракать в постели, но для этого было уже слишком поздно.

Посреди размышлений о том, что надеть, она заметила в углу незнакомую пару лыж. На одну был нанизан листок бумаги. Джилл подошла

поближе.

«Присоединишься ко мне?» — спросила записка.

Джилл энергично помотала головой, и ей сделалось немножко грустно. Она вставала на лыжи всего два раза в жизни и боялась их. Джилл чувствовала, что ей стоило бы попробовать еще раз, после того как он относительно спокойно согласился на осмотр шато, но не смогла даже вспомнить о неуклюжем стремительном спуске — который дважды окончился для нее падением в сугроб — без того, чтобы поморщиться и вновь ощутить головокружение, которое охватывало ее во время предыдущих попыток.

Поэтому она приняла душ, оделась и спустилась к завтраку.

Все девять каминов уже ревели, когда она подошла к большому залу и заглянула внутрь. Какие-то краснолицые лыжники грели руки у жаркого пламени центрального очага. Но людно в зале не было. На подставке для обуви стояло лишь несколько пар мокрых ботинок, яркие шапки свисали с вешалок, мокрые лыжи стояли на своем месте возле двери. Немногие люди сидели в креслах ближе к центру зала, читали газеты, курили или тихо переговаривались. Знакомых

Джилл не увидела и направилась к ресторану.

Когда она проходила мимо стойки портье, старик, который за ней работал, позвал ее по имени. Джилл подошла к нему и улыбнулась.

— Письмо, — объяснил старик, поворачиваясь к полкам. — Вот оно, — провозгласил он, вручая ей конверт. — Похоже, важное.

Джилл отметила, что письмо трижды перенаправлялось по новому адресу. Конверт был пухлым и коричневым, обратный адрес принадлежал ее адвокату.

— Спасибо.

Она села в кресло у большого окна с видом на снежный сад, каток и далекую извилистую тропу, усеянную фигурами людей с лыжами на плечах. Разрывая конверт, она щурилась от яркого света.

Да, свершилось. Письмо от адвоката сопровождалось копией судебного решения о расторжении брака. Она лишь недавно решила разорвать свои узаконенные отношения с мистером Фотлоком, чьей фамилией перестала пользоваться еще пять лет назад, когда они разошлись. Теперь, когда решение было у нее в руках, Джилл не знала, что с ним делать. «Но это будет чертовски впечатляющий сюрприз для дорогого Ренди, — подумалось ей. — Нужно будет подыскать какой-нибудь

относительно невинный способ ему об этом сообщить». Джилл достала пудреницу и примерила выражение лица, вопрошающее: «Что скажешь?» «Ну ладно, для этого найдется время попозже», — решила она. Но не сильно позже… Ее тридцатый день рождения подобно огромной черной туче заволакивал апрель, до которого оставалось всего-то четыре месяца. Что ж… Она добавила цвета вопрошающим губам, еще больше припудрила родинку и закрыла выражение в пудренице для будущего использования.

* * *

В ресторане она увидела доктора Бартельмеца, который сидел перед гигантской горой яичницы-болтуньи, длинными цепями темных сосисок, несколькими стопками желтых тостов и полупустым кувшином апельсинового сока. На подогревателе у его локтя курился паром кофейник. За едой Бартельмец слегка наклонялся вперед, его вилка вращалась точно мельничное крыло.

— Доброе утро, — сказала Джилл.

Он поднял взгляд.

— Мисс Де Вилл… Джилл… Доброе утро. — Он кивнул на стул напротив. — Присоединитесь ко

мне, пожалуйста.

Так Джилл и сделала, а когда подошел официант, сказала:

— Мне того же самого, только процентов на девяносто меньше.

Она вновь повернулась к Бартельмецу:

— Вы сегодня не видели Чарльза?

— Увы, не видел, — он взмахнул открытой ладонью, — а мне так хотелось продолжить наш спор, пока его разум еще пребывал в ранней стадии бодрствования и был несколько более податлив. К сожалению, — он отхлебнул кофе, — тот, кому хорошо спится, начинает день где-то в середине его второго акта.

— Я обычно прихожу где-то в районе антракта и прошу кого-нибудь пересказать сюжет, — призналась Джилл. — Так почему бы вам не продолжить спор со мной?.. Я всегда податлива, а мои скандхи в хорошей форме.

Их взгляды встретились, и Бартельмец надкусил тост.

— Ага, — сказал он наконец, — так я и думал. Что ж… хорошо. Что вы знаете о работе Рендера?

Джилл уселась поудобнее.

— М-м. Он специальный специалист в крайне специализированной области. Мне трудно оце-

нить то немногое, что он о ней рассказывает. Мне хотелось бы уметь иногда заглядывать людям в головы — чтобы узнать, что они думают обо *мне*, конечно же, — но я сомневаюсь, что вынесла бы долгое пребывание там. Особенно, — она картинно содрогнулась, — в голове у человека… с проблемами. Боюсь, я бы слишком ему сочувствовала, или слишком боялась, или еще что-нибудь. И тогда, если верить тому, что я читала, — бац! — словно по симпатическому волшебству, его проблемы стали бы моими.

А вот у Чарльза никогда не бывает проблем, — продолжила она, — по крайней мере, таких, о которых он мне рассказывает. Но в последнее время я беспокоюсь. Мне кажется, он слишком много думает об этой слепой девице и ее говорящем псе.

— Говорящем псе?

— Да, ее поводырь — один из этих хирургических мутантов.

— Как интересно… Вы с ней когда-нибудь встречались?

— Ни разу.

— Вот как, — задумчиво проговорил Бартельмец. — Порой психотерапевт сталкивается с пациентом, чьи проблемы так похожи на его

собственные, что сеансы становятся крайне агрессивными, — заметил он. — Со мной так бывает всегда, когда я лечу коллег-психиатров. Быть может, Чарльз видит в этой ситуации параллель с чем-то, терзающим его лично. Я не был его персональным аналитиком. Я не знаю всех особенностей работы его сознания, хоть он долгое время и был моим учеником. Он всегда был сдержан, даже замкнут; однако порой бывал весьма властен… А какие еще вещи занимают его в последнее время?

— Он постоянно беспокоится о своем сыне Питере. За последние пять лет он пять раз переводил мальчика в новую школу.

Принесли ее завтрак. Джилл поправила салфетку и придвинулась ближе к столу.

— А еще он в последнее время читает истории болезни самоубийц, и говорит о них, и говорит о них, и говорит о них.

— Зачем?

Джилл пожала плечами и приступила к еде.

— Он никогда не упоминал, зачем, — сказала она, вновь подняв взгляд. — Возможно, он что-то пишет…

Бартельмец расправился с яичницей и налил себе еще кофе.

— Вас пугает эта его пациентка? — осведомился он.

— Нет… Да, — призналась она. — Пугает.

— Почему?

— Я боюсь симпатической магии, — ответила она, чуть покраснев.

— Под это определение попадает множество вещей.

— Действительно, множество, — признала она. И, помолчав, сказала: — Нас объединяют забота о его благополучии и согласие относительно того, что ему угрожает. Так могу ли я попросить вас об услуге?

— Можете.

— Поговорите с ним еще раз, — сказала она. — Убедите его бросить эту затею.

Бартельмец сложил салфетку.

— Я намеревался сделать это после ужина, — сообщил он, — потому что верю в ритуалистическое значение попыток спасения. Они будут совершены.

* * *

Дорогой Образ Отца,

Да, в школе все хорошо, лодыжка постепенно движется к тому же состоянию, а мои однокласс-

ники — приятные ребята. Нет, у меня нет проблем с деньгами, голоданием или привыканием к новой учебной программе. Доволен?

Здание я описывать не стану, потому что ты уже видел эту макабрическую конструкцию. Территорию я описать не могу, потому что в данный момент она покоится под холодным белым одеялом. Бррр!

Ты, полагаю, наслаждаешься зимними увеселениями. Я же не разделяю твоего восхищения антитезой лета, за исключением тех случаев, когда она заключена в фоторамки или служит эмблемой на упаковке мороженого. Лодыжка ограничивает свободу передвижений, а мой сосед по комнате уехал домой на выходные — и то, и другое на самом деле к лучшему (изрек Панглосс), ибо теперь у меня есть возможность как следует заняться чтением. К чему я незамедлительно и приступлю.

Безмерно твой,
Питер.

* * *

Рендер склонился погладить огромную голову. Та перенесла этот жест стоически, а потом обратила взгляд к австрийцу, у которого Рендер

попросил закурить, словно бы спрашивала: «Обязан ли я претерпевать это унижение?» Австриец рассмеялся, увидев это выражение, и захлопнул зажигалку, украшенную гравировкой, средний инициал на которой, как заметил Рендер, был строчной «ф».

— Благодарю вас, — сказал он, а потом спросил у пса: — Как тебя зовут?

— Бисмарк, — прорычал тот.

Рендер улыбнулся.

— Ты напоминаешь мне о своем собрате, — поведал он псу. — Его зовут Зигмунд, он компаньон и поводырь моей слепой американской подруги.

— Мой Бисмарк — охотник, — сказал молодой человек. — Его не способна перехитрить никакая добыча, ни олени, ни большие кошки.

Пес навострил уши и устремил на Рендера гордый, пылающий взгляд.

— Мы охотились в Африке и в северной и юго-западной частях Америки. И в Центральной Америке тоже. Он никогда не теряет след. Он никогда не сдается. Он прекрасный хищник, а его зубы мог бы изготовить «Золинген».

— Вам поистине повезло иметь такого охотничьего компаньона.

— Я охочусь, — прорычал пес. — Я выслежи-

ваю… Иногда я убиваю.

— А вы не знакомы с псом по имени Зигмунд и его подопечной… мисс Айлин Шалот? — спросил Рендер.

Австриец покачал головой:

— Нет, Бисмарк приехал ко мне из Массачусетса, но лично в Центре я не был. С другими хозяевами мутов я не знаком.

— Понятно. Что ж, спасибо за огонек. Доброго дня.

— И вам доброго дня…

— И, вам, доброго, дня…

Рендер медленно прогуливался по узкой улочке, засунув руки в карманы. Он извинился и ушел, и не сказал, куда идет. Не сказал, потому что и сам не знал. Бартельмецева вторая попытка психотерапевтической консультации едва не заставила его наговорить слов, о которых он позднее пожалел бы. Легче было выйти прогуляться, чем продолжать беседу.

Повинуясь внезапному импульсу, он зашел в маленький магазинчик и купил привлекшие его взгляд часы с кукушкой. Он был уверен, что Бартельмец истолкует подарок верно. Рендер улыбнулся и продолжил прогулку. «И что такого было в письме, которое получила Джилл, если

ради его вручения портье специально подошел к нашему столику за ужином?» — подумал он. Его перенаправляли трижды, а обратный адрес принадлежал адвокатской конторе. Джилл даже не стала его открывать, только улыбнулась, вручила старику излишне щедрые чаевые и убрала конверт в сумочку. Придется тонко намекнуть ей на свой интерес к его содержимому. Любопытство Рендера так распалилось, что Джилл наверняка расскажет ему просто из жалости.

С севера налетел холодный ветер, и ледяные столпы неба как будто покачнулись перед ним. Рендер поднял плечи и еще глубже спрятал голову в воротник. Крепко прижимая к себе часы с кукушкой, он заторопился обратно.

* * *

Той ночью змей, кусающий себя за хвост, рыгнул, волк Фенрир попытался проглотить Луну, маленькие часы сказали «ку-ку», и день завтрашний налетел с яростью последнего быка Манолете и сотряс врата из рога ревом, обещавшим растоптать реку львов во прах.

Рендер пообещал себе не налегать больше на тягучее фондю.

* * *

Позже, много позже, когда они перепрыгивали небо в похожем на воздушного змея крузере, Рендер взглянул вниз, на темную Землю, видевшую во сне свои города, полные звезд, взглянул вверх, на небо, в котором все они отражались, взглянул вокруг, на пленочные экраны, созерцавшие моргавших в них людей, и на диспенсеры кофе, чая и коктейлей, отправлявшие свои жидкости исследовать внутренности людей, в которых нуждались, чтобы те нажимали их кнопки, а потом взглянул на Джилл, которую старые здания побуждали блуждать в их стенах, — потому что знал, что должен посмотреть на нее в этот миг, — ощутил, как его кресло требует, чтобы его превратили в лежанку, подчинился ему и заснул.

IV

Ее кабинет был полон цветов, и ей нравились экзотические духи. Порой она зажигала благовония.

Ей нравилось мокнуть в горячих бассейнах, гулять под падающим снегом, слушать избы-

точное количество музыки, возможно, излишне громкой, выпивать пять или шесть разновидностей ликеров (обычно воняющих анисом, порой отдающих полынью) каждый вечер. Ее руки были мягкими и присыпанными веснушками. Ее пальцы были длинными и заостренными. Она не носила колец.

Кончики ее пальцев раз за разом обводили контуры цветочных выпуклостей на боку кресла, пока она говорила диктофону:

— …Основными жалобами пациента при госпитализации были нервозность, бессонница, боли в желудке и продолжительная депрессия. У пациента имеется история предыдущих кратких госпитализаций. Он лежал в этой больнице в 1995 году с маниакально-депрессивным психозом депрессивного типа и вернулся сюда вновь третьего марта 1996 года. Двадцатого сентября 1997 года он был принят в другую больницу. Измерение давления показало результат 170/100 миллиметров ртутного столба. На момент медицинского обследования двенадцатого ноября 1998 года он был нормально развит и упитан. В этот день пациент пожаловался на хроническую боль в спине; также были отмечены некоторые умеренные симптомы алкогольной абстинен-

ции. Дальнейшее физическое обследование не выявило никаких патологий, за исключением того, что сухожильные рефлексы пациента были повышенными, но симметричными. Эти симптомы были следствием алкогольной абстиненции. При госпитализации было установлено, что пациент не страдает психозами, не бредит и не галлюцинирует. Он хорошо ориентировался в пространстве, времени и людях. Была проведена оценка его психического состояния и выявлена некоторая грандиозность и мегаломания, а также значительная агрессивность. Его сочли потенциальным нарушителем спокойствия. В силу своего опыта повара он был назначен работать на кухне. Благодаря этому его общее состояние заметно улучшилось. Он менее напряжен и более склонен к сотрудничеству. Диагноз: маниакально-депрессивная реакция (спровоцированная неизвестным внешним стрессом). Степень психического расстройства невысокая. Пациент сочтен дееспособным. Лечение в рамках стационара продолжается.

Она выключила запись и засмеялась. Этот звук испугал ее. Смех — феномен социальный, а она была одна. Потом она проиграла запись, пожевывая уголок носового платка, пока к ней

возвращались ее собственные тихие отрывистые слова. Где-то после первого десятка она перестала их слышать.

Когда диктофон замолчал, она отключила его. Ей было одиноко. Ей было очень одиноко. Ей было так чертовски одиноко, что маленькая лужица света, которая появилась, когда она смахнула волосы со лба и повернулась к окну, — эта лужица света неожиданно сделалась самым важным на свете. Ей хотелось, чтобы эта лужица была огромной. Ей хотелось, чтобы она обернулась океаном света. Или же ей хотелось самой стать крошечной, чтобы результат был таким же: она хотела утонуть в этом свете.

Вчера исполнилось три недели с тех пор, как…

«Слишком долго, — решила она, — я должна была подождать. Нет! Невозможно! Но что, если он погибнет, как Рискомб? Нет! Этого не может быть. Только не с ним. Ничто не сможет причинить ему вред. Никогда. Он — сплошь сила и броня. Но… Но нам стоило дождаться следующего месяца, прежде чем начинать. Три недели… Зрительная абстиненция — вот что это такое. Не выцветают ли воспоминания? Не становятся ли они слабее? (Как выглядит дерево? А облако?.. Я не помню! Что такое красный цвет? Что такое зеленый

цвет?) Боже! Это истерика! Я наблюдаю ее и не могу остановить!.. Прими таблетку! Таблетку!»

У нее задрожали плечи. Но таблетку она не приняла, лишь сильнее закусила носовой платок, так что острые зубы прорвали ткань.

— Берегись, — процитировала она персональное напутствие, — тех, кто алчет и жаждет правды, ибо мы *насытимся*. И берегись кротких, — продолжила она, — ибо мы попытаемся унаследовать Землю. И берегись…

Телефон коротко прогудел. Она отложила платок, приняла спокойный вид и включила экран.

— Алло?..

— Айлин, я вернулся. Как вы тут?

— Неплохо; собственно говоря, даже хорошо. Как прошел ваш отпуск?

— О, жаловаться не на что. Я долго его откладывал. Наверное, я это заслужил. Послушайте, я кое-что с собой привез, чтобы вам показать, — Уинчестерский собор, например. Не хотите зайти ко мне на этой неделе? Я свободен в любой вечер.

«Сегодня. Нет. Я слишком этого хочу. Если он заметит, это помешает мне…»

— Может, завтра вечером? — спросила она. — Или послезавтра?

— Можно и завтра, — ответил он. — Встретимся в «К. и с.» около семи?

— Да, это будет приятно. Тот же столик?

— Почему бы и нет?.. Я его забронирую.

— Хорошо. Тогда увидимся завтра.

— До свидания.

Связь оборвалась.

И неожиданно в этот самый момент у нее в голове взвихрились краски; и она увидела деревья — дубы и сосны, тополя и платаны — высокие, и зеленые, и коричневые, и цвета железа; и еще она увидела пушистые клочья облаков, окунутых в ведерки с краской, протирающих пастельное небо; и пылающее солнце, и маленькую иву, и озеро глубокой, почти фиолетовой синевы. Она сложила порванный платок и убрала его.

Она нажала на кнопку у стола, и кабинет заполнила музыка: Скрябин. Потом она нажала другую кнопку и снова проиграла надиктованную запись, слушая и то, и другое вполуха.

* * *

Пьер подозрительно понюхал еду. Санитар отступил от подноса и вышел в коридор, закрыв за собой дверь. На полу ждала гигантская порция салата. Пьер осторожно приблизился, схватил

пригоршню латука и проглотил его.

Он боялся.

Если бы только сталь перестала грохотать и грохотать о сталь где-то в этой темной ночи… Если бы только…

* * *

Зигмунд встал, зевнул, потянулся. Задние лапы на мгновение разъехались, но потом он вытянулся и встряхнулся. Скоро она вернется домой. Медленно помахивая хвостом, Зигмунд взглянул на висящие на удобной для человека высоте часы с выпуклыми цифрами, подтвердил свои ощущения и подошел к ти-ви. Поднялся на задние лапы, одной из передних оперся на столик, а второй нажал на кнопку.

Скоро должен был начаться прогноз погоды, а на дорогах наверняка лед.

* * *

«Я проезжал кладбища размером с целые округа, — написал Рендер, — бескрайние каменные леса, что ширятся с каждым днем.

Почему человек так ревностно оберегает своих мертвецов? Быть может, потому, что это исклю-

чительно демократичный способ обретения бессмертия, наивысшее утверждение способности причинять боль — то есть жизни — и желания, чтобы это продолжалось вечно? Унамуно полагал, что дело именно в этом. Если это так, значит, в прошлом году активно взалкало бессмертия большее количество людей, чем когда-либо в истории…»

* * *

Чи-чиг, чига-чиг!
— Как думаешь, это правда люди?
— Не-а, они слишком хороши.

* * *

Вечер: мерцание звезд и содовая со льдом. Рендер завел «S-7» в холод минус второго этажа, нашел свое парковочное место, въехал на него.

От бетона исходила мокрая стылость, глодавшая плоть подобно крысиным зубам. Рендер подвел Айлин к лифту; их дыхание опережало их расточающимися в воздухе облачками.

— Морозно сегодня, — заметил он.

Она кивнула, закусив губу.

В лифте он вздохнул, размотал шарф, зажег

сигарету.

— Дайте и мне одну, пожалуйста, — попросила Айлин, почуяв запах табака.

Он вручил ей сигарету.

Лифт поднимался медленно, и Рендер прислонился к стене, выдохнув смесь дыма и кристаллизованной влаги.

— Я познакомился с еще одним мутом-овчаркой, — припомнил он, — в Швейцарии. Таким же огромным, как Зигмунд. Только этот был охотником и типичнейшим пруссаком. — Рендер усмехнулся.

— Зигмунд тоже любит охотиться, — заметила Айлин. — Дважды в год мы выезжаем в Северные леса, и я отпускаю его на свободу. Его не бывает по нескольку дней, и он всегда счастлив, когда возвращается. Никогда не рассказывает, что делал, но он всегда сыт. Когда он у меня появился, я подумала, что ему нужно будет отдыхать от людей, чтобы оставаться уравновешенным. Похоже, я была права.

Лифт остановился, двери разъехались, и они вышли в коридор; Рендер снова направлял ее.

У себя в кабинете он ткнул пальцем в термостат, и теплый воздух со вздохом начал наполнять комнату. Рендер повесил их верхнюю одежду во

внутреннем кабинете и выкатил большое яйцо из гнезда за стеной. Он подключил его к розетке и превратил свой стол в пульт управления.

— Как по-вашему, сколько времени это займет? — спросила Айлин, проводя пальцами по гладким, холодным изгибам яйца. — Я имею в виду весь процесс. Всю адаптацию к зрению.

Рендер задумался.

— Не представляю, — признался он, — пока что не представляю. Мы хорошо начали, но работа еще предстоит большая. Думаю, месяца через три я смогу ответить точнее.

Она печально кивнула, подошла к его столу, изучила кнопки прикосновениями пальцев, легких, как десять перьев.

— Осторожно, не нажмите ничего.

— Не нажму. Как думаете, сколько времени у меня уйдет, чтобы научиться с этим работать?

— Три месяца на обучение. Шесть — чтобы набраться опыта, достаточного для использования прибора на пациентах; и еще шесть под пристальным контролем, прежде чем вам позволят делать это самостоятельно… В целом — около года.

— Ага. — Она выбрала кресло.

Прикосновения Рендера пробудили к жизни

времена года, и фазы дня и ночи, дыхание природы и города, стихии, нагишом рассекающие небо, и все те десятки танцующих сигналов, с помощью которых он строил миры. Он разбил часы времени и вкусил семь, или около того, возрастов человека.

— Хорошо. — Он повернулся. — Готово.

Все возникло быстро, и с минимальным воздействием со стороны Рендера. Сперва была серость. Затем — мертвенно-белый туман. Потом он развеялся, как будто поднялся быстрый ветер, хотя ветра Рендер не услышал и не ощутил.

Он стоял рядом с растущей у озера ивой, а Айлин стояла, полускрытая, среди ветвей и кружева тени. Солнце клонилось к вечеру.

— Мы вернулись, — сказала она, выходя наружу с листвой в волосах. — Какое-то время я боялась, что этого на самом деле не было, но теперь я вижу все это вновь — и помню.

— Хорошо, — сказал он. — Взгляните на себя.

И она заглянула в озеро.

— Я не изменилась, — проговорила она. — Не изменилась…

— Нет.

— Но вы стали другим, — продолжила Айлин, посмотрев на него. — Вы выше ростом, и что-то

переменилось в…

— Нет, — ответил он.

— Я ошиблась, — быстро сказала она. — Я пока еще не понимаю всего, что вижу. Но я пойму.

— Разумеется.

— Что мы будем делать?

— Смотрите, — велел он ей.

По плоской бесцветной реке дороги, которую она только сейчас заметила за деревьями, ехала машина. Она возникла в самой дальней четверти неба, перескочила через горы, с ревом пронеслась по холмам, попетляла по полянам, обрызгала их красками своего голоса — серым и серебристым цветами синхронизированной мощи — и озеро содрогнулось от ее шума, а машина остановилась в сотне футов от них, скрывшись за кустами; она ждала. Это была «S-7».

— Идемте со мной, — сказал Рендер, беря Айлин за руку. — Нас ожидает поездка.

Они прошли между деревьями и обогнули последнюю купу кустов. Айлин коснулась гладкого кокона, его антенн, его шин, его окон — и окна опрозрачились под ее пальцами. Она заглянула сквозь них в салон машины — и кивнула.

— Это ваш «спиннер».

— Да. — Рендер открыл перед ней дверцу. — Са-

дитесь. Мы вернемся в клуб. Сейчас самое время. Воспоминания свежи и должны быть относительно приятными или нейтральными.

— Приятными, — сказала она, залезая внутрь.

Рендер закрыл дверь, обошел машину и сел в нее сам. Айлин смотрела, как он набирает воображаемые координаты. Машина рванулась вперед; по воле Рендера мимо нее тек непрерывный поток деревьев. Он чувствовал нарастающее напряжение и поэтому не вносил разнообразия в пейзаж. Айлин развернула сиденье и оглядела салон.

— Да, — сказала она наконец. — Я понимаю, что все это такое.

Она снова выглянула в окно. Посмотрела на несущиеся мимо деревья. Рендер выглянул вовне и посмотрел на несущиеся паттерны тревожности. Он затемнил окна.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо. Неожиданно мне стало невмоготу видеть все это — летящее мимо, как…

— Не за что, — отозвался Рендер, поддерживая иллюзию движения вперед. — Я это предвидел. Но вы становитесь выносливее.

Спустя какое-то время:

— Расслабьтесь, — сказал он, — расслабьтесь, —

и где-то далеко была нажата кнопка, и Айлин расслабилась, а они ехали все дальше, и дальше, и дальше, и наконец машина начала замедляться, и Рендер попросил:

— А сейчас, медленно и спокойно, выгляните в окно.

Она подчинилась.

Рендер воззвал ко всем имевшимся в банке стимулам, способным вызвать ощущения удовольствия и расслабленности, и окружил машину городом, и окна сделались прозрачными, и Айлин увидела профили небоскребов и квартал монолитных многоквартирных домов, а потом три быстро сменивших друг друга кафетерия, дворец развлечений, аптеку, медицинский центр из желтого кирпича с алюминиевым кадуцеем над аркой входа, остекленное здание школы, сейчас покинутой учениками, заправку на пятьдесят колонок, еще одну аптеку и великое множество других машин, припаркованных или проезжающих мимо, и людей, людей входящих и выходящих из дверей, и проходящих мимо зданий, и садящихся в машины, и вылезающих из машин; и было лето, и вечерний свет ложился на краски города, и на краски одежды, которую носили люди, которые прогуливались по бульва-

ру, отдыхали на террасах, пересекали балконы, облокачивались на балюстрады и подоконники, выходили из киосков на перекрестках и заходили в них, разговаривали друг с другом; из-за угла вывернула женщина с пуделем на поводке; в небе туда и сюда проносились ракеты.

А потом мир распался, и Рендер поймал осколки.

Он сохранял абсолютную темноту, заглушая все чувства, кроме ощущения движения вперед.

Какое-то время спустя забрезжил тусклый свет, и оказалось, что они все еще сидят в «спиннере», окна снова затемнены, а воздух, которым они дышат, превратился в умиротворяющий бальзам.

— Боже, — проговорила Айлин, — в мире так много всего. Неужели я и вправду все это видела?

— Я не собирался показывать вам это сегодня, но вы этого хотели. Мне показалось, что вы готовы.

— Да, — сказала она, и окна вновь опрозрачились. Она торопливо отвернулась.

— Его там уже нет, — успокоил ее Рендер. — Я хотел лишь познакомить вас с ним.

Айлин выглянула наружу; за окном стемнело, и они пересекали высокий мост. Машина ехала

медленно. Других автомобилей не было. Внизу раскинулся Флэтс, где время от времени, словно крошечные сонные вулканы, вспыхивали плавильни, выплевывая в небеса снопы оранжевых искр; и было много звезд: они блестели на дышащей воде, уходившей под мост; они контуром очерчивали городской пейзаж, смутно паривший под ее поверхностью. Скошенные опоры моста размеренно маршировали мимо.

— Вы сделали это, — сказала Айлин, — и я вам благодарна. — А потом она спросила: — Кто вы на самом деле? — (Должно быть, он хотел, чтобы она задала этот вопрос).

— Я — Рендер, — рассмеялся он. И они, покружив по темному, опустевшему городу, наконец прибыли к своему клубу и заехали под большой парковочный купол.

Внутри Рендер проанализировал все чувства Айлин, готовый в любой момент изгнать мир прочь. Но он подозревал, что ему не придется этого делать.

Они вылезли из машины, прошли дальше. Вошли в клуб, в котором, как решил Рендер, сегодня не было людно. Их провели к их столику у барной стойки в маленькой комнате, где стояли доспехи, и они сели и вновь заказали тот же самый ужин.

— Нет, — сказал Рендер, оглядев себя, — их место там.

Доспехи вновь возникли рядом со столиком, а Рендер снова облачился в серый костюм и черный галстук с серебряным зажимом в виде ветки.

Они рассмеялись.

— Я не из тех людей, что носят жестяные костюмы, и мне бы хотелось, чтобы вы перестали видеть во мне одного из них.

— Простите, — улыбнулась Айлин. — Я не знаю, как я это сделала и почему.

— А я знаю и отказываюсь от этой должности. И выношу вам еще одно предостережение. Вы сознаете, что все это — иллюзия. Я вынужден был на это пойти, чтобы вы получили от этих сеансов как можно больше. Однако для львиной доли моих пациентов то, что они испытывают, реально. Это придает контртравме или символической сцене еще большую силу. Но вам правила игры известны, и, хотите вы того или нет, это дает вам большую власть над иллюзией, чем та, с которой я обычно имею дело. Пожалуйста, будьте осторожны.

— Простите. Я не хотела.

— Я знаю. А вот и ужин, который мы только

что съели.

— Фу! Выглядит отвратительно! Неужели мы и правда все это ели?

— Да, — усмехнулся он. — Вот это нож, вот вилка, вот ложка. Это ростбиф, это пюре, это горошек, это сливочное масло…

— Боже! Мне что-то нехорошо.

— …а это — салаты и заправки для них. Это ручьевая форель — м-м! Это картофель по-французски. Это бутылка вина. Хм-м… давайте попробуем «Романе-Конти», раз уж я за него не плачу… а к форели возьмем бутылочку «Икема»… Эй!

Комната шла рябью.

Он очистил стол, он прогнал ресторан. Они вернулись на поляну. Сквозь прозрачную материю мира Рендер видел скользящую над панелью руку. Она нажимала кнопки. Мир вновь сделался осязаемым. Опустевший столик теперь стоял возле озера, ночь и лето никуда не делись, и скатерть была очень белой в свете огромной луны, висевшей в небесах.

— Это было глупо с моей стороны, — признал он. — Ужасно глупо. Я должен был представлять их вам постепенно. Вид простейших вкусовых стимулов может быть очень неприятен для человека, сталкивающегося с ним впервые. Я так

увлекся Ваянием, что забыл о пациентке — тот еще профессионал! Приношу свои извинения.

— Я уже в порядке. Правда, в порядке.

Рендер призвал прохладный ветерок с озера.

— …А это — луна, — смущенно добавил он.

Айлин кивнула; у нее на лбу тоже была крошечная луна; она сияла точно так же, как та, что парила над ними, и волосы и платье доктора Шалот были из чистого серебра.

На столе стояла бутылка «Романе-Конти» и два бокала.

— Откуда они взялись?

Она пожала плечами. Рендер налил вино в бокал.

— Вкус может быть пустоват, — предупредил он.

— Это не так. Попробуйте… — Она передала ему бокал.

Отпив, Рендер понял, что у вина и впрямь есть вкус — fruité, который могли бы выдавить из винограда, выращенного на Островах Блаженных, атласный, мускулистый charnu и capiteux, центрифугированный из дыма, собранного над горящим маковым полем. Вздрогнув, Рендер понял, что его рука, должно быть, движется перцептивным маршрутом, сочиняя симфонию из

чувственных сигналов переноса и контрпереноса, застигших его врасплох там, у озера.

— И впрямь, — отметил он. — А теперь нам пора возвращаться.

— Так рано? Я еще не посмотрела на собор…

— Так рано.

Он приказал миру сгинуть, и тот подчинился.

— Снаружи холодно, — сказала она, одеваясь, — и темно.

— Я знаю. Я налью нам что-нибудь выпить, пока привожу в порядок прибор.

— Хорошо.

Рендер взглянул на пленки и покачал головой. Он подошел к шкафу-бару.

— Это, конечно, не «Романе-Конти», — заметил он, потянувшись за бутылкой.

— Ну и что? Я не возражаю.

Рендер тоже не возражал, в тот момент. Поэтому он привел в порядок яйцо, они выпили по бокалу, он помог ей надеть пальто, и они ушли.

Пока они спускались на лифте на минус второй этаж, Рендер вновь приказал миру сгинуть, но тот не подчинился.

* * *

Папа,

Я кое-как дохромал от школы до такси, а от такси до космопорта ради выставки местных Воздушных сил — она называлась «Вовне». (Ладно, хромоту я преувеличил. Но она привлекла ко мне дополнительное внимание.) Как мне показалось, все это мероприятие было затеяно ради того, чтобы соблазнить юношей пятилетней службой. Но это сработало. Я хочу записаться к ним. Я хочу полететь Вовне. Как думаешь, они меня возьмут, когда я достаточно повзрослею? Я имею в виду, возьмут Вовне — а не на какую-нибудь занюханную бумажную работенку. Как думаешь?

Я думаю, что да.

Там был один чертов подполковник (прошу прощения за мой французский), который, заметив парнишку, ковылявшего по выставке и прижимавшегося носом к большим окнам, решил устроить мне подсознательную вербовку. Отлично! Он проволок меня по галерее и показал все фотографии триумфов ВВС, от Лунной базы до Марсопорта. Он прочел мне лекцию о Славных Армейских Традициях и завел в кинозал, где демонстрировались пленки с невинными развле-

чениями бойцов: борьбой в невесомости, «где все зависит только от умения, а не от мышц», сооружением в воздухе скульптур из подкрашенной воды и зарядкой на корпусе крузера. О, счастье!

Но если серьезно, мне бы хотелось быть с ними, когда они доберутся до Внешней Пятерки — и отправятся Дальше. Не из-за той чепухни, которую пишут в рекламных буклетах, и прочей ерунды, а потому что им, я считаю, понадобится тонко чувствующий человек, способный написать достойную хронику событий. Ну, ты понимаешь, наблюдатель на непокоренном фронтире. Фрэнсис Паркман. Мэри Остин, кто-то в этом роде. Поэтому я решил, что полечу.

Парень из BBC с полковничьими погонами на плечах был, слава богам, совершенно не снисходителен. Мы стояли на балконе и смотрели, как взлетают корабли, и он сказал мне, что если я буду очень прилежно учиться, то однажды полечу на одном из них. Я не стал ему сообщать, что меня вряд ли можно назвать умственно неполноценным и что я получу степень бакалавра искусств раньше, чем достигну возраста, в котором смогу ею хоть как-то воспользоваться и даже записаться в его BBC. Я просто посмотрел на взлетающие корабли и сказал: «Через десять лет я буду смот-

реть вниз, а не вверх». Тогда он рассказал мне, каким тяжелым было его собственное обучение, поэтому я не стал его спрашивать, как он умудрился застрять на такой дурацкой земляной работенке. И теперь я рад, что этого не сделал. Он был больше похож на одну из их реклам, чем на настоящего солдата. Надеюсь, я никогда не стану похожим на рекламу.

Спасибо тебе за деньжата, и за теплые носки, и за струнные квартеты Моцарта, которые я слушаю прямо сейчас. Хочу выдвинуть предложение слетать следующим летом не в Европу, а на Луну. Возможно?.. Вероятно?.. В зависимости от обстоятельств?.. А?.. Если я расправлюсь с тем новым тестом, что ты для меня готовишь?.. В любом случае, подумай об этом, пожалуйста.

Твой сын,

Пит.

* * *

— Алло. Государственный психиатрический институт.

— Я хотела бы записаться на прием.

— Подождите. Я соединю вас с регистратурой.

— Алло. Регистратура.

— Я хотела бы записаться на прием.

— Секундочку… К кому?

— Я хотела бы встретиться с доктором Шалот, Айлин Шалот. Как можно скорее.

— Сейчас. Мне нужно заглянуть в ее расписание… Вы сможете подойти к двум часам в следующий вторник?

— Меня это вполне устроит.

— Как вас зовут?

— Де Вилл. Джилл Де Вилл.

— Хорошо, мисс Де Вилл. Вторник, два часа дня.

— Спасибо.

* * *

Мужчина брел вдоль дороги. По дороге проезжали машины. Те, что на скоростной полосе, казались размазанными.

Машины шли неплотным потоком.

Было десять тридцать утра, стоял холод.

Мужчина поднял меховой воротник куртки, убрал руки в карманы и наклонился вперед, сражаясь с ветром. Дорога за забором была чистой и сухой.

Утреннее солнце было погребено в облаках. В грязном свете мужчина увидел дерево, стоявшее в четверти мили от него.

Его скорость не изменилась. Его взгляд не отрывался от дерева. Мелкие камешки хрустели и щелкали у него под ногами.

Подойдя к дереву, он снял и аккуратно сложил куртку.

Положил ее на землю и залез на дерево.

Взобравшись на ветку, нависавшую над забором, он огляделся и увидел, что машин поблизости нет. Тогда он ухватился за ветку обеими руками, спустился, на мгновение повис и спрыгнул на дорогу.

Она была шириной в сотню футов — устремленная на восток часть шоссе.

Он посмотрел на запад, увидел, что машин все еще нет, и двинулся к центральному островку. Он знал, что никогда до него не дойдет. В это время дня машины на скоростной полосе двигались со скоростью примерно сто шестьдесят миль в час. Он продолжал идти.

Позади него проехала машина. Он не оглянулся. Если у нее затемнены окна, как это обычно и бывает, значит, пассажиры не знают, что он был у них на пути. Они узнают о случившемся позже и осмотрят нос своей машины в поисках возможных следов столкновения.

Перед ним проехала машина. Ее окна были

опрозрачены. Взгляду мужчины предстал вид двух лиц с губами, сложившимися в буквы «О», — а потом был отнят у него. Его собственное лицо оставалось абсолютно спокойным. Его шаг не менялся. Мимо пронеслись еще две машины с затемненными окнами. Он преодолел где-то двадцать ярдов дороги.

Двадцать пять…

Что-то — то ли ветер, то ли асфальт под ногами — подсказало ему, что она приближается. Он не повернул головы.

Что-то на краю поля зрения убедило его, что она приближается. Его походка не изменилась.

Сесил Грин опрозрачил окна машины, потому что ему так больше нравилось. Его левая рука скрывалась под блузкой девушки, чья юбка была задрана выше колен, а его правая рука покоилась на рычаге, которому предстояло опустить сиденья. И тут девушка отстранилась, издав низкий горловой звук.

Он резко повернул голову влево.

Он увидел бредущего мужчину.

Он увидел профиль, который так и не повернулся, чтобы на него взглянуть. Он увидел, что походка мужчины не изменилась.

А потом он перестал его видеть.

Машину легонько тряхнуло, и лобовое стекло начало очищаться. Сесил Грин ехал дальше.

Он затемнил окна.

— Как?.. — спросил он, когда девушка, всхлипывая, снова очутилась в его руках.

— Автопилот его не заметил…

— Наверное, он не коснулся забора…

— Он, должно быть, выжил из ума!

— И все равно он мог бы выбрать способ полегче.

«Это могло быть чье угодно лицо… Мое?»

Перепуганный Сесил опустил сиденья.

* * *

Чарльз Рендер трудился над главой «Некрополь» для своей первой за четыре года книги — «Недостающее звено — это человек». После возвращения он уделял работе над ней вторую половину каждого вторника и четверга, запираясь в кабинете, заполняя страницы хаотичным почерком.

«В отличие от умирания, смерть имеет множество разновидностей», — писал он, когда интерком издал короткий гудок, затем длинный и снова короткий.

— Да? — спросил у него Рендер, нажав кнопку.

— К вам посетитель, — между словами «вам» и «посетитель» послышался краткий вздох.

Рендер положил в карман маленький баллончик, а потом встал и пересек свой кабинет.

Он открыл дверь и выглянул наружу.

— Доктор… Помогите…

Рендер сделал три шага и опустился на колено.

— В чем дело?

— Пойдем… она… заболела, — прорычал посетитель.

— Заболела? Как? Что случилось?

— Не знаю. Пойдем.

Рендер заглянул в нечеловеческие глаза.

— Чем она заболела? — настойчиво спросил он.

— Не знаю, — повторил пес. — Не говорит. Сидит. Я… чувствую, что она болеет.

— Как ты сюда добрался?

— Приехал. Знаю ко, ор, дин, аты… Оставил машину, снаружи.

— Я немедленно ей позвоню. — Рендер развернулся.

— Не получится. Не ответит.

Пес оказался прав.

Рендер вернулся во внутренний кабинет за пальто и аптечкой. Он выглянул в окно и увидел,

где припаркована ее машина — далеко внизу, у самого съезда на боковую дорогу, где автопилот предоставил ее ручному управлению. Если никто не брал на себя это управление, машина автоматически парковалась на нейтралке. Остальных автопилот обводил вокруг нее.

«Ими так просто управлять, что на это способна даже собака, — подумал Рендер. — Лучше спуститься поскорее, пока не прилетел крузер. Машина уже наверняка сообщила, что стоит там. Впрочем, может, и нет. Возможно, у меня есть еще несколько минут в запасе».

Он взглянул на большие часы.

— Ну ладно, Зиг, — сказал он. — Пойдем.

Они спустились на лифте на нижний этаж, вышли через главный вход и поспешили к машине.

Ее двигатель все еще работал вхолостую.

Рендер открыл пассажирскую дверь, и Зигмунд запрыгнул внутрь. Рендер протиснулся мимо него на водительское место, но пес уже набирал лапой основные координаты и адрес.

«Похоже, я занял не то сиденье».

Он зажег сигарету, пока машина въезжала в U-образный тоннель. Она выехала на противоположную обочину, немного постояла, а потом влилась в автомобильный поток. Пес направил

ее на скоростную полосу.

— Ох, — сказал он, — ох.

Рендеру захотелось погладить его по голове, но потом он взглянул на пса, увидел, что тот скалит зубы, и передумал.

— Когда она начала странно себя вести? — спросил он.

— Вернулась с работы. Не ест. Не отвечает, когда говорю. Просто сидит.

— С ней раньше такое бывало?

— Нет.

«Что могло послужить причиной?.. Но, возможно, у нее просто выдался тяжелый день. В конце концов, Зигмунд всего лишь собака… вроде как… Нет. Он бы понял. Но что тогда?»

— Как она вела себя вчера — и сегодня утром, когда уходила из дома?

— Как всегда.

Рендер снова попробовал позвонить ей. Она все еще не отвечала.

— Это вы, виноваты, — сказал пес.

— В смысле?

— Глаза. Зрение. Вы. Машина. Плохо.

— Нет, — сказал Рендер, и его рука легла на баллончик спрея-парализатора в кармане.

— Да, — возразил пес, вновь поворачиваясь к

нему. — Вы сделаете, ее здоровой?..

— Конечно, — сказал Рендер.

Зигмунд снова уставился вперед.

Рендер ощущал физическое возбуждение и умственную заторможенность. Он отыскивал причину смятения. Пациентка вызывала у него подобные чувства с самого первого сеанса. В Айлин Шалот было что-то выбивающее из колеи: сочетание развитого ума и беспомощности, целеустремленности и уязвимости, чувствительности и ожесточенности.

«Нахожу ли я это особенно привлекательным?.. Нет. Это всего лишь контрперенос, черт бы его побрал!».

— От вас пахнет страхом, — сообщил пес.

— Так сочти, что я боюсь, — сказал Рендер, — и переверни страницу.

Они притормозили перед чередой поворотов, снова набрали скорость, снова замедлились и снова ускорились. Наконец машина выехала на узкий отрезок дороги, проходивший сквозь полужилой район города. Она свернула на боковую улицу, проехала еще с полмили, чем-то тихо щелкнула под приборной панелью и свернула на парковку за высоким кирпичным домом. Щелкнул, должно быть, специальный сервомех,

принявший управление у автопилота, потому что машина проползла по парковке, заехала в свое прозрачное стойло и только тогда остановилась. Рендер выключил мотор.

Зигмунд уже открыл дверь со своей стороны. Рендер зашел в дом следом за ним, и они поднялись на лифте на пятидесятый этаж. Пес пробежал по коридору, ткнулся носом в панель, встроенную в нижнюю часть косяка, и подождал. Мгновение спустя дверь приоткрылась внутрь на несколько дюймов. Зигмунд толкнул ее плечом и вошел. Рендер последовал за ним и закрыл за собой дверь.

Квартира была большой, с почти не украшенными стенами; сочетание цветов в ней резало глаз. Один угол заполняла большая коллекция пленок; рядом с ней расположился монструозный комбипроигрыватель. Перед окном стоял широкий стол с гнутыми ножками, у стены по правую руку от него — низкий диван; рядом с диваном была закрытая дверь; арка с левой стороны, судя по всему, вела в другие комнаты. Айлин сидела в мягком кресле в дальнем углу у окна. Зигмунд встал рядом с креслом.

Рендер пересек комнату и достал сигарету из портсигара. Щелкнув зажигалкой, он не гасил

пламя, пока Айлин не повернула к нему голову.

— Сигаретку? — предложил он.

— Чарльз?

— Верно.

— Да, спасибо. Это очень кстати.

Она протянула руку, приняла сигарету, поднесла ее к губам.

— Спасибо… Что вы здесь делаете?

— Дружеский визит. Я оказался неподалеку.

— Я не слышала ни звонка, ни стука.

— Задремали, наверное. Меня впустил Зиг.

— Да, наверное. — Она потянулась. — Сколько времени?

— Почти половина пятого.

— Значит, я дома уже больше двух часов… Должно быть, очень устала…

— Как вы чувствуете себя теперь?

— Хорошо, — заявила она. — Хотите чашечку кофе?

— Не откажусь.

— А стейк к ней?

— Нет, спасибо.

— «Бакарди» в кофе?

— Звучит неплохо.

— Тогда прошу меня простить. Это займет совсем немного времени.

Она прошла в дверь возле дивана, и Рендер разглядел за ней большую и сверкающую автоматическую кухню.

— Ну как? — шепотом спросил он у пса.

Зигмунд покачал головой:

— Не прежняя.

Рендер покачал головой.

Он положил свое пальто на диван, аккуратно обернув им аптечку. Сел рядом и задумался.

«Быть может, я обрушил на нее слишком много зрительных стимулов разом? Быть может, она страдает от угнетающих побочных эффектов — скажем, подавленных воспоминаний, нервного переутомления? Не нарушил ли я течение ее сенсорно-адаптационного синдрома? Почему я вообще продвигался так быстро? Торопиться некуда. Мне что, так чертовски не терпится об этом написать?.. Или я делаю это, потому что так хочется ей? Может ли она быть так сильна, сознательно или бессознательно? Или я настолько уязвим — по какой-то причине?»

Айлин позвала его в кухню, чтобы он взял поднос. Рендер поставил его на стол и сел напротив нее.

— Хороший кофе, — сказал он, обжигая губы о чашку.

— Умная машина, — спокойно ответила Айлин, повернувшись на его голос.

Зигмунд вытянулся на коврике у стола, уложил голову между лапами, вздохнул и закрыл глаза.

— Я хотел спросить, — начал Рендер, — не вызвал ли последний сеанс каких-нибудь последствий — например, учащения приступов синестезии, или снов с участием визуальных образов, или галлюцинаций, или…

— Да, — ровно сказала она, — сны.

— Какие?

— Последний сеанс. Он снится мне снова и снова.

— От начала до конца?

— Нет, у событий нет определенного порядка. Мы едем через город, или по мосту, или сидим за столиком, или подходим к машине — просто такого рода вспышки. Яркие.

— А какими чувствами сопровождаются эти… вспышки?

— Не знаю. Они все перемешаны.

— А каковы ваши чувства сейчас, когда вы об этом вспоминаете?

— Такие же, перемешанные.

— Вы боитесь?

— Н-нет. Не думаю.

— Не хотите сделать перерыв? Быть может, вам кажется, что мы продвигаемся слишком быстро?

— Нет. Дело вовсе не в этом. Это… ну, это как учиться плавать. Когда наконец понимаешь, как это делается, то плаваешь, и плаваешь, и плаваешь, пока не выбьешься из сил. И тогда ты просто лежишь, глотая воздух, и вспоминаешь, как это было, пока твои друзья вьются вокруг и грызут тебя за то, что ты перестаралась, — и это хорошее чувство, хоть тебе и холодно, а мышцы колет иголочками. По крайней мере, у меня так со всем. Я чувствовала себя точно так же после первого сеанса, и после этого, последнего. Первый Раз — всегда особенный… Но иголочки ушли, и я уже перевела дыхание. Боже, я не хочу сейчас останавливаться! Я хорошо себя чувствую.

— А вы часто спите днем?

Десять красных ногтей проехались по столешнице, когда их обладательница потянулась.

— …Устала, — улыбнулась она, проглотив зевок. — Половина коллег в отпуске или на больничном, и я всю неделю пахала как проклятая. Готова была вырубиться, когда уходила с работы. Но теперь я отдохнула и чувствую себя нормально.

Она взяла чашку обеими руками, сделала боль-

шой глоток.

— Угу, — сказал Рендер. — Хорошо. Я немного о вас беспокоился. Рад видеть, что беспричинно.

Она засмеялась.

— Беспокоились? Вы читали заметки доктора Рискомба о моем психоанализе — и об опыте с ОНП — и считаете, что я из тех, о ком стоит беспокоиться? Ха! У меня способствующий полезной деятельности невроз, касающийся моей состоятельности как человека. Он помогает мне сосредоточиться, направляет мои действия к достижению цели. Он усиливает мое чувство идентичности…

— У вас дьявольски хорошая память, — заметил Рендер. — Вы процитировали его почти дословно.

— Разумеется.

— Зигмунд сегодня тоже тревожился из-за вас.

— Зиг? Почему?

Пес беспокойно заерзал, открыл один глаз.

— Да, — прорычал он, свирепо глянув на Рендера. — Его, надо отвезти, домой.

— Ты снова водил машину?

— Да.

— После того, как я велела тебе этого не делать?

— Да.

— Почему?

— Я бо, ялся. Ты мне, не, отвечала, когда я, говорил.

— Я *очень* сильно устала — а если ты еще хоть раз возьмешь машину, я велю ремонтникам переделать дверь, чтобы ты не мог приходить и уходить, когда тебе заблагорассудится.

— Прости.

— Со мной все в порядке.

— Я, вижу.

– *Никогда* так больше не делай.

— Прости. — Его глаз так и смотрел на Рендера; он был словно пылающая линза.

Рендер отвел взгляд.

— Не будьте так суровы с бедолагой, — сказал он. — В конце концов, он подумал, что вы заболели, и отправился за врачом. А если бы он оказался прав? Вы задолжали бы ему благодарность, а не трепку.

Нисколько не смягчившийся Зигмунд еще немного на него поглядел, а потом закрыл глаз.

— Он должен знать, когда поступает неправильно, — отрезала Айлин.

— Может быть, — ответил Рендер, отпивая кофе. — В любом случае ничего плохого не слу-

чилось. Раз уж я здесь, давайте поговорим о делах. Я кое-что пишу и хотел бы услышать ваше мнение.

— Отлично. Упомянете меня в сноске?

— В двух или трех… Как вам кажется, отличаются ли базовые мотивации, ведущие к самоубийству, в разные времена или в разных культурах?

— Мое тщательно обдуманное мнение — нет, не отличаются, — ответила она. — Фрустрации могут привести к депрессиям или аффектам; а те, если окажутся достаточно сильными, могут привести к самоубийству. Вы спрашиваете меня о мотивациях, и я думаю, что они остаются более-менее одинаковыми. Я считаю, что это внекультурный, вневременной аспект природы человека. Не думаю, что его можно изменить, не изменив основ человеческой натуры.

— Хорошо. Принято. А как насчет провоцирующего элемента? — спросил Рендер. — Пусть человек и неизменен, окружение его все-таки меняется. Как вам кажется, если поместить его в ситуацию чрезмерной опеки, проще или труднее будет вызвать у него депрессию — или состояние аффекта — чем в менее благоприятной среде?

— Хм. Будучи склонной рассматривать каждый случай в отдельности, я бы сказала, что это за-

висит от конкретного человека. Но я понимаю, к чему вы ведете: к массовой склонности прыгать из окон по малейшему поводу — причем окна даже открываются сами, стоит их об этом просить, — к бунту скучающих масс. Мне не нравится эта идея. Я надеюсь, что она ошибочна.

— Я тоже, но я думал в том числе и о символических самоубийствах — функциональных расстройствах, возникающих по довольно ничтожным причинам.

— Ага! Лекция, которую вы читали в прошлом месяце: аутопсихомимесис. У меня есть запись. Хорошее выступление, но я не могу с ним согласиться.

— Я тоже — теперь. Я переписываю весь этот фрагмент — он будет называться «Танатос в Нефелококкии». На самом деле это инстинкт смерти, поднявшийся ближе к поверхности.

— Если я добуду вам скальпель и труп, вы сможете вырезать инстинкт смерти и дать мне его коснуться?

— Не смогу, — он озвучил усмешку голосом, — в трупе он будет уже израсходован. Но найдите мне добровольца, и он докажет мои мысли, вызвавшись добровольцем.

— Ваша логика неуязвима, — улыбнулась

она. — Не принесете нам еще кофе?

Рендер зашел на кухню, сполоснул и наполнил чашки, выпил стакан воды и вернулся в гостиную. Айлин не двинулась с места; Зигмунд тоже.

— Чем вы занимаетесь, когда не Ваяете? — спросила она.

— Тем же, чем и большинство людей, — ем, пью, сплю, разговариваю, навещаю друзей и недрузей, путешествую, читаю…

— Вы незлопамятный человек?

— Иногда. А что?

— Тогда не держите на меня зла. Сегодня я поссорилась с одной женщиной, женщиной по фамилии Де Вилл.

— Из-за чего?

— Из-за вас — и она обвиняла меня в таких вещах, что мне лучше было бы и не рождаться. Вы собираетесь жениться на ней?

— Нет, брак подобен алхимии. Некогда он играл важную роль, но мне кажется, что дни его сочтены.

— Хорошо.

— Что вы ей сказали?

— Я выдала ей справку, в которой говорилось: «Диагноз: сука. Предписание: курс транквилизаторов и тугой кляп».

— О, — заинтересованно сказал Рендер.

— Она порвала ее и швырнула мне в лицо.

— Интересно, почему?

Айлин пожала плечами, улыбнулась, сложила пальцы решеткой на скатерти.

— «Отцы и учители, мыслю, — вздохнул Рендер, — “Что есть ад?”»

— «Рассуждаю так: “Страдание о том, что нельзя уже более любить”», — закончила она. — Достоевский был прав?

— Сомневаюсь. Я бы лично назначил ему групповую терапию. Вот это стало бы для него настоящим адом — столько людей, которые ведут себя, как его персонажи, и наслаждаются этим.

Рендер отставил чашку, отодвинул свой стул от стола.

— Полагаю, вам пора идти?

— Пора, — сказал Рендер.

— И я не смогу соблазнить вас ужином?

— Нет.

Айлин встала.

— Хорошо, я только надену пальто.

— Я мог бы доехать сам и просто приказать машине вернуться.

— Нет! Меня пугают мысли о пустых машинах, разъезжающих по городу. Следующие две недели

мне будет казаться, что она одержима призраком. К тому же, — добавила она, проходя через арку, — вы обещали мне Уинчестерский собор.

— Вы хотите сделать это сегодня?

— Если сумею вас убедить.

Пока Рендер принимал решение, Зигмунд поднялся. Он встал прямо перед ним, поднял голову и уставился ему в глаза. Несколько раз открыл рот и закрыл его, но не издал ни звука. Потом отвернулся и вышел из комнаты.

— Нет, — послышался голос Айлин, — ты останешься здесь и будешь ждать моего возвращения.

Рендер взял пальто и надел его, засунув аптечку во внутренний карман.

Когда они шли по коридору к лифту, ему показалось, что он услышал очень слабый и очень далекий вой.

* * *

В этом месте, как нигде более, Рендер знал, что он повелевает всем.

Он был как дома в этих чуждых мирах, лишенных времени, в этих мирах, где цветы совокупляются, а звезды сражаются в небесах и в конце концов падают на землю, истекая кровью, точно

растрескавшиеся и расколотые кубки; где моря расступаются, открывая ведущие вниз лестницы, а из пещер высовываются руки, размахивающие факелами, пламя которых похоже на текучие лица, — кошмар в зимнюю ночь, лето брошено и забыто, Рендер знал это — ведь он посещал эти миры на профессиональной основе уже почти десять лет. Одним мановением пальца он мог выявить колдунов, привлечь их к суду за предательство королевства — да, а еще он мог казнить их, мог назначить их преемников.

К счастью, это был всего лишь визит вежливости…

Он прошелся по поляне, отыскивая Айлин.

Он чувствовал, как она пробуждается повсюду вокруг него.

Он пробрался через ветки, встал рядом с озером. Оно было холодным, голубым и бездонным, это озеро, и отражало ту тонкую иву, что стала для нее точкой входа.

— Айлин!

Ива качнулась к нему, а потом качнулась обратно.

— Айлин! Выходите!

Несколько листьев упали и поплыли по озеру, тревожа его зеркальное спокойствие, искажая

отражения.

— Айлин?

Все оставшиеся листья разом пожелтели и осыпались в воду. Ива перестала качаться. С темнеющего неба донесся странный звук, похожий на гудение высоко натянутых проводов в холодный день.

Неожиданно по небу прокатились две луны.

Подняв руку, Рендер выбрал одну из них и нажал на нее. Вторая тут же исчезла, и мир просветлел; воздух перестал гудеть.

Рендер обошел озеро кругом, чтобы получить субъективную передышку от возникшего отторжения и собственного противодействия ему. Он прошел вдоль ряда сосен к тому месту, где хотел возвести собор. В деревьях уже пели птицы. Мимо пролетел тихий ветерок. Рендер отчетливо ощущал ее присутствие.

— Сюда, Айлин. Сюда.

И вот она уже шла рядом с ним: зеленый шелк, бронзовые волосы, глаза из расплавленного изумруда; во лбу у нее тоже был изумруд. Ступая зелеными туфлями по сосновым иголкам, она спросила:

— Что случилось?

— Вы боялись.

— Чего?

— Возможно, вас пугает собор. Вы ведьма? — улыбнулся он.

— Да, но у меня сегодня выходной.

Он засмеялся, и взял ее за руку, и они обогнули островок растительности, и перед ними на травянистой возвышенности встал собор, вытягиваясь над ними и над деревьями, устремляясь ввысь, дыша органными нотами, отражая оконным стеклом заблудший солнечный луч.

— Держитесь за мир крепче, — сказал Рендер. — Сейчас будет экскурсия.

Они приблизились и вошли в собор.

— «С помощью поднимающихся от пола до потолка столбов, подобных множеству толстых стволов, он добивается безжалостной власти над своими внутренними пространствами», — процитировал Рендер. — Я украл эту фразу из путеводителя. Перед вами северный трансепт…

— «Зеленые рукава», — сказала она, — орган играет «Зеленые рукава».

— И правда. Но это не моя вина… Обратите внимание на фестонные капители.

— Я хочу послушать музыку поближе.

— Хорошо. Тогда нам сюда.

Рендер чувствовал, будто что-то не так. Но не

мог понять, что именно.

Все вновь обрело плотность…

И что-то стремительно пролетело над собором, издав сверхзвуковой хлопок. Рендер улыбнулся, вспомнив; это было что-то сродни оговорке: на мгновение он перепутал Айлин с Джилл, да, вот что случилось.

Тогда почему…

Вспышка белизны была алтарем. Он никогда и нигде не видел такого прежде. Окружавшие их стены были темны и холодны. В углах и высоких нишах мерцали свечи. Незримые руки извлекали из органа громоподобные аккорды.

Рендер убедился, что что-то не так.

Он повернулся к Айлин Шалот, чей головной убор был зеленым конусом, уходящим во тьму, увешанным зелеными вуалями. Ее шею укрывала тень, но…

— Это ожерелье… Откуда?

— Не знаю, — улыбнулась она.

Чаша в ее руках лучилась розовым светом. Он отражался от ее изумруда. Он омывал Рендера, точно прохладный ветерок.

— Хотите выпить? — спросила Айлин.

— Стойте на месте, — велел Рендер.

Он приказал стенам рухнуть. Они утопали в

тени.

— Стойте на месте! — настойчиво повторил Рендер. — Ничего не делайте. Постарайтесь даже не думать.

— …Обрушьтесь! — выкрикнул он. И взрыв раскидал стены в разные стороны и перебросил крышу через вершину мира, и теперь они стояли посреди руин, освещенных единственной восковой свечой. Ночь была черна как деготь.

— Зачем вы это сделали? — спросила Айлин, все еще протягивая ему чашу.

— Не думайте. Ни о чем не думайте, — сказал он. — Расслабьтесь. Вы очень устали. Ваше сознание трепещет и гаснет подобно этой свече. Вы с трудом боретесь со сном. Вы едва держитесь на ногах. У вас закрываются глаза. Здесь все равно не на что смотреть.

Он велел свече погаснуть. Она продолжала гореть.

— Я не устала. Пожалуйста, выпейте.

Рендер услышал в ночи органную музыку. Мелодия была другой, и сперва он ее не узнал.

— Мне нужно ваше сотрудничество.

— Хорошо. Я сделаю все что угодно.

— Смотрите! Луна! — указал он.

Айлин подняла взгляд, и луна показалась из-за

чернильной тучи.

— …И еще одна, и еще.

Луны, точно низка жемчужин, протянулись через небо.

— Последняя будет красной, — сказал Рендер.

Она была красной.

Он поднял правый указательный палец, повел руку вбок и попытался коснуться красной луны.

Рука болела, ее жгло. Рендер не мог ею пошевелить.

— Проснись! — завопил он.

Красная луна исчезла, и белые тоже.

— Пожалуйста, выпейте.

Рендер выбил чашу у нее из рук и отвернулся. Когда он повернулся вновь, Айлин все еще протягивала ее.

— Хотите выпить?

Рендер развернулся и бросился в ночь.

Он словно бежал сквозь достающий до пояса сугроб.

Это было неправильно.

Бегство лишь усугубляло ошибку — умаляло его силы, увеличивало ее силы. Оно вытягивало из него энергию, опустошало его.

Рендер остановился во тьме.

— Мир обращается вокруг меня, — сказал он. —

Я — его центр.

— Пожалуйста, выпейте, — сказала Айлин, и он очутился на поляне, рядом с их столиком у озера. Озеро было черным, а луна серебряной, и высокой, и недосягаемой. На столе мерцала единственная свеча, делая волосы Айлин такими же серебристыми, как ее платье. Она носила на лбу луну. На белой скатерти стояла бутылка «Романе-Конти», а рядом с ней — широкий бокал. Он был полон доверху, этот бокал, и розовые капли висели на его краях. Рендер очень хотел пить, а она была прекраснее всех, кого он встречал в своей жизни, а ее ожерелье блестело, а с озера дул холодный ветер, и было что-то… что-то, что он должен был вспомнить…

Он шагнул к ней, и его доспехи негромко звякнули. Рендер потянулся к бокалу, и его правая рука онемела от боли и упала, безвольно повиснув.

— Вы ранены!

Он медленно повернул голову. Кровь струилась из открытой раны на его бицепсе, стекала по руке и капала с пальцев. Его броню пробили. Он заставил себя отвернуться.

— Выпейте это, любимый. Оно вас исцелит.

Она встала.

— Я подержу бокал.

Он смотрел на нее, пока она подносила вино к его губам.

— Кто я? — спросил он.

Она не ответила, но ответило что-то другое — из плеска озерных волн:

– *Ты — Рендер, Ваятель*.

— Да, я помню, — сказал он; и, обратившись всем разумом к той единственной лжи, которая могла разбить эту иллюзию, заставил свои губы выговорить: — Айлин Шалот, я ненавижу тебя.

Мир содрогнулся и пошел волнами вокруг него, сотрясся, как будто от всхлипа.

— Чарльз! — прокричала она, и тьма нахлынула на них.

— Проснись! Проснись! — вопил он, и его правая рука горела, и болела, и кровоточила во тьме.

Он стоял в одиночестве посреди белой равнины. Она была тиха, она была бесконечна. Она загибалась к краям мира. Она излучала собственный свет, а небо перестало быть небом; над головой не было ничего. Ничего. Он остался один. Эхо собственного голоса донеслось до него с края света: «…ненавижу тебя, — сказало оно, — …ненавижу тебя».

Он упал на колени.

Он упал на колени. Он был Рендером.

Ему хотелось плакать.

Красная луна взошла над равниной, залив жутким светом ее простор. Слева от него была стена гор, справа тоже.

Он поднял правую руку. Он помог ей левой рукой. Он стиснул запястье, выставил указательный палец. Он потянулся им к луне.

И тогда с горных вершин донесся вой, громкий рыдающий крик — наполовину человеческий, абсолютно дерзкий, абсолютно одинокий, абсолютно раскаивающийся. И Рендер увидел его, шагающего по горам, смахивающего хвостом снег с самых высоких вершин, величайшего loup-garou Севера — Фенрира, сына Локи, — ярящегося на небеса.

Он подскочил в воздух. Он проглотил луну.

Он приземлился рядом с Рендером, и огромные глаза его вспыхнули желтым. Он преследовал его на неслышных лапах по холодным белым полям, лежавшим меж горами; и Рендер бежал от него, по склонам холмов, над расселинами и пропастями, по долинам, мимо сталагмитов и остроконечных скал… под краями ледников, вдоль замерзших рек и всегда вниз… пока жаркое

дыхание не окутало его и перед ним не распахнулась смеющаяся пасть.

Тогда он отвернулся, и его ноги обернулись двумя сверкающими реками, уносящими его прочь.

Мир скакнул назад. Он скользил по склонам. Вниз. Торопясь —

Прочь…

Он оглянулся через плечо.

Вдалеке за ним несся серый силуэт.

Он чувствовал, что тот может сократить расстояние, если захочет. Нужно было двигаться быстрее.

Мир раскачивался вокруг него. Пошел снег.

Он мчался вперед.

Впереди — неясное пятно, изломанный контур.

Он прорезал вуали снега, который, казалось, падал теперь вверх — похожий на цепочки пузырьков.

Он приближался к разбитому силуэту.

Подобно пловцу, Рендер приближался к нему — неспособный открыть рот из страха захлебнуться… захлебнуться и не узнать, никогда не узнать.

Он не мог прекратить своего движения; его несло к разбитой машине, словно подхвачен-

ного приливом. Наконец он остановился прямо перед ней.

Есть вещи, которые никогда не меняются. Это те вещи, что давно уже перестали существовать как физические объекты и остаются исключительно событиями, которые никогда не будут отмечены в календаре, за пределами череды мгновений, именуемой временем.

Рендер стоял, и его не заботило, что Фенрир может прыгнуть ему на спину и сожрать его мозги. Он прикрыл глаза рукой, но она не могла помешать ему видеть. Не в этот раз. Его ничто не заботило. Бо`льшая часть его лежала мертвой у его ног.

Раздался вой. Серый силуэт пронесся мимо.

Окровавленная морда со злобными глазами погрузилась в разбитую машину, разгрызая сталь, стекло, отыскивая…

— Нет! Чудовище! Пожиратель трупов! — вскричал Рендер. — Мертвые священны! *Мои* мертвые священны!

У него в руке возник скальпель, и он принялся умело рассекать сухожилия, бугры мышц на напряженных плечах, мягкий живот, веревки артерий.

Рыдая, он расчленял монстра, орган за органом,

и тот истекал и истекал кровью, пятная машину и останки внутри нее инфернальными звериными соками, капавшими и струившимися, пока вся равнина вокруг не сделалась багровой и корчащейся.

Он упал на изуродованный капот, и тот оказался мягким, и теплым, и сухим. Рендер разрыдался на нем.

— Не плачь, — сказала она.

Он цеплялся за ее плечо, обнимал ее там, у черного озера, под луной из веджвудского фарфора. На их столике мерцала одинокая свеча. Айлин поднесла бокал к его губам.

— Пожалуйста, выпей.

— Да, дай его мне!

Он залпом проглотил вино — сплошь мягкость и легкость. Оно горело у него внутри. Он ощутил, как к нему возвращаются силы.

— Я…

— …*Рендер, Ваятель*, — плеснуло озеро.

— Нет!

Он отвернулся и вновь побежал, разыскивая разбитую машину. Он должен был вернуться, возвратиться…

— Ты не сможешь.

— Я смогу! — прорыдал он. — Я смогу, если

попытаюсь…

Языки желтого пламени извивались в густом воздухе. Желтые змеи. Они извивались, сияя, вокруг его лодыжек. А потом из мрака, двуглавый и колоссальный, вышел его Враг.

Маленькие камни с грохотом прокатились мимо него. Ошеломляющая вонь штопором пронзила ноздри и вгрызлась в мозг.

— Ваятель! — проревела одна голова.

— Ты вернулся за расплатой! — выкрикнула вторая.

Рендер глядел на них во все глаза, вспоминая.

— Расплаты не будет, Таумиэль, — сказал он. — Я победил тебя и заковал в цепи ради… Ротмана, да, его звали Ротманом… того каббалиста. — Он начертил в воздухе пентаграмму. — Возвращайся в Клипот. Я изгоняю тебя.

— Это место и есть Клипот.

— Именем Камаэля, ангела крови, именем сонмов Серафимов, именем Элохима Гебора я приказываю тебе исчезнуть!

— Не в этот раз, — рассмеялись обе головы.

Он приближался.

Рендер медленно отступал, желтые змеи сковывали его ноги. Он чувствовал, как позади разверзается бездна. Мир распадался, как пазл.

Он видел, как расходятся детали.

— Исчезни!

Великан разразился ревущим двойным смехом.

Рендер споткнулся.

— Сюда, любимый!

Она стояла в маленькой пещере справа от него.

Он покачал головой и продолжил отступать к бездне.

Таумиэль потянулся к нему.

Рендер рухнул с края пропасти.

— Чарльз! — закричала она, и мир распался от ее рыданий.

— Значит, Vernichtung, — ответил он, падая. — Я присоединюсь к вам во тьме.

Все закончилось.

* * *

— Я хочу увидеться с доктором Чарльзом Рендером.

— Простите, но это невозможно.

— Но я прилетел сюда, только чтобы поблагодарить его. Я теперь совершенно другой человек! Он изменил мою жизнь!

— Мне очень жаль, мистер Эриксон. Сегодня

утром, когда вы звонили, я сказал вам, что это невозможно.

— Сэр, я член палаты представителей Эриксон — и Рендер однажды оказал мне огромную услугу.

— Значит, вы можете оказать ему услугу в ответ. Возвращайтесь домой.

— Вы не смеете так со мной разговаривать!

— Я уже посмел. Пожалуйста, уходите. Быть может, в следующем году…

— Но даже несколько слов могут сотворить чудо.

— Приберегите их!

— П-прошу прощения…

* * *

Как бы прекрасна она ни была, розовея вместе с утром, — плещущая, курящаяся паром чаша моря, — он знал, что это *должно* закончиться. А значит…

Он спустился по лестнице высокой башни и вышел во дворик. Приблизился к увитой розами беседке и взглянул на стоявшее в ней ложе.

— Доброе утро, милорд, — сказал он.

— И тебе тоже, — ответствовал рыцарь, чья кровь заливала землю, цветы, траву, вытекала из

раны, сверкала на доспехах, капала с пальцев.

— Еще не зажила?

Рыцарь покачал головой:

— Я пуст. Я жду.

— Конец вашего ожидания близок.

— О чем ты? — Он сел.

— Корабль. Он приближается к гавани.

Рыцарь встал. Привалился спиной к поросшему мхом стволу дерева. Он не сводил взгляда с огромного бородатого слуги, который продолжал говорить; слова его резали слух варварским акцентом.

— Он несется, как черный лебедь перед бурей, — возвращаясь.

— Ты сказал, черный? Черный?

— Паруса черны, лорд Тристрам.

— Ты лжешь!

— Хотите взглянуть? Увидеть своими глазами?.. Так глядите!

Он махнул рукой.

Земля содрогнулась, стена рухнула. Пыль взвихрилась и улеглась. Оттуда, где они стояли, был виден корабль, влетающий в гавань на крыльях ночи.

— Нет! Ты солгал!.. Смотри! Они белы!

Заря танцевала на воде. Тени разлетались из

парусов корабля.

— Нет, глупец! Черные! Они *должны* быть черными!

— Белые! Белые!.. Изольда! Ты сдержала слово! Ты вернулась!

Он бросился к гавани.

— Вернитесь!.. Ваша рана! Вы больны!.. Стойте…

Паруса были белыми, а солнце — красной кнопкой, и слуга торопливо потянулся к ней.

Пала ночь.

Слово Желязны

«Это оригинальная повесть, за которую мне вручили премию “Небьюла” на первом, очень формальном банкете SFWA в Клубе иностранных корреспондентов, и которую я позднее по предложению Деймона Найта расширил до романа “Творец снов”. Я очень рад, что написал кое-что из вошедшего в роман материала, но сейчас, по прошествии долгого времени оглядываясь назад, я понимаю, что предпочитаю эту, более короткую версию. Она прямолинейнее, а значит, ближе к бродившим у меня в голове квазиклассическим идеям, касавшимся лаконичности и методологии

описания выдающегося человека с изъяном» [84].

Когда Желязны попросили раскрыть три факта о повести, он написал: «1. Я хотел создать любовный треугольник из двух женщин и одного мужчины, поскольку раньше никогда о таком не писал. 2. Я хотел вывести персонажа, отчасти напоминающего героя классической трагедии — выдающегося и несущего в себе изъян, который его погубит. 3. Я никогда не был большим поклонником немецких овчарок, потому что две из них донимали пса, который был у меня в детстве.

“Придающий форму” нравится мне больше за дальний план, чем за передний. Мне казалось, что это эффектные декорации для истории о стремлении к смерти в духе Ружмона-Вагнера. А не нравится он мне тем, что Рендер получился слишком напыщенным для того образа, который я пытался воплотить, а Джилл вышла слишком плоским персонажем» [85].

«”Придающий форму” писался с целью вывести трагического персонажа в классическом понимании этого термина. Несмотря на попытку соблюдать единство времени и пространства, я

---

[84] Примечания: 84
«Последний защитник Камелота», 1980 г.

[85] Примечания: 85
Vector, май-июнь 1973 г. (№ 65).

постарался “упростить” сюжет, включая в него лишь тот материал, который казался мне абсолютно необходимым для воплощения Рендера в рамках ритма формы. Закончив повесть, я посчитал, что добился той цели, которую перед собой ставил» [86].

Эта повесть насыщена аллюзиями и символами — возможно, в большей степени, чем любая другая работа Желязны (многие из них разъясняются в нижеследующих примечаниях). Желязны считал, что мифы в его историях — не просто декорации, что с их помощью он подсвечивает универсальность и значимость своих тем [87].

Теодор Старджон, должно быть, думал именно об этой повести, когда делал следующее замечание: «Порой кажется, что некоторым (весьма немногим, поспешу добавить) из его более ярких оборотов пошла бы на пользу обработка “Далкотом” (это материал для художников, прозрачный спрей, уменьшающий яркость и блеск всего, к чему его применяют). Не потому, что они некра-

---

[86] Примечания: 86

Science Fiction Origins, Popular Library, 1980 г.

[87] Примечания: 87

Монтелеоне, Томас. «Научная фантастика как литература: избранные рассказы и романы Роджера Желязны» (докторская работа) (*Science Fiction as Literature: Selected Stories and Novels of Roger Zelazny* [PhD Thesis], University of Maryland, 1973 г.)

сивы — видит бог, в основном это не так, — но потому, что даже такой умелый мастер слова, как Желязны, может время от времени забывать, что подобные конструкции способны затормозить продвижение читателя от начала к концу, и что его мебель должна стоять в стороне от дороги. Если я ушибся голенью о кофейный столик, уже не важно, что это самый изящно сработанный артефакт со времен Короля-Солнца. Особенно когда это сам автор вынудил меня нестись в таком бешеном темпе. А ведь есть еще и проблема экзотических отсылок — использования, например, какого-нибудь из абсолютно точных, и посему непереводимых терминов немецкой философии или цитат из классической мифологии. Такие вещи трудно критиковать, не рискуя быть понятым превратно. По-настоящему хороший писатель имеет право, а то и обязанность, быть самонадеянным, и должен быть свободен высказывать все, что взбредет ему в голову, таким способом, каким пожелает. Но, с другой стороны, писательство точно так же, как выборы, совокупление, соната или удар кулаком в зубы, есть коммуникация… Коммуникация — это двухсторонний феномен, ей нужны и передатчик, и приемник, иначе она не существует. А если она вызывает непредусмот-

ренную реакцию (“что, черт возьми, это значит вообще?” вместо “ну разумеется!”), она существует, но искалечена. Есть тонкая — и туманная — черта между разъяснением экзотического термина, которое может быть чертовски оскорбительно для читателя, его понявшего, и тем случаем, когда вы швыряете ему нечто узловатое и жесткое без предупреждения или дальнейшего истолкования» [88].

Желязны также охарактеризовал эту повесть как «плод неоконченного психологического образования и нескольких лет студенческой подработки в качестве лаборанта в лаборатории моего психологического факультета, и много чего другого. Я написал ее в 1964 году, и на тот момент это был самый большой мой текст» [89].

Позднее «Придающий форму» послужил основой для фильма «Бегство от сна». Хотя Желязны некоторое время работал над сценарием и у него купили права на адаптацию повести, итоговый сюжет почти ничем не напоминал его произведение, и в титрах его имя не фигурировало.

---

[88] Примечания: 88

«Четверка на завтра»,1967 г.

[89] Примечания: 89

Бова, Бен (ред.). «Лучшие лауреаты премии Небьюла» (*The Best of Nebulas*), Tor, 1989 г.

Примечания

Рендер — крайне подходящая фамилия для главного героя, потому что является контронимом — словом, обозначающим два противоположных явления: у глагола «to rend» есть значение «создавать» или «рисовать» — и прямо противоположное: «разрушать» или «сносить». Чарльз Рендер — именно такой противоречивый персонаж. Кроме того, «render» может означать «сдаваться» или «отступать», «рассказывать» или «повествовать», «сводить к сути», «отдавать», «интерпретировать» — и Рендер в тексте воплощает все эти значения. Тонкая авторская шутка заключается в том, что секретаршу Рендера, не одобряющую его курение, зовут **миссис Бенни Хеджес** (отсылка к марке сигарет Benson & Hedges) — однако Желязны старательно называет ее либо по имени, либо по фамилии, и никогда не упоминает их одновременно.

На самом деле Брут и его сообщники зарезали **Цезаря**, а не **Марка Антония**, который стал его преемником. Предсказатель говорил Цезарю опасаться мартовских ид; Рендер изменяет сон так, чтобы тот предостерегал от **октябральских ид**; оригинальное «october» — вариантное

написание слова «october» («октябрь»), изредка встречающееся начиная с римских времен. («Октябраль» не имеет никакого отношения к книге доктора Сьюза *Please Try to Remember the First of Octember!*, вышедшей позднее, в 1977 году). Согласно греческим мифам, у **Медузы** вместо волос были живые змеи; шлем Рендера сравнивается с ними из-за большого количества проводов, связывающих его с электронной начинкой ро-матки. В «Божественной комедии» Данте (трилогии, состоящей из частей «Ад», «Чистилище» и «Рай») **ничтожными** называются равнодушные трусы, не допущенные в рай из-за отсутствия добродетелей и не допущенные в ад из-за отсутствия грехов. **Астраханские ковры** изготавливают из овечьей шерсти в одноименной области России; Желязны коллекционировал ковры и упоминал названия тех, которыми владел, в своих книгах. **Эстетика** — наслаждение красотой. **Мимесис** означает «подражание», и, говоря о «мимесисе отклонения», Рендер подразумевает, что симулированное безумие или неадекватная деятельность чьего-либо разума не сведут с ума и его; он останется **Разумным Шляпником** вместо того, чтобы стать Безумным Шляпником из «Алисы в Стране Чудес».

Согласно мифологии, взгляд **василиска** вызывал мгновенную смерть; взгляд **Медузы** обращал человека в камень. **Химеры** — животные или предметы, созданные из разрозненных частей, такие как мифическое огнедышащее чудовище с головой льва, телом козы и хвостом змеи. **Кадуцей** — символ профессии врача, посох, обвитый двумя змеями (посох, обвитый одной змеей — медицинский символ Асклепия); Рендер высокомерно полагает, что даже Медуза склонится перед его талантом врачевателя и закроет свои убийственные, обращающие в камень глаза. **Томас Манн** — писатель, лауреат Нобелевской премии, автор «Волшебной горы» (одной из любимых книг Желязны) и других насыщенных символизмом романов, в которых исследуется психология художников и интеллектуалов. «**Рендер так ясно мог представить (...) что где-то сейчас белеют черепа»** — воспоминание Рендера об автокатастрофе, унесшей жизни его жены и дочери. **Шалот** — разновидность лука; служит намеком на то, что в психике **доктора Айлин Шалот** множество слоев, которые предстоит снять психиатру. С другой стороны, эта фамилия предвещает трагический финал: волшебница Шалот из одноименной поэмы Альфреда Теннисона

влюбляется в сэра Ланселота, но тот не способен ответить ей взаимностью (поскольку влюблен в Гвиневру), и волшебница Шалот умирает от горя. Томас Мэлори рассказывает подобную историю об Элейне из Астолата (Прекрасной Деве из Астолата), полюбившей Ланселота тщетной, гибельной любовью; имя Элейны из Астолата также созвучно имени Айлин Шалот.

Когда Рендер впервые встречает ее, Шалот одета в зеленое платье, к которому приколота золотая брошь с рубином, обрамленным очертаниями чаши или двух лиц (профилей), глядящих друг на друга сквозь рубин, и эта брошь напоминает ему о чем-то, чего он не может вспомнить. На лбу у Шалот серебряный диск, позволяющий ей «видеть». Позднее Рендер неодобрительно отметит, что глаза у нее зеленые. Это ранние намеки на то, что Шалот также является **Изольдой**, о чем будет подробнее рассказано в конце этого комментария. В одном из интервью [90] Желязны говорится, что упомянутая им брошь создана художником Сальвадором Дали и называется «Тристан и Изольда» — она представляет собой отлитые из золота профили Тристана и Изоль-

---

[90] Примечания: 90
«Четверка на завтра», 1967 г.

ды, образующие круг; они повернуты друг к другу с закрытыми глазами; между ними стоит зачарованная хрустальная чаша, наполненная красным вином. (Кроме того, у Дали есть сюрреалистическая картина с тем же названием.) В одном из своих писем Желязны признал, что брошь Дали была слишком велика, чтобы ее носить, и что он имел в виду ее уменьшенную копию; он не ожидал, что кто-то опознает ее по описанию, но критик Сандра Мизел сделала это в своей статье «Love is Madness» («Любовь — это безумие») [91],[92]. Серебристый зеркальный диск на лбу Шалот — позднее во сне становящийся для Рендера изумрудом — также отсылает к волшебнице Шалот, воспринимавшей реальность главным образом посредством зеркала, в которое она постоянно гляделась в своей одинокой башне.

Менингеровская клиника в Хьюстоне, штат Техас, — высококлассный международный центр психиатрических исследований, лечения и образования. Название книги **«Почему психометрия здесь не работает»** представляет собой сложную

---

[91] Примечания: 91
Kallikanzaros № 5, июнь-июль 1968 г.

[92] Примечания: 92
Kallikanzaros № 4, март-апрель 1968 г.

шутку «для своих»: **психометрия** — дисциплина, занимающаяся количественными исследованиями образовательных и психологических характеристик, такими, как личностное и интеллектуальное тестирование. Рендер, с другой стороны, работает напрямую в хаосе сознания, где неприменимы обычные законы и даже **неевклидова геометрия**; таким образом, психометрия не работает в глубинах сознания, потому что там невозможно что-либо измерить.

«Шамбертен» — вино из виноградника в коммуне Жевре-Шамбертен в Бургундии, регионе Франции. Пес **Зигмунд** назван в честь психиатра Зигмунда Фрейда, основателя психоанализа. Согласно теории Фрейда, на наше сознание оказывают сильное влияние события прошлого (детство, родительство и т. п.) и область бессознательного (сны, сексуальные желания и т. п.). Присутствие Зигмунда напоминает нам, что используемая Рендером методика прямого проникновения в сознание пациента основана на психоанализе Фрейда и особенно на том значении, которое Фрейд придавал сексуальности как мотиватору человеческих желаний. «Достаточная **глютеальная выносливость**» — способ сказать, что ягодицы человека (мышцы, называ-

ющиеся по латыни gluteus maximus) не устают от слишком долгого сидения.

Фраза **«За вас» («Here's looking at you»)** может быть намеренной отсылкой к реплике Хамфри Богарта из «Касабланки» (одного из любимых фильмов Желязны) и служить намеком на то, что у доктора Шалот более доминирующий характер. **Сократова игра** — метод обучения, при котором учитель задает ученику вопросы вместо того, чтобы предоставлять ему информацию; он не сработает, если оба человека задают вопросы и ни один на них не отвечает. **Минареты** — высокие, узкие башни с балконами, являющиеся частью мечети.

Ксанаду — символ отличающегося великой красотой места; обычно это название ассоциируется не с гаванью Атлантиды, а с летним дворцом Кубла-хана. **«Пустить ее на дно морское»** (в оригинале **«Sink it full fathom five»**) — отсылка к строчке из песни Ариэля в «Буре» Шекспира «Full fathom five thy father lies» (в переводе М. Донского — «Отец твой спит на дне морском»).

Джорджия О'Кифф — американская художница, прежде всего известная абстрактными изображениями цветов, камней, раковин, костей животных и пейзажей. **Невроз** — несильное ду-

шевное заболевание или расстройство личности, при котором пациент остается в контакте с реальностью; при **психозе** этот контакт утрачивается. Примером невроза служит ипохондрия, которой присущи также такие симптомы как чувство незащищенности, тревожность, депрессия и иррациональные страхи. **Статистика самоубийств среди врачей и адвокатов** не так высока, как утверждается в повести, однако процент самоубийц среди психиатров действительно выше, чем среди прочих врачей. **Троцкист** — последователь Льва Троцкого, придерживавшегося теории марксизма и левой политики. **Сен-Мориц и Давос** — лыжные курорты в Швейцарии. **Бетховен** страдал от маниакально-депрессивного психоза (биполярного расстройства) и, возможно, пытался покончить с собой; переменчивость его настроений и прогрессирующая глухота, как считается, оказывали важнейшее влияние на его творческий процесс. **Психомимесис** — имитация психического заболевания другого человека или истерическая симуляция психического заболевания (например, истерическая слепота); **аутопсихомимесис** — термин, придуманный Рендером для обозначения самовозобновляющегося комплекса подражания, для которого при-

влечение внимания является вторичной выгодой (например, когда человек изображает депрессию, чтобы привлечь к себе внимание). В современной практике это называется симулятивным расстройством. Примером аутопсихомимесиса может служить герой романа Сервантеса «Дон Кихот», мелкий землевладелец Алонсо Кихано, который, начитавшись рыцарских романов, убедил себя, что является странствующим рыцарем или героем. **Фенрир** (сын Локи) — огромный волк, которому предначертано поглотить Одина, одноглазого предводителя богов скандинавского пантеона; Рендер отождествляет себя с Одином и видит в Зигмунде свою погибель. Пепельница Рендера сделана в виде глобуса, благодаря чему он способен затушить сигарету рядом с **Мадагаскаром**. **Лейтмотив** — повторяющаяся музыкальная тема; здесь подразумевается некий фрагмент из эпического цикла Рихарда Вагнера «Кольцо нибелунга» или (более вероятно) из его же «Тристана и Изольды». **Оттолино Респиги** — итальянский композитор, в число работ которого входит симфония «Пинии Рима». Аббревиатура **ПП** в названии **Омниканального Нейронного ПП** означает «приемопередатчик».

Замечание **«больше всего его раздражает,**

разумеется, то, что она — его пациентка...» означает, что Рендер предпочел бы видеть ее своей любовницей, но этому мешает ее статус его пациентки. **Ива** — символ волшебницы Шалот; в поэме Теннисона ива упоминается четырежды. Возникающее несколько раз упоминание отражения в воде также отсылает к волшебнице Шалот, наблюдавшей за миром через отражение в зеркале (она сидела, отвернувшись от окна). **Дамаст** — ткань с узором, видным с обеих сторон. **Доспехи** Рендера блестят на солнце, намекая, что Шалот воспринимает его как своего рыцаря в сияющих доспехах, одновременно Ланселота — для нее как волшебницы Шалот и Тристана — для нее как Изольды; то, что Айлин Шалот облачила Рендера в доспехи, служит демонстрацией ее ментальной силы. **Мана** — сверхъестественная сила, которая может быть сосредоточена в человеке; **либидо** — сексуальное желание или энергия. **Карл Юнг** был психиатром, чей уникальный подход заключался в постижении психики путем исследования снов, искусства, мифологии, мировых религий и философии. Изначально он был учеником Фрейда, однако не соглашался с его мнением о том, что сексуальность играет более важную роль в психологическом развитии

человека, чем духовность. **Иконоклазм** — истребление или отрицание лелеемых другими верований или устоявшихся ценностей и порядков. **Донкихотство** — еще одна отсылка к «Дону Кихоту» — это непрактичный идеализм, иногда заставляющий бороться с воображаемыми или преувеличенно значительными врагами.

Кракен — легендарное морское чудовище, обитавшее в глубинах Норвежского моря. **Мандала** — геометрический узор или таблица, которые используются для сосредоточения и медитации. Философ Чжуан-Цзы размышлял: «Мне приснилось, что я был бабочкой, порхавшей в небесах; потом я проснулся. Теперь я думаю: человек ли я, которому снилось, что он — бабочка, или бабочка, которой снится, что она — человек?» Рендер перефразирует это размышление, говоря о **человеке, которому снится, что он — робот**. **Гиппократ** — греческий врач, считающийся отцом современной медицины; ему приписывается авторство текста клятвы, которую приносят выпускники медицинских школ. **Видение дна озера** — гибель (и разлагающиеся трупы) жены и дочери Рендера в утонувшей машине. В скандинавской мифологии лунные затмения объяснялись тем, что гигантский волк **Фенрир**

периодически **проглатывает**, а затем извергает обратно **луну**; конец света (Рагнарек) должен быть ознаменован тем, что Фенрир или его сын Хати проглотит луну окончательно. Точно так же Фенрир должен убить великого бога Одина, пожрав его. Эти повторяющиеся упоминания Фенрира подтверждают, что Рендер отождествляет себя с Одином; постоянные упоминания снега и льда в повести также уместны в истории, имеющей отношение к Одину и Скандинавии.

Уинчестерский собор в хэмпширском городе Уинчестер является одним из крупнейших соборов Англии; его строительство завершилось в 1093 году. **Вильгельм Завоеватель** — герцог Нормандии, в 1066 году завоевавший Англию и ставший ее королем Вильгельмом I. **«История Мэлори»** — отсылка к сэру Томасу Мэлори и его историям о короле Артуре, рыцарях Круглого стола, сэре Ланселоте и Элейне, деве из Астолата (волшебнице Шалот), а также Тристане и Изольде. **Буколический** — связанный с приятными сторонами сельской местности и пастушеской или деревенской жизни.

«Ради всего святого, Монтрезор!» — последние отчаянные слова Фортунато, персонажа рассказа Эдгара Аллана По «Бочонок амонтильядо»,

сказанные перед тем, как его убийца Монтрезор замуровал его заживо. Фраза **«Я отказался от der geist der stets verneint. Pax vobiscum! Отправимся же во Францию. Alors!»** смешивает немецкий, латынь и французский: «Я отказался от духа противоречия. Мир тебе! Итак!»; таким образом Рендер обозначает, что сдается перед желаниями своей любовницы. **«Веджвуд»** — торговая марка тонкого коллекционного фарфора. **Наждак** — твердый материал, используемый для шлифовки и производства точильных кругов. **Вайсфлюйох** — гора в Давосе, на которой расположена длиннейшая лыжная трасса в Европе (12 миль, 6000 футов между высшей и низшей точками); **Дорфтали** — скоростная лыжная трасса на этой же горе, спускающаяся к самому Давосу.

Гидра — мифическая змея со множеством голов. **Орест** — в мифологии сын Агамемнона, по приказу Аполлона убивший свою мать после того, как она убила его отца. После матереубийства его начали преследовать Фурии (*см.* послесловие к повести Желязны «Фурии») несмотря на то, что суд его оправдал. Цитата отсылает к циклу пьес Эсхила «Орестея»; в сюжете «Орестеи» просматриваются параллели с историей Эдипа, который убил своего отца и женился на матери, не зная,

кто они такие. Психиатр **Герман Роршах** создал знаменитые чернильные пятна, которые, по его мнению, раскрывают личность интерпретирующего их пациента. **Пылающая чаша** вновь отсылает к легенде о Тристане и Изольде или, возможно, о Святом Граале. **Зал Девяти Очагов** — всего лишь главный зал отеля на лыжном курорте, где проводил отпуск Рендер (в этом зале было девять каминов), однако это наименование отсылает также к недавно упоминавшемуся Одину, с которым ассоциируется число девять.

Диалектика — искусство постижения истины путем череды логических умозаключений. **Schnapsflasche** — бутылка алкоголя; **«Nozdrovia!»** — фонетически записанный польский или русский тост «На здоровье!» (также название *Nozdrovia* носил фэнзин, соредактором которого был Желязны). «**Moins-nausée** » означает «меньше тошноты» или «менее мучимый тошнотой». **«Verfluchter!»** переводится с немецкого как «Проклятие!», **«und so weiter»** в контексте предложения имеет значение «и так далее», «и тому подобное».

Шанкара — влиятельный индийский философ IX века, учивший, что все сущее проистекает из единого источника, который он назвал «Брахма-

ном». Истинное «я» способно достичь нирваны; ложное «я» или чувство идентичности состоит из **пяти скандх** или групп физических и душевных качеств человека — форма, чувство, постижение, воля и сознание. **Генрик Ибсен** — норвежский драматург и поэт XIX века, чьи пьесы считались скандальными и аморальными в викторианскую эпоху, когда добру полагалось торжествовать, а злу — нести заслуженную кару. Пьесы Ибсена — например, «Строитель Сольнес», исследующая внутренний психологический конфликт главного героя, — анализировали и разоблачали скрывающуюся за ложным фасадом реальность. **«Zwischenwelt»** означает «пространство между мирами», в данном случае — пропасть между Рендером и истинным «я» его пациентки; эта пропасть заполнена **скандхами** и неврозами, которые Рендеру следует обходить и отличать от истинной натуры пациентки. Рендер обманывает своего наставника не только тем, что уклоняется от вопроса, симпатична ли доктор Шалот, но и тем, что дважды называет ее **психиатром,** хотя это не так: она все еще учится в ординатуре. **Альфред Адлер** — австрийский психиатр, подчеркивавший желание человека компенсировать свои недостатки; в число

главных мотиваций он включал достижение сексуальных целей; Бартельмец знает, что у Рендера есть сексуальный интерес к его пациентке Шалот (чувства, которые возникают у психиатра к своим пациентам, называются **контрпереносом**; позднее этот термин употребит Рендер). Профессиональная психиатрическая шутка о буддистах означает, что, поскольку Бартельмец не смог обнаружить истинное «я» ни у одного из лечившихся у него буддистов, никто из них не достигнет нирваны, поскольку (как он объясняет выше по тексту) лишь истинное «я» может достичь этого состояния.

Макабрический — устрашающий, чудовищный или мрачный. **Панглосс** — персонаж повести Вольтера «Кандид», утверждавший, что «нет следствия без причины»; даже то, что Питер сломал лодыжку, должно служить какой-то конкретной цели. Помимо этого, Панглосс считается «плоским» персонажем, чей скупо описанный характер не развивается в течение повести; это может быть шуткой автора, признанием Желязны, что сын Рендера прописан поверхностно, достаточно лишь для обозначения перенятой у отца склонности сыпать литературными цитатами. Охотничий пес **Бисмарк**

назван в честь знаменитого немецкого линкора «Бисмарк», участвовавшего во Второй мировой войне; корабль, в свою очередь, был назван в честь немецкого канцлера XIX века Отто фон Бисмарка. **Золинген** — немецкий город, известный производством высококачественных ножей и бритв, почему он и упоминается в связи с клыками Бисмарка.

Во сне Рендер видит **Уробороса** — мифического змея, который кусает себя за хвост и символизирует замкнутый круг или цикличность жизни; с точки зрения Карла Юнга, это символ борьбы между бессознательным и сознательным аспектами психики человека. В контексте отсылок к скандинавской мифологии, речь, скорее всего, идет о Ёрмунганде, змее, опоясывающем мир и точно так же кусающем себя за хвост. Появление Ёрмунганда предвещает Рагнарек, конец света. Также Рендеру снятся **Фенрир** (упомянутый выше) и **часы с кукушкой** (символ глупости или сумасшествия). **Манолете** — знаменитый матадор, погибший неожиданным образом: его убил бык, которому он только что нанес смертельный удар; газеты объявили: «Он умер, убивая, и убил, умирая!». **Анис** — родственное петрушке растение, чьи семена и масла используются

для придания аромата блюдам и напиткам; **полынь** используется для ароматизации абсента и некоторых вин. **Александр Скрябин** — русский композитор и пианист, утверждавший, что видит цвет музыкальных нот; создал систему, в которой каждой клавише фортепиано соответствует свой оттенок; Шалот выбирает его композицию, когда вспоминает, как выглядят цвета. **Мигель де Унамуно** — испанский эссеист, поэт и философ, в своей самой известной работе утверждавший, что больше всего люди желают бессмертия, особенно когда сталкиваются с неотвратимостью смерти.

Семь возрастов человека — отсылка к монологу из пьесы Шекспира «Как вам это понравится». **«Романе-Конти»** — вино с одноименного виноградника в Бургундии, а **«Шато д'Икем»** производится в южном субрегионе Бордо, известном как Грав. В тексте используется несколько терминов из области дегустации вина: **fruité** — букет и аромат, сохраняющие вкус винограда; **charnu** — полный, плотный, мясистый; **capiteux** — хмельной, теплый и насыщенный алкоголем. **Острова Блаженных** — в кельтской и греческой мифологии мифические райские острова, где проводят посмертие достойные смертные. **«Рен-**

дер вновь приказал миру сгинуть, но тот не подчинился» — не проявление суицидальных наклонностей; так Рендер проверяет, что находится в реальном, а не иллюзорном мире — он уже начинает в этом сомневаться из-за способности Шалот перехватывать контроль.

Фрэнсис Паркман — американский историк и эссеист, активно путешествовавший и написавший монументальную семитомную историю колонизации Северной Америки. **Мэри Хантер Остин** семнадцать лет изучала жизнь индейцев в пустыне Мохаве и написала о ней ряд работ. Среди произведений **Моцарта** встречается множество **струнных квартетов** или аранжировок для струнных инструментов. **Некрополь** — большое кладбище или могильник. **Недостающее звено** — якобы существовавшее животное, которое было переходным этапом эволюции обезьяны в человека. Название книги означает «переходного звена не существует». **Синестезия** — состояние, при котором раздражение одного из органов чувств вызывает ощущения, свойственные другому органу чувств — например, когда человек, слыша звуки, видит вспышки цвета (как видел их, по собственному утверждению, композитор **Скрябин**). **Танатос** — персонификация Смерти в

греческой мифологии, а **Нефелококкия** (в других переводах — Облакокукушград, Тучекукуевск или Тучекукуйщина) — город из пьесы афинского драматурга Аристофана, символ невозможного, идеализированного или идеального места.

Фраза **«Отцы и учители, мыслю: “Что есть ад?” Рассуждаю так: “Страдание о том, что нельзя уже более любить”»** взята из «Братьев Карамазовых» **Достоевского**; ее произносит монах, старец Зосима, который проповедовал всеобщую любовь. Как и Ланселот, Рендер не может полюбить Шалот — он до сих пор скорбит о погибших жене и дочери, размышляет о самоубийстве, у него есть девушка (Де Вилл), а Шалот — его пациентка (многие юрисдикции накладывают пожизненный запрет на сексуальные отношения психиатров со своими текущими или бывшими пациентами). **Кошмар в зимнюю ночь** — аллюзия на романтическую комедию Шекспира «Сон в летнюю ночь», в которой фигурируют юные влюбленные и актеры, общающиеся с феями. Рендер находится не в романтической комедии или в приятном сне, а в романтической трагедии или в кошмаре. **«Зеленые рукава»** — старая английская баллада, в которой поется о несчастной любви, и играет она по воле Айлин Шалот.

Ожерелье, по замыслу Желязны, служит отсылкой к Брисингамен, ожерелью скандинавской богини Фрейи; когда она надевала его, никакой человек или бог не мог устоять перед ее очарованием. **Loup-garou** означает «оборотень»; Фенрир проглатывает луну, что означает наступление Рагнарека (конца света), и в той же последней битве пожирает Одина (которым стал Рендер); также Фенрир жестоко набрасывается на тела давно погибших жены и дочери Рендера. **Таумиэль** изначально был ангелом любви, но после падения сделался демоном с двумя огромными головами и крыльями как у летучей мыши. **Клипот** — воплощение зла в мистических учениях иудаизма. Появляющийся в виде рыцаря в сияющей броне **Камаэль** — архангел, правящий сфирой Гебура, символизирует защиту посредством умелого обращения с инструментами и ресурсами. **Элохим Гебор** означает «Всемогущий Бог», а **vernichtung** означает «уничтожение».

Артурианская легенда о **Тристане и Изольде** имеет сложную историю со множеством вариантов сюжета и написания имен центральных персонажей (например, «Тристан» и «Тристрам»); Желязны частично следовал версии, использованной Рихардом Вагнером в его одноименной

опере, но также обращался к незаконченной вариации на тему легенды, изложенной в поэме Готфрида Страсбургского «Тристан» [93]. Тристан — рыцарь и племянник короля Марка; он сопровождает Изольду в Корнуэльс, где ей предстоит стать женой короля. Изольда узнает в Тристане своего прежнего возлюбленного, который теперь предает ее, отдавая королю Марку. В качестве мести она заставляет Тристана выпить кубок смертельного яда, который принимает и сама. Однако она не знает, что на самом деле это не яд, а любовное зелье, приготовленное ее служанкой, и они становятся любовниками. В конце концов, много позже того, как Изольда выходит замуж за короля Марка, а Тристан берет себе жену (которая, что еще сильнее запутывает историю, тоже зовется Изольдой), король Марк застает любовников en flagrante. Во время дуэли один из придворных короля Марка смертельно ранит Тристана отравленным копьем. В бреду он ожидает прибытия королевы Изольды, потому что она способна его исцелить. В некоторых версиях легенды, но не в опере или поэме, история заканчивается тем, что Тристан просит, чтобы корабль,

[93] Примечания: 93

Монтелеоне, Томас. «Научная фантастика как литература: избранные рассказы и романы Роджера Желязны», 1973 г.

возвращаясь с королевой Изольдой, поднял белые паруса, а если ее не будет на борту — черные. Жена Тристана Изольда видит, что корабль возвращается под белыми парусами (сигнализируя о том, что королева Изольда прибыла исцелить возлюбленного), но из ревности говорит мужу, что паруса черные. Он умирает в отчаянии; королева Изольда, увидев его тело, заключает его в объятия и тоже умирает.

В некоторых вариантах истории у Изольды изумрудные (зеленые) глаза, или же она родом с Изумрудного острова, или приносит зелье в изумрудном кубке. Под конец повести Шалот становится Изольдой и облачается в платье из зеленого шелка и зеленые туфли; у нее глаза цвета расплавленного изумруда, и она носит изумруд на лбу. В руках у нее золотая чаша с рубином — намек на брошь Сальвадора Дали, которая была приколота к ее платью в день знакомства с Рендером, — содержащая в себе яд/зелье, которое должно связать Тристана и Изольду любовью. Она хочет стать его возлюбленной и приходит в отчаяние, когда он лжет, что не любит ее. Тем не менее роль Тристана навязывается Рендеру: он облачается в доспехи, а на теле его появляется рана, аналогичная смертельной ране, нанесенной

Тристану отравленным копьем.

Огромный бородатый слуга с варварским акцентом, помогающий Тристраму/Рендеру в конце повести, — это доктор Бартельмец (а не доктор Айлин Шалот!); это намек на то, что Рендер стал пленником собственного сознания, а не сознания Шалот. Бартельмец делает паруса **черными**, чтобы иллюзорный Тристрам умер, освободив личность Рендера, однако Тристрам/Рендер перехватывает у него контроль и перекрашивает паруса в **белый** цвет, означающий, что королева Изольда вернулась исцелить его. В финале Бартельмец тянется к красной кнопке, дабы завершить текущую симуляцию. Повесть раскрывает экзистенциалистские темы, ставя под сомнение природу реальности, воспринимаемой Рендером и его пациентами. Существуют также и другие подсказки, намекающие на вероятность того, что весь сюжет был иллюзией, разворачивающейся — и бесконечно повторяющейся — в измученном сознании Рендера. Возможно, именно поэтому кубок на броши с Тристаном и Изольдой кажется ему знакомым в начале повести, и поэтому же кубок снова возникает в пламени камина, прежде чем его значение объясняется в финале. Это также может объяснить повторяющиеся упоми-

нания зеркальных поверхностей, ив, волков и кусающего себя за хвост Уробороса/Ёрмунганда.

Примечания, добавленные во втором издании: безымянный город в повести — это Кливленд, на что намекают несколько деталей: знаменитая улица Карнеги, район, известный под названием Флэтс, и то, что город расположен у озера. Желязны написал эту повесть для редактора Сил Голдсмит, тревожась, что обидел ее, отдав «Розу для Екклесиаста» и «Двери лица его, пламенники пасти его» журналу *F&SF* (подробнее об этом — во фрагменте биографии «…И зовите меня Роджер» в пятом томе настоящего собрания).

Примечание переводчика

Десятикратная сталь — вымышленный сплав, впервые упомянутый в научно-фантастическом романе А. Э. Ван Вогта «Слэн».

Еще увидимся, возможно…

Написано 18 марта 1968 года; ранее не публиковалось

Еще увидимся, возможно…

Если нет, помни, что кошки,
сломанные мечи и слезы
священны, все вообще,
по причинам, мне непонятным,
но известным в том месте,
где виденье впадает в тоску,
в том месте, куда я должен уйти,
теперь, когда я знаю.
Ты знаешь?
Разбивающий сердце
странен в одном чувстве;
никто никогда ничего не узнает…

Но 13 мая 37-го я родился,
и некто написал руку вкруг рукояти.

Забудь о клинке. Он сломан.
Безымянен в изображенье.

Позднее права на меня заявила кошка
и женщина плакала.
Другое чувство – виденье:
пусть придет монохромное утро
сегодняшнего бытия,
все-таки что-то даст тебе знать,
где царит тьма.
Ты знаешь?
Есть вещи, которые
дают тебе рассветиться
назавтра, я полагаю,
и что ты потом узнаешь,
если узнаешь, ты знаешь?

3–18–68

Примечания

Стихотворение возвращается к сломанным мечам (картина Пикассо «Герника»), кошкам и слезам, о которых Желязны написал «13-го мая 1937 года». Вероятно, эти два стихотворения со-

чинены одно после другого.

Публицистика

Разрозненные заметки о классификации диббуков и тому подобном

Science Fiction Parade, сентябрь 1964 г.

Чистый лист.

Вот что было передо мной спустя полчаса работы над этим эссе. Стэн Вулстон выманил его у меня хитростью — сперва пообещал протолкнуть мое имя в печать, а уж потом добавил, что мне придется написать то, что будет под ним опубликовано.

У меня есть неплохое отрепетированное выступление на тему чудных привычек шустрой бурой лисицы, но после некоторого обсуждения оно было признано слишком многословным и аллегоричным. Куда более подходящим, как мне сказали, будет что-нибудь на тему написания научной фантастики или фэнтези, поскольку конкурс рассказов Национальной федерации любителей фэнтези и нашумевший писательский семинар в Альма-Хилл показали, что многие фэны заинтересованы в том, чтобы делать это ради денег, а не по любви.

Для начала я решил составить список всего, что знаю о нфэнтези, результатом чего и стал чистый лист.

Я задумался, неожиданно поднял взгляд к потолку, провозгласил: «Ты торопливый поганец», — и перешел к сквернословию и богохульствам. Потом украдкой глянул на бумагу, скукоживающуюся и чернеющую в моей словомашине, но слов на ней все еще не было.

(«Начать с того, что Марли был мертв…»)

Тогда я сказал:

— Я напишу список того, что мне хотелось бы знать о нфэнтези, — и, может быть, это немного поможет какому-нибудь другому поганцу, не такому торопливому, как я.

Ну ладно. Почему нфэнтези?

Любая художественная литература — изначально ложь. Нфэнтези — это специализированная форма лжи. Я говорю «специализированная», потому что обычный лжец-прозаик, как правило, пытается замаскировать свои россказни под Реальную Жизнь. Я же, с присущей мне скромностью, всегда хотел быть Лжецом Специализированным. Поэтому я решил начать с общих принципов, в рамках которых буду увековечивать свое вранье.

Специализированная Ложь, по моему мнению, подразделяется на пять основных категорий:

1) Ложь о людях и приборах (приборах, которые еще не существуют, или существуют, но используются не так, как использует их С.Л.);

2) Ложь о людях, живущих в среде, отличной от современной Земли и характеризующейся наличием либо п. 1 (см. выше), либо:

3) Ложь о людях, живущих в обществе, никогда не существовавшем в истории;

4) Ложь о людях, живущих не на Земле;

5) Ложь о людях с иным психологическим или биологическим устройством.

Может показаться, что пп. 3, 4 и 5 применимы к фэнтези точно так же, как и к научной фантастике, и это верно; то же самое касается и пп. 1 и 2. Научная фантастика с точки зрения этой нео-нео-С.Л. — это разновидность фэнтези; она демонстрирует бо`льшую специализированность в построении Лжи, но все равно остается фэнтези. Разница — примерно как между уличной дракой и боксом. Первая не признает Куинсберри; второй предположительно подчиняется своду правил, хотя порой профессиональные боксеры их нарушают (одни зрители тогда свистят и шикают, а другие радостно вопят).

Но основная задача человека, практикующего любое из этих боевых искусств, — свалить противника ударом. Первыми появились фэнтези и уличная драка, а следом — научная фантастика и бокс. Бокс есть специализированная форма уличной драки, а научная фантастика… (добавьте не более десяти слов).

Наши правила маркиза Науки содержат несколько указаний, сводящихся к тому, что, если Это происходит у тебя в рассказе, а здесь и сейчас Этого не происходит, ты, черт бы тебя побрал, обязан объяснить, как Это работает, — и сделать Это приемлемой экстраполяцией чего-нибудь из того, что у нас есть, — иначе будешь повинен в «нарушении правил». (К счастью, нарушать их год от года все сложнее, с учетом Прогресса, параллельных миров и тому подобного).

Определившись с тем, что мои принципы создания Специализированной Лжи таковы, и мне все равно, Правильны они или Неправильны, я решил для начала потренироваться на коротеньких вещицах, чтобы научиться писать, а потом перейти к написанию кусочков истории, касающихся первых трех слов каждой из этих пяти категорий — «ложь о людях» — и попытаться сделать так, чтобы мое вранье было как можно

ближе к реалиям человеческой жизни, а относительная нереальность Всего Остального служила (в идеале) подсветкой для того, что находится в центре сцены.

А теперь, когда мы с этим разобрались, я выберу одну из вещей, о которых мне хотелось бы что-то знать:

Диббуки

Вам знакома старая легенда о диббуках — если создать некое достаточно жизнеподобное творение, в нем может поселиться дух. С фэнтези это в силу обстоятельств случилось уже давно: у мистера Хайнлайна это добрый дух, живущий в его машинах (несомненно, потому, что все его персонажи в высшей степени зрелы и уравновешенны, и все они — инженеры); у мистера Брэдбери — злой диббук (воплощенный в самом великолепно жутком его изобретении — Механической Гончей), терроризирующий его взрослых персонажей; у мистера Саймака — довольно отталкивающее создание, с которым, однако, можно подружиться; у мистера Ван Вогта это слетевший с катушек диббук, который прячется за панелями с мигающими огоньками и подбрасывает монетки, решая, что делать дальше.

Дух в машине — одна из проблем, к которым, как мне кажется, человек, желающий стать Специализированным Лжецом, должен выработать некий подход. Это вовсе не значит, что она обязана находиться в центре его творчества — потому что это место должно быть зарезервировано для человечности — но она играет в жизни заметную роль, и если вы не намереваетесь писать исключительно истории о мире после Армагеддона или рассказы в духе «М. и М.», разворачивающиеся в пасторальном окружении, значит, от написания рассказов с участием машин вам не отвертеться.

Все, о чем часто пишут люди, обязательно приобретает некие «личностные» характеристики — этого не избежать; это жалкий порок, теперь ставший еще на шаг ближе к писателю благодаря промышленной революции. Писатели романтического периода сделали это с Природой, а авторы нфэнтези, судя по всему, обречены сделать (явно или неявно) с тем, что Природу контролирует.

Итак. Будущее. Машины, скорее всего, окажутся там вместе с нами, если у нас все еще будет цивилизация. Они могут стать абсолютно послушными слугами. Но я в этом сомневаюсь. Они могут создать диктатуру роботов. В этом я тоже сомневаюсь (но писал о таком). Эффект их

существования, скорее всего, будет куда более незаметным (и, возможно, зловещим), чем любая из этих двух крайностей. (Из рассказов, исследующих эту точку зрения, мне особенно мил «Убийца» мистера Брэдбери.)

Позвольте мне привести хорошую цитату из «Инструмента» Сент-Экзюпери (это глава из «Ветра, песка и звезд»), которая уже послужила мне основой для пары рассказов:

«Однако нам недостает перспективы для того, чтобы судить о столь глубоких преображениях. Что такое сто лет истории машины в сравнении с двумя сотнями тысяч лет истории человека? <…> Сама психология наша была сотрясена до основания, до самых тайных своих глубин. Наши представления о расставании, отсутствии, расстоянии, возвращении отражают новый набор реалий, хотя сами эти слова остаются неизменными. Пытаясь уловить суть мира сегодняшнего, мы пользуемся языком, созданным для выражения мира вчерашнего. Нам кажется, что жизнь минувшая ближе нашей истинной натуре, но только потому, что она ближе нашему языку.

Когда-то и парусное судно было машиной, рожденной вычислениями инженеров, однако оно не тревожит наших философов. Шлюп занял

свое место в человеческой речи. В документированной истории всегда были мореплаватели. Человеку, полагающему, будто между шлюпом и самолетом есть принципиальная разница, недостает исторической перспективы.

Всякая машина постепенно покроется этой патиной, и уникальность ее растворится в ее функциональности».

Диббук — та сущность, что живет в машине, — это странный и хитрый дух, с которым каждый С.Л. должен в какой-то момент найти общий язык. Разумеется, он часто выходит из-под контроля, и его приходится заново укрощать новым взглядом на мир. В этом он подобен религии, сексу и демографическому взрыву — он всегда заслуживает внимания. И еще диббук способен соприкоснуться с любой из вышеназванных тем — возможно, слегка, но вероятнее всего, вплотную. И поэтому он имеет право на большое высокомерие с кучей маленьких мнений в придачу.

Хотел бы я знать побольше о диббуках.

Люди и идеи: о них я тоже хотел бы знать побольше.

Среди образцов Специализированной Лжи, которые по той или иной причине застряли у меня в памяти и, несомненно, повлияли на создание

моих собственных, были «Свет» Пола Андерсона, изобразивший превосходство человеческого гения в окружении хаоса; «Злая Луна» Алгиса Будриса, продемонстрировавшая, что хорошая история не обязательно должна ставить допущение в центр повествования; «Цирк доктора Лао» Финнея — благодаря той непочтительности, к которой легко почувствовать себя причастным; «Звезды это Стикс» мистера Старджона — благодаря восхитительному ощущению окончания и одиночества; «Человек, вкусивший пепла» (The Man Who Tasted Ashes) мистера Будриса по той же самой причине; «Великая потеря» (Great Mischief) Джозефины Пинкни, благодаря ее странной и поразительной атмосфере тщетности; «Черное пламя» Стенли Уэйнбаума — потому что это был один из первых хороших фантастических романов, которые я прочитал; «Срубить дерево» Роберта Ф. Янга, благодаря ощущению масштаба; «Почти искусство» мистера Олдисса, благодаря почти сюрреалистическому эффекту, которого я хотел бы научиться достигать; и «Плохой день для продаж» мистера Лейбера, потому что он говорит все, что ему нужно сказать, так емко и так хорошо.

Весь Джон Кольер, многие работы Курта Вонне-

гута и Филипа К. Дика, большинство книг Филипа Хосе Фармера и парочка — Л. Рона Хаббарда повлияли на меня и научили приемам, которые я до сих пор не умею использовать настолько хорошо, насколько мне хотелось бы, — но это значительная часть моей натальной карты как практически С. Л., если кому-то интересно.

Если оглянуться на мой личный опыт, чего бы он ни стоил, то из тридцати или около того написанных мною рассказов я был более-менее доволен тремя. Теперь я отмечаю, что во всех трех я потратил больше времени на первую страницу, чем на любые три из последующих, и больше времени на первое предложение, чем на любую обычную страницу. Для всех этих рассказов (каждый больше чем на десять тысяч слов) я придумал приличный состав действующих лиц, прежде чем написал хоть одно слово, имея при этом лишь приблизительное представление о сюжете; это, как мне кажется, дало героям достаточно пространства, чтобы самостоятельно перемещаться и развиваться соответственно. Я считаю, что инерция от сильной завязки может пронести читателя мимо тех ранних мертвых зон, которые необходимы для обозначения проблемы и обрисовки фона. Теперь в придумывании рассказов

я пытаюсь отталкиваться от характеров, а не от допущений.

Главное — зрелость. Шустрая бурая лисица перепрыгнула через ленивого пса… Ха!

Слово Желязны

Это первое эссе, в котором Желязны размышляет о творческом процессе. Напечатанное в 1964 году, всего через два года после начала его профессиональной писательской карьеры, оно предшествовало публикации его романов. Он был «более-менее доволен» лишь тремя из первых тридцати своих рассказов и повестей. Какие именно три произведения он имел в виду, неизвестно, но среди этих первых тридцати были четыре классические работы: «Роза для Екклесиаста», «Сердце — кладбище», «Придающий форму» и «Двери лица его, пламенники пасти его».

Примечания

Фраза о **«чудных привычках шустрой бурой лисицы»** отсылает к использовавшемуся на курсах машинописи предложению «Шустрая бурая лисица перепрыгивает через ленивого пса» («the quick brown fox jumps over a lazy

dog»), в котором использован весь английский алфавит (панаграмма). **Фэны** — поклонники научной фантастики. **«Начать с того, что Марли был мертв...»** — первое предложение «Рождественской песни в прозе» Чарльза Диккенса. **Куинсберри** — отсылка к правилам профессионального бокса, составленным под руководством Джона Шолто Дугласа, восьмого маркиза Куинсберри. **Маркиз** — дворянский титул, в иерархии стоящий выше графа и ниже герцога, но Желязны здесь вновь отсылает к правилам Куинсберри, намекая, что некий руководящий орган («маркиз») определяет правила написания научной фантастики и фэнтези. Говоря о маркизе Куинсберри, Желязны пишет «Marquis» — это распространенная ошибка; на самом деле по отношению к Джону Шолто Дугласу следует использовать слово «Marquess» — это британский титул, располагающийся в иерархии выше графа и ниже герцога. **Диббук** — согласно еврейским народным поверьям, демон или дух умершего, вселяющийся в живого человека; по отношению к неодушевленному предмету, оживленному духом, обычно используется термин «голем». **Армагеддон** — конец света, например, в результате ядерной катастрофы; библейский Армагеддон — битва

между Добром и Злом, предшествующая Судному дню. **«М. и М.»** — «меч и магия», подвид фэнтези. **Антуан де Сент-Экзюпери**, известный в первую очередь повестью «Маленький принц», был писателем и летчиком, писавшим о полетах.

Примечание переводчика

«Ветер, песок и звезды» (Wind, Sand and Stars) — название англоязычной версии книги Антуана де Сент-Экзюпери «Планета людей», достаточно сильно отличавшейся от французского оригинала: Экзюпери вырезал из текста фрагменты, которые посчитал неподходящими для американской аудитории, и заменил их новыми, написанными специально для нее. Глава **«Инструмент»** заменила главу, называющуюся в русских переводах «Самолет»; в этих главах высказываются схожие мысли, но построены они совершенно по-разному. Перевод приводимой Желязны цитаты выполнен по английскому тексту.

«...И зовите меня Роджер»

Литературная биография Роджера Желязны, часть 1

Кристофер Ковач

Кем был Роджер Желязны? Как он сумел пробиться на фантастическую сцену в начале шестидесятых и так быстро достичь известности? Что влияло на его творчество? Что вдохновляло его? Как и когда он написал свои самые запоминающиеся романы и рассказы?

Цитируемые в этом собрании реплики Желязны позаимствованы из интервью, эссе и переписки, охватывающих всю его карьеру, и сплетены воедино, чтобы как можно более полно рассказать его историю *его же собственными словами.* Послесловия к рассказам и стихам раскрывают перед нами автора малой прозы.

Эта большая монография сосредотачивается на его жизни, романах и мыслях по поводу творческого процесса.

1937–1961

Годы становления

Падение кузнечного молота порождает сноп zelazny — ярких и горячих частичек металла, разлетающихся от удара. Таково значение польской фамилии, которую унаследовал Роджер Джозеф Желязны, — странно пишущейся и зачастую неправильно произносимой; благодаря ей он всегда был последним в школьных списках учеников, а много позже — оказывался на самых нижних полках книжных магазинов. И точно так же, как эти zelazny, впоследствии он неожиданно и ярко вспыхнул, став частью «новой волны» научной фантастики шестидесятых.

Желязны родился 13 мая 1937 года в Юклиде, штат Огайо, пригороде Кливленда; он был единственным сыном американки ирландского происхождения Джозефины Флоры Суит и родившегося в Польше Джозефа Фрэнка Желязны. В ранних интервью Роджер утверждал, будто родился в самом Кливленде, что объясняет упоминания об этом в официальных биографиях и биографических словарях, но его сын подтвердил,

что это произошло в Юклиде [94]. Роды прошли дома — не редкость для тридцать седьмого года — и оказались очень тяжелыми, что объясняет, почему у Желязны не было ни братьев, ни сестер [95].

Семейство Желязны жило на 250-й восточной улице Юклида, на участке, граничившем с большими неосвоенными лугами и лесами, где Роджер часто гулял. Он вспоминал (все цитаты принадлежат Роджеру Желязны, если не указано иное): «Я вырос в Юклиде, штат Огайо, — неплохой маленький городок, — рядом с озером Эри. Мне нравилось озеро, мне нравились библиотеки, и мне нравился Пляжный парк Юклида — увы, закрывшийся в 1969 году, — превосходный парк отдыха с аттракционами, от которых волосы вставали дыбом, и прекрасной каруселью… Мне нравилось кататься на велосипеде, гулять и болтать — о фантастике и чем угодно еще — с моим приятелем Карлом Йоуком, нравились шоколадные коктейли (они тогда стоили

[94] Примечания: 94

Желязны, Трент. Электронное письмо доктору Кристоферу Ковачу от 11 января 2008 г.

[95] Примечания: 95

Йоук, Карл Б. Электронное письмо доктору Кристоферу Ковачу от 11 августа 2007 г.

двадцать пять центов) из аптеки Мосса и слойки из маленькой пекарни по соседству с аптекой. Еще там был кинотеатр “Шор”, в котором мы за десять центов в неделю посетили бессчетное количество субботних дневных показов и кто знает сколько вечерних двойных показов по средам. Черт, я даже несколько спектаклей помню.

Все это время я читал и писал, сгребал и сжигал осенние листья — этот запах незабываем, — летом косил газоны — и этот тоже, — выносил мусор, зимой расчищал снег и играл с черным псом по имени Терри, который попал ко мне еще щенком и прожил шестнадцать лет. Мне нравится думать, что в те дни я многое узнал о писательстве и впоследствии это облегчило мне жизнь. По крайней мере, мне кажется, что все было именно так» [96].

В 1943–49 годах он учился в начальной школе Ноубл, до 1952 года — в неполной средней школе Шор, и до 1955 года — в старшей средней школе Юклида. В это время его лучшим другом был Карл Йоук, впоследствии написавший ряд биографических и критических работ о Желязны. Они

---

[96] Примечания: 96

Желязны, Роджер. Предисловие к книге «И тьма жестока» (*And the Darkness is Harsh*), Рочествер, Мичиган, The Pretentious Press, 1994 г., стр. 3.

познакомились на первом году обучения в школе Ноубл, но тогда ходили в разные классы; однако начиная со второго года благодаря алфавитной рассадке Желязны обычно оказывался позади Йоука в одной и той же классной комнате. Оба были заядлыми читателями и быстро обошли одноклассников. На время уроков чтения учителя отсылали эту пару продвинутых книголюбов в школьную библиотеку. Желязны и Йоук обычно читали одни и те же книги и разделяли другие интересы. Постепенно они сделались близкими друзьями и остались ими на всю жизнь [97], [98].

Позднее Йоук назвал Желязны «одаренным, но недисциплинированным учеником», а сам Желязны подтвердил, что не любил формальное школьное обучение [99]. В девятом классе он продемонстрировал свою дерзость и нетерпимость

---

[97] Примечания: 97

Йоук, Карл Б. Электронное письмо доктору Кристоферу Ковачу от 30 января 2008 г.

[98] Примечания: 98

Йоук, Карл Б. «До того, как был создан Амбер» (Before There Was Amber), предисловие к одноименной книге, включающей в себя рассказы из цикла «Архив» («Упражнения в спасибтельстве» и три рассказа Йоука); книга готовилась к выпуску в издательстве DNA Publications (владелец — Уоррен Лапин), но издательство закрылось в 2005 году.

[99] Примечания: 99

Йоук, Карл Б. «Роджер Желязны: Starmont Reader's Guide 2» (*Roger Zelazny: Starmont Reader's Guide 2*). Уэст-Линн, Орегон: Starmount House, 1979 г.

к власти, когда мистер Уилсон, учитель истории, наказал его за то, что Желязны прервал очередной урок, драматично чихнув. Он приказал Желязны написать за вечер сочинение длиной в пятьсот слов о бое «Монитора» с «Мерримаком» и выступить с ним перед классом на следующий день. Так юный Желязны и сделал, с каменным лицом начав свое выступление: «“Монитор” заметил “Мерримака” первым и выстрелил: бах, бах, бах, бах, бах, бах, бах…» Примерно к середине сочинения «Мерримаку» выпал шанс контратаковать, но комический номер Желязны оборвали раньше. Директор расширил его наказание до формального сочинения на тысячу слов с последующим выступлением. На этот раз Желязны исполнил задание всерьез и как следует — невзирая на хихиканье одноклассников во время чтения. Под конец девятого класса он вместе с Йоуком отомстил мистеру Уилсону, спрятав под столешницей его письменного стола двух дохлых рыб. По воспоминаниям Йоука, «Роджер добыл их, прятал на улице, пока не смог пронести в школу, а я нашел гаечный ключ, чтобы открыть столешницу» [100]. Вонь ощущалась в школе даже

[100] Примечания: 100
Йоук, Карл Б. «До того, как был создан Амбер»

летом [101]. Хотя изначально Йоук утверждал, что это событие произошло в действительности, в своем предисловии к этому тому он пишет, что месть была замышлена, но не исполнена. Повзрослев, Желязны сохранил репутацию шутника, каламбурщика и любителя розыгрышей.

Йоук пишет, что «в старшей школе Желязны был слишком умным, слишком любопытным и не слишком атлетичным. И чрезмерно взрослым. Его движения были неловкими, почти дергаными, но он это перерос» [102]. Желязны преодолел свою неловкость, занимаясь танцами, фехтованием, карате и другими боевыми искусствами — многие его персонажи демонстрируют свои умения в этих областях. Танцы и боевые искусства продолжали очаровывать его как способы создания порядка из хаоса, искусства из движений.

Первая попытка стать писателем

Желязны был заядлым читателем мифов, а

---

[101] Примечания: 101

Там же.

[102] Примечания: 102

Йоук, Карл Б. Электронное письмо доктору Кристоферу Ковачу от 28 октября 2007 г.

также народных и авторских сказок; в число любимых входили «Доктор Дулиттл» и «Алиса в Стране Чудес». Позднее он осознал, что к этим книгам его привлекли иллюстрации. «Я помню до странного простые картинки в книжках о докторе Дулиттле и изящные, интригующие в “Алисе”» [103]. Он рано прочел «Мифологию Булфинча» и другие работы по мифологии, заинтересованный опять же иллюстрациями [104],[105]. «Я помню, как лет в десять или одиннадцать прочитал огромный том с пересказом сюжета “Кольца нибелунга”, проиллюстрированный цветными вкладками, в том числе с эффектной Дочерью Рейна; и еще “Легенды о Карле Великом” Булфинча с иллюстрациями Н. К. Уайета» [106]. Мифологией пронизаны многие из его самых известных работ. «Мне нравилась мифология. Сперва я читал ее ради сюжетов, а не для того,

---

[103] Примечания: 103

Желязны, Роджер. «Иллюстрированное фэнтези» (The Art of Fantasy). *Science Fiction Age*, 1994 г., № 2 (январь), стр. 70–75.

[104] Примечания: 104

Там же.

[105] Примечания: 105

Низаловски, Джон. «Интервью с Роджером Желязны» (An Interview with Roger Zelazny). *The New York Review of Science Fiction*, 2006 г., № 211 (март), стр. 1, 6–7.

[106] Примечания: 106

Желязны, Роджер. «Иллюстрированное фэнтези»

чтобы узнать о древних религиях или философии. Но позднее и это меня тоже заинтересовало. Мне просто повезло открыть для себя мифологию в юном возрасте, и она повлияла на мое мышление» [107]. Научную фантастику он открыл для себя где-то в возрасте одиннадцати лет, прочитав «Сердитую планету» (*The Angry Planet*) Джона Кира Кросса. После этого он стремился прочитать всю фантастику, которую мог отыскать в библиотеке или одолжить у друзей.

Йоук отмечает, что Желязны также заинтересовался «шахматами <…> летающими тарелками, сверхъестественным, астральными проекциями и йогой», а еще «гипнозом <…> розенкрейцерством и другими экзотическими темами». Это означало, помимо прочего, что он «с поразительной объективностью прочитывал одну за другой посвященные этим темам книги» [108],[109].

Решив попрактиковаться в том, что узнал,

---

[107] Примечания: 107

Шеннон, Д. К. «Оставаясь актуальным: интервью с Роджером Желязны». *Leading Edge*, 1994 г.; № 29 (август), стр. 33–47.

[108] Примечания: 108

Йоук, Карл Б. «До того, как был создан Амбер».

[109] Примечания: 109

Йоук, Карл Б. «Роджер Желязны и Андре Нортон: проповедники индивидуализма» (Roger Zelazny and Andre Norton: Proponents of Individualism). Коламбус, Огайо: State Library of Ohio, 1979 г.

Желязны на уроке риторики загипнотизировал девочку, после чего его обвинили в том, что она постоянно клевала носом [110]. Сначала фокусник, а затем спиритуалист вызывали его из толпы зрителей, чтобы передать ему послания от духов. Эти зловещие совпадения тревожили его друга Йоука [111].

Интерес Желязны к сверхъестественному в конце концов привел его к вере в то, что он способен преодолеть смерть. По словам Йоука, «Роджер считал, что способен выходить из тела и что он уже это делал. У меня такое никогда не получалось. Для него это служило доказательством существования иной реальности и того, что сознание может пережить смерть физического тела.

Гений Роджера состоял в том, что он мог взять эту и другие идеи и превратить их в истории. Смерть всегда пугала нас, и мы приветствовали любой правдоподобный способ ее избежать» [112].

---

[110] Примечания: 110

Йоук, Карл Б. «Над Сангре-де-Кристо» (Over the Sangre de Cristos). *Amberzine*, 2005 г.; № 12–15 (март), стр. 374–377.

[111] Примечания: 111

Йоук, Карл Б. «До того, как был создан Амбер».

[112] Примечания: 112

Там же.

Позднее Джеральд Хаусман и другие друзья также отмечали интерес Желязны к мистицизму и его веру в продолжение существования души после смерти.

Хотя интересовало его многое, Желязны хотел стать писателем «лет примерно с шести. Я читал книги и думал, что поступил бы с персонажами иначе. И вот однажды мне пришло в голову: “Эй, я ведь и сам могу это делать”, — я попробовал и занимаюсь этим с тех самых пор» [113].

Родители поощряли его. Его мать интересовалась литературой и написала оставшийся неопубликованным детектив. Отец подарил ему печатную машинку Royal с гарнитурой шрифта Elite, купленную где-то за пять долларов (около 48 долларов по курсу 2008 года), — когда Желязны было одиннадцать. Он научился печатать и хранил эту машинку в своем кабинете на протяжении нескольких десятилетий. Он читал руководства по оформлению рукописей и книги по писательскому мастерству. Он писал свои первые рассказы и рассылал их в многочисленные журналы фантастики, существовавшие в то время.

---

[113] Примечания: 113

Хитли, Алекс Д. Интервью с Роджером Желязны. *Phlogiston*, 1995 г.; № 44: стр. 3–6.

Его первой попыткой был рассказ о Марсе в духе Брэдбери — позднее он смог вспомнить лишь то, что в названии фигурировало слово «пыль» [114]. Желязны наивно отослал его Джону В. Кэмпбеллу в *Astounding Science Fiction*. Позднее он понял, что Кэмпбелл не любил и не публиковал даже рассказы самого Рэя Брэдбери, и уж точно не заинтересовался бы ничем, написанным *в духе Брэдбери*.

Когда его рассказ отвергали — а отвергли их все — Желязны отправлял его в следующий журнал из составленного им списка, и к пятнадцати годам получил около ста пятидесяти отказов в публикации. Сколько всего рассказов было на самом деле написано за ту первую фазу его самообучения, точно неизвестно. В интервью, данном *Writer's Voice* в 1973 году, он сказал, что сто пятьдесят — это общее количество уведомлений об отказе, скопившихся после того, как он предложил каждый рассказ в несколько журналов [115].

---

[114] Примечания: 114

Макгвайр, Пол; Трусдейл, Дэвид Э. «Интервью *Tangent*: Роджер Желязны» (*Tangent* Interviews: Roger Zelazny). *Tangent*, 1976 г., № 4 (февраль), стр. 5–10.

[115] Примечания: 115

Брэди, Джон. «Как писать научную фантастику: Роджер Желязны» (Writing Science Fiction: Roger Zelazny). В: *Writer's Voice* № 74A-14B. 1973 г.; онлайн-клип: http://zelazny.corrupt.net/audio/WritersVoice.html

Но в эссе, написанном в 1969 году для *Worlds of If*, он заявил, что написал «около двух сотен рассказов, и все до одного были отвергнуты» [116].

Вдобавок к рассказам, которые он предлагал в профессиональные журналы, в средней и старшей школе Желязны написал цикл юмористических историй о паре незадачливых существ, которых звали Жляз и Ёк (в честь самого Желязны и Карла Йоука). Этот цикл начался с отвратительно смешного стихотворения Желязны «Монстр Йоук». Йоук ответил на это «смешным, но куда более злым и противным» стихотворением «Монстр Желязны» [117].

Так началось их соревнование в написании рассказов, укрепившее дружбу, продлившуюся более пятидесяти лет. Начинающие писатели создали подробную предысторию и мифологию этой совместной вселенной и двух монстров («монов»), переименованных в Ёка и Жляза. Носившие общее название «Архив», эти рассказы изобиловали игрой слов и юмором. Предисловие

---

[116] Примечания: 116

Желязны, Роджер. «Автографы. Интервью с Роджером Желязны» (Autographs — an Interview with Roger Zelazny). *Worlds of If*, 1969 г.; т. 19, № 1 (январь), стр. 161.

[117] Примечания: 117

Йоук, Карл Б. «До того, как был создан Амбер».

Карла Йоука к этому тому раскрывает подробности о двух главных героях и сюжетах нескольких из этих утраченных историй. Общее количество рассказов точно не известно, но, скорее всего, их было написано меньше десяти [118]. «Упражнения в спасибтельстве» были последним вкладом Желязны в «Архив», и единственным уцелевшим — благодаря Карлу Йоуку. Желязны зачитал его вслух в уайклифской квартире Йоука в 1964 или 1965 году, к неудовольствию жены Йоука, желавшей, чтобы гость заткнулся и позволил ей наконец-то подать ужин [119]. Однако по стилю этот рассказ очень сильно отличается от всего, что Желязны писал в то время, и можно предположить, что он был написан намного раньше или что Желязны в своей последней истории о Жлязе/Ёке намеренно имитировал свой прежний стиль.

Ни один из рассказов «Архива» ни разу не предлагался к публикации, однако и десятилетия спустя эти истории и персонажи оставались важ-

---

[118] Примечания: 118

Йоук, Карл Б. Письмо доктору Кристоферу Ковачу от 8 января 2008 г.

[119] Примечания: 119

Йоук, Карл Б. «Комментарий к “Упражнениям в спасибтельстве”, неопубликованное эссе из невыпущенного сборника «До того, как был создан Амбер».

ными для Желязны и Йоука. «Мы много говорили об “Архиве” и развивали его мир. Мы словно были персонажами метаистории, знавшими о событиях “Архива”… Вплоть до самого последнего письма [написанного Желязны незадолго до его смерти в 1995 году] его послания зачастую заканчивались такими [типичными для Жляза и Ёка] пожеланиями как “Оставайся злодеем” или “Всего наиужаснейшего” — или подписью “Жляз”. А наши телефонные разговоры всегда начинались и перемежались восклицаниями “Ааргх, мон” или просто “Ааргх”. Так что персонажи Ёк и Жляз были нашими альтер-эго» [120].

Среди ранних соприкосновений Желязны с фэндомом было посещение Всемирного конвента научной фантастики 1955 года в Кливленде, на котором он познакомился с Харланом Эллисоном. Они оба росли в Огайо, примерно в двадцати пяти милях друг от друга (Желязны — в Юклиде; Эллисон — до 1949 года в Пейнсвилле, а затем в Кливленде) [121]. Вновь они встретились на

[120] Примечания: 120

Йоук, Карл Б. Письмо доктору Кристоферу Ковачу от 8 января 2008 г.

[121] Примечания: 121

Желязны, Роджер. «Во славу его духов, благородных и иных» (In Praise of His Spirits, Noble and Otherwise). В: *Эллисон, Харлан (ред.).* «Из страны страха» (*From the Land of Fear*). Нью-Йорк, Нью-Йорк: Belmont, 1967 г., стр. 6–7.

кливлендском Ворлдконе 1966 года — когда Желязны завоевал свою первую премию «Хьюго» — и стали хорошими друзьями.

Желязны помогал редактировать фэнзин Уоррена Денниса *Thurban I* и в 1953 году опубликовал там первую часть своего рассказа «Выплата под условием». Это самый ранний из сохранившихся текстов Желязны. У Денниса не хватило средств и бумаги на то, чтобы напечатать «Выплату под условием» целиком, поэтому вторая половина должна была выйти в следующем выпуске.

К сожалению, Денниса призвали в армию, следующий выпуск так и не был напечатан, и вторая часть рассказа потерялась, потому что Желязны не сделал копию. В интервью 1978 года он сказал: «На самом деле в начале пятидесятых я опубликовал несколько вещиц в фэнзинах» [122]. В интервью 1964 года он написал: «Мой первый рассказ — в седой древности — появился в фэнзине, как и второй, как и...» [123]. Однако,

---

[122] Примечания: 122

Даулинг, Терри; Кертис, Кит. «Беседа с Роджером Желязны» (A Conversation with Roger Zelazny). *Science Fiction* (Австралия), 1978 г., т. 1, № 2 (июнь), стр. 11–23.

[123] Примечания: 123

Бауэрс, Билл; Малларди, Билл. «Симпозиум Ллойда Биггла-мл. в *Double: Bill*» (*Lloyd Biggle Jr.'s The Double: Bill Symposium*). Акрон, Огайо: D: B Press, 1969 г.

помимо «Выплаты под условием», о публикациях рассказов, стихотворений или писем Желязны в фэнзинах пятидесятых ничего не известно [124].

Ранние литературные ориентиры

На решение Желязны стать писателем значительно повлияли трое учителей.

Руби Олсон организовала Клуб писательского мастерства, в котором пять избранных учеников (включая Желязны и Йоука) обсуждали литературу и собственные пробы пера. Олсон поощряла писательские опыты Желязны; впоследствии он посвятил ей сборник рассказов «Последний защитник Камелота» и сборник стихов «Когда в тот раз цвели в саду кошачьем вербы» (*When Pussywillows Last in the Catyard Bloomed*). Он объяснил это так: «Я многим обязан своей учительнице английского Руби Олсон. Эта замечательная женщина, очень много знавшая о писательском ремесле, отобрала пятерых ребятишек, которые казались ей небесталанными, и попыталась

[124] Примечания: 124

Судя по всему, этот фрагмент биографии не дополнялся со времен первого издания и поэтому не учитывает рассказ 1954 года «Проверенный метод», найденный позднее и напечатанный в этом же томе. (*Прим. пер.*)

взрастить эти таланты» [125].

В одиннадцатом классе Желязны и Йоук, выполняя задание по журналистике, создали выпуски двух несуществующих газет — «Марсианской хроники» и «Венерианского вестника». Наполняли их юмористические заметки о жизни воображаемых обществ этих планет и рассказы в духе историй о Жлязе и Ёке из «Архива» [126],[127]. Газеты впечатлили их учителя Майрона Гордона, и тот взял Желязны и Йоука в штат школьной газеты *The Survey*. В 1954–55 годах, учась в выпускном классе, Желязны был главным редактором *The Survey*, и этот опыт разжег его желание увидеть собственные работы опубликованными [128].

Харольд Блэкберн, учитель английского, познакомил Желязны с произведениями Хэмингуэя и классикой. Блэкберн порекомендовал ему три романа, которые, по его мнению, вместили весь

---

[125] Примечания: 125

Желязны, Роджер. «Автографы. Интервью с Роджером Желязны».

[126] Примечания: 126

Йоук, Карл Б. «До того, как был создан Амбер».

[127] Примечания: 127

Йоук, Карл Б. «Еще в одном мире отсюда» (Another World Away), неопубликованное эссе, написанное для книги «Роджер о писательстве» (*Roger on Writing*), которая должна была выйти под редакцией Трента Желязны в 2004 году.

[128] Примечания: 128

Йоук, Карл Б. Письмо доктору Кристоферу Ковачу от 21 февраля 2008 г.

спектр человеческого опыта, а также литературных приемов и подходов, — «Войну и мир» (Толстой), «Улисса» (Джойс) и «В поисках утраченного времени» (Пруст). Желязны прочел их, включил в список любимых книг и впоследствии заметил, что сравнивает все прочитанное с этими образцами [129].

Повлияли на Желязны и другие писатели, включая елизаветинских и якобинских драматургов, поэтов Харта Крейна, Дилана Томаса, Джорджа Сефериса и Райнера Марию Рильке, а также прозаиков Сент-Экзюпери, Томаса Вулфа, Малькольма Лоури, Джона Апдайка и Томаса Манна [130].

В числе других ранних влияний можно назвать комиксы, а также радио- и телепередачи, равно любимые Желязны и Йоуком. Среди фаворитов числились «Пого», «Малыш Абнер», «Попай», «Принц Вэлиант» и «Капитан Полночь»; «Зеленый шершень», «Сэм Спейд» и «Тень»; а также «Тарзан», «Флэш Гордон» и «Бак Род-

---

[129] Примечания: 129

Линдсколд, Джейн М. «Роджер Желязны» (*Roger Zelazny*), Нью-Йорк, Нью-Йорк: Twayne Publishers, 1993 г.

[130] Примечания: 130

Уэстблом, Ульф. Интервью с Роджером Желязны. *Mentat*, 1969 г., № 11 (май), стр. 200–203.

жерс». К комиксам его привлекли не только приключенческие сюжеты, но и «причудливые и эксцентричные иллюстрации». «Я помню, как перелистывал комиксы про Человека-Факела и Подводника, и воскресные газетные комиксы — “Эбби и Слэтс”, “Капитан Изи”, “Терри и пираты”, “Улыбчивый Джек”, “Алли Уп”, “Принц Вэлиант”, “Сиротка Энни”. Мне всегда хотелось узнать больше о старике Гроггинсе, Драконице, Горбаче, Пунджабе, Аспиде и Флигле Дурном Глазе. Не говоря уже о том, чтобы увидеть больше воздушных сражений, динозавров и боевых сцен. Вот такие вещи привлекали меня к чтению в раннем возрасте» [131]. Эти влияния проявились в его последующем творчестве — от похожих на комиксных супергероев персонажей «Фурий» до Кройда Кренсона из «Диких карт», от разносторонне одаренного Калифрики, повелителя Нити, до безымянного секретного агента из цикла «Имя мне — Легион». Желязны сохранил интерес к комиксам и во взрослой жизни; в восьмидесятых его фаворитами стали «Сэндмен» и «Книги магии» Нила Геймана и «Гримджек» Джона Острандера. Интерес к фантастической иллю-

[131] Примечания: 131
Желязны, Роджер. «Иллюстрированное фэнтези».

страции — увиденной в комиксах и книгах по мифологии — повлиял на его уникальный писательский стиль, насыщенный как визуальными образами, так и метафорами и аллюзиями.

Первая профессиональная публикация; переход от прозы к поэзии

В 1954 году писательские опыты Желязны привели к нескольким ранним успехам. *Eucuyo*, литературный журнал юклидской старшей школы, опубликовал три его работы — стихотворение «Диета» и рассказы «И тьма жестока» и «Протест мистера Фуллера». Вскоре он продал «Протест мистера Фуллера» журналу *Literary Cavalcade*, заработав первый профессиональный гонорар — двадцать пять долларов (примерно 190 долларов по курсу 2008 года); рассказ вышел в октябрьском номере за 1954 год. Еще две работы — стихотворение «Жижа» и рассказ «Вечная юность» — появились в *Eucuyo* в 1995 году. В то же самое время, после ста пятидесяти с лишним отказов в публикации от фантастических журналов, Желязны устал и решил переключиться на стихотворчество. Он считал, что поэзия — это высшая форма литературы, и что он должен стремиться создавать ее. Это мнение сохранилось у

него на всю жизнь, но практические соображения заставили его вернуться к прозе.

В 1954 году, покончив с рассылкой рукописей по журналам фантастики, он забросил и чтение самой фантастики. «Я читал НФ в огромных количествах с одиннадцати лет. Я читал рассказы тридцатых, сороковых и пятидесятых. [Но] где-то около 1954 года я совершенно перестал читать фантастику. Так прошло семь лет» [132]. Он не возвращался к фантастике до тех пор, пока не получил магистерскую степень в Колумбийском университете.

Его школьный друг Дик Кауэрт вместе с Карлом Йоуком комментировал рассказы Желязны и советовал ему продолжать писать. Другой друг, Рон Доблер, повлиял на его творчество, поддержав обращение Желязны к поэзии вместо прозы. Впоследствии Желязны посвятил поэтический сборник «Круженье — это чудо-кошка» (*To Spin Is Miracle Cat*) «Джин и Рону Доблерам». Он поддерживал отношения с этими тремя друзьями на протяжении всей профессиональной карье-

[132] Примечания: 132

Коннер, Билл. «Желязны на Марконе-72» (Zelazny at Marcon'72). Cozine, 1972 г. № 3 (30 марта), стр. 17–18.

ры [133].

Влияние фехтования и боевых искусств

Благодаря дружбе с Роном Доблером Желязны заинтересовался фехтованием и боевыми искусствами. Тренировки в этих областях помогли ему избавиться от неуклюжести и выработать хорошую осанку и чувство равновесия. Он продолжал заниматься фехтованием на протяжении четырех лет в колледже и завоевал почетные знаки на втором, третьем и четвертом курсах. Также на протяжении последних двух лет обучения он был капитаном команды шпажистов. «Я занимался фехтованием вместо обычной физкультуры, потому что терпеть не мог командные виды спорта» [134].

Он приобрел богатый опыт в области нескольких боевых искусств (среди прочих — дзюдо, айкидо, карате), и его персонажи, в свою очередь, демонстрируют умелое владение приемами фехтования или боевых искусств в сражениях

---

[133] Примечания: 133

Йоук, Карл Б. Письмо доктору Кристоферу Ковачу от 21 февраля 2008 г.

[134] Примечания: 134

Желязны, Роджер. «Предисловие». В: *Желязны, Роджер; Гринберг, Мартин (ред.).* «Воины крови и мечты», Нью-Йорк, Нью-Йорк: AvoNova, 1995 г., стр. 5–10.

со своими противниками. Описания боев между персонажами правдоподобны и точны, потому что он знал, о чем пишет. Позднее Желязны отмечал, что «хореография всех продолжительных дуэльных сцен в амберских романах подразумевает использование рапир, довольно тяжелого оружия, поскольку амбериты обладают достаточной силой, чтобы умело обращаться с такими клинками» [135]. Рыжеволосый Люк, персонаж поздних романов Амберского цикла, обязан многими чертами внешности и характера старому другу Желязны Доблеру, который заинтересовал его боевыми искусствами [136].

Колледж: изучение психологии и литературы

С 1955 по 1959 год Желязны учился в кливлендском Университете Западного Резервного района (ныне — часть Кейсовского университета Западного Резервного района). Его интересовала природа человеческого разума, и это подтолкнуло его к изучению психологии. Также он

---

[135] Примечания: 135

Линдсколд, Джейн М. «Знания воина» (Warrior's Knowledge). *Amberzine*, 1997 г., № 10 (октябрь), стр. 13–17.

[136] Примечания: 136

Линдсколд, Джейн М. «Роджер Желязны».

подрабатывал в психологической лаборатории, проводя эксперименты с участием бегающих по лабиринтам крыс.

Общаясь с профессорами, специализировавшимися на теоретической психиатрии, он познакомился с работами Фрейда, Юнга и прочих. Их влияние заметно во многих его произведениях, очевиднее всего — в премированной повести «Придающий форму», позднее переработанной в роман «Творец снов». В других текстах Желязны фигурируют реалистичные психологи или психиатры либо компетентно исследуются психологические мотивации персонажей (например, в «Долгом сне» и «Из долгих скитаний вернулся Палач»). Он прекрасно осознавал, что обучение повлияло на его творчество. «В университете моим профилем была психология. Я переключился на литературу в последний момент — уже на выпускном курсе. Так что в анамнезе у меня науки о поведении. Это отразилось в моих ранних романах, таких как “Творец снов”, главный герой которого — психиатр» [137].

На третьем курсе он выбрал профильным пред-

[137] Примечания: 137

Хек, Питер. «Театр подсознания: интервью с Роджером Желязны» (Theatre of the Subconscious: An Interview with Roger Zelazny). *Xignals*, 1986 г. № XVI (февраль/март), стр. 1, 2, 15.

метом английский язык, поняв, что не хочет преподавать психологию и ему наскучило гонять крыс по лабиринтам. Кроме того, в результате кадровых перестановок в преподавательском составе появилось больше профессоров, которые хотели изучать тех самых крыс, и меньше таких, которым было интересно обсуждать теории Юнга и Фрейда. По словам Желязны, он ушел, потому что не получал бы удовольствия, «испытывая силу духа мелких грызунов или работая на клиническом уровне» и «для меня никогда не имело особого значения, по какой специальности я получу степень, если в процессе я узнаю столько, сколько смогу» [138]. Его целью было стать писателем, и он хотел получить как можно больше знаний в самых разных областях, считая, что широкая эрудиция послужит надежным фундаментом для его творчества. Чтобы раздвинуть свои горизонты, он прослушал множество курсов, хотя и не сдавал по ним экзаменов и не писал работ, и таким образом познакомился с самыми разными предметами. Курс под названием «Магия, Дьявол и ведьмовство» представил ему знаковое исследование сэра Джеймса Фрэзера «Золотая ветвь»

[138] Примечания: 138

Кэмпбелл, Эндрю. «Как построить вселенную» (Building a Universe). *Reserve, Supplement to CWRU Magazine*, 1990 г. (август), стр. 10–13.

и помог найти более структурный подход к увлекавшей его мифологии. С другой стороны, из-за привычки слушать курсы, не сдавая экзаменов, в его личном деле появилась отметка о заваленном курсе бухгалтерии. Он выпустился в 1959 году со степенью бакалавра по английской литературе и отметками о прослушанных курсах психологии и сравнительного литературоведения [139].

Обучение Желязны в университете Западного Резервного района и его степень бакалавра привели многих к ошибочному выводу, что он изучал писательское мастерство и поэтому стал писателем. В интервью 1986 года он объяснил, что не прослушал *ни одного* университетского курса по писательскому мастерству. «Я всегда считал, что лучше потратить свое время на изучение литературы как таковой, и что я могу освоить технические и механические стороны работы писателя самостоятельно. Поэтому я держался подальше от таких курсов. Я не испытываю к ним неприязни; я преподавал на писательских курсах и семинарах. Но мне кажется, что человек, который хочет писать, в любом случае *будет*

---

[139] Примечания: 139

Желязны, Роджер. Письмо Патрику Ноэлю от 1 сентября 1971 г.

писать» [140].

Бывший поэт и «Резец в небе»

Желязны полагал, что поэзия — это высшая форма работы со словом, а больше всего на свете он хотел зарабатывать на жизнь литературным трудом. Его друзья и собратья-писатели знали это — после смерти Желязны в 1995 году его знаменитый друг и коллега Джордж Р. Р. Мартин вспоминал: «Он был поэтом — в первую очередь, в последнюю очередь, всегда», а Джек Уильямсон написал рассказ, в котором предполагал, почему молодой Желязны ушел из поэзии в фантастику [141],[142]. С 1956 по 1961 год Желязны «не писал ничего, кроме поэзии — невероятного количества поэзии, в основном плохой, но с тече-

---

[140] Примечания: 140

Хек, Питер. «Театр подсознания: интервью с Роджером Желязны».

[141] Примечания: 141

Мартин, Джордж Р. Р. «Князь Света» (The Lord of Light). *Locus*, 1995 г., т. 35, № 2, № 415 (август), стр. 29–40.

[142] Примечания: 142

Уильямсон, Джек. «История, которую Роджер так и не рассказал». В: *Гринберг, Мартин Г. (ред.).* «Лорд фантастики. Истории в память о Роджере Желязны». Нью-Йорк, Нью-Йорк: Avon Eos, 1998 г., стр. 37–44. (*Прим. пер.*: по сюжету этого рассказа Желязны увозят с Земли сотрудники Галактической службы безопасности, по ошибке приняв его за не выходящего на связь агента. Он проводит несколько дней на инопланетной базе, общаясь с местным культурным антропологом,

и в итоге становится прототипом главного героя анимированной диорамы, посвященной земной культуре: воина-масаи, проходящего архетипический путь героя. Когда же инопланетяне осознают свою ошибку, они возвращают Желязны на Землю в тот же самый день, из которого его забрали; пережитый опыт становится причиной того, что он отказывается от карьеры поэта и становится фантастом).

нием времени становившейся чуть лучше» [143]. Должно быть, на самом деле все было не так уж и плохо, потому что в 1957 году он получил вручавшуюся университетом Западного Резервного Района Поэтическую премию Финли Фостера за «Южный Крест». В 1958 году университетский литературный журнал *Skyline* опубликовал его стихотворение «Человек без тени» и рассказ «Видимость». В следующем году он *снова* получил Поэтическую премию Финли Фостера за стихотворение «Декада плюс один о розах» (*Skyline*, 1959). Знаменитая поэтесса [Хейзел] Коллистер Хатчинсон похвалила это стихотворение, добавив, что, по ее мнению, «автор может однажды стать поэтом, если приложит к тому усилия» [144]. Кроме того, семестровая работа Желязны о Чосере получила премию Холдена за лучшее эссе, присуждавшуюся с 1899 года. Эти ранние успехи внушили начинающему писателю уверенность в себе. Много лет спустя он продемонстрировал, что эти премии оставались для него значимыми,

---

[143] Примечания: 143

Линдсколд, Джейн М. «Роджер Желязны».

[144] Примечания: 144

Желязны, Роджер. «Когда в тот раз цвели в саду кошачьем вербы» (*When Pussiwillows Last in the Catyard Bloomed*). Мельбурн, Австралия: Norstrilia Press, 1980 г.

перечислив их наравне с премиями «Хьюго» и «Небьюла» в своем vita brevis (резюме).

Вдохновленный поэтическими почестями, около 1960 года Желязны собрал для Йельского конкурса молодых поэтов объемный сборник «Резец в небе», куда включил более шестидесяти стихотворений. Конкурс он не выиграл, чем был весьма удручен. Некоторые из стихотворений этого сборника позднее цитировались в его ранних рассказах и повестях — прежде всего в «Сердце — кладбище» — и в конце концов вошли в поэтические сборники «Стихотворения», «Когда в тот раз цвели в саду кошачьем вербы» и «Круженье — это чудо-кошка». Экземпляр «Резца в небе» сохранился у Карла Йоука, что позволило наконец опубликовать эти стихи в данном собрании [145]. Поэтический опыт Желязны — прежде всего использование аллюзий, метафор и игры слов — заметно повлиял на его прозаический стиль, благодаря чему позднее многие фэны и критики называли его истинным «поэтом в прозе».

Активнее всего в это время Желязны занимался фехтованием. Также он два года обучался дзюдо под руководством Билла Гейвела, бывшего мор-

---

[145] Примечания: 145
Йоук, Карл Б. «Роджер Желязны: Starmont Reader's Guide 2».

ского пехотинца, который не только знакомил его с этим боевым искусством, но и давал практические боевые советы из области «сокрушения трахей и ломания шей и позвоночников» [146]. В то время Желязны не был присвоен какой-либо дан, потому что Гейвел не проводил экзаменов на пояса.

Университетская специализация на елизаветинской и якобинской драматургии

В 1959–1960 годах Желязны был аспирантом в Колумбийском университете, где специализировался на елизаветинской и якобинской драматургии. Как и в студенческие годы, курсы писательского мастерства он не посещал. Объектом изучения его магистерской работы была «Трагедия мстителя» Сирила Тернера, позднее послужившая основой для повести 1966 года «И девять звездолетов ждут». Он продолжал слушать самые разные курсы, чтобы расширить кругозор, который, по его мнению, должен был помочь ему в работе писателя; позднее этот подход отзовется в его писательской карьере систематическими попытками читать как можно больше и постоян-

---

[146] Примечания: 146

Желязны, Роджер. Предисловие к сборнику «Воины Крови и мечты».

но пополнять объем знаний. Под конец первого года он завершил все необходимые курсы и магистерскую диссертацию, но его научный руководитель отказался допустить ее к защите, и положение Желязны оставалось неясным на протяжении нескольких месяцев. В монографии Карла Йоука этот инцидент объясняется «конфликтом характеров» с неназванным научным руководителем [147].

Ожидая, когда ему позволят защитить магистерскую и сдать экзамены, Желязны записался в 137-й артиллерийский батальон Национальной гвардии штата Огайо и прошел начальную подготовку в Форт-Ноксе. За этим последовали шесть месяцев службы, проходившие в основном в Техасе и включавшие в себя обучение ракетной стрельбе в Форт-Блиссе, где он провел бо`льшую часть своего армейского срока [148]. В 112-м инженерном батальоне он научился водить танковый мостоукладчик. С1960 по 1963 год он числился в резерве Национальной гвардии Огайо, а с 1963 по 1966 год — в национальном военном резерве. Его опыт обращения с бронетехникой и оружием

[147] Примечания: 147
Йоук, Карл Б. «Роджер Желязны: Starmont Reader's Guide 2».

[148] Примечания: 148
Желязны, Роджер. Письмо Патрику Ноэлю от 1 сентября 1971 г.

отразился во многих книгах, включая «Проклятую дорогу».

В Колумбии он также не изменял и другим свом интересам, в том числе оставшемуся с ним на всю жизнь интересу к боевым искусствам. Он вновь занялся дзюдо и получил зеленый пояс. В армии он обучался карате, но пояса не получил. Также он активно использовал предоставляемые Нью-Йорком социальные и культурные возможности, особенно заинтересовавшись фолк-музыкой, клубами и кофейнями Гринвич-Виллидж. Там он встретил и полюбил певицу Хеди Уэст, прославившуюся песней «500 Miles» — позднее вошедшей в репертуар групп The Kingston Trio, The Highwaymen и Peter, Paul and Mary. Уэст и Желязны были помолвлены шесть месяцев. Он привез ее в Юклид познакомить с родителями, но его мать не одобрила их отношения, посчитав Уэст «слишком шустрой» для сына [149]. Они разошлись по причинам, которые нашли отражение в повести «Роза для Екклесиаста» и на которые Желязны намекнул в опубликованном ответе поклоннице, поинтересовавшейся мотивацией Гэллинджера (*см.* примечания к этой

[149] Примечания: 149
Йоук, Карл Б. Письмо доктору Кристоферу Ковачу от 27 октября 2007 г.

повести) [150],[151].

Увлечение мифологией не оставляло его. Он начал читать другие исследовательские работы в этой области и продолжал делать это на протяжении всей профессиональной карьеры. Помимо «Золотой ветви» в число этих работ входили многотомные «Маски Бога» Джозефа Кэмпбелла, «Мифы Древней Греции» Роберта Грейвза и, много позже, «Мельница Гамлета» Джорджио де Сантильяны.

В 1961 году Желязны разрешил разногласия с научным руководителем и вновь представил на рассмотрение свою магистерскую диссертацию «Две традиции и Сирил Тернер: исследование морали и комедийные приемы в “Трагедии мстителя”» [152]. Он получил за нее высший балл и позже сдал квалификационный экзамен. Он выпустился в мае 1962 года со степенью магистра

---

[150] Примечания: 150

Там же.

[151] Примечания: 151

Желязны, Роджер. «Касательно “Розы для Екклесиаста”» (Re: A Rose for Ecclesiastes). *No-Eyed Monster*, 1968 г., № 14 (лето), стр. 21–22.

[152] Примечания: 152

Желязны, Роджер Д. «Две традиции и Сирил Тернер: исследование морали и комедийные приемы в “Трагедии мстителя”» [магистерская работа] (Two Traditions and Cyril Tourneur: An Examination of Morality and Humor Comedy Conventions in ‘The Revenger’s Tragedy’ [Master’s Thesis]) Нью-Йорк, Нью-Йорк: Faculty of Philosophy, Columbia University, 1962 г.

гуманитарных наук в области английского языка и сравнительного литературоведения и специализацией в области драматургии [153].

1962

Разочарованный поэт и вторая попытка стать писателем

Зимой 1961–62 года, ожидая результатов повторного рассмотрения диссертации, Желязны трезво рассудил, что зарабатывать поэзией — недостижимая мечта. «Только Роберт Фрост и Карл Сэндберг зарабатывали на жизнь поэзией, в то время как многочисленные другие писатели превосходно себя чувствовали в компании иных, менее прекрасных муз. Письмена на стене санузла были очевидны» [154]. Ему все еще хотелось быть писателем, поэтому он наконец вернулся к рассказам. Отказ от идеала поэзии стал первым из нескольких компромиссов, которые Желязны счел необходимыми для финансово жизнеспособной писательской карьеры. Позднее

---

[153] Примечания: 153
Желязны, Роджер. Письмо Патрику Ноэлю от 1 сентября 1971 г.

[154] Примечания: 154
Линдсколд, Джейн М. «Роджер Желязны».

он назвал себя «разочарованным поэтом» из-за своей неспособности преуспеть в излюбленном роде литературы: «Я вынужден был отыскать равновесие между коммерцией и творчеством — почему и избрал фантастику, — но мне хотелось бы быть поэтом. Да» [155]. Он никогда не переставал писать стихи — многие из его самых значительных рассказов и романов включают в себя оригинальные стихотворения, и в конечном итоге он издал четыре поэтических сборника (два больших и две брошюры). Многие его персонажи — прежде всего Гэллинджер из «Розы для Екклесиаста» и Корвин из амберского цикла — также писали стихи, или по крайней мере способны были процитировать подходящую моменту строку. Но бо`льшая часть стихотворений, вошедших в это собрание, была написана до конца 1961 года, когда Желязны отказался от карьеры поэта.

Вдохновленный болью и обстоятельствами расставания с Хеди Уэст, прежде всего он написал эмоционально насыщенную «Розу для Екклесиаста» в октябре 1961 года. В этой повести заносчивого поэта Майкла Гэллинджера смиряет и меняет пережитое: он влюбляется в марсианку,

---

[155] Примечания: 155
Уэстблом, Ульф. Интервью с Роджером Желязны.

но ей не нужен ни он, ни ребенок, которого они неожиданно зачинают; убежденные его вдохновенной проповедью марсианские матриархи принимают решение позволить своему виду выжить путем скрещивания с людьми. Нынешний читатель может предположить, что эта классическая повесть была сразу же замечена в самотеке, стала первой купленной работой Желязны и немедленно принесла ему признание, — однако он решил не предлагать ее к публикации. Причины такого решения изложены в комментариях к повести, но если вкратце, то он посчитал, что она слишком старомодна, поскольку в ней фигурирует романтическое, невозможное с научной точки зрения видение Марса. «Дни подобных историй миновали. На Марсе нет ни пригодной для дыхания атмосферы, ни людей, ни тому подобного — но мне хотелось написать Космическую Оперу. Я чувствовал, что если не напишу ее тогда, то не напишу никогда. После еще одной работы в том же духе [“Двери лица его, пламенники пасти его”] я покинул Солнечную систему» [156]. Написав «Розу для Екклесиаста» отчасти ради собственного катарсиса, он несколько месяцев не брался за

[156] Примечания: 156
Коннер, Билл. «Желязны на Марконе-72».

другие рассказы.

В процессе написания «Розы для Екклесиаста» Желязны зарегистрировался на бирже труда и стал искать работу. «Я пытался наняться учителем по всему Огайо, но времена были скудные и меня никто не брал» [157]. В феврале 1962 года, как раз когда он уверился в том, что работу никогда не найдет, но ее отсутствие хотя бы будет означать, что он может писать, сколько хочет, ему пришло предложение. Он устроился в кливлендскую Администрацию социального обеспечения оценщиком ущерба, и его отправили обучаться в Дейтон, штат Огайо.

Дневная работа отнимала у него много времени, но Желязны начал писать вечерами, предприняв вторую серьезную попытку стать профессиональным писателем. Поскольку в университете он фантастику не читал, он купил несколько фантастических романов и журналов, чтобы ознакомиться с тем, какие работы сейчас продаются. «За время моего отсутствия почти ничего не изменилось. Поэтому я начал писать по нескольку рассказов в неделю» [158].

---

[157] Примечания: 157
Линдсколд, Джейн М. «Роджер Желязны».

[158] Примечания: 158
Кэмпбелл, Эндрю. «Как построить вселенную».

Он решил снова попытать счастья в фантастике, потому что «Деймон Найт в своей книге “В поисках чуда” [1956] упомянул, что научная фантастика — хорошая область для молодого писателя, желающего попробовать пробиться в профессию. Я принял его совет, потому что прочел множество книг в этом жанре и считал, что неплохо его знаю. Это сработало» [159]. Однако лучше всего Желязны был знаком с фантастикой тридцатых-пятидесятых годов и понимал, что ему не стоит пытаться имитировать рассказы того времени. «Моей базой были старые истории вроде книжек Эдгара Райса Берроуза. Но стандартные сюжеты старых рассказов не проскочили бы в свете научного прогресса» [160].

Желязны пытался писать по рассказу каждые два-три дня и поочередно отправлять их в каждый из существующих журналов, ориентируясь на свой исчерпывающий список. Таким образом за первый месяц он собрал «еще пару десятков» уведомлений об отказе и вновь пришел в подавленное расположение духа.

Тогда Желязны собрал все отвергнутые работы

---

[159] Примечания: 159
Уэстблом, Ульф. Интервью с Роджером Желязны.

[160] Примечания: 160
Коннер, Билл. «Желязны на Марконе-72».

и решил взглянуть на них объективно, чтобы понять, что делает неправильно, и научиться на своих ошибках. Он понял, что смотрит на читателя свысока. «Я был чрезмерно подробен, даже высокомерен, в своих объяснениях каждой мелкой детали… Я решил убрать из своих текстов все, что, на мой взгляд, звучало снисходительно, и говорить с читателем так, словно он находится со мной в одной комнате, словно он кивает, когда я что-то ему рассказываю» [161]. «И решил с этих пор обходиться с читателем так, как хотел бы, чтобы обходились со мной, избегать ненужных деталей, чаще прописывать персонажей и мотивации намеками, останавливать себя всякий раз, когда мне захочется продолжить трепаться после того, как я что-нибудь показал» [162].

За этой переоценкой собственного творчества очень быстро последовало пришедшее 28 марта 1962 года первое письмо из профессионального фантастического журнала о принятии к публикации рассказа «Мистерия» (*см.* послесловие к этому рассказу). Редактор *Fantastic* и *Amazing* Сил

---

[161] Примечания: 161

Брэди, Джон. «Как писать научную фантастику: Роджер Желязны».

[162] Примечания: 162

Крулик, Теодор. «Роджер Желязны» (*Roger Zelazny*), Нью-Йорк, Нью-Йорк: Ungar Publishing, 1986 г.

Голдсмит заметила Желязны в самотеке всего через шесть недель после того, как он начал серьезно писать и предлагать к публикации рассказы, — такой интервал многие начинающие писатели сочли бы весьма коротким. Это знаменательное первое письмо было довольно официальным — «Благодарим вас за то, что предоставили нам возможность рассмотреть ваш рассказ “Мистерия”. Мы хотели бы приобрести его для публикации в одном из будущих выпусков *Amazing Stories*. Наш чек прибудет вскоре после того, как вы подпишете и вышлете нам одну из копий приложенного к письму договора. Когда мы узнаем, в каком номере появится рассказ, мы сразу же вам сообщим» [163].

После еще двух или трех отказов Желязны продал за тот год семнадцать рассказов — бóльшую часть купила Голдсмит, — что ознаменовало истинное начало его карьеры профессионального писателя. Вторым проданным рассказом была первая история о Дилвише, «Дорога в Дилфар», но Голдсмит отложила его публикацию. Она заметила: «Вы, должно быть, и сами понимаете, что эта история — очевидное начало цикла. Если

[163] Примечания: 163
Голдсмит, Сил. Письмо Роджеру Желязны от 22 марта 1962 г.

же вы об этом не думали, быть может, вы подумаете теперь и покажете нам результат» [164]. Так родился цикл о Дилвише.

Ни один из ранних отвергнутых рассказов, написанных до 1962 года, не сохранился, потому что Желязны писал на оборотных сторонах не принятых к публикации рукописей черновики новых рассказов [165]. В хранящейся в архивах переписке встречаются упоминания о двух неизвестных и, судя по всему, утерянных рассказах: редактор *Galaxy* Фредерик Пол отверг «Заметки о революции» в 1963 году, а редактор *The Magazine of Fantasy & Science Fiction* Аврам Дэвидсон отверг «Принца и суслика» в 1962–63 году [166],[167]. В данное собрание входят ранее не публиковавшиеся рассказы конца шестидесятых, пожертвованные архиву Сиракузского университета в конверте, подписанном «Тексты 1965–1968 годов».

---

[164] Примечания: 164
Голдсмит, Сил. Письмо Роджеру Желязны от 6 октября 1964 г.

[165] Примечания: 165
Брэди, Джон. «Как писать научную фантастику: Роджер Желязны».

[166] Примечания: 166
Пол, Фредерик. Письмо Роджеру Желязны от 15 августа 1963 г.

[167] Примечания: 167
Дэвидсон, Аврам. Недатированное письмо Роджеру Желязны, предположительно написанное в 1962 г.

Первые публикации привлекают внимание

Июль 1962 года положил начало писательской карьере Желязны почти одновременной публикацией рассказов «Мистерия» в августовском номере *Amazing* и «Всадник!» в августовском номере *Fantastic*. На самом деле *Amazing* попал на прилавки десятого июля, а *Fantastic* — девять дней спустя [168]. Фирменный стиль Желязны немедленно привлек к себе внимание — короткие, рубленые предложения; поэтичные описания и речевые обороты; смелое использование метафор и аллюзий [169]. Поначалу Желязны был так плодовит, что Сил Голдсмит придумала «спасательный» псевдоним «Гаррисон Денмарк» для одновременной публикации нескольких его рассказов в *Amazing* и *Fantastic* [170]. Читатели гадали, не скрываются ли под маской Роджера Желязны сразу несколько авторов — такая хитрость объяснила бы неожиданное и частое

---

[168] Примечания: 168

Голдсмит, Сил. Письмо Роджеру Желязны от 13 июня 1962 г.

[169] Примечания: 169

Силверберг, Роберт. «Предисловие». В: *Желязны, Роджер.* «Этот бессмертный». Норуолк, Коннектикут: Easton Press, 1986 г., стр. I–VIII.

[170] Примечания: 170

Голдсмит, Сил. Письмо Роджеру Желязны от 23 июля 1962 г.

возникновение этого имени в фантастических журналах. Голдсмит развеяла этот миф, напечатав короткое автобиографическое эссе Желязны в декабрьском номере *Amazing* за 1962 год — спустя всего *четыре месяца* после публикации его первых двух фантастических рассказов. «Я родился в Кливленде и начал читать фантастику, как только начал читать. (У меня до сих пор сохранилось большинство моих потрепанных выпусков “Капитана Фьючера”.)…» [171]

Хотя многие из первых читателей в своих письмах хвалили работы Желязны, находились и те, кого раздражали его эксперименты с повествовательной техникой и кто заметил стилистическое сходство Желязны и «Гаррисона Денмарка»: «Все, пока что прочитанное мною у Роджера Желязны, представляет собой запутанный, бессмысленный набор слов…» (*Fantastic*, апрель 1963); «Этот рассказ совершенно невразумителен!» (*Fantastic*, май 1963); «Я все еще не вижу достоинств в творчестве Роджера Желязны. Оно эксцентрично, и трудно понять, что вообще пытается донести до нас автор» (*Amazing*, март 1963); «Можете оставить себе этого тошнотворно-

[171] Примечания: 171

Желязны, Роджер. «Примечание редакции». *Amazing*, 1962 г., т. 36, № 12 (декабрь), стр. 128.

го старикана Гаррисона Денмарка, неотесанного Роджера Желязны…» (*Amazing*, ноябрь 1963). Но эти комментарии были в явном меньшинстве, потому что в мартовском выпуске *Amazing* за 1963 год Сил Голдсмит заметила: «Большинству читателей Желязны, судя по всему, нравится». Ее замечание вскоре было подтверждено тем, что Желязны начали номинировать на премии и приглашать на конвенты в качестве почетного гостя, а также публикацией «Розы для Екклесиаста» в ноябрьском номере *The Magazine of Fantasy & Science Fiction* за 1963 год.

1963–1964

Стремительный рост популярности в жанре

К лету 1963 года, *меньше чем через год* после публикации его первого фантастического рассказа, Желязны уже был настолько знаменит, что вошел в число известных писателей, которых пригласили поучаствовать в анкетном опросе, организованном Ллойдом Биггломом-мл. Ответы на вопросы из этой анкеты публиковались в трех выпусках фэнзина *Double: Bill* с октября 1963 по июнь 1964 года, а позднее, в 1969 году, были собраны в отдельную книгу под названием «Симпозиум

Ллойда Биггла-мл. в *Double: Bill*» (*Lloyd Biggle Jr.'s The Double: Bill Symposium*). Среди опрошенных были также Айзек Азимов, Пол Андерсон, Рэй Брэдбери, Харлан Эллисон, Джек Уильямсон, Артур Ч. Кларк и Роберт Силверберг. На вопрос, почему он решил писать научную фантастику, Желязны ответил: «Темой НФ может быть что угодно, а ее действие может разворачиваться где угодно в пределах или за пределами времени и пространства. Мне нравится эта идея; мне очень нравится эта идея, ведь из нее следует своего рода вывод, что возможно все. А еще это означает, что на избранную ситуацию можно взглянуть с какого угодно ракурса. Таким образом можно продемонстрировать доселе не изученные/неосвоенные стороны человеческой природы — прежде всего заставив людей столкнуться с чем-то теоретически возможным и причудливым. По-моему, это достаточное оправдание существования фантастики как независимой области литературы» [172].

[172] Примечания: 172

Бауэрс, Билл; Малларди, Билл. «Симпозиум Ллойда Биггла-мл. в *Double: Bill*».

«Роза для Екклесиаста»

Желязны написал это — по мнению некоторых, лучшее — свое произведение в октябре 1961 года, но решил не предлагать его к публикации. Возник миф, что повесть была написана за год или два до первого проданного рассказа Желязны и что он неохотно предложил ее для издания лишь после того, как стал признанным издающимся писателем. На самом деле Желязны написал «Розу для Екклесиаста» в октябре 1961 года, а первый свой рассказ, «Мистерию», продал меньше чем через пять месяцев, в марте 1962 года. Он не слишком долго продержал в столе эту рукопись — «Роза для Екклесиаста» была принята к публикации 7 июля 1962 года, *до* появления «Мистерии» в августовском номере *Amazing*.

Отвергали ли ее перед этим в других журналах — неясно, однако недатированное уведомление об отказе, написанное редактором *Galaxy* Фредериком Полом, звучит подозрительно: «Вы хорошо пишете, но, боюсь, эта работа кажется мне слишком вычурной для ее содержания. Что-нибудь

менее сложное?» [173]

Желязны все еще был непубликующимся, неизвестным автором, когда Аврам Дэвидсон купил эту повесть для *The Magazine of Fantasy & Science Fiction* в июле 1962 года. Стоит процитировать его горячее письмо целиком: «Мы напечатаем вашу короткую повесть “Роза для Екклесиаста” (мелкое замечание: чтобы избежать неуместных сравнений с “Гимном Лейбовицу” [174] не рассмотрите ли вы вариант: «Для Екклесиаста: роза»?..). Очень скоро вы получите договор. Буду благодарен, если вы пришлете мне какие-нибудь био- и библиографические данные. Вы совершили трудный и редкий подвиг — взяли всем известную (и заезженную) тему и написали новое хорошее произведение. В вашей повести есть все предпосылки для клише и для ложного пафоса — вымирающий народ, прекрасная жрица, осмелившаяся нарушить запрет, межпланетное смешение рас и т. п. — но вы полностью избежа-

[173] Примечания: 173

Пол, Фредерик. Рукописная приписка к стандартному отказу в публикации журнала *Galaxy*, адресованному Роджеру Желязны, недатированному и не содержащему конкретных упоминаний, но скорее всего отправленному в 1962 г.

[174] Примечания: 174

В оригинале названия этих двух произведений схожи по форме: «A Rose for Ecclesiastes» и «A Canticle for Leibowitz». (*Прим. пер.*)

ли и клише, и ложного пафоса. Снимаю шляпу. И хочу прочитать больше. Мне пришло в голову, что параллель с миллеровским названием была намеренной. Если вы захотите, чтобы название осталось таким, как есть, оно останется таким, как есть. Процветайте и преуспевайте. И шлите нам еще, шлите нам еще. — Аврам Дэвидсон» [175].

Дэвидсон разглядел в повести значимую работу, сделал ее центральным произведением выпуска и заказал Ханнесу Боку иллюстрацию на обложку. Именно поэтому прошло почти полтора года, прежде чем повесть увидела свет в ноябре шестьдесят третьего.

Публикация «Розы для Екклесиаста» снискала похвалы и внимание фэнов и критиков; застенчивый и самокритичный Желязны не знал, как на это реагировать. Отвечая на одну из посвященных повести хвалебных редакторских колонок, он написал: «Добрые слова и определенные напитки заставляют меня чувствовать себя Очень Хорошо, но вызывают похмелье, если я употреблю слишком много. Признаюсь, я всегда пьянел от слов — особенно от тех, которые сме-

---

[175] Примечания: 175

Дэвидсон, Аврам. Письмо Роджеру Желязны от 7 июля 1962 г.

шиваю сам, — и кое-какие из тех крепких, что вы подлили в свою колонку, едва не привели меня в ААХ (Ассоциацию Анонимных Хвалоголиков). В таком состоянии я даже не знаю, что сказать, разве только тихо, но вслух подумать, что быть переоцененным — это безумное и пушистое ощущение, и поблагодарить вас» [176].

Жизненные перипетии влияют на творчество

К 1963 году Желязны нашел себе подработку преподавателем английского в Колледже Фенна (ныне Кливлендский государственный колледж), но быстро ее бросил, потому что она мешала основной работе и творчеству, — а еще он, к своему удивлению, обнаружил, что преподавание ему все равно не по душе. Его жизнь налаживалась: рассказы охотно покупали, он надеялся в конце концов сменить работу в Администрации социального обеспечения на труд профессионального писателя; кроме того, Желязны снова влюбился: он помолвился во второй раз, и новую его избранницу звали Шэрон Стиберл.

К сожалению, осенью 1964 года события внезапно приняли печальный оборот; оборот,

---

[176] Примечания: 176

Желязны, Роджер. Письмо Биллу Бауэрсу от 28 марта 1964 г.

оказавший глубокое и неизгладимое влияние на его личность и творчество. 27 сентября машина, в которой ехали Желязны и его новая невеста, почти лоб в лоб столкнулась с другим автомобилем. Возле Мэнсфилда одностороннее движение на идущей на север 13-й дороге штата Огайо сменилось двусторонним, но в тот дождливый день Желязны этого не заметил и попытался обогнать ехавшую впереди машину. Желязны ударился головой о зеркало заднего вида своего GTO с откидным верхом и потерял сознание; он отделался порезами на лице и сломанным зубом. Стиберл серьезно пострадала и провела шесть недель в больнице с переломом таза и другими внутренними травмами [177],[178],[179]. В текстовой расшифровке аудиоинтервью [180]

---

[177] Примечания: 177

Йоук, Карл Б. Электронное письмо доктору Кристоферу Ковачу от 28 октября 2007 г.

[178] Примечания: 178

Анонимный автор. «Двое госпитализированы после столкновения двух машин на 13-й дороге» (2 Hospitalized After 2-Car Crash on State Route 13). *New Journal, Mansfield, Ohio*, 1964 г., понедельник, 28 сентября, 1-я колонка, стр. 13.

[179] Примечания: 179

Анонимный автор. «Из протоколов: сегодня в Мэнсфилде» (On the Records: In Mansfield Today). *New Journal, Mansfield, Ohio*, 1964 г., среда, 5 ноября, 1-я колонка, стр. 5.

[180] Примечания: 180

Крулик, Теодор. «Роджер Желязны: Путь к Амберу» (Roger Zelazny's Road

›››

to Amber), *Extrapolation*, 2002, т. 43, № 1 (весна), стр. 80–88.

ее травма названа переломом мелкой кости «в ступне», хотя на самом деле это был перелом таза или бедра. Запланированную на октябрь свадьбу пришлось отложить. В дальнейшем Желязны еще несколько раз был участником случившихся или едва не случившихся аварий — в качестве водителя, пешехода или свидетеля; некоторые из этих случаев будут описаны в данной монографии или примечаниях к связанным с ними рассказам. Эти события сильно повлияли на его творчество, о чем свидетельствуют такие произведения, как «Машина-дьявол», «Авто-да-фе», «Придающий форму», «Мистерия», «Проклятая дорога» и «Девять принцев Амбера».

Пока Стиберл оправлялась от аварии, отец Желязны, Джозеф, неожиданно скончался от инфаркта 25 ноября 1964 года, всего через день или два после планового медосмотра, на котором врач признал его совершенно здоровым [181]. Желязны считал этот день самым черным, самым тяжелым в своей жизни. Пытаясь справиться с болью, он заставил себя писать и не отходил от печатной машинки, пока не закончил три новых рассказа: «Божественное безумие», «И приходит

[181] Примечания: 181

Желязны, Трент. Электронное письмо доктору Кристоферу Ковачу от 11 января 2008 года.

Сила» и «Но не вестник».

Все еще скорбя по отцу, Желязны женился на Шэрон Стиберл 5 декабря 1964 года. Они поселились в Уайклиффе, Огайо, неподалеку от квартиры Карла Йоука. Йоук описывает этот брак как короткий и несчастливый. Авария стала для Шэрон серьезным потрясением и вызвала депрессию; Йоук вспоминает, как ему рассказывали, что травма лишила ее возможности иметь детей [182]. Йоук пишет, что Желязны «ужасно себя чувствовал из-за аварии. Но он не мог ее отменить. Он никогда бы сознательно не причинил никому вреда и по шею увяз в чувстве вины из-за этого происшествия» [183]. Желязны хотел, чтобы жена обратилась к психологу, но она отказывалась; они начали злиться друг на друга и открыто ссориться, и расстались в конце лета 1965 года [184].

---

[182] Примечания: 182

Йоук, Карл Б. Электронное письмо доктору Кристоферу Ковачу от 28 октября 2007 г.

[183] Примечания: 183

Йоук, Карл Б. «Еще в одном мире отсюда».

[184] Примечания: 184

Йоук, Карл Б. Электронное письмо доктору Кристоферу Ковачу от 28 октября 2007 г.

Начало жизни профессионального писателя

На этом раннем этапе писательской карьеры Желязны намеренно начал писать рассказы, которые вынуждали его сосредотачиваться на своих слабых сторонах, а не полагаться на сильные. «Когда я решаю написать рассказ, я составляю быстрый мысленный список всего, что, на мой взгляд, могу сделать с легкостью; затем я обращаюсь к списку своих слабостей, размышляю о том, как лучше всего справиться с большинством из них — и всегда выбираю одну, обычно ту, которую в данный момент считаю наиболее вопиющей, и заставляю себя ее проработать» [185]. В одном рассказе он сосредотачивался на характерах; в следующем — на сюжете или декорациях; в других — на оригинальном голосе рассказчика. Это продолжалось на протяжении всей его писательской карьеры; Желязны всегда считал, что только учится искусству рассказывать истории, и стремился укреплять самые слабые свои писательские стороны и экспериментировать со стилем в каждом рассказе или романе. Каждый

[185] Примечания: 185

Бауэрс, Билл; Малларди, Билл. «Симпозиум Ллойдв Биггла-мл. в *Double: Bill*».

раз, когда он находил необычный повествовательный прием в произведениях других жанров, он пробовал использовать его сам.

Желязны намеренно сосредотачивался на рассказах, постепенно переходя к коротким, а затем длинным повестям по мере того, как крепла его уверенность в себе. Он объяснял это тем, что за небольшой промежуток времени можно написать множество рассказов, которые будут отвергнуты, и научиться на своих ошибках; однако работа над повестями или романами означает, что ты можешь потратить куда больше времени на что-то, что у тебя не купят. «Если рассказ выйдет плохим, ты потеряешь меньше времени, чем если плохим выйдет роман… каждый рассказ — это отдельный образовательный опыт. Кто-то, возможно, скажет, что в романе тебе прощается больше ошибок, но этот аргумент можно эффективно опровергнуть, сказав, что, если ты совершишь одну серьезную ошибку в рассказе, ты это поймешь, потому что рассказ не купят, — а вот если ты напишешь роман, который хорош лишь наполовину, и у тебя его купят, это будет означать, что ты добился продажи благодаря своим преимуществам, а вот твои недостатки

останутся неисправленными» [186].

Писатели-фантасты, повлиявшие на Желязны

Вдобавок к литературным влияниям в диапазоне от Хемингуэя и елизаветинской драмы до комикса «Тень», примечания, сопровождающие отдельные рассказы в этом собрании, раскрывают значимость «Фауста», «Божественной комедии», «Золотой ветви», произведений Толстого и Шекспира и других работ, вдохновлявших Желязны в годы его становления. В раннем интервью он назвал авторов научной фантастики и фэнтези, которые на него повлияли. «Сперва моим любимым фантастом был Стенли Уэйнбаум; затем пришел Хайнлайн; когда я немножко его перерос, то решил, что больше всего мне нравится Старджон и некоторые вещи Рэя Брэдбери» [187]. Он провозгласил Теодора Старджона «величайшим из ныне живущих фантастов» и признал, что «он вне всякого сомнения на меня

---

[186] Примечания: 186
Там же.

[187] Примечания: 187
Желязны, Роджер. «Автографы — Интервью с Роджером Желязны».

повлиял» [188]. Позднее Желязны добавил в список фаворитов Филипа Хосе Фармера, Филипа К. Дика, Сэмюэла Р. Дилэни, Генри Каттнера и Джека Вэнса за «их оригинальность и талант рассказчиков» [189],[190],[191]. Он также ценил Л. Спрэга де Кампа за умение создавать убедительные реалистичные миры, остроумие и склонность удивлять читателя: «Если вы очутитесь в одном из его миров и неподалеку от вас будет лежать ковер, ни в коем случае на него не вставайте… Если вы будете ожидать, что его выдернут у вас из-под ног, вместо этого он куда-нибудь улетит вместе с вами» [192]. В более поздних интервью он отказывался говорить о повлиявших на него писателях, отчасти потому, что это был банальный и избитый вопрос одного уровня с неизбежным

---

[188] Примечания: 188

Уэстблом, Ульф. Интервью с Роджером Желязны.

[189] Примечания: 189

Хек, Питер. «Театр подсознания: интервью с Роджером Желязны».

[190] Примечания: 190

Желязны, Роджер. «Роджер Желязны о Роджере Желязны» (Roger Zelazny Speaks on Roger Zelazny), *Black Oracle*, 1969 г., № 1 (март), стр. 9–10.

[191] Примечания: 191

Рихак, Джим. «Краткое интервью с Роджером Желязны». *Nova*, 1972 г., № 1 (июнь), стр. 33–35.

[192] Примечания: 192

Желязны, Роджер. «В поисках исторического Л. Спрэга де Кампа, или Все приключения ловца драконов». (The Search for the Historical

L. Sprague de Camp, or: The Compleat Dragon-Catcher). *Tricon (14th World Science Fiction Convention) Progress Report № 1*, 1966 г., стр. 3–4.

«Откуда вы берете свои идеи?».

Желязны отмечал, что работа Стенли Уэйнбаума с персонажами «была чем-то особенным. Он описывал отношения мужчины и женщины не так, как было до этого принято в научной фантастике. Персонажи Уэйнбаума были остроумными, а его женщины — такими же настоящими, как и его мужчины; я считал, что это важно. К тому же кое-какие из его идей были захватывающими; “Марсианскую одиссею” я прочитал, должно быть, раз шесть или семь. В “Черном пламени” была одна из немногих, на мой взгляд, хорошо прописанных главных героинь; я не перечитывал эту книгу уже много лет, но она меня впечатлила» [193].

Произведения Генри Каттнера особенно впечатляли Желязны, поскольку «я мог прочитать несколько его рассказов, и в каждом у него был новый голос — один рассказ мог оказаться фэнтези, красочным, в духе А. Меррита, а другой — жилистой прозой в стилистике “крутого” детектива. Уже тогда мне хотелось быть писателем, и я решил, что, когда им стану, подобная многогранность будет для меня чем-то вроде доб-

---

[193] Примечания: 193

Желязны, Роджер. «Автографы — Интервью с Роджером Желязны».

родетели. И я стал работать над этим, пытаться подбирать слова под атмосферу рассказов и события, происходившие в разнообразных историях, которые я пытался рассказывать. Позднее Теодор Старджон сделал мне комплимент, признав, что мне это, возможно, удалось: “Ты знаешь, Желязны, у тебя не один стиль. У тебя их много”» [194].

В то время Желязны не знал, что под именем Каттнера часто публиковались и произведения, написанные им в соавторстве с женой, К. Л. Мур, чем отчасти объясняется разнообразие голосов и стилей в его текстах. Он называл роман Каттнера «Темный мир» в числе самых любимых своих книг; по иронии судьбы, этот роман почти полностью написала К. Л. Мур. Однако демонстрируемое Каттнером разнообразие было тем, к чему Желязны продолжал стремиться и чего добился — к раздражению некоторых своих читателей, желавших, чтобы у него был один голос, а не много. В своих письмах поклонники просили его писать книги исключительно в духе «Розы для Екклесиаста», или только в духе «Хроник Амбера», и так далее. Однако Желязны было неинтересно ограничивать себя одним голосом

[194] Примечания: 194

Желязны, Роджер. «Предисловие к “Темному миру”» (Introduction to the “Dark World”). *Amberzine*, 1993 г., № 5 (ноябрь), стр. 38–39.

или одним стилем.

От рассказов – к премированным повестям

Желязны начал профессиональную карьеру с очень коротких рассказов, таких как «Мистерия» и «Дорога в Дилфар». В течение первых двух лет, набираясь опыта и уверенности, он намеренно начинал писать все более и более длинные рассказы, а затем — короткие и длинные повести. Когда он стал публиковать эти более крупные произведения, его творчество привлекло большее внимание фэнов и критиков, и он быстро заработал репутацию своим новаторством, изобретательностью и запоминающимися сюжетами. «Придающий форму» и «Двери лица его, пламенники пасти его» — два наиболее известных образца средней формы, написанных на этом раннем этапе его профессиональной карьеры. Обе эти повести завоевали «Небьюлу» в 1966 году. Небольшая повесть «Роза для Екклесиаста» — единственное исключение из этого плана перехода от коротких работ к более длинным, потому что она была написана в октябре шестьдесят первого, прежде всех его опубликованных маленьких рассказов. По иронии судьбы, эта повесть, которую Желязны

не решался предлагать к изданию, стала одной из самых известных, любимых и тепло принятых критиками его работ. Переиздававшаяся десятки раз на множестве языков, она принесла ему первую номинацию на «Хьюго» в 1964 году. Позднее члены Ассоциации писателей научной фантастики Америки назвали «Розу для Екклесиаста» одним из двадцати шести лучших образцов короткой прозы 1926–1964 годов и включили ее в антологию «Зал славы научной фантастики, том 1» (*The Science Fiction Hall of Fame, Volume 1*).

Желязны без восторга отзывался о своих ранних рассказах, которые, с его точки зрения, были «в основном короткими незапоминающимися безделушками — но меня это устраивало. В то время я не мог написать чего-то другого и считал этот период ученическим. Продажи мотивировали меня писать дальше, а работа над подобными текстами была практикой, в которой, как я понимал, я нуждался, пока соображал, что именно хочу сказать, когда найду свой голос и перейду к более крупным объемам. И когда это случилось, я не мог не быть благодарен за поддержку благосклонного редактора и возможность учиться, получая за это деньги.

Через несколько лет, когда я начал зарабаты-

вать исключительно литературой, я в основном переключился на романы, сначала подписывая договоры, а затем уже работая над книгами. Я был очень рад тому, что рынок такое позволяет, и, если не считать персональных тревог, связанных с психологическим переключением передач, не ощущал больше никакого давления или влияния. Я почти не сталкивался с редакторскими указаниями относительно производимого мною материала» [195].

Совет художника Ханнеса Бока

Художник Ханнес Бок нарисовал иллюстрацию к «Розе для Екклесиаста», украсившую внешние стороны обложки ноябрьского номера *The Magazine of Fantasy & Science Fiction* за 1963 год. Бок сделал Желязны выговор за цветовое решение повести, и тот решил исправиться в будущем. «Ханнес Бок преподадал мне ценный урок: После того, как он нарисовал обложку к “РОЗЕ”, он посоветовал мне в будущем жалеть потенциальных иллюстраторов и использовать в рассказах

[195] Примечания: 195

Желязны, Роджер. «Баланс между искусством и коммерцией» (The Balance Between Art and Commerce). *SFWA Bulletin*, 1985 г., т. 19, № 4 (зима), стр. 20.

разнообразные цвета. Он сказал, что Это Очень Плохо, когда у тебя по красной планете бегает рыжеволосая героиня, особенно когда мистер Д. [Аврам Дэвидсон, редактор *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*] желает, чтобы фоном на большой иллюстрации служил красный город/гора. Красное-на-красном-на-красном, как он объяснил, хорошо для эксперта по маскировке, но плохо, ох как плохо, для иллюстратора. Я внял. Теперь я использую больше цветов. Очень много. Иллюстрация к "Песне Телинды" напомнила мне о его словах. Красное-на-красном-на…» [196]

Несмотря на красоту иллюстрации, кое-кто высмеивал и критиковал Бока за то, что тот изобразил марсианское небо синим, однако его вынудили к этому прочие красные элементы. Бок был недоволен тем, что для публикации в *The Magazine of Fantasy & Science Fiction* иллюстрацию отзеркалили; он также не одобрил выбор цвета для обложки и выпущенных ограниченным тиражом репродукций. Он написал художнику Джеку Гоэну: «РЕПРОДУКЦИИ (неподписанные & подписанные) так же непохожи на оригинал, как тон Изабель [Эшли], которым она разговаривает

---

[196] Примечания: 196
Желязны, Роджер. Письмо Неду Бруксу от 6 июня 1965 г.

с новыми знакомыми, на тон, которым она разговаривает исключительно СО МНОЙ. Поэтому то, что кому-то нравится печатная версия, не может меня не раздражать. Оригинал висит в рамке у моей постели & я могу пялиться на него & извергать ругательства по многу раз за день. Мне нравится РЕЗУЛЬТАТ, но я не одобряю того, что итогом такого количества работы стало такое отвратительное его (не)воспроизведение» [197].

То, что Бок проиллюстрировал одну из первых его работ, было для Желязны важным и волнующим достижением. «Когда мне было 12 лет и я хотел сочинять НФ, у меня была цель: чтобы что-нибудь, что я напишу, проиллюстрировал Бок. Когда я стал сочинять НФ, я уверился в том, что иллюстрации Бока мне не видать, потому что он отошел от фантастики. Я и представить не мог, что он вернется ради последней обложки — и это будет моя повесть» [198]. Иллюстрация к «Розе для Екклесиаста» была одной из последних работ, завершенных Боком перед смертью, и последней его обложкой. Много лет спустя Желязны сумел выкупить оригинал и хранил его у себя дома.

---

[197] Примечания: 197
Бок, Ханнес. Письмо Джеку Гэану от 14 декабря 1963 г.

[198] Примечания: 198
Желязны, Роджер. Письмо Неду Бруксу от 6 июня 1965 г.

«…И зовите меня Конрад» / «Этот бессмертный»

К середине 1964 года, когда «Розу для Екклесиаста» номинировали на «Хьюго», а такие значимые работы как «Придающий форму», «Двери лица его, пламенники пасти его» и «Сердце — кладбище» уже были опубликованы или ждали выхода, Желязны достаточно освоился с повестями, чтобы подступиться к роману. Он был профессиональным писателем чуть больше двух лет, когда начал писать текст, который в сериальной журнальной публикации станет называться «…И зовите меня Конрад». К этому времени он достиг такой популярности, что издатели сами начали интересоваться его первым романом — например, в письме, присланном издательством Doubleday *по собственной инициативе,* прямо говорилось: «Я слышал, что у вас есть научно-фантастический роман, и очень хочу рассмотреть его для публикации» [199]. Однако запрос от заинтересованного издателя еще не гарантирует выхода книги.

Желязны закончил «…И зовите меня Конрад» в конце 1964 года и отправил в *The Magazine of*

---

[199] Примечания: 199
Селдес, Тимоти. Письмо Роджеру Желязны от 2 ноября 1964 г.

Fantasy & Science Fiction. Редактор Эдвард Ферман с энтузиазмом принял его к публикации, попросив внести несколько правок: «В первой части (как можно раньше) вам очень нужна страничка-другая экспозиции, в которой более отчетливо будут прописаны прошлое Конрада и конфликт Рэдпола-Веганцев-Возвращенцев. Всего лишь более тонкое повторение того, о чем говорилось в синопсисе. На данный момент первая часть (прочитанная в отдельности) дает читателю слишком зыбкое понимание общей картины. Для сериальной публикации совершенно необходимо, чтобы читатель был полностью увлечен первой частью. Во-вторых и в-последних (постарайтесь не морщиться), мы хотели бы сократить текст… для наших целей придется вырезать около 5000 слов (от 15 до 20 страниц)… Я искренне верю, что это пойдет сюжету на пользу. Если вы предпочтете предоставить сокращение нам, я с радостью этим займусь, хотя мы, конечно же, предпочитаем, чтобы любые правки вносились автором» [200].

Желязны сократил текст и добавил предысторию Рэдпола в отрывок, начинающийся с «В попытках воссоздать…» и заканчивающийся сло-

---

[200] Примечания: 200

Ферман, Эдвард Л. Письмо Роджеру Желязны от 27 октября 1964 г.

вами «Дни Карагиозиса миновали» [201]. Получив отредактированную Желязны версию, Ферман объявил: «Потребуются еще небольшие сокращения, и я буду рад их сделать» [202]. Лишь позднее Желязны обнаружил, что из рукописи были вырезаны двенадцать тысяч слов вместо обещанных пяти. «…И зовите меня Конрад» был опубликован в сокращенном варианте в октябрьском и ноябрьском номерах *The Magazine of Fantasy & Science Fiction* за 1965 год. Можно спорить о том, пользу или вред принесли роману правки, однако сокращенная версия была достаточно популярна, чтобы поделить с «Дюной» Фрэнка Герберта первое место в номинации «Лучший роман» на премии «Хьюго» 1966 года.

Принимая к публикации «…И зовите меня Конрад», Ферман упомянул, что внештатный редактор *F&SF* Роберт П. Миллз также является известным литературным агентом. Ферман добавил: «Мне кажется, он сумеет найти для этой книги издателя. Если это вас интересует, дайте

---

[201] Примечания: 201

Желязны, Роджер. «И зовите меня Конрад, часть 1» *(…And Call Me Conrad, Part One). The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, 1965 г.; т. 29, № 4, № 173 (октябрь), стр. 5–57.

[202] Примечания: 202

Ферман, Эдвард Л. Письмо Роджеру Желязны от 30 ноября 1964 г.

мне знать, и я вас с ним свяжу» [203]. Так он и сделал, и Роберт Миллз стал первым агентом Желязны на короткий срок, за который были опубликованы «Этот бессмертный», «Творец снов» и сборник «Четверка на завтра» (*Four for Tomorrow*). Путь «…И зовите меня Конрад» к книжному изданию оказался трудным, хотя такого легендарного количества отказов, как «Дюна» Фрэнка Герберта, он не собрал. За девять месяцев книгу отвергли New American Library, Doubleday, Berkley, Simon & Shuster, Paperback Library, Pyramid и Tower [204]. Такой результат неудивителен для первого романа писателя, который публиковался в фантастических журналах и еще не успел завоевать крупных премий. В конце концов «…И зовите меня Конрад» был принят к публикации в издательстве Ace Books 16 сентября 1965 года, незадолго до своего появления в *F&SF*. Ace предложило аванс в 1500 долларов (примерно 8000 долларов по курсу 2008 года) [205].

Формально несокращенный «…И зовите меня

---

[203] Примечания: 203
Ферман, Эдвард Л. Письмо Роджеру Желязны от 27 октября 1964 г.

[204] Примечания: 204
Миллс, Роберт П. Письмо Роджеру Желязны от 17 сентября 1965 г.

[205] Примечания: 205
Там же.

Конрад» стал первой книгой Желязны и был опубликован Асе под выбранным издательством (а не самим автором) названием «Этот бессмертный». В число рабочих названий также входили относительно неудачные «Размышляя о моей Земле» и «Прощай, мой милый, прощай, Конрад» [206]. Более полный текст «Этого бессмертного» привел читателей к ошибочному заключению, что журнальную версию расширили для книжной публикации, хотя на самом деле все было наоборот: редактор сократил книгу для публикации в *F&SF*. К сожалению, не весь вырезанный материал был восстановлен для издания в Асе, но Желязны заметил это лишь более двадцати лет спустя, когда перечитывал текст для издания в Book Club. Он объяснил: «Я многие годы не осознавал, что у меня недостает нескольких сцен, пока книгу не решило переиздать SF Book Club и их редактор не сообщил мне, сравнив журнальную и книжную версии, что в романе потеряна куча текста, и не спросил, не могу ли я пройтись по нему и создать окончательную его

[206] Примечания: 206

Желязны, Роджер. «…И зовите меня Конрад», итоговая версия рукописи, 1965 г.

версию» [207]. Автор данной монографии сравнил электронные тексты сокращенной версии из *F&SF* и варианта Ace Books и обнаружил, что в издании Ace на 10 000 слов больше. Цифровой текст издания Book Club доступен не был, но, судя по всему, он длиннее версии *F&SF* как минимум на 12 000 слов. При этом фрагмент, в котором излагается история Рэдпола — добавленный в версии *F&SF* — оказался забыт и не появился *ни в одной* книжной публикации «Этого бессмертного».

Оригинальный журнальный вариант «...И зовите меня Конрад» — тот вариант, который завоевал «Хьюго», — будет напечатан в этом собрании вместе с необычным промежуточным «Синопсисом», в котором Конрад пересказывает события первой части от первого лица. Послесловие к первой части включает в себя некоторые мысли Желязны относительно сотворения Конрада, а также стратегий, которыми он пользовался при написании своего первого романа.

Желязны быстро понял, что за рассказы платят мало, а роман может обеспечить серьезную прибыль (включающую роялти, доход от продажи прав в другие страны и переизданий), которая

---

[207] Примечания: 207
Хитли, Алекс Д. Интервью с Роджером Желязны.

позволит ему заниматься исключительно писательским трудом. Это привело ко второму компромиссу, который он считал необходимым для поддержания писательской карьеры: сосредоточению на романах вместо малой прозы. Желязны решил уволиться с работы, как только прибыль от книг сравняется с зарплатой, которую ему платили в Администрации социального обеспечения.

Устраиваясь в кресле

К этому времени Желязны уже обзавелся необычной привычкой писать, сидя в кресле, закинув ноги на стол, с блокнотом или портативной пишущей машинкой на животе. Он никогда не чувствовал себя удобно или расслабленно, сидя за письменным столом, — это ощущение сохранилось у него еще со времен напряженных дней, проходивших за школьными партами. Позднее он объяснил редактору Дэвиду Хартвеллу, что считает, будто сидя с вытянутыми и поднятыми вверх ногами, он избежит варикоза, появляющегося у многих писателей в результате

долгого сидения за столом [208]. Работая в Администрации социального обеспечения, Желязны вынужден был писать поздними вечерами. Сделав писательство своей основной профессией, он все равно оставался совой. Порой он писал днем, после разбора почты, но бо`льшая часть работы происходила по вечерам и часто затягивалась до часу или двух часов ночи.

Премии:

Номинация на «Хьюго» за короткую повесть «Роза для Екклесиаста».

[208] Примечания: 208

Хартвелл, Дэвид Г. Электронное письмо доктору Кристоферу Ковачу от 10 ноября 2008 г.

Редкости

Выплата под условием

Фэнзин *Thurban I*, № 3, август-сентябрь 1953 г.

Позвольте представиться: Карл Сэмсон из «Универсальной страховой», до недавнего времени — житель Нью-Йорка. Специализация: жизнь и кражи. Работаю в Универсальной уже почти девять лет — два из них пришлись на Экспансию, когда наши полисы были очень полезны для того, чтобы заделывать дырки в ботинках, служить подкладкой в пустых карманах et cetera. Особенно et cetera. Но с тех пор мы вновь встали почти вровень с главными игроками, то есть со «Страховой компанией Трента» и «Народным фондом».

Экспансия — возведение земных городов на Венере — ударяла по маленьким компаниям гораздо сильнее, пока не столкнулась с зеленой малярией, «трясучкой» и еще парочкой болезней. Лишь недавно обстановка с обоих концов устаканилась достаточно, чтобы страховые риски вновь стали приемлемыми. Так я сюда и попал.

«Универсальная» хотела опередить Трента

и «Фонд», поэтому наш офис открылся здесь первым, несколько недель назад. Ваш покорный слуга был назначен менеджером по продажам, и дела у нас шли неплохо, а потом я провернул сделку, о которой будут говорить еще долгие годы. Но я забегаю вперед.

* * *

Шагая по опаленному песку посадочной площадки, я впервые ощутил вкус Венеры — показавшийся мне полноценным обедом. Сколько бы туристы ни рассказывали о том, что на Венере воздух тяжелее, а гравитация слабее, веришь им с трудом, пока не испытаешь это на себе.

Не сделав и двадцати шагов, я начал задыхаться; земля, казалось, качалась с каждым моим вдохом. А потом набросилась на меня, угольно-черная с бурыми крапинами.

Я валялся на ней и ругался, пока один из работников космодрома не помог мне подняться. Ростом он был, должно быть, шесть футов с лишним — дюйма на три выше меня. Мои ноги и легкие не справлялись со своей задачей, но мощная ручища, обхватывавшая меня за плечи, удерживала землю на положенном месте.

— Тебе разве не сказали поначалу быть осто-

рожнее? — спросил он.

Я кивнул и выплюнул песок.

— Такой, как ты, в каждой партии находится, — сообщил он. — Сигаретку?

Он достал пачку, а я вымучил улыбку, поблагодарил его и взял сигарету.

— Джоэл, — представился он, чиркнул спичкой, пламя которой взметнулось дюйма на четыре, и зажег сигарету. Я глубоко затянулся, несколько раз кашлянул и ответил:

— Рад с тобой познакомиться, Джоэл. Карл Сэмсон, страховой агент.

Я поднял с земли свой обшарпанный чемоданчик и стряхнул венерианский песок туда, где ему полагалось лежать.

— Ты давно тут? — спросил я, направившись к бетонной дорожке.

Джоэл поравнялся со мной и пожал плечами:

— С начала Экспансии. Лет шесть. Где офис откроешь — или ты в одиночку работаешь?

Я покачал головой:

— Ребятам из «Универсальной» положены штаб-квартиры — здесь она будет на Данвер-стрит.

Я остановился и взглянул на стоящие впереди дома. Когда мы отошли от посадочной площадки,

по обе стороны дорожки возникла поразительно настоящая трава. На контрасте с ее близкой реальностью здания в отдалении напоминали мираж в жарких волнах утреннего солнца.

Ворота космодрома были открыты, и я остановился отдохнуть, прислонившись к серой каменной стене. Откуда-то возник смуглый местный мальчишка и встал рядом с моим чемоданом.

— Что ж, — Джоэл махнул на стоявший на площадке серебристый корабль, — мне пора идти помогать с заправкой. Я к тебе загляну, когда в следующий раз буду в городе. — Он протянул мне руку и снова широко улыбнулся. — Может, направлю кого-нибудь — за агентскую комиссию, конечно.

Я пожал ему руку и ответил такой же улыбкой:

— Обязательно, но позволь тебя предупредить. Мы вычеркиваем из полисов сторонних агентов пункт «внезапная смерть по неестественным причинам». — Я повернулся и пошел следом за мальчишкой-носильщиком.

* * *

Офис был открыт уже две недели, и хотя нельзя было сказать, что у нас нет отбоя от клиентов,

дела шли неплохо и бизнес потихоньку развивался.

По мере того, как продажи росли, а мои комиссии увеличивались, я чувствовал себя все лучше и лучше. А потом, однажды утром, в моем офисе возник Джоэл со своим приятелем…

* * *

В сравнении с этим высоченным темнокожим господином, чья улыбка походила на клавиатуру фортепиано, мы казались бледными. Я улыбнулся ему, отчасти в качестве приветствия, а отчасти — из-за футболки с ярко-оранжевыми, горчичными и темно-синими абстрактными узорами, в которую он был одет. Она выбивалась из-под бурых шорт длиной по колено, а на массивных ступнях у него были желтые плетеные сандалии.

Джоэл помахал мне рукой:

— Привет, Карл. Я ведь обещал, что загляну, когда буду в городе или смогу подыскать тебе клиента.

Я отложил пачку отчетов о продажах и встал.

— Доброе утро, Джоэл. Какая же из этих причин тебя сюда привела и кто твой друг?

Он указал на темнокожего субъекта, проверявшего на прочность все стоявшие в комнате

кресла.

— Обе. Это Тане, вождь хуамба, и его интересует страховка. Вождь!

Тане оторвался от своего строительного проекта. Он уложил друг на друга три кресельные подушки и проверял их способность сохранять равновесие.

— Тане, я хочу познакомить тебя с Карлом Сэмсоном.

Я протянул руку, которую немедленно ухватили и затрясли, как ручку водяного насоса.

— Очень рад с вами познакомиться, мистер Карл.

— И я тоже рад нашему знакомству, вождь Тане. — Я отнял у него свою слегка покалеченную руку и жестом предложил обоим сесть. — Надеюсь, «Универсальная страховая» сможет быть вам полезна.

Он снова сверкнул своей клавиатурой.

— Хочу страховку.

— Хорошо, — сказал я. — Мы предлагаем разные варианты: от несчастных случаев, от кражи, страховку жизни. Какая вам интересна?

— Жизни. Хочу страховку жизни.

Я присел на край стола и зажег сигарету. Вождь не курил, а у Джоэла уже была своя.

— И на какую сумму вы хотите ее застраховать? — поинтересовался я.

Он на мгновение наморщил лоб, а потом снова просветлел.

— Тыщадолларов.

— На тысячу долларов, — повторил я. — Вы вождь племени, насчитывающего две с половиной тысячи человек, а значит, довольно влиятельная личность в этих местах. Возможно, тысяча долларов — не самая оптимальная сумма. — Я быстро оборвал себя. — Не поймите меня неправильно. Я не пытаюсь вам ничего навязать. Я просто высказываю предложение.

Джоэл хотел было что-то сказать, но Тане объяснил на своем венерианском диалекте английского:

— Не, эт не для меня страховка на тыщудолларов. Хочу страховку для всех хуамба по тыщедолларов на каждого.

* * *

Я едва не навернулся со стола, когда понял, что он имеет в виду. Групповая страховка для целого племени!

На минуту эта мысль захватила меня, но только на минуту. Это будет семь с половиной баксов

с головы — стандартная такса — и десятипроцентная комиссия для меня — тоже стандартная такса. Итого… Но какой смысл мучить свою ментальную записную книжку? У меня и так неплохо шли дела. А идея страховать живущих в глуши аборигенов, дикарей, у которых ожидаемая продолжительность жизни — что-то в районе двадцати лет, — была абсурдна сама по себе. Не желая оскорбить ничьи чувства, я решил попробовать старую-добрую тактику продажников — вечное откладывание на потом.

— Идея хорошая, но для начала нам потребуется большая подготовительная работа. Нужно будет выяснить ваш коэффициент смертности, среднюю продолжительность жизни, какие у вас болезни и естественные враги, — и я закончил, торжественно взмахнув сигаретой: — И так далее.

Это оказало на Тане желаемый эффект, и я понял, что смогу отвратить его от этой идеи. Но потом случилось то, чего я не предусмотрел. Должно быть, желание получить комиссию засело в голове у Джоэла так крепко, что он провел кое-какие исследования.

— Экспедиция Бейкера, — начал он, — собрала и занесла в архив очень много статистических дан-

ных. У меня с собой есть кое-какие копии. — Он вручил мне большую бумажную папку. — Взгляни на них, — продолжил он. — Они очень неожиданные.

Я взял протянутую мне папку, не зная, что сказать. Когда я просмотрел лежавшие в ней бумаги, я все еще не знал, что сказать, — они были очень неожиданными.

— Да у них же смертность ниже, чем в среднем земном городе тех же размеров!

— И это еще не все, — довольно сказал Джоэл. — Вокруг нет никаких враждебных племен и почти никаких опасных зверей. Идеальный расклад. Что думаешь?

Я сказал, что пока еще ничего не думаю, и продолжил читать. В их существование было сложно поверить. Мирный, здоровый народ с низкой смертностью. Хорошие страховые риски, если цифры не врали. Однако… ну, «одно местное племя (хуамба)» — это не тот пункт, который хочется видеть в своем списке продаж.

И тем не менее это было соблазнительно. Лишняя сделка никогда не помешает, а если эта статистика верна, мы сорвем куш.

Я сложил бумаги и убрал их обратно в папку.

— Звучит чертовски интересно. Но мне, есте-

ственно, не хочется оказаться крайним, если что-то пойдет не так. Вот что: я направлю к вам инспектора, и если он подтвердит эти данные, я обсужу сделку с другими директорами.

Похоже, эти слова не показались вождю попыткой отвязаться. Собственно, они ею и не были. Вместо того, чтобы сказать, куда он может пойти с этой безумной затеей, я заинтересовался сделкой. Джоэл затушил сигарету в пепельнице на подлокотнике кресла и встал.

— Ну, тогда, видимо, на сегодня все. — Он зевнул. — Как твое здоровье?

Я придавил папку пресс-папье и сделал пометку, что нужно отправить инспектора в поселок хуамба.

— Мое здоровье? Я ем, пью, сплю и дышу довольно регулярно.

— Ай-ай-ай, — протянул он. — К счастью, мне известно лекарство. На Люсайт-стрит есть местечко, где смешивают лучшие коктейли на планете. — Он усмехнулся этой маленькой шутке — на Венере было всего два или три бара. — И атмосфера тоже высший класс. Лучшее средство для твоего случая.

* * *

И мы отправились в «Мараскино», чтобы опробовать это его лекарство. Все еще вращая в голове идею групповой страховки хуамба, я пообещал Джоэлу двадцать процентов своей доли и сказал Тане, что скоро с ним свяжусь. После чего окунулся в атмосферу.

Два дня спустя Максвелл Карвенн, седовласый и очкастый врач, предоставил мне отчет. Те же самые чувства, что и по прочтении бейкеровских данных, — все сходилось.

Еще через два дня последовало совещание с директорами, которые дали добро на сделку, переложив, однако, окончательное решение на меня. Поэтому я не без сомнений поставил свою подпись под договором.

Сомнения улетучились, как только я получил свою комиссию. Сперва я не был уверен, что аборигены могут собрать страховой взнос, однако они разбогатели, продавая права на добычу ресурсов на своей территории, и, не умея экономить, решили потратить то, что у них осталось, на эту последнюю роскошь.

Я отдал Джоэлу пятую часть своей доли и отметил новую веху в истории страхования в той же

самой атмосфере.

* * *

Месяц спустя началась великая венерианская засуха, которая, говорят, приходит раз в десять лет, и подспудные страхи вернулись, прихватив с собой всех своих друзей.

Было прохладное воскресное утро, и Карвенн, к тому времени сделавшийся закадычным приятелем Тане, пригласил меня навестить с ним поселок. Венерианская календарная система — штука сложная, но воскресенье все равно оставалось для меня днем отдыха, а я всегда любил проводить время отдыха приятно. Поэтому, предвкушая расслабленную прогулку, я согласился.

Выйдя из джипа, я застегнул свое пальто из пластиковой шерсти, и мы зашагали по центральной улице поселка навстречу холоду.

[Окончание в следующем месяце]

Слово Желязны

«Впервые интерес к фантастике во мне пробудили истории о докторе Дулитле в первом или втором классе; в раннем детстве я был фанатом фэнтези. Потом, в шестом классе, я наткнулся на

роман [Джона Кира Кросса] «Сердитая планета» (*The Angry Planet*). Мне тогда было одиннадцать. Это было мое первое столкновение с научной фантастикой. [Впоследствии] я перечитал всю научную фантастику, которая имелась на полках школьной библиотеки. Всего Хайнлайна и остальное… Потом мой друг — которому тогда было около пятнадцати — продал рассказ Рэю Палмеру. Я прочитал этот рассказ и подумал: эй, а ведь я пишу лучше него. Надо тоже попробовать. Я попробовал, и у меня не получилось. Я получил кучу отказов. Я написал сотни две рассказов, и все они были отвергнуты» [209]. «Я послал свой первый рассказ, подражание Рэю Брэдбери, Джону В. Кэмпбеллу [редактору *Astounding Science Fiction*], который не покупал рассказы даже у самого Рэя Брэдбери. Невинность» [210].

Примечания

Этот рассказ — самый ранний из уцелевших образцов прозы Желязны того периода; он был опубликован в 1953 году, в фэнзине *Thurban I*,

---

[209] Примечания: 209
If, январь 1969 г.

[210] Примечания: 210
Джейн Линдсколд. «Роджер Желязны», 1993 г.

редактором которого был Уоррен Деннис, а соредактором — Желязны. У Денниса не хватило средств и бумаги, чтобы целиком опубликовать рассказ в том выпуске, поэтому напечатанные слова «продолжение на следующей странице» были перечеркнуты, и под ними от руки было написано «окончание в следующем месяце». К сожалению, Денниса призвали в армию; он больше не выпустил ни одного номера фэнзина, а окончание рукописи было утеряно [211],[212].

[211] Примечания: 211
«Янтарные грезы», 1983 г.

[212] Примечания: 212
«Роджер Желязны: первичная и вторичная библиография», 1980 г.

Рука хозяина

Рассказ написан в начале 1960-х; скорее всего, прежде не публиковался

Я пожал всем руки и покинул зал сената. Снаружи отмахнулся от журналистов и направился к своей машине. Но прежде чем я успел до нее добраться, маленький толстенький человечек поприветствовал меня, заставив застыть на месте. Я повернулся и улыбнулся подобающей моменту улыбкой, однако позвоночник мой обратился в желе.

Он говорил на идеальном итальянском, на диалекте, который мы оба знали, вот только диалект этот не был актуален веков уже примерно пять.

— Да, что я могу для вас сделать? — спросил я его по-английски.

— Сенатор Блейн, — сказал он, — вы меня, скорее всего, не знаете. Но у вас есть доступ к документам под грифом «Совершенно секретно», поэтому я советую вам прочитать этот отчет. Он очень важен. А еще я советую вам посетить мой кабинет ровно через неделю, в восемь вечера.

Когда вы закончите с отчетом, вы, возможно, поймете, кто я такой.

После чего он исчез, а я остался стоять с еще одним дипломатом в руках, уже зная, кто он такой.

Пол Винсент, директор СТАР, крупнейшего мозгового центра в этой стране.

Он что?..

Нет.

Но тогда…

Нет. Это было невозможно.

Но тогда кто они такие?

Я сел в машину; был 1998 год от Рождества Христова, и впервые за долгое время я боялся.

Он знал, он что-то знал — и где он научился тем словам, которые сказал?

Я знал, что не пропущу назначенную мне встречу.

* * *

Меня провели в его огромный офис, и я не остановился, чтобы полюбоваться обстановкой. Он сидел за большим столом с мраморной столешницей и поприветствовал меня — «Сенатор Блейн», — а потом прервался, чтобы зажечь сигарету.

— Добрый вечер, — ответил я.

— Надеюсь, вы в добром здравии.

— Не жалуюсь.

— Хорошо. Вы знаете, зачем вы здесь? — спросил он.

— Какое «здесь» вы имеете в виду?

— В моем офисе, сейчас.

— Нет, — ответил я. — Я прочел отчет Сандерсона, — тут я положил его на стол Винсента, а сам сел в кресло слева, — и я не двенадцатый, поверьте мне. Мой случай совсем иной.

Винсент улыбнулся; у него были слегка торчащие зубы, очки с толстыми линзами и соломенные волосы. Лицо его было большим и красным, глаза — темными. Он определенно не выглядел как Великий Мыслитель, которым его считали.

— Значит, вы не знаете, зачем вы здесь, — проговорил он. — Я думал, что вы можете догадаться. Прежде всего вы здесь, чтобы я мог поблагодарить вас за то, что вы обеспечили прохождение билля о космических зондах, который только что был принят обеими палатами.

— Постойте, — сказал я, неожиданно оценив игру. — Одна деталька наконец встала на место. Вы — мой благодетель, человек, которого я искал почти три года, — и здесь я перешел на язык, который мы оба знали. — Умирая, я гадал,

существует ли жизнь после смерти. И гадаю до сих пор, потому что после недолгой ужасающей боли и того, что показалось мне мгновением темноты, я пробудился в теле сенатора Блейна. Это не могла быть реинкарнация, потому что я был уже взрослым, совершенно дезориентированным, и не знал местного языка. Но меня научили английскому, с айовским акцентом, научили водить машину, смешивать мартини, включать телевизор и переключать каналы. Меня научили современным танцам. Меня ввели в курс политических интриг образца двадцатого века и отправили обратно в сенат. Мне велели сказать, что я приходил в себя после легкого сердечного приступа. Эту историю приняли. Тот человек, что таким странным образом спас меня и перенес в это время, попросил меня лишь об одном. Он попросил обеспечить прохождение билля, подготовленного моим комитетом. Помимо этого, мои наставники не сказали мне ничего. Позже, попытавшись их найти, я не обнаружил ни единого следа их существования. Но то, что вы сейчас меня поблагодарили, означает, что вы — тот человек, которого должен поблагодарить *я.*

Он кивнул.

— Очень хорошо, — сказал он, — и не стоит

благодарности.

— В отчете Сандерсона, — продолжил я, — говорится о том, что фонд СТАР должен обладать средствами, с помощью которых меня сюда перенесли.

— И вы все еще не знаете, кто я такой? — спросил он.

— За минувшую неделю, — сказал я, — я прочитал о вас все, что только можно найти. Вы были — да простится мне это выражение — босяком с Бауэри, но двенадцать лет назад внезапно поступили в технический колледж и начали зарабатывать на жизнь живописью. Вы хорошо себя проявили, а после выпуска создали первый рабочий способ перемещения быстрее скорости света. После этого вы вступили в фонд СТАР и быстро сделались его директором. За минувшие годы вы отвечали за разработку десятков сложнейших устройств. Широко известно, что вы выступали за принятие билля о космических зондах, благодаря которому будут выделены средства на исследование космоса за пределами нашей солнечной системы с помощью кораблей, оснащенных вашими двигателями. Все это складывается в единую картину, но о вас лично я больше ничего не знаю.

— Вспомните отчет Сандерсона, — сказал он, и я вспомнил, и там нашлась еще одна частичка ответа.

— Двенадцать лет назад было выдвинуто предложение, поскольку обнаружены убедительные доказательства существования жизни на одной из планет ___й системы, но у нас нет возможности посетить этот мир вживую, возможно применять иной метод. А именно — перемещать сознания, или души, или как еще это можно назвать, индивидуумов, обитающих на этой планете, и заменять их сознаниями наших добровольцев. Таким образом эти люди могут получить сведения о местной культуре, после чего будут возвращены сюда для доклада. Возник вопрос о том, насколько человек способен адаптироваться к чуждой культуре, и было решено провести эксперимент. Разработанное для этих целей устройство было способно проницать не только пространство, но и время. Дюжину человек, живших несколько веков назад, перенесли со смертного одра в 1986 год и просто выпустили в мир, чтобы, наблюдая за ними, определить, смогут ли они адаптироваться к нашей современной культуре. Одиннадцать из них сошли с ума, а двенадцатый исчез. Эксперимент признали провальным, засекретили и

сдали в архив. А потом появились вы с альтернативным способом достижения звезд. Итак…

Я прервался, тоже закурил, и продолжил:

— Еще дюжину лет назад вы были никем. Вы — двенадцатый.

Винсент широко улыбнулся и хмыкнул.

— Старая добрая смекалка янки, — сказал он. — Лишь заняв пост директора СТАР, я узнал об отчете Сандерсона и понял, как очутился в этом месте и этом времени. После чего получил доступ к устройству. Оно было довольно примитивным и могло переносить лишь души случайных умирающих людей. Я значительно улучшил его, чтобы получить возможность выбирать тех, кто мне нужен.

— Понятно.

[конец отрывка]

Слово Желязны

Этот рассказ был написан в начале 1960-х, и хотя Желязны был уверен, что опубликовал его в некоем фэнзине, он так и не сумел вспомнить ни названия фэнзина, ни имени его редактора, ни даты публикации [213]. Возможно, что он оши-

---

[213] Примечания: 213
«Янтарные грезы», 1983 г.

бался, и в таком случае это первая публикация рассказа. Все, что от него осталось — рукопись, хранящаяся в архиве Желязны в Сиракузском университете; концовка отсутствует.

Примечание переводчика

Бауэри — улица и одноименный район Нью-Йорка, с конца девятнадцатого по конец двадцатого века отличавшиеся большим количеством нищих, бездомных и алкоголиков и служившие символом бедности и неприкаянности.

Великий шелки залива Сан-Франциско

Пьеса писалась в 1965–68 годах; не закончена, прежде не публиковалась

Место действия: кофейня в Сан-Франциско. Голоса; звон посуды; звуки гитары. Где-то на заднем плане голос начинает петь старую балладу «Великий шелки СулСкерри»:

На суше облик мой – людской,
А в море – серый шелки я,
И воды подле Сул-Скерри —
Мой дом, а вовсе не земля.

(Голос певца растворяется в шуме)

1-й голос: (*Звенит чашкой.*) …Двадцать один. (*Пауза. Звук глотка. Вновь звенит отставленная чашка.*) …И двадцать два.

2-й голос: Ты чего считаешь, чувак?

1-й голос: Ходы.

2-й голос: (*Пауза.*) И кто это так интересно ходит, что ты аж счет этому ведешь?

1-й голос: Ходы вон в той шахматной партии.

2-й голос: Какой? А. Да, вижу. Дэн и тот здоровый бородач. (*Пауза.*) Хотел бы я отрастить такую бороду. Но не могу. Каждый раз, когда пытаюсь, она вырастает какая-то клочковатая. А у него она… почти зеленая. (*Торопливо.*) Нет, желтая. Это свет на нее так падал. Но я бы и от зеленой бороды не отказался. Вот это был бы номер, да?

1-й голос: Ага, цирковой. (*Пауза.*) Двадцать три…

2-й голос: Слушай, чувак… а зачем ты считаешь ходы?

1-й голос: Чтобы понять, правду ли говорил этот бородач.

2-й голос: О чем?

1-й голос: Он сказал, что выиграет партию за двадцать шесть ходов. Но я не понимаю, как он может это сделать.

2-й голос: У него не получится. Дэн — мастер. Разве что этот мужик — русский. Они, говорят, *большие* мастера. Как думаешь, он русский?

1-й голос: Нет.

2-й голос: Вот и я так думаю. У него какой-то скандинавский, что ли, вид.

1-й голос: Ага. (*Пауза.*) …Двадцать четыре.

(Гитара становится громче. Вновь слышен голос певца.)

А в море, в море – серый шелки я,
И воды подле Сул-Скерри —
Мой дом, а вовсе не земля.

(Громкий аккорд.)

2-й голос: Двадцать пятый ход, да?

1-й голос: Точно, двадцать пятый.

2-й голос: …И пока что ничего. Погоди. Дэн сейчас сделает ход. Вот, он передвинул ладью.

Новый голос: Это твой ход?

Дэн: Ну так его за меня никто не делал. Следовательно, это *мой* ход.

Новый голос: А это — мой. Шах и мат.

Дэн: Как?.. (*Пауза.*) О. (*Пауза.*) О. Я… вроде как… не замечал… этого слона…

Новый голос: А теперь заметил?

Дэн: Увы, дело обстоит именно так.

Новый голос: Значит, ты проиграл, а я победил — за двадцать шесть ходов.

Дэн: Их было не двадцать шесть.

1-й голос: Нет, чувак, их было двадцать шесть. Я считал.

Новый голос: Это не важно.

1-й голос: Конечно, важно — важно, как ты это узнал.

Новый голос: Это было предрешено до начала

игры.

1-й голос: В каком смысле?

Новый голос: В том, в котором я это сказал. Еще до того, как он родился, было предрешено, что в этот день он сядет играть в шахматы с более умелым игроком и проиграет за двадцать шесть ходов.

Дэн: И откуда ты это знаешь?

Новый голос: Иногда мне открываются такие вещи. Но это на самом деле тоже не важно. То, что я вижу отчетливо, я менять не хочу. Того, что мне может захотеться изменить, я никогда не вижу отчетливо.

2-й голос: О чем это он?

1-й голос: О жизни, типа. (*Пауза.*) А как тебя зовут?

Новый голос: Меня зовут Генри Мейлер, *чувак*.

1-й голос: Когда ты произносишь слово «чувак», чувак, ты словно о другом биологическом виде говоришь.

2-й голос: А может, так оно и есть.

Новый голос: Где Пегги? Я пришел увидеться с Пегги. Разве она обычно не заходит сюда примерно в это время?

1-й голос: Пегги? Какая еще Пегги? Никогда о ней не слышал.

2-й голос: Я тоже.

Новый голос: Возможно, она сменила имя. Она высокая и темноволосая, у нее очень зеленые глаза, и они то печальны, то радостны, то снова печальны, как море осенью.

2-й голос: Ты поэт, чувак?

Новый голос: Нет.

2-й голос: Жалко. У тебя для этого подходящее имя. Но что касается твоего вопроса — нет, я такой Пегги не знаю.

1-й голос: Но под это описание подходит Лиз.

Дэн: Лиз — блондинка.

1-й голос: Она красится.

Дэн: А почему ты ищешь ее здесь?

Мейлер: Я знаю, что она сюда ходит.

Дэн: А кто она тебе?

Мейлер: А тебе какое дело, кто она мне?

Дэн: Научное любопытство, типа.

Примечания

Желязны начал и забросил эту радиопьесу в 1960-х. В ней рассказывается о шелки, морском народе из шотландской и ирландской мифологии. Шелки способны сбрасывать свои тюленьи шкуры и притворяться людьми, но обычно это приводит к печальным последствиям для всех,

включая их самих. Миф о них пересказывается в старой народной балладе «The Great Selkie o'Sule Skerry» («Великий шелки Сул-Скерри»); одну из ее версий популяризировала в 1960-х Джоан Баэз. В балладе рассказывается о земной женщине, ставшей любовницей шелки; в пьесе Желязны эту земную женщину зовут Пегги, а Генри Мейлер, судя по всему, тот самый шелки, который ее разыскивает.

Неизвестно, почему Желязны не закончил эту пьесу. Он вернулся к тому же самому мифу в рассказе «Увы! Увы! Ужасная судьба», который входит в третий том этого собрания.

Упражнения в спасибтельстве

Рассказ написан в 1964 или 1965 году для «Архива»; прежде не публиковался

I

Когда Ёк впервые за двадцать лет ввалился в «Зипеновый подвальчик Грены», почти одновременно случились две вещи. Сначала его поразил вид сидевшей за столиком до странного человекоподобной личности — беспрецедентный феномен! — а потом крошечный гремлин соскочил со стула и бросился к нему, стуча когтями по стойке бара.

Ёк выхватил свою опухай-пушку, но потом узнал Сэма Мокроту, который присел перед ним на корточки, пуская ихоровую слюну.

— Ёк, мон! Гдетебяносило? През вас со Жлязом десять лет ищет!

— Вот как? Срочное дело, что ли? — Ёк небрежно вытащил огромную пачку банкнот и швырнул одну из них на стойку. — Всем за мой счет, — громко объявил он.

У стойки немедленно сгрудилась толпа, из которой Мокрота ловко извлек галлоновый жбан зипены. Он поскакал по столам, одолевая по десятку футов за раз, в сторону углового полукабинета. Ёк последовал за ним.

Мокрота завалился на стол, зажал жбан между ног, и бурая жидкость с бульканьем полилась в его кровавого цвета глотку. Ёк выхватил жбан и надолго приложился к нему.

— А ты щедрый, — заметил Мокрота, махнув рукой на толпу пьяниц.

— Вот уж нет. Просто иначе тут места было не найти.

— И, кстати, пачечка гардов у тебя была солидная.

— Что так, то так. Я капитанил в двадцатилетнем грузовом перелете до Веги, да вдобавок еще и поучаствовал в одной войнушке. Денег у меня теперь — завались.

— А мне вроде помнится, что ты улетал на пустом корабле.

— Зато когда я прибыл на место, — Ёк злодейски ухмыльнулся, — он был полным.

— А Жляз где?

— Я его в последний раз еще до отлета видел. Слушай, удовлетвори мое любопытство. Это там

человек помогает пропивать мои деньги или нет?

Сэм бросил короткий взгляд в ту сторону.

— Нет, — заключил он. — Не знаю, что он такое, но ни один человек не способен выпить зипены и выжить. Он пьет зипену, следовательно, он не человек.

— Принеси-ка еще жбанчик и спроси, не присоединится ли он к нам.

«Воистину, такое любопытство нападает на меня раз в сто лет», — подумал Ёк.

Вскоре он узнал, что человекоподобного гиганта героических пропорций, сидящего напротив, зовут Адон, и он на мели.

— Почему ты так выглядишь? Или, если точнее, не профессиональное ли это заболевание?

— Что-то вроде, — ответил Адон. — Я был мелким божком плодородия в Малой Азии, пока там не начали резвиться большие парни вроде Диониса и Приапа. Они выдавили меня из бизнеса.

— А как шел бизнес?

— Жаловаться было не на что. Главное — освоиться, а дальше работа будет однообразной, но очень веселой. К тому же я способствовал религиозному благосостоянию человеческого общества. — Он жадно отхлебнул еще немного

бесплатной зипены. — У вас нет знакомых, которым нужен опытный бог плодородия?

— Не припомню. — Ёк допил свою зипену и встал. — Что ж, приятно было с тобой познакомиться, Адон, и все такое прочее. — Он выбрел наружу.

Мокрота последовал за ним.

— К Презу идешь?

— Нет. Мне нужно нанести важный визит.

— Он взбесится, если ты первым делом не встретишься с ним.

Полминуты посмеявшись, Ёк ушел.

Мокрота занырнул в сточную канаву и снова его догнал.

— Э-э, а если *он сам* захочет тебя найти и будет спрашивать, где тебя искать?

— Там же, где и Жляза.

— Но никто не знает, где сейчас Жляз.

— Ага.

Ёк зашел в воду главного канала и отвязал свою плоскодонку. Запрыгнул в нее и направился в сторону пещер на Озере Туманов.

— В его пещеру на Озере Туманов уже заглядывали, и его там не было. Остался только его слуга да кучка мелких фуродцев.

— Если ты в ближайшее время не вернешься

в «Подвальчик Грены», бесплатная зипена кончится.

Послышался торопливый перестук когтей, и когда Ёк обернулся, там, где стоял Сэм, осталась только дымящаяся лужица зеленой слизи.

А ведь он так и не спросил, кто такие фуродцы.

* * *

На пороге, служившем к тому же причалом, Ёка встретила Эйфелева башня с руками-кабелями и громкоговорителем.

— Ёк! — сказала Эйфелева башня.

Ёк согласился, что его зовут именно так, и ткнул пальцем себе за спину, на ступеньки, уходившие под курившуюся паром воду.

— Жляз внизу или внутри?

— Ни там, ни там, — ответила Эйфелева башня (которую звали Джеймс, в честь дворецкого-англичанина, однажды притащенного Жлязом из странствий и, к сожалению, так и не приспособившегося к местному климату).

— Не вешай мне провода на уши, Джеймс. Я — Ёк. Жляз сказал мне прийти на ужин в тот же день, когда я вернусь с Веги. Я вернулся.

— Я не получаю органического удовольствия от шуток, — оскорбленно ответил Джеймс. — Я не

могу сказать, где он. Примерно пятнадцать лет назад он оставил меня за главного и отправился прогуляться в Лабиринт. Я предполагаю, что он впал в спячку.

— Предполагает он! А если Жляз в трещину провалился? — (На самом деле Ёк не верил, что Жляз мог провалиться в одну из им же созданных трещин, и не стал бы сильно беспокоиться, даже если бы это было так, но механическое спокойствие Джеймса выводило его из себя.)

— Мне было недвусмысленно приказано…

— Приказано! Фигня какая! Ты никогда не добьешься успеха, Джеймс, если будешь только следовать приказам.

— …получать и архивировать входящие сообщения, встречать гостей и сообщать им, что Жляза нет дома, поддерживать порядок в лаборатории…

— Хорош! Мне наплевать, какие там у тебя приказы. Я иду в Лабиринт. Если кто спросит, меня здесь тоже нет.

— Вам понадобится карта.

— Еще чего! — Ёк утопал прочь.

* * *

Шестьдесят секунд спустя он снова был в прихожей. Вокруг него на задних лапах скакало штук сорок или пятьдесят покрытых желтой шерстью тварей ростом с фут, безостановочно завывавших что-то вроде «Пшелнахи! Пшелнахи!»

— Джеймс, — измученно проговорил Ёк, — ты не упомянул, что вы растите в Лабиринте питомцев.

— Это не питомцы. Это фуродцы.

— О, это все объясняет. Я зашел туда, и на меня наскочили тридцать тысяч фуродцев. Приятно знать, как они называются.

— Они там живут. Жляз вывел их в лаборатории и выпустил в Лабиринт. Они питаются грибами и выполняют его простые приказы. Что-то вроде телохранителей на время спячки.

— Миллионы телохранителей? Они там по головам друг у друга ползают и шумят как люди. И на кой ему телохранители в его собственной пещере?

— Ну, я предполагаю, что они телохранители. Быть может, их единственное предназначение — очищать стены от лишайника. Но машина в лаборатории продолжает штамповать их по

пятьдесят штук в день, поэтому я предположил, что ему понадобилась небольшая армия…

— Машина продолжает их штамповать! — Ёк снова понизил голос. — А тебе не приходило в голову, что Жляз забыл выключить машину? Почему ты не отключил ее сам?

— Мне было приказано…

— Забудь! Тебе еще многому предстоит научиться, Джеймс. — Ёк опять повернулся к Лабиринту.

— Мне и так хорошо, — сказал Джеймс настолько обиженно, насколько позволял ему речевой синтезатор.

— Короче, пойди и выключи ее. Подозреваю, Жляз будет несколько недоволен, когда проснется. — Ёк склонился и ухватил за шкирку молодого фуродца.

— Пшелнахи! — завопил тот, а остальные немедленно бросились ему на выручку. Ёк разогнал их пинками и сорвал со стены большой гриб. Фуродец схватил его и жадно слопал.

— Пшелнахи, — довольно выдохнул он.

— Джеймс. Пока ты не ушел — что это у них за вокабуляр такой?

— О-о, сэр, это весь их язык. Эта идея пришла Жлязу в голову, когда он был в Китае, где у одного и того же слова могут быть десятки разных зна-

чений, зависящих от интонации, высоты тона, гром…

— Я знаю китайский, Джеймс, и не нуждаюсь в пояснениях. Они могут выразить этой комбинацией слогов все что угодно. Иными словами, извращенное чувство юмора Жляза снова восторжествовало.

— Зато их язык легко выучить, — резко протрещал Джеймс и направился в лабораторию.

— А еще говорят, что у чертовых роботов нет чувства юмора, — задумчиво проговорил Ёк, пробираясь через толпу фуродцев.

* * *

Ёк быстро проверил все прежние гибернационные камеры. Они пустовали. Он бесцельно поблуждал по Лабиринту, а потом обратил внимание на фуродцев. Всякий раз, когда он поворачивал налево, они радостно расступались перед ним, а когда он поворачивал направо, загораживали ему дорогу.

Следуя линии наибольшего сопротивления, Ёк за пятнадцать минут вышел к влажному гроту. Преодолев стену взявшихся за руки фуродцев, он увидел огромный валун. Вопли фуродцев оглушали.

Он как раз ухватился за валун и собрался его откатить, когда вошел Джеймс.

— Ёк, вам звонили по монстрафону.

— Какого дьявола! Никто не знает, что я… — он осекся.

— Он назвался Президентом Панмонстрической Ассоциации.

— Хм-м-м, — протянул Ёк. — Может быть. Мокрота очень шустер.

— Вы можете перезвонить ему из прихожей. Сюда линия не протянута.

— Нет. Что ты ему сказал?

— Как вы и приказали. Что вас тут нет.

— Хорошо. Отойди в сторонку, ладно? Я буду Жляза будить.

— Но как?..

— Смотри.

Ёк налег на валун и откатил его в сторону. Фуродцы разбежались, чтобы их не раздавило. Под валуном скрывался просторный тайник. Пустой.

— Видите, сэр, его просто нет дома.

— Но этого не может быть. Фуродцы привели меня сюда.

— Фуродцам доверять нельзя.

— Чушь, они почти так же глупы, как люди. Я

обманом заставил их показать мне дорогу. Ага! Понял… Однажды на Альтаире… — Ёк огляделся и отыскал булыжник размером с арбуз. Он начал стучать им по валуну, с каждым ударом прилагая все больше силы.

Наконец послышался зевок, за которым последовала цепочка приглушенных ругательств. Валун треснул и развалился. Наружу вышел Жляз.

— Неплохой отвлекающий маневр, Жляз. Спрятаться в камне вместо тайника.

— Как ты узнал, где я? — Жляз потянулся.

— Меня привела сюда твоя армия фуродцев — невольно.

— Армия фуродцев? — Жляз несколько раз медленно отжался. — Ах да! Фуродцы. Мой маленький экспериментик. Но у меня нет никакой армии. Я сделал только пятьдесят штук — да и те были опытными образцами.

— Хочешь поспорить? — вежливо спросил Ёк, жестом указав на желтые орды, простершиеся перед открытым тайником.

— Кхм, — вмешался Джеймс. — Я думал, что вы намеренно оставили машину включенной. Если бы я знал, что вы хотели ее выключить…

Жляз практично огляделся:

— С лишайниками они, должно быть, уже почти разобрались. Надо будет приказать им поедать друг друга, или найти какой-нибудь способ по-быстрому на них подзаработать. Джеймс! Почему ты…

— А как вы забрались в камень, хозяин, — с помощью молекулярной рекомбинации? — быстро спросил Джеймс. И Ёк отметил, что для механической башки он совершил достойную попытку выбраться из неприятного положения, сменив тему. Даже машины Жляза перенимали у хозяина часть его коварства и хитрости.

— Нет. С помощью магии, — разъяснил Ёк.

— Сколько я проспал? — поинтересовался Жляз.

— Пятнадцать лет, четыре месяца и три дня, сэр…

— Точнее не надо, — остановил дворецкого Жляз. — Я, помнится, в тридцать втором году заморозил полтуши овцебыка. Поставь ее жариться на вертеле над медленным огнем, достань из подвала два десятигаллонных бочонка зипены, свари котелок кофе, а потом позвони и скажи, чтобы сюда пригнали груженный картофельными чипсами плот. И поживее! А мы с тобой, Ёк, пока все это готовится, давай-ка искупаемся в

горячем серном источнике. Ты мне расскажешь, что произошло за последние несколько лет, и мы подумаем, куда нам девать двести восемьдесят тысяч двести двенадцать фуродцев.

* * *

Джеймс отправился за новой порцией зипены, а от овцебыка осталась внушительная груда костей. Ёк потянулся за очередным чипсом.

— И чего старикан теперь от нас хочет? — как раз спросил Жляз.

В обеденную пещеру, окруженный шестеркой самых устрашающих своих телохранителей, вошел Президент. Перед собой они толкали Джеймса, кабели рук которого были стянуты за спиной в тугой узел.

— Я пытался вас предупредить, сэр. Но…

— Все в порядке, Джеймс. Иди распутывайся. — Жляз взглянул на полутонную тушу Президента, игнорируя его сопровождающих в бронированной чешуе.

— На вечеринку собрался?

— Я сюда не колкостями перебрасываться пришел. Я знал, что Ёк тебя найдет. Вы оба пойдете со мной. Мои парни соберут за вас дорожные сумки.

Жляз медленно покачал головой, посолил последний кусок мяса и вгрызся в него. Ёк засмеялся было, потом передумал и предложил Президенту чипс.

— Ты ведешь себя как человеческий диктатор — глупо! Может, утащить нас с собой и в твоей власти. Но с чего ты взял, что мы выполним ту работенку, которую ты для нас заготовил, если сами этого не захотим? Так что ты лучше присядь.

Президент выплюнул что-то, по звучанию напоминавшее фуродский — так Ёк назвал язык новосозданных существ — и подал знак своим подручным.

— Одну секундочку, — сказал Жляз, снова потянувшись за солонкой.

През замер и внимательно на него посмотрел.

— Что бы ты там ни считал таким неотложным, у тебя есть особая причина для того, чтобы к нам обратиться. У тебя она всегда есть, — начал Жляз. — Ну, то есть, мы же первые в твоем Списке Лучших Агентов для Особых Поручений Опасной, Заковыристой и Злодейской Природы. Остановись и задумайся на минутку, почему мы занимаем это место. Мы выполнили больше опасных, заковыристых и злодейских поручений, чем любой другой мон за всю историю, и при этом до

сих пор живы и можем травить о них скабрезные байки. — Тут он поднял руку (в которой все еще сжимал кость — символично, подумал Ёк), чтобы утихомирить очередной президентский выплеск. — А самое выдающееся наше достижение состоит в том, что мы — единственная парочка монов, которым удалось убить президента ПМА и выжить. Ну да, это было шесть тысяч лет назад, и мы из-за этого провели четыре века в изгнании. Однако власть сменилась и позволила нам вернуться с почестями — и так будет всегда. Времена не так уж сильно изменились, а мы — все еще моны Старой Школы. Так вот, имея все это в виду, неужели ты продолжишь пытаться нас запугать? Глупости! Присядь и обсуди с нами все как джентльмон, и мы обдумаем твое предложение. Попробуешь что-нибудь еще — и за результат не будет отвечать никто, кроме тебя.

Ёк кивнул.

През еще немного побурчал на фуродском, а потом резко махнул правой лапой. Шестеро телохранителей подошли ближе. Жляз рванул на себя вторую солонку, которая на самом деле была замаскированным рычагом.

Пол пещеры разверзся, и четверо монов провалились в яму. После долгой тишины послышался

далекий всплеск и внезапное шипение. Жляз отпустил рычаг. Комнату наполнили кислотные пары, снизу донеслись приглушенные вопли, но почти сразу стихли.

Два уцелевших телохранителя облизали клыки и губы и быстро оглянулись на Президента. Тот сделался нежно-фиолетовым, но жестом велел им продолжать. В это мгновение в пещеру ввалились тридцать тысяч фуродцев, возглавляемые Джеймсом, который обхватил одного из монов распутанными кабелями и выволок его наружу.

— Пшлинахи, — прокомментировал Жляз, и желтая лавина вытолкнула оставшегося телохранителя на середину пещеры, где под ним снова услужливо разверзся пол.

Жляз вернул солонку на место.

— Что ж, теперь мы остались одни — может, поговорим о делах?

През успел сделаться насыщенно-пурпурным. Он прорычал этрусское проклятие и принял скамейку и бутыль зипены.

— Вы, как обычно, очень игривы. Но мы тратим время зря. У нас мобилизация, или вы не заметили? Мне нужно, чтобы вы немедленно

отправились в Преисподнюю [214]. Вот-вот разразится война, и есть мизерный шанс, что вы ее остановите.

— Путь к моей гражданской сознательности лежит через мой кошелек, а он сейчас полон. Если бы я был в безвыходном положении, то, может, и согласился бы сгонять в Преисподнюю за миллион гардов. Но я не в безвыходном положении. Если будет война, значит, меня неожиданно вызывают в пояс астероидов. Прошу меня извинить. Джеймс! Собери мой чемодан!

— Это не просто непатриотично, это незаконно. Ты не можешь покинуть Люцетанию во время войны!

— Поспорим?

— Ёк? А ты что скажешь? — спросил През.

Ёк схватил фуродца, который подъедал крошки под столом. И ткнул его вилкой.

Услышав визгливый комментарий фуродца, През окрасился в бледно-лавандовый с зеленоватым оттенком.

— Джеймс! Упакуй еще одну клыковую щетку! — распорядился Ёк.

Президент вернул себе естественный кирпич-

---

[214] Примечания: 214

ПреИСподНЯЯ — Прежаркая Империя Суровых Подлюцетанских Недр, Ядовитых и Яростных.

ный цвет, очевидно придумав что-то злодейское. Он лукаво спросил:

— Ёк, а ты в последнее время заглядывал в свое логово?

Ёк помотал головой и снова потянулся за фуродцем, но тот благоразумно держался подальше от его лапы.

— Так вот, у тебя там в лаборатории стоял стеклянный гроб с человеческой самкой в состоянии анабиоза. Его там больше нет. Он…

Преза вынудил умолкнуть разделочный нож, который Ёк приставил к его горлу.

— Для начала я вырежу свои инициалы у тебя на…

— Подожди! Дай объяснить! Это вышло случайно. Десять лет назад было землетрясение. Оно зацепило твою пещеру.

— И?

— И инспекционной бригаде, которую мы послали искать утечки газа из нижних лавовых полостей, пришлось зайти внутрь. Они обнаружили твою лабораторию разгромленной. Землетрясение разбило гроб. Самка погибла.

— О. — Ёк опустил нож. А потом снова поднял. — Что ж, мне все равно хочется сделать что-нибудь неблагоразумное.

— Подожди! Мы подумали, что она может быть чем-то для тебя важна. Признаю, я хотел использовать ее для того, чтобы на тебя надавить, — но тогда еще не имел в уме ничего конкретного… Твои извращенные вкусы — твое личное дело. Так что мы переместили ее тело в Медцентр и реконструировали его вплоть до последней молекулы. После чего снова заморозили.

— Вот только теперь это труп.

— Да. Но это все равно идеальный сосуд для ее души — если ты сумеешь ее поймать или каким-то образом воссоздать.

— Спустя десять лет? Электрические заряды давно уже рассеялись…

— Не обязательно. Не знаю, чем она для тебя так важна, но есть небольшой шанс, что ты сможешь ее отыскать.

— Где?

— В Преисподней, разумеется.

— Святой Анубис! — выговорил Жляз, сообразив, что это значит. Оба выхода из положения были малопривлекательными.

— Ты ведь знаешь, лишь немногим избранным удается достичь Преисподней, — иронично начал Ёк, — где они рекристаллизуются и могут протянуть еще несколько лет. Для этого нужен

непрерывный поток горячих паров, проводящих электрические заряды.

— И такой поток был! Мы нашли в твоей пещере трещину. Разумеется, ее немедленно запечатали. Но ты можешь пойти и проверить, если не веришь мне на слово.

— Не пойду. Но откуда мне знать, что она вела в нижние пещеры?

— Неоткуда. Я этого тоже не знаю. Но это твой единственный шанс. Если хочешь вернуть ту самку, тебе придется сыграть роль Орфея.

Ёк едва заметно поморщился. Рекристаллизованные люди, разумеется, немедленно попадали в пыточные камеры монов Прежаркой империи [215]. Долгие годы непрерывной жары и радиационного облучения сделали тех стерильными импотентами, и весь их культурный этос сводился к массовому садистскому комплексу (который во много раз превосходил нормальный, здоровый садизм нормальных, здоровых монов). Тем не менее у Ёка в рукаве оставалась запасная колода карт, которую он мысленно перебрал, а потом спрятал.

— Как демоны их восстанавливают — это

---

[215] Примечания: 215
Деградировавших монов, де-монов, демонов.

научное чудо, которое мы пока что не смогли разгадать, — продолжил През. — Наши лучшие шпионы так и не сумели подобраться к секрету Линзы. Вторые из лучших, конечно же… — Он зубасто ухмыльнулся, демонстрируя, что это комплимент.

Жляз ухмыльнулся ему в ответ из какого-то глубинного источника злобы и больного чувства юмора:

— И все, что тебе нужно, — это секрет Линзы? Даже сам Люцифер Аид утверждает, что не знает, как она работает.

— Пропаганда чистой воды, — отрубил През, после чего преисполнился подозрений: — А ты откуда знаешь, что он там утверждает?

— Ой, да перестань! Мы читали твои секретные архивы.

— Проклятье! С утра первым делом казню всех своих подчиненных. Но вернемся к твоему вопросу: нет, Линза мне совершенно не нужна. Я хочу отправить вас туда в связи с назревающим конфликтом. Войска Нижней Империи скапливаются у границы последние два года. Около десятка лет назад, в один из редких периодов отсутствия вулканических помех, мы получили странную радиограмму, на которую не смогли ответить.

Потом подручные Люцифера начали похищать одиноких монов в самых неожиданных местах Люцетании. Никаких объяснений этому дано не было. Но через каждые шесть месяцев, в период радиокоммуникации, мы получали то же самое сообщение из пяти слов. — През замолчал, чтобы прочистить горло и состроить обеспокоенную гримасу. — «Пришлите мне Ёка и Жляза». И отправителем всегда значился Люцифер Аид XXXII.

— Гм-м-м, — протянул Жляз, приняв суровый вид — либо для того, чтобы спрятать усмешку, либо для того, чтобы принять суровый вид.

— Понятия не имею, зачем вы ему понадобились. Но он явно готов развязать войну из-за того, что вы не хотите заглянуть к нему в гости. А поскольку Ёку все равно туда нужно…

— Общую склизкую картину мы усвоили, — сказал Жляз. — Но ответь мне на один гипотетический вопрос. Шесть тысяч лет назад Люцетания надрала им задницы в гражданской войне и низвергла их в Преисподнюю. Раньше нам всегда удавалось подавить любые их попытки вернуться. Почему вы боитесь их теперь?

— Мы не боимся! Проклятье! Разумеется, последний мирный договор соблюдался пять веков, и мы не хотим, чтобы он был нарушен. — В этот

момент Ёк пнул фуродца. На лице Преза вспыхнула радуга, но он продолжил: — Конечно же, мы и в этот раз сумеем их победить, но возможен серьезный материальный ущерб.

— Иными словами, ты хочешь сделать нас жертвами особенно извращенных пыток, чтобы сэкономить пару монет.

— Дело вовсе не в этом…

— Или боишься какого-то их нового секретного оружия.

— И не в этом тоже!

— На какой процент от этого неслучившегося крупного материального ущерба мы можем рассчитывать?

— Ну…

— Миллион гардов каждому, — заявил Ёк.

— Идет, — неожиданно согласился През, и Ёк подумал, что ему стоило попросить больше. А потом он понял, что их возвращения не ждут, надеясь крупно сэкономить на гонораре — что-то около сотни процентов, — да еще и избавиться от двух заноз в придачу. А может, и от трех, если считать войну.

Жляз кивнул. Согласие Ёка было очевидным.

— Отлично, — сказал През, потирая маслянистые ладони. — Я подготовлю документы, а вы

пока собирайтесь.

Вошел Джеймс с двумя чемоданами.

Ёк налил себе еще зипены.

II

Иззубренные стены Авернской Двери Нижнего Царства стремительно уносились вверх мимо опускающегося аэрокара. Ёк напевал хоральное воззвание к Н'Йоку, божеству племени Банту, которым он однажды подрабатывал.

— Кажется, вон там, внизу, посадочная площадка, мон.

— Хм-м-м, — отозвался Ёк; возможно, это что-то и значило, но скорее всего нет.

Когда шахта расширилась, Жляз затормозил и повернул влево. Извергнутый в огромную пещеру кар спускался на широкую белую поверхность, пока Ёк не заметил, что это озеро расплавленной серы.

— А раньше там была посадочная площадка, — прокомментировал Жляз.

— Это было пятьдесят шесть веков назад. Что-то могло слегка измениться.

— Здешние новые заправилы — должно быть, кучка радикалов. Население по-прежнему составляет пятьдесят тысяч монов. К чему им менять

топографию и осквернять превосходные объекты общественного назначения?

— Я не забыл, что эту посадочную площадку проектировал ты, — заметил Ёк. — Может, им так захотелось.

— С чего бы?

— Ну, наше отбытие явно оставило неприятный привкус в их маленьких клыкастых ротиках.

— Тьфу! Тоже мне! Они хотели, чтобы мы построили им город в обмен на парочку услуг…

— Убежище на четыреста лет, — вставил Ёк.

— …и попросили меня спроектировать камеру пыток и научить их ею пользоваться. На чем я должен был ее демонстрировать? На камнях?

— Уж точно не на выдающихся членах общества, пришедших посмотреть.

Жляз немного пофилософствовал на фуродском и посадил корабль во впадину в стене. До города из черного базальта оставалось около полумили.

— Всего-то небольшая прогулка, мон, — сказал Жляз — и тут грянул стук копыт, возвестивший о появлении пестрой компании монов с раздвоенными хвостами.

— Вон эти двое! — прокричал один из них, уродливый здоровяк. — Давайте порубим их на куски!

— Ага! и выпотрошим!

— И подожжем!

— Во-во!

Жляз вскинул руки над головой, сделался ярко-зеленым и подрос на два фута. Ёк последовал его примеру, но предпочел нежный оттенок шартрез. Жляз отломил сталагмит и расплющил им троих монов. Ёк выпотрошил двоих карманным мачете.

Девяносто секунд спустя ставшие на два фута ниже Ёк и Жляз снова направились к городу. Они почтительно оставили пять трупов в канаве. У ворот к ним подошел огромный демон с красной асбестовой повязкой на руке.

— Так! Хотите пройти — назовитесь!

— Ёк.

— Жляз.

— Господи боже!

— Не совсем, — сказал Жляз. — Но у нас назначена встреча с Люцифером Аидом, и мы хотели бы на нее успеть.

— Так точно, сэр! — Демон низко поклонился. — Проходите. Прошу прощения, мне…

— Все в порядке. Но мы торопимся.

— Кстати, — сказал Ёк, — вон там в канаве лежат пять трупов.

— Да, сэр. Ничего страшного. Я обо всем позабочусь. Извините.

Они вошли в город и прошагали три квартала следом за стражником. Он провел их в вестибюль гигантского административного здания. Они подошли к массивному столу, и стражник прошептал что-то на ухо дежурному, который выпучил глаза и немедленно схватился за трубку.

— Пожалуйста, пройдите в комнату ожидания, — поклонился дежурный, дрожа.

Они вошли.

Юный демон особенно злодейского вида торопливо пронесся через всю комнату и, дымясь, остановился у стены. Секретарша яростно зарделась.

— Ёк и Жляз к Люциферу, — объявил стражник с ноткой напыщенности в голосе.

Глаза секретарши расширились, челюсть отвисла, а потом захлопнулась. Она нервно ткнула когтем в кнопку интеркома. Демон у стены с интересом разглядывал их, но ничего не говорил.

— Сэр! — высоким голосом заговорила секретарша. — К вам Ёк и Жляз!

Из динамика донеслось бормотание, и секретарша подняла взгляд.

— Проходите. — Она слегка поклонилась.

Дверь открылась прежде, чем Ёк и Жляз успели к ней подойти, и сквозь нее протопал мон в униформе. Он бросил в их сторону быстрый взгляд, но не остановился. Их сопровождающий вышел из приемной следом за ним.

Они вошли в кабинет.

Тот был немного шикарнее, чем у Преза: где-то двадцать на шестьдесят футов, с красным асбестовым ковром и громадными книжными шкафами. Исполинский стол сделан из цельного куска мрамора, а вокруг небрежно разбросаны стулья из резного гранита. Из распылителей в стенах с шипением вырывался горячий пар.

— Вы и вправду Ёк и Жляз!

Говоривший оказался высоким, очень худым и смуглым, с треугольным лицом. Его рожки были двумя дюймовыми бугорками на линии роста волос — короче, чем у всех, кого они успели тут встретить. Он стоял в потоке горячего пара и, судя по виду, был зол — но не факт, что на них. Он подошел к столу и указал им на стулья.

— Этот треклятый генерал весь день у меня бы отожрал, если бы вы не пришли. Так что одну услугу вы мне уже оказали.

— Я так понимаю, тебе нужны еще несколько?

— Поразительно, Жляз. — Он достал из стола

огромную папку и открыл ее. — Ты ни капли не изменился!

Он протянул им асбестовую папку. В ней Жляз обнаружил две древних металлических гравюры: одна изображала его самого, а другая — Ёка.

— Где ты их взял? — Он передал папку Ёку.

— Люцифер Аид I, мой дед в тридцатом колене, сделал их в качестве прощального подарка, чтобы устроить вам сюрприз. Легенда гласит, что вы отбыли… э-э, несколько преждевременно. Поэтому они очутились в Архиве — хороший способ вас опознать, если кто-нибудь назовется вашими именами. Конечно же, мы знаем, что вы умеете каким-то образом менять тела, — но говорят, что вы предпочитаете один и тот же тип телосложения. К тому же ваши личности можно удостоверить несколькими короткими вопросами. Я просто подумал, что вы захотите взглянуть на эти гравюры…

— …чтобы мы поняли, что, если нужно будет, вы быстро размножите наши портреты, — закончил Ёк.

Люцифер не стал этого отрицать. Он улыбнулся и продолжил:

— Что такое V-луч?

Жляз наморщил лоб.

— О, это древнее пыточное приспособление, которое я когда-то изобрел. Я им больше не пользуюсь. Теперь я имплантирую иглы и заставляю их вибрировать с помощью УВЧ — а V-луч был нужен для того, чтобы повреждать внутренние органы, не уничтожая окружающие их ткани. Я скрещивал два прямых…

— Достаточно. Скажи мне, Ёк. Что случится, если я сдвину это пресс-папье влево?

— Я сожгу тебе руку своей опухай-пушкой.

— Замечательно. Быть может, ты разъяснишь мне, почему… Кстати говоря, то, что я разрешил вам оставить оружие при себе, следует воспринимать как признак уверенности.

— Ладно, — сказал Ёк. — Если ты сдвинешь эту каменюку влево, под нами провалится пол. Там, внизу, яма с кислотой. Мы со Жлязом спроектировали ее для твоего предка.

— Превосходно! — Люцифер встал и отвесил поясной поклон. — Приветствую вас, о создатели Линзы!

— Ой, да не надо этих формальностей.

— С этим ничего не поделать. Спустя тридцать два поколения мифотворческого процесса вы сделались весьма знаменитыми. Почти религиозными фигурами в нашей расовой памяти.

— Хм-м-м, — протянул Ёк, осознав, что в этом случае расовая память была биологической реальностью. Поскольку нормальное половое размножение здесь было невозможно, новым индивидуумам, которых выращивали в осеменительных баках, переписывали фамильные воспоминания. Срок жизни сидевшего перед ними Люцифера Аида должен был составить что-то около пары веков, однако он обладал фрагментарными воспоминаниями за шесть тысячелетий — в основном злодейскими и садистскими, поскольку у этого подвида монов они были наиболее сильны. (Впрочем, если уж на то пошло, они сильны у любого подвида монов.) Однако передающаяся по наследству должность Люцифера Аида подарила ему куда более богатый запас хорошего, крепкого, высококачественного зла, чем обычному незадачливому демону. А следовательно, он тоже заслуживал уважения. И Ёк кивнул в знак уважения.

— Ну хорошо. Вы нас чтите. Но вы же явно стянули войска к границе Люцетании не для того, чтобы зазвать нас на чаек. Или как раз для этого? Это была бы *достойная* шутка — почти в духе Люцифера III. Он однажды освежевал тридцать людей лишь для того, чтобы доказать…

Люцифер резко его оборвал:

— Увы, боюсь, мой размах куда более скромен… — Однако при этих словах уголок его губ дрогнул в невольной усмешке. Разбавленная душа Люцифера III брала свое, несмотря на пять тысячелетий генетических расхождений. — Но это *и вправду* была отличная шутка. Хе! Хе!

— Хе! Хе! — отозвался Жляз.

— Хе! Хе! — согласился Ёк.

— Ты должен научить меня этому фокусу с иголками и УВЧ, прежде чем вы нас покинете. Не забудь.

— Не забуду.

— Ну а теперь к делу. Из-за армии не беспокойтесь. Если сможете разобраться с моей главной проблемой, она не причинит никаких неприятностей.

— Тогда почему бы тебе не отозвать ее прямо сейчас? Мы хорошо умеем добиваться результата, а это сняло бы с плеч нашего и так обремененного Преза…

Тут загудел интерком; Люцифер немного послушал, а потом рявкнул:

— Хорошо. Но больше меня не прерывайте, пока я тут не закончу.

— Это было сообщение от нашего разведыва-

тельного отдела, — сказал он, — который только что отважно разведал, расспросив стражника у ворот, что когда вы приземлились, на вас напали.

— Это правда. Но мы сочли это одной из тех маленьких помех, которые путешественники должны принимать как данность.

— Так вот, это не она. Была не она. И не должна была ей быть. — Люцифер проверил, выключен ли интерком. — Таким забавам место в пыточных камерах. На вас напала одна из наших бешеных шаек. Это часть моей проблемы. Видите ли… — Он поерзал и неосознанно погладил пресс-папье, заставив Ёка встревоженно попятиться. — Видите ли, здесь некого пытать.

На протяжении десяти секунд единственным звуком в кабинете было шипение распылителей. Потом Люцифер продолжил:

— Десять лет назад, по какой-то невыясненной причине, Линза перестала кристаллизировать человеческие души. Наши инженеры, никогда и не притворявшиеся, будто понимают принцип ее работы, проверили все, что смогли, и не нашли никаких поломок. Мы подумали, что это может быть какая-нибудь временная пробка в шахте, но не смогли проверить ее на высоте больше

сорока миль — это уже люцетанская территория. А у нас в распоряжении была куча макаронников, так что мы могли и подождать. Конечно же, мы немедленно послали за вами с Ёком, потому что вы обещали Люциферу I прийти и по возможности починить ее, если такая потребность возникнет. Пробка не рассосалась! — Тут Люцифер взглянул на Ёка и смущенно отдернул руку от пресс-папье. — Мы не знали даже, живы ли вы до сих пор, — продолжил он, — но должны были попытаться. После нескольких лет мы упали духом. Мы были вынуждены отлавливать всех случайно забредавших в Срединные Пещеры монов, каких только могли, к тому же — неслыханное дело! — начали возникать банды карателей. Я не давал на это никакого разрешения, но они расхаживают повсюду и пытают собственных сограждан. Я не могу их остановить! Я боюсь отдать приказ! Армия начала бунтовать. Они возжелали устроить набег на Люцетанию, чтобы захватить пленных для пыток. Мне этого делать не хотелось, но спустя некоторое время я вынужден был их отпустить. И если теперь я прикажу им отступить, они могут не подчиниться. Если это произойдет, мне крышка. За шесть тысяч лет не бывало такого, чтобы в Аду не подчинились

кому-то из Люциферов! Умоляю вас! Почините Линзу! Это ведь вы ее построили!

— Спокойно, мон. Ее наверняка всего лишь надо немного подлатать. Мы об этом позаботимся. Если это все, что тебе нужно, мы приступим к работе немедленно.

— Прекрасно! Замечательно! Можете рассчитывать на помощь моих лучших инженеров…

— Нет! Эти мелкие шпики просто хотят узнать, как она работает.

— Разве вы можете нас винить?

— Нет, но здесь, внизу, это наш единственный козырь. К тому же тут замешаны еще кое-какие вещи, которые мы не хотим раскрывать.

— Ну хорошо. Идите и почините ее. А как только почините — сразу сообщите мне. Кстати, а почему у вас, монов, такой зуб на итальянцев?

— Чего? Он у нас не больше, чем на любых других людей. Мы ненавидим их всех совершенно одинаково. В этом плане мы очень демократичны.

— Тогда почему девяносто процентов людей, которые к нам попадают, — итальянцы? Даже Данте, в тот раз, когда вы выбили ему гостевую визу, заметил, что Ад набит практически исключительно его земляками.

— А-а, — сказал Жляз. — Когда мы строили Линзу, то использовали в качестве проводника Аверн, классические врата в Преисподнюю. Он засасывает души всех людей, умирающих в радиусе до шестидесяти — ста миль. Так получилось, что он расположен в Италии. Вы, так сказать, находитесь под самыми шнурками сапога.

— Ну ладно, приступайте. — Люцифер нажал кнопку вызова на интеркоме и что-то в него пробубнил. После чего встал. — Я хочу познакомить вас со своим сыном. — Они вышли в приемную. Злодейского вида демон снова сидел на столе секретарши. Рук его видно не было.

— Привет, пап, — кивнул он. Сходство бросалось в глаза, и со временем сыну, должно быть, предстояло сделаться копией отца, но пока что лоб у него был чуть более низким, более злодейским, а рога — еще более короткими. Судя по всему, типичный сынок босса.

— Вырастешь таким же злобным, как твой старик, парень? — спросил Ёк.

— Надеюсь, сэр.

— Черт, да он будет еще злее. — Люцифер взъерошил ему шерсть и ухмыльнулся. — Надо ведь поддерживать семейную репутацию.

— В колледже учишься, мон? — поинтересо-

вался Жляз.

— В Университете Преисподней, сэр. У нас крутая камнебольная команда, а еще я был президентом клуба игроков в «Приколи человечка», пока его не распустили ввиду кризиса сырья. — Он выдохнул клуб дыма. — Моя специальность — «Человеческая культура». Ее преподают на биологическом факультете, хотя на самом деле это раздел обществоведения…

— Ну ладно, сынок. Не докучай гостям. Они жутко заняты. Перед тобой Ёк и Жляз.

Люцифер-младший постарался не подать виду, что впечатлен, — он, в конце концов, учился в университете. Но тихо присвистнул, чтобы показаться утонченным.

— Польщен знакомством, джентльмоны. Я и не думал, что вы такие важные персоны. Я был бы не против потом с вами поболтать. — Это была почти мольба.

— Нет никакой «человеческой культуры», — фыркнул Ёк и, громко топая, вышел в вестибюль. Вскоре к нему присоединились Жляз и Люцифер-старший.

— Э-э, — начал Ёк. — Мне хотелось бы заглянуть в ваши темницы, когда мы закончим с починкой. Я ищу светловолосую человеческую самку.

Люцифер покачал головой.

— У нас не осталось никаких людей, — ответил он. — Последний расточился пару лет назад. Зато у нас в плену больше сотни ваших земляков-монов. Можете забрать их с собой. От них больше мороки, чем пользы. Приходится держать их в отдельных камерах и обрабатывать поодиночке. Стоит им оказаться вместе — и они сразу сбегают или что-нибудь ломают.

— Ну ладно, все равно спасибо.

— А как ее звали? Я могу заглянуть в архивы и посмотреть, попадала ли она сюда вообще.

— Жанна Д'Арк. Она была француженкой.

— Имя незнакомое, но я проверю и вечером вам сообщу.

— Хорошо.

* * *

Жляз съехал по чаше стофутовой кварцевой Линзы. Он был полностью затянут в плотный шерстяной костюм, чтобы ее не поцарапать. Вместо этого он активно царапал себя. Сжимая в руке стетоскоп, он плевался фуродским, ни к кому конкретно не обращаясь, и перемежал его комментариями, обращенными к Ёку.

— ...в этом ____ месте так ____ жарко, а мне при-

ходится носить этот ___ шерстяной костюм!

— Есть там наверху какие-нибудь проблемы? — спросил Ёк, который открыл механизм снизу и проверял электрические контуры.

— Ни трещинки. А внутри?

— Тоже ничего. — Ёк встал.

Жляз стаскивал с себя шерстяную рубаху.

— Знаешь, что это значит? — спросил Ёк.

— Угу. Либо в Италии перестали дохнуть люди, либо в шахте какая-то пробка.

— Вот именно, пробка, — сказал Ёк. — Я возвращался через Мир людей, и дохнуть они не перестали, это я тебе гарантирую.

— Хм-м. Тогда нам придется проинспектировать все двести миль шахты. Либо она чем-то заткнута, либо там скопление холодного воздуха, либо обратный поток теплого.

— То землетрясение ведь было около десятка лет назад, да?

— Ага, я тоже об этом подумал. А вот и Люцифер идет. Сейчас мы его введем в курс дела и заодно узнаем, что там с твоей человечкой. Кстати, ты ведь имел в виду *ту самую* Жанну Д'Арк?

— Да.

— И что у тебя с ней за история? Может быть, я смогу поспособствовать ее поискам дополни-

тельным злодейским мастерством.

— Ну, она была ведьмой… то есть человечкой, которую я научил куче гнусных и нечестивых моновских практик.

— Это было сто лет назад. Как ты с ней познакомился?

— Ну, мне тогда пришлось какое-то время изображать человека. Я был маршалом Франции — Жилем де Ре. Я…

— Синей Бородой! Самым отъявленным человеческим злодеем за многие века!

— Я стараюсь по возможности получать от работы удовольствие.

— И ты раскрыл ей свою истинную сущность и обучил ее?

— Ну… да. А когда настало время возвращаться, мне вроде как не хотелось ее бросать. Поэтому я тайком протащил ее в Люцетанию и положил в морозилку. Если бы мне снова пришлось стать человеком, я мог бы просто ее разбудить, и мы продолжили бы с того, на чем закончили.

Люцифер подошел к ним. И остановился, озабоченно дымясь.

— Нашли проблему?

— Нет. Она где-то в шахте, — ответил Жляз. — Если хочешь, мы прямо сейчас поднимемся и ее

проинспектируем.

— Хорошо. Приступайте.

— Так, — сказал Ёк, — а что насчет Жанны Д'Арк?

— В архивах не числится, — пожал плечами Люцифер. — Прости, что не смог помочь. Возможно, она здесь и была, но в книги не попала. Записи в последнее десятилетие велись через пень-колоду. Можете спуститься в темницы и порасспрашивать самостоятельно, если хотите. Возможно, кто-то из ваших соотечественников или стражников…

— Да, я хотел бы это сделать. Собственно говоря, Жляз и без меня быстро шахту осмотрит. Так что, если не возражаешь, я прямо сейчас и спущусь.

— Хорошо. Я дам тебе письмо для коменданта.

— Ну что, Жляз, тогда до скорого.

— Ага. — Жляз с трудом стянул с себя оставшиеся части шерстяного костюма и пинками согнал их в кучу. Ёк и Люцифер направились обратно в город.

III

Ёк скорчил рожу своему отражению в серном пиве и рыгнул сероводородом. Люцифер, сидевший за своим столом в административном

центре, где уже успели погаснуть огни, тоже приложился к кружке. Он щелкнул выключателем, и потолочная лампа снова зажглась. Распылители в стенах шипели не так яростно, как раньше.

— Там не дверь хлопнула?

— Похоже на то, — ответил Ёк. Он проглотил свое пиво и отставил опустевшую кружку на поднос. «Результат отрицательный», — подумал он.

В дверь дважды резко постучали, и она открылась прежде, чем Люцифер успел договорить «Войдите».

Прежде чем что-то сказать, Жляз прошелся через весь кабинет и плюхнулся в кресло (которое заметно затрещало).

— Хорошие новости? — осведомился Люцифер, выдержав вежливую паузу.

— Не очень, — отозвался Жляз. — Я нашел разгадку… Но скажи, а где сейчас Люцифер XXXIII?

— Я не знаю, как он проводит свободное время. Он может оказаться где угодно. Надеюсь, он прославляет родовое имя приличествующими злодействами. — Он хитро улыбнулся. — Может, у него есть собственная банда. В незаконных пытках есть что-то очень соблазнительное… Будь я на его месте…

— Пока тебя не унесло в мечтания, сообщу, что

это был так называемый подводящий вопрос. Я *знаю*, где он.

— Вот как?

— На высоте примерно семидесяти миль я обнаружил боковое ответвление от основной шахты. Оно создавало искусственный отток горячего воздуха и приток холодного.

— Искусственный?

Распылители пара зашипели, как будто сочувствуя, а потом ослабили напор.

— Искусственный. Вероятно, тоннель открылся во время того последнего землетрясения. Так или иначе твой сын на него наткнулся и начал его использовать. У него там нехилая система.

— Боюсь, я не понимаю. Система?

— Включающая маленькую Линзу собственного изготовления. Он откачивает души, рекристаллизует их и создает свой личный маленький Элизиум.

— Но зачем? — спросил Люцифер.

— Но как? — спросил Ёк.

Жляз посмотрел на Ёка.

— Кто еще мог построить Линзу?

— Звездный Фонарщик, Черная Банши, Сетант…

— В этой части галактики.

— Никто, кроме нас… — На его лице проступило понимание.

— Насколько сложным нечестивым моновским практикам ты обучил Жанну?

— Гм-м-м, — протянул Ёк. — Я никогда не передавал ей подробных планов Линзы… Но она вполне смогла бы построить ее сама, если бы у нее была возможность изучить работающий образец.

— И мотивация, — добавил Жляз. — Скажи мне, она гуманистка?

— Ну, — Ёк неловко заерзал, — что-то вроде.

— Ты и вправду становишься извращенцем, да? Ай-ай-ай! Человечка — да еще и добропорядочная.

— Слушай, у тебя ведь тоже была маленькая история с царицей Савской, подробности которой широкой публике до сих пор неизвестны.

— Гм-м. Ну ладно, отвлечемся от недостатков характера — Жанна попала сюда, рекристаллизовалась, после чего ее обнаружил Люцифер-младший. Она идеально вписалась в его планы. Президентство в клубе игроков в «Приколи человечка» было исключительно прикрытием. Проверь — готов поспорить, ты обнаружишь, что он не участвовал ни в одной игре. Жанна была

человечкой, гуманисткой и идеалисткой, и она раскрыла секрет Линзы. Они построили копию в одной из Срединных Пещер, перекрыли поток спускающихся сюда душ и обустроили Сад Эдемский. Там все счастливы и живут в человеческой Утопии, а Люцифер XXXIII и компашка его друзей — их ангелы-хранители.

— Мой родной сын! Извращенец!.. А ведь он должен был все это унаследовать! — Люцифер лихорадочно жестикулировал. — Не надо было разрешать ему специализироваться на человеческой культуре!

— Сомневаюсь, что это стало причинным фактором, — заметил Жляз, — скорее, результатом. Проведя тысячелетия в этих радиоактивных, перегретых пещерах, ваш народ начал мутировать. Твой сын — гибрид. Он способен к размножению. Я сегодня днем заметил, как он вел себя с твоей секретаршей. Необычное поведение для стерильного мона-импотента.

— Боже! Моральный урод в моей семье!

— Нет. У него просто другой метод расслабления. Ему не нужно пытать ради удовольствия. Поэтому его и привлекла человеческая культура. Он прочел их миф о рае и решил создать собственную его версию.

— Мой родной сын! Анти-Люцифер! — Он налил себе порцию крепкого и проглотил его залпом. Потом налил еще и стал пить медленнее. Он выглядел сломленным. Однако вскоре колосс, полулегенда, которой был скрывавшийся за конкретной личностью воплощенный Люцифер, начал возвращать себе контроль. Он загадочно и мрачно улыбнулся, встал и подошел к книжному шкафу.

Вернувшись, Люцифер расстелил на столе карту. Он неожиданно сделался на полфута выше.

— Ну ладно, — ткнул он пальцем в карту. — Покажите мне, где находится эта раковая опухоль. Я отзову армию от границ Люцетании, и она будет здесь через шесть часов, даже если для этого мне потребуется лично казнить всех моих офицеров.

Жляз осклабился уважительно, Ёк — с некоторой робостью.

— Так где он? — требовательно спросил Люцифер, уткнув руки в боки и яростно дымясь.

Жляз встал и быстро набросал ручкой боковую пещеру. Люцифер задумчиво посмотрел на нее и потянулся за монстрафоном.

— Одну секундочку! — сказал Жляз. И почему-то Ёку вспомнились те же самые слова, днем раньше прервавшие жест Преза.

Рука Люцифера остановилась, в прищуренных глазах проглянул невысказанный вопрос.

Жляз продолжил орудовать ручкой:

— Мое умение маскироваться огромно: я не только проник в Райскую Цитадель, прикинувшись демоном, опознал твоего сына и убил королеву…

— …Убил королеву! — Ёк вскочил. Однако Жляз подмигнул ему — так, чтобы Люцифер не заметил.

— …но к тому же еще и разведал окрестности. Вот здесь, неподалеку, — он указал на карту, — есть лавовая полость. Удачно рассчитанный взрыв — примерно в этом месте, — задумчиво проговорил он, — обрушит на Рай огненное море, погубив их всех в разгар кутежа и извращенности… Всех людей, всех заблудших демонов, и вашего сына.

Раздался жуткий треск — это кулак Люцифера расколол столешницу.

— Да! Клянусь Иштар! Это прекрасно! Изящно! Утонченно! Превосходно! Какой выдающийся у тебя ум, Жляз! Как бы я хотел уговорить тебя остаться и перелопатить всю систему! — Целых две минуты он маниакально смеялся, а потом вернулся в кресло. — Хорошо. Приступайте! Иди-

те! Немедленно летите и взорвите эту полость! Я буду на посадочной площадке — ждать этого изумительного шума.

— Это еще не все, — добавил Жляз. — Когда ту пещеру затопит, шахта снова начнет нормально функционировать.

— Идемте же. — Люцифер подскочил с места и направился к двери, захватив с собой кувшин и кружку.

— Она жива, — прошептал Жляз, когда они пошли следом. — Я ее украл и спрятал в аэрокаре, но подумал, что политически выгоднее будет соврать.

Ёк ухмыльнулся, с каждой секундой чувствуя себя все лучше.

* * *

Сотрясший землю грохот раздался всего за несколько мгновений до того, как из шахты вынырнул аэрокар. Он стремительно протанцевал через лес сталактитов и приземлился перед увенчанной черным нимбом фигурой, стоявшей на возвышенности. Откуда-то донесся грандиозный вздох, похожий на шум далекого ветра; он сделался громче, превратившись в нечеловеческий стон.

— Дело сделано? — спросил Люцифер у выскочившей из кара парочки.

— И да, и нет, — ответил Ёк. — Возникли затруднения.

— Например?

— Ну, все прошло так, как я планировал, — сказал Жляз, нервно глядя вверх. Стон превратился в гром. — …Но в этой полости было больше лавы, чем я думал! — завопил он.

Осознание прокатилось по лицу Люцифера, точно тихоокеанский ураган.

— Ты хочешь сказать…

Жляз кивнул:

— Это шумит хлещущий в шахту лавовый поток.

— Сколько у нас осталось времени?

— Минут пять. Может, шесть…

Несмотря на титанический грохот, абстрактная тишина — не звука, но чувства — снизошла на Люцифера, пока он размышлял на границе хаоса. Голос его был спокойным, даже беззаботным:

— Я совершил ошибку, позабыв пару строф из нашего древнего Писания. — Он налил себе кружку серного пива. — Легенда гласит, что вы с Ёком способны сделать все, все что угодно. — Он медленно глотнул пива и продолжил: — Но в

результате, выполнив свою задачу, вы каким-то образом умудритесь создать новую проблему, так что в итоге положение обязательно окажется хуже, чем до вашего появления.

Он дико, пьяно взмахнул рукой:

— Однажды вы спасли мой народ. Вы нашли нам это прекрасное убежище — и, разумеется, оно сделало нашу расу стерильной! Потом…

— Мы еще можем спасти спектакль до конца пятого акта, — перебил его Ёк.

— Как?

— Еще один небольшой взрывчик у основания закупорит шахту. Может, это остановит лаву. У нас есть еще три с половиной минуты, чтобы попробовать.

Они исчезли в каре, оставив после себя облако сквернословия.

* * *

— Вашего козыря, — зловеще прорычал Люцифер, — больше не существует.

Он взглянул на взорванную шахту. На разбитую Линзу до сих пор периодически сыпалась каменная крошка.

— Je ne parle pas français! — рявкнул он на стоявшую между двумя монами светловолосую

человеческую самку, которая что-то сказала. — А ты, Жляз! Ты мне солгал. Ты не убил ее! Ты ее похитил! Ты правда думал, что сможешь спрятать ее в своем каре?

Жляз кивнул.

— Он маневрировал слишком неуклюже, а ведь ты хороший пилот. Я понял, что виной тому дополнительный груз. Я не занимал бы свой пост, если бы был глуп. Ты мне солгал!

— Мне это показалось уместным, — сказал Жляз.

Люцифер не обратил на это внимания.

— Она будет наказана по полной за государственную измену. А потом, несмотря на некоторые религиозные оговорки, вы станете гостями моего личного подземелья. Пусть моя репутация погублена, но я уйду красиво.

Ёк откашлялся:

— Когда-то мы построили это место…

— Времена изменились, — сказал Люцифер. — Вы работали с меньшим количеством народа, задачи у вас были проще. Вы велики только с точки зрения истории. А теперь у нас политический хаос. Что вы можете сделать? Построить еще одну Линзу? А шахту откуда возьмете? Да и в любом случае на это уйдет слишком много времени.

— Тяни время, — сказал Ёк, — столько, сколько сможешь. Позволь нам вернуться в Люцетанию — Город Света, у которого ты взял свое имя…

— И которым должен был править! — перебил Люцифер. А потом задумчиво проговорил: — Нет, я не могу вам верить. Вы не вернетесь.

— Оставь у себя Жанну, — любезно предложил Жляз, — если тебе нужен надежный козырь.

Ёк печально задумался. Люцифер тоже.

— Как долго вас не будет? — наконец спросил он.

— Да мы только туда и обратно, — заверил Ёк.

— Одна эфемерная человечка — не такой уж серьезный стимул. — Люцифер покачал головой. — Я не послал бы даже одного из вас, оставив у себя другого: у вас, верхних монов, нет чести. Однако, раз уж на то пошло, — продолжил он, — я не уверен, что вообще хочу оставлять вас у себя. — В глубине его глаз томилась хитрая искорка. — Быть может, вы сумеете обеспечить мне политическое убежище в Люцетании?

Жляз покачал головой:

— Твои генералы все равно объявят войну, и тебя, скорее всего, казнят.

Люцифер помрачнел.

Ёк улыбнулся, услышав донесшиеся из города

крики.

— Шум, который ты слышишь, — торжественно произнес он, — это побег заключенных. Во время недавней экскурсии я оставил одному земляку-мону свой карманный набор инструментов. Без какой-либо цели, просто чтобы устроить адский переполох. — Он хохотнул над собственной шуткой, и Жляз к нему присоединился. — И, похоже, его зловредный механический гений только что восторжествовал. У нас снова есть маленький козырь. Поклянись своим постом, Заветом и всем, что черно и богомерзко, что позволишь нам совершить этот полет, и мы их утихомирим, и дадим тебе слово, что сразу вернемся. Если ты этого не сделаешь, они устроят изрядный погром, прежде чем вы с ними справитесь. Особенно с учетом того, что физически мы сильнее, а все ваши бойцы — наверху, у границы.

— И это ты еще всего не знаешь, — пробормотал Жляз.

Люцифер выдохнул черное облако и плюнул сквозь него, потом улыбнулся, и несколько камней раскололось (Жляз утверждал, что от жары, но у Ёка были по этому поводу свои мысли).

— Ну ладно. Поскольку моя религия — зло и коварство, я всегда готов воздать почести тем,

кто превосходит меня в злодействе. — Он отвесил поясной поклон. — Идите и остановите их сейчас же, иначе вам светит еще одна работенка по отстройке города. Даю вам свое самое гнуснейшее слово, что отпущу вас.

И они ушли.

* * *

Лампа для чтения в офисе Преза была единственным источником света в здании правительства. Он сидел за своим столом, раздумывая над военной картой.

Дверь была полуоткрыта. Ёк пинком распахнул ее полностью и вошел в кабинет. Он задержался, чтобы вежливо постучать в косяк.

— Дьявол! — заметил През. — Как вы вернулись? Вы ведь *на самом деле* туда летали? — он попеременно выглядел то хмурым, то озадаченным.

— Конечно, — ответил Жляз, возникнув позади Ёка и захлопнув дверь пинком. — Мы разобрались со всем, кроме нескольких мелочей. А сейчас разберемся и с ними, если ты не возражаешь. Как насчет нашей оплаты?

— В моем рабочем сейфе таких денег нет. К тому же разве у меня есть доказательства того, что вы

хоть что-то сделали?

— Завтра войска Ада отойдут от нашей границы. В течение месяца будут налажены дипломатические связи по поручению нового монарха, Люцифера XXXIII, с которым мы заключили сделку. Перемирия или дружбы не будет, но здоровый статус-кво восстановится.

— Вот когда все это случится, приходите ко мне за деньгами. А пока что прошу меня извинить… — През опустил взгляд на лежавшие перед ним документы.

— Нет, мы тебя не извиним, — сказал Ёк. — Нам нужен наш фунт мяса.

— В каком смысле?

Ёк достал свою карманную ацетиленовую горелку.

— Прежде чем мы используем ее на твоем сейфе, мы используем ее на тебе.

— Это абсурд! Я же сказал, что вы получите свои деньги, если ваши обещания окажутся правдой. Вам нужно только подождать.

— Ты не понимаешь, — объяснил Ёк. — Это чистой воды месть.

— За что?

— За то, что ты разбил ту анабиозную камеру в моей лаборатории после землетрясения.

— С чего бы я стал это делать?

Ёк начал загибать пальцы:

— 1) Ты понимал, что мне нужен будет серьезный повод отправиться в Преисподнюю, когда вы наконец меня найдете, и знал, что если я туда спущусь, то и Жляз тоже; 2) ты пуритански порицал мою «извращенность», из-за которой я сохранял жизнь человеческой самке; и 3) просто так, потому что тебе нравится ломать вещи (особенно живые), которые тебе не принадлежат.

— Бред! Какие у тебя есть доказательства?

— О, самые лучшие на свете — слова самой Жанны. Ее отлетевшая душа заметила, как ты резвился в моей лаборатории с ломом, прежде чем ее засосало в Ад. Позднее она узнала, что это было через три месяца после землетрясения. Утечки газа — не такая серьезная угроза, чтобы посылать инспекционную бригаду на следующий же день. Видишь ли, я *и впрямь* ее нашел. — Ёк зажег горелку. — Или ты туда заглянул, чтобы вместо меня вывести термитов, и обнаружил, что они взбесились?

През сглотнул, облизал фиолетово-синие губы.

— Вам это с рук не сойдет! Я — Президент всей Панмонстрической Ассоциации.

— Как и Тара Хуануа.

— За шесть тысяч лет времена изменились! Вас найдут! Где вы сумеете спрятаться? Такого места не существует!

— А вот и нет, — ответил Жляз, — место будет то же самое, и заниматься мы там будем тем же, чем и прежде, — злодействовать и помогать с перестройкой Преисподней. Новый Люцифер Аид опять даровал нам убежище на неограниченный срок. Так что, видишь ли, нам всего лишь придется дождаться, когда у следующего Преза возникнет проблема, деликатная настолько, что для ее решения потребуются наши особые таланты. Какая разница, что на это может уйти несколько веков? Мы можем даже сами ее сфабриковать. Нашей ценой будет помилование. А тем временем мы будем наслаждаться отпуском в теплых краях.

Они подошли ближе.

— Ладно, — поежился През. — Признаю, это я поломал твое оборудование и убил человечку. Другого способа заставить тебя сделать то, что мне нужно, я придумать не смог. На этот поступок меня сподвиг не злой умысел, а политическая необходимость. Мне нужен был рычаг воздействия. Государь, подобно оружию или силе, ни морален, ни аморален. Он отвечает на вызовы в

рамках доступных ему средств…

— Нечего тут Макиавелли цитировать, — сказал Жляз. — Им был я.

— К тому же, — добавил Ёк, на лице которого плясали странные тени, отбрасываемые голубым нимбом горелки, — поскольку Жанна говорит, что все было иначе, я предпочту поверить ей, а не тебе — хоть у человеческих самок и не лучшая репутация в плане правдивости. Она утверждает, что это была чистая злоба. Под твоим руководством тут все равно все разваливалось. Настало время перемен. Собственно, ходят слухи, что ты устроил это землетрясение сам, чтобы ввести чрезвычайный налог.

— Вот это точно ложь!

— Знаю, я сам пустил ее в народ сегодня вечером.

— Вам это с рук…

IV

Когда Ёк второй раз за двадцать лет ввалился в «Зипеновый подвальчик Грены», с ним был Жляз.

— Вот это, — Ёк ткнул пальцем, — Адон, мелкий божок плодородия, который вот-вот станет спасителем Преисподней. Довольно иронично,

прямо как в прошлый раз…

— Не о чем тут ностальгировать, — сказал Жляз. — В прошлый раз все вышло из-под контроля.

Но Ёк молча воззрился на свои ладони.

— Кхм, Адон. Могу я перекинуться с тобой словечком?

— Конечно, Ёк. Купи мне зипены.

— Ладно. — Он свистом заказал галлон. — Мы нашли тебе хорошую и очень престижную работу. Несколько поколений — и у тебя, возможно, даже выработается вкус к серному пиву.

— А что надо будет делать?

— Ну как же — то единственное, в чем ты хорош, разумеется. Целой культуре требуются твои, э-э… специфические умения, чтобы преодолеть особенно тяжелый исторический этап. Им нужен быстрый, искрометный переход от садизма к сексу.

— Отлично! Мне понадобится моя снаряга — рогатые маски, фаллические символы…

— Некогда. Там, куда мы отправляемся, полно рогов и целая куча непристойного вида камней.

— Хорошо. — Адон глотнул зипены. — Не знаете, там будут какие-нибудь мои знакомые?

— Только мы со Жлязом. — Ёк откинулся на

спинку стула. — Но у тебя быстро появятся друзья — у нас в каре снаружи даже есть целая толпа маленьких желтых существ в качестве группы поддержки.

— Здорово! — обрадовался Адон.

— Хм-м. — Жляз с благородным вздохом налил зипены и взглянул на часы.

У них еще было время для сентиментальных воспоминаний о минувшем.

Примечания

Роджер Желязны и Карл Йоук поочередно писали рассказы для «Архива», цикла историй о Жлязе и Ёке (от фамилий Желязны и Йоук), безалаберных, но хитрых монстрах, которые жили в пещерах ниже Парижа, но выше Преисподней и неподалеку от Люцетании, подолгу спали, поглощали огромное количество *зипены*, влипали и вылипали из абсурдных ситуаций и проваливали бо`льшую часть порученных им заданий. Истории также отличались большим количеством юмора и игры слов. «Упражнения в спасибтельстве» — единственный уцелевший рассказ, написанный Желязны для «Архива».

Карл Йоук написал: «“Спасибтельство” в названии — не опечатка, а остроумный неологизм,

комбинация слов “спасительство” и “спасибо”. Это новое слово отражает не только очередное спасение монами Преисподней, но и тот факт, что они помогают Люцетании избежать войны с адскими войсками и делают возможным процветание “Рая”, основанного Люцифером XXXIII и Жанной в нижнем царстве. А намек на “спасибо” подсказывает, что произошедшее, и то, что произойдет дальше, — к лучшему…

Помимо “спасибтельства” в рассказе есть и другая игра слов. «Преисподняя», как выясняется, это сокращение от “Прежаркая Империя Суровых Подлюцетанских Недр, Ядовитых и Яростных”. А “демон” — производная от словосочетания “деградировавший мон”… И, наконец, Авернскую Дверь Нижнего Царства (где Аверн — синоним Ада) можно сократить до “Адницы”, и надежные источники сообщают мне, что именно этим вариантом Ёк и Жляз обычно и пользовались…

Рассказ следует традиционной схеме “Архива”. През, у которого есть свои тайные интересы, обманом заставляет Ёка и Жляза взяться за задание. Они успешно разбираются с основной проблемой, но при этом “лажают” в чем-то еще. Здесь присутствует и обычная ирония: обратите внимание, например, на то, что Ёк и Жляз

собираются построить Ад заново: создать более добрый и мягкий Ад, в котором пытки заменит “здоровый” секс. А еще здесь есть предательство (их подставляет През). И юмор» [216].

Рассказ был написан в 1964 или 1965 году; Йоук вспоминает, как Желязны читал ему «Упражнения» в его квартире, пока жена Йоука нетерпеливо ждала, когда можно будет подавать обед.

Зипена — вымышленный любимый напиток Ёка и Жляза; Йоук и Желязны «однажды попытались приготовить зипену в подвале Роджера. За основу был взят томатный сок V-8, к которому мы добавили табаско, лакрицу и еще что-то — для алкоголя еще было рано — быть может, имбирный эль “Вернорс”, который мы пили наравне с “Пепси”. Вкус, как и положено, был ужасный» [217].

Адон (также известный как Адонис) — вечно молодой, ежегодно возрождающийся греческий бог плодородия и урожая. **Дионис** (также известный как Вакх или Бахус) — греческий бог плодородия, буйных экстатических рели-

---

[216] Примечания: 216

Из неопубликованного эссе Карла Б. Йоука «Комментарий к “Упражнениям в спасибтельстве”» (Commentary on “Studies in Saviory”).

[217] Примечания: 217

Письмо Карла Йоука доктору Кристоферу Ковачу от 8 января 2008 года.

гиозных обрядов и вина. **Приап** — еще один, второстепенный, греческий бог плодородия, часто изображавшийся с гипертрофированно большим фаллосом. **«Этрусский»** — имеющий отношение к народу Этрурии, цивилизации, достигшей своего пика в районе 500 года до н. э.

Люцетания или Лузитания — древнеримская область, существовавшая на территории современной Португалии. **Анубис** — древнеегипетский бог мумификации, изображавшийся с головой шакала. **Орфей** — герой древнегреческих мифов, получивший от богов разрешение вернуть себе свою умершую жену Эвридику, но не исполнивший их единственного условия — не оглядываться во время долгого пути из Аида. Орфей оглянулся, усомнившись, что Эвридика на самом деле следует за ним, и потерял ее навсегда.

Этос — фундаментальный характер, дух и верования культуры, то, что отличает ее от других. **Аверн** — расположенный неподалеку от Неаполя кратер, в древние времена считавшийся входом в ад.

Сталагмиты формируются на полу пещеры из капающей сверху минеральной воды. **УВЧ** — ультравысокие частоты. Поэт **Данте** Алигьери

описал в «Божественной комедии» свое вымышленное путешествие по Аду, Чистилищу и Раю; эта работа вдохновила многие из произведений Желязны. **Жанна д'Арк** — французская девушка, которая, вдохновившись религиозными видениями, возглавила сопротивление во время осады Орлеана; позднее ее сожгли на костре как ведьму.

Маршал — высшее воинское звание во Франции. **Жиль** де Лаваль, барон **де Ре**, также известный как маршал де Ре, был одним из сподвижников Жанны д'Арк и позднее прославился, став маршалом Франции, советником и камергером Карла VII. Сказка о **Синей Бороде**, заглавный персонаж которой убивает своих жен и прячет их тела в комнате своего замка, считается вдохновленной маршалом де Ре.

Элизиум — мифическое посмертие для героев и блаженных, сходное с Авалоном. Термин **«утопия»** («благое место») придумал сэр Томас Мор для своей одноименной книги 1516 года. Никколо ди Бернардо **Макиавелли** — итальянский государственный деятель и политический философ, считавший, что неэтичные средства могут быть необходимымы для получения и эффективного использования власти. **Сталактиты**

формируются на потолках пещер из насыщенной минералами воды.

Обмен репликами **«Довольно иронично, прямо как в прошлый раз… (…) В прошлый раз все вышло из-под контроля»** намекает, что Ёк и Жляз нечаянно создали христианство.

Примечание переводчика

Помимо имен главных героев, в английском тексте рассказа присутствует еще одна отсылка к создателям «Архива», неочевидная в руссском переводе: первые две буквы слова «zyphoam» — оригинального названия зипены, излюбленного напитка монов, — представляют собой первые буквы фамилий Zelazny и Yoke.

История публикаций

Портрет на фронтисписе — работа Джека Коэна, впервые появившаяся на обложке «Программы Маркона VII, 1972»; Желязны был почетным гостем этого конвента.

«Из ниоткуда» Роберта Силверберга впервые опубликовано в этом томе.

«Прежде Амбера» Карла Б. Йоука впервые опубликовано в этом томе.

«Роза для Екклесиаста» — *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, ноябрь 1963 г.

«И тьма жестока» — *Eucuyo*, 1954 г.

«Протест мистера Фуллера» — *Eucuyo*, 1954 г.

«Проверенный метод» — *Herk* № 1, 1954 г. Первая книжная публикация.

«Вечная юность» — *Eucuyo*, 1955 г. Первая книжная публикация.

«Видимость» — *Skyline* № 31, Кливлендский Университет Западного Резервного района, апрель 1958 г. Первая книжная публикация.

«Мистерия» — *Amazing Stories*, август 1962 г.

«Сердце — кладбище» — *Fantastic*, март 1964 г.

«Всадник!» — *Fantastic*, август 1962 г.

«Наставники спустились на колесе огня» — *Fantastic*, октябрь 1962 г. Первая книжная публикация.

«Безлуние в Византии» — *Amazing Stories*, декабрь 1962 г. Первая книжная публикация.

«По дороге в Спленобу» — *Fantastic*, январь 1963 г. Первая книжная публикация.

«Последняя вечеря» — *Fantastic*, февраль 1963. Первая книжная публикация.

«Кисть Борджиа» — *Amazing Stories*, март 1963. Первая книжная публикация.

«И девять звездолетов ждут» — *Fantastic*, март 1963 г. Первая книжная публикация.

«У Цирцеи свои проблемы» — *Amazing Stories*, апрель 1963 г.

«Коллекция Малатесты» — *Fantastic*, апрель 1963 г. Первая книжная публикация.

«Пиявка из нержавеющей стали» — *Amazing*, апрель 1963 г., под псевдонимом «Гаррисон Денмарк».

«Двери лица его, пламенники пасти его» — *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, март 1965 г.

«Ужасная красота» — *Fantastic*, апрель 1963 г., под псевдонимом «Гаррисон Денмарк».

«Монолог для двоих» — *Fantastic*, 1963 г., под псевдонимом «Гаррисон Денмарк». Первая книж-

ная публикация.

«Врата провидца» — *Fantastic*, май 1963 г. Первая книжная публикация.

«Музейный экспонат» — *Fantastic*, июнь 1963 г.

«Мое есть царство» — *Amazing*, август 1963 г., под псевдонимом «Гаррисон Денмарк». Первая книжная публикация.

«Перстень царя Соломона» — *Fantastic*, октябрь 1963 г. Первая книжная публикация.

«Белая ворона» — *Amazing Stories*, октябрь 1963 г. Первая книжная публикация.

«Великие неспешные короли» — *Worlds of Tomorrow*, декабрь 1963 г.

«Страсть коллекционера» — *Galaxy*, июнь 1964 г.

«У ночи есть 999 глаз» — *Double: Bill* № 11, октябрь-ноябрь 1964 г., под названием «У ночи есть девятьсот девяносто девять глаз».

«Придающий форму» — *Amazing*, январь и февраль 1965 г.

«Разрозненные заметки о классификации диббуков и тому подобном» — *Science Fiction Parade*, сентябрь 1964 г. Первая книжная публикация.

«”…И зовите меня Роджер”. Литературная биография Роджера Желязны, часть 1» Кристофера С. Ковача впервые опубликована в этом томе.

«Выплата под условием» — фэнзин *Thurban I*, № 3, август-сентябрь 1953 г. Первая книжная публикация.

«Рука хозяина» — возможно, печатался в неизвестном фэнзине, дата выхода неизвестна. Первая книжная публикация.

«Великий шелки залива Сан-Франциско» впервые опубликована в этом томе. Написана в 1965–68 гг.

«Упражнения в спасибтельстве» впервые опубликован в этом томе. Написан в 1964 или 1965 г.

Стихи

«Бракса» — *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, ноябрь 1963 г., как часть повести «Роза для Екклесиаста».

«Эпилог Екклесиаста», «Чувство и чувствительность», «Как стихи значат», «Харт Крейн…», «Хюбрис, или Опасность вершин», «В гараже Фелени», «Ответ чернокожего мальчика Уильяму Батлеру Йейтсу» и «Обряд Весны» впервые опубликованы в этом томе. Написаны в 1955–1960 гг. для сборника «Резец в небе».

«Бок» — «И полеты ангелов: жизнь и легенда Ханнеса Бока» (*And Flights of Angels: The Life and Legend of Hannes Bok*, составитель Эмиль Петая,

Мемориальный фонд Bokanalia, 1968) как «Без названия».

«Диета» — *Eucuyo*, 1954 г.

«Жижа» — *Eucuyo*, 1954 г. Первая книжная публикация.

«Молитва агностика» впервые опубликована целиком в романе «Порождения Света и Тьмы», Doubleday, 1969 г. Первая часть: «Порождения Света», *If*, ноябрь 1968 г.; вторая часть: «Стальной Генерал», *If*, январь 1969 г.

«13 мая 1937 года» впервые опубликовано в этом томе. Написано в 1965–1968 гг.

«Король-кактус», «Оттягиваясь на бейсболе», «”Поцелуй” Родена» и «Льдовековье» впервые опубликованы в сборнике «Круженье — это чудо-кошка», Underwood-Miller, 1981 г. Написаны в 1955–1960 гг. для сборника «Резец в небе».

«Наш индевеющий пусть сквозь вечер — кусты пылают окрест», «В песьем доме», «Грядущее, не будь нетерпеливо» и «Полет» впервые опубликованы в настоящем виде как часть повести «Сердце — кладбище» в журнале *Fantastic*, март 1964 г. Оригинальные версии написаны в 1955–1960 гг. под другими названиями.

«Мир Стата — хмельная летучая мышь…» публиковалось только как часть повести «И девять

звездолетов ждут».

«Кошка вылизывает шерстку» — *Tapeworm* № 5, 1967 г. Первая книжная публикация.

«К меланхоличной возлюбленной» — *Alternities* № 6, лето 1981 г.

«Старинный огайский народный бабах» — *Double: Bill* № 9, июнь 1964 г.

«Концерт» — *Double: Bill* № 11, октябрь-ноябрь 1964 г.

«Южный Крест» — Поэтический фэнзин *Eridanus* № 2 (весна 1966 года, под названием «Крест Карибский»). Написано в 1957 г. для сборника «Резец в небе».

«Я раньше думал строчками, которые вовсе не равнялись направо» — *Science Fiction* (Австралия), том 1, № 3, декабрь 1978 г.

«Св. Секер» — *Haunted* № 3, июнь 1968 г. Отредактированная версия публиковалась в сборнике «Круженье — это чудо-кошка», Underwood-Miller, 1981 г. Дополнительно отредактированная версия впервые опубликована в этом томе. Написано в 1955–1960 годах для сборника «Резец в небе».

«Декада плюс один о розах» — *Skyline* № 32, апрель 1959 г.

«Еще увидимся, возможно…» впервые опубликовано в этом томе. Написано 18 марта 1968 года.

Благодарности

Благодарностей заслуживают многие: Роджер Желязны, за труд всей его жизни — корпус произведений, который превратил работу над этим проектом в чистое счастье; моя жена, Лия Андерсон, без чьей поддержки этот проект никогда не был бы начат; Крис Ковач, который не только собрал исчерпывающий материал, но и своим анализом добавил проекту глубины; Энн Кримминс, за ее самоотдачу во всем, что касается грамматики; Роберт Силверберг и Карл Йоук, за их вдумчивые предисловия; Майкл Уэлан, за его фантастические иллюстрации для обложек, и Элис Льюис, за безукоризненный дизайн обложек и неоценимую помощь в других дизайнерских вопросах.

Также я благодарю Марка Олсона за помощь в производстве книги, Джери Салливан за советы по дизайну, Тима Сежуила за его нееослабевающую поддержку NESFA Press и нашу отважную банду корректоров:

Энн Брумхед, Джима Бертона, Энн Кримминс, Пэм Фремон, Лизу Хертел, Чипа Хичкока, Ри-

ка Катце, Криса Ковача, Сюзан Лау, Элис Льюис, Марка Олсона, Питера Олсона, Келли Персонс, Ларри Пфайффера, Шерон Сбарски, Ларри Сетлоу и Тима Сежуила.

Многие из вышеупомянутых людей помогали и с созданием электронных версий книг. Тим Сежуил и Рик Ковальчик оказали дополнительную помощь. Спасибо Тренту Желязны и новому литературному агенту Желязны, Джону Берлинну, за то, что позволили нам издать эту книгу.

Дэвид Д. Граббс

Декабрь 2008 г.; апрель 2023 г.

Создавая разделы «Слово Желязны», комментарии и литературную биографию, я полагался на множество людей. Некоторые из них способствовали активным поискам оригинальных рукописей, переписки, редких фэнзинов и малоизвестных интервью. Коллеги, родные и друзья Роджера Желязны помогали прояснять подробности и отметать слухи о его жизни и работе. Мои собственные коллеги помогали с переводами фраз с греческого, немецкого, японского и других иностранных языков. Приношу извинения всем, о ком мог забыть, составляя нижеследующий список:

Чарльз Ардай, Джон Айотт, Джордж Бем, Грег Бир, Джон Бетанкур, Пол Брэдфорд, Рик Брэдфорд, Нед Брукс, Лоис Макмастер Буджолд, Джон Кэллендер, Джордж Карайанниотис, Унг-Ил Чанг, Майкл Ситрак, Джованна Клэйрвал, Боб Коллинс, Ллойд Карри, Джек Данн, Сэмюэль Р. Дилени, Крис Девито, Денис Домин, Джейн Френк, Шелл Франклин, Пол Гилстер, Дейв Голдман, Саймон Госден, Эд Гринвуд, Джо Холдеман, Дэвид Хартвелл, Джеральд Хаусман, Дэвид Хэд, Грэм Холройд, Патрик Халман, Грант Хатчинсон, Том Джексон, Теодор Крулик, Беата Ланске, Уоррен Лапин, Элизабет Лаваль, Джейн Линдсколд, Джордж Р. Р. Мартин, Брайан Маккинни, Генри Морриссон, Кэри Моцена, Райас Нунинга, Ричард Патт, Грег Пикерсгилл, Боб Пайлант, Майк Резник, Энди Ричардс, Фрэд Саберхаген, Роджер Шлобин, Дин Шрам, Даррел Швайцер, Роберт Силверберг, Дэн Симмонс, Дин Уэсли Смит, Кент Сент-Андре, Ричард Стегалл, Дэвид Шулкин, Томас Т. Томас, Норрис Томлинсон, Стив Тилсон, Джон Ваниско, Эрик Вуйчик, Карл Йоук, Трент Желязны, Синди Цизинг и Скотт Зрубек.

Диана Кутер, Николетт Шнайдер, Лара Хмела

Бумаги Роджера Желязны, центр исследования специальных коллекций библиотеки Сиракуз-

ского университета.

Томас Бек, Сьюзен Грэм, Марша Пери, Шон Ласби

Коллекция фантастиковедения Азриэля Розенфельда, Мэрилендский университет, округ Балтимор.

Сара Стайл, Эрик Миленкевич, Одри Пирсон

Коллекции фэнзинов Брюса Пельца и Терри Карра, библиотека специальных коллекций Калифорнийского университета, Риверсайд.

Грег Прикман, Жак Ротлер, Кэтрин Ходсон, Джереми Бретт

Коллекция М. Хорвата, специальные коллекции библиотек Айовского университета.

Джилл Тэтем

Архив Кейсовского университета Западного резервного района.

Томас М. Уайтхэд

Коллекция Уайтхэда, отдел специальных коллекций библиотек Университета Темпл.

Патти Тисл, Дион Фаулау, Джордж Беккетт

Отдел предоставления документов, библиотека медицинских наук Мемориального университета Ньюфаундленда.

А теперь я должен выразить несколько персональных благодарностей. Разумеется, ничего

этого не случилось бы, если бы Роджер Желязны не создал те истории и персонажей, к которым я возвращаюсь снова и снова. Когда я наконец встретился с ним на Ad Astra 1986 года, я прервал его стремительное отбытие с конвента, попросив «мистера Желязны» подписать книги, которые принес с собой. Он доброжелательно исполнил эту просьбу и просьбы моих спутников. «Ну что, все довольны? Ну ладно, я в аэропорт» — и последней его обращенной ко мне фразой было: «…И зовите меня Роджер». Это воспоминание и подарило достойное название опубликованной в данном собрании монографии.

Моя мать вручила мне издание «Девяти принцев Амбера» в мягкой обложке одним скучным днем, когда я пожаловался, что мне нечего читать, а потом родители объехали со мной бессчетное количество магазинов, торговавших новыми и букинистическими изданиями, в моем первом квесте по поиску всех книг Желязны. Теперь, благодаря интернету, поиск стал гораздо проще, и я не смог бы собрать бо`льшую часть этого материала, если бы мне приходилось полагаться на личные изыскания и бумажную почту. Мой приятель Эд Хью и его кузены отвезли меня на Ad Astra, где и произошла та судьбоносная встреча.

Дейв Граббс поверил в этот проект и сражался за его успех, когда мое участие заставило его расшириться сверх всяких ожиданий, а Энн Кримминс полола, рубила и порой жгла огнеметом, превращая мой зачастую безликий текст в нечто читабельное. И все это было бы невозможно без помощи моей бывшей жены Сьюзен и наших детей, Кайли и Джеймисона, которые терпели мои внеплановые отъезды и прочие отрезки времени, поглощенные реализацией этого проекта. Если они станут закатывать глаза при упоминании Желязны, теперь вы знаете, почему. То, что Сьюзен тоже родилась 13 мая, или то, что моя фамилия так же связана с кузнечным делом, — всего лишь примеры тех Странных и Причудливых Жизненных Совпадений, которые я осознал, работая над этим проектом. А вот то, что одного из наших любимых голден ретриверов звали Амбер, к числу этих совпадений *не* относится.

Невероятно, но прошло уже четырнадцать лет с тех пор, как эти книги впервые увидели свет, и все это время за кулисами шла активная работа по исправлению опечаток, редактуре примечаний и биографии, выпуску исправленных печатных изданий, а теперь (наконец-то!) и электронных версий. Дейв Граббс продолжает свой героиче-

ский труд, за что я снимаю перед ним шляпу. В напечатанный выше список благодарностей было добавлено множество новых имен. Но важнее всего для меня сейчас поблагодарить мою невесту Лизу Сэмуэйс за ее неколебимую любовь и поддержку меня и всех моих начинаний.

Доктор Кристофер Ковач

Декабрь 2008 г.; апрель 2023 г.

Я хочу поблагодарить своих дочерей Фиону и Дейдру, которых я таскала на коны в детстве и которые выросли такими же любительницами НФ и фэнтези, как и я сама. Особенная благодарность — моему мужу Питеру Гаврилюку за терпение, поддержку и за то, что он избавил нас от пробок у компьютера, купив себе ноутбук. Спасибо Элизабет Заборскис Фернандес за помощь с испанским языком. Дейв и Крис, я рада была работать с вами. Спасибо также многочисленным кошкам Кримминсов/Гаврилюков, согревавшим мне колени в процессе редактуры.

И, наконец, спасибо NESFA Press и множеству фэнов Желязны, которые доказали, что эти классические образцы жанра должны быть доступны читателям как сейчас, так и в будущем.

Энн Кримминс

Декабрь 2008 г.; апрель 2023 г.